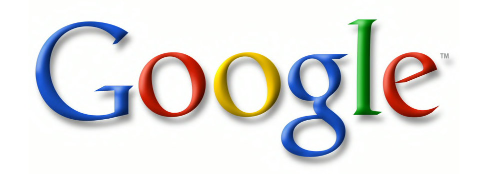
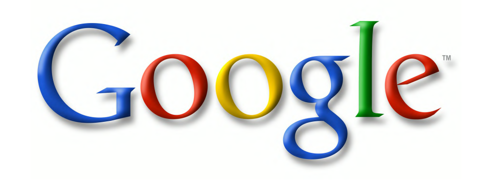

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

о

КАСИМОВСКИХЪ ЦАРЯХЪ

и

ЦАРЕВИЧАХЪ.

В. В. Вельяминова-Зернова,

…на Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительнаго Члена и Секретаря …ператорскаго Археологическаго Общества, и Дѣйствительнаго члена Импе-…рскаго Русскаго Географическаго Общества и Германскаго Общества Оріенталистовъ въ Лейпцигѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Съ четырьмя таблицами.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

о

КАСИМОВСКИХЪ ЦАРЯХЪ

и

ЦАРЕВИЧАХЪ.

В. В. Вельяминова-Зернова,

Члена Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительнаго Члена и Секретаря Императорскаго Археологическаго Общества, и Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Германскаго Общества Оріенталистовъ въ Лейпцигѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Съ четырьмя таблицами.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1863.

Перепечатано изъ IX Части Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Городъ Касимовъ служилъ нѣкогда столицею ханамъ и султанамъ Татарскимъ. Продолжалось это болѣе 200 лѣтъ, отъ эпохи Василія Темнаго до начала царствованія Петра Великаго. Еще теперь слѣды пребыванія въ Касимовѣ особыхъ царей и царевичей не совсѣмъ исчезли. Въ самомъ городѣ остались отъ нихъ памятники; а Татары, обитающіе внутри Россіи, въ своихъ разсказахъ часто вспоминаютъ о ханахъ Касимовскихъ. Имъ, наравнѣ съ прочими царями: Казанскими, Астраханскими и др., приписываютъ они разныя дѣла и подвиги. Нѣкоторыя мѣста, даже отдаленныя отъ Касимова, носятъ названія въ честь Касимовскихъ царей или царевичей. Такъ, еще въ прошломъ столѣтіи существовало преданіе, будто Царевъ курганъ, на Волгѣ, близъ устья р. Сока, получилъ прозвище Царева отъ какого-то Касимовскаго царевича, который имѣлъ тамъ свою усадьбу, отъ чего Царевщиною же звалось и находившееся при курганѣ село (Лепехинъ. Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Ч. 1. 2 изд. Спб. 1795, стр. 234).

Касимовское царство основалось случайно. Великій князь Василій II, желая противопоставить кого либо изъ

Татаръ опасному хану Казанскому, и имѣя у себя подъ руками выѣзжаго царевича Казанскаго, Касима, пожаловалъ ему въ удѣлъ Мещерскій городокъ на Окѣ, на́звавшійся въ послѣдствіи въ честь Касима, Касимовымъ.

Точно также случайно упрочилось и существованіе царства: По мѣрѣ того какъ власть Русская стала возрастать, начали зачастую выѣзжать къ намъ цари и царевичи Татарскіе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ приглашало къ себѣ изъ политическихъ видовъ Русское правительство; другіе приходили сами искать убѣжища или помощи. Государи Московскіе, обязанные при тогдашнихъ обстоятельствахъ честить и содержать всѣхъ этихъ заѣзжихъ гостей, придумали, для своего же облегченія, раздавать имъ города въ удѣлъ или въ кормленье. Такихъ городовъ было много: Серпуховъ, Звенигородъ, Кашира, Юрьевъ, Сурожикъ управлялись въ различныя времена ханами и султанами. Въ число городовъ этихъ попалъ и Касимовъ. Нигдѣ не упрочилась власть Татарскихъ царей и царевичей: посидитъ въ Серпуховѣ, Звенигородѣ или другомъ мѣстѣ ханъ или султанъ, отъѣдетъ, или умретъ, и тѣмъ дѣло кончится. Въ Касимовѣ же вышло иное: городъ пустъ не оставался. Причины тому понятны. Касимовъ заселенъ былъ издавна Татарами и иновѣрцами; по этому и выѣзжіе къ намъ цари и царевичи охотились преимущественно на него. Въ добавокъ, и государямъ Московскимъ было выгодно въ извѣстную эпоху, имѣть постоянно въ Касимовѣ преданнаго хана или султана, для противо-

дѣйствія Казани и другимъ сосѣднимъ землямъ Татарскимъ.

Случайность, съ которою образовалось царство Касимовское, и исключительность его положенія въ Россіи, замѣтно отразились на его внутреннемъ бытѣ и устройствѣ. Составилось ханство своеобразное, рѣзко отдѣлявшееся отъ другихъ царствъ Татарскихъ, основавшихся на развалинахъ Золотой орды. Не было въ немъ даже особой династіи царей. Владѣльцы назначались исключительно по выбору Московскихъ государей, которые руководствовались въ этомъ случаѣ своими политическими соображеніями. Сынъ рѣдко наслѣдовалъ отцу; цари даже не всегда были родственниками между собой. Лишь въ послѣднее время, когда прекратился слишкомъ частый выѣздъ къ намъ царей и царевичей Татарскихъ, и самое ханство Касимовское, съ перемѣною обстоятельствъ, утратило всякій смыслъ, одна изъ линій потомства Сибирскаго хана Кучума кое-какъ удержала за собою право наслѣдованія, сидя въ городѣ болѣе для вида, нежели для дѣла. Мало того, въ Касимовѣ самый титулъ царскій или ханскій не былъ сопряженъ со званіемъ владѣльца. Въ теченіи двухъ-сотъ лѣтъ въ Касимовѣ смѣнилось много владѣльцовъ; титуломъ же ханскимъ пользовались только тѣ изъ нихъ, которые до пожалованія имъ городка были гдѣ либо, въ Казани или въ другихъ странахъ, дѣйствительными ханами, или тѣ, которымъ право носить титулъ хана было предоставлено особымъ повелѣніемъ государя Московскаго. Съ своей стороны продолжительное пре-

бываніе въ Касимовѣ Татарскихъ хановъ и султановъ, выѣзжихъ изъ разныхъ странъ, и бдительный надзоръ Русскаго правительства, которое не дозволяло имъ ступить ни шага безъ своего вѣдома и приказанія, породили въ ханствѣ странную во многихъ отношеніяхъ смѣсь разноземельныхъ Татарскихъ обычаевъ съ учрежденіями чисто Русскими.

Изучить всѣ явленія, представляемыя исторіею Касимовскаго ханства—вопросъ важный, какъ для узнанія древней Руси, такъ и для ознакомленія съ бытомъ прежнихъ Татаръ. Между тѣмъ, до сихъ поръ никто надлежащимъ образомъ не занимался разработкою этого вопроса. Объ исторіи Касимовскаго царства писано было немного; да и то немногое, что было сдѣлано, полно ошибокъ. Отъ чего произошло это — на то были причины своего рода. Свѣдѣнія, имѣющіяся о прежнемъ Касимовѣ и о тамошнихъ царяхъ, по большей части отрывочныя, до того разсѣяны по источникамъ разнаго рода, что невольно уничтожалась охота заняться предметомъ, который съ перваго взгляда казался неблагодарнымъ. Скажемъ болѣе, въ кругу ученомъ существовало даже мнѣніе, что матеріалы о Касимовѣ слишкомъ скудны, и что съ помощью ихъ едва ли можно притти къ какимъ либо особеннымъ результатамъ. Къ тому же чтобы возсоздать исторію Касимовскаго ханства, необходимо было взяться за это дѣло лицу, знакомому съ одной стороны съ бытомъ Руси, а съ другой — съ языками и литтературою востока. Наши же оріенталисты, которые одни могли бы приняться за по-

добный трудъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ мало обращали вниманія на исторію Татаръ въ связи съ исторіею древней Руси, часто предоставляя разъясненіе всѣхъ важныхъ вопросовъ, рождающихся на этой почвѣ либо иностраннымъ оріенталистамъ незнавшимъ языка Русскаго, либо Русскимъ мало свѣдущимъ въ томъ, что касается востока.

Недостатокъ въ ученой литтературѣ относительно прежней исторіи Касимова я задумалъ пополнить. Цѣлью себѣ я поставилъ прослѣдить исторію Касимовскаго ханства отъ начала до конца. Трудъ мой совершенно оконченный рѣшаюсь нынѣ представить на судъ отечественныхъ ученыхъ.

Въ моемъ трудѣ я собралъ въ одно цѣлое все что только могъ найти о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, и о самомъ Касимовѣ и тамошнихъ Татарахъ за періодъ времени существованія ханства. Эпохи предшествовавшей учрежденію царства и послѣдовавшей за его уничтоженіемъ, коснулся я только въ немногихъ словахъ. Иначе мнѣ привелось бы отдалиться отъ моей задачи, и углубиться въ такого рода розысканія, которыя сами по себѣ могутъ составить предметъ отдѣльнаго и обширнаго сочиненія. Такимъ образомъ вопросъ, по существу своему весьма важный, о народахъ обитавшихъ въ прежней Мещерѣ, и о первобытномъ состояніи этого края, оставленъ мною за недостаткомъ времени и мѣста почти нетронутымъ.

Собралъ я о Касимовскомъ царствѣ свѣдѣній много. Доказательствомъ уже служитъ самый объемъ моего

сочиненія. Признаюсь откровенно, приступая къ труду, я и самъ не думалъ отъискать столь большаго числа свѣдѣній разнородныхъ и частью совершенно новыхъ. Тѣмъ не менѣе, при всей добросовѣстности, съ которою я старался выполнить возложенную на себя задачу, я еще далеко не исчерпалъ всего предмета. *Во первыхъ*, я могъ легко упустить изъ виду, или забыть нѣкоторые факты, даже нелишенные значенія. *Во вторыхъ*, сочиненіе мое во многихъ отношеніяхъ неполно. Такъ собственно о Касимовѣ и о Татарахъ тамошнихъ, въ особенности же объ образѣ управленія Касимова при ханахъ, и вообще обо всемъ что имѣетъ связь съ внутреннею жизнію народа, я сравнительно собралъ мало данныхъ. По этимъ вопросамъ, едва ли не важнѣйшимъ изо всѣхъ, не достало у меня источниковъ и матеріаловъ. Собственное сознаніе въ неполнотѣ моего сочиненія и принудило меня дать ему болѣе скромное заглавіе: «Ислѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». Былъ бы весьма радъ, если бы кто либо со временемъ открывъ новыя данныя, взялся дополнить и улучшить трудъ мой. Буду и тѣмъ доволенъ, если за мною останется тогда одно достоинство первой попытки въ дѣлѣ, остававшемся до меня непочатымъ.

Источниковъ служившихъ для составленія моего труда, я здѣсь не указываю подробно, потому что въ концѣ сочиненія приложенъ будетъ особый и полный списокъ всѣхъ источниковъ и сочиненій, которыми я руководствовался при моихъ изслѣдованіяхъ и розысканіяхъ. Въ настоящемъ случаѣ ограничусь только

указаніемъ трехъ источниковъ любопытныхъ, которые были предоставлены въ мое распоряженіе Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, и хранятся въ его библіотекѣ.

1) *Башмаковская разрядная книга*, означенная у меня подъ сокращеніемъ: *Башм. разр. кн.* Она принадлежала нѣкогда Марку Григорьевичу Башмакову, и прислана была Обществу изъ села Святова (Владимірской губерніи Переяславскаго уѣзда) священникомъ Цвѣтковымъ; ее разсматривалъ и описалъ покойный М. А. Коркуновъ (Извѣстія Импер. Археол. Общ. Т. I. стр. 228—231).

2) *Собраніе снимковъ и копій съ надписей на надгробныхъ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ въ Касимовѣ.* Собраніе это составлено было въ 1860 г. Членомъ-сотрудникомъ Общества и преподавателемъ Татарскаго языка при С. Петербургскомъ Университетѣ, даровитымъ и опытнымъ въ дѣлѣ разбора и чтенія старинныхъ Татарскихъ надписей, муллою Хусейномъ Фейзъ-хановымъ. Мулла Хусейнъ ѣздилъ нарочно лѣтомъ 1860 г. въ Касимовъ, по порученію Общества. Прибывъ въ городъ, онъ внимательно осмотрѣлъ всѣ мѣста, гдѣ могли сохраниться памятники временъ царей и царевичей. Труды его не остались безплодны: ему удалось найти довольно значительное число надгробныхъ памятниковъ и камней, съ Арабско-Татарскими надписями. Съ надписей хорошо сохранившихся онъ снялъ снимки, съ другихъ же списалъ точныя копіи. Нѣкоторыя изъ надписей, снятыхъ и списанныхъ муллою Фейзъ-хановымъ, были

сочиненія. Признаюсь откровенно, приступая къ труду, я и самъ не думалъ отыскать столь большаго числа свѣдѣній разнородныхъ и частью совершенно новыхъ. Тѣмъ не менѣе, при всей добросовѣстности, съ которою я старался выполнить возложенную на себя задачу, я еще далеко не исчерпалъ всего предмета. *Во первыхъ*, я могъ легко упустить изъ виду, или забыть нѣкоторые факты, даже нелишенные значенія. *Во вторыхъ*, сочиненіе мое во многихъ отношеніяхъ неполно. Такъ собственно о Касимовѣ и о Татарахъ тамошнихъ, въ особенности же объ образѣ управленія Касимова при ханахъ, и вообще обо всемъ что имѣетъ связь съ внутреннею жизнію народа, я сравнительно собралъ мало данныхъ. По этимъ вопросамъ, едва ли не важнѣйшимъ изо всѣхъ, не достало у меня источниковъ и матеріаловъ. Собственное сознаніе въ неполнотѣ моего сочиненія и принудило меня дать ему болѣе скромное заглавіе: «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». Былъ бы весьма радъ, если бы кто либо со временемъ открывъ новыя данныя, взялся дополнить и улучшить трудъ мой. Буду и тѣмъ доволенъ, если за мною останется тогда одно достоинство первой попытки въ дѣлѣ, остававшемся до меня непочатымъ.

Источниковъ служившихъ для составленія моего труда, я здѣсь не указываю подробно, потому что въ концѣ сочиненія приложенъ будетъ особый и полный списокъ всѣхъ источниковъ и сочиненій, которыми я руководствовался при моихъ изслѣдованіяхъ и розысканіяхъ. Въ настоящемъ случаѣ ограничусь только

указаніемъ трехъ источниковъ любопытныхъ, которые были предоставлены въ мое распоряженіе Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, и хранятся въ его библіотекѣ.

1) *Башмаковская разрядная книга*, означенная у меня подъ сокращеніемъ: *Башм. разр. кн.* Она принадлежала нѣкогда Марку Григорьевичу Башмакову, и прислана была Обществу изъ села Святова (Владимірской губерніи Переяславскаго уѣзда) священникомъ Цвѣтковымъ; ее разсматривалъ и описалъ покойный М. А. Коркуновъ (Извѣстія Импер. Археол. Общ. Т. I. стр. 228—231).

2) *Собраніе снимковъ и копій съ надписей на надгробныхъ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ въ Касимовѣ.* Собраніе это составлено было въ 1860 г. Членомъ-сотрудникомъ Общества и преподавателемъ Татарскаго языка при С. Петербургскомъ Университетѣ, даровитымъ и опытнымъ въ дѣлѣ разбора и чтенія старинныхъ Татарскихъ надписей, муллою Хусейномъ Фейзъ-хановымъ. Мулла Хусейнъ ѣздилъ нарочно лѣтомъ 1860 г. въ Касимовъ, по порученію Общества. Прибывъ въ городъ, онъ внимательно осмотрѣлъ всѣ мѣста, гдѣ могли сохраниться памятники временъ царей и царевичей. Труды его не остались безплодны: ему удалось найти довольно значительное число надгробныхъ памятниковъ и камней, съ Арабско-Татарскими надписями. Съ надписей хорошо сохранившихся онъ снялъ снимки, съ другихъ же списалъ точныя копіи. Нѣкоторыя изъ надписей, снятыхъ и списанныхъ муллою Фейзъ-хановымъ, были

Перепечатано изъ IX Части Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Городъ Касимовъ служилъ нѣкогда столицею ханамъ и султанамъ Татарскимъ. Продолжалось это болѣе 200 лѣтъ, отъ эпохи Василія Темнаго до начала царствованія Петра Великаго. Еще теперь слѣды пребыванія въ Касимовѣ особыхъ царей и царевичей не совсѣмъ исчезли. Въ самомъ городѣ остались отъ нихъ памятники; а Татары, обитающіе внутри Россіи, въ своихъ разсказахъ часто вспоминаютъ о ханахъ Касимовскихъ. Имъ, наравнѣ съ прочими царями: Казанскими, Астраханскими и др., приписываютъ они разныя дѣла и подвиги. Нѣкоторыя мѣста, даже отдаленныя отъ Касимова, носятъ названія въ честь Касимовскихъ царей или царевичей. Такъ, еще въ прошломъ столѣтіи существовало преданіе, будто Царевъ курганъ, на Волгѣ, близъ устья р. Сока, получилъ прозвище Царева отъ какого-то Касимовскаго царевича, который имѣлъ тамъ свою усадьбу, отъ чего Царевщиною же звалось и находившееся при курганѣ село (Лепехинъ. Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Ч. 1. 2 изд. Спб. 1795, стр. 234).

Касимовское царство основалось случайно. Великій князь Василій III, желая противопоставить кого либо изъ

Татаръ отдѣльному хану Казанскому, и имѣя у себя подъ руками выѣхавшаго царевича Казанскаго, Касима, пожаловалъ ему въ удѣлъ Мещерскій городокъ на Окѣ, называвшійся въ послѣдствіи въ честь Касима, Касимовымъ.

Точно также случайно упрочилось и существованіе царства. По мѣрѣ того какъ власть Русская стала возрастать, начали зачастую выѣзжать въ Русь цари и царевичи Татарскіе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ привлекало къ себѣ изъ политическихъ видовъ Русское правительство, другіе изъявляли сами желаніе убѣжища или помощи. Государи Московскіе, обыкновенно при торжественныхъ обстоятельствахъ честивъ и одаривъ всѣхъ этихъ знатныхъ гостей, [illegible]. Для своего же обезпеченія, отдавали имъ города въ удѣлъ или въ кормленіе. Такихъ городовъ было много: Серпуховъ, Звенигородъ, Кашира, Юрьевъ, Сурожикъ [illegible] въ [illegible] и [illegible]. Въ числѣ городовъ этихъ попалъ и Касимовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ случалось, что [illegible] Татарскихъ царей и царевичей [illegible] въ Серпуховѣ, Звенигородѣ или другихъ мѣстахъ [illegible] или [illegible], или умретъ, и тѣмъ дѣло кончится. Въ Касимовѣ же вышло иначе: городъ этотъ не остался [illegible]. Причины того понятны. Касимовъ заселенъ былъ [illegible] Татарами и [illegible]; по этому и [illegible] къ намъ цари и царевичи [illegible] преимущественно за него. Въ [illegible] и [illegible] Касимовскимъ были [illegible] въ [illegible], [illegible] преимущественно въ Касимовъ [illegible] или [illegible], для [illegible]-

дѣйствія Казани и другимъ сосѣднимъ землямъ Татарскимъ.

Случайность, съ которою образовалось царство Касимовское, и исключительность его положенія въ Россіи, замѣтно отразились на его внутреннемъ бытѣ и устройствѣ. Составилось ханство своеобразное, рѣзко отдѣлявшееся отъ другихъ царствъ Татарскихъ, основавшихся на развалинахъ Золотой орды. Не было въ немъ даже особой династіи царей. Владѣльцы назначались исключительно по выбору Московскихъ государей, которые руководствовались въ этомъ случаѣ своими политическими соображеніями. Сынъ рѣдко наслѣдовалъ отцу; цари даже не всегда были родственниками между собой. Лишь въ послѣднее время, когда прекратился слишкомъ частый выѣздъ къ намъ царей и царевичей Татарскихъ, и самое ханство Касимовское, съ перемѣною обстоятельствъ, утратило всякій смыслъ, одна изъ линій потомства Сибирскаго хана Кучума кое-какъ удержала за собою право наслѣдованія, сидя въ городѣ болѣе для вида, нежели для дѣла. Мало того, въ Касимовѣ самый титулъ царскій или ханскій не былъ сопряженъ со званіемъ владѣльца. Въ теченіи двухъсотъ лѣтъ въ Касимовѣ смѣнилось много владѣльцовъ; титуломъ же ханскимъ пользовались только тѣ изъ нихъ, которые до пожалованія имъ городка были гдѣ либо, въ Казани или въ другихъ странахъ, дѣйствительными ханами, или тѣ, которымъ право носить титулъ хана было предоставлено особымъ повелѣніемъ государя Московскаго. Съ своей стороны продолжительное пре-

бываніе въ Касимовѣ Татарскихъ хановъ и султановъ, выѣзжихъ изъ разныхъ странъ, и бдительный надзоръ Русскаго правительства, которое не дозволяло имъ ступить ни шага безъ своего вѣдома и приказанія, породили въ ханствѣ странную во многихъ отношеніяхъ смѣсь разноземельныхъ Татарскихъ обычаевъ съ учрежденіями чисто Русскими.

Изучить всѣ явленія, представляемыя исторіею Касимовскаго ханства—вопросъ важный, какъ для узнанія древней Руси, такъ и для ознакомленія съ бытомъ прежнихъ Татаръ. Между тѣмъ, до сихъ поръ никто надлежащимъ образомъ не занимался разработкою этого вопроса. Объ исторіи Касимовскаго царства писано было немного; да и то немногое, что было сдѣлано, полно ошибокъ. Отъ чего произошло это — на то были причины своего рода. Свѣдѣнія, имѣющіяся о прежнемъ Касимовѣ и о тамошнихъ царяхъ, по большей части отрывочныя, до того разсѣяны по источникамъ разнаго рода, что невольно уничтожалась охота заняться предметомъ, который съ перваго взгляда казался неблагодарнымъ. Скажемъ болѣе, въ кругу ученомъ существовало даже мнѣніе, что матеріалы о Касимовѣ слишкомъ скудны, и что съ помощью ихъ едва ли можно притти къ какимъ либо особеннымъ результатамъ. Къ тому же чтобы возсоздать исторію Касимовскаго ханства, необходимо было взяться за это дѣло лицу, знакомому съ одной стороны съ бытомъ Руси, а съ другой — съ языками и литтературою востока. Наши же оріенталисты, которые одни могли бы приняться за по-

добный трудъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ мало обращали вниманія на исторію Татаръ въ связи съ исторіею древней Руси, часто предоставляя разъясненіе всѣхъ важныхъ вопросовъ, рождающихся на этой почвѣ либо иностраннымъ оріенталистамъ незнавшимъ языка Русскаго, либо Русскимъ мало свѣдущимъ въ томъ, что касается востока.

Недостатокъ въ ученой литтературѣ относительно прежней исторіи Касимова я задумалъ пополнить. Цѣлью себѣ я поставилъ прослѣдить исторію Касимовскаго ханства отъ начала до конца. Трудъ мой совершенно оконченный рѣшаюсь нынѣ представить на судъ отечественныхъ ученыхъ.

Въ моемъ трудѣ я собралъ въ одно цѣлое все что только могъ найти о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, и о самомъ Касимовѣ и тамошнихъ Татарахъ за періодъ времени существованія ханства. Эпохи предшествовавшей учрежденію царства и послѣдовавшей за его уничтоженіемъ, коснулся я только въ немногихъ словахъ. Иначе мнѣ привелось бы отдалиться отъ моей задачи, и углубиться въ такого рода розысканія, которыя сами по себѣ могутъ составить предметъ отдѣльнаго и обширнаго сочиненія. Такимъ образомъ вопросъ, по существу своему весьма важный, о народахъ обитавшихъ въ прежней Мещерѣ, и о первобытномъ состояніи этого края, оставленъ мною за недостаткомъ времени и мѣста почти нетронутымъ.

Собралъ я о Касимовскомъ царствѣ свѣдѣній много. Доказательствомъ уже служитъ самый объемъ моего

сочиненія. Признаюсь откровенно, приступая къ труду, я и самъ не думалъ отъискать столь большаго числа свѣдѣній разнородныхъ и частью совершенно новыхъ. Тѣмъ не менѣе, при всей добросовѣстности, съ которою я старался выполнить возложенную на себя задачу, я еще далеко не исчерпалъ всего предмета. *Во первыхъ*, я могъ легко упустить изъ виду, или забыть нѣкоторые факты, даже нелишенные значенія. *Во вторыхъ*, сочиненіе мое во многихъ отношеніяхъ неполно. Такъ собственно о Касимовѣ и о Татарахъ тамошнихъ, въ особенности же объ образѣ управленія Касимова при ханахъ, и вообще обо всемъ что имѣетъ связь съ внутреннею жизнію народа, я сравнительно собралъ мало данныхъ. По этимъ вопросамъ, едва ли не важнѣйшимъ изо всѣхъ, не достало у меня источниковъ и матеріаловъ. Собственное сознаніе въ неполнотѣ моего сочиненія и принудило меня дать ему болѣе скромное заглавіе: «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». Былъ бы весьма радъ, если бы кто либо со временемъ открывъ новыя данныя, взялся дополнить и улучшить трудъ мой. Буду и тѣмъ доволенъ, если за мною останется тогда одно достоинство первой попытки въ дѣлѣ, остававшемся до меня непочатымъ.

Источниковъ служившихъ для составленія моего труда, я здѣсь не указываю подробно, потому что въ концѣ сочиненія приложенъ будетъ особый и полный списокъ всѣхъ источниковъ и сочиненій, которыми я руководствовался при моихъ изслѣдованіяхъ и розысканіяхъ. Въ настоящемъ случаѣ ограничусь только

указаніемъ трехъ источниковъ любопытныхъ, которые были предоставлены въ мое распоряженіе Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, и хранятся въ его библіотекѣ.

1) *Башмаковская разрядная книга*, означенная у меня подъ сокращеніемъ: *Баш.м. разр. кн.* Она принадлежала нѣкогда Марку Григорьевичу Башмакову, и прислана была Обществу изъ села Святова (Владимірской губерніи Переяславскаго уѣзда) священникомъ Цвѣтковымъ; ее разсматривалъ и описалъ покойный М. А. Коркуновъ (Извѣстія Импер. Археол. Общ. Т. I. стр. 228—231).

2) *Собраніе снимковъ и копій съ надписей на надгробныхъ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ въ Касимовѣ.* Собраніе это составлено было въ 1860 г. Членомъ-сотрудникомъ Общества и преподавателемъ Татарскаго языка при С. Петербургскомъ Университетѣ, даровитымъ и опытнымъ въ дѣлѣ разбора и чтенія старинныхъ Татарскихъ надписей, муллою Хусейномъ Фейзъ-хановымъ. Мулла Хусейнъ ѣздилъ нарочно лѣтомъ 1860 г. въ Касимовъ, по порученію Общества. Прибывъ въ городъ, онъ внимательно осмотрѣлъ всѣ мѣста, гдѣ могли сохраниться памятники временъ царей и царевичей. Труды его не остались безплодны: ему удалось найти довольно значительное число надгробныхъ памятниковъ и камней, съ Арабско-Татарскими надписями. Съ надписей хорошо сохранившихся онъ снялъ снимки, съ другихъ же списалъ точныя копіи. Нѣкоторыя изъ надписей, снятыхъ и списанныхъ муллою Фейзъ-хановымъ, были

уже извѣстны ученому міру, но въ Русскихъ старинныхъ переводахъ, большею частью ошибочныхъ; всѣ же остальныя надписи совершенно новы. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе заявить о счастливомъ результатѣ трудовъ муллы Хусейна, что самая поѣздка его въ Касимовъ была совершена по предложенію сдѣланному мною въ Обществѣ (Извѣстія Импер. Археол. Общ. Т. II, стр. 395; Т. III, стр. 175, 511, 512). *).

3) *Бумаги И. С. Гагина.* Гагинъ былъ мѣщанинъ Касимовскій и имѣлъ врожденную страсть къ чтенію и занятіямъ. Онъ родился въ 1770 г., жилъ безвыѣздно въ Касимовѣ и скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 1-го октября 1844 г. Жизнь его описана М. П. Погодинымъ въ статьѣ: «Житейская мудрость», напечатанной въ журналѣ: «Сельское Хозяйство (№ 1, 1860. Смѣсь, стр. 10, 11). Гагинъ оставилъ по себѣ большую связку собственныхъ своихъ рукописныхъ сочиненій, и разнаго рода выписокъ и плановъ, касающихся большею частью Касимова. Бумаги эти перешли сначала къ Б. И. Арсеньеву, а потомъ къ М. П. Погодину. Въ ноябрѣ 1860 г. Археологическое Общество, имѣя въ виду, что я уже занимаюсь изслѣдованіемъ о Касимовѣ, обратилось къ М. П. Погодину, съ просьбою передать въ распоряженіе Общества означенныя бумаги, въ томъ случаѣ, если онъ самъ не думаетъ дать имъ другаго какого нибудь назначенія. М. П. Погодинъ,

*) [illegible]

съ свойственною ему любезностью, исполнилъ просьбу Общества, и тотчасъ же переслалъ всѣ бумаги Гагина. Собственныя сочиненія и изслѣдованія Гагина всѣ писаны языкомъ тяжелымъ, и ничего новаго и полезнаго не представляютъ; но между выписками и планами находится нѣсколько документовъ и чертежей любопытныхъ (Извѣстія Импер. Археол. Общ., Т. II, стр. 377, 378 и Т. III, стр. 165 — 167).

Система мною, при составленіи труда, принята была слѣдующая. Сочиненіе расположено въ хронологическомъ порядкѣ, по временамъ управленія царей и царевичей. При каждомъ сообщаемомъ фактѣ сдѣлана ссылка на источникъ: указаны не только страницы и листы, но приведены, по большей части, цѣликомъ и подлинныя выписки. Если нѣсколько источниковъ говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, то выписка приведена мною изъ того, который мнѣ казался наиболѣе полнымъ или вѣрнымъ; на остальные же источники сдѣлана ссылка съ указаніемъ всѣхъ важнѣйшихъ варіантовъ. Въ томъ случаѣ, когда обозначать всѣ варіанты было бы черезъ-чуръ обременительно, приведены мною цѣликомъ подлинныя же выписки и изо всѣхъ источниковъ. Выписки и варіанты должны были, конечно, увеличить объемъ сочиненія, но я не счелъ себя въ правѣ поступить иначе. Имѣя подлинныя выписки подъ рукою, читатель можетъ во всякое время провѣрить трудъ мой; провѣрка же въ такомъ новомъ дѣлѣ какъ мое, необходима. Ссылки, выписки и варіанты помѣщены, по большей части, въ

уже извѣстны ученому міру, но въ Русскихъ старинныхъ переводахъ, большею частью ошибочныхъ; всѣ же остальныя надписи совершенно новы. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе заявить о счастливомъ результатѣ трудовъ муллы Хусейна, что самая поѣздка его въ Касимовъ была совершена по предложенію сдѣланному мною въ Обществѣ (Извѣстія Импер. Археол. Общ. Т. II, стр. 395; Т. III, стр. 175,511, 512). *).

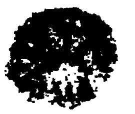
3) *Бумаги И. С. Гагина.* Гагинъ былъ мѣщанинъ Касимовскій и имѣлъ врожденную страсть къ чтенію и занятіямъ. Онъ родился въ 1770 г., жилъ безвыѣздно въ Касимовѣ и скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 1-го октября 1844 г. Жизнь его описана М. П. Погодинымъ въ статьѣ: «Житейская мудрость», напечатанной въ журналѣ: «Сельское Хозяйство (№ 1, 1860. Смѣсь, стр. 10, 11). Гагинъ оставилъ по себѣ большую связку собственныхъ своихъ рукописныхъ сочиненій, и разнаго рода выписокъ и плановъ, касающихся большею частью Касимова. Бумаги эти перешли съ начала къ К. И. Арсеньеву, а потомъ къ М. П. Погодину. Въ ноябрѣ 1860 г. Археологическое Общество, имѣя въ виду, что я уже занимаюсь изслѣдованіемъ о Касимовѣ, обратилось къ М. П. Погодину, съ просьбою передать въ распоряженіе Общества означенныя бумаги, въ томъ случаѣ, если онъ самъ не думаетъ дать имъ другаго какого нибудь назначенія. М. П. Погодинъ,

*) Въ моемъ сочиненіи въ описаніи памятниковъ найденныхъ муллою Фейзъ-хановымъ, звѣздочкою отмѣчены тѣ изъ нихъ, снимки съ которыхъ имѣются въ Обществѣ.

съ свойственною ему любезностью, исполнилъ просьбу Общества, и тотчасъ же переслалъ всѣ бумаги Гагина. Собственныя сочиненія и изслѣдованія Гагина всѣ писаны языкомъ тяжелымъ, и ничего новаго и полезнаго не представляютъ; но между выписками и планами находится нѣсколько документовъ и чертежей любопытныхъ (Извѣстія Импер. Археол. Общ., Т. II, стр. 377, 378 и Т. III, стр. 165 — 167).

Система мною, при составленіи труда, принята была слѣдующая. Сочиненіе расположено въ хронологическомъ порядкѣ, по временамъ управленія царей и царевичей. При каждомъ сообщаемомъ фактѣ сдѣлана ссылка на источникъ: указаны не только страницы и листы, но приведены, по большей части, цѣликомъ и подлинныя выписки. Если нѣсколько источниковъ говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, то выписка приведена мною изъ того, который мнѣ казался наиболѣе полнымъ или вѣрнымъ; на остальные же источники сдѣлана ссылка съ указаніемъ всѣхъ важнѣйшихъ варіантовъ. Въ томъ случаѣ, когда обозначать всѣ варіанты было бы черезъ-чуръ обременительно, приведены мною цѣликомъ подлинныя же выписки и изо всѣхъ источниковъ. Выписки и варіанты должны были, конечно, увеличить объемъ сочиненія, но я не счелъ себя въ правѣ поступить иначе. Имѣя подлинныя выписки подъ рукою, читатель можетъ во всякое время провѣрить трудъ мой; провѣрка же въ такомъ новомъ дѣлѣ какъ мое, необходима. Ссылки, выписки и варіанты помѣщены, по большей части, въ

примѣчаніяхъ, напечатанныхъ особымъ мелкимъ шрифтомъ, и, для удобства читателя, вставленныхъ въ промежутокъ моего текста, подъ тѣми самыми мѣстами, къ которымъ онѣ относятся. Въ примѣчанія же включены мною и всѣ тѣ объясненія, разсужденія и замѣтки, которыя не прямо относятся къ изслѣдуемому мною предмету, и по этому не могли войти въ составъ основнаго текста.

Въ розысканіяхъ о Касимовѣ, приходилось мнѣ довольно часто встрѣчаться съ вопросами, тѣсно связанными съ исторіею Золотой Орды, Крыма, Казани, Астрахани и вообще Средней Азіи. Вопросовъ этихъ я не избѣгалъ, а старался напротивъ разъяснять ихъ, по мѣрѣ возможности и моихъ силъ. Я признавалъ это тѣмъ болѣе полезнымъ, что исторія Татаръ и Средней Азіи вообще мало извѣстна, и что всякое новое розысканіе по этой части, какого бы оно рода ни было, лишь бы основано было на вѣрныхъ данныхъ и приводило къ точнымъ результатамъ, составляетъ пріобрѣтеніе для науки.

Особенное вниманіе обращено мною на родопроисхожденіе Касимовскихъ царей и другихъ хановъ и султановъ, о которыхъ мнѣ доводилось говорить. Смѣю надѣяться, что въ этомъ отношеніи труды мои не остались совершенно безплодными. Новаго при этомъ открылось много. Такъ, между прочимъ, разбирая происхожденіе хана Касимовскаго Уразъ-Мухаммеда, бывшаго султана Киргизъ-Кайсацкаго, мнѣ удалось вывести не только подробную и точную его родословную, но опре-

дѣлить вмѣстѣ съ тѣмъ начало и постепенное развитіе всей династіи хановъ и султановъ Киргизъ-Кайсацкихъ, потомки которыхъ существуютъ до нынѣ въ Кайсацкихъ ордахъ Оренбургскаго и Сибирскаго вѣдомствъ. Вопросъ этотъ былъ спорнымъ; даже многіе оріенталисты сомнѣвались въ возможности найти для его разрѣшенія какія либо положительныя данныя.— Для облегченія читателей, родословныя таблицы всѣмъ ханамъ и султанамъ, происхожденіе которыхъ объяснено мною,будутъ приложены въ концѣ сочиненія.

Въ настоящую минуту я предлагаю читателямъ первую часть моего труда. Часть эта заключаетъ въ себѣ исторію Касимова при первыхъ восьми владѣльцахъ, отъ Касима до Шахъ-Алія включительно, отъ 1446 до 1567 г. Рисунки, слѣдующія къ этой части приложены, вмѣстѣ съ прочими, въ концѣ книги.

В. Вельяминовъ-Зерновъ.

С. Петербургъ.
21-го марта 1863 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Городъ Касимовъ служилъ нѣкогда столицею ханамъ и султанамъ Татарскимъ. Продолжалось это болѣе 200 лѣтъ, отъ эпохи Василія Темнаго до начала царствованія Петра Великаго. Еще теперь слѣды пребыванія въ Касимовѣ особыхъ царей и царевичей не совсѣмъ исчезли. Въ самомъ городѣ остались отъ нихъ памятники; а Татары, обитающіе внутри Россіи, въ своихъ разсказахъ часто вспоминаютъ о ханахъ Касимовскихъ. Имъ, наравнѣ съ прочими царями: Казанскими, Астраханскими и др., приписываютъ они разныя дѣла и подвиги. Нѣкоторыя мѣста, даже отдаленныя отъ Касимова, носятъ названія въ честь Касимовскихъ царей или царевичей. Такъ, еще въ прошломъ столѣтіи существовало преданіе, будто Царевъ курганъ, на Волгѣ, близъ устья р. Сока, получилъ прозвище Царева отъ какого-то Касимовскаго царевича, который имѣлъ тамъ свою усадьбу, отъ чего Царевщиною же звалось и находившееся при курганѣ село (Лепехинъ. Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Ч. 1. 2 изд. Спб. 1795, стр. 234).

Касимовское царство основалось случайно. Великій князь Василій III, желая противопоставить кого либо изъ

I.

Касимъ (قاسم).

Осенью 1445 года сложилось царство Казанское. Сынъ Улу-Мухаммеда (اولو محمد)[1] — бывшаго хана

[1]) Улу-Мухаммедъ называется и Улугъ-Мухаммедомъ. Улу (اولو), тоже что улугъ (اولوغ), значитъ по Татарски: большой. Въ Русскихъ лѣтописяхъ ханъ этотъ зовется обыкновенно или Улу-Махметъ, или просто Махметъ; иногда (*Ник.* V, 136; *Врм.* I, 297), хотя рѣдко и вѣроятно по ошибкѣ, пишется онъ также: Махмутъ. Махмутомъ же (Махмудомъ) зовется онъ и въ одной Татарской рукописи, выписка изъ которой сообщена Фуксомъ въ его Краткой исторіи города Казани (Казань. 1817, стр. 42); вѣроятно по этому и Фуксъ (на стр. 27) называетъ его Махмудомъ (محمود).

Золотой Орды, изгнаннаго оттуда — Махмутекъ (محموتك) [2]) убилъ Казанскаго вотчича князя Али-бика

[2]) Фуксъ (Краткая исторiя города Казани, стр. 27), основываясь на одной Татарской рукописи, пишетъ Мамтякъ (ممتك). Мамтякъ есть сокращенiе отъ имени Махмутекъ, которое въ свою очередь ничто иное какъ уменьшительное отъ извѣстнаго имени Махмудъ. Махмутекомъ названъ сынъ Улу-Мухаммеда въ *Сб. лѣт.* (см. ниже, пр. 3).

(على بيك), овладѣлъ городомъ, и чрезъ то положилъ начало новому ханству и новой династiи царей. Воспоминанiе объ этомъ событiи сопряжено съ памятью о преступленiи: Махмутекъ убилъ отца и меньшаго брата своего Юсуфа (يوسف) [3]).

[3]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 114: Тое же осени (6954 г.) царь Мамотякъ, Улу Магметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, вотчича Казанского князя Либѣя убилъ, а самъ сѣлъ въ Казани царьствовати (*Врм.* II, 9). *Ник.* VII, 233: А царь Мамутякъ пришедъ изъ Курмыша Казань взялъ, а казанского князя Азыя убилъ, а самъ на Казани воцарился, и оттоле нача царство быти казанское. *Род.* I, 26: У Улу Махмета сынъ Момотякъ; то первой Царь на Казани. *Сб. лѣт.* 159: اما اولوغ محمد خان نينك اوغلى محموتك خان قزان ولايتيغه كيلكاندور т. е. У Улугъ-Мухаммедъ-хана же сынъ Махмутекъ, пришелъ въ страну Казанскую. — Либей и Азый должно быть — одно лице. Либей, по всей вѣроятности — искаженное имя

добный трудъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ мало обращали вниманія на исторію Татаръ въ связи съ исторіею древней Руси, часто предоставляя разъясненіе всѣхъ важныхъ вопросовъ, рождающихся на этой почвѣ либо иностраннымъ оріенталистамъ незнавшимъ языка Русскаго, либо Русскимъ мало свѣдущимъ въ томъ, что касается востока.

Недостатокъ въ ученой литтературѣ относительно прежней исторіи Касимова я задумалъ пополнить. Цѣлью себѣ я поставилъ прослѣдить исторію Касимовскаго ханства отъ начала до конца. Трудъ мой совершенно оконченный рѣшаюсь нынѣ представить на судъ отечественныхъ ученыхъ.

Въ моемъ трудѣ я собралъ въ одно цѣлое все что только могъ найти о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, и о самомъ Касимовѣ и тамошнихъ Татарахъ за періодъ времени существованія ханства. Эпохи предшествовавшей учрежденію царства и послѣдовавшей за его уничтоженіемъ, коснулся я только въ немногихъ словахъ. Иначе мнѣ привелось бы отдалиться отъ моей задачи, и углубиться въ такого рода розысканія, которыя сами по себѣ могутъ составить предметъ отдѣльнаго и обширнаго сочиненія. Такимъ образомъ вопросъ, по существу своему весьма важный, о народахъ обитавшихъ въ прежней Мещерѣ, и о первобытномъ состояніи этого края, оставленъ мною за недостаткомъ времени и мѣста почти нетронутымъ.

Собралъ я о Касимовскомъ царствѣ свѣдѣній много. Доказательствомъ уже служитъ самый объемъ моего

чайшій стараго, недалече отъ старыя Казани, разоренныя отъ Московскія рати. И начаша ко Царю збиратися мнози варвари отъ различныхъ странъ и мѣстъ отъ *златыя орды* и *Остарахани*, и отъ *Азова*, и отъ *Крыма*. И нача изнемогать въ то время златая орда. И уселяти и укрѣплятися въ тоя мѣсто нача *Казань* новая орда». Исторія о Казанскомъ царствѣ, сочиненная въ XVI ст. какимъ то Русскимъ, попавшимся въ плѣнъ къ Казанцамъ и жившимъ лѣтъ 20 при дворѣ одного изъ послѣднихъ хановъ — источникъ, которымъ надобно пользоваться съ большою осторожностью. Въ ней разсказывается множество басень и небылицъ; года часто перепутаны и происшествія искажены; авторъ, какъ видно, писалъ на память, мало заботясь о томъ, что у него выйдетъ изъ подъ пера. Въ настоящемъ случаѣ, когда дѣло идетъ о томъ кто правъ: авторъ ли *Ик.*, который утверждаетъ, что *Улу-Мухаммедъ занялъ почти пустую Казань около 1437 г. и основалъ въ ней новое царство*, или другіе указанные мною источники, гдѣ сказано напротивъ, что *Казань, управляемая особымъ княземъ, была, осенью* 1445 г., *взята силою сыномъ Улу-Мухаммеда Махмутекомъ, который и сдѣлался въ ней первымъ царемъ* — мнѣ кажется, нѣтъ ни какой причины отдавать преимущество *Ик.*, плохому авторитету, предъ другими сочиненіями, заслуживающими гораздо бòльшаго довѣрія. Мало того, даже по смыслу лѣтописей, хотя въ нихъ нигдѣ, кромѣ приведеннаго мною мѣста изъ *Ник.*, и не говорится положительно: когда и кѣмъ

(отцомъ или сыномъ) основано въ Казани ханство, заключить можно, что Улу Мухаммедъ не владѣлъ Казанью. Для этого очертимъ по свѣдѣніямъ сохранившимся у лѣтописцевъ, жизнь Улу-Мухаммеда со времени побѣга его изъ Золотой Орды. Изгнанный царь бѣжалъ въ 1437 г. къ Бѣлеву. Здѣсь онъ выстроилъ себѣ городокъ, думая прозимовать въ немъ. Великій князь Василій, которому это сосѣдство не очень нравилось, захотѣлъ было выжить его оттуда, и послалъ противъ него многочисленное войско, но оно было разбито. Въ 1439 г. Улу-Мухаммедъ явился подъ стѣнами Москвы, выжегъ посадъ, и простоявъ 10 дней, отступилъ. Зимою 1444 г. ханъ былъ у Нижняго Новгорода (*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 170 [*Свр.* II, 44] прибавляетъ «и хотѣ ту зимовати», *Лв* II, 327—«и хотѣлъ зимовать тамо»), послѣ крещенья 1445 г. ходилъ на Муромъ, и былъ принужденъ бѣжать. Весною того же года отправилъ онъ противъ великаго князя двухъ сыновей своихъ: Махмутека и Якуба. Василій выступилъ къ нимъ на встрѣчу, попался въ плѣнъ въ знаменитой битвѣ 7 іюля близъ Евѳимьева монастыря и былъ отведёнъ къ хану въ Нижній. Августа 25-го Улу-Мухаммедъ съ сыновьями и съ ордою двинулся изъ Нижняго къ Курмышу. Здѣсь 1-го октября великій князь получилъ отъ хана и сына его Махмутека свободу. (Въ *Арх.* 128 значится очевидно по ошибкѣ, что Василій былъ выпущенъ Махмутекомъ изъ Казани: «Октября въ 26 день... князь великій Василей Васильевичь приде изъ Казани отъ царя Маматяка»). Вотъ

вкратцѣ все что мы знаемъ изъ лѣтописей объ Улу-Мухаммедѣ. Только въ одной *Арх.* 127, всего разъ, при описаніи похода, предпринятаго весною 1445 г. Махмутекомъ и Якубомъ, сказано: «того дни прииде *изъ Казани* рать изгономъ Маматякъ царь да Ягубъ Салтанъ»; въ остальныхъ же лѣтописяхъ за все время жизни Улу-Мухаммеда, о томъ чтобы онъ или сыновья его когда либо приходили *изъ Казани*, либо приводили съ собою *Татаръ Казанскихъ* и помина нѣтъ: Казань какъ будто для нихъ и не существовала. Отъ чего же это—такъ, если ханъ дѣйствительно послѣ Бѣлевской битвы, какъ пишетъ авторъ *Ик.*, завладѣлъ Казанью? Чѣмъ объяснить это молчаніе? На *Арх.* полагаться нельзя: *во первыхъ*, по ней и великій князь Василій, получивъ свободу, вышелъ изъ Казани; а *во вторыхъ*, по *Црв.* и *Ник.* Махмутекъ и Якубъ весною 1445 г. приходили не изъ Казани, а изъ Нижняго (*Црв.* 267, 268 [*Ник.* V, 197]: Тое же весны прииде вѣсть къ великому Князю Василью Васильевичу на Москву, что отпустилъ на него Царь Улумахметъ, дѣтей своихъ Мамутяка, да Ягуба *изъ Нова города изъ нижняго и стараго, гдѣ сѣдяше*), и это показаніе должно быть вѣрно, потому что Улу-Мухаммедъ, какъ мы видѣли, чуть ли не весь 1444,5 годъ провелъ подъ Нижнимъ. Что значатъ также выраженія *Соф. 2 лѣт.* и *Лв.*, о которыхъ я упомянулъ выше: «и хотѣ ту зимовати, «и хотѣлъ зимовати тамо (въ Нижнемъ)»? Если бы ханъ имѣлъ столицею Казань, что за нужда была бы ему ходить въ Нижній и искать зимовки?—пришелъ бы

онъ просто воевать городъ, безъ всякой преднамѣренной цѣли. Въ *Црв.* 266, 267 (*Ник.* V, 196, 197) къ тому что сказано какъ тамъ такъ и въ другихъ лѣтописяхъ объ Улу-Мухаммедѣ, и что уже изложено нами вкратцѣ, прибавленъ еще, по случаю описанія войнъ хана въ 1444,5 г., небольшой очеркъ его жизни съ самой минуты его побѣга изъ Золотой Орды. Приведу этотъ очеркъ въ подлинникѣ: «А тогды Князь великій Василей Васильевичь, пошелъ.... противу Царя Улумахмета. Пришедъ бо *сѣлъ въ Новѣ городѣ въ нижнемъ старомъ* (объ этомъ только въ *Црв.* и *Ник.*): прежде бо сего и съ поля согнанъ съ большія орды отъ брата своего Кичи Ахмета. И пріиде къ Белеву, и сядеся въ Белевѣ, и Князь великій посладъ на него Князей и бояръ и Воеводъ своихъ. И Богъ попустилъ за грѣхи наша, многихъ нашихъ Татарове побили, а Татаръ было тогда добрѣ мало. Изъ Белева пойде Царь къ Нову городу къ нижнему, и *засяде Новъ городъ нижней старой*. И тако много зла отъ него бываше и *изъ Новагорода изъ нижнего изъ стараго* пойде къ Мурому. Слышавъ же то Князь Великій Василій Васильевичь, и взя крещеніе въ Владимирѣ. И пойде противу его со всею братьею, и со всѣми людьми къ Мурому: Царь же Улумахметъ слышавъ возвратися бѣгомъ *къ Нову городу къ нижнему къ старому, въ немъ же живяше*». Здѣсь лѣтописецъ прямо даетъ чувствовать что, по его мнѣнію, Улу-Мухаммедъ съ самаго побѣга изъ Золотой Орды вплоть до весны 1445 г. *жилъ постоянно въ Нижнемъ Новгородѣ*.

Ужь не было ли это за правду такъ? Изгнанный ханъ не избралъ ли себѣ мѣстопребываніемъ Нижній Новгородъ, и не старался ли въ немъ укрѣпиться и создать себѣ столицу, о Казани вовсе не думая?

Послѣ 1-го октября 1445 г. проведеннаго въ Курмышѣ, объ Улу-Мухаммедѣ нигдѣ въ лѣтописяхъ болѣе не упоминается ни разу, а въ *Вскр.*, *Врм.* и *Ник.* сказано, что осенью того же 1445 г. Махмутекъ, придя изъ Курмыша, овладѣлъ Казанью, сталъ царствовать тамъ, и чрезъ то, прибавляетъ *Ник.*, положилъ основаніе ханству Казанскому. Что же сдѣлалось съ Улу-Мухаммедомъ? Въ *Ик.* (стр. 27, 28) читаемъ: «И до самого дойде (Улу-Мухаммедъ) царствующаго града Москвы на другое лѣто *бѣлевского* побоища Іюня въ 3 день, и пожже около Москвы великія посады, и христіянского народу много изсече, и въ полонъ сведе, градаже невзя, но дань взя на воя своя, и отъ иде и умре въ Казани съ меньшимъ сыномъ своимъ съ *Ягупомъ* (въ спискахъ *Ик.*, которыми руководствовались Карамзинъ [пр. 354 къ Т. V] и Рычковъ [Опытъ Казанской исторіи, стр. 82] стоитъ: «съ *Юсупомъ*», что очевидно вѣрнѣе, потому что Якубъ, какъ мы увидимъ ниже, еще довольно долго оставался въ живыхъ), оба ножемъ рѣзаны отъ большаго сына его *Момотяка* (*приб.*: А царствова на Казани 3 лѣтъ, и приятъ по немъ царство Казанское сынъ его Царевичь Момотякъ) отъ скорпіи змій остася. Сейже бысть и отца своего злѣе и ярѣе на христіяны воевати Рускія земли, яко и самого великого Князя *Василья Васильевича* Московскаго, увы все тогда Тата-

ромъ изгономъ пришедшимъ, изъ Суздаля града изыма, и вся сущія съ нимъ воя побивъ въ лѣто ҂ѕцнг. Іюля въ ѕ день й въ Казань его съ великою нечестію сведе къ себѣ и держа его у себя 14-ть мѣсяцовъ». Въ этомъ разсказѣ всѣ происшествія перепутаны до нельзя; по нему Улу-Мухаммедъ умеръ до битвы близъ Евѳимьева монастыря, а Василій былъ плѣненъ въ царствованіе Махмутека и находился въ Казани 14 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ мы знаемъ навѣрно, что великій князь захваченъ былъ при Улу-Мухаммедѣ, и что въ плѣну онъ жилъ только около двухъ мѣсяцевъ въ Нижнемъ и въ Курмышѣ. Но очень можетъ быть, что самый фактъ убіенія Улу-Мухаммеда, передаваемый въ разсказѣ, вѣренъ. Что нибудь да случилось съ ханомъ: не даромъ же онъ исчезаетъ въ лѣтописяхъ совершенно, и мѣсто его заступаетъ сынъ. Я себѣ объясняю дѣло такъ, что по освобожденіи Василія, Улу-Мухаммедъ, гордый одержанной побѣдой надъ Русскими, двинулся съ Махмутекомъ изъ Курмыша на Казань, съ цѣлью завоевать ее; Махмутекъ же, побуждаемый честолюбіемъ, рѣшился убить отца и выполнилъ этотъ умыслъ, либо не за долго до взятія Казани, либо не много времени спустя. Ужь если Улу-Мухаммедъ и былъ когда либо ханомъ Казанскимъ, то развѣ объ эту пору, въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Кто былъ Либей (Али-бикъ), вотчичь Казанскій, котораго Махмутекъ лишилъ власти и убилъ—съ достовѣрностью рѣшить трудно. Въ выпискѣ изъ одной Татарской рукописи, помѣщенной Фуксомъ въ его Краткой исторіи города Казани (стр. 40), упоминается о какомъ то Абдуллѣ

ханѣ, у котораго Тимуръ взялъ въ 1390 г. Булгаръ, и о двухъ сыновьяхъ этого хана: Алтунъ-бекъ-ханѣ и Алимъ-бекъ-ханѣ, основавшихъ на мѣсто разореннаго Булгара, новый городъ—Казань. Быть можетъ, этотъ Алимъ-бекъ (عالم بیك см. Кр. ист. гор. Казани, стр. 27), о которомъ у Татаръ сохранилось преданіе—одно лице съ Либеемъ (Али-бикомъ). Замѣтимъ впрочемъ, что въ другомъ Татарскомъ сочиненіи, писанномъ подъ заглавіемъ: «Лѣтопись Булгарская (رسالۀ تواریخ بولغاریه)» въ первой половинѣ XVI вѣка Шереф-ед-диномъ сыномъ Хисам-ед-дина (см. объ этомъ сочиненіи статью мою: Памятникъ съ Арабско-Татарскою надписью въ Башкиріи въ Трудахъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, ч. IV. Спб. 1859, стр. 262), ханъ при которомъ г. Булгаръ былъ взятъ и разрушенъ Тимуромъ, названъ Бикъ-Чурою (بیك جوره); по словамъ той же лѣтописи, новою Казанью, основавшеюся послѣ паденія Булгара (*старой Казани*), управлялъ нѣкто Ильгамъ ханъ (الهام خان). Здѣсь не излишне присовокупить, что взятіе Тимуромъ г. Булгара — по всей вѣроятности, одно лишь преданіе; по крайней мѣрѣ историки Тимура не говорятъ ни слова объ этомъ событіи (В. В. Григорьевъ. Волжскіе Булгары, въ Библіотекѣ для Чтенія, 1836. Т. XIX. Отд. III, стр. 24). О г. Булгарѣ и рядомъ съ нимъ о Казани въ первый разъ—говорится въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1399 г. Русскіе взяли въ этомъ году Булгаръ, Жукотинъ, Казань и Кременчукъ. Карамзинъ (V, 159) пишетъ, что въ 1399 г. Казань была опустошена Русскими, и что

I.

Касимъ (قاسم).

Осенью 1445 года сложилось царство Казанское. Сынъ Улу-Мухаммеда (اولو محمد)[1] — бывшаго хана

[1]) Улу-Мухаммедъ называется и Улугъ-Мухаммедомъ. Улу (اولو), тоже что улугъ (اولوغ), значитъ по Татарски: большой. Въ Русскихъ лѣтописяхъ ханъ этотъ зовется обыкновенно или Улу-Махметъ, или просто Махметъ; иногда (*Ник.* V, 136; *Врм.* I, 297), хотя рѣдко и вѣроятно по ошибкѣ, пишется онъ также: Махмутъ. Махмутомъ же (Махмудомъ) зовется онъ и въ одной Татарской рукописи, выписка изъ которой сообщена Фуксомъ въ его Краткой исторіи города Казани (Казань. 1817, стр. 42); вѣроятно по этому и Фуксъ (на стр. 27) называетъ его Махмудомъ (محمود).

Касимъ и Якубъ рѣшились идти далѣе и отправиться въ Россію къ великому князю Василію. Государь этотъ и прежде бывалъ къ нимъ добръ [5]); къ тому же

[5]) Царевичи, явившись въ предѣлы Русскіе, сами говорили, что они «пошли искати великаго князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его было до насъ» (см. ниже, пр. 7). Не было ли прежде еще при жизни Улу-Мухаммеда до послѣдняго похода его на Россію, какихъ либо сдѣлокъ между Василіемъ и сыновьями ханскими? Великому князю былъ прямой разсчетъ привлекать на свою сторону царевичей. А быть можетъ и то, что въ словахъ Касима и Якуба заключался намекъ на пребываніе Василія въ плѣну. Припомнимъ что Якубъ былъ одинъ изъ султановъ, плѣнившихъ великаго князя. Не сошелся ли объ эту пору Василій съ Касимомъ и съ его братомъ; не оказали ли они какихъ нибудь услугъ ему, и онъ съ своей стороны не обѣщалъ ли покровительствовать имъ въ случаѣ нужды?

дворъ его вообще былъ открытъ для царевичей Татарскихъ [6]), а теперь и случай ѣхать въ Россію пред-

[6]) Еще до плѣненія Василія въ 1445 г. находились у него на службѣ царевичи, изъ коихъ одинъ назывался Бердыдадъ (*Арц.* II, к. III, стр. 194, № 1363). Арцыбышевъ пишетъ Бердератъ; такого имени Татарскаго не существуетъ; въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 112 и *Свр.* II, 46 стоитъ правильно: Бердѣдатъ. Имя Бердыдадъ (بیردی داد) употребительно у Татаръ.

ставлялся удобный: великое княженіе Московское сдѣлалось въ послѣднее время предметомъ спора между Шемякою и Василіемъ. Царевичи, сопровождаемые толпою Татаръ своихъ, могли очень кстати явиться на помощь государю. Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлано. Вступивъ въ предѣлы Русскіе, осенью 1446 г., Касимъ и Якубъ пустились искать великаго князя. Василій, уже ослѣпленный, шелъ тогда съ ратью на Москву противъ Шемяки, изъ Вологды, которую онъ только что получилъ въ удѣлъ, вмѣстѣ съ свободой, отъ своего противника. Въ Ельнѣ царевичи съ своими Татарами наѣхали нечаянно на подкрѣпленіе, которое вели изъ Литвы къ Василію же князь Василій Ярославичь Боровскій, князья Ряполовскіе, князь Иванъ Стрига Оболенскій, и Ѳедоръ Басенокъ. Толпы, поровнявшись и не подозрѣвая что онѣ обѣ принадлежатъ къ одной партіи, стали готовиться къ битвѣ, и завязали даже перестрѣлку. Вскорѣ недоразумѣніе разъяснилось.—«Вы кто?» окликнули Татары.—«Мы Москвичи», отвѣчали Русскіе, «идемъ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ искать государя нашего великаго князя Василія Васильевича, о которомъ слышно, что онъ уже выпущенъ Дмитріемъ. А вы кто?»—«Мы», возразили Татары, «пришли изъ Черкасской земли съ двумя сыновьями Мухаммедовыми, съ Касимомъ и Якубомъ. Царевичи наши провѣдали о злѣ, которое учинили надъ Василіемъ его братья, и идутъ теперь къ нему на помощь, помня какъ онъ въ прежнія времена бывалъ къ нимъ добръ».

Русскіе, признавъ Татаръ за союзниковъ, соединились съ ними и двинулись вмѣстѣ искать великаго князя. Отрядъ князя Боровскаго настигъ Василія въ Угличѣ, царевичи же съ своею толпою явились къ нему, по словамъ однихъ лѣтописцевъ тоже въ Угличѣ, а по словамъ другихъ — въ Ярославлѣ [7]).

[7]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 177, 178 (г. 6955): Пришедшимъ же имъ въ Елну, и ту срѣтошася съ ними Татарове, и начаша межи себе стрѣляти, посемъ же начаша Татарове Руси кликати: «вы кто есте?» Они же отвѣщаша: «Москвичи, а идемъ со княземъ Васильемъ Ярославичемъ искати своего государя великаго князя Василья Васильевича, сказываютъ его выпущена; а вы кто есте?» Татарове же рекоша: «а мы пришли изъ Черкасъ съ двѣма царевичи, Махметевыми дѣтми, съ Касымомъ да съ Ягупомъ; слышали бо про великаго князя, что братія надъ нимъ израду учинили, и они пошли искати великаго князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его было до насъ». И тако же сшедшеся и укрѣпившеся межи себе и поидоша вкупѣ ищущи великого князя, како бы помощи ему... А князь велики... пришедъ ста подъ Углечемъ... пріиде же къ нему князь Василей Ярославичь туто... И оттолѣ поиде князь велики къ Ярославлю, и ту пріидоша къ нему царевичи Касымъ да Ягупъ (*Сер.* II, 57 — 59; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 120, 121; *Црв.* 290 — 293; *Врм.* II, 16 — 18; *Ник.* V, 212, 213, гдѣ вмѣсто: «а мы пришли изъ Черкасъ съ двѣма царевичи, Махметевыми

дѣтии, съ Касымомъ да съ Ягупомъ» стоитъ: «а мы пришли не Черкасъ со двема царевичема дети, с Каисымъ да съ Ягупомъ»; *Балам. разр. кн.* подъ 6955 г., гдѣ эти же самыя слова замѣнены слѣдующими: «а мы пришли изъ Черкасъ со двема царевичи Махметовыми дѣтми съ Касимомъ да съ Вагупомъ»). *Ст.* II, 19, 20: И во Ельнѣ срѣтошася съ ними (кн. Вас. Ярославичемъ и пр.) Татарове со двема Царевичема, Маахметовыми дѣтьми, съ Казымомъ да съ Ягупомъ. Тако же пріидоша изъ Черкасъ, искати Великаго Князя, и служити ему за его прежнее добро, и укрѣпившеся единомысленно вси вкупѣ, поидоша искати Великаго Князя, еже служити ему... а самъ (Василій) пришедъ ко Углечу и взятъ его. И ту пріиде къ нему Князь Василій Ярославичь... и оттолѣ пріиде въ Ярославль, и тамо пріидоша къ нему Царевичи Казымъ да Ягупъ. *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. V, 269 (г. 6955): Князь же великый поиде къ Твери, и вся сила Московская съ всѣ страны къ Твери къ великому князю, изъ Литвы пріиде князь Василей Ярославичь, князь Семенъ Оболеньскый, князь Иванъ Ряполовскый, Θеодоръ Басенокъ, и иныхъ бояръ много и князей и воеводъ много, дѣтей боярьскыхъ множество, и царевичя два Трегубъ - Каисымъ и Ягупъ, и наѣхаша великого князя на Углечи (ср. оконч. акад. списка *Нов.* 4 *лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 131, и окончаніе ея въ хронографѣ, тамъ же стр. 146; изъ нихъ въ акад. спискѣ недостаетъ послѣднихъ словъ: «и наѣхаша великого князя на Углечи», въ обѣихъ же мѣстахъ царевичи названы:

Трегубъ Касымъ и Ягупъ; въ другихъ спискахъ той же *Новг. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 126 стоитъ коротко: «Въ лѣто 6956 [а также и 6955] Князь великій Василей выѣхаше во Тферь, и пріѣхаша къ нему князи, и бояре, и Татарове». *Арх.* 130, 131 (г. 6955): Слышавше же то въ Литвѣ князя великого дворяне, что князь великій Василей Васильевичь во Твери садится на конь, скоро пріидоша къ нему князь Василей Ярославичь, князь Семенъ Оболенскій, князь Иванъ Ряполовскій, Өедоръ Басеновъ и съ своими дворы, и вся князи и бояре, и воеводы, и дѣти боярскіе, многое множество приде; а царевича два Кайсымовы Трегубъ и Ягубъ еще на Угличѣ пріѣхали, да съ нимъ и во Тверь пришли. *Лѣ.* II, 342 (г. 6954): Великій Князь со Княгинею и съ дѣтьми поѣхалъ во Тверь, и пріиде вся сила Московская со всѣхъ странъ къ Твери къ Великому Князю съ Литвою пріиде Князь Василій Ярославичь, да Князь Иванъ Ряполовской и Өеодоръ Басеновъ, да три царевичи, Трегубъ, Касымъ, Ягубъ, и иные князи и бояре, и дѣтей боярскихъ много.

При чтеніи этихъ выписокъ нельзя не обратить особеннаго вниманія на встрѣчающееся въ нихъ имя Трегубъ: «царевича два Трегубъ Касымъ и Ягупъ», «царевича два Кайсымовы Трегубъ и Ягубъ», «три царевичи, Трегубъ, Касымъ, Ягубъ». Я не берусь объяснить значеніе слова Трегубъ: передѣланное ли это на Русскій ладъ какое либо Татарское имя (напр. Тенгрикулъ—تنكرى قول), или простое прозваніе, данное Русскими по созвучію съ словомъ Ягубъ. Утвердительно

можно сказать только то, что имя или прозвище Трегубъ носилъ Касимъ. Думать нельзя, чтобы Трегубомъ назывался какой либо особый отъ Касима и Якуба третій царевичь, выѣхавшій съ ними вмѣстѣ въ Россію. Всѣ лѣтописи, за исключеніемъ одной *Лв.*, утверждаютъ, что султановъ, прибывшихъ къ Василію въ 1446 г., было два. Въ доказательство того что Трегубъ и Касимъ дѣйствительно одно лице, можно привести еще мѣсто *Ник.* VI, 48, гдѣ сказано: «А съ нимъ царевичь Данаръ Трегубовъ сынъ»; Данаръ же, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, былъ сынъ Касима. Показаніе *Арх.* будто въ Россію явились два царевича Трегубъ и Ягубъ Кайсимовы т. е. дѣти Касима—очевидно неосновательно.

Въ первый разъ по прибытіи Касима и Якуба ко двору великокняжескому, говорится о нихъ подъ 1448 годомъ. Въ договорной записи князя Дмитрія Юрьевича Шемяки и князя Можайскаго Ивана Андреевича съ княземъ Михайломъ Андреевичемъ и княземъ Боровскимъ Василіемъ Ярославичемъ о примиреніи съ великимъ княземъ Василіемъ (*Сб. гос. гр.* I, № 67, стр. 150; сл. *Др. Вивл.* I, № 47, стр. 299) читаемъ: «А въ семъ намъ перемиріе на Князя Великого Василья Васильевича, и на Князя *Михайла Андрѣевича*, и на Князя *Василья Ярославича*, и на Царевичевъ и на Князей на Ордыньскихъ, и на ихъ Татаръ не ити и не изгонити ихъ, не пастися имъ отъ насъ никоторого лиха, а вотчинѣ намъ Князя Великого и его братіи не чинити никоторые пакости» Хотя царевичи не поиме-

нованы, но по всей вѣроятности здѣсь рѣчь идетъ о Касимѣ и Якубѣ, и объ ихъ князьяхъ и Татарахъ [8]).

[8]) Если не до нихъ, то до какихъ царевичей можетъ касаться приведенное нами мѣсто изъ договорной записи? Дѣло очевидно идетъ о служивыхъ великокняжескихъ царевичахъ; мы же съ одной стороны знаемъ, что Касимъ и Якубъ выѣхали въ Россію въ 1446 г., а съ другой видимъ, что послѣ 1448 г. они одни встрѣчаются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ числѣ слугъ Василія. Правда еще до 1445 г. были у великаго князя, какъ мы сказали выше (см. пр. 6), другіе царевичи Татарскіе, но послѣ 1445 года объ нихъ нигдѣ не значится ни слова, и куда они дѣвались—неизвѣстно: вѣроятно умерли или отъѣхали.

Въ 1449 г. Касимъ и Якубъ упоминаются при двухъ случаяхъ. Съ начала великій князь Василій бралъ царевичей съ собою въ походъ противъ Шемяки [9]);

[9]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 178: Въ лѣто 6957... (Шемяка) приде на Великъ день, и много бився подъ градомъ (Костромою)... А князь великій слышавъ то поиде противу ему, вземъ митрополита Іону съ собою, и епископы, и братію свою, и царевичевъ со всею силою; и какъ пришедъ близь Волгы и князь велики отпусти братію свою и царевичевъ со всѣми силами: пріидоша на Рудино, а князь Дмитрей перевезеся Волгу на ихъ же сторону, и тако смиришася (*Сер.* II, 60; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122; *Цре.* 296, 297; *Ник.*

онъ просто воевать городъ, безъ всякой преднамѣренной цѣли. Въ *Цре.* 266, 267 (*Ник.* V, 196, 197) къ тому что сказано какъ тамъ такъ и въ другихъ лѣтописяхъ объ Улу-Мухаммедѣ, и что уже изложено нами вкратцѣ, прибавленъ еще, по случаю описанія войнъ хана въ 1444,5 г., небольшой очеркъ его жизни съ самой минуты его побѣга изъ Золотой Орды. Приведу этотъ очеркъ въ подлинникѣ: «А тогды Князь великій Василей Васильевичь, пошелъ.... противу Царя Улумахмета. Пришедъ бо *сѣлъ въ Новѣ городѣ въ нижнемъ старомъ* (объ этомъ только въ *Цре.* и *Ник.*): прежде бо сего и съ поля согнанъ съ большія орды отъ брата своего Кичи Ахмета. И пріиде къ Белеву, и сядеся въ Белевѣ, и Князь великій послалъ на него Князей и бояръ и Воеводъ своихъ. И Богъ попустилъ за грѣхи наша, многихъ нашихъ Татарове побили, а Татаръ было тогда добрѣ мало. Изъ Белева пойде Царь къ Нову городу къ нижнему, и *засяде Новъ городъ нижней старой*. И тако много зла отъ него бываше и *изъ Новагорода изъ нижнего изъ стараго* пойде къ Мурому. Слышавъ же то Князь Великій Василій Васильевичь, и взя крещеніе въ Владимирѣ. И пойде противу его со всею братьею, и со всѣми людьми къ Мурому: Царь же Улумахметъ слышавъ возвратися бѣгомъ *къ Нову городу къ нижнему къ старому, въ немъ же живяше»*. Здѣсь лѣтописецъ прямо даетъ чувствовать что, по его мнѣнію, Улу-Мухаммедъ съ самаго побѣга изъ Золотой Орды вплоть до весны 1445 г. *жилъ постоянно въ Нижнемъ Новгородѣ.*

снохою Стефанидою, да Григоріеву жену Козлову Морозова».

Въ 1450 и 1452 годахъ Касимъ и Якубъ снова являются на сценѣ. Въ январѣ 1450 г. участвовали они съ князьями своими, въ числѣ прочихъ войскъ Василія въ кровопролитной и пагубной для Шемяки битвѣ подъ Галичемъ [11]. За тѣмъ въ томъ же году

[11]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122, 123: Въ лѣто 6958... И слышавъ, что князь Дмитрей въ Галичѣ... князь же велики слышавъ то... начать отпущати князей своихъ и воеводъ съ всею силою своею, а болшей бысть воевода князь Василей Ивановичь Оболенской, а прочихъ князей и воеводъ многое множество, потомъ же царевичевъ (безъ сомнѣнія Касима и Якуба; см. выше, пр. 9 и 10; помѣщенный тамъ разсказъ—въ связи съ настоящимъ) отпустилъ и всѣхъ князей съ ними. Прінидоша подъ Галичь генваря мѣсяца 27... и бысть сѣча зла, и поможе Богъ великому князю (*Црв.* 298; *Ник.* V, 216, 217; *Соф.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 178, 179; *Свр.* II, 61; въ послѣднихъ двухъ князь Оболенскій названъ Василіемъ Васильевичемъ, да въ *Црв.* и въ *Ник.* вмѣсто: «царевичевъ отпустилъ и всѣхъ князей съ ними» стоитъ: «Царевичевъ отпустилъ и всѣхъ Князей *ихъ* съ ними»). *Врм.* II, 21, 22: Въ лѣто 6958... Князь же великій слышавъ посла на него (Шемяку) воеводъ своихъ, князя Василья Ивановича Оболенскаго, и иныхъ князей и дѣтей болярскихъ; потомъ же и царевичевъ съ силою, и прінидоша подъ Галичь Генваря въ 27 день... и бысть

сѣча велика, и поможе Богъ воеводамъ великаго князя. *Башм. разр. кн.* подъ 6958 г.: И уповая на Бога отпустилъ воеводъ своихъ со всею силою къ Галичю. Въ большомъ полку воевода князь Василей Ивановичь Оболенской, потомъ же отпустилъ царевичевъ и пришли подъ Галичь генваря въ 27 день. И князь Дмитрей Шемяка ста подъ градомъ со всею силою своею и воеводы великого князя Василея Васильевича, и побиша войско князь Дмитреа Шемяки великого князя воеводы, а Шемяка едва самъ утече во градъ.

подъ осень, великій князь, узнавъ что идетъ Меулимъ-бирды огланъ (имя: موليم [مولام] بيردى существуетъ у Татаръ; въ простонародіи оно произносится и *Мемимъ-бирды;* слово: موليم составлено изъ Ар. مَوْلَى и Тат. прит. мѣст. م; Татары вообще сл. مولى произносятъ не *меуля* а *меули*), отрядилъ Касима съ Татарами и воеводу Беззубцева съ Коломничами. Касимъ и Беззубцевъ нагнали и разбили непріятеля у рѣки Битюга [12]).

[12]) *Цра.* 300: Того же лѣта (6958) бывшу Князю великому во своей отчинѣ на Коломнѣ, и прииде къ нему вѣсть, что идутъ Татарове изъ поля, Малбердей Уланъ, и иные съ ними Князи со многими Татары. Князь же великій посла противу ихъ Царевича своего Касима съ Татары да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ Коломничи. И угониша ихъ на Бетюцѣ рѣцѣ въ полѣ, и побиша Татаръ много, а иніи убѣжаша: тогда убиша Ромодана Зиновьева (*Ник.* V, 217, 218, гдѣ имя: «Малбердей» писано въ

двухъ словахъ: Малъ бердей; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 123, гдѣ вмѣсто: «Малбердей» стоитъ: «Малымбердѣй», а Касимъ не названъ по имени, сказано просто: «и посла царевича своего»; ср. *Кар.* пр. 354 къ Т. V). *Врм.* II, 23: Тояжъ осени (6958) бывшу великому князю на Коломнѣ, и пріиде ему вѣсть, что идутъ изъ поля Татарове Малымъ Бердѣй Уланъ, и съ нимъ многіе князи и Татарове. Князь же великій посла противу ихъ царевича Касыма съ Татары, да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ людьми, и угониша Татаръ на Битюкѣ рѣкѣ, и многихъ побиша Татаръ.

Въ 1452 г. зимой, Якубъ ходилъ съ Иваномъ, сыномъ великаго князя Василія, въ погоню за Шемякою къ Кокшенгѣ и къ устью Ваги [19]).

[19]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 179, 180: Въ лѣто 6960. Пріиде вѣсть къ великому князю, что князь Шемяка идетъ къ Устюгу: князь же великій... поиде противу ему. Крещеніе бысть ему у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, и оттуду поиде къ Ярославлю. Изъ Ярославля же отпусти сына своего великого князя Ивана на Кокшенгу противу князя Дмитрея, а самъ поиде къ Костромѣ: а съ Костромы отпустилъ сниматися съ сыномъ царевича Ягупа на князя же Дмитрея... А князь велики Иванъ да царевичь съ нимъ шелъ на Кокшенгу и градки ихъ поимаша, а землю ту всю пусту поплѣниша и въ полонъ поведоша; а ходиша до усть Ваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася назадъ вси здорови со многимъ плѣномъ и съ великою корыстью

за тѣмъ до прихода въ нее Улу-Мхаммеда послѣ Бѣлевскаго побоища и до основанія Казанскаго ханства около 1437 г. въ теченіи 40 лѣтъ она «состояла единственно изъ развалинъ и хижинъ, гдѣ укрывалось нѣсколько бѣдныхъ семействъ». Этимъ Карамзинъ старался пояснить слова сочинителя *Ик.*: «И засяде (Улу-Мухаммедъ) Казань пустую... мало во граде живущихъ и собирающихъ Срацынъ и Черемисы разные по улусомъ Казанскимъ нѣкако живущимъ». Въ лѣтописяхъ нигдѣ не сказано, чтобы Русскіе въ 1399 г. разрушили Казань до тла, а написано просто, что войска наши взяли Казань и другіе города, и захватили богатую добычу, и что походъ этотъ длился три мѣсяца (*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 130, *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 72, *Лв.* II, 226 и *Про.* 213 подъ 6907 = 1399 г.; *Ник.* IV, 267 и *Врм.* I, 291 подъ 6904=1396 г.).

Объ эту пору въ землѣ Черкасской появились два брата Махмутековы, сыновья Улу-Мухаммеда—Касимъ (قاسم) и Якубъ (يعقوب) [4]. Лѣтописцы не объясня-

[4]) Касимъ упоминается при этомъ случаѣ въ первый разъ нашими лѣтописцами; объ Якубѣ же говорится и раньше, а именно при взятіи въ плѣнъ великаго князя Василія (см. выше, пр. 3).

ютъ какъ это случилось, но по всей вѣроятности царевичи бѣжали отъ Махмутека, изъ опасенія чтобы онъ, умертвивъ отца и брата, не убилъ и ихъ. Пробывъ нѣсколько времени въ землѣ Черкасской,

Касимъ и Якубъ рѣшились идти далѣе и отправиться въ Россію къ великому князю Василію. Государь этотъ и прежде бывалъ къ нимъ добръ [5]); къ тому же

[5]) Царевичи, явившись въ предѣлы Русскіе, сами говорили, что они «пошли искати великаго князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его было до насъ» (см. ниже, пр. 7). Не было ли прежде еще при жизни Улу-Мухаммеда до послѣдняго похода его на Россію, какихъ либо сдѣлокъ между Василіемъ и сыновьями ханскими? Великому князю былъ прямой разсчетъ привлекать на свою сторону царевичей. А быть можетъ и то, что въ словахъ Касима и Якуба заключался намекъ на пребываніе Василія въ плѣну. Припомнимъ что Якубъ былъ одинъ изъ султановъ, плѣнившихъ великаго князя. Не сошелся ли объ эту пору Василій съ Касимомъ и съ его братомъ; не оказали ли они какихъ нибудь услугъ ему, и онъ съ своей стороны не обѣщалъ ли покровительствовать имъ въ случаѣ нужды?

дворъ его вообще былъ открытъ для царевичей Татарскихъ [6]), а теперь и случай ѣхать въ Россію пред-

[6]) Еще до плѣненія Василія въ 1445 г. находились у него на службѣ царевичи, изъ коихъ одинъ назывался Бердыдадъ (*Арц.* II, к. III, стр. 194, № 1363). Арцыбышевъ пишетъ Бердератъ: такого имени Татарскаго не существуетъ; въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 112 и *Свр.* II, 46 стоитъ правильно: Бердѣдатъ. Имя Бердыдадъ (بیردی داد) употребительно у Татаръ.

ставился удобный: великое княженіе Московское сдѣлалось въ послѣднее время предметомъ спора между Шемякою и Василіемъ. Царевичи, сопровождаемые толпою Татаръ своихъ, могли очень кстати явиться на помощь государю. Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлано. Вступивъ въ предѣлы Русскіе, осенью 1446 г., Касимъ и Якубъ пустились искать великаго князя. Василій, уже ослѣпленный, шелъ тогда съ ратью на Москву противъ Шемяки, изъ Вологды, которую онъ только что получилъ въ удѣлъ, вмѣстѣ съ свободой, отъ своего противника. Въ Ельнѣ царевичи съ своими Татарами наѣхали нечаянно на подкрѣпленіе, которое вели изъ Литвы къ Василію же князь Василій Ярославичь Боровскій, князья Ряполовскіе, князь Иванъ Стрига Оболенскій, и Өедоръ Басенокъ. Толпы, поровнявшись и не подозрѣвая что онѣ обѣ принадлежатъ къ одной партіи, стали готовиться къ битвѣ, и завязали даже перестрѣлку. Вскорѣ недоразумѣніе разъяснилось.—«Вы кто?» окликнули Татары. — «Мы Москвичи», отвѣчали Русскіе, «идемъ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ искать государя нашего великаго князя Василія Васильевича, о которомъ слышно, что онъ уже выпущенъ Дмитріемъ. А вы кто?»—«Мы», возразили Татары, «пришли изъ Черкасской земли съ двумя сыновьями Мухаммедовыми, съ Касимомъ и Якубомъ. Царевичи наши провѣдали о злѣ, которое учинили надъ Василіемъ его братья, и идутъ теперь къ нему на помощь, помня какъ онъ въ прежнія времена бывалъ къ нимъ добръ».

въ силахъ заявлять притязанія на верховную власть. Царекъ, выждавъ благопріятную минуту, могъ даже взобраться на престолъ Казанскій, и тогда Русскіе пріобрѣтали въ лицѣ его сосѣда, болѣе податливагѐ и менѣе опаснаго чѣмъ другіе ханы. А если жаловать кого либо городомъ и дѣлать себѣ гдѣ либо царька, то конечно всего ближе и лучше было дать городокъ Мещерскій. Во первыхъ, вся мѣстность кругомъ его въ Рязанской области была съ давнихъ поръ заселена: Мордвою и Мещерою (отъ чего и самый городокъ въ отличіе отъ другихъ звался Мещерскимъ), исповѣдывавшими частью язычество, частью, въ слѣдствіе близкихъ сношеній съ мусульманами — мухаммеданство; инородцевъ этихъ, скорѣе нежели Русскихъ, можно было отдать въ управленіе Татарину и мусульманину. Во вторыхъ, Городецъ на Окѣ лежалъ какъ бы на перепутьѣ между Москвою и Казанью; да и враждебные намъ Татары изъ разныхъ Ордъ, въ послѣднее время (какъ мы видимъ изъ лѣтописцевъ) все больше устремлялись на близлежавшія мѣста: грабили по сосѣдству съ Нижнимъ, Муромомъ, и воевали съ Мордвою и Казаками Рязанскими. Царевичу изъ городка Мещерскаго было удобно во всякую минуту: и самому пробраться въ Казань, и защитить край отъ вторженій непріятельскихъ. Обстоятельство это было весьма важно.

Что Касимъ получилъ городокъ именно въ опредѣленную мною эпоху, т. е. около 1452 года—заключеніе это вывелъ я на слѣдующемъ основаніи:

дѣтии, съ Касымомъ да съ Ягупомъ» стоитъ: «а мы пришли ис Черкасъ со двема царевичема дети, с Кансымъ да съ Ягупомъ»; *Бальм. разр. кн.* подъ 6955 г., гдѣ эти же самыя слова замѣнены слѣдующими: «а мы пришли изъ Черкасъ со двема царевичи Махметовыми дѣтии съ Касимомъ да съ Вагупомъ»). *Ст.* II, 19, 20: И во Елнѣ срѣтошася съ ними (кн. Вас. Ярославичемъ и пр.) Татарове со двема Царевичема, Маахметовыми дѣтьми, съ Казымомъ да съ Ягупомъ. Тако же прiидоша изъ Черкасъ, искати Великаго Князя, и служити ему за его прежнее добро, и укрѣпившеся единомысленно вси вкупѣ, поидоша искати Великаго Князя, еже служити ему... а самъ (Василiй) пришедъ ко Углечу и взятъ его. И ту прiиде къ нему Князь Василiй Ярославичь... и оттолѣ прiиде въ Ярославль, и тамо прiидоша къ нему Царевичи Казымъ да Ягупъ. *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. V, 269 (г. 6955): Князь же великый поиде къ Твери, и вся сила Московская съ всѣ страны къ Твери къ великому князю, изъ Литвы прiиде князь Василей Ярославичь, князь Семенъ Оболеньскый, князь Иванъ Ряполовскый, Ѳеодоръ Басенокъ, и иныхъ бояръ много и князей и воеводъ много, дѣтей боярьскыхъ множество, и царевичя два Трегубъ-Каисымъ и Ягупъ, и наѣхаша великого князя на Углечи (ср. оконч. акад. списка *Нов. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 131, и окончанiе ея въ хронографѣ, тамъ же стр. 146; изъ нихъ въ акад. спискѣ недостаетъ послѣднихъ словъ: «и наѣхаша великого князя на Углечи», въ обѣихъ же мѣстахъ царевичи названы:

полицейскихъ чиновниковъ, или простыхъ сборщиковъ, рѣшить трудно, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Въ Средней Азіи зовутъ теперь даругами областныхъ начальниковъ, въ Персіи — городскихъ старшинъ (см. Дорнъ. Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу въ VIII части Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императ. Археол. Общества, стр. 261).

давати съ своее земли Царевичю *Даньяру*, или кто иной Царевичь будетъ на томъ мѣстѣ, и ихъ Княземъ и Княжимъ казначѣемъ и дарагамъ по тѣмъ записемъ, какъ отецъ мой Князь Велики Василей Васильевичь за твоего отця за Великого Князя *Василья Ивановича* кончалъ со Царевичевыми съ *Касымовыми* Князьми съ *Кобякомъ* съ *Айдаровымъ* сыномъ, да съ *Исакомъ* съ *Ахматовымъ* сыномъ. А ясачныхъ людей отъ Царевичя отъ *Даньяра*, или кто будетъ на томъ мѣстѣ иный Царевичь; и отъ ихъ Князей тобѣ Великому Князю Ивану и твоимъ Бояромъ и твоимъ людемъ не приимати. А которые люди вышли на Резань отъ Царевичя и отъ его Князей после живота дѣда твоего Великого Князя *Ивана Федоровича* бесерменинъ, или Мордвинъ, или Мачяринъ [15]), черные люди, которые ясакъ Царевичю

[15]) Бесерменинъ т. е. мусульманинъ. Мачяринъ, очевидно—тоже что Мещеринъ, Мещерякъ; это самое племя (Мещера) звалось у насъ Можарами (*Царк.* 172, *Лв.* IV, 234 и *Ник.* VII, 79: Чувашу, и Черемису, и Мордву, и *Можаровъ*, и Тархоновъ [*Ник.* и *Лв.*

можно сказать только то, что имя или прозвище Трегубъ носилъ Касимъ. Думать нельзя, чтобы Трегубомъ назывался какой либо особый отъ Касима и Якуба третій царевичь, выѣхавшій съ ними вмѣстѣ въ Россію. Всѣ лѣтописи, за исключеніемъ одной *Лв.*, утверждаютъ, что султановъ, прибывшихъ къ Василію въ 1446 г., было два. Въ доказательство того что Трегубъ и Касимъ дѣйствительно одно лице, можно привести еще мѣсто *Ник.* VI, 48, гдѣ сказано: «А съ нимъ царевичь Данярь Трегубовъ сынъ»; Данярь же, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, былъ сынъ Касима. Показаніе *Арх.* будто въ Россію явились два царевича Трегубъ и Ягубъ Кайсимовы т. е. дѣти Касима—очевидно неосновательно.

Въ первый разъ по прибытіи Касима и Якуба ко двору великокняжескому, говорится о нихъ подъ 1448 годомъ. Въ договорной записи князя Дмитрія Юрьевича Шемяки и князя Можайскаго Ивана Андреевича съ княземъ Михайломъ Андреевичемъ и княземъ Боровскимъ Василіемъ Ярославичемъ о примиреніи съ великимъ княземъ Василіемъ (*Сб. гос. гр.* I, № 67, стр. 150; сл. *Др. Вивл.* I, № 47, стр. 299) читаемъ: «А въ семъ намъ перемиріе на Князя Великого Василья Васильевича, и на Князя *Михайла Андрѣевича*, и на Князя *Василья Ярославича*, и на Царевичевъ и на Князей на Ордыньскихъ, и на ихъ Татаръ не ити и не изгонити ихъ, не пастися имъ отъ насъ никоторого лиха, а вотчинѣ намъ Князя Великого и его братіи не чинити никоторые пакости» Хотя царевичи не поиме-

нованы, но по всей вѣроятности здѣсь рѣчь идетъ о Касимѣ и Якубѣ, и объ ихъ князьяхъ и Татарахъ [8]).

[8]) Если не до нихъ, то до какихъ царевичей можетъ касаться приведенное нами мѣсто изъ договорной записи? Дѣло очевидно идетъ о служивыхъ великокняжескихъ царевичахъ; мы же съ одной стороны знаемъ, что Касимъ и Якубъ выѣхали въ Россію въ 1446 г., а съ другой видимъ, что послѣ 1448 г. они одни встрѣчаются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ числѣ слугъ Василія. Правда еще до 1445 г. были у великаго князя, какъ мы сказали выше (см. пр. 6), другіе царевичи Татарскіе, но послѣ 1445 года объ нихъ нигдѣ не значится ни слова, и куда они дѣвались—неизвѣстно: вѣроятно умерли или отъѣхали.

Въ 1449 г. Касимъ и Якубъ упоминаются при двухъ случаяхъ. Съ начала великій князь Василій бралъ царевичей съ собою въ походъ противъ Шемяки [9]);

[9]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 178: Въ лѣто 6957... (Шемяка) приде на Великъ день, и много бився подъ градомъ (Костромою)... А князь великій слышавъ то поиде противу ему, вземъ митрополита Іону съ собою, и епископы, и братію свою, и царевичевъ со всею силою; и какъ пришедъ близь Волгы и князь велики отпусти братію свою и царевичевъ со всѣми силами: пріидоша на Рудино, а князь Дмитрей перевезеся Волгу на ихъ же сторону, и тако смиришася (*Сер.* II, 60; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122; *Цре.* 296, 297; *Ник.*

V, 215, 216; *Врм.* II, 20). *Ст.* II, 23: Князь же Димитрій Шемяка... приходитъ... ко граду Костромѣ на самую Пасху, и много ратовавъ, и ничто же успѣ. Великій же Князь поиде на него съ Москвы со многими силами, веемъ съ собою и Митрополита съ Епископы, и братію свою и Царевичевъ, и дошедъ умиришася.

Разсказъ о походѣ царевичей противъ Шемяки помѣщенъ въ лѣтописяхъ почти въ слѣдъ за разсказомъ о прибытіи къ Василію Касима и Якуба, и тутъ уже не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ дѣйствительно о Касимѣ и Якубѣ, а не о комъ либо другомъ.

а потомъ самъ Касимъ, прослышавъ что Татары подданные Сеидъ-Ахмеда грабятъ наши предѣлы, выступилъ противъ нихъ изъ Звенигорода, разбилъ ихъ около рѣки Похры, и отнялъ у нихъ всю добычу [10]).

[10]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122: Того же лѣта (6957) скорые Татарове Седи Ахматовы пріидоша до Похры; и княгиню князя Василіа Оболенского тогда взяли Марію, съ снохою Стефанидою, да Григоріеву жену Козлову Морозова, и много зла учинили христіаномъ, сѣкли и въ полонъ имали; царевичь же Касимъ слышавъ то, иде противу ихъ изъ Звенигорода, а они розсунушася по земли, и съ коними стрѣтился, тѣхъ билъ и полонъ отъималъ; они же видѣвъ то бѣжаша назадъ (*Кар.* пр. 354 къ Т. V; *Црс.* 297 и *Ник.* V, 216, гдѣ въ обѣихъ недостаетъ словъ: «Марію, съ

снохою Стефанидою, да Григоріеву жену Козлову Морозова».

Въ 1450 и 1452 годахъ Касимъ и Якубъ снова являются на сценѣ. Въ январѣ 1450 г. участвовали они съ князьями своими, въ числѣ прочихъ войскъ Василія въ кровопролитной и пагубной для Шемяки битвѣ подъ Галичемъ [11]). За тѣмъ въ томъ же году

[11]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122, 123: Въ лѣто 6958... И слышавъ, что князь Дмитрей въ Галичѣ... князь же велики слышавъ то... начатъ отпущати князей своихъ и воеводъ съ всею силою своею, а болшей бысть воевода князь Василей Ивановичь Оболенской, а прочихъ князей и воеводъ многое множество, потомъ же царевичевъ (безъ сомнѣнія Касима и Якуба; см. выше, пр. 9 и 10; помѣщенный тамъ разсказъ—въ связи съ настоящимъ) отпустилъ и всѣхъ князей съ ними. Пріидоша подъ Галичь генваря мѣсяца 27... и бысть сѣча зла, и поможе Богъ великому князю (*Цре.* 298; *Ник.* V, 216, 217; *Соф.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 178, 179; *Сер.* II, 61; въ послѣднихъ двухъ князь Оболенскій названъ Василіемъ Васильевичемъ, да въ *Цре.* и въ *Ник.* вмѣсто: «царевичевъ отпустилъ и всѣхъ князей съ ними» стоитъ: «Царевичевъ отпустилъ и всѣхъ Князей *ихъ* съ ними»). *Врм.* II, 21, 22: Въ лѣто 6958... Князь же великій слышавъ посла на него (Шемяку) воеводъ своихъ, князя Василья Ивановича Оболенскаго, и иныхъ князей и дѣтей болярскихъ; потомъ же и царевичевъ съ силою, и пріидоша подъ Галичь Генваря въ 27 день... и бысть

сѣча велика, и поможе Богъ воеводамъ великаго князя. *Баим. разр. кн.* подъ 6958 г.: И уповая на Бога отпустилъ воеводъ своихъ со всею силою къ Галичю. Въ большомъ полку воевода князь Василей Ивановичь Оболенской, потомъ же отпустилъ царевичевъ и пришли подъ Галичь генваря въ 27 день. И князь Дмитрей Шемяка ста подъ градомъ со всею силою своею и воеводы великого князя Василея Васильевича, и побиша войско князь Дмитреа Шемяки великого князя воеводы, а Шемяка едва самъ утече во градъ.

подъ осень, великій князь, узнавъ что идетъ Меулимъ-бирды огланъ (имя: مولیم [مولام] بیردی существуетъ у Татаръ; въ простонародіи оно произносится и *Мемимъ-бирды*; слово: مولیم составлено изъ Ар. مَوْلی и Тат. прит. мѣст. م; Татары вообще сл. مولی произносятъ не *меуля* а *меули*), отрядилъ Касима съ Татарами и воеводу Беззубцева съ Коломничами. Касимъ и Беззубцевъ нагнали и разбили непріятеля у рѣки Битюга [12]).

[12]) *Цре.* 300: Того же лѣта (6958) бывшу Князю великому во своей отчинѣ на Коломнѣ, и прииде къ нему вѣсть, что идутъ Татарове изъ поля, Малбердей Уланъ, и иные съ ними Князи со многими Татары. Князь же великій посла противу ихъ Царевича своего Касима съ Татары да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ Коломничи. И угониша ихъ на Бетюцѣ рѣцѣ въ полѣ, и побиша Татаръ много, а иніи убѣжаша: тогда убиша Ромодана Зиновьева (*Ник.* V, 217, 218, гдѣ имя: «Малбердей» писано въ

двухъ словахъ: Малъ бердей; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 123, гдѣ вмѣсто: «Малбердей» стоитъ: «Малымбердѣй», а Касимъ не названъ по имени, сказано просто: «и посла царевича своего»; ср. *Кар.* пр. 354 къ Т. V). *Врм.* II, 23: Тояжъ осени (6958) бывшу великому князю на Коломнѣ, и пріиде ему вѣсть, что идутъ изъ поля Татарове Малымъ Бердѣй Уланъ, и съ нимъ многіе князи и Татарове. Князь же великій посла противу ихъ царевича Касыма съ Татары, да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ людьми, и угониша Татаръ на Бетюкѣ рѣкѣ, и многихъ побиша Татаръ.

Въ 1452 г. зимой, Якубъ ходилъ съ Иваномъ, сыномъ великаго князя Василія, въ погоню за Шемякою къ Кокшенгѣ и къ устью Ваги [18]).

[18]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 179, 180: Въ лѣто 6960. Пріиде вѣсть къ великому князю, что князь Шемяка идетъ къ Устюгу; князь же великій... поиде противу ему. Крещеніе бысть ему у Троици въ Сергіевѣ монастырѣ, и оттуду поиде къ Ярославлю. Изъ Ярославля же отпусти сына своего великого князя Ивана на Кокшенгу противу князя Дмитрея, а самъ поиде къ Костромѣ; а съ Костромы отпустилъ сниматися съ сыномъ царевича Ягупа на князя же Дмитрея... А князь велики Иванъ да царевичь съ нимъ шедъ на Кокшенгу и градки ихъ поимаша, а землю ту всю пусту поплѣниша и въ полонъ поведоша; а ходиша до усть Ваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася назадъ вси здорови со многимъ плѣномъ и съ великою корыстью

(*Сер.* II, 62, 63; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 125; *Црв.* 305, 306 и *Ник.* V, 221; въ обѣихъ послѣднихъ и въ выпискѣ, сообщенной у *Кар.* пр. 356 къ Т. V, вмѣсто: «отпустилъ сниматися съ сыномъ царевича Ягупа» стоитъ: «отпустилъ съ сыномъ своимъ сниматися Царевича Ягупа, Мамутякова сына», что очевидно ошибочно: Якубъ былъ не сынъ, а братъ Махмутека; въ *Ник.* сверхъ того, и тоже безъ малѣйшаго сомнѣнія по ошибкѣ, вмѣсто: «на князя же Дмитрея» стоитъ: «да князяже Дмитрия»). *Врм.* II, 25: Въ лѣто 6960 ходилъ князь великій Василей воевати Новогородскіе земли зимѣ послѣ крещенія, и съ сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и со царевичемъ Ягупомъ, и со многими воеводами и со всею силою, обороня Устюга отъ Князя Дмитрея отъ Шемяки; онъ же слышавъ рать великаго князя, посадъ Устюжской пожегъ, а самъ пойде прочь, и ходиша рать великаго князя до усть Ваги до Осинова поля, и градки Кокшенгу и иные поимаша, и землю всю плѣниша, и въ полонъ выведоша. *Ст.* II, 23: И потомъ второму лѣту еще не дошедшу, устремися Шемяка ратовати Устьюга. Великій же Князь поиде въ Ярославль и на Кострому; а къ Устьюгу посла сына своего Великаго Князя Ивана и Царевича Ягупа... Великій же Князь Иванъ тогда съ нимъ же и Царевичь шедъ на Кокшенгу, и градки ихъ поимаша, а землю плѣниша. Ходиша же и до Усть-ваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася вси здрави со многимъ плѣномъ и съ великою корыстію.

Приведенные мною факты за періодъ времени отъ 1446 до 1452 г. ясно свидѣтельствуютъ о томъ,

снохою Стефанидою, да Григоріеву жену Козлову Морозова».

Въ 1450 и 1452 годахъ Касимъ и Якубъ снова являются на сценѣ. Въ январѣ 1450 г. участвовали они съ князьями своими, въ числѣ прочихъ войскъ Василія въ кровопролитной и пагубной для Шемяки битвѣ подъ Галичемъ [11]. За тѣмъ въ томъ же году

[11]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122, 123: Въ лѣто 6958... И слышавъ, что князь Дмитрей въ Галичѣ... князь же велики слышавъ то... начатъ отпущати князей своихъ и воеводъ съ всею силою своею, а болшей бысть воевода князь Василей Ивановичь Оболенской, а прочихъ князей и воеводъ многое множество, потомъ же царевичевъ (безъ сомнѣнія Касима и Якуба; см. выше, пр. 9 и 10; помѣщенный тамъ разсказъ—въ связи съ настоящимъ) отпустилъ и всѣхъ князей съ ними. Пріидоша подъ Галичь генваря мѣсяца 27... и бысть сѣча зла, и поможе Богъ великому князю (*Црв.* 298; *Ник.* V, 216, 217; *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 178, 179; *Сер.* II, 61; въ послѣднихъ двухъ князь Оболенскій названъ Василіемъ Васильевичемъ, да въ *Црв.* и въ *Ник.* вмѣсто: «царевичевъ отпустилъ и всѣхъ князей съ ними» стоитъ: «Царевичевъ отпустилъ и всѣхъ Князей *ихъ* съ ними»). *Врм.* II, 21, 22: Въ лѣто 6958... Князь же великій слышавъ посла на него (Шемяку) воеводъ своихъ, князя Василья Ивановича Оболенскаго, и иныхъ князей и дѣтей болярскихъ; потомъ же и царевичевъ съ силою, и пріидоша подъ Галичь Генваря въ 27 день... и бысть

сѣча велика, и поможе Богъ воеводамъ великаго князя. *Башм. разр. кн.* подъ 6958 г.: И уповая на Бога отпустилъ воеводъ своихъ со всею силою къ Галичю. Въ большомъ полку воевода князь Василей Ивановичь Оболенской, потомъ же отпустилъ царевичевъ и пришли подъ Галичь генваря въ 27 день. И князь Дмитрей Шемяка ста подъ градомъ со всею силою своею и воеводы великого князя Василея Васильевича, и побиша войско князь Дмитреа Шемяки великого князя воеводы, а Шемяка едва самъ утече во градъ.

подъ осень, великій князь, узнавъ что идетъ Меулимъ-бирды огланъ (имя: مولیم [مولام] بیردی существуетъ у Татаръ; въ простонародіи оно произносится и *Мелимъ-бирды;* слово: مولیم составлено изъ Ар. مولی и Тат. прит. мѣст. م; Татары вообще сл. مولی произносятъ не *меуля* а *меули*), отрядилъ Касима съ Татарами и воеводу Беззубцева съ Коломничами. Касимъ и Беззубцевъ нагнали и разбили непріятеля у рѣки Битюга [12]).

[12]) *Цре.* 300: Того же лѣта (6958) бывшу Князю великому во своей отчинѣ на Коломнѣ, и прииде къ нему вѣсть, что идутъ Татарове изъ поля, Малбердей Уланъ, и иные съ ними Князи со многими Татары. Князь же великій посла противу ихъ Царевича своего Касима съ Татары да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ Коломничи. И угониша ихъ на Бетюцѣ рѣцѣ въ полѣ, и побиша Татаръ много, а иніи убѣжаша: тогда убиша Ромодана Зиновьева (*Ник.* V, 217, 218, гдѣ имя: «Малбердей» писано въ

двухъ словахъ: Малъ бердей; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 123, гдѣ вмѣсто: «Малбердей» стоитъ: «Малымбердѣй», а Касимъ не названъ по имени, сказано просто: «и посла царевича своего»; ср. *Кар.* пр. 354 къ Т. V). *Врм.* II, 23: Тояжъ осени (6958) бывшу великому князю на Коломнѣ, и пріиде ему вѣсть, что идутъ изъ поля Татарове Малымъ Бердѣй Уланъ, и съ нимъ многіе князи и Татарове. Князь же великій посла противу ихъ царевича Касыма съ Татары, да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ людьми, и угониша Татаръ на Бетюкѣ рѣкѣ, и многихъ побиша Татаръ.

Въ 1452 г. зимой, Якубъ ходилъ съ Иваномъ, сыномъ великаго князя Василія, въ погоню за Шемякою къ Кокшенгѣ и къ устью Ваги [18]).

[18]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 179, 180: Въ лѣто 6960. Пріиде вѣсть къ великому князю, что князь Шемяка идетъ къ Устюгу; князь же великій... поиде противу ему. Крещеніе бысть ему у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, и оттуду поиде къ Ярославлю. Изъ Ярославля же отпусти сына своего великого князя Ивана на Кокшенгу противу князя Дмитрея, а самъ поиде къ Костромѣ; а съ Костромы отпустилъ сниматися съ сыномъ царевича Ягупа на князя же Дмитрея... А князь велики Иванъ да царевичь съ нимъ шедъ на Кокшенгу и градки ихъ поимаша, а землю ту всю пусту поплѣниша и въ полонъ поведоша; а ходиша до усть Ваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася назадъ вси здорови со многимъ плѣномъ и съ великою корыстью

(*Сер.* II, 62, 63; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 125; *Црв.* 305, 306 и *Ник.* V, 221; въ обѣихъ послѣднихъ и въ выпискѣ, сообщенной у *Кар.* пр. 356 къ Т. V, вмѣсто: «отпустилъ сниматися съ сыномъ царевича Ягупа» стоитъ: «отпустилъ съ сыномъ своимъ сниматися Царевича Ягупа, Мамутякова сына», что очевидно ошибочно: Якубъ былъ не сынъ, а братъ Махмутека; въ *Ник.* сверхъ того, и тоже безъ малѣйшаго сомнѣнія по ошибкѣ, вмѣсто: «на князя же Дмитрея» стоитъ: «да князяже Дмитрия»). *Врм.* II, 25: Въ лѣто 6960 ходилъ князь великій Василей воевати Новогородскіе земли зимѣ послѣ крещенія, и съ сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и со царевичемъ Ягупомъ, и со многими воеводами и со всею силою, обороня Устюга отъ Князя Дмитрея отъ Шемяки; онъ же слышавъ рать великаго князя, посадъ Устюжской пожегъ, а самъ пойде прочь, и ходиша рать великаго князя до устъ Ваги до Осинова поля, и градки Кокшенгу и иные поимаша, и землю всю плѣниша, и въ полонъ выведоша. *Ст.* II, 23: И потомъ второму лѣту еще не дошедшу, устремися Шемяка ратовати Устьюга. Великій же Князь поиде въ Ярославль и на Кострому; а къ Устьюгу посла сына своего Великаго Князя Ивана и Царевича Ягупа... Великій же Князь Иванъ тогда съ нимъ же и Царевичь шедъ на Кокшенгу, и градки ихъ поимаша, а землю плѣниша. Ходиша же и до Устьваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася вси здрави со многимъ плѣномъ и съ великою корыстію.

Приведенные мною факты за періодъ времени отъ 1446 до 1452 г. ясно свидѣтельствуютъ о томъ,

что Касимъ и Якубъ первыя шесть лѣтъ по пріѣздѣ въ Россію прожили съ выведенными ими Татарами у насъ. Состояли же они, какъ видно, на службѣ у великаго князя, который употреблялъ ихъ въ случаѣ надобности: то бралъ съ собою въ походы, то посылалъ противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

Послѣ 1452 года свѣдѣнія о Касимѣ становятся весьма скудны. Объ Якубѣ же мы рѣшительно ничего не знаемъ: онъ или умеръ, или отъѣхалъ куда либо. Между тѣмъ объ эту пору совершилась въ жизни Касима перемѣна, не только имѣвшая вліяніе на судьбу его, но даже, въ нѣкоторой степени, важная для Россіи. Касимъ получилъ отъ великаго князя Московскаго Городецъ (городокъ Мещерскій) на берегу рѣки Оки въ Рязанской области. Въ дѣйствительности этого пожалованія, хотя и нѣтъ на него прямыхъ доказательствъ, сомнѣваться нельзя. Въ пользу его говорятъ: и нынѣшнее названіе Городца, переименованнаго (если не при самомъ Касимѣ, то вѣроятно вскорѣ послѣ него) въ честь царевича въ Касимовъ, и народное преданіе, живо сохранившееся доселѣ въ памяти жителей города изъ Татаръ, и наконецъ, какъ увидимъ ниже (стр. 33), нѣкоторыя имѣющіяся на то косвенныя письменныя указанія. Пожалованіе же Касиму Городца положило начало образованію внутри самой земли Русской удѣльнаго Татарскаго ханства, которое, состоя въ прямой зависимости отъ нашихъ государей, поддерживалось болѣе 200 лѣтъ.

V, 215, 216; *Врм.* II, 20). *Ст.* II, 23: Князь же Димитрій Шемяка... приходитъ... ко граду Костромѣ на самую Пасху, и много ратовавъ, и ничто же успѣ. Великій же Князь поиде на него съ Москвы со многими силами, вземъ съ собою и Митрополита съ Епископы, и братію свою и Царевичевъ, и дошедъ умиришася.

Разсказъ о походѣ царевичей противъ Шемяки помѣщенъ въ лѣтописяхъ почти въ слѣдъ за разсказомъ о прибытіи къ Василію Касима и Якуба, и тутъ уже не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ дѣйствительно о Касимѣ и Якубѣ, а не о комъ либо другомъ.

а потомъ самъ Касимъ, прослышавъ что Татары подданные Сеидъ-Ахмеда грабятъ наши предѣлы, выступилъ противъ нихъ изъ Звенигорода, разбилъ ихъ около рѣки Похры, и отнялъ у нихъ всю добычу [10]).

[10]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122: Того же лѣта (6957) скорые Татарове Седи Ахматовы пріидоша до Похры; и княгиню князя Василіа Оболенского тогда взяли Марію, съ снохою Стефанидою, да Григоріеву жену Козлову Морозова, и много зла учинили христіаномъ, сѣкли и въ полонъ имали; царевичь же Касимъ слышавъ то, иде противу ихъ изъ Звенигорода, а они розсунушася по земли, и съ коними стрѣтился, тѣхъ билъ и полонъ отъималъ; они же видѣвъ то бѣжаша назадъ (*Кар.* пр. 354 къ Т. V; *Цре.* 297 и *Ник.* V, 216, гдѣ въ обѣихъ недостаетъ словъ: «Марію, съ

снохою Стефанидою, да Григоріеву жену Козлову Морозова».

Въ 1450 и 1452 годахъ Касимъ и Якубъ снова являются на сценѣ. Въ январѣ 1450 г. участвовали они съ князьями своими, въ числѣ прочихъ войскъ Василія въ кровопролитной и пагубной для Шемяки битвѣ подъ Галичемъ [11]). За тѣмъ въ томъ же году

[11]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122, 123: Въ лѣто 6958... И слышавъ, что князь Дмитрей въ Галичѣ... князь же велики слышавъ то... начатъ отпущати князей своихъ и воеводъ съ всею силою своею, а болшей бысть воевода князь Василей Ивановичь Оболенской, а прочихъ князей и воеводъ многое множество, потомъ же царевичевъ (безъ сомнѣнія Касима и Якуба; см. выше, пр. 9 и 10; помѣщенный тамъ разсказъ—въ связи съ настоящимъ) отпустилъ и всѣхъ князей съ ними. Пріидоша подъ Галичь генваря мѣсяца 27... и бысть сѣча зла, и поможе Богъ великому князю (*Црв.* 298; *Ник.* V, 216, 217; *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 178, 179; *Свр.* II, 61; въ послѣднихъ двухъ князь Оболенскій названъ Василіемъ Васильевичемъ, да въ *Црв.* и въ *Ник.* вмѣсто: «царевичевъ отпустилъ и всѣхъ князей съ ними» стоитъ: «Царевичевъ отпустилъ и всѣхъ Князей *ихъ* съ ними»). *Врм.* II, 21, 22: Въ лѣто 6958... Князь же великій слышавъ посла на него (Шемяку) воеводъ своихъ, князя Василья Ивановича Оболенскаго, и иныхъ князей и дѣтей болярскихъ; потомъ же и царевичевъ съ силою, и пріидоша подъ Галичь Генваря въ 27 день... и бысть

сѣча велика, и поможе Богъ воеводамъ великаго князя. *Баим. разр. кн.* подъ 6958 г.: И уповая на Бога отпустилъ воеводъ своихъ со всею силою къ Галичю. Въ большомъ полку воевода князь Василей Ивановичь Оболенской, потомъ же отпустилъ царевичевъ и пришли подъ Галичь генваря въ 27 день. И князь Дмитрей Шемяка ста подъ градомъ со всею силою своею и воеводы великого князя Василея Васильевича, и побиша войско князь Дмитреа Шемяки великого князя воеводы, а Шемяка едва самъ утече во градъ.

подъ осень, великій князь, узнавъ что идетъ Меулимъ-бирды огланъ (имя: مولیم [مولام] بیردی существуетъ у Татаръ; въ простонародіи оно произносится и *Мелимъ-бирды;* слово: مولیم составлено изъ Ар. مولی и Тат. прит. мѣст. م; Татары вообще сл. مولی произносятъ не *меуля* а *меули*), отрядилъ Касима съ Татарами и воеводу Беззубцева съ Коломничами. Касимъ и Беззубцевъ нагнали и разбили непріятеля у рѣки Битюга [12]).

[12]) *Цре.* 300: Того же лѣта (6958) бывшу Князю великому во своей отчинѣ на Коломнѣ, и прииде къ нему вѣсть, что идутъ Татарове изъ поля, Малбердей Уланъ, и иные съ ними Князи со многими Татары. Князь же великій посла противу ихъ Царевича своего Касима съ Татары да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ Коломничи. И угониша ихъ на Бетюцѣ рѣцѣ въ полѣ, и побиша Татаръ много, а инніи убѣжаша: тогда убиша Ромодана Зиновьева (*Ник.* V, 217, 218, гдѣ имя: «Малбердей» писано въ

двухъ словахъ: Малъ бердей; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 123, гдѣ вмѣсто: «Малбердей» стоитъ: «Малымбердѣй», а Касимъ не названъ по имени, сказано просто: «и посла царевича своего»; ср. *Кар.* пр. 354 къ Т. V). *Врм.* II, 23: Тояжъ осени (6958) бывшу великому князю на Коломнѣ, и пріиде ему вѣсть, что идутъ изъ поля Татарове Малымъ Бердѣй Уланъ, и съ нимъ многіе князи и Татарове. Князь же великій посла противу ихъ царевича Касыма съ Татары, да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ людьми, и угониша Татаръ на Бетюкѣ рѣкѣ, и многихъ побиша Татаръ.

Въ 1452 г. зимой, Якубъ ходилъ съ Иваномъ, сыномъ великаго князя Василія, въ погоню за Шемякою къ Кокшенгѣ и къ устью Ваги [18]).

[18]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 179, 180: Въ лѣто 6960. Пріиде вѣсть къ великому князю, что князь Шемяка идетъ къ Устюгу; князь же великій... поиде противу ему. Крещеніе бысть ему у Троици въ Сергіевѣ монастырѣ, и оттуду поиде къ Ярославлю. Изъ Ярославля же отпусти сына своего великого князя Ивана на Кокшенгу противу князя Дмитрея, а самъ поиде къ Костромѣ; а съ Костромы отпустилъ снииатися съ сыномъ царевича Ягупа на князя же Дмитрея... А князь велики Иванъ да царевичь съ нимъ шедъ на Кокшенгу и градки ихъ поимаша, а землю ту всю пусту поплѣниша и въ полонъ поведоша; а ходиша до усть Ваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася назадъ вси здорови со многимъ плѣномъ и съ великою корыстью

(*Сер*.II,62,63; *Вскр*.П.С.Р.Л.VIII,125; *Цре*.305, 306 и *Ник*.V,221; въ обѣихъ послѣднихъ и въ выпискѣ, сообщенной у *Кар*. пр. 356 къ Т. V, вмѣсто: «отпустилъ сниматися съ сыномъ царевича Ягупа» стоитъ: «отпустилъ съ сыномъ своимъ сниматися Царевича Ягупа, Мамутякова сына», что очевидно ошибочно: Якубъ былъ не сынъ, а братъ Махмутека; въ *Ник*. сверхъ того, и тоже безъ малѣйшаго сомнѣнія по ошибкѣ, вмѣсто: «на князя же Дмитрея» стоитъ: «да князяже Дмитрия»). *Врм*. II, 25: Въ лѣто 6960 ходилъ князь великій Василей воевати Новогородскіе земли зимѣ послѣ крещенія, и съ сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и со царевичемъ Ягупомъ, и со многими воеводами и со всею силою, обороня Устюга отъ Князя Дмитрея отъ Шемяки; онъ же слышавъ рать великаго князя, посадъ Устюжской пожегъ, а самъ пойде прочь, и ходиша рать великаго князя до усть Ваги до Осинова поля, и градки Кокшенгу и иные поимаша, и землю всю плѣниша, и въ полонъ выведоша. *Ст*. II, 23: И потомъ второму лѣту еще не дошедшу, устремися Шемяка ратовати Устьюга. Великій же Князь поиде въ Ярославль и на Кострому; а къ Устьюгу посла сына своего Великаго Князя Ивана и Царевича Ягупа... Великій же Князь Иванъ тогда съ нимъ же и Царевичь шедъ на Кокшенгу, и градки ихъ поимаша, а землю плѣниша. Ходиша же и до Устьваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася вси здрави со многимъ плѣномъ и съ великою корыстію.

Приведенные мною факты за періодъ времени отъ 1446 до 1452 г. ясно свидѣтельствуютъ о томъ,

что Касимъ и Якубъ первыя шесть лѣтъ по пріѣздѣ въ Россію прожили съ выведенными ими Татарами у насъ. Состояли же они, какъ видно, на службѣ у великаго князя, который употреблялъ ихъ въ случаѣ надобности: то бралъ съ собою въ походы, то посылалъ противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

Послѣ 1452 года свѣдѣнія о Касимѣ становятся весьма скудны. Объ Якубѣ же мы рѣшительно ничего не знаемъ: онъ или умеръ, или отъѣхалъ куда либо. Между тѣмъ объ эту пору совершилась въ жизни Касима перемѣна, не только имѣвшая вліяніе на судьбу его, но даже, въ нѣкоторой степени, важная для Россіи. Касимъ получилъ отъ великаго князя Московскаго Городецъ (городокъ Мещерскій) на берегу рѣки Оки въ Рязанской области. Въ дѣйствительности этого пожалованія, хотя и нѣтъ на него прямыхъ доказательствъ, сомнѣваться нельзя. Въ пользу его говорятъ: и нынѣшнее названіе Городца, переименованнаго (если не при самомъ Касимѣ, то вѣроятно вскорѣ послѣ него) въ честь царевича въ Касимовъ, и народное преданіе, живо сохранившееся доселѣ въ памяти жителей города изъ Татаръ, и наконецъ, какъ увидимъ ниже (стр. 33), нѣкоторыя имѣющіяся на то косвенныя письменныя указанія. Пожалованіе же Касиму Городца положило начало образованію внутри самой земли Русской удѣльнаго Татарскаго ханства, которое, состоя въ прямой зависимости отъ нашихъ государей, поддерживалось болѣе 200 лѣтъ.

Что побудило великаго князя Московскаго произвести служиваго своего царевича въ владѣтельное лицо, и отъ чего выборъ палъ на Мещерскій городокъ, а не на какую либо другую мѣстность — мнѣ кажется, догадаться не трудно. Въ половинѣ XV столѣтія, въ эпоху выѣзда въ Россію Касима и Якуба, главнѣйшую опасность для насъ представляло конечно царство Казанское: Золотая Орда уже падала, отживая свой вѣкъ среди междоусобій; Казань же, только что возродившаяся, еще свѣжая силами, грозила захватить власть въ свои руки. Очевидно, что великому князю Московскому надо было изыскивать средства, какъ бы обезопасить себя отъ новыхъ страшныхъ непріятелей. Счастливый случай привелъ ко двору его двухъ царевичей, близкихъ родственниковъ и по видимому враговъ хана Казанскаго. Нельзя же было не воспользоваться этимъ. Весьма легко, сама собою могла родиться мысль: пожаловать одному изъ царевичей городъ, и сдѣлать изъ него подвластнаго себѣ царька. Тутъ былъ прямой разсчетъ: царька, родственника хана Казанскаго, всегда когда угодно, можно было напустить на Казань, не принимая на себя отвѣтственности въ его поступкахъ; съ его же помощью не трудно было поддерживать междоусобія и безпорядки въ странѣ подобной ханству Казанскому, гдѣ какъ и во всѣхъ остальныхъ земляхъ Татарскихъ, права на престолъ не были точно опредѣлены, и гдѣ всякій царевичь, лишь бы онъ имѣлъ поддержку и партію, былъ

въ силахъ заявлять притязанія на верховную власть. Царекъ, выждавъ благопріятную минуту, могъ даже взобраться на престолъ Казанскій, и тогда Русскіе пріобрѣтали въ лицѣ его сосѣда, болѣе податливаго и менѣе опаснаго чѣмъ другіе ханы. А если жаловать кого либо городомъ и дѣлать себѣ гдѣ либо царька, то конечно всего ближе и лучше было дать городокъ Мещерскій. Во первыхъ, вся мѣстность кругомъ его въ Рязанской области была съ давнихъ поръ заселена: Мордвою и Мещерою (отъ чего и самый городокъ въ отличіе отъ другихъ звался Мещерскимъ), исповѣдывавшими частью язычество, частью, въ слѣдствіе близкихъ сношеній съ мусульманами — мухаммеданство; инородцевъ этихъ, скорѣе нежели Русскихъ, можно было отдать въ управленіе Татарину и мусульманину. Во вторыхъ, Городецъ на Окѣ лежалъ какъ бы на перепутьѣ между Москвою и Казанью; да и враждебные намъ Татары изъ разныхъ Ордъ, въ послѣднее время (какъ мы видимъ изъ лѣтописцевъ) все больше устремлялись на близлежавшія мѣста: грабили по сосѣдству съ Нижнимъ, Муромомъ, и воевали съ Мордвою и Казаками Рязанскими. Царевичу изъ городка Мещерскаго было удобно во всякую минуту: и самому пробраться въ Казань, и защитить край отъ вторженій непріятельоскихъ. Обстоятельство это было весьма важно.

Что Касимъ получилъ городокъ именно въ опредѣленную мною эпоху, т. е. около 1452 года—заключеніе это вывелъ я на слѣдующемъ основаніи:

Въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ части I, на стр. 279—283, подъ № 115, напечатана договорная грамота великаго князя Ивана Васильевича и сына его великаго князя Ивана Ивановича и братьевъ его, съ великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ, писанная 9 іюня 1483 года. Въ ней между прочимъ значится (стр. 280, 281): «А со Царевичемъ съ *Даньяромъ*, или кто будетъ иный Царевичь на томъ мѣсте, не канчивати ти съ ними, ни съсылатися на наше лихо; а жити ти съ ними по нашему докончанью. А что шло Царевичю *Касыму* и сыну его *Даньяру* Царевичю съ вашие земли при твоемъ дѣдѣ при Великомъ Князи *Иванѣ Федоровичѣ* и при твоемъ отцѣ при Великомъ Князи *Василье Ивановичѣ*, и что Царевичевымъ Княземъ шло и ихъ казначѣемъ и дарагамъ [14]): а то тобѣ

[14]) Казначѣй — по Татарски: хазиначи и хазначи (خزناچی ,خزینهچی) отъ слова Арабскаго происхожденія: خزینه — казна. Дарага — очевидно тоже что *даруга* (داروغه). Званіе даруги существуетъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ частяхъ востока. Значеніе его мѣнялось, смотря по времени и мѣсту. О даругахъ, какъ о чиновникахъ полицейскихъ и сборщикахъ пошлинъ у Чингизидовъ см. Hammer, Geschichte der Goldenen Horde. Pesth. 1840, стр. 238, 239; см. также о даругахъ: Березинъ. Внутреннее устройство Золотой Орды, стр. 10. Какъ понимать даругъ въ настоящей грамотѣ, гдѣ они стоятъ рядомъ съ казначеями: въ смыслѣ ли

полицейскихъ чиновниковъ, или простыхъ сборщиковъ, рѣшить трудно, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Въ Средней Азіи зовутъ теперь даругами областныхъ начальниковъ, въ Персіи — городскихъ старшинъ (см. Дорнъ. Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу въ VIII части Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императ. Археол. Общества, стр. 261).

давати съ своее земли Царевичю *Даньяру*, или кто иной Царевичь будетъ на томъ мѣстѣ, и ихъ Княземъ и Княжимъ казначѣемъ и дарагамъ по тѣмъ записемъ, какъ отець мой Князь Велики Василей Васильевичь за твоего отця за Великого Князя *Василья Ивановича* кончалъ со Царевичевыми съ *Касымовыми* Князьми съ *Кобякомъ* съ *Айдаровымъ* сыномъ, да съ *Исакомъ* съ *Ахматовымъ* сыномъ. А ясачныхъ людей отъ Царевичя отъ *Даньяра*, или кто будетъ на томъ мѣстѣ иный Царевичь; и отъ ихъ Князей тобѣ Великому Князю Ивану и твоимъ Бояромъ и твоимъ людемъ не приимати. А которые люди вышли на Резань отъ Царевичя и отъ его Князей после живота дѣда твоего Великого Князя *Ивана Федоровича* бесерменинъ, или Мордвинъ, или Мачяринъ [15]), черные люди, которые ясакъ Царевичю

[15]) Бесерменинъ т. е. мусульманинъ. Мачяринъ, очевидно—тоже что Мещеринъ, Мещерякъ; это самое племя (Мещера) звалось у насъ Можарами (*Царк.* 172, *Лв.* IV, 234 и *Ник.* VII, 79: Чувашу, и Черемису, и Мордву, и *Можаровъ*, и Тархоновъ [*Ник.* и *Лв.*

Тархановъ] привели къ правдѣ; *Царк.* 178: и Чуваша, и Черемиса, и Мордва, и Тарханы, и *Можары*, и вся земля Казанская; ср. *Лв.* IV, 242, а также *Ник.* VII, 82, гдѣ: и Чуваша и Черемиса и Морддва и Тархань и *Моржары* и вся земля Казанская; объясненіе Арцыбышева, II, к. IV, стр. 175, № 1108, будто Можары «уповательно владѣльцы Мордовскіе» ни на чемъ не основано: тарханъ — званіе [см. Березинъ. Внутреннее устройство Золотой орды. Спб. 1850, изъ Журнала мин. нар. просв. 1850, № 10, стр. 4 — 6], а Можаръ — имя народа) и было одного происхожденія съ Мордвою, т. е. Финскаго, по крайней мѣрѣ оно постоянно упоминается у нашихъ лѣтописцевъ среднихъ временъ (древнимъ же оно вовсе неизвѣстно) вмѣстѣ съ Мордвою и Черемисами. Слово Мачяринъ и Можаръ сохранилось до сихъ поръ въ Татарскомъ имени: Мишяръ (میشار), которымъ называетъ себя часть Татарскаго по языку населенія (Мещеряки) губерній: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, и Тамбовской, составляющая какъ думать можно, отатарившіеся остатки прежней Мещеры (Мачяровъ и Можаровъ). Теперь Мещеряками (میشار) зовется еще у насъ племя, обитающее по сосѣдству съ Башкирами и говорящее особымъ Татарскимъ нарѣчіемъ. Племя это, должно быть, тоже одного происхожденія съ древнею Мещерою. Оно составилось изъ сходцевъ изъ Алатырскаго и Симбирскаго уѣздовъ (значитъ Мещеряковъ же), которымъ по грамотѣ 7196 г. повелѣно было служить по городу Уфѣ, обще съ

тамошними дворянами и иноземцами (Рычковъ. Топографія Оренбургской губерніи въ Сочиненіяхъ и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ, февраль 1765 г., стр. 230, 231). Судя по окладу лица Оренбургскихъ Мещеряковъ, должно полагать что въ нихъ, какъ и въ Башкирахъ, есть примѣсь Монгольской крови.

даютъ: и тебѣ Великому Князю Ивану и твоимъ Бояромъ тѣхъ людей отпустити доброволно на ихъ мѣста, гдѣ кто жилъ; а кто не похочетъ на свои мѣста пойти, ино ихъ всилу не вывести, а имъ Царевичю давати его оброки и пошлины по ихъ силѣ. А что давали тѣ люди дѣду твоему Великому Князю *Ивану Федоровичю* и отцу твоему Великому Князю *Василью Ивановичю;* и ты свои пошлины емлешъ, а Царевичю въ то не вступатися, ни его Княземъ. Также и опроче того, который Царь или Царевичь будетъ у насъ въ нашей землѣ, не кančивати ти съ ними, ни съсылатися на наше лихо; а учнутъ тебя чѣмъ обидети, и намъ за тобя стояти и боронити» (ср. тамъ же № 116, стр. 284; *Др. Вивл.* II, № 96, 97, 98, стр. 167, 168, 175, 176, 185, 186). Въ грамотѣ говорится о какой то дачѣ шедшей съ Рязанской земли въ пользу Касима и сына его Даніяра еще при великомъ князѣ Рязанскомъ Иванѣ Федоровичѣ, о записяхъ совершенныхъ по этому предмету Василіемъ III, за великаго князя Рязанскаго Василія Ивановича, съ Касимовыми Князьями: Кубекомъ сыномъ Хайдера (كوبك حيدر اوغلى) и Исхакомъ сыномъ Ахмеда (اسحاق احمد

أوزق), и наконецъ о Мордвѣ и Мещерѣ и объ ихъ отношеніяхъ къ царевичамъ и великимъ князьямъ Рязанскимъ (см. также: *Прод. Древн. Росс. Вивл.* IV, № 117, 118, стр. 28 — 30, 42 — 44). Не объяснено: почему и какъ состоялись всѣ эти постановленія, но очевидно что онѣ должны быть отнесены къ той эпохѣ, когда съ начала Касимъ, а потомъ, въ качествѣ его преемника, сынъ его Даніяръ (Даніяръ дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, управлялъ Городцомъ) владѣли городкомъ Мещерскимъ; въ противномъ случаѣ не къ чему было бы опредѣлять ихъ отношеній къ Рязани, Мордвѣ и Мещерѣ. Рядомъ съ Касимомъ стоятъ имена великихъ князей: Московскаго Василія и Рязанскаго Ивана Федоровича. Василій скончался въ 1462 г., а Иванъ Федоровичь—въ 1456 г. (см. Родословныя росписи Князей владѣтельныхъ Строева въ Ключѣ къ Ист. Гос. Росс. Карамзина. Спб. 1844. Росписи XV и VII). И такъ Касимъ получилъ Городецъ не позже 1456 г. — тотчасъ по выѣздѣ въ Россію въ 1446 г. едва ли—значитъ около 1452 г., немного ранѣе или немного позже.

Гаммеръ пишетъ, что Касиму въ награду за услугу оказанную имъ при разбитіи Татаръ около р. Похры, слѣдовательно въ 1449 году, отведено было пустое мѣсто на Окѣ въ землѣ Муромской, и что царевичь построилъ городъ, названный имъ *городомъ хана Крымскаго*, изъ котораго въ послѣдствіи образовался нынѣшній уѣздный городъ, лежащій при впаденіи въ Оку рѣки Бабенки и про-

званный въ честь Касима — Касимовымъ [16]). Откуда

[16]) Такъ я понимаю слова Гаммера (Gesch. der Gold. Horde, стр. 394): «Da eilte Sultan Kasim aus Swenigorod zu Hülfe herbey und schlug dieselben zurück. Aus Dankbarkeit dafür räumte der Grossfürst dem Kasim einen 'Jurt an der Okka, im Gebiethe von Murom ein. Dort baute er eine Stadt, welche er die des *Chanes der Krim* nannte. Seinen Nahmen erhält noch heute die am Einflusse der Babinka in die Okka gelegene Kreisstadt, welche, auf einer Anhöhe gelegen, mit einem Erdwall umgeben, noch heute von einem halben Tausend Tataren bewohnt, durch tatarische Slobode und Moschee das Andenken ihres Ursprunges bewahrt». При этомъ ссылка: «Gaspari's und Hassel's Handbuch der Erdbeschreibung, XI Bd. S. 470, und antiquitates Mohammedanae monumenta vasa explicuit Fraehn parte II. Petropoli, 1822, p. 22, wo der Bau Kasimow's aber schon ins Jahr 1152 gesetzt wird».

Нѣмецкій ученый почерпнулъ занимательное свѣдѣніе о небываломъ «городѣ хана Крымскаго» не знаю. Ужь не создалъ ли онъ его изъ «Царевичева городка»; именемъ же этимъ (которое до нынѣ сохранилось въ Татарскомъ названіи Касимова [17]): Ханъ-кирманъ خان كرمان —

[17]) Касимовъ зовется еще по Татарски: Кизи-кирманъ, какъ пишетъ авторъ статьи: «О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи», помѣщенной въ Журн. мин. вн. дѣлъ 1841. Іюль. Ч. XLI. Смѣсь, стр. 8.

царевъ городъ) звался въ XV и XVI стол., какъ мы уви-

димъ ниже, Мещерскій городокъ, получившій это прозвище, безъ сомнѣнія, съ того времени какъ его стали жаловать царевичамъ Татарскимъ. Непонятно также почему Гаммеръ считаетъ Касима основателемъ Касимова, и думаетъ что ему пожаловано было пустое мѣсто, которое онъ застроилъ самъ. Городецъ, данный Касиму и прозванный въ послѣдствіи Касимовымъ, существовалъ издавна, съ какихъ поръ именно—положительно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ гораздо ранѣе пріѣзда въ Россію Касима и Якуба. Щекатовъ (Слов. геогр. Росс. гос. II, сл. *Городецъ*) говоритъ, что городъ этотъ основанъ былъ въ 1152 г. великимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, въ подражаніе Кіевскому Городцу, разоренному княземъ Изяславомъ [18]) (ср. Энцикл. Лексик.

[18]) Подъ другимъ словомъ: *Касимовъ* (ч. III), тотъ же Щекатовъ говоритъ, что время основанія этого города неизвѣстно.

Плюшара, Т. XV, сл. *Городецъ*). Многіе (Миллеръ, Щекатовъ и др.) даже того мнѣнія, будто въ городкѣ Мещерскомъ скончался великій князь Александръ Невскій, при проѣздѣ своемъ изъ Золотой Орды. Съ своей стороны жители думаютъ, что нынѣшняя каменная церковь Богоявленія стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился Городецкій Богоявленскій монастырь, въ которомъ, передъ кончиной своей, Св. Александръ пріялъ схиму (О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи въ Журн. мин. вн. д. 1841. Іюль. Ч. XLI. Смѣсь, стр.

12). Впрочемъ на это мнѣніе нельзя вполнѣ полагаться и вѣроятнѣе то, что Александръ Невскій скончался въ Городцѣ Волжскомъ или Радиловѣ (Отечественныя Записки 1842 г. Августъ. Т. XXIII. Смѣсь, стр. 65 и сл. П. Мельниковъ. Историческія Замѣтки: 1) Гдѣ скончался Св. Александръ Невскій?).

Любопытныя свѣдѣнія о старинномъ Городцѣ находятся въ статьѣ: «Историческая замѣтка о городѣ Касимовѣ (изъ дѣлъ Статистическаго комитета)», помѣщенной въ Рязанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1846 г., № 13. Въ ней читаемъ слѣдующее: «Городъ Касимовъ, называвшійся въ древности *Городцемъ*, находится при рѣкѣ Окѣ на устьѣ рѣки Бабенки. Городъ сей для охраненія отъ непріятельскихъ набѣговъ имѣлъ въ окрестностяхъ пять земляныхъ укрѣпленій на неприступныхъ мѣстахъ, которыя вошли нынѣ въ предѣлы владѣльческихъ дачь: 1) съ восточной стороны *Земляной Стругъ* (названное по сходству съ стругомъ); къ нему примыкаетъ съ сѣвера особенная крѣпость съ землянымъ валомъ и воротами; 2) съ полуденной стороны *Столбище*, близъ деревни Поповской, красиваго пирамидальнаго вида, съ двойной площадью на уступѣ въ половинѣ холма; 3) къ западу отъ Столбищь, на другомъ берегу Оки, *Бакшеевское*, на крутомъ и каменномъ утесѣ близъ села Перьевъ; 4) съ сѣвера при рѣкѣ Сынтулѣ, неимѣющее названія, на каменной же крутизнѣ, обнесено землянымъ валомъ; и 5) къ западу отъ рѣки Сынтула чрезъ рѣку Оку, *Бабенское*, при селѣ Бабенскомъ

Погостѣ [19]). Среди этихъ укрѣпленій стоялъ древній

[19]) Съ этимъ описаніемъ прежняго Городца можно сравнить и то что сказано въ статьѣ: «О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи», стр. 8. Тамъ значится: «При устьѣ послѣдней (Бабенки), на мысу выдавшагося кургана, находятся старинныя развалины Городца, состоящія изъ земляныхъ укрѣпленій, какъ то: глубокихъ рвовъ, высокихъ насыпей и бастіоновъ, при коихъ, по разсказамъ старожиловъ, были стѣны, башни и деревянныя ворота. По разграниченіи Рязанской первобытной области, состоявшей тогда въ смежности съ Мордвою и Муромою, Городецъ, какъ пограничный съ ними, имѣлъ вокругъ себя пять оборонительныхъ потайныхъ крѣпостей, съ высокими насыпями, не въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи, коихъ признаки доселѣ видны. Онѣ называются: 1) на востокъ — *Земляной Стругъ* (по подобію съ стругомъ, или расшивой, баркою), съ примыкавшею къ нему особенною крѣпостью; 2) на югъ — *Поповскій* или *Столбищенскій*, крутой друхъ-ярусный мысъ; 3) отъ сего послѣдняго къ западу за рѣкою Окою, на каменномъ, крутомъ, утесистомъ берегу—*Бакшеевская* или *Перьинская* крѣпость; 4) на той же сторонѣ рѣки, отъ города къ западу, и на томъ же крутомъ берегу—*Бабенская*; 5) на сѣверъ, на берегу же рѣки Сынтула, *Сынтульская*» (см. также: Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская Губернія. Составилъ М. Барановичъ. Спб. 1860, стр. 523). Дѣйствительно ли Земляной Стругъ, Столбище и пр., какъ полагаютъ сочинители ука-

занныхъ вновь двухъ статей, были передовыми укрѣпленіями прежняго Городца — вопросъ этотъ далеко нерѣшенный, тѣмъ болѣе что и время ихъ возведенія неизвѣстно. Г. Барановичъ (Мат. для геогр. и стат. Россіи. Рязанск. губ., стр. 549) утверждаетъ даже положительно, будто «мнѣніе, что *Земляной Стругъ*, *Столбище* и курганы: *Бабенскій*, *Сиктулскій* и *Баишевскій* были нѣкогда крѣпостями, опровергается какъ разсудкомъ, такъ и самою ихъ мѣстностью». «Не было», говоритъ онъ, «никакой нужды окружать городъ со всѣхъ сторонъ отдѣльными передовыми укрѣпленіями, когда сама природа защитила его отъ всякихъ неожиданныхъ нападеній едва доступными крутизнами береговъ Оки и глубокихъ овраговъ; если же, какъ полагаютъ нѣкоторые, курганы эти служили только наблюдательными постами, то на это можно замѣтить, что лѣса, покрывавшіе всю эту мѣстность, не позволяли обозрѣвать съ кургановъ и самыхъ ближайшихъ окрестностей». Мнѣніе г. Барановича, какъ спеціалиста въ дѣлѣ военномъ, весьма важно. Не бывавъ самъ на мѣстѣ, и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить вопросъ, я для лицъ, которыхъ этотъ предметъ можетъ занимать, выпишу изъ сочиненія г. Барановича (стр. 549, 550), описаніе нынѣшняго вида и положенія Касимовскихъ кургановъ. Описаніе это представляетъ много любопытныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣній: «*Земляной стругъ* находится въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ С. В. отъ города. Окружающая его мѣстность гориста и имѣетъ глинисто - песчаную почву, покрытую мелколѣсьемъ; съ южной стороны прилегаетъ

къ нему оврагъ, верстахъ въ 4-хъ отсюда врѣзающій-ся въ нагорный берегъ Оки. Названіе свое Земляной Стругъ получилъ отъ сходства съ баркою (Стругомъ); даже и теперь, когда наружный видъ кургана значительно отъ времени измѣнился, онъ все еще сохраняетъ подобіе барки. Внутренній составъ кургана чернозёмъ; окружность его до 30 саженъ; высота до 4-хъ и никакихъ примѣтъ, которыя бы доказывали, что онъ былъ нѣкогда обитаемъ, не существуетъ. Земляной Стругъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть замѣчательнѣйшій остатокъ Касимовской старины; ясно видно, что онъ дѣло рукъ человѣческихъ, но съ какою цѣлью и когда устроенъ неизвѣстно. Народное повѣрье облекаетъ происхожденіе кургана въ самый баснословный вымыселъ; говорятъ, что Ока протекала въ древности между горами окружающими Земляной Стругъ и что здѣсь на лодкахъ и баркахъ плавали разбойники, грабившіе окрестности; но покровители Касимовскіе, сжалясь надъ жителями, потопили самую большую разбойничью барку, а Окѣ велѣли принять другое направленіе; такимъ образомъ потопленная барка осталась на сушѣ и, обросши землею, сохранила прежній свой видъ. Основываясь на этой баснѣ многіе считаютъ Земляной Стругъ притономъ разбойниковъ; но справедливѣе, кажется, заключить, что курганъ есть уже произведеніе позднѣйшаго времени и служилъ мѣстомъ увеселенія Касимовскихъ царей и хановъ. — *Столбищенскій курганъ* находится въ 4-хъ верстахъ отъ города, близъ д. Поповской. Наружный видъ кургана имѣетъ сходство съ

усѣченнымъ конусомъ; окружность его до 20, высота до 5 саженъ, а внутренній составъ: глина, песокъ и черноземъ. Окрестная мѣстность овражиста и покрыта частымъ кустарникомъ также, какъ и самъ курганъ. Древнихъ развалинъ близъ кургана не существуетъ, и никакихъ старинныхъ вещей въ немъ не находилось; названіе онъ получилъ вѣроятно отъ фигуры своей; впрочемъ увѣряютъ, что д Поповская, не подалеку отъ кургана находящаяся, построена на урочищѣ, которое, неизвѣстно почему, изстари называлось *Столбище*. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ преданій объ этомъ курганѣ.—*Бакшеевскій* или *Первинскій курганъ* стоитъ на каменистомъ и утесистомъ мысу праваго берега Оки, верстахъ въ осьми отъ Касимова, близъ сельца Шемякина. Фигура кургана конусообразная, съ усѣченнымъ верхомъ, грунтъ глинистый, окружность до 25 и высота до 3 саженъ. Въ 1836 году неподалеку отъ него было найдено нѣсколько серебряныхъ Татарскихъ монетъ» (въ описаніе г. Барановича включены и тѣ краткія свѣдѣнія о курганахъ: *Земляномъ Стругѣ*, *Столбищѣ* и *курганѣ близъ сельца Шемякина* т. е. Бакшевскомъ, которыя еще въ 1846 г. были сообщены г. Пискаревымъ, въ его статьѣ, помѣщенной въ Рязанскихъ губ. вѣд. за 1846 г., № 36, подъ заглавіемъ: «Географія Рязанской губерніи». Отдѣлъ VI. Курганы и остатки древнихъ укрѣпленій).

Городецъ, извѣстный въ Россійской исторіи подъ именемъ *Мещерскаго городка*. Постриженіе и кончи-

на святаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, въ бывшемъ тамъ Городецкомъ монастырѣ 1263 года, содѣлали этотъ городокъ замѣчательнымъ. Неподалеку отъ него лежитъ трактъ шествія Татаръ на Рязанское княжество, по которому великіе князья Русскіе ходили съ данью и поклонами въ Кипчакскую Орду. Этотъ городокъ былъ истребленъ вмѣстѣ съ прочими городами, какъ видно изъ исторіи, въ 1376 году Монголами, обратившими тогда въ пепелъ всѣ города и селенія до Мурома. Въ послѣдствіи времени городъ сей выстроенъ вновь на красивѣйшемъ мѣстѣ, выше прежняго по теченію Оки на 600 сажень, гдѣ нынѣ соборъ и площадь, и назывался до 1471 года, по низовому положенію отъ Москвы, *Новымъ Низовымъ Городомъ*. А съ 1471 года называется Касимовымъ, по имени Казанскаго царевича *Касима*, которому онъ былъ подаренъ Іоанномъ IV (?) Васильевичемъ Грознымъ» (ср. Журн. мин. нар. пр. 1851. Мартъ. Отд. VI, стр. 132) [20]).

[20]) Свѣдѣнія эти о Городцѣ, начиная съ извѣстія о разрушеніи его Монголами въ 1376 г., перешли почти цѣликомъ въ Иловайскаго Исторію Рязанскаго княжества (Москва. 1858), стр. 259, и въ Барановича Рязанскую губернію, стр. 14 и 523, съ тою только разницею, что гг. Иловайскій и Барановичъ годъ 1471, который въ «Исторической замѣткѣ» названъ годомъ переименованія Городца въ Касимовъ, считаютъ временемъ пожалованія Городца Касиму. Въ 1471 году

царевича, какъ думать должно, уже не было въ живыхъ (см. ниже, стр. 58).

Весьма любопытно было бы знать въ подробности правà, на которыхъ Касимъ управлялъ Мещерскимъ городкомъ, и обязанности, которыя лежали на немъ, какъ на вассалѣ великаго князя. Къ сожалѣнію источниковъ къ тому нѣтъ. О правахъ можно только судить по вышеприведенной мною выпискѣ изъ договорной грамоты 1483 года. Оказывается, что по согласію великаго князя Московскаго съ великимъ княземъ Рязанскимъ царевичу, сыну его и князьямъ шла извѣстная дача съ земли Рязанской. Видно также что у него, какъ въ послѣдствіи у Даніяра, были мусульмане, Мордвины и Мещеряки, платившіе ясакъ (оброкъ) и пошлины; но находились ли у него подъ властью Русскіе или нѣтъ — въ грамотѣ того не значится. Знаемъ еще, что царевичь и князья его имѣли особыхъ казначеевъ и даругъ. Обязанности Касима относительно великаго князя Московскаго состояли, по всей вѣроятности, главнѣйшимъ образомъ: въ повиновеніи волѣ государя, и въ явкѣ къ нему при первомъ востребованіи со всею дружиною на службу воинскую. Послѣдующіе цари и царевичи Касимовскіе давали на себя шерти при пожалованіи имъ городка. Безъ сомнѣнія и Касимъ присягалъ въ вѣрности по особой шертной грамотѣ.

Что дѣлалъ Касимъ въ первое время по вступле-

нія своемъ въ управленіе Городцомъ — рѣшительно неизвѣстно. Послѣ 1452 года объ немъ упоминается не ранѣе, какъ въ 1467 году. Объ эту пору онъ предпринялъ походъ противъ Казани. Случилось же это слѣдующимъ образомъ. Въ Казани послѣ Махмутека, умершаго почти въ одно время съ Василіемъ Темнымъ, и сына его Халиля (خليل), правившаго не долго, вступилъ на престолъ другой сынъ Махмутековъ — Ибрагимъ (ابراهيم) [21].

[21]) Въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, на основаніи которой, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, я опредѣлилъ время смерти Махмутека, не говорится ни слова о Халилѣ, и прямымъ наслѣдникомъ Махмутека названъ сынъ его Ибрагимъ. «Въ тоже время (т. е. вскорѣ по воцареніи Ивана Васильевича III)», пишетъ сочинитель *Ик.*, стр. 29, «по *мотякѣ* Царѣ Казанскомъ во Царися на Казань сынъ его Царевичь *Абрегинъ*». О Халилѣ умалчиваютъ и всѣ лѣтописцы Русскіе. Но что Халиль дѣйствительно существовалъ, и былъ сынъ Махмутека и братъ Ибрагима—о томъ свидѣтельствуетъ старая Руская родословная царей Татарскихъ. Выписываю ее цѣликомъ по списку Родословной книги, помѣщенной въ Синопсисѣ Сторожевскаго монастыря 1676 года (Копенгагенская рук., л. 498—499; выписка сообщена мнѣ академикомъ И. И. Срезневскимъ): *Родъ царей Крымскихъ и Казанскихъ* (слѣдовало бы прибавить *и Астраханскихъ*, потому что въ началѣ поименовываются цари Астраханскіе). Темиръ

Туклукъ, Темербекъ улановъ сынъ. Темиръ Туклуевъ сынъ, Темиръ царь. Темиревъ сынъ, Махметъ царь. Махметовъ сынъ, Ахматъ. Ахматовы дѣти: Муртаза, да Сеитъ-Ахметъ, да Ши-Ахметъ. Большаго сына Муртазинъ сынъ, Ахкубекъ; другой—Бердябякъ.

А Сеитъ-Аметевъ сынъ, Касай царь. А Шихъ-Аметевъ сынъ, Шиадеръ. Ахкубековъ сынъ, Кайбула. А Бердебяковъ сынъ, Ахмурчѣй. Касуевъ сынъ, Семенъ царь. А Шиадеровъ сынъ, Дербышь царь. Тахтамышь, Тойгодинъ сынъ улановъ, а убилъ его Дигій князь. А Тахтамышевъ сынъ Бирдибекъ, а убили его братія. А другой сынъ Тахтамышевъ, Дулатъ-бердій уланъ же въ Литвѣ у Витовта. Дулатъ-бердій улановъ сынъ, Азигирей. Азигиреевы дѣти: Норедъ-улатъ, Аидаръ, Минлигирей, Узтемиръ царевичь, Хаджи царевичь. Нородоулатовы дѣти: Салтанъ-ганъ, да Джанай. А Мулгиреевы дѣти: Махметъ-кирей, да Ахматъ, да Бурнашь, да Ѳатъ-кирей, Сади-кирей, Мубарекъ-кирей, Сапкирей. А Мамиткиреевы дѣти: Богатырь, да Алпъ, да Казигирей, да Магметъ, да Исламъ.

Ѳатигиреевы дѣти: сынъ, Саѳагирей Казанской. А Мубарекъ-кирѣевъ сынъ, Девлетъ-кирей Крымской. Саѳагиреевъ сынъ Казанского, Александръ. Зекилъ-Асанъ уланъ. Сынъ его, Улумахметъ царь. Улумахметовъ сынъ, Моматякъ. *А Моматяковы дѣти: Халилъ царь, да Бреимъ*. У Бреима дѣти: Алыганъ, да Милехъ-ланръ, да Кудагулъ во крещеніи Петръ, да Махметъ-Аминъ, да Обделитивъ. А Милигдаровы дѣти: князь Василей, да князь Ѳедоръ. (Сообщенную мною родословную

можно сравнить съ родословными, помѣщенными подъ заглавіемъ: *Родъ Царей Крымскихъ и Казанскихъ и Астраханскихъ*, въ Родословной книгѣ, напечатанной во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 10. Матеріалы, стр. 129, 130, 221 и 222, по спискамъ Московской Синодальной библіотеки и Московскаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ [спис. Б.] Существенная разница между ними и родословной приведенной мною, замѣтна только въ той части, которая касается царей Крымскихъ; тутъ иногда встрѣчаются: перестановка лицъ, пропуски, и значительное несходство въ правописаніи именъ собственныхъ. Для примѣра укажу на варіанты относящіеся до лицъ, имена которыхъ всего чаще будутъ встрѣчаться въ моемъ сочиненіи. Такъ вмѣсто: «Азигиреевы дѣти:Норедъ-улатъ, Аидаръ, Минлигирей, Узтемиръ царевичь, Хаджи царевичь. Нородоулатовы дѣти: Салтанъ-ганъ, да Джанай» стоитъ въ *Син.* спискѣ: «А Ази Гиреевы дѣти: Нородулатъ, да Идаръ Менли Гирей Азтемиръ Царевичъ; Нородулатовы дѣти: Салтаганъ, да Дчина»; въ *Арх.* — «Азигиреевы дѣти: Нарадулятъ, Айдаръ Менглиричь, Утезмиръ Царевичь, Халчисанъ, Таганъ, да Чинчина Царевичь. Народилатовы дѣти: Махметъ-гирей да Охматъ»—здѣсь очевидно «Нородоулатовы дѣти: Салтанъ - ганъ, да Джанай» *Коп.* списка включены въ число сыновей Азигирея; кто они, какъ не: [Халчи—Хаджи *Коп.*] санъ, Таганъ [Салтанъ-ганъ *Коп.*, Салтаганъ *Син.*], да Чинчина [да Джанай *Коп.*, да Дчина *Син.*] Царевичь? Родословіе *царей Астра-*

ханскихъ и *Казанскихъ* во всѣхъ трехъ спискахъ [*Кон.*, *Син.* и *Арх.*] довольно схоже, и разница преимущественно состоитъ въ правописаніи именъ собственныхъ. Такъ въ *Син.* спискѣ *родъ Астраханскихъ царей* выведенъ слѣдующимъ образомъ: «Царь Темиръ Кутлуй Темиръ Бекъ Улановъ сынъ, Темиръ Кутлуевъ сынъ Темиръ царь, Темиревъ сынъ Магметъ царь, Магмедевъ сынъ Ахматъ царь; Ахматовы дѣти: Муртоза, да Сеидъ Ахметъ, да Шихъ-Ахметъ, Муртозинъ сынъ Ахбукикъ, а другой Бердебикъ; а Сеитъ Ахматовъ сынъ Кайсай Царь Астраханской; а Шихъ Ахметовъ сынъ Аидаръ; Ахкубиковъ сынъ Кай Булатъ; а Бердебиковъ сынъ Аримугурчей; а Кайсаевъ сынъ Семіонъ Царь Казанской; а Шихъ Аидаровъ сынъ Дербышъ Царь Астраханской»; въ *Арх.* спискѣ—«Царь Темиръ-Кутлуй Теміръ-Бекъ Улановъ сынъ; Темиръ-Кутлуевъ сынъ Темиръ Царь; Царь Темировъ сынъ Махмедъ; Царь Махметевъ сынъ Ахматъ; Царь Ахматовы дѣти: Муторза, да Сеитъ-Ахметъ, да Ши-Ахметъ. Муторзинъ сынъ Ахкубикъ, другой Бердебекъ; а Сеитъ-Ахметевъ сынъ Казай Царь; а Ши-Ахметевъ сынъ Шайдаръ; Ахкубиковъ сынъ Кайбула; а Бердебиковъ сынъ Ярик-Гурчей. Казаевъ сынъ Семіонъ Царь; а Шайдаровъ сынъ Дербишь». О *Казанскихъ царяхъ* сказано въ *Син.* спискѣ: «Зече Асанъ Уланъ, сынъ его Улу Ахметъ Царь; а Улу Ахметевъ сынъ Мамотякъ Царь; Момотяковы дѣти: Халилъ Царь, да Обрегимъ; а Обрегимовъ сынъ Алехамъ, да Мелегдаръ, да Кудалгу, во крещеніи имя Петръ, да Магметеминъ Царь Казанской, да Абдыле-

тевъ; а Мелегдаровы дѣти: Князь Василей, да Князь Өедоръ»; — въ *Арх.*: «Зегенъ Асанъ Уланъ сынъ его Алунахмедъ Царь. Алунахметевъ сынъ Монатякъ Царь. Монатяковы дѣти: Халилъ Царь, да Омбреимъ; у Амбреима дѣти: Алегамъ да Мелегъдаиръ да Кудагулъ, во крещеніи Петръ, да Мегмедиминъ да Бдылетинъ. Мелегдаровы дѣти: Князь Василій, Князь Өедоръ». Въ Родословной книгѣ князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ [Ч. I, стр. 24, 25, 26. Глава 3. № 7, 8, 9], приведены три родословныя: 7. Родъ Астраханскихъ царей. 8. Родъ Крымскихъ царей. 9. Родъ Казанскихъ царей. Всѣ эти три родословныя — ничто иное, какъ видоизмѣненіе той же самой родословной царей Крымскихъ, Казанскихъ и Астраханскихъ, которая напечатана мною и во Временникѣ. Въ *родѣ Крымскихъ царей*, *Род.* наиболѣе близокъ къ *Коп.* списку; въ доказательство перечислю по *Род.* стр. 25, дѣтей Азигиреевыхъ: «А Азигиреевы дѣти: Нордо Улатъ Айдаръ. Иминли Гирей. Узтемиръ Царевичь. Ихаджи Царевичь. Нордо Улатовы дѣти: Салтаганъ. Идженай». Главнѣйшимъ же образомъ разнится *Род.* отъ *Коп.* списка при перечисленіи Крымскихъ хановъ въ томъ, что по *Род.* въ Литвѣ жилъ не отецъ Азигиреевъ, а самъ Азигирей, и жилъ не у Витовта, а у Казимира [этого нѣтъ и въ другихъ спискахъ], и что послѣ имени Сеөакирея находится еще въ *Род.* и въ немъ одномъ только, приписка гдѣ говорится о сынѣ Сеөакирея Утемишѣ и о томъ, какъ Утемишъ этотъ крестился и какъ на его мѣсто великій князь посадилъ

царя Шигалея [у Миллера въ Sammlung Russischer Geschichte. Zweiter Band. Erstes Stück. 1736, къ стр. 22 приложенъ Нѣмецкій переводъ одной родословной Крымскихъ хановъ. Это — та самая, которая напечатана въ *Род.*; издатель *Род.*, какъ онъ самъ пишетъ, руководствовался при печатаніи своей книги спискомъ сообщеннымъ ему Миллеромъ; впрочемъ и у Миллера есть нѣкоторая разница въ правописаніи именъ собственныхъ: Шигалей написанъ у него Schigitleja; сыновья Азигирея названы: Nordoullat. Aydar. Min Girei. Vs Temir. Chadzi; а Нордо Улатовы дѣти — Salatgan. Dschena]. *Родъ Казанскихъ царей* въ *Род.* стр. 26, 27, слѣдующій: «Ечкель Асанъ Уланъ. У Ечкель Асанъ Улана сынъ Улу Махметъ Царь. У Улу Махмета сынъ Монотякъ; то первой Царь на Казани. У Монотяка Царя дѣти: Халилъ Царь. Ибреимъ Царь. У Ибреима Царя дѣти: Алегамъ Мелехъ. Даиръ Кудаигулъ, во крещеніи Петръ Царевичь; а была за нимъ дочь Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Россіи; а у Царевича Петра были двѣ дочери: одна была за Княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ, а другая была за Княземъ Васильемъ Васильевичемъ Шуйскимъ. Мегмедеминъ Царь. Абделетиеъ Царь. Мелехъ Даировы дѣти во крещеніи Василей, да Ѳедоръ Царевичи». Эта родословная, какъ видно, близко подходитъ къ той, которая извѣстна намъ по спискамъ Копенгагенскому и Московскимъ; въ ней только то мѣсто, гдѣ говорится о царевичѣ Петрѣ — нѣсколько полнѣе. *Родъ царей Астраханскихъ* напечатанъ въ *Род.* съ гораздо большими

подробностями нежели у меня по *Коп.* списку, и во Временникѣ. Выпишу его здѣсь такъ, какъ онъ приведенъ въ *Род.* стр. 24, 25: «Темиръ Бекбуланъ. У Темиръ Бекбулана сынъ Темиръ Кутлуй Царь, первой Царь на Астрахани. У Темиръ Кутлуя сынъ Темиръ Царь. У Темира сынъ Кеимагметъ Царь. У Кеимагмета Царя дѣти: Магметъ Царь. Егупъ Царь. Ахматъ Царь. У Егупа Царевича сынъ Чювакъ Царевичь. У Чювака сынъ Яныбекъ Царевичь. У Яныбека Шиховлеяръ Царевичь. У Шиховлеяра сынъ Шигалей Царь, былъ на Казани при Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Руссіи, и при Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Россіи, напередъ Царей Александра и Семена; а Семенъ былъ на Казани послѣ Александра. А Ахматовы Царевы дѣти третьяго сына Кей Магметева Царева. Муртоза Царь. Сеитъ Ахматъ Царь. Шіахметъ Царь. У Муртозы дѣти: Акъ Кубекъ Царь. Бердибекъ Царь. У Акъ Кубека сынъ Кайбула Царевичь. А у Бердибека сынъ Енгурчей Царь. А у Сеитъ Ахмата царя сынъ Касай Царь. У Касая дѣти Казбулатъ Царевичь. Едигеръ, Царь Казанской, а во крещеніи Семіонъ; а взятъ въ Казани полономъ, какъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Россіи Казань взялъ. А у Шіахмета Царя сынъ Аидаръ Царь. А у Аидара другой сынъ Дервишъ Царь; а былъ на Астрахани; а въ другой рядъ посадилъ его на Астрахани жъ Царь и Великой Князь Иванъ Васильевичь всеа Россіи, а посылалъ съ нимъ на Астрахань рать свою». Я съ цѣлью не только привелъ всю родословную Татарскихъ царей по списку Сторожевскаго монастыря,

но и сравнилъ ее со всѣми остальными родословными напечатанными по другимъ спискамъ, и даже вдался въ нѣкоторыя подробности. Всѣ списки очевидно одного происхожденія: основаніемъ имъ служилъ какой либо одинъ списокъ, который въ послѣдствіи пополнялся и сокращался смотря по усмотрѣнію. Сказать который изъ дошедшихъ до насъ списковъ вѣрнѣе — рѣшительно невозможно; въ одномъ одно мѣсто лучше, въ другомъ — другое; тамъ гдѣ одинъ списокъ искаженъ, другой вѣренъ; словомъ всѣ они пополняютъ и исправляютъ другъ друга, и чѣмъ больше бы ихъ имѣлось, тѣмъ было бы полезнѣе. Задача опытнаго изслѣдователя въ томъ и должна состоять именно, чтобы умѣть отличить въ спискахъ вѣрное отъ невѣрнаго и, подъискавъ гдѣ можно данныя положительныя изъ другихъ источниковъ Азіятскихъ и Европейскихъ, вывести изо всѣхъ варіантовъ одну родословную. Въ настоящемъ трудѣ моемъ о Касимовѣ, мнѣ приведется говорить, кромѣ тѣхъ лицъ о которыхъ я уже имѣлъ случай упомянуть, о многихъ царяхъ и царевичахъ поименованныхъ въ нашей старой родословной; тогда я постараюсь, пользуясь между прочимъ и сдѣланнымъ мною сравненіемъ различныхъ списковъ, разъяснить мой взглядъ на родопроисхожденіе этихъ царей и на то чтеніе именъ собственныхъ, которое мнѣ кажется правильнымъ. Въ заключеніе замѣчу, что въ Родословной книгѣ изданной во Временникѣ по *Сим.* списку, сверхъ родословной на которую я ссылался, находится еще особая статья подъ заглавіемъ: «Родъ Царей

большіе Орды» и въ ней между прочимъ, на стр. 129, приведена еще разъ родословная царей Казанскихъ, но совершенно другая, именно слѣдующая: «А Улумахметевы дѣти: первой сынъ Момоктякъ Царь Казанскій; а у Момотяка Царя дѣти: первой сынъ Абраагимъ Царь, другой сынъ Александръ, третій Халилъ Царь, четвертой Мелегдарь, пятой Ахметъ Салтанъ, а во крещеніи имя Петръ. А Мелегдаровъ сынъ Магметеминъ Царь, другой сынъ Болетинъ Царь, а Алехановы дѣти:» Про эту родословную можно сказать только то, что она такъ невѣрна, что не требуетъ даже опроверженія). А что Халилъ царствовалъ, и что ему именно наслѣдовалъ Ибрагимъ, о томъ пишетъ Герберштейнъ. Вотъ собственныя слова сочинителя Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 62: «Cazanensibus quondam rex erat Chelealek: qui cum relicta uxore Nursultan sine liberis decessisset, Abrahemin quidam ducta vidua regno potitur. Ex hac Abrahemin duos suscepit filios, Mahmedemin et Abdelatiw. Ex priore autem uxore, quae Batmassa soltan (Фатима-шахъ-султанъ فاطمه شاه سلطان; имя «Фатима» въ простонародіи произносится и «Патьма»; форма «Пати», сокращенная отъ «Фатима», общеупотребительна у всѣхъ Казанцевъ) vocabatur, Alegam filium habuit. Is patre defuncto, ut primogenitus in regnum successit» (ср. Sarmatiae Europeae descriptio Alexandri Guagnini. Spirae. MDLXXXI, стр. 105, въ статьѣ: De regno Cazanensi). Абрагеминъ Герберштейна—безъ малѣйшаго сомнѣнія, никто другой какъ Ибрагимъ (Бреимъ, Обрегимъ, Омбреимъ, Амбре-

имъ, Ибреимъ, Абраагимъ *Род. кн.*), сынъ Махмутека (Монатякъ, Мамотякъ, Момотякъ, Момоктякъ *Род. кн.*), который дѣйствительно былъ женатъ на извѣстной Нуръ-султанѣ (نور سلطان) дочери Темира, вышедшей въ послѣдствіи (по смерти втораго мужа) около 1485 г. за Менгли-гирея, хана Крымскаго (*Кар.* пр. 297 къ Т. VI), и имѣлъ между прочимъ трехъ сыновей: Мухаммедъ-Амина (محمد امين; Mahmedemin *Герб.*, Махметъ-Аминъ, Магметеминъ, Мегмединикъ, Мегмедеминъ *Род. кн.*), и Абд-ул-латифа (عبد اللطيف; Abdelatiw *Герб.*, Обделитивъ, Абдылетиоъ, Бдылетинъ, Абделетиоъ, Болетинъ *Род. кн.*) отъ Нуръ-султаны (*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 251: Да того же мѣсяца іюля 21 [7018 г.], въ недѣлю, пріиде на Москву царица Нуръ салтана, Крымского царя Менлигирѣева, Темирева дочь, да съ нею Менлигирѣевъ сынъ Саипъ-кирѣй салтанъ... а пріиде царица съ своими дѣтми видѣтися, съ царемъ Магмедъ Аминемъ Казанскимъ да съ царемъ Абдылъ Летифомъ, что великому князю служитъ), и Ильгама (الهام; Alegam *Герб.*; въ *Род. кн.* ханъ этотъ пишется: Алыгамъ, Алехамъ, Алегамъ, Алеханъ; въ Русскихъ лѣтописяхъ и актахъ — Алегамъ, Алегемъ, Алемагъ и пр.; Фуксъ въ Кр. ист. гор. Казани, стр. 27, предлагаетъ читать: Али ханъ — علي خان) отъ другой жены. Мать Ильгама считалась меньшою женою Ибрагима (*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 237: что есмя отпустили къ тебѣ царевича [Мухаммедъ-амина] на томъ, что почнетъ нашь царевичь [Ильгамъ], царя нашего [Ибрагима] а меншицинъ сынъ, надъ нами чи-

нить лихо»; ср. *Сер.* II, 231; *Лв.* III, 196), не смотря на то что Ильгамъ былъ, какъ видно, старшій изъ братьевъ. Старшинство женъ у Татаръ опредѣляется не только временемъ выхода за мужъ, но и происхожденіемъ: иногда жена, родъ которой знатнѣе, считается старшею. Халеалекъ Герберштейна очевидно тоже что Халиль (Халилъ *Род. кн.*). Халиль показанъ первымъ ханомъ Казанскимъ послѣ Махмутека, и въ выпискѣ изъ одной Татарской рукописи, сообщенной Фуксомъ (Кр. ист. Казани, стр. 42)

Въ 1467 году князья Казанскіе Абд-ул-муминъ (عبد المومن) и другіе вздумали тайкомъ пригласить къ себѣ Касима на царство. Былъ ли это обманъ съ ихъ стороны, какъ полагаютъ лѣтописцы, или дѣйствительно, угнѣтаемые Ибрагимомъ, хотѣли они свергнуть его съ престола и посадить другаго—рѣшить трудно. Касимъ, а съ нимъ вмѣстѣ и великій князь Иванъ Васильевичь, довольный какъ видно случаемъ вмѣшаться въ дѣла ханства, плѣнились призывомъ. 14-го сентября 1467 г. въ самый день Воздвиженья, царевичь выступилъ къ Казани въ главѣ Татаръ своихъ, и въ сопровожденіи сильнаго Русскаго войска, находившагося подъ начальствомъ воеводъ князей Ивана Васильевича Оболенскаго-Стриги и Ивана Юрьевича Патрикѣева. Походъ этотъ кончился неудачно. Подойдя къ Волгѣ, войска наши увидѣли на той сторонѣ ея царя Ибрагима, ожидавшаго ихъ со всѣми князьями своими и съ многочи-

сленною ратью. Казанцы не допустили нашихъ переветись чрезъ Волгу, и Касимъ съ воеводами долженъ былъ идти назадъ. Къ довершенію бѣды, привелось имъ на обратномъ пути испытать много горя. Осень была холодная и дождливая; лошади гибли съ голода, а воины Русскіе, отъ недостатка въ пищѣ, принуждены были ѣсть въ постные дни мясо и даже конину; люди съ отчаянія бросали оружіе. Къ счастію возвратились всѣ здоровы и невредимы [22]).

[22]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 152: Въ лѣто 6976, съ Воздвиженіева дни, ходилъ царевичь Каисымъ нъ Казани, а съ нимь великого князя воеводы князь Иванъ Юрьевичь да князь Иванъ Василіевичь Оболенскій Стрига съ многою силою и прочіи. И пришедшимъ имъ къ Волгѣ, идѣже бѣ имъ перевестися, и ту срѣте ихъ царь Казанскій Обреимъ съ всѣми князи своими и съ силою своею, и не дасть имъ перевестися на свою сторону. А позванъ бысть царевичь отъ князей Казанскихъ, отъ Авдулъ-Мамона и отъ прочихъ, на царство лестію; онъ же надѣася на нихъ, а лести ихъ не вѣдаа, испроси силу у великого князя, чаа получити обѣщанное ему. И не успѣвъ ничтоже възвратися; истоменъ же бѣ путь имъ назадъ, понеже бо осень студена бѣ и дождева, а корму начатъ не ставати, яко мнози христіане въ постныа дни мясо али, а кони ихъ зъ голоду мерли, яко мнози отъ нихъ и доспѣхи метали, но сами вси здрави пріидоша кійждо въсвояси (*Врм.* II, 42, 43, гдѣ Авдулъ-Мамонъ не названъ по имени, и вообще весь

разсказъ короче; *Ник.* VI, 4; *Црв.* 382 подъ 6975 г., гдѣ не «отъ Авдулъ Мамона», а «отъ Авдулманова»; *Соф.* *2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 187, *Свр.* II, 94 и *Лв.* III, 1, 2, гдѣ во всѣхъ трехъ сказано просто, что воеводы и Касимъ пошли на Казань въ сентябрѣ, да вмѣсто: «отъ князей Казанскихъ» стоитъ: «отъ царей Казанскихъ», что очевидно невѣрно; въ *Лв.* Авдулъ-Мамонъ названъ Авду Амамономъ; замѣтимъ еще что нигдѣ кромѣ *Врм.* Иванъ Юрьевичь не показанъ въ числѣ воеводъ). *Про.* 263, 264: Въ лѣто 6976, пойде великій князь Иванъ Васильевичь въ Володимеръ, и отпусти изъ Володимеря царевича Кайсима съ Татары и воеводъ своихъ, и съ ними полки свои, и братьи своей полки отпусти, а иныхъ въ судѣхъ отпусти къ Казани на безбожныхъ Агарянъ, наши же пришедши на усть Свіяги къ Волзѣ противу Казани; Татарове же Казанстіи срѣтоша и̓, и не даша перевезтися за Волгу. Царевичь же и воеводы возвратишася не успѣвъ ничтоже· бѣ бо подъ заморозь, и назадъ идучи мнози наши конину ѣли, бысть бо гладъ великъ и на кони моръ, и бѣ нуженъ велми былъ путь сей. *Башм. разр. кн.* подъ 6976 г.: Великій князь Иванъ Васильевичь всея Руси послалъ х Казани царевича Касыма да воеводъ своихъ князя Ивана Юрьевича да князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и иныхъ воеводъ (за тѣмъ оставленъ пробѣлъ, очевидно пропускъ). *Ст.* II, 101: И по сихъ Великій Князь послалъ Царевича Касыма, съ нимъ же и Воеводъ своихъ со многими людьми къ Казани на Царя Обреима, и не успѣша ничтоже.

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, бывшая въ этомъ походѣ битва при Волгѣ разсказана съ большими подробностями, не заслуживающими впрочемъ, какъ мнѣ кажется, довѣрія. Войска наши, говорятъ эти лѣтописи, подойдя къ Волгѣ скрылись. Между тѣмъ Казанцы подплыли и высадились къ нимъ на берегъ; Русскіе вздумали было обойти непріятеля и отрѣзать его отъ судовъ, какъ вдругъ нѣкто, постельникъ великаго князя, Айдаръ Карповъ Григорьевъ, своею неумѣстною храбростью, разстроилъ этотъ планъ, и спасъ враговъ отъ грозившаго имъ пораженія. Не дождавшись того чтобы Татары хотя немного отошли отъ судовъ, онъ бросился на нихъ съ крикомъ; испуганные Казанцы кинулись къ судамъ, успѣли сѣсть на нихъ и скрылись изъ виду. *Нов. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 149: Въ лѣто .6976. Князь великый Иванъ Васильевичь посылалъ подъ Казань царевича Кайсыма, да съ нимъ князя Ивана Юрьевичя, да князя Ивана Васильевичя Стригу, и дворъ князя великого, и сташа у Волги втаи; и Тотарове были вышли на нихъ изъ судовъ, а наши хотѣли ихъ заскочити отъ берега, и нѣкто унота именемъ Аидаръ, постелникъ великого князя, наполнився духа ратна и не отпустя ихъ нимало отъ судна, и кликну на нихъ, они же устрашившеся и вметашася въ суды и побѣгоша на Волгу; въ той день содѣяся спасеніе велико Тотаромъ, здоровьемъ Григорьева сына Карповичя Айдаровымъ (*Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. V, 274, гдѣ вмѣсто: «князя Ивана Юрьевича» стоитъ: «князя Данила Димитреевича»; *Свр.* II, 341, гдѣ недостаетъ первыхъ строкъ, и

разсказъ начинается словами: «Татарове вышли изъ судовъ»). *Арх.* 143: Тогоже лѣта (6976) князь великій Иванъ Васильевичь посылалъ ратью воеводъ своихъ, царя Кайсима, да князя Ивана Васильевича Стригу, съ ними дворъ свой весь, конную силу на Казанскаго царя Абреима; и пришла сила князя великаго на берегъ къ Волзѣ на Звеничѣ бору, и Татарове Казанскіе пришли на нихъ въ судѣхъ, и на берегъ вылезли изъ судовъ, а сила князя великаго норовятца заскочити Татаръ отъ судовъ, и нѣкто Айдаръ, постельникъ великаго князя Григорьевъ сынъ Карпова не отпустя Татаръ ни мало отъ судовъ кликну на нихъ, Татаровя же въ метався въ суды, и побѣгоша за Волгу, а другая (судовая) сила еще не поспѣла. *Ик.* 30: Въ лѣто ,ѕцоѕ посылалъ Князь великій *Иванъ Васильевичъ* подъ Казань, за безчестіе и срамоту отца своего великого Князя *Василья Васильевича* служилаго ему Царевича *Кайсыма*, и дворъ свой со всею силою Московскою берегомъ. И пришедше сташа у волги реки въ тайнѣ мѣстѣ Татаровѣ же изъ Казани выѣхавша въ судехъ многихъ, и вышли было изъ судовъ на берегъ и Московскія люди хотѣли было ихъ заскочити, и нѣкто юноша, именемъ *Айдаръ*, постельникъ великого Князя наполни вся духа ратнаго, и не отпустя Татаръ нимало отъ судовъ, и кликнувъ со гнѣвомъ на нихъ. Татаровѣ же устрашася и вметашася въ суды, и побѣгоша. И въ той часъ содѣяся Татаромъ великое спасеніе отъ *Аидара Григорьева* сына *Карнова*.

Въ лѣтописяхъ, въ которыхъ упоминается объ Айда-

рѣ, не говорится ни слова о томъ, чѣмъ кончился походъ Касима, и какъ онъ и воеводы возвратились въ Россію; разсказъ прерывается на бѣгствѣ Казанцевъ. Въ одной только *Ик.* значится, что воеводы послѣ битвы на Волгѣ, ходили въ землю Казанскую, разграбили Татаръ и Черемисовъ, но не успѣли причинить самому городу Казани никакого вреда и возвратились въ Москву ни съ чѣмъ. Земля Черемиская дѣйствительно была разорена Русскими объ эту пору, но только не Касимомъ, а немного позже, въ началѣ зимы 1468 г. отрядомъ, высланнымъ подъ начальствомъ князя Семена Романовича (*Арц.* II, к. IV, стр. 5).

Вскорѣ послѣ похода на Казань, Касимъ скончался. Годъ смерти его не означенъ нигдѣ, но думать должно, что онъ умеръ около 1469 года. Въ этомъ году лѣтомъ, великій князь Иванъ Васильевичь отпустилъ въ Казань къ царю Ибрагиму мать его, жену Касима[23]).

[23]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 156, 157: И пойде Костянтинъ съ всѣми вои съ Ирыхова къ Новугороду Нижнему вверхъ. Гребшимъ же имъ день той, а наутріи до полу утра, и ту срѣте ихъ царица Касимова, Казанского царя мати Обреимова, и начятъ говорити воеводамъ великого Князя: «князь велики отпустилъ мене къ моему сыну съ всѣмъ добромъ и съ честію, то уже не будетъ никоего же лиха межь ихъ, но все добро будетъ» и поплы мимо ихъ, а си вверхъ поидоша (*Црв* 395. *Ник.* VI, 12; *Врм.* II, 49, 50; *Лв.* III, 13, 14, гдѣ вмѣсто: «Обреимова» стоитъ: «Олбреимова»; *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л.

VI, 190 и *Свр.* II, 99; въ послѣднихъ трехъ происшествіе описано не подъ 6977 г., а подъ слѣдующимъ 6978= 1470 годомъ). *Ст.* II, 101: Тогда же Царица Касымова, иже бяше мати Обреимова, иды отъ Великаго Князя съ Москвы съ честію отпущена, и пройде мимо воинство Великаго Князя, льстивыми словесы увѣщавъ ихъ, да не ята будетъ отъ нихъ.—Касимъ, какъ видно, былъ женатъ на вдовѣ брата своего Махмутека, и Ибрагимъ приходился ему пасынкомъ.

Конечно сдѣлалъ онъ это изъ видовъ политическихъ, чтобы чрезъ мать дѣйствовать на сына, но едва ли могъ бы Иванъ отпустить жену Касима, если бы царевичь мужь ея былъ живъ.

Въ памяти народной у мѣстныхъ Татаръ Касимъ слыветъ за строителя мечети и перваго дворца въ Городцѣ [24]). О каждомъ изъ этихъ зданій, я скажу нѣсколько словъ особо.

[24]) По мнѣнію сочинителя Исторической замѣтки о городѣ Касимовѣ (Ряз. губ. вѣд., № 13), царевичь имѣлъ не одинъ, а нѣсколько дворцовъ. «Въ Касимовѣ», пишетъ онъ, «своей столицѣ имѣлъ дворцы внутри города и на предмѣстіяхъ, гдѣ нынѣ Татарская слобода».

1) Мечеть, первоначальное построеніе которой приписывается Касиму, существуетъ до сихъ поръ, и находится въ самомъ городѣ Касимовѣ на площади, гдѣ бываютъ еженедѣльно базары. Она состоитъ

изъ двухъ строеній, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга: *минарета*, носящаго на себѣ явные признаки старины—высокой и толстой круглой башни, сложенной весьма неискусно изъ тесаныхъ камней различной величины, и *собственно мечети* — двухъэтажнаго зданія новѣйшей архитектуры.

На стѣнѣ *мечети* надъ дверью вдѣланъ камень, выкрашенный зеленою краскою; на немъ находится надпись: تاریخ ۱۱۸۲ نجی سنه‌ده اوشبو مسجدنی ربیع الاوّل آینده بنا قیلدوردیلار بکتمر سید برهان سید ابراهیم مرزا چانشیف عبد الله مرزا موسی سید مصطفی سید سلیمان مرزا تمربولاط سید یوسف مرزا چانشیف مرتضی سید محمد سید ابراهیم مرزا مقصوطف یعقوب مرزا موسی مرزا دولت کلدییف‌لار یوسف مرزا ابراهیم مرزا مقصوطف‌لار مصطفی مرزا تمربولاط مرزا شاهقولف т. е. 1182 (1768) года эту мечеть въ мѣсяцѣ раби-ель-аввалѣ (іюнь—іюль) соорудили: Бектемиръ-сеидъ, Бурханъ-сеидъ, Ибрагимъ мурза Чанышевъ, Абдулла-мурза, Муса-сеидъ, Мустафа-сеидъ, Сулейманъ-мурза, Темиръ-Булатъ-сеидъ, Юсуфъ-мурза Чанышевъ, Муртаза-сеидъ, Мухаммедъ-сеидъ, Ибрагимъ-мурза Максютовъ, Якубъ-мурза, Муса-мурза Девлетъ-гильдѣевы, Юсуфъ-мурза, Ибрагимъ-мурза Максютовы, Мустафа-мурза, Темиръ-Булатъ-сеидъ Шакуловъ [25]).

[25]) Татарскій текстъ надписи сообщенъ мнѣ былъ, чрезъ посредство муллы Хусейна Фейзъ-ханова, въ мартѣ

1861 г., Касимовскимъ жителемъ Бегадуръ-сеидомъ Шакуловымъ. Въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества, Т. II, стр. 257, напечатанъ былъ старый Русскій переводъ этой же самой надписи, составленный въ 1792 г. ахуномъ Абдуллою Баклѣевымъ. Переводъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ; въ добавокъ и списокъ, съ котораго въ Обществѣ онъ печатался (черновой отпускъ, найденный о. архимандритомъ Макаріемъ въ бумагахъ стараго Рязанскаго консисторскаго архива), былъ неточенъ: запятыя разставлены не по мѣстамъ, и недостаетъ послѣднихъ строкъ.

Фактъ, значущійся въ надписи, подтверждается слѣдующимъ документомъ, найденнымъ мною въ копіи въ бумагáхъ Гагина: «Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Касимовской Воеводской канцеляріи города Касимова Татарской слободы сотнику Сеитъ-Бектемирову сыну Шакулову. — Сего 1768 года февраля 13-го дня въ присланномъ отъ Его Высокопревосходительства г-на генералъ-маіора и кавалера и Воронежской губерніи губернатора Алексѣя Михайловича Маслова въ Касимовскую Воеводскую канцелярію предложеніи написано: Ея Императорское Величество имяннымъ изустнымъ ему указомъ сего мѣсяца 18 числа, Высочайше повелѣть соизволила, по прошенію города Касимова мурзы Ибрагима Чанышева, Бурхая Шакулова, построить въ томъ городѣ Татарамъ для молитвы ихъ мечеть; объявя сіе Ея Императорскаго Величе-

ства повелѣніе, Касимовской Воеводской канцеляріи рекомендуетъ во исполненіе онаго, города Касимова Татарамъ ту мечеть строить позволить, и препятствія въ томъ имъ не чинить: и во исполненіе онаго предложенія въ Касимовской Воеводской канцеляріи опредѣлено: съ прописаніемъ онаго къ тебѣ Шакулову послать указомъ объявить, что онаго города Касимова Татарамъ ту мечеть строить позволяется, и тебѣ Шакулову учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величеству указу. Апрѣля 9 дня 1768 года (№ 355)». На подлинномъ подписано: «Секундъ-маіоръ Николай Балбековъ и Порутчикъ Князь Василій Танкачеевъ. Секретарь Иванъ Лопухинъ. Канцеляристъ Федоръ Поповъ» [26]).

[26]) Упоминаемые въ указѣ мурза Ибрагимъ Чанышевъ и Бурхай Шакуловъ очевидно тѣ самыя лица: Ибрагимъ-мурза Чанышевъ и Бурханъ-сеидъ, имена которыхъ значатся въ надписи. Родъ Шакуловыхъ существуетъ до сихъ поръ въ Касимовѣ, и принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ Татарскихъ мусульманскихъ родовъ въ Россіи. Предки ихъ издавна поселились въ Касимовѣ, владѣли тамъ жалованными землями и, какъ увидимъ въ послѣдствіи, служили Касимовскимъ царямъ и царевичамъ. Шакуловы — сеиды т. е. потомки пророка Мухаммеда, и ведутъ свой родъ отъ Хусейна сына халифа Алія и дочери Мухаммеда Фатимы; фамилію же свою они приняли отъ одного изъ предковъ, котораго звали Шахъ-куліемъ

(شاه قولی). Сеидъ Бегадуръ Шакуловъ, живущій нынѣ въ городѣ Касимовѣ, былъ столь обязателенъ, что по просьбѣ муллы Хусейна Фейзъ-ханова, сообщилъ мнѣ родословную своего рода, хранящуюся въ его семействѣ; я прилагаю этотъ любопытный документъ въ концѣ книги. Въ родословной Шакуловыхъ встрѣчаемъ между именами близкихъ сродниковъ сеида Бурхана, одного изъ строителей мечети, имена всѣхъ сеидовъ (Мусы, Мустафы и др.), упоминаемыхъ въ приведенной нами надписи. По всей вѣроятности всѣ эти сеиды были Шакуловы. Сеидъ Бурханъ показанъ въ родословной сыномъ Бектемира. Бектемиръ этотъ безъ малѣйшаго сомнѣнія—тотъ самый Бектемиръ, имя котораго въ надписи стоитъ въ главѣ всѣхъ остальныхъ именъ строителей мечети, и сынъ котораго былъ въ 1768 г. сотникомъ, и получилъ указъ о дозволеніи Касимовскимъ Татарамъ строить мечеть. Шакуловы въ прошломъ столѣтіи состояли въ близкомъ родствѣ съ другимъ знатнымъ мусульманскимъ Татарскимъ родомъ Тевкелевыхъ, одинъ изъ членовъ котораго Кутлу-Мухаммедъ (قوتلو محمد—генералъ-маіоръ Алексѣй Ивановичь Тевкелевъ), пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ Русской исторіи приведеніемъ въ подданство Россіи Киргизъ-Кайсаковъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Сестра Кутлу-Мухаммеда, Урай (اورای) была за мужемъ за сеидомъ Бектемиромъ Шакуловымъ, отцомъ Бурхана (см. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей, кн. 13. Смѣсь. Свѣдѣнія о родѣ Тевкелевыхъ и о службѣ генералъ-маіора Алексѣя

Ивановича Тевкелева, сообщ. Я. В. Ханыковымъ, стр. 19, гдѣ очевидно по ошибкѣ сказано: «Урая выдана за Бектира Сеита Шакулова»; читать надобно: «за Бектемира Сеита Шакулова»). Происхожденіе Тевкелевыхъ (пребывающихъ нынѣ въ Оренбургской губерніи) достовѣрно неизвѣстно, такъ какъ родовыя бумаги ихъ были затеряны во время Пугачевскаго бунта. Сами они называютъ первымъ родоначальникомъ своимъ нѣкого Уразълея (Ураглы — اورازلى), неизвѣстно когда и изъ какой Орды поступившаго въ Русское подданство (см. тамъ же). Но и Тевкелевы, если не всѣ то нѣкоторые изъ нихъ, были въ прежнія времена тоже, какъ и Шакуловы, Касимовцами; по крайней мѣрѣ изъ крѣпостныхъ актовъ, сохранившихся въ родѣ Тевкелевыхъ видно, что сынъ мурзы Девлетъ-Мамета Уразмаметева сына Тевкелева (Уразмаметъ, т. е. Уразъ-Мухаммедъ اوراز محمد, какъ значится въ родословной Тевкелевыхъ былъ сынъ Уразълея; а Девлетъ-Маметъ, т. е. Даулетъ-Мухаммедъ دولت محمد, по крѣпостнымъ актамъ былъ Ярославскимъ кормовымъ помѣстнымъ иноземцемъ и имѣлъ помѣстье во Владимірскомъ уѣздѣ) *города Касимова* мурза Мамешъ (ممش — отецъ генералъ-маіора Алексѣя Ивановича) имѣлъ помѣстья въ *Касимовскомъ*, Владимірскомъ и Керинскомъ уѣздахъ, бывшія прежде за дѣдомъ и дядей его (см. тамъ же).

Палласъ, посѣщавшій Касимовъ въ 1768 г. въ августѣ, пишетъ (Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи. Ч. I. Спб. 1773, стр. 42,

43), что при немъ дѣлалась мечеть, и что строилась она съ Высочайшаго соизволенія на мѣсто другой старой, которая развалилась. Вотъ собственныя слова Палласа (онѣ очевидно относятся къ той самой мечети, о которой у насъ идетъ рѣчь): «Въ здѣшней Татарской слободѣ... стоитъ еще въ вышней части города высокая толстая круглая башня или *Мисгиръ*[27]),

[27]) Чит. *Мисгитъ* отъ слова مسجد (месджидъ — мечеть); такъ въ старину звались у Русскихъ мечети; примѣръ тому увидимъ ниже.

оставшаяся отъ разоренной мечети, которая нынѣ съ Высочайшаго позволенія опять строится» (ср. Щекатовъ. Слов. геогр. Росс. гос. III, сл. *Касимовскіе Татара*). Старая мечеть была, какъ увѣряетъ Палласъ, складена изъ кирпичей, которые имѣли въ величину болѣе 13 дюймовъ [28]). Значитъ, въ былыя

[28]) *Палласъ* I, 43: Старая мечеть была складена изъ кирпичей, которые величиною больше 13 дюймовъ; а башня построена изъ тесанныхъ и нарочито великихъ камней, которые, кажется, браны изъ находящейся по ту сторону Оки за 11 верстъ отъ города при деревнѣ Малевѣ каменной ломки (ср. Щекатовъ. Слов. геогр. Росс. гос. III, сл. *Касимовскіе Татара*).

времена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшняя мечеть, была другая старая, отъ которой уцѣлѣлъ одинъ минаретъ; теперешняя же новая построена въ 1768 г.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Описаніе торжества, совершеннаго Рязанской губерніи въ городѣ Касимовѣ, при соборной ханской мечети, старшимъ Чиновникомъ Нахуномъ (чит. и Ахуномъ), по случаю совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества, Цесаревича, Наслѣдника въ 1834 году (переводъ съ Татарскаго)» — статьѣ, которую составили той же мечети старшій имамъ Абдулъ-Вахитъ (въ самой статьѣ напечатано: Иманъ-Абдулъ Сеахитъ) Смаиловъ сынъ Девлекамовъ и сынъ его ахунъ Фезлулла (см. Молву, изд. при Телескопѣ. Ч. X. Москва. 1835, стр. 68 и сл.), читаемъ между прочимъ: «А нѣкоторыя съ духовенствомъ отличныя особы приглашены были къ богатоизбыточному столу одного усердствующаго градскаго жителя, происходящаго потомствомъ своимъ отъ царскихъ Сеитовъ, Мурзы Салеха Бурхаевича, Сеитъ Шакулова и сына его Почетнаго гражданина, 2-й гильдіи, Хамзы Салеховича[39]), пекущихся о назиданіи и соблюденіи оной мечети, превосходной древностію и честію царей (сочинители приписываютъ построеніе ея около 1467 г. Касиму), которую, изъ давнихъ лѣтъ, они украшали накладкою на нижній втораго этажа и довели до благовидности устроеніемъ красиваго, желѣзнаго купола съ вызолоченною, чрезъ огонь, бронзовою луною; а внутри оной колонаду, михрабъ (замѣчу, что такъ зовутъ мѣсто,

[39]) Хамза сынъ Салиха и Салихъ сынъ Бурхана значатся въ родословной Шакуловыхъ, приложенной въ концѣ книги.

предназначаемое для имама) и стѣны отлично украсили блестящимъ и вѣтвистымъ мраморомъ и отмѣнною столярною уборкою, люстрами и каѳедрою; а опасность близко подливающейся водоронны (чит. водомоины), подкрѣпили каменными водопроводными бассейнами и каналами». И такъ мечеть, построенная въ 1768 году, была въ послѣдствіи, и не очень давно, еще разъ передѣлана и увеличена на цѣлый этажъ сеидомъ Салихомъ Шакуловымъ и сыномъ его сеидомъ Хамзою [30]).

[30]) По показанію Гагина, мечеть до постройки 2-го этажа была крыта тесомъ; по срединѣ же крыши стоялъ шпиль съ яблокомъ, на которомъ водружена была желѣзная луна. Замѣтимъ кстати, что нижній этажъ, возведенный въ 1768 г., сложенъ изъ камня, а второй, новый, построенъ изъ кирпича.

Изъ представленнаго нами очерка исторіи мечети ясно видно, что Касиму, если только онъ былъ за правду первымъ строителемъ мечети, можетъ быть приписано построеніе, изо всѣхъ частей нынѣшняго зданія, одного минарета [31]). А справедливо ли то, что Касимъ

[31]) Быть можетъ, впрочемъ, и минаретъ былъ въ послѣднее время исправленъ или подновленъ. Въ статьѣ «О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи», стр. 10, 11, сказано: «По словеснымъ преданіямъ извѣстно, будто Петръ I повелѣлъ сломать здѣсь мечеть, и что верхъ минарета уже былъ сломанъ; но просьбы Татаръ убѣдили Государя отмѣнить разрушеніе ихъ единственнаго въ сей странѣ мо-

литвеннаго дома. Полуразрушенный минаретъ оставался въ такомъ видѣ до Императрицы Елисаветы Петровны; въ Ея царствованіе онъ опять возобновленъ и приведенъ въ то состояніе, въ какомъ теперь находится» (см. повтореніе этого разсказа въ Барановича Рязанской губерніи, стр. 526).

былъ основателемъ мечети, т. е. строителемъ минарета и той старой, разрушившейся молельни, на мѣстѣ которой была въ 1768 г. воздвигнута новая—рѣшить трудно. Преданіе существуетъ; многіе писатели, вѣря ему на слово, утверждаютъ, что Касимъ построилъ мечеть; нѣкоторые даже обозначаютъ годъ, когда зданіе было возведено, именно 1467 г. [22]) (О древ-

[22]) Почему — не знаю. Не считаютъ ли эти писатели 1467 г. годомъ вступленія Касима въ управленіе Мещерскимъ городкомъ? Ихъ могло ввести въ заблужденіе Историческое обозрѣніе Рязанской губерніи Воздвиженскаго (Москва 1822). Воздвиженскій на стр. 176, 177, посвятилъ особую статью Касиму подъ заглавіемъ: «*Касимъ Царевичъ*, 1467 *года*», гдѣ тотчасъ подъ заглавіемъ пишетъ: «Царевичъ *Касимъ*, бывъ вѣрнымъ слугою Василія Темнаго, получилъ отъ него въ удѣлъ на берегу Оки Мещерскій городокъ», такъ что годъ 1467, въ которомъ уже властвовалъ Иванъ, неизвѣстно къ чему относится, и кажетъ какъ бы годомъ пожалованія городка Касиму. Статья Воздвиженскаго перепечатана слово въ слово изъ Исторія Карамзина (Т. VI, стр. 10). Въ Исторіи государства Россійскаго разсказъ о пожалованіи Касиму удѣла

дѣйствительно связанъ съ описаніемъ происшествій 1467 года, но только потому, что объ эту пору былъ предпринятъ Касимомъ походъ противъ Казани.

нихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи, по 1827 годъ, въ Отечеств. Записк., изд. П. Свиньинымъ, 1828, ч. 33, стр. 455; Описаніе торжества и т. д. въ Молвѣ, изд. при Телескопѣ. Ч. X. Москва. 1835, стр. 69; Историческая замѣтка о городѣ Касимовѣ, въ Ряз. губ. вѣд. за 1846 г., № 13, и Журн. мин. нар. пр. 1851. Мартъ. Отд. VI, стр. 132). Но совершенно противное этому говоритъ сочинитель изданнаго И. Н. Березинымъ въ II-мъ томѣ его Библіотеки восточныхъ историковъ «Сборника лѣтописей», приближенный хана Касимовскаго Уразъ-Мухаммеда, писавшій свое сочиненіе около 1600 года (см. ниже, статью объ Уразъ-Мухаммедѣ). Указаніемъ подобнаго автора пренебрегать нельзя, а онъ, толкуя о торжествѣ происходившемъ въ Касимовѣ по случаю пожалованія Уразъ-Мухаммеда въ ханы, пишетъ положительно на стр. ١٤٧: «شیخ علی خان نینك سالدورغان تاش مسجدی ایچیندا т. е. въ каменной мечети, построенной Шейхъ-Али-ханомъ». Слова эти могутъ быть отнесены только къ той молельни, которая приписывается Касиму, потому что въ городѣ, сколько извѣстно, никогда никакой другой мечети не бывало. Шахъ-Али (не Шейхъ-Али, какъ его неправильно называетъ авторъ Сборника лѣтописей) владѣлъ Касимовымъ въ 1516 и слѣдующихъ годахъ (см. ниже, статьи объ Шахъ-Алиѣ).

Въ концѣ настоящей книги, на Таб. I, приложены найденные мною въ бумагахъ Гагина рисунки и планы, изображающіе какъ наружный видъ Касимовской мечети (Рис. 1), такъ и внутреннее расположеніе ея за 1834 г. Планъ 2 представляетъ нижній этажъ, а планъ 3 — верхній. Въ нижнемъ этажѣ: *а.* минаретъ; *б.* прихожая; *в.* комната, гдѣ прежде, до пристройки втораго этажа, совершалось богослуженіе; *г.* и *д.* кладовыя. Въ верхнемъ этажѣ: *а.* минаретъ; *б.* прихожая; *в.* такъ называемая سنت بولمسى (комната для отдѣльнаго моленія); *г.* самая молельня и въ ней: *а'.* михрабъ (محراب), *б'.* минберъ (منبر—каѳедра). Рис. 4 изображаетъ видъ внутренности комнаты *в.* верхняго этажа во время намаза.

2) Старый каменный дворецъ ханскій, который, если вѣрить преданію, былъ построенъ Касимомъ не подалеку отъ мечети, теперь уже не существуетъ. Но въ 1768 г. при проѣздѣ Палласа чрезъ Касимовъ, развалины дворца, не задолго предъ тѣмъ сломаннаго, еще виднѣлись, такъ что по остаткамъ его и по разсказамъ очевидцевъ, можно было составить себѣ нѣкоторое понятіе объ его прежнемъ наружномъ видѣ и первоначальномъ устройствѣ.

Привожу описаніе самаго Палласа (Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи, ч. I. Спб. 1773, стр. 43, 44): «Изъ такого же известковаго камня (какъ тотъ, который былъ употребленъ для постройки минарета; см. выше, на стр. 65, выписку изъ Палласова Путешествія) состоятъ и прочіе

Татарскаго строенія остатки близь мечети въ саду находящіеся и заборомъ обнесенные. Кажется, что на семъ мѣстѣ дѣйствительно былъ дворецъ здѣшнихъ Хановъ, и отъ прежняго каменнаго строенія пребыли до новѣйшихъ временъ большія многими Готскими фигурами и Арапскими надписями украшенныя ворота, такъ же продолговатый четвероугольный домъ, и такимъ же образомъ обнесенное кладбище знатныхъ Татаръ, отъ коего недалеко находится и кладбище простолюдимцовъ. Для нѣкоторыхъ причинъ по приказанію нынѣшняго хозяина недавно сломаны помянутыя ворота, и по большой части употреблены на сженіе известки, такъ что я могъ еще видѣть только остатки, а особливо кровельные рѣзные подзоры и теремочки. Ханскій домъ тоже сломали, и оставили только основаніе футовъ на пять вышиною, для построенія на ономъ деревянныхъ жилыхъ покоевъ. Сіе строеніе отъ юга къ сѣверу было въ длину нѣсколько больше 32 аршинъ, а въ ширину больше осьми аршинъ съ половиною. На каждомъ концѣ пристроена узкая часть длиною въ 16 футовъ. Въ сѣверной пристройкѣ есть ходъ въ сдѣланной съ уступами наизкось подземной и подъ всѣмъ строеніемъ простирающейся съ толстыми сводами погребъ, въ которомъ отъ проходящей сквозь сводъ воды, раждаются окаменѣлыя малыя изъ капель сосульки съ водяными концами, или такъ называемый сталактитъ (въ выноскѣ: Stalactites apice natroso)» (См. повтореніе того же самаго описанія въ нѣ-

сколько сокращенномъ видѣ въ Щекатова Слов. геогр. Росс. госуд. III, сл. *Касимовскіе Татары*).

При Гагинѣ фундаментъ, о которомъ говоритъ Палласъ, еще былъ цѣлъ. По крайней мѣрѣ среди рисунковъ, найденныхъ мною въ бумагахъ Гагина, отъискалъ я и планъ его. Онъ приложенъ въ концѣ настоящаго сочиненія, см. Табл. I, Рис. 5 (наружный видъ) и Рис. 6 (внутреннее расположеніе).

Въ 1841 году фундамента уже не было; его разобрали, такъ что теперь нѣтъ и слѣдовъ прежняго дворца Касима. Вотъ что пишетъ объ этомъ авторъ статьи «О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи», стр. 9, 10: «Въ городѣ, при мечети, находились царскіе дворцы, по старому обыкновенію деревянные; дворецъ же Касима, Шахъ-Алея и позднихъ временъ Царевича Сеитъ-Бурхана былъ на каменномъ фундаментѣ, съ каменными, искусно вырѣзанными воротами. Подъ фундаментомъ въ землѣ былъ пространный ходъ; объ немъ упоминается въ Географическомъ словарѣ Щекатова. Нынѣ не видно и слѣдовъ этого фундамента; владѣлецъ мѣста разобралъ его и употребилъ камень на фундаментъ своего дома» (см. повтореніе этого разсказа въ Барановича Рязанской губерніи, стр. 525, 526).

II.

Даніяръ (دانيال).

Первымъ владѣльцемъ Мещерскаго городка послѣ Касима былъ сынъ его Даніяръ [33]). Уже подъ

[33]) Даніяръ—передѣланное мусульманское имя Даніялъ (دانيال). Передѣлка эта—не искаженіе Русское; сами Татары вмѣсто Даніялъ часто произносятъ: Даніяръ. Доказательствомъ этому можетъ служить примѣръ родоначальника династіи Мангытской, нынѣ царствующей въ Бухарѣ. Родоначальникъ этотъ, Даніялъ, зовется также Даніяръ (см. въ Bulletin hist.-phil. de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. XVI, № 12, и въ Mélanges Asiatiques. T. III, St.-Pétersbourg. 1859, стр. 576—583, мою статью: Notice sur un poignard Boukhare).

1471 годомъ въ лѣтописяхъ Русскихъ Даніяръ, сынъ Касима, является если не положительно владѣльцемъ Мещерскаго городка, то по крайней мѣрѣ жителемъ

Мещеры, и предводителемъ такихъ Татаръ, надъ которыми очевидно начальствовалъ бы Касимъ, еслибъ онъ былъ еще живъ. Упоминается же царевичь подъ 1471 г., по поводу похода на Новгородъ, предпринятаго великимъ княземъ. Даніяръ «земли Мещерьскіе» участвовалъ въ походѣ со всѣми своими царевичами, князьями и казаками [34]). По окончаніи войны,

[34]) Т. е. простыми Татарами. Простые Татары, приходившіе служить въ Россію вмѣстѣ съ своими царевичами, а равнымъ образомъ и простые Татары Казанскіе Крымскіе и пр. обыкновенно звались у Русскихъ казаками; да и сами они называли себя казаками (قزاق).

великій князь, одаривъ Даніяра, Татары котораго потеряли 40 человѣкъ «въ загонѣ», а по другому извѣстію отличились и 14 іюля въ битвѣ Шелонской, отпустилъ его обратно въ Мещеру. Нельзя не замѣтить при этомъ, что Татарамъ во время похода запрещено было брать людей въ плѣнъ. Держа у себя на службѣ мусульманъ и пользуясь ихъ помощью, Иванъ не хотѣлъ однакожь отдавать имъ въ руки христіянъ православныхъ [35]).

[35]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 191, 192, 193: Князь же велики тое же весны (6979) нача рядитися къ Новугороду... князя же Ивана Стригу отпусти по Мстѣ вверхъ со царевичевыми Татары. Самъ же поиде съ Москвы, уговѣвъ Петрова говѣйна двѣ недѣли... И съ нимъ же поиде царевичь, Касымовъ сынъ, Дані-

яръ съ Татары... И поиде къ Торжку... и вси же князи пойдоша кійждо изъ своей вотчины розными дорогами, со всѣхъ рубежовъ, воююще и сѣкуще, и во плѣнъ ведяху. Татаромъ же князь велики не повелѣ людей плѣнити (слѣдуетъ описаніе непріязненныхъ дѣйствій, битвы Шелонской и пр.)... Князь же велики умилосердися... и возвратися оттуду съ усть Шолоны... и пріиде на Москву съ великою славою сентября 1; и чествъ царевича Даніяра, и одаривъ и отпусти въ Мещеру: убиша бо у него Ноугородци 40 Татариновъ въ загонѣ (*Сер.* II, 101, 102, 104, 105; *Про.* 270, 271, 274). *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 162, 163, 165: А въ 13 того же мѣсяца (іюня 6979), въ четвертокъ, отпустилъ князь велики князя Ивана Василіевича Оболенского Стригу съ многими вои, да съ нимъ князей царевичевыхъ Даньяровыхъ съ многими Татары, а велѣлъ тѣмъ итти на Волочекъ да по Мстѣ... Князь же велики Иванъ Василіевичь... исходитъ съ Москвы того же мѣсяца іюня въ 20 [день], въ четвертокъ... а съ нимь царевичь Даніаръ... и бысть радость велика князю великому (о побѣдѣ на Шелонѣ)... бѣ бо тогда у великого князя и царевичь Даніаръ (*Црв.* 412, 415, 425, и *Ник.* VI, 22, 24, 29, гдѣ князь Оболенскій Стрига названъ Василіемъ Ивановичемъ; *Ст.* II, 110, 111, 115). *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 9 (г. 6979): И тако уповая на Бога всѣлъ на конь и самъ князь великій; а... въ свое мѣсто посадилъ на Москвѣ сына своего... великаго князя Ивана Ивановича... а у него оставилъ брата своего меншаго князя Ондрѣя

Васильевича, да еще повелѣ ему сыну своему держати у собе Муртосу царевича, Мустафина сына царева, и съ его князьми и съ его казаки, на что ся гдѣ пригодитъ ему на каково дѣло... и царевича своего другаго князь великій съ собою же вземъ, царева сына Алдаяра (очевидно ошибка, чит. Даніяра) Касымовича своей земли Мещерьскіе, и съ его царевичи и со князьми и съ его казаки и со всѣми ихъ людми... И тако двигнувся князь великій всѣми землями, поиде на свою отчину на Великій Новгородъ (*Сор*. II, 121, 122, гдѣ вмѣсто: «царева сына Алдаяра Касымовича» стоитъ: «Царева сына Касымова, Андаара»). *Врм*. II, 55, 56 (г. 6979): Самъ же князь великій Иванъ Васильевичь уповая на Бога, всѣдъ на конь, и пойде на Новградъ, а на Москвѣ остави въ свое мѣсто сына своего великаго князя Ивана Ивановича, а у него оставилъ брата своего Андрея меншова, да царевича Муртозу Мустофина сына царева. А съ собою взялъ... и царевича Даніяра Касымова сына своей Мещерской земли. *Нов*. 4 *лѣт*. П. С. Р. Л. IV, 127, 128: Въ лѣто 6979. Вазверже князь великій Иванъ Васильевичь нелюбіе на Великій Новъгородъ... и поидоша на Шолону воюючи... И Новгородци изыдоша противу на Шолону... И начаша ся бити и погнаша Новгородци Москвичь за Шолону рѣку, и ударишася на Новгородцевъ западнія рать Татарове, и паде Новгородцевъ много. *Лв*. III. 16, 17 (г. 6978): И самъ (великій князь) пойде мѣсяца Іюня (къ Новгороду), а съ нимъ братія его... съ нимъ же Царевичь Касимовъ сынъ съ Татары.

Подъ 1472 годомъ лѣтописцы описываютъ походъ Золото-Ордынскаго хана Ахмеда на Россію и приступъ его къ городу Алексину. Ханъ, по ихъ увѣренію, бѣжалъ, боясь быть перехваченнымъ Русскими, собравшимися во множествѣ; въ числѣ войскъ нашихъ, выступившихъ противъ непріятеля, находился и Даніяръ съ своими Татарами: онъ стоялъ въ Коломнѣ. Ханъ во время побѣга весьма опасался, чтобы Даніяръ и еще другой царевичь Татарскій, бывшій на службѣ великаго князя, Муртаза, не взяли орды и женъ его, которыхъ онъ предъ вторженіемъ своимъ въ наши предѣлы, оставилъ однихъ на самой границѣ. По окончательномъ изгнаніи Ордынцевъ, Иванъ, прибавляютъ лѣтописцы, отпустилъ Даніяра обратно «въ свой ему городокъ». Городокъ этотъ очевидно Мещерскій. И такъ, въ 1472 году Даніяръ уже положительно владѣлъ Городцемъ на Окѣ [36]).

[36]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 195: Того же лѣта (6980), мѣсяца іюля 29, приходилъ царь Охмутъ Кичіахметевичь ордынскый со всею силою великою ордынскою, и подшедъ близь Руси остави у Царици старыхъ и болныхъ и малыхъ, и поиде съ проводники не путма, и пріиде къ рѣцѣ Окѣ подъ городъ подъ Олексинъ съ Литовскаго рубежа... И видѣвши множество вой Рускыхъ, наипаче бояхуся князь Юрья Васильевича, понеже имени его трепетахуся страны; и спросивше Татаръ, иже съ нашей страны, которые князю великому служатъ,

яко не вся сила вмѣстѣ, князь же велики подъ Ростиславлемъ стоитъ, а царевичь Даньяръ Каисымовичь на Коломнѣ стоитъ съ Татары, а князь Ондрѣй болшой въ Серпуховѣ, а съ нимъ Муртаза царевичь Мустефинъ сынъ царя Казаньскаго; и слышавъ то побѣже прочь, а водя предъ собою посла великаго князя киличея Волнина, блюдучися того, егда князя великаго царевичи шедъ возмутъ орду и царицю его (*Сер* II, 135, 136; *Лв.* III, 23, 24, 25, гдѣ слова: «и спросивше Татаръ, иже съ нашей страны» пропущены, и Волнинъ названъ Григоріемъ). *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 31, 32: Того же лѣта (6980) безбожный царь Ахматъ Кичиахметовичь съ всею ордою поиде на Русь, и подшелъ близь Руси и остави у Царицъ старыхъ и болныхъ и малыхъ, и поиде съ проводники не путми, и пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городокъ Олексинъ съ Литовскаго рубежа, іюля въ 30, въ четвертокъ на заговѣнье... Царь же и вси Татарове видѣвше множество Рускихъ вой, наипаче же бояхуся князя Юрья Васильевичя, понеже бо имени его трепетаху; и распросивши сихъ Татаръ, иже нашіе стороны, которые князю великому служатъ, яко еще не вся сила вмѣстѣ, князь же великый съ многими силами подъ Ростиславлемъ стоитъ, царевичь Данъяръ Кайсымовичь на Коломнѣ стоитъ съ Татары, и многіе воеводы князя великого съ нимъ и князь Андрѣй Васильевичь болшій въ Серпуховѣ стоитъ, а съ нимъ Муртоса царевичь Мустофинъ сынъ царя Казаньского; а слышавъ царь то, и побѣже прочь, а водя съ собою посла князя великого киличіа Григорья

Волынна и блюдучися того, егда князя великого царевичи возмутъ орду и царици его (*Нов. 4 лѣт.* по окончанію хронографа П. С. Р. Л. IV, 150, 151, гдѣ Даніяръ названъ по ошибкѣ Даяръ; въ окончаніи Академическаго списка, такъ же, стр. 133, стоитъ коротко: «Того же лѣта [6980] безбожный царь Ахматъ Кочіахметовичь съ всею ордою поиде на Русь, пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городъ Олексинъ съ Литовского рубежа... князь великій съ братьею и со многими силами пойде къ берегу, и слышавъ то царь и побѣже прочь, блюдучися того, егда великого князя царевичи възмутъ [орду] и царици его»). *Арх.* 151, 153: Въ лѣто 6981, безбожный царь Ахмутъ Кочи Яхмутовичь болшія Орды пойде на Русь ратью со всею Ордою; и пришедъ близъ Руси, ста; и остави царицъ своихъ, старыхъ людей, и малыхъ, и болныхъ, а самъ пойде свободники не путьми. И пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городъ подъ Алексинъ... Царь же боятися нача князя Юрья, понеже бо его трепетаху многи страны поганіи. Татарове же роспросивше Татаръ, кои на сей сторонѣ великаго князя, только ли силы Рускія; ониже рѣша: Самъ князь великій подъ Ростиславлемъ съ силою, а Даньяръ салтанъ Кайсимовичь съ Тотары и съ Русаки на Коломнѣ; а въ Серпуховѣ братъ великаго князя Углечскій князь Андрей, а съ нимъ Муртоса царевичь Мустофинъ Казанскаго. Слышавъ то Ахмутъ побѣже прочь. *Врм.* II, 82, 83, 84: Тогожъ лѣта (6980), злочестивый царь Ординскій Ахматъ подвижесь на Русскую землю... а царь Ахматъ Кичи Ахматовичь

Въ концѣ настоящей книги, на Таб. I, приложены найденные мною въ бумагахъ Гагина рисунки и планы, изображающіе какъ наружный видъ Касимовской мечети (Рис. 1), такъ и внутреннее расположеніе ея за 1834 г. Планъ 2 представляетъ нижній этажъ, а планъ 3 — верхній. Въ нижнемъ этажѣ: *а.* минаретъ; *б.* прихожая; *в.* комната, гдѣ прежде, до пристройки втораго этажа, совершалось богослуженіе; *г.* и *д.* кладовыя. Въ верхнемъ этажѣ: *а.* минаретъ; *б.* прихожая; *в.* такъ называемая سنت بولمەسى (комната для отдѣльнаго моленія); *г.* самая молельня и въ ней: *а'.* михрабъ (محراب), *б'.* минберъ (منبر — каѳедра). Рис. 4 изображаетъ видъ внутренности комнаты *г.* верхняго этажа во время намаза.

2) Старый каменный дворецъ ханскій, который, если вѣрить преданію, былъ построенъ Касимомъ не подалеку отъ мечети, теперь уже не существуетъ. Но въ 1768 г. при проѣздѣ Палласа чрезъ Касимовъ, развалины дворца, не задолго предъ тѣмъ сломаннаго, еще виднѣлись, такъ что по остаткамъ его и по разсказамъ очевидцевъ, можно было составить себѣ нѣкоторое понятіе объ его прежнемъ наружномъ видѣ и первоначальномъ устройствѣ.

Привожу описаніе самаго Палласа (Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи, ч. I. Спб. 1773, стр. 43, 44): «Изъ такого же известковаго камня (какъ тотъ, который былъ употребленъ для постройки минарета; см. выше, на стр. 65, выписку изъ Палласова Путешествія) состоятъ и прочіе

Татарскаго строенія остатки близь мечети въ саду находящіеся и заборомъ обнесенные. Кажется, что на семъ мѣстѣ дѣйствительно былъ дворецъ здѣшнихъ Хановъ, и отъ прежняго каменнаго строенія пребыли до новѣйшихъ временъ большія многими Готскими фигурами и Арапскими надписями украшенныя ворота, такъ же продолговатый четвероугольный домъ, и такимъ же образомъ обнесенное кладбище знатныхъ Татаръ, отъ коего недалеко находится и кладбище простолюдимцовъ. Для нѣкоторыхъ причинъ по приказанію нынѣшняго хозяина недавно сломаны помянутыя ворота, и по большой части употреблены на сженіе известки, такъ что я могъ еще видѣть только остатки, а особливо кровельные рѣзные подзоры и теремочки. Ханскій домъ тоже сломали, и оставили только основаніе футовъ на пять вышиною, для построенія наономъ деревянныхъ жилыхъ покоевъ. Сіе строеніе отъ юга къ сѣверу было въ длину нѣсколько больше 32 аршинъ, а въ ширину больше осьми аршинъ съ половиною. На каждомъ концѣ пристроена узкая часть длиною въ 16 футовъ. Въ сѣверной пристройкѣ есть ходъ въ сдѣланной съ уступами наизкось подземной и подъ всѣмъ строеніемъ простирающейся съ толстыми сводами погребъ, въ которомъ отъ проходящей сквозь сводъ воды, раждаются окаменѣлыя малыя изъ капель сосульки съ водяными концами, или такъ называемый сталактитъ (въ выноскѣ: Stalactites apice natroso)» (См. повтореніе того же самаго описанія въ нѣ-

сколько сокращенномъ видѣ въ Щекатова Слов. геогр. Росс. госуд. III, сл. *Касимовскіе Татара*).

При Гагинѣ фундаментъ, о которомъ говоритъ Палласъ, еще былъ цѣлъ. По крайней мѣрѣ среди рисунковъ, найденныхъ мною въ бумагахъ Гагина, отъискалъ я и планъ его. Онъ приложенъ въ концѣ настоящаго сочиненія, см. Табл. I, Рис. 5 (наружный видъ) и Рис. 6 (внутреннее расположеніе).

Въ 1841 году фундамента уже не было; его разобрали, такъ что теперь нѣтъ и слѣдовъ прежняго дворца Касима. Вотъ что пишетъ объ этомъ авторъ статьи «О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи», стр. 9, 10: «Въ городѣ, при мечети, находились царскіе дворцы, по старому обыкновенію деревянные; дворецъ же Касима, Шахъ-Алея и позднихъ временъ Царевича Сейтъ-Бурхана былъ на каменномъ фундаментѣ, съ каменными, искусно вырѣзанными воротами. Подъ фундаментомъ въ землѣ былъ пространный ходъ; объ немъ упоминается въ Географическомъ словарѣ Щекатова. Нынѣ не видно и слѣдовъ этого фундамента; владѣлецъ мѣста разобралъ его и употребилъ камень на фундаментъ своего дома» (см. повтореніе этого разсказа въ Барановича Рязанской губерніи, стр. 525, 526).

Татарскаго строенія остатки близь мечети въ саду находящіеся. и заборомъ обнесенные. Кажется, что на семъ мѣстѣ дѣйствительно былъ дворецъ здѣшнихъ Хановъ, и отъ прежняго каменнаго строенія пребыли до новѣйшихъ временъ большія многими Готскими фигурами и Арапскими надписями украшенныя ворота, такъ же продолговатый четвероугольный домъ, и такимъ же образомъ обнесенное кладбище знатныхъ Татаръ, отъ коего недалеко находится и кладбище простолюдимцовъ. Для нѣкоторыхъ причинъ по приказанію нынѣшняго хозяина недавно сломаны помянутыя ворота, и по большой части употреблены на сженіе известки, такъ что я могъ еще видѣть только остатки, а особливо кровельные рѣзные подзоры и теремочки. Ханскій домъ тоже сломали, и оставили только основаніе футовъ на пять вышиною, для построенія на ономъ деревянныхъ жилыхъ покоевъ. Сіе строеніе отъ юга къ сѣверу было въ длину нѣсколько больше 32 аршинъ, а въ ширину больше осьми аршинъ съ половиною. На каждомъ концѣ пристроена узкая часть длиною въ 16 футовъ. Въ сѣверной пристройкѣ есть ходъ въ сдѣланной съ уступами наизкось подземной и подъ всѣмъ строеніемъ простирающейся съ толстыми сводами погребъ, въ которомъ отъ проходящей сквозь сводъ воды, раждаются окаменѣлыя малыя изъ капель сосульки съ водяными концами, или такъ называемый сталактитъ (въ выноскѣ: Stalactites apice natroso)» (См. повтореніе того же самаго описанія въ нѣ-

Мещеры, и предводителемъ такихъ Татаръ, надъ которыми очевидно начальствовалъ бы Касимъ, еслибъ онъ былъ еще живъ. Упоминается же царевичь подъ 1471 г., по поводу похода на Новгородъ, предпринятаго великимъ княземъ. Даніяръ «земли Мещерьскіе» участвовалъ въ походѣ со всѣми своими царевичами, князьями и казаками [34]). По окончаніи войны,

[34]) Т. е. простыми Татарами. Простые Татары, приходившіе служить въ Россію вмѣстѣ съ своими царевичами, а равнымъ образомъ и простые Татары Казанскіе Крымскіе и пр. обыкновенно звались у Русскихъ казаками; да и сами они называли себя казаками (قزاق).

великій князь, одаривъ Даніяра, Татары котораго потеряли 40 человѣкъ «въ загонѣ», а по другому извѣстію отличились и 14 іюля въ битвѣ Шелонской, отпустилъ его обратно въ Мещеру. Нельзя не замѣтить при этомъ, что Татарамъ во время похода запрещено было брать людей въ плѣнъ. Держа у себя на службѣ мусульманъ и пользуясь ихъ помощью, Иванъ не хотѣлъ однакожь отдавать имъ въ руки христіянъ православныхъ [35]).

[35]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 191, 192, 193: Князь же велики тое же весны (6979) нача рядитися къ Новугороду... князя же Ивана Стригу отпусти по Мстѣ вверхъ со царевичевыми Татары. Самъ же поиде съ Москвы, уговѣвъ Петрова говѣйна двѣ недѣли... И съ нимъ же поиде царевичь, Касымовъ сынъ, Дані-

яръ съ Татары... И поиде къ Торжку... и вси же князи пойдоша кійждо изъ своей вотчины розными дорогами, со всѣхъ рубежовъ, воююще и сѣкуще, и во плѣнъ ведяху. Татаромъ же князь велики не повелѣ людей плѣнити (слѣдуетъ описаніе непріязненныхъ дѣйствій, битвы Шелонской и пр.)... Князь же велики умилосердися... и возвратися оттуду съ устъ Шолоны... и пріиде на Москву съ великою славою сентября 1; и честивъ царевича Даніяра, и одаривъ и отпусти въ Мещеру: убиша бо у него Ноугородци 40 Татариновъ въ загонѣ (*Сер.* II, 101, 102, 104, 105; *Про.* 270, 271, 274). *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 162, 163, 165: А въ 13 того же мѣсяца (іюня 6979), въ четвертокъ, отпустилъ князь велики князя Ивана Василіевича Оболенского Стригу съ многими вои, да съ нимъ князей царевичевыхъ Даньаровыхъ съ многими Татары, а велѣлъ тѣмъ итти на Волочекъ да по Мъстѣ... Князь же велики Иванъ Василіевичь... исходитъ съ Москвы того же мѣсяца іюня въ 20 [день], въ четвертокъ... а съ нимь царевичь Даніаръ... и бысть радость велика князю великому (о побѣдѣ на Шелонѣ)... бѣ бо тогда у великого князя и царевичь Даніаръ (*Цре.* 412, 415, 425, и *Ник.* VI, 22, 24, 29, гдѣ князь Оболенскій Стрига названъ Василіемъ Ивановичемъ; *Ст.* II, 110, 111, 115). *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 9 (г. 6979): И тако уповая на Бога всѣлъ на конь и самъ князь великій; а... въ свое мѣсто посадилъ на Москвѣ сына своего... великаго князя Ивана Ивановича... а у него оставилъ брата своего меншаго князя Ондрѣя

Васильевича, да еще повелѣ ему сыну своему держати у собе Муртосу царевича, Мустафина сына царева, и съ его князьми и съ его казаки, на что ся гдѣ пригодитъ ему на каково дѣло... и царевича своего другаго князь великій съ собою же веемъ, царевя сына Алдаара (очевидно ошибка, чит. Даніяра) Касымовича своей земли Мещерьскіе, и съ его царевичи и со князьми и съ его казаки и со всѣми ихъ людми... И тако двигнувся князь великій всѣми землями, поиде на свою отчину на Великій Новгородъ (*Сер.* II, 121, 122, гдѣ вмѣсто: «царева сына Алдаяра Касымовича» стоитъ: «Царева сына Касымова, Аидаара»). *Врм.* II, 55, 56 (г. 6979): Самъ же князь великій Иванъ Васильевичь упóвая на Бога, всѣдъ на конь, и пойде на Новградъ, а на Москвѣ остави въ свое мѣсто сына своего великаго князя Ивана Ивановича, а у него оставилъ брата своего Андрея меншова, да царевича Муртозу Мустоѳина сына царева. А съ собою взялъ... и царевича Даніяра Касымова сына своей Мещерской земли. *Нов. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 127, 128: Въ лѣто 6979. Вверже князь великій Иванъ Васильевичь нелюбіе на Великій Новъгородъ... и поидоша на Шолону воюючи... И Новгородци изыдоша противу на Шолону... И начаша ся бити и погнаша Новгородци Москвичь за Шолону рѣку, и ударишася на Новгородцевъ западнія рать Татарове, и паде Новгородцевъ много. *Лв.* III, 16, 17 (г. 6978): И самъ (великій князь) пойде мѣсяца Іюня (къ Новгороду), а съ нимъ братія его... съ нимъ же Царевичь Каисимовъ сынъ съ Татары.

Подъ 1472 годомъ лѣтописцы описываютъ походъ Золото-Ордынскаго хана Ахмеда на Россію и приступъ его къ городу Алексину. Ханъ, по ихъ увѣренію, бѣжалъ, боясь быть перехваченнымъ Русскими, собравшимися во множествѣ; въ числѣ войскъ нашихъ, выступившихъ противъ непріятеля, находился и Даніяръ съ своими Татарами: онъ стоялъ въ Коломнѣ. Ханъ во время побѣга весьма опасался, чтобы Даніяръ и еще другой царевичь Татарскій, бывшій на службѣ великаго князя, Муртаза, не взяли орды и женъ его, которыхъ онъ предъ вторженіемъ своимъ въ наши предѣлы, оставилъ однихъ на самой границѣ. По окончательномъ изгнаніи Ордынцевъ, Иванъ, прибавляютъ лѣтописцы, отпустилъ Даніяра обратно «въ свой ему городокъ». Городокъ этотъ очевидно Мещерскій. И такъ, въ 1472 году Даніяръ уже положительно владѣлъ Городцемъ на Окѣ [86]).

[86]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 195: Того же лѣта (6980), мѣсяца іюля 29, приходилъ царь Охмутъ Кичіахметевичь ордынскый со всею силою великою ордынскою, и подшедъ близь Руси остави у Царици старыхъ и болныхъ и малыхъ, и поиде съ проводники не путма, и пріиде къ рѣцѣ Окѣ подъ городъ подъ Олексинъ съ Литовскаго рубежа... И видѣвши множество вой Рускыхъ, наипаче бояхуся князь Юрья Васильевича, понеже имени его трепетахуся страны; и спросивше Татаръ, иже съ нашей страны, которые князю великому служатъ,

яко не вся сила вмѣстѣ, князь же велики подъ Ростиславлемъ стоитъ, а царевичь Даньяръ Каисымовичь на Коломнѣ стоитъ съ Татары, а князь Ондрѣй болшой въ Серпуховѣ, а съ нимъ Муртаза царевичь Мустофинъ сынъ царя Казаньскаго; и слышавъ то побѣже прочь, а водя предъ собою посла великаго князя киличея Волнина, блюдучися того, егда князя великаго царевичи шедъ возмутъ орду и царицю его (*Свр* II, 135, 136; *Лв*. III, 23, 24, 25, гдѣ слова: «и спросивше Татаръ, иже съ нашей страны» пропущены, и Волнинъ названъ Григоріемъ). *Соф*. 1 *лѣт*. П. С. Р. Л. VI, 31, 32: Того же лѣта (6980) безбожный царь Ахматъ Кичиахметовичь съ всею ордою поиде на Русь, и подшелъ близь Руси и остави у Царицъ старыхъ и болныхъ и малыхъ, и поиде съ проводники не путма, и пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городокъ Олексинъ съ Литовскаго рубежа, іюля въ 30, въ четвертокъ на заговѣнье... Царь же и вси Татарове видѣвше множество Руськыхъ вой, наипаче же бояхуся князя Юрья Васильевича, понеже бо имени его трепетаху; и распросивши сихъ Татаръ, иже нашіе стороны, которые князю великому служатъ, яко еще не вся сила вмѣстѣ, князь же великый съ многими силами подъ Ростиславлемъ стоитъ, царевичь Данъяръ Кайсымовичь на Коломнѣ стоитъ съ Татары, и многіе воеводы князя великого съ нимъ и князь Андрѣй Васильевичь болшій въ Серпуховѣ стоитъ, а съ нимъ Муртоса царевичь Мустофинъ сынъ царя Казаньского; а слышавъ царь то, и побѣже прочь, а водя съ собою посла князя великого киличіа Григорья

Волинна и блюдучися того, егда князя великого царевичи возмутъ орду и царици его (*Нов. 4 лът.* по окончанію хронографа П. С. Р. Л. IV, 150, 151, гдѣ Даніяръ названъ по ошибкѣ Даяръ; въ окончаніи Академическаго списка, тамъ же, стр. 133, стоитъ коротко: «Того же лѣта [6980] безбожный царь Ахматъ Кочіахметовичь съ всею ордою поиде на Русь, пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городъ Олексинъ съ Литовского рубежа... князь великій съ братьею и со многими силами пойде къ берегу, и слышавъ то царь и побѣже прочь, блюдучися того, егда великого князя царевичи възмутъ [орду] и царици его»). *Арх.* 151, 153: Въ лѣто 6981, безбожный царь Ахмутъ Кочи Яхмутовичь болшія Орды пойде на Русь ратью со всею Ордою; и пришедъ близъ Руси, ста; и остави царицъ своихъ, старыхъ людей, и малыхъ, и болныхъ, а самъ пойде свободники не путьма. И пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городъ подъ Алексинъ... Царь же боятися нача князя Юрья, поне же бо его трепетаху многи страны поганіи. Татарове же роспросивше Татаръ, кои на сей сторонѣ великаго князя, только ли силы Рускія; ониже рѣша: Самъ князь великій подъ Ростиславлемъ съ силою, а Даньяръ салтанъ Кайсимовичь съ Тотары и съ Русаки на Коломнѣ; а въ Серпуховѣ братъ великаго князя Углечскій князь Андрей, а съ нимъ Муртоса царевичь Мустофинъ Казанскаго. Слышавъ то Ахмутъ побѣже прочь. *Врм.* II, 82, 83, 84: Тогожъ лѣта (6980), злочестивый царь Ординскій Ахматъ подвижесь на Русскую землю... а царь Ахматъ Кичи Ахматовичь

прінде ко граду Олексину со многими силами.... Татаровежъ видѣвше множество полковъ Христіанскихъ и побѣгоша за рѣку, а полцы великаго князя пріидоша ко брегу рѣки, такожъ и царевичь Данярь Касымовичь пріиде, и Муртоза царевичь Мустофинъ сынъ Казанскаго царя пріиде изъ Серпухова со княземъ Андреемъ Васильевичемъ болшимъ. По семже пріиде ко брегу и самъ окаянный царь Ахматъ, водя съ собою посла великаго князя Киличѣя Григорья Волнина, и видѣ многія полки великаго князя... царь же видѣвъ ихъ начатъ по малу отъ брега отступати, бояся князя Георгія Васильевича, понеже имени его трепетаху многи страны, еще же помышляя и блюдась, еда како великаго князя царевичи шедъ, возмутъ орду его и царицы. *Ник.* VI, 45, 46, 47, 48: Тогоже лѣта (6980) злочестивыи царь ардинскиі Ахмутъ подвижеся на рускую землю... а царь Ахметъ приіде со многими силамиі под градъ Алексинъ... Татарижe видевше множество полковъ христианскихъ, побегоша за реку, а полцы великого князя і всехъ князей приідоша ко брегу, и бысть многое множество ихъ, такоже и царевича Даняра Трегубова сына... а самъ князь великиі возвратился в Коломну, а с нимъ царевичь Данярь Трегубовъ сынъ, и оттолѣ и того почтивъ отпусти въ своя ему городокъ. (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 173, 174, 175).

О жизни Даніяра и объ управленіи его Мещерскимъ городкомъ знаемъ мы очень мало. За все время отъ 1472 до 1477 упоминается о немъ

Волнина и блюдучися того, егда князя великого царевичи возмутъ орду и царици его (*Нов. 4 лѣт.* по окончанію хронографа П. С. Р. Л. IV, 150, 151, гдѣ Даніяръ названъ по ошибкѣ Даяръ; въ окончаніи Академическаго списка, тамъ же, стр. 133, стоитъ коротко: «Того же лѣта [6980] безбожный царь Ахматъ Кочіахметовичь съ всею ордою поиде на Русь, пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городъ Олексинъ съ Литовского рубежа... князь великій съ братьею и со многими силами пойде къ берегу, и слышавъ то царь и побѣже прочь, блюдучися того, егда великого князя царевичи възмутъ [орду] и царици его»). *Арх.* 151, 153: Въ лѣто 6981, безбожный царь Ахмутъ Кочи Яхмутовичь болшія Орды пойде на Русь ратью со всею Ордою; и пришедъ близъ Руси, ста; и остави царицъ своихъ, старыхъ людей, и малыхъ, и болныхъ, а самъ пойде свободники не путьма. И пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городъ подъ Алексинъ... Царь же боятися нача князя Юрья, понеже бо его трепетаху многи страны поганіи. Татарове же роспросивше Татаръ, кои на сей сторонѣ великаго князя, только ли силы Рускія; oниже рѣша: Самъ князь великій подъ Ростиславлемъ съ силою, а Даньяръ салтанъ Кайсимовичь съ Тотары и съ Русаки на Коломнѣ; а въ Серпуховѣ братъ великаго князя Углечскій князь Андрей, а съ нимъ Муртоса царевичь Мустофинъ Казанскаго. Слышавъ то Ахмутъ побѣже прочь. *Врм.* II, 82, 83, 84: Тогожъ лѣта (6980), злочестивый царь Ординскій Ахматъ подвижесь на Русскую землю... а царь Ахматъ Кичи Ахматовичь

излишнимъ будетъ сказать про него нѣсколько словъ. Въ первый разъ упоминается о немъ въ лѣтописяхъ подъ 1471 г. Великій князь, предъ самымъ выступленіемъ къ Новгороду, послалъ Никиту Беклемишева «въ поле» перезвать Муртазу къ себѣ на службу; Иванъ не успѣлъ еще возвратиться изъ похода, какъ уже царевичь былъ въ Москвѣ у его сына (*Вскр*. П. С. Р. Л. VIII, 167, 168: А того же лѣта [6979] великій князь Иванъ, идя къ Новугороду, послалъ въ поле Никиту Беклемишова искати царевича Муртазы, Мустофина сына, звати къ себѣ его служити; Никита же наѣде его въ полѣ, и перезва его къ великому князю, и приде съ нимъ къ сыну великого князя на Москву, напередъ прихода великого князя изъ Новагорода. Ср. *Цps*. 433; *Ник*. VI, 33; *Ст*. II, 132). Сыну же своему великій князь, еще предъ отъѣздомъ изъ столицы, предписалъ держать при себѣ въ его отсутствіи, царевича «съ его князьми и съ его казаки, на что ся гдѣ пригодитъ ему на каково дѣло» (см. выше, пр. 35, стр. 76). Въ 1472 г. Муртаза, какъ мы видѣли (см выше, пр. 36, стр. 78—80), участвовалъ въ войнѣ съ ханомъ Золотой Орды Ахмедомъ. Въ послѣдствіи, и именно какъ кажется въ 1473 г., великій князь Иванъ Васильевичь пожаловалъ ему Новый городокъ на Окѣ (*Вскр*. П. С. Р. Л. VIII, 178: Тое же зимы (6982), декабря 31, пріѣхалъ служити великому князю Ивану Василіевичю царевичь Муртоза, сынъ Казанскаго царя Мустофы; и князь велики его пожаловалъ, далъ ему Новъгородъ на Оцѣ съ многими волостии. См. также *Ник*. VI, 55; *Соф*. 1 *лѣт*. II.

С. Р. Л. VI, 32; *Сер.* II, 342; *Нов. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 133, 151; *Нов. 3 лѣт.* П. С. Р. Л. III, 242; время прибытія Муртазы въ Россію, очевидно, означено ошибочно: годъ 1473 должно считать, какъ и полагаетъ Арцыбышевъ [II, к. IV, стр. 25, № 141], только годомъ пожалованія царевичу Новаго городка). Послѣ 1473 г., о Муртазѣ упоминается еще подъ 1475 и 1480 г. (см. ниже, стр. 87); онъ жилъ тогда въ Россіи; что же съ нимъ сдѣлалось потомъ— неизвѣстно. Изо всѣхъ этихъ свѣдѣній самое любопытное то, что лѣтописцы почти постоянно называютъ Муртазу сыномъ Мустафы, царя Казанскаго. Царя же въ Казани по имени Мустафы (مصطفى), не существовало никогда. Ужь не былъ ли Муртаза сыномъ того извѣстнаго Мустафы, который палъ на берегу р. Листáни, геройски защищаясь противъ войска, высланнаго великимъ княземъ Василіемъ (*Кар.* V, 179)? Мустафа этотъ могъ быть по ошибкѣ названъ царемъ Казанскимъ. Новый городокъ на Окѣ, пожалованный Иваномъ Муртазѣ, по всей вѣроятности, какъ думаетъ Арцыбышевъ (II, к IV, стр. 25, № 142) — Новый городокъ Олговъ, во всякомъ случаѣ не городокъ Мещерскій, хотя онъ назывался также, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 41), *Новымъ* низовымъ *городомъ*. О ту пору когда Муртаза жилъ въ Россіи, Мещерскимъ городкомъ управлялъ Даніяръ.

Орды, обѣщая съ своей стороны быть съ Иваномъ за одно противъ короля Казимира. «А коли»,

сказано въ грамотѣ, «мой недругъ Агматъ Царь пойдетъ на меня на Менли Гирея Царя и тобѣ моему брату Великому Князю Царевичевъ своихъ Даньяра и Муртозу на Орду отпущати по своей правдѣ (*Сб. гос гр.* V, № 2, стр. 2) [39]).

[39]) См. въ *Кар.* пр. 124 къ Т. VI, наказъ данный Алексѣю Старкову, отправленному посломъ въ Крымъ 23 марта 1475 г., гдѣ сказано: «И учнетъ Царь говорити: приказывалъ есми къ своему брату... чтобы со мною былъ на Царя Ахмата за-одинъ: коли пойдетъ на меня Ахматъ, и онъ бы *Царевичевъ* своихъ отпустилъ на Орду; и братъ мой, Князь Великій, у своей правды то выговорилъ, а на томъ мнѣ правды не далъ» (не далъ, потому что ханъ не хотѣлъ тогда обѣщать быть за одно съ Иваномъ противъ Казимира). Въ указанной мною грамотѣ Менгли-гирея упоминается о «Бояринѣ Алексѣѣ». Грамота, должно быть, была писана тотчасъ по пріѣздѣ Алексѣя Старкова въ Крымъ, потому что вскорѣ послѣ того, Менгли-гирей былъ сверженъ съ престола (см. ниже, статью о Нуръ-даулетѣ).

Въ 1477 году Даніяръ съ Татарами своими является въ рядахъ войска великокняжескаго, шедшаго на Новгородъ, и присутствуетъ за тѣмъ при паденіи славной республики Новгородской [40]).

[40]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 207, 213: Въ лѣто 6986... Октебря 9... выиде князь велики съ Москвы къ Новугороду... а Даньяру царевичю, Касы-

мову сыну, велѣлъ итти на Клинъ, напередъ себя за 4 дни, да ко Тфери да къ Торжку... Октебря 23 выѣхалъ князь велики изъ Торжку, а пошелъ ратью на Новгородъ... А царевичю Даньяру велѣлъ итти отъ Торжку по за Метѣ, а съ нимъ воевода великого князя Василей Образецъ съ Боровичи... Того же дни (декабря 4) царевичь Даньяръ пришелъ подъ городъ (Новгородъ), а съ нимъ воевода великого князя Василей Образецъ съ Боровичи; и князь велики велѣлъ царевичю статн въ Кириловѣ манастырѣ да у Ондрѣя святаго въ манастырѣ, на Городищеской же сторонѣ, а приставомъ царевичевымъ князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звенцю велѣлъ стати на Ковалевѣ въ манастырѣ, а Василью Образцу съ Боровичи велѣлъ стати у Спаса въ манастырѣ на Волотовѣ (*Сср.* II, 176, 177, 187; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 185, 191, гдѣ не: «Василей Образецъ съ Боровичи» и не: «Василью Образцу съ Боровичи», а съ начала: «Василей Образець Федоровичь», а потомъ: «Василей Образець зъ Борисовичи» и «Василью Образцу зъ Борисовичи; *Ник.* VI, 75, 76, 89, гдѣ, на стр. 76, вмѣсто: «Василей Образецъ съ Боровичи», сказано: «Василеи образецъ Борисовичъ»; *Лв.* III, 71, 73, 97). *Башм. разр. кн.*: Декабря (6986) въ 4 день въ понедельникъ пришолъ подъ городъ царевичь Даньяръ, а съ нимъ воевода великого князя Василей Образець зъ Борисовичи, князь великиі велелъ царевичю Даньяру стать въ Кирилове монастырѣ да у Андрѣя святаго въ монастырѣ на Городище съ тоежь стороны, а приставомъ царевичевымъ князю Петру Оболенскому да князю Івану Звенцу велелъ стати на

Ковалеве въ монастырѣ, а Василью Образцу въ Борисовичи велелъ стать у Спаса на Волотове въ монастырѣ. *Пск. 1 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 259, 260 (г. 6986): Самъ князь великой... сталъ... подъ Новымъгородомъ; а самъ сталъ въ Ракомли... по тую же сторону сталъ царевичь Даньяръ еще и преже великого князя съ своею силою Татарскою, и той изгонною ратью и посады и монастыри изгонилъ и не далъ ожечи, и тутова вси сами въ тѣхъ посадѣхъ и монастырѣхъ и стали, и со иными иногими силами великого князя... и князь же великой... нача у нихъ подъ Великимъ Новымъгородомъ подъ стѣною стояніемъ стояти со всѣми своими силами... а еще ктому у него и царевичь Даньяръ и съ многими Татарскими силами своими туто же стоялъ, служачи великому князю подъ Новымъгородомъ (*Пск. Пол.* 148). *Ст.* II, 122, 124: Паки же въ лѣто 6986 собра многое воинство свое, и поиде къ Новуграду... Поидоша же съ нимъ братія его и Царевичь Даньяръ Касимовъ сынъ, и Псковичи... Повелѣ же Великій Князь (ставъ подъ Новгородомъ) братіи своей и Царевичу Даньяру и всему войску и Псковичемъ и всѣмъ людемъ, идѣже кто нибуди, отвсюду во единъ день пріити ко граду съ пушками и со всякимъ оружіемъ мѣсяца Декабря въ 7 день въ четвертокъ.

Съ 1477 года почти единственнымъ источникомъ, по которому можно еще, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдить за обстоятельствами жизни Даніяра— служатъ дошедшіе до насъ оффиціальные акты и гра-

моты того времени. Такъ, въ 1480 году Крымскій ханъ Менгли-гирей писалъ великому князю Ивану: «Коли пойдетъ на меня Царь Ахматъ, и тобѣ, моему брату, Великому Князю Ивану, Царевичевъ своихъ отпустити на Орду съ Уланы и со Князми» (*Сб. гос. гр.* V, № 4, стр. 2). Здѣсь, безъ малѣйшаго сомнѣнія, дѣло идетъ о царевичахъ Даніярѣ и Муртазѣ, такъ какъ приведенныя мною слова хана — ничто иное, какъ повтореніе его же словъ, которыя онъ писалъ тому же Ивану въ 1475 году, и въ которыхъ называлъ поимянно Даніяра и Муртазу (см. выше, стр. 84). Въ 1481 году (2 февраля) въ договорныхъ грамотахъ великаго князя съ братьями его Андреемъ Можайскимъ и Борисомъ Волоцкимъ, включено по прежнему обязательство для князей: содержать въ дружбѣ Даніяра и всякаго другаго царевича, кто будетъ на его мѣстѣ. «А Царевича намъ *Даніара*», значится въ договорѣ, «или кто по немъ на томъ мѣстѣ иный Царевичь будетъ, и тобѣ его держати съ нами съ одного» (*Сб. гос. гр.* I, № 106, стр. 256; ср. № 107 — 111, стр. 258, 262, 264, 267, 269; *Др. Вивл.* II, № 86—92, стр. 106, 107, 112, 117, 124, 131, 138, 145; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* III, № 102, 103, 105, 106, стр. 244, 252, 263, 264, 273, 274). Около того же 1481 года, князь Андрей Васильевичь меньшой въ своей духовной завѣщевалъ: «Дати ми своему Господину своему брату старѣйшему Великому Князю Ивану Васильевичю тритцать тысячь рублевъ, что

яко не вся сила вмѣстѣ, князь же велики подъ Ростиславлемъ стоитъ, а царевичь Даньяръ Каисымовичь на Коломнѣ стоитъ съ Татары, а князь Ондрѣй болшой въ Серпуховѣ, а съ нимъ Муртаза царевичь Мустофинъ сынъ царя Казаньскаго; и слышавъ то побѣже прочь, а водя предъ собою посла великаго князя киличея Волнина, блюдучися того, егда князя великаго царевичи шедъ возмутъ орду и царицю его (*Сер* II, 135, 136; *Лв.* III, 23, 24, 25, гдѣ слова: «и спросивше Татаръ, иже съ нашей страны» пропущены, и Волнинъ названъ Григоріемъ). *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 31, 32: Того же лѣта (6980) безбожный царь Ахматъ Кичиахметовичь съ всею ордою поиде на Русь, и подшелъ близь Руси и остави у Царицъ старыхъ и болныхъ и малыхъ, и поиде съ проводники не путма, и пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городокъ Олексинъ съ Литовскаго рубежа, іюля въ 30, въ четвертокъ на заговѣнье... Царь же и вси Татарове видѣвше множество Рускыхъ вой, наипаче же бояхуся князя Юрья Васильевича, поне же бо имени его трепетаху; и распросивши сихъ Татаръ, иже нашіе стороны, которые князю великому служатъ, яко еще не вся сила вмѣстѣ, князь же великый съ многими силами подъ Ростиславлемъ стоитъ, царевичь Данъяръ Кайсымовичь на Коломнѣ стоитъ съ Татары, и многіе воеводы князя великого съ нимъ и князь Андрѣй Васильевичь болшій въ Серпуховѣ стоитъ, а съ нимъ Муртоса царевичь Мустофинъ сынъ царя Казаньского; а слышавъ царь то, и побѣже прочь, а водя съ собою посла князя великого киличіа Григорья

Волнина и блюдучися того, егда князя великого царевичи возмутъ орду и царици его (*Нов. 4 лѣт.* по окончанію хронографа П. С. Р. Л. IV, 150, 151, гдѣ Даніяръ названъ по ошибкѣ Даяръ; въ окончаніи Академическаго списка, тамъ же, стр. 133, стоитъ коротко: «Того же лѣта [6980] безбожный царь Ахматъ Кочіахметовичь съ всею ордою поиде на Русь, пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городъ Олексинъ съ Литовского рубежа... князь великій съ братьею и со многими силами пойде къ берегу, и слышавъ то царь и побѣже прочь, блюдучися того, егда великого князя царевичи възмутъ [орду] и царици его»). *Арх.* 151, 153: Въ лѣто 6981, безбожный царь Ахмутъ Кочи Яхмутовичь болшія Орды пойде на Русь ратью со всею Ордою; и пришедъ близъ Руси, ста; и остави царицъ своихъ, старыхъ людей, и малыхъ, и болныхъ, а самъ пойде свободники не путьма. И пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подъ городъ подъ Алексинъ... Царь же боятися нача князя Юрья, понеже бо его трепетаху многи страны поганія. Татарове же роспросивше Татаръ, кои на сей сторонѣ великаго князя, только ли силы Рускія; ониже рѣша: Самъ князь великій подъ Ростиславлемъ съ силою, а Даньяръ салтанъ Кайсимовичь съ Тотары и съ Русаки на Коломнѣ; а въ Серпуховѣ братъ великаго князя Углечскій князь Андрей, а съ нимъ Муртоса царевичь Мустофинъ Казанскаго. Слышавъ то Ахмутъ побѣже прочь. *Врм.* II, 82, 83, 84: Тогожъ лѣта (6980), злочестивый царь Ординскій Ахматъ подвижесь на Русскую землю... а царь Ахматъ Кичи Ахматовичь

пріиде ко граду Олексину со многими силами.... Татаровежъ видѣвше множество полковъ Христіанскихъ и побѣгоша за рѣку, а полцы великаго князя пріидоша ко брегу рѣки, такожъ и царевичь Данярь Касымовичь пріиде, и Муртоза царевичь Мустофинъ сынъ Казанскаго царя пріиде изъ Серпухова со княземъ Андреемъ Васильевичемъ болшимъ. По семже пріиде ко брегу и самъ окаянный царь Ахматъ, водя съ собою посла великаго князя Киличѣя Григорья Волнина, и видѣ многія полки великаго князя... царь же видѣвъ ихъ начатъ по малу отъ брега отступати, бояся князя Георгія Васильевича, понеже имени его трепетаху многи страны, еще же помышляя и блюдясь, еда како великаго князя царевичи шедъ, возмутъ орду его и царицы. *Ник.* VI, 45, 46, 47, 48: Тогоже лѣта (6980) злочестивыи царь ардинскиі Ахмутъ подвижеся на рускую землю... а царь Ахметъ приіде со многими силаміі под градъ Алексинъ... Татариже видевше множество полковъ християнскихъ, побегоша за реку, а полцы великого князя і всехъ князей приідоша ко брегу, и бысть многое множество ихъ, такоже и царевича Даняра Трегубова сына... а самъ князь великиі возвратился в Коломну, а с нимъ царевичь Данаръ Трегубовъ сынъ, и оттолѣ и того почтивъ отпусти въ свои ему городокъ. (*Воскр*. П. С. Р. Л. VIII, 173, 174, 175).

О жизни Даніяра и объ управленіи его Мещерскимъ городкомъ знаемъ мы очень мало. За все время отъ 1472 до 1477 упоминается о немъ

только въ договорныхъ грамотахъ великаго князя Ивана Васильевича съ братьями его князьями Борисомъ Волоцкимъ и Андреемъ Углицкимъ 13 февраля и 14 сентября 1473 года, да еще въ грамотѣ Крымскаго царя Менгли-гирея, писанной имъ въ 1475 году къ великому князю Ивану. Въ договорныхъ грамотахъ князья Борисъ и Андрей обязываются содержать въ дружбѣ Даніяра и всякаго другаго царевича, кто будетъ на его мѣстѣ, или кого великій князь и сынъ его сочтутъ за нужное принять въ свою землю [37]).

[37]) *Сб. гос. гр.* I, № 97, стр. 235, 236: А Царевича нашъ *Даньяра*, или хто по немъ на томъ мѣстѣ иный Царевичь будетъ, и тобѣ его держати съ нами съ одного; а будетъ, брате, мнѣ Великому Князю и моему сыну Великому Князю иного Царевича отколе приняти въ свою землю своего дѣля дѣла и хрестьянского для дѣла, и тобѣ и того держати съ нами съ одного (ср. тамъ же, № 98—102, стр. 238, 241, 243, 246, 248; *Др. Вивл.* II, № 75—77, 79, 80—82, стр. 53, 54, 59, 64, 65, 75, 80, 81, 86, 87, 92; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* III, № 87, 88, 92, 93, стр. 184, 192, 209, 210, 218).

Въ грамотѣ же 1475 года, ханъ Крымскій проситъ великаго князя высылать царевичей Даніяра и Муртазу [38]) противъ Ахмеда, царя Золотой

[38]) Имя царевича Муртазы (مرتضى) довольно часто встрѣчается вмѣстѣ съ именемъ Даніяра; потому здѣсь и не

излишнимъ будетъ сказать про него нѣсколько словъ. Въ первый разъ упоминается о немъ въ лѣтописяхъ подъ 1471 г. Великій князь, предъ самымъ выступленіемъ къ Новгороду, послалъ Никиту Беклемишева «въ поле» перезвать Муртазу къ себѣ на службу; Иванъ не успѣлъ еще возвратиться изъ похода, какъ уже царевичь былъ въ Москвѣ у его сына (*Вскр*. П. С. Р. Л. VIII, 167, 168: А того же лѣта [6979] великій князь Иванъ, идя къ Новугороду, послалъ въ поле Никиту Беклемишова искати царевича Муртазы, Мустофина сына, звати къ себѣ его служити; Никита же наѣде его въ полѣ, и перезва его къ великому князю, и приде съ нимъ къ сыну великого князя на Москву, напередъ прихода великого князя изъ Новагорода. Ср. *Црв*. 433; *Ник*. VI, 33; *Ст*. II, 132). Сыну же своему великій князь, еще предъ отъѣздомъ изъ столицы, предписалъ держать при себѣ въ его отсутствіи, царевича «съ его князьми и съ его казаки, на что ся гдѣ пригодитъ ему на каково дѣло» (см. выше, пр. 35, стр. 76). Въ 1472 г. Муртаза, какъ мы видѣли (см выше, пр. 36, стр. 78—80), участвовалъ въ войнѣ съ ханомъ Золотой Орды Ахмедомъ. Въ послѣдствіи, и именно какъ кажется въ 1473 г., великій князь Иванъ Васильевичь пожаловалъ ему Новый городокъ на Окѣ (*Вскр*. П. С. Р. Л. VIII, 178: Тое же зимы (6982), декабря 31, пріѣхалъ служити великому князю Ивану Василіевичю царевичь Муртоза, сынъ Казанскаго царя Мустофы; и князь велики его пожаловалъ, далъ ему Новъгородъ на Оцѣ съ многими волостми. См. также *Ник*. VI, 55; *Соф*. 1 *лѣт*. П.

С. Р. Л. VI, 32; *Свр.* II, 342; *Новг. 4 лът.* П. С. Р. Л. IV, 133, 151; *Новг. 3 лът.* П. С. Р. Л. III, 242; время прибытія Муртазы въ Россію, очевидно, означено ошибочно: годъ 1473 должно считать, какъ и полагаетъ Арцыбышевъ [II, к. IV, стр. 25, № 141], только годомъ пожалованія царевичу Новаго городка). Послѣ 1473 г., о Муртазѣ упоминается еще подъ 1475 и 1480 г. (см. ниже, стр. 87); онъ жилъ тогда въ Россіи; что же съ нимъ сдѣлалось потомъ— неизвѣстно. Изо всѣхъ этихъ свѣдѣній самое любопытное то, что лѣтописцы почти постоянно называютъ Муртазу сыномъ Мустафы, царя Казанскаго. Царя же въ Казани по имени Мустафы (مصطفى), не существовало никогда. Ужь не былъ ли Муртаза сыномъ того извѣстнаго Мустафы, который палъ на берегу р. Листáни, геройски защищаясь противъ войска, высланнаго великимъ княземъ Василіемъ (*Кар.* V, 179)? Мустафа этотъ могъ быть по ошибкѣ названъ царемъ Казанскимъ. Новый городокъ на Окѣ, пожалованный Иваномъ Муртазѣ, по всей вѣроятности, какъ думаетъ Арцыбышевъ (II, к IV, стр. 25, № 142) — Новый городокъ Олговъ, во всякомъ случаѣ не городокъ Мещерскій, хотя онъ назывался также, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 41), *Новымъ* низовымъ *городомъ*. О ту пору когда Муртаза жилъ въ Россіи, Мещерскимъ городкомъ управлялъ Даніяръ.

Орды, обѣщая съ своей стороны быть съ Иваномъ за одно противъ короля Казимира. «А коли», —

сказано въ грамотѣ, «мой недругъ Агматъ Царь пойдетъ на меня на Менли Гирея Царя и тобѣ моему брату Великому Князю Царевичевъ своихъ Даньяра и Муртозу на Орду отпущати по своей правдѣ (*Сб. гос гр.* V, № 2, стр. 2) [39]).

[39]) См. въ *Кар.* пр. 124 къ Т. VI, наказъ данный Алексѣю Старкову, отправленному посломъ въ Крымъ 23 марта 1475 г., гдѣ сказано: «И учнетъ Царь говорити: приказывалъ еси къ своему брату... чтобы со мною былъ на Царя Ахмата за-одинъ: коли пойдетъ на меня Ахматъ, и онъ бы *Царевичевъ* своихъ отпустилъ на Орду; и братъ мой, Князь Великій, у своей правды то выговорилъ, а на томъ мнѣ правды не далъ» (не далъ, потому что ханъ не хотѣлъ тогда обѣщать быть за одно съ Иваномъ противъ Казимира). Въ указанной мною грамотѣ Менгли-гирея упоминается о «Бояринѣ Алексѣѣ». Грамота, должно быть, была писана тотчасъ по пріѣздѣ Алексѣя Старкова въ Крымъ, потому что вскорѣ послѣ того, Менгли-гирей былъ сверженъ съ престола (см. ниже, статью о Нуръ-даулетѣ).

Въ 1477 году Даніяръ съ Татарами своими является въ рядахъ войска великокняжескаго, шедшаго на Новгородъ, и присутствуетъ за тѣмъ при паденіи славной республики Новгородской [40]).

[40]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 207, 213: Въ лѣто 6986... Октебря 9... выиде князь велики съ Москвы къ Новугороду... а Даньяру царевичю, Касы-

мову сыну, велѣлъ итти на Клинъ, напередъ себя за 4 дни, да ко Твери да къ Торжку... Октебря 23 выѣхалъ князь велики изъ Торжку, а пошелъ ратью на Новгородъ... А царевичю Даньяру велѣлъ итти отъ Торжку по за Метѣ, а съ нимъ воевода велякого князя Василей Образецъ съ Боровичи... Того же дни (декабря 4) царевичь Даньяръ пришелъ подъ городъ (Новгородъ), а съ нимъ воевода великого князя Василей Образецъ съ Боровичи; и князь велики велѣлъ царевичю стати въ Кириловѣ манастырѣ да у Ондрѣя святаго въ манастырѣ, на Городищеской же сторонѣ, а приставомъ царевичевымъ князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звенцю велѣлъ стати на Ковалевѣ въ манастырѣ, а Василью Образцу съ Боровичи велѣлъ стати у Спаса въ манастырѣ на Волотовѣ (*Свр.* II, 176, 177, 187; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 185, 191, гдѣ не: «Василей Образецъ съ Боровичи» и не: «Василью Образцу съ Боровичи», а съ начала: «Василей Образець Федоровичь», а потомъ: «Василей Образець зъ Борисовичи» и «Василью Образцу зъ Борисовичи; *Ник.* VI, 75, 76, 89, гдѣ, на стр. 76, вмѣсто: «Василей Образецъ съ Боровичи», сказано: «Василеи образецъ Борисовичъ»; *Лв.* III, 71, 73, 97). *Башм. разр. кн.*: Декабря (6986) въ 4 день въ понедельникъ пришолъ подъ городъ царевичь Даньяръ, а съ нимъ воевода великого князя Василей Образець зъ Борисовичи, князь великиі велелъ царевичю Даньяру стать въ Кирилове монастырѣ да у Андрѣя святаго въ монастырѣ на Городище съ тоежъ стороны, а приставомъ царевичевымъ князю Петру Оболенскому да князю Івану Звенцу велелъ стати на

за меня въ Орды давалъ и въ Казань и въ городокъ Царевичю, и что есми у него собѣ ималъ» (*Сб. гос. гр.* I, № 112, стр. 271; *Др. Вивл.* II, № 93, стр. 146; *Древн. Росс. Вивл.* III, № 114, стр. 276, 277). Здѣсь навѣрно городокъ—Мещерскій, а царевичь—Даніяръ. Наконецъ въ 1483 г., 9 іюня, заключена была, между великими князьями Московскимъ и Рязанскимъ, та самая договорная грамота, выписка изъ которой, касающаяся Касима и Даніяра, весьма важная, какъ мы видѣли, для изслѣдуемаго нами предмета, сообщена выше на стр. 29 — 33.

Въ лѣтописяхъ, Даніяръ послѣ 1477 г. упоминается только разъ. Лѣтописцы разсказываютъ, какъ около 1483 г. выѣхалъ въ Россію Нѣмецкій врачь Антонъ, какъ онъ взялся лѣчить и залѣчилъ Даніярова князя Кара-ходжу (قرا خواجه), какъ великій князь выдалъ врача сыну Кара-ходжи, который мучилъ его и отпустилъ на окупъ (по закону мусульманскому, можно за убійство откупаться взносомъ извѣстной денежной пени), и какъ за тѣмъ, по настоянію великаго князя, Татары зарѣзали несчастнаго Антона на р. Москвѣ, подъ мостомъ [41]).

[41]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 235: Того же лѣта (6991) врачь нѣкій Нѣмчинъ Онтонъ пріѣха къ великому князю, его же въ велицѣй чести держа князь велики его, врачева же князя Каракучю царевичева Даньярова да уморі его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ; князь же велики выда его сыну Каракучеву, онъ же мучивъ его

хотѣ дати на окупъ, князь же велики не повелѣ, но велѣ его убити; они же сведше его на рѣку на Москву подъ мостъ, зимѣ, да зарѣзаша его ножемъ какъ овцу (*Сер*. II, 226; *Лв*. III, 185, подъ 6993 г.). Здѣсь нельзя не замѣтить, что Карамзинъ (VI, 121) называетъ Кара-ходжу сыномъ Даніяра. Будь Кара-ходжа дѣйствительно сыномъ Даніяра, то лѣтописцы наверно назвали бъ его не просто княземъ, а царевичемъ.

Любопытный разсказъ этотъ изображаетъ съ одной стороны нравы того времени, а съ другой — свидѣтельствуетъ о значеніи, которымъ пользовались тогда, при дворѣ Русскомъ, не только служивые царевичи Татарскіе, но и князья ихъ. Великій князь конечно не за всякаго выдалъ бы врача на смерть.

За тѣмъ уже болѣе нигдѣ не встрѣчается имя Даніяра. Все что можемъ сказать, это то, что онъ умеръ или былъ смѣщенъ около 1486 года. Въ этомъ году въ договорныхъ грамотахъ великаго князя съ братьями, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде ставало имя Даніяра, стоитъ имя новаго лица — царя Нуръ-даулета. «А Царя *Нурдовлата*», говоритъ великій князь, «или кто по немъ иный Царь или Царевичь будетъ на томъ мѣсте, и тобѣ его держати съ нами съ одного (см. *Сб. гос. гр.* I, дог. грам. в. кн. Ивана Васильевича съ Борисомъ Васильевичемъ, 20 августа 1486 г., и Андреемъ Васильевичемъ большимъ, 30 ноября 1486 г., № 123—126, стр. 309, 312, 316, 319; см. также *Др. Вивл.* II, № 105—108,

стр. 237, 246, 254, 262; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* IV, № 129—132, стр. 127, 139, 152, 164, 165).

Мы знаемъ навѣрно, что былъ Нуръ-даулетъ царь, владѣлецъ городка Мещерскаго. Въ Актахъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи Археографическою экспедиціею, Т. I, въ Описи Царскаго архива, 1575—1584, № 289, стр. 340, прямо сказано: «Ящикъ 58. А въ немъ грамоты шертовые и списки старые Городетцкіе, при Даньярѣ царевичѣ и при Нурдовълатѣ царѣ и при иныхъ царѣхъ и при царевичѣхъ».

Думать должно, что около 1486 года Даніяръ сошелъ со сцены, а мѣсто его въ городкѣ Мещерскомъ заступилъ Нуръ-даулетъ царь [12]).

[12]) Въ заключеніе статьи о Даніарѣ замѣчу вотъ что: Контарини, бывшій въ Россіи въ 1476 г., пишетъ въ своемъ путешествіи (*Библіот. иностр. писат. о Россіи.* Отд. I. Т. I. Путешествіе Амвросія Контарини, стр. 106 перевода и 177 текста), что великій князь Иванъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать свои владѣнія и въ особенности посѣщать одного Татарина, котораго онъ, какъ говорили, содержалъ на жалованьи съ 500 всадниковъ, на Татарской границѣ, для защиты Русской земли отъ нападеній. — Не Даніяра ли имѣлъ Контарини въ виду?

Нородоулатъ; *Син.* Нородулатъ; *Арх.* Нарадулятъ, Народилатъ; *Род.* Норло Улатъ), Хайдеръ (*Коп.* Аидаръ; *Син.* Идаръ; *Арх.* Айдаръ; *Род.* Аидаръ), Менгли-гирей (*Коп.* Минлигирей, Мулгирей; *Син.* Менли Гирей; *Арх.* Менглиричь; *Род.* Минли Гирей), Узтимуръ (*Коп.* Узтемиръ; *Син.* Азтемиръ; *Арх.* Утезмиръ; *Род.* Узтемиръ) и Хаджи (*Коп.* Хаджи; *Арх.* Халчи; *Род.* Хаджи). *Арх.* списокъ, гдѣ число дѣтей Менгли-гирея увеличено двумя, которые по другимъ спискамъ признаются дѣтьми Нуръ-даулета, я считаю ошибочнымъ; причина тому будетъ видна ниже изъ статей «Сатылганъ» и «Джанай», въ которыхъ лица эти являются положительно сыновьями Нуръ-даулета).

попался въ плѣнъ къ Туркамъ Менгли-гирей, бѣжавшій туда изъ Кафы, при появленіи Турецкаго войска (Кеппенъ. Крымскій Сборникъ. Спб. 1837, стр. 287, 288). Онъ былъ отвезенъ въ Константинополь и осужденъ на смерть, какъ вдругъ султанъ его помиловалъ, и не только даровалъ ему жизнь и свободу, но даже, снизойдя на просьбу Эменекъ-бика, приверженца плѣненнаго царя, рѣшился сдѣлать его ханомъ Крымскимъ. Менгли-гирей, въ качествѣ султанскаго вассала, отправился, сопровождаемый Турецкимъ войскомъ, въ Крымъ, и занялъ вновь престолъ, на которомъ онъ уже сидѣлъ незадолго передъ тѣмъ [48]).

[48]) См. Дженнаби (ум. 999=1590,1 г.) Авторъ этотъ обстоятельно излагаетъ исторію плѣненія Менгли-гирея и возведенія его на престолъ Крымскій. Такъ какъ Джен-

реевы дѣти, Нурдовлатъ и Аидаръ. Тоеже весны уби царевича болшаго. *Лв.* III, 138. Той же зимы (6988) мѣсяца Генваря, егда бысть Князь Великій въ Новѣгородѣ пріидоша на Москву къ Великому Князю два Царя Азигирѣевы дѣти Крымскіе Мердоулатъ съ сыномъ съ Бердоулатомъ, да братъ его Алебеданъ. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 205: Тое же осени (6988), по отъѣздѣ великого князя въ Новгородъ, пріидоша на Москву къ великому князю два царя, Мердоулатъ съ сыномъ Бердоулатомъ да братъ его Аидаръ. *Врм.* II, 126: Тояжъ осени (6988) по отъѣздѣ великаго князя въ Новградъ, пріидоша къ великому князю два царя Мердоулатъ съ сыномъ Мердоулатомъ да братъ его Аидаръ. *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 34: Тое же осени (6988), по отъѣздѣ великого князя въ Новгородъ, пріидоша къ великому князю Ивану Васильевичю и къ сыну его къ великому князю Ивану изъ Поля два царя служити, Мердоулатъ съ сыномъ Бердоулатомъ, да братъ его Аидаръ, дѣти царя Ачигирѣя Крымскаго. *Ник.* VI, 109: Тоеже осени (6988) по отъѣаде великого князя в Новъгородъ приидоша к великому князю Івану Васильевичю, и к сыну его к великому князю Івану Івановичю ис поля два царя служити, Мордоулатъ с сыномъ Бердеулатомъ, да братъ его Аидаръ дѣти царя Анчигирѣя кримского. *Сер.* II, 344: Тое же осени (6988), по отъѣздѣ великого Князя въ Новъгородъ, приидоша къ великому Князю изъ Поля два Царя служити, Мердоулатъ со сыномъ Бердоулатомъ, да братъ его Аидаръ, дѣти Царя Ачигирея Кримского.

скимъ, осадилъ Кафу и взялъ ее; городъ этотъ принадлежалъ Френгамъ. За тѣмъ онъ двинулся къ Манкубу, одной изъ наилучше укрѣпленныхъ и сильнѣйшихъ крѣпостей, находившейся въ рукахъ князей, христіянъ Румскихъ. Ему удалось взять ее; при этомъ онъ овладѣлъ богатою добычею и захватилъ главнѣйшихъ христіянъ, которыхъ и отослалъ къ высочайшему двору. Въ крѣпости, между прочимъ, нашелъ онъ одного изъ сыновей Хаджъ-гирей-хана, по имени Менгли гирея; онъ и его захватилъ и отослалъ ко двору, вмѣстѣ съ отправленными имъ туда христіянами. Съ Менгли-гиреемъ случилось же это вотъ какъ: когда дѣти Хаджь-гирея оспаривали между собою власть, такъ что, бывало, повладѣетъ одинъ, потомъ одержитъ надъ нимъ верхъ другой и въ свою очередь процарствуетъ немного и т. д. — то въ числѣ тѣхъ, которые одно время управляли царствомъ былъ и Менгли - гирей: достичь власти помогъ ему великій эмиръ Эменекъ-бикъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ эмировъ того края. Въ послѣдствіи одержалъ верхъ надъ Менгли - гиреемъ одинъ изъ братьевъ его. Ханъ бѣжалъ въ Манкубъ, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока Кедюкъ - Ахмедъ - паша не взялъ крѣпости, не захватилъ его и не отослалъ ко двору. По прибытіи плѣнниковъ, благовѣрный султанъ велѣлъ засадить ихъ въ одну изъ башень. Чрезъ нѣсколько времени государь предписалъ визирю казнить всѣхъ помянутыхъ узниковъ. Визирь уже готовъ былъ привести въ исполненіе данное ему предписаніе, какъ вдругъ султанъ одумался, и послалъ къ визирю гонца съ приказаніемъ не убивать

ciuilisque, et bene agendi cupidus (ср. *Мѣховскій*, кн. IV, гл. LXVIII, стр. CCCXXXIII). *Длугошъ* II, 403: Aduenerat et noui Imperatoris *Thartarorum* vocati *Nurdauolad*, qui patri suo *Eczigero* in Imperio successerat, *Pyotrcouiam* (весною 1467 г.) Nuncius. Qui *Eczigeri* morte commemorata, *hunc in Imperium, omnium Principum et Vlanorum vnanimi consensu, sublimatum, caeterisque fratribus praelatum* deduxit: offerens *illum in pari liga, amicitia et foedere, iuxta ac pater suus Eczigeri manserat, cum Casimiro Rege et Regno Poloniae, et Principatibus suis mansurum*... Huic responsum est, *Casimirum Regem et Regnum Poloniae, de morte Eczigeri sincere doluisse, et dolere. De filii vero sui, in Solium paternum et Imperium substitutione laetari conuenire: existimantibus illum, paternos mores, virtutes et vestigia sectaturum*. *Кромеръ*, кн. XXVII, стр. 576: Audita (весною 1467 г.) est etiam Nurduuuladi noui Tauricanorum Tartarorum principis, qui Ezigeri patri ante septem menses extincto successerat, legatio, foedus et amicitiam paternam cum Cazimiro eiusque ditionis hominibus confirmans, et auxilia contra quosuis hostes pollicens. Мухаммедъ-Риза въ своей исторіи Крымскихъ хановъ (Ассебъ о-ссейяръ или семь планетъ. Сочиненіе сейида Мухаммеда Ризы, изданное подъ наблюденіемъ Мирзы Казембека. Казань. 1832, стр. ٧٣) считаетъ также 1466 г. (871 гиджры) годомъ смерти Хаджи-гирея (حاجی كرای). Нѣкоторые изъ восточныхъ писателей, въ томъ числѣ и Дженнаби (см. ниже, пр. 48, стр. 100, 103), пола-

гаютъ, будто Хаджи-гирей скончался въ 1475 г. (Hammer. Géschichte der Chane der Krim. Wien. 1856, стр. 32). Мнѣніе это ложно: оно противорѣчитъ положительнымъ даннымъ, извѣстнымъ изъ исторіи Россіи и Польши. — Чей былъ сынъ Хаджи-гирей, достовѣрно неизвѣстно. Сводъ мнѣній, хотя и неполный, различныхъ писателей объ его родопроисхожденіи можно видѣть у Гаммера въ его Geschichte der Gold. Horde, стр. 399, и въ его Geschichte der Chane der Krim, стр. 26—28. Наша родословная книга, какъ мы видѣли (см. выше, пр. 21, стр. 44 и 47), называетъ Хаджи-гирея (Азигирея) сыномъ Даулетъ-бирды (Дулатъ-бердій—دولت بيردى) оглана и внукомъ Тохтамыша; по словамъ *Род. кн.* Даулетъ-бирды жилъ въ Литвѣ у Витовта. Въ этомъ *Род. кн.* наша согласнасъ нѣкоторыми изъ Польскихъ историковъ (Hammer, l. c.; ср. *Кар.* пр. 384 къ Т. V). Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, правы тѣ, которые производятъ Хаджи-гирея изъ одного рода съ Тохтамышемъ. Сами ханы Крымскіе, потомки Хаджи-гирея, считали себя сородичами Тохтамышу. Сошлюсь на грамоту хана Мухаммедъ-гирея, 926 (1520) г., гдѣ читаемъ: «اولو توقتامش خان برلا اولو حاجى كراى خان بابام بشلاب т. е. начиная съ великаго Тохтамыша хана и великаго Хаджи-гирея хана дѣда моего» (см. изданныя мною *Матер. для ист. Крыма*, стр. ٣).

Ханъ этотъ продержался не болѣе двухъ лѣтъ и былъ замѣщенъ около 1469 года братомъ своимъ Менгли-гиреемъ, который до того времени

жилъ въ Кафѣ, подъ защитою Генуэзцевъ [45]).

[45]) *Длугошъ* II, 438: Aduenerant illuc (въ началѣ 1469) etiam Imperatoris noui *Thartarorum Mengligeren* Nuncii: Caesarem suum *Casimiro* Regi commendantes, et contra quemlibet hostem offerentes auxilia. Filium *Eczygeri* natu maiorem *Nardulab* expellunt, et fratrem eius *Mengligeren* substituunt: quem aegre illis *Caphenses*, apud quos tunc hospitabatur, collisionem ingentem *Tartarici* Imperii veriti restituerant. *Кромеръ*, кн. XXVII, стр. 585: Adfuit autem Mengligeris noui Tartarorum principis, qui Nurdulabo seu Nurduuulabo maiori natu fratri à suis eiecto successerat, legatio, foedus et amicitiam et auxilia contra quosuis hostes regi deferens. His de more cum donis et gratulatione dimissis, constitutisque pro tempore rebus Russicis, Rex ad finem Aprilis (1469) Cracouiam redijt. *Мѣховскій*, кн. IV, гл. LXVIII, стр. CCCXXXIV, CCCXXXV: Anno domini 1469 Thartari Pzrecopenses Nardulab expulerunt, qui in Moskouiam fugiens exulauit, et fratrem eius Mengligeren substituerunt, quem egre illis Caphenses, apud quos hospitabatur, imperii Thartarici ingentem collisionem ueriti restituerunt. О Менгли-гиреѣ, какъ о царѣ, упоминается еще разъ Длугошемъ (II, 450) и Кромеромъ (кн. XXVII, стр. 587) подъ тѣмъ же 1469 годомъ.

Новый царь въ свою очередь устоялъ недолго. Чиновникъ Русскій Алексѣй Ивановичь Старковъ, отправленный изъ Москвы въ мартѣ 1475 г., вмѣстѣ съ ѣхавшимъ обратно въ Крымъ по-

الجناب العالی ارساله الینا معجلا وقد تعطلت امور
المملكة بسبب فقد ملكها فيكون البلاد كلها للسطان
ويكون منكلی خان كالنايب عنده فاجاب السلطان
المبرور الى مسئوله وقلد منكلی خان مملكة الدشت
واعطاه الطبل والعلم وارسله الى بلاده صحبة جماعة
من العسكر فلما وصل منكلیكرى الى بلاد الدشت
استقبله امنك بك بعسكر الدشت فرحبوا به واجلسوه
على سرير الملك بقريم وهذا اول ولاية تولاها السلاطين
العثمانية ببلاد الدشت ولما تولى منكلیكری الملك
عامل الناس بالجميل واللطف والعدل واحسن السيرة
واحب العلماء والفقراء وقربهم واحسن اليهم واصغى
لكلامهم وفی سنة تسعمائة من الهجرة ارسل منكلی
خان زوجته الى الحج فوصلت الى مصر وعظمها صاحب
مصر ومعها جماعة تزيد عن الخمسين وفی حدود سنه ۹۲۰
توفی منكلیكرای خان صاحب الدشت وكان من احسن
الملوك سيرة وملك بعده ولده محمدكرى سلطان

Хайръ-улла (خير الله), новѣйшій Турецкій писатель, въ своей исторіи Турціи, въ 8 части, изд. въ Константинополѣ въ 1271 г. гиджры (1854 г.) описываетъ, на стр. ۱۲۷—۱۲۹, вступленіе Менгли гирея въ 1475 г. на престолъ Крыма не много иначе. Онъ пишетъ, что въ 880 г. (1745), когда умеръ Турханъ (طورخان, вѣроятно Татарханъ طترخان,

разъ въ промежутокъ времени между 1469 и 1475 г., и именно въ 1473, или въ 1474 г. Замѣчу на это, что Иванъ III въ теченіи 1473 и 1474 г. сносился, какъ видно изъ Дѣлъ Крымскихъ, съ однимъ Менгли-гиреемъ (*Кар.* VI, 55, 56).

окончательно утвердился на престолѣ Менгли-гирей (*Кар.* VI, 89).

«Нурдовлатъ» и «Аидаръ», дѣти «Азигирея» царя Крымскаго, явившіеся, какъ сказано въ лѣтописяхъ, осенью 1479 года, къ великому князю—очевидно тѣ самыя лица: Нуръ-даулетъ и Хайдеръ, сыновья Хаджи-гиреевы, которые въ промежутокъ времени отъ 1466 до 1478 года дѣйствовали въ Крыму.

Теперь остается разъяснить какимъ образомъ цари изъ Крыма могли попасть въ Россію. Въ Сборникѣ Муханова, подъ № 23 («Посольство до короля, его милости [Казимира] отъ Татарскихъ царовъ и отъ инныхъ, и отъ короля до нихъ», изъ Метр. Лит., ч. IV, стр. 92—101), читаемъ на стр. 25 (Посольство Княземъ Иваномъ Глинскимъ): «А такежь коли Царь (Менгли-Гирей) рекнетъ Глинскому. Братъ мой Король до мене всказываетъ, же не выступилъ ничого, а чомужъ Нурдувлата а Айдара до себе принялъ, вѣдьжо въ докончаніи стоитъ, што пріятелю быть пріятелемъ, а непріятелю непріятелемъ, тогды отъ себе Глинскій маетъ говорити такъ,:... Царю, такъ бывало здавна, за предковъ господаря моего Великого Короля, коли

на которыхъ Царей пригодится неверемя и они прихоживали до Великого Княжства Литовского, ино хлѣба и соли не боронивано, а какъ добровольно прихоживали такъ добровольно и отхоживали, а хто въ Ордѣ на царствѣ сѣдитъ, съ тымъ таки въ пріязни бывали, а тымъ ся пріязнь не рушивала, наболей пакъ Господарь нашъ Король, его милость, з отцемъ вашимъ докончаніе взялъ и въ пріязнь вшолъ, и же пріяти ему и всимъ дѣтемъ его, такижъ въ томъ стоялъ у всимъ вамъ Ачгиреевымъ дѣтемъ то полнилъ, ажъ и до тыхъ мѣстъ. А Нурдывлатъ а Ойдаръ пришли до его милости земли и его милости Господарь нашъ имъ хлѣба и соли не боронилъ, и какъ добровольно пришли, такъ добровольно и отошли и тепере живутъ гдѣ имъ любо. Писанъ въ Вильнѣ. Индиктъ 14. (1480)». Далѣе въ томъ же Сборникѣ Муханова, подъ № 25 («Посольство [отъ короля Казимира] до царя Медлигирея Паномъ Яномъ Довойновичомъ, Якубомъ Домотканомъ, з Троковъ, Августа 22, Индиктъ 4 [1486]», изъ Метр. Лит., ч. VI, стр. 160—163), читаемъ на стр. 30, 31: «А всказалъ еси къ намъ своимъ посломъ, на имя Карачомъ, напоминая насъ о братствѣ и о пріязни, абыхмо з тобою братство и пріязнь твердили, ино мы милостію Божою з давныхъ часовъ, перво сего жили з отцемъ твоимъ, Царемъ Ачгиреемъ, въ таковомъ братствѣ и пріязни... а потомъ коли сѣлъ на Царствѣ братъ твой Царь Мурдовлатъ, и мы з нимъ по томужъ жили въ таковомжо братствѣ и въ пріязни и въ правдѣ твер-

in potestatem suam redegit, proditione primorum ciuium Italorum totis quinque annis instructa. Capta urbe, nobilitas cum uxoribus et liberis, ipsisque proditoribus, et Mengligere Tauricanorum Tartarorum principe, ac duobus fratribus eius, qui siue fortuito eò tunc uenerant, siue seruandi sui causa ex agro in urbem se receperant, Constantinopolim translata.

Съ приведенными мною извѣстіями любопытно сравнить и то, что говорятъ Русскіе лѣтописцы про Менгли-гирея въ 1475 г.; а они пишутъ вотъ что: *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 181: Того же лѣта (6983) Туркове взяша Кафу, и гостей Московскихъ много побиша, а иныхъ поимаша, а иныхъ пограбивъ на окупъ подаваша; Азигирѣеву орду Крымъ и Перекопь осадиша дань давати, и посадиша у нихъ меншего сына Азигирѣева Менлигирѣа, а два брата его, Азигирѣевы же дѣти, убѣжаша; а приходилъ воевода, а царь самъ не бывалъ (ср. *Врм.* II, 97, 98; *Про.* 285; въ остальныхъ лѣтописяхъ сказано кратко, что султанъ Турецкій въ 1475 г. посылалъ войско въ Кафу, и овладѣлъ ею и другими городами).

Барбаро, въ своемъ Путешествіи (*Библіот. иностр. писат. о Россіи.* Отд. I. Т. I, стр. 49—53 перевода и 91—93 текста) описываетъ взятіе Кафы Турками, плѣнъ и воцареніе Менгли-гирея въ 1475 г.; но въ разсказѣ Барбаро, хотя онъ и ссылается на слова очевидца, есть и басни. Замѣчу вообще, что исторія Крыма за всю эту эпоху весьма запутана. Свѣдѣнія, часто противорѣчащія другъ другу, разсѣяны по разнымъ

[52]) Гвагнинъ (Gwagninus, Guagnino) въ своей «Kronika Sármácyey Europskiey (W Krakowie. 1612)» увѣряетъ, будто Нуръ-даулетъ еще въ 1467 г. пріѣзжалъ къ Казимиру. «Roku 1467», пишетъ онъ въ кн. II, ч. I (Kronika W. X. Litewskiego), стр. 54, 55, «przyiáchał do królá Nordwáld syn nie dawno zmárłego Ecyngierá Cará Tátárskiego, potwierdzáiąc stárodawną miłość y záchowánie oycowskie z krolem, y obiecuiąc mu pomágáć przećiw káżdemu nieprzyiaćielowi». Здѣсь Гвагнинъ положительно ошибся. Въ 1467 г. былъ у Казимира не самъ Нуръ-даулетъ, а пріѣзжали къ королю его послы (см. выше, пр. 44. стр. 94). Гвагнинъ вообще о Нуръ-даулетѣ повторяетъ только то, что говорили до него Длугошъ, Кромеръ и др.; въ означенномъ мѣстѣ онъ просто понялъ дурно ихъ слова. Въ ошибку же, но другаго рода, впадаетъ и Мѣховскій; онъ пишетъ (см. выше, пр. 45, стр. 96), будто Нуръ-даулетъ выѣхалъ въ Россію въ 1469 г.

Любопытно видѣть, какъ самъ Иванъ объяснялъ причину, побудившую его дать пристанище въ своей землѣ Нуръ-даулету и Хайдеру. Боярину князю Ивану Звенцу, посланному въ 1480 году къ Менгли-гирею, вскорѣ послѣ его окончательнаго воцаренія, велѣно было говорить хану, «что великій князь, изъ особенной къ нему дружбы, принялъ къ себѣ не только изгнаннаго царя Зенебека (Джанибека, того самаго, который былъ ханомъ въ Крыму, см. выше, пр. 50, стр. 123), но и двухъ братьевъ Менгли-гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, жившихъ прежде

въ Литвѣ, дабы отнять у нихъ способъ вредить ему» (*Кар*. VI, 89 и пр. 207, гдѣ ссылка на Дѣла Крымскія, № 1, л. 34—39). Тоже самое повторялъ великій князь Менгли-гирею въ 1483 и 1484 годахъ, чрезъ пословъ своихъ князя Ивана Владиміровича Лыкова и князя Василія Ноздроватаго: «Я съ своей стороны», приказывалъ Иванъ къ хану, «не упускаю ни единаго случая дѣлать тебѣ угодное: содержу твоихъ братьевъ въ Россіи, Нордоулата и Айдара, съ немалымъ убыткомъ для казны моей» (*Кар*. VI, 107 и пр. 269, гдѣ ссылка на Дѣла Крымскія, № 1, стр. 84—100).

Въ первый же годъ по прибытіи Нуръ-даулета и Хайдера въ Россію, именно весною 1480 г., находившійся при Нуръ-даулетѣ, сынъ его, Биръ-даулетъ (بير دولت), былъ убитъ однимъ изъ Татаръ своихъ, которому за это отецъ царевича собственноручно отрубилъ голову [53]). Въ это же самое время великій

[53]) *Соф. 1 лѣт*. П. С. Р. Л. VI, 35: Тоя же зимы (6988), 15 марта, въ среду на пятой недѣли поста, Бердоулата царевичя Мердоулатова сына, зарѣза Татаринъ его же, и тому Татарину Мердоулатъ, отецъ Бердоулатовъ, самъ голову отрѣзалъ (*Сер*. 344; *Нов. 4 лѣт* П. С. Р. Л. IV, 153; *Ник*. VI, 110; *Лв*. III, 138; *Вскр*. П. С. Р. Л. VIII, 205). *Врм*. II, 126, 127: И тоя же весны Мердоулата царевича, Мердоулатова сына зарѣзалъ Татаринъ его, и тому Татарину отецъ его самъ голову отрѣзалъ.—Слова *Соф. 2 лѣт*.,

добръ, милостивъ и справедливъ; любилъ ученыхъ и бѣдныхъ, давалъ имъ свободный къ себѣ доступъ, ласкалъ ихъ и вникалъ каждому изъ нихъ. Въ 900 г. гиджры (1494,5) Менгли-ханъ отправилъ жену свою на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Она посѣтила Египетъ и была принята отлично тамошнимъ владѣльцемъ; при ней находилась свита, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 50 человѣкъ. Около 920 (1514,5) г. скончался Менгли-гирей ханъ, владѣлецъ Дешта; онъ былъ одинъ изъ лучшихъ государей. Послѣ него вступилъ въ управленіе сынъ его Мухаммедъ-гирей султанъ وفى حدود سنة ٨٨٠ توفى الخان الكبير حاج كرى سلطان وتخبطت الدولة بعده بسبب انه خلف من الاولاد اثنى عشر ذكرا وعدة رجال من يصلح للملك من اهل هذا البيت فصار يتملك كل واحد منهم ساعة من النهار ولما بلغ ذلك صاحب بلاد الروم السلطان الجاهد محمد خان ارسل وزيره المسمى بكدك احد باشا ليستولى على بعض من تلك البلاد فسار بعسكر كثير من الروم فحاصر كفه واخذها وكانت بين الافرنج ثم سار الى قلعة منكوب وكانت من احصن القلاع وارفعها وامنعها وكانت بيد امراء نصارى الروم فاتفق ان افتتحها ففاز بغنايمها وقبض على ملوك من النصارى وارسلهم الى الباب العالى وكان قد صادف فى القلعة واحدا من اولاد حاج كرى خان يسمى منكلى كرى

in potestatem suam redegit, proditione primorum ciuium Italorum totis quinque annis instructa. Capta urbe, nobilitas cum uxoribus et liberis, ipsisque proditoribus, et Mengligere Tauricanorum Tartarorum principe, ac duobus fratribus eius, qui siue fortuito eò tunc uenerant, siue seruandi sui causa ex agro in urbem se receperant, Constantinopolim translata.

Съ приведенными мною извѣстіями любопытно сравнить и то, что говорятъ Русскіе лѣтописцы про Менгли-гирея въ 1475 г.; а они пишутъ вотъ что: *Вскр.* П. С. Р. *Л.* VIII, 181: Того же лѣта (6983) Турковe взяша Кафу, и гостей Московскихъ много побиша, а иныхъ поимаша, а иныхъ пограбивъ на окупъ подаваша; Азигирѣеву орду Крымъ и Перекопь осадиша дань давати, и посадиша у нихъ меншего сына Азигирѣева Менлигирѣа, а два брата его, Азигирѣевы же дѣти, убѣжаша; а приходилъ воевода, а царь самъ не бывалъ (ср. *Врм.* II, 97, 98; *Про.* 285; въ остальныхъ лѣтописяхъ сказано кратко, что султанъ Турецкій въ 1475 г. посылалъ войско въ Кафу, и овладѣлъ ею и другими городами).

Барбаро, въ своемъ Путешествіи (*Библіот. иностр. писат. о Россіи.* Отд. I. Т. I, стр. 49—53 перевода и 91—93 текста) описываетъ взятіе Кафы Турками, плѣнъ и воцареніе Менгли-гирея въ 1475 г.; но въ разсказѣ Барбаро, хотя онъ и ссылается на слова очевидца, есть и басни. Замѣчу вообще, что исторія Крыма за всю эту эпоху весьма запутана. Свѣдѣнія, часто противорѣчащія другъ другу, разсѣяны по разнымъ

الجناب العالى ارسـاله الينـا معجلا وقد تعطلت امور
المملكة بسـبب فقد ملكها فيكون البلاد كلها للسلطان
ويكون منكلى خـان كالنايب عنده فاجاب السـلطان
المبرور الى مسئوله وقلد منكلى خان مملكة الدشت
واعطاه الطبل والعلم وارسـله الى بلاده صحبة جماعـة
من العسـكر فلما وصل منكلى كرى الى بلاد الدشـت
استقبله امنك بك بعسـكر الدشت فرحبوا به واجلسوه
على سرير الملك بقريم وهذا اول ولاية تولاها السلاطين
العثمانيـة ببـلاد الدشت ولما تولى منكلى كرى الملك
عامل الناس بالجميل واللطف والعدل واحسـن السيرة
واحب العلماء والفقراء وقربهم واحسـن اليهم واصغى
لكلامهم وفى سـنة تسعمائة من الهجرة ارسـل منكلى
خان زوجته الى الحج فوصلت الى مصر وعظمها صاحب
مصر ومعها جماعة تزيد عن الخمسين وفى حدود سنه ٩٢٠
توفى منكلى كراى خان صاحب الدشت وكان من احسن
الملوك سيرة وملك بعده ولده محمد كرى سلطان

Хайръ-улла (خير الله), новѣйшій Турецкій писатель, въ своей исторіи Турціи, въ 8 части, изд. въ Константинополѣ въ 1271 г. гиджры (1854 г.) описываетъ, на стр. ١٢٦—١٢٩, вступленіе Менгли гирея въ 1475 г. на престолъ Крыма не много иначе. Онъ пишетъ, что въ 880 г. (1745), когда умеръ Турханъ (طورخان, вѣроятно Татарханъ طترخان,

l'Anglais par L. Langlès. T. III. Paris. An X (1802)» стр. 405, 406, а также въ: «Die Verfassung des Handels auf dem Schwarzen Meere, aus dem Französ. des H. von Peyssonel übers. von Cuhn. Leipzig. 1788», стр. 6—8, и въ «Siestrzencewicz. Histoire du royaume de la Chersonèse Taurique», стр. 356, 357. (Ланглесъ и Сестренцевичь пишутъ, будто Менгли-гирей въ теченіи трехъ лѣтъ находился плѣнникомъ въ Константинополѣ, и былъ отправленъ султаномъ въ Крымъ только въ 1478 г. Авторъ краткой исторіи Крыма, напечатанной въ Nouveau Journal Asiatique называетъ Генуезцевъ Венеціянцами; въ эту же самую ошибку впадаетъ, какъ мы видѣли [см. выше, стр. 106], и Хайръ-улла).

Мухаммедъ Риза въ своей исторіи Крымскихъ хановъ, отвергаетъ положительно фактъ взятія Менгли-гирея въ плѣнъ Турками (Асебъ о-ссейяръ, стр. ٧٤). Мнѣніе Ризы въ этомъ случаѣ заслуживаетъ весьма мало довѣрія, уже не только потому, что оно противорѣчитъ приведеннымъ нами показаніямъ, въ истинѣ которыхъ нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться, но и потому еще, что вообще весь разсказъ Ризы о происшествіяхъ въ Крыму отъ смерти Хаджи-гирея до взятія Кафы, до крайности перепутанъ и ошибоченъ. Риза (Асебъ о-ссейяръ, стр. ٧٣—٧٥) пишетъ, что по кончинѣ Хаджи-гирея, около 871 (1476,7) г. на престолъ вступилъ сынъ его Менгли-гирей, но что, мѣсяца черезъ три, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Сеидъ-Ахмедъ-хана, Нуръ-даулетъ султанъ (نور

دولت سلطان), подговоривъ на свою сторону братьевъ и многихъ эмировъ, свергнулъ его съ престола и принудилъ искать убѣжища у Генуезцевъ, владѣвшихъ Кафою. Нуръ-даулетъ не удержался на престолѣ. Дружба его съ братьями перешла во вражду, такъ что онъ казнилъ многихъ изъ нихъ и изъ своихъ племянниковъ. Тогда одинъ изъ братьевъ, оставшійся въ живыхъ и притворявшійся его другомъ, Гильды-бай (كيلدى باى, вѣроятно كلدش — Гильдышь Абулъ-газыя, см. выше, стр. 98, пр. 47) убилъ его на Днѣпрѣ и самъ провозгласилъ себя ханомъ. Гильды-бай царствовалъ весьма недолго. Противъ него возсталъ Эменекъ-мирза, приверженецъ Менгли-гирея. Гильды-бай бѣжалъ къ Волгѣ, а Менгли-гирей, воспользовавшись этимъ случаемъ, овладѣлъ престоломъ. Опасаясь могущества Генуезцевъ и чувствуя себя не въ силахъ одному совладать съ ними, новый ханъ чрезъ нѣсколько времени обратился съ просьбою о помощи къ Турецкому султану. Государь Османскій согласился, и прислалъ визиря своего Кедюкъ-Ахмедъ-пашу съ флотомъ, который при содѣйствіи Менгли-гирея и взялъ Кафу около 887 (1482,3 г.). Объ эту же пору ханъ Крымскій добровольно призналъ надъ собою верховную власть султана. (Charmoy Sur l'util. des lang. or., стр. 34—37). Въ этомъ разсказѣ Ризы, три грубыя ошибки прямо бросаются въ глаза: 1) Нуръ-даулетъ не былъ двоюроднымъ братомъ Сеидъ-Ахмеда, а положительно сыномъ Хаджи-гирея; 2) Нуръ-даулетъ не былъ убитъ предъ вступленіемъ Менгли-гирея на престолъ, потому

что, какъ увидимъ ниже, онъ жилъ еще долго послѣ того; 3) Кафа не была взята Кедюкъ-Ахмедомъ около 1482,3 г., а завладѣлъ ею паша въ 1475 году.

Но Менгли-гирею и тогда не удалось удержать ханскую власть. «Того же лѣта (6984 = 1476)», читаемъ въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 183, «посла царь Ахматъ ордынскій сына своего съ Татары, и взя Крымъ и всю Азигирѣеву орду, а сына Азигирѣева Менгирѣя сътна, его же Турки посадиша» (*Про.* 286) [49]). Въ 1477 году Иванъ III сно-

[49]) Ахмедъ, о которомъ упоминается здѣсь, былъ, по Русскимъ лѣтописцамъ, сынъ Кичи, или что тоже Кучукъ (оба слова کچی и کوچك значатъ по Татарски: малый) Мухаммеда, извѣстнаго хана Золотой Орды (см. выше, пр. 36, стр. 78, 79), бывшаго въ свою очередь, какъ явствуетъ изъ монетъ и изъ указаній восточныхъ писателей, сыномъ Тимура и внукомъ Тимуръ-Кутлука (см Hammer. Gesch. d. Gold. Horde, стр. 372, 373, 389). Ахмедъ этотъ — тотъ самый ханъ Золотой Орды, который въ 1472 году подходилъ къ Алексину (см. выше, стр. 77—80), и противъ котораго Менгли-гирей въ 1475 и 1480 годахъ предлагалъ великому князю дѣйствовать общими силами (см. выше, стр. 81, 83, 84 и 87). Онъ погибъ несчастнымъ образомъ въ началѣ 1481 года (*Кар.* VI, 99).

Мухаммедъ-Риза (Ассебъ о-ссейяръ, стр. ٧٥ — ٨٠) и сочинитель краткой исторіи Крыма, напечатанной въ Nouv. Journ. Asiat. (XII, стр. 353 — 356),

въ слѣдъ за разсказомъ о взятіи Кафы Турками, описываютъ, не означая года, войну Менгли-гирея съ (сыномъ Ахмеда) Сеидъ-Ахмедомъ, ханомъ Тахтъ-иля. По словамъ ихъ, Сеидъ-Ахмедъ разбилъ Менгли-гирея, который, раненный, принужденъ былъ бѣжать и запереться въ Кыркорѣ; за тѣмъ онъ разграбилъ Солгатъ, и осадилъ Кафу. Успѣшное вторженіе Сеидъ-Ахмеда въ Крымъ, о которомъ толкуютъ Турецкіе писатели, не можетъ быть тѣмъ нападеніемъ сына Ахмеда, которое, по нашимъ лѣтописямъ, случилось въ 1476 г. Постараюсь доказать это.

Риза и сочинитель краткой исторіи Крыма, продолжая описаніе войны Менгли-гирея съ Сеидъ-Ахмедомъ, говорятъ, что счастіе вскорѣ измѣнило Сеидъ-Ахмеду; онъ отступилъ отъ Кафы. Между тѣмъ Крымцы оправились. Сынъ Менгли-гирея калга Мухаммедъ-гирей внезапно напалъ на орду Сеидъ-Ахмеда, котораго онъ застигъ въ Тахтъ-илѣ, ссорившимся съ братьями. Въ это же самое время подоспѣлъ и Менгли-гирей; Сеидъ-Ахмедъ былъ убитъ (такъ по Ризѣ; сочинитель краткой исторіи Крыма объ убіеніи Сеидъ-Ахмеда не говоритъ ни слова; вообще въ нѣкоторыхъ подробностяхъ описываемаго происшествія оба автора не вездѣ согласны) и все царство его досталось въ руки побѣдителю (см. Charmoy. Sur l'util. des lang. or., стр. 26, 27).

Сеидъ-Ахмедъ (سيد احمد), или какъ онъ звался Русскими: Сеитъ-Ахметъ, Седихматъ и пр., сынъ Ахмеда хана Золотой Орды, упоминается всего чаще въ

нимъ же Воеводу Князя Василья Ноздреватаго Звенигородскаго со многою силою. Доколѣ Царь стояше въ Россійскихъ предѣлахъ, сего же не вѣдаше; они же Волгою въ лодіяхъ пришедше на Орду, обрѣтающуюся пусту безъ людей, токмо въ ней женскъ полъ старъ и младъ; и тако они поплѣниша женъ и дѣтей Варварскихъ и скотъ весь, овыхъ въ плѣнъ взяша, овыхъ же огню и водѣ и мечу предаша, и конечнѣ хотѣша юртъ Батыевъ разорити; Улана же Царя Городецкаго сильный облязь лесть сотвори, глаголя Царю своему; что твориши о Царю, яко нелѣпо есть тебѣ великаго сего Царства до конца раззорити, отъ него же бо и самъ ты родился, имѣніе все и наша земля, то есть, и отецъ твой оттуда искони; и се повелѣнная пославшаго мы исполнихомъ, и довольно есть намъ отойти, егда како Богъ не попуститъ намъ; и прибѣгоша вѣстницы къ Царю Ахмату, яко Русь Орду его расплѣниша, и скоро въ томъ часѣ Царь отъ рѣки Угры назадъ обратися бѣжати, ни коея же пакости Россійстѣй землѣ учинивъ, Великаго же Князя воинство отъ Орды отступиша». Замѣчу кстати, что вся вторая часть *Подр. лѣт.* начиная съ стр. 30, до самаго конца—ничто иное, какъ Исторія о Казанскомъ царствѣ, списки которой всегда были въ довольно большомъ ходу [см. объ извѣстныхъ до сихъ поръ спискахъ *Ик.*: А. Артемьева, разборъ книги «Казанская Исторія, соч. Н. Баженова» въ Сѣверномъ Обозрѣніи. Т. I. Спб. 1848. Критика, стр. 15, 16, и Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко Россійской церкви. Изд. 2. Т. I.

Спб. 1827, стр. 259, 260, сл. *Іоаннъ Глазатой, Священникъ*, которому авторъ словаря, основываясь на указаніи Татищева—весьма, впрочемъ, слабомъ; см. Ист. Росс. Предъизвѣщеніе о исторіи, стр. XII — приписывалъ сочиненіе *Ик.*]; странно что этого не замѣтилъ издатель *Подр. лѣт.*, какъ это видно изъ примѣчанія его на стр 114. Списокъ *Ик.*, по которому напечатана вторая часть *Подр. лѣт.*, говоря вообще, хуже тѣхъ, по которымъ издана Исторія о Казанскомъ царствѣ [ближе подходитъ къ списку № 74]. Въ особенности дурно начало: на стр. 55-ой, послѣ описанія возобновленія Казани Улу-Мухаммедомъ [см. объ этомъ выше, пр. 3, стр. 5, 6; статья объ Улу-Мухаммедѣ въ *Подр. лѣт.* передана не совсѣмъ точно; даже самъ ханъ ни разу не названъ по имени], читаемъ что «той же царь» повоевалъ Тверь, Вятку и Рязань и т. д., и назвался княземъ Московскимъ, какъ будто дѣло идетъ объ Улу-Мухаммедѣ, между тѣмъ, при сличеніи съ другими списками, оказывается, что здѣсь пропущены цѣлыхъ двѣ страницы, и что дѣло идетъ о государѣ Иванѣ Васильевичѣ; за тѣмъ въ *Подр. лѣт.* прямо говорится о царѣ Ильгамѣ, а о Махмутекѣ и Ибрагимѣ не сказано ни слова; изъ четырехъ главъ: IX, X, XI и XII [по изд. *Ик.*], которымъ бы слѣдовало находиться въ промежуткѣ, одна, IX, гдѣ, между прочимъ, описанъ походъ Касима на Казань, совсѣмъ пропущена, какъ и въ спискѣ № 74, а другія три, которыхъ въ спискѣ № 71 нѣтъ, поставлены, чуть ли не въ самомъ началѣ. Впрочемъ списокъ *Ик.*, напечатанный въ *Подр.*

одного Шейхъ-Ахмеда, какъ оставшагося въ живыхъ; куда нибудь да долженъ былъ дѣться Сеидъ-Ахмедъ, о которомъ, послѣ 1502 г., мы ничего не знаемъ). Изъ этого конечно еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ событія, которыя, по словамъ обоихъ Турецкихъ писателей, предшествовали паденію Сеидъ-Ахмеда, какъ то: взятіе имъ Солгата и т. п., случились непосредственно предъ 1502 г., или въ этотъ же самый годъ; авторы, мало знакомые съ хронологіею, могли слить происшествія нѣсколькихъ годовъ въ одно цѣлое и придать имъ такой видъ, будто онѣ смѣнялись одно за другимъ. Главный вопросъ остается все таки неразрѣшеннымъ; но тутъ представляется вотъ что: Мухаммедъ-Риза, и неизвѣстный сочинитель краткой исторіи Крыма, въ самомъ началѣ описанія войны Менгли-гирея съ Сеидъ-Ахмедомъ, разсказываютъ между прочимъ, что Муртаза султанъ, одинъ изъ братьевъ Сеидъ-Ахмеда, желая провѣдать умыслы непріятеля, выѣхалъ къ хану Крымскому подъ предлогомъ ссоры съ братомъ, и что ханъ принялъ его съ начала хорошо, но потомъ, узнавъ его настоящія намѣренія, велѣлъ задержать его. Въ слѣдъ за тѣмъ, продолжаютъ авторы, Сеидъ-Ахмедъ выступилъ противъ врага и произошло сраженіе, послѣ котораго Менгли-гирей, разбитый и раненный, бѣжалъ, а Сеидъ-Ахмедъ овладѣлъ Солгатомъ и осадилъ Кафу. Въ Русскихъ лѣтописяхъ читаемъ слѣдующее: *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 236, 237: Тое же зимы (6993 = 1485) царь ординьскій Муртоза, Ахматовъ сынъ, прі-

иде къ Менгирѣю Крымскому хотѣ зимовати у него, понеже бѣ въ ордѣ гладъ великъ; Менгирѣй же Крымски поимавъ его посла въ Кафу къ Турьскому царю, и посла брата своего меншаго на князь на Темиревъ улусъ, и досталь орды разгнавъ... Того же лѣта ордынскій Махмутъ, Ахматовъ сынъ, со княземъ съ Темиремъ иде изгономъ на Мингерѣя: брата своего Муртозу, Ахматова же сына, отнемъ у него, самъ же Мингирѣй съ бою тайно утече изъ рати изъ своей; той же Махмутъ приведе брата своего Муртузу и посади на царствѣ, Мингирѣй же посла къ Турьскому, Турьской же посла силы ему и къ Ногаемъ посла, веля имъ орды воевати (*Сер.* II, 230; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 216; *Врм.* II, 144.' Замѣчу, что почти тоже самое, но безъ означенія года, говоритъ о Муртазѣ и Барбаро въ своемъ Путешествіи въ Тану [*Библіот. иностр. писат. о России.* Отд. I. Т. I, стр. 53, 54 перевода и 93 текста]. Менгли-гирей, пишетъ онъ, пошелъ войною на Астрахань [Citracan], подвластную Муртазѣ хану [Mordassa can]; прибывъ къ Волгѣ [Erdil], гдѣ кочевалъ тогда Муртаза, онъ напалъ на него, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ со множествомъ народа. Большую часть плѣнниковъ онъ отослалъ въ Кафу, самъ же остался зимовать на Волгѣ. Между тѣмъ другой Татарскій государь, дождавшись той поры, когда рѣка покрылась льдомъ, невзначай напалъ на Менгли-гирея, разбилъ его, освободилъ Муртазу и принудилъ хана Крымскаго возратиться съ большимъ урономъ въ Кафу. Свѣдѣніе о плѣненіи Муртазы, относящееся къ 1485 г., безъ

го лѣтописца, не просто кочевку, въ которой Ахмедъ оставилъ старыхъ и малыхъ, предъ выступленіемъ на войну (какъ это и было въ 1472 г., когда тотъ же Ахмедъ, собираясь въ походъ противъ Россіи «подшедъ близь Руси остави у Царици *старыхъ и болныхъ и малыхъ*», и принужденный бѣжать изъ подъ Алексина, шелъ, «блюдучися того, егда князя великаго царевичи шедъ возмутъ *орду* и царицю его; см. выше, пр. 36, стр. 77—80), а самый Сарай, полагаетъ, что походъ Нуръ-даулета и князя Ноздроватаго, если не одинъ, то по крайней мѣрѣ въ связи съ другими обстоятельствами, повелъ къ окончательному паденію столицы Золотой Орды.

Около 1486 г. (см. выше, стр. 89, 90) Нуръ-даулетъ, очевидно тотъ самый который выѣхалъ къ намъ въ 1479 г., былъ пожалованъ государемъ Иваномъ III Васильевичемъ, въ званіе царя Городецкаго.

Исторія жизни Нуръ-даулета, за время пребыванія его въ Мещерскомъ городкѣ, весьма мало извѣстна: толко изъ Дѣлъ Крымскихъ дошли до насъ немногія данныя, и то касаются онѣ Нуръ-даулета, не какъ владѣльца Мещерскаго городка, а скорѣе какъ бывшаго хана Крымскаго. Главнѣйшее мѣсто между этими данными занимаютъ переговоры, которые ведены были въ 1487 году между Муртазою и великимъ княземъ. Ханъ Муртаза, одинъ изъ сыновей убитаго въ 1481 г. Ахмеда, хана Золотой Орды, вздумалъ попытаться переманить къ себѣ Нуръ-даулета, обѣщая возвести его на престолъ Крымскій. Цѣль хана

да, гибелью Ахмеда, убитаго въ 1481 г. (см. выше; стр. 112). Нельзя на это не замѣтить, что обстоятельства смерти Ахмеда, извѣстныя намъ изъ Русскихъ лѣтописей (см. также Сборникъ Муханова. Москва. 1836, стр. 29), не представляютъ ничего схожаго съ описаніемъ гибели Сеидъ-Ахмеда, составленнымъ Ризою. На это указалъ и самъ г. Шармуа (см. также предисловіе къ «Ассебъ о-ссейяръ», стр. XVI). П. И. Кеппенъ въ Крымскомъ Сборникѣ, стр 343, относитъ взятіе Сеидъ-Ахмедомъ Солгата, о которомъ говорятъ Мухаммедъ-Риза и авторъ краткой исторіи Крыма, къ 1478? г., послѣдовавшее же за тѣмъ бѣгство Менгли-гирея въ Кыркоръ къ 1486 г. (тамъ же, стр. 313, 314).

Г. Казимирскій пишетъ про Сеидъ-Ахмеда, упоминаемаго въ краткой исторіи Крыма, что онъ умеръ въ Литвѣ (см. пр. 1 на стр. 356, 357, въ XII-й части Nouv. Journ. Asiat. въ «Précis de l'histoire des khans de Crimée). Въ Литвѣ жилъ не Сеидъ-Ахмедъ, а братъ его Шейхъ-Ахмедъ. Послѣ несчастной битвы съ Менгли-гиреемъ, о которой я упомянулъ выше, Шейхъ-Ахмедъ попалъ въ Литву (см. *Мѣховскій*, кн. IV, гл. LXXXI, стр. CCCLXV, и *Кромеръ*, кн. XXX, стр. 660; Мѣховскій называетъ его Szachmetczar, Кромеръ — Sachmates). Тамъ онъ жилъ довольно долго и въ послѣднее время содержался, какъ плѣнникъ, въ Ковно. Шейхъ-Ахмедъ и братья его были послѣдними лицами, которые пользовались титуломъ хановъ Большой Орды. Разбитая Менгли-гиреемъ Орда уже болѣе не возставала, и самое имя ея изчезло.

Былъ еще одинъ ханъ — Сеидъ-Ахмедъ, но онъ жилъ гораздо раньше; именно о немъ упоминается въ *Сб. гос. гр.* I, № 52, стр. 108, гдѣ читаемъ (г. 1434): «што есмь посылалъ киличѣевъ своихъ ко Царемъ хъ *Кичимъ-Ахметю* (т. е. Кичи-Мухаммеду) и къ *Сиди-Ахметю*». Русскіе лѣтописцы называютъ его: Седи, Сади Ахметъ и пр., (даже иногда просто Ахметъ), а подданныхъ ему Татаръ — Татарами Синей Орды или по его имени, Татарами Сеидъ-Ахмедовыми. Это — тотъ самый ханъ, съ людьми котораго царевичь Касимъ сражался въ 1449 г. (см. выше, стр. 21). Разбитый Хаджи-гиреемъ, онъ бѣжалъ въ Литву и умеръ плѣнникомъ въ Ковно (*Длугошъ* II, 96, 97; *Кромеръ*, кн. XXII, стр. 499; Длугошь называетъ его: Sadahmeth Thartarorum Imperator, а Кромеръ: Sadachmetes Tartarorum dux). Подвластные ему Татары, еще и послѣ его плѣненія, звались нашими лѣтописцами, по старой памяти, Татарами Сеидъ-Ахмедовыми. Такъ въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 144, читаемъ: «Того же лѣта (6963 = 1455) приходили Татарове Седи Ахметевы къ Окѣ рѣцѣ» (*Црв.* 360; *Ник.* V, 279; *Врм* II, 27; *Новг. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 147; *Арх.* 135, гдѣ: «Того же лѣта приходили Тотарове ратью отъ Синіе Орды Ахметовы, и перелѣзли Оку рѣку»). Надъ Татарами начальствовалъ тогда Солтанъ царевичь, сынъ Сеидъ-Ахмеда (*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 180, *Сер.* II, 64 и *Лв.* II, 350, гдѣ этотъ же самый походъ занесенъ и подъ 6962 г.) Тоже названіе Сеидъ-Ахмедовыхъ Татаръ повторяется въ лѣтописяхъ и подъ 1459 г. (см.

Вскр. П. С. Р. Л. VIII, 147, гдѣ: «Того же лѣта (6967) Татарове Седи Ахматовы, похвалився, на Русь пошли»; сл. *Црв.* 368; *Ник.* V, 285; *Врм.* II, 32). Бутковъ (Исторія о Ногаѣ и всѣхъ прочихъ Монгольскихъ Ханахъ Даштъ-Кипчака, Сѣверный Архивъ, XI, Спб. 1824, стр. 10) совершенно напрасно сомнѣвается въ томъ, что Сеидъ-Ахмедъ умеръ въ Ковно, и увѣряетъ, будто самъ ханъ этотъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ до 1460 г. Замѣчу еще про Сеидъ-Ахмеда, что, должно быть, его имѣлъ въ виду Мухаммедъ-Риза, при описаніи борьбы Хаджи-гирея съ Сеидъ-Ахмедомъ, кончившейся паденіемъ послѣдняго (Ассебъ о-ссейяръ, стр. ٧٩ — ٧٣; Charmoy. Sur l'util. des lang. or., стр. 28 — 32).

У Гаммера въ его «Geschichte der Goldenen Horde» Ахмедъ, оба Сеидъ-Ахмеда, Шейхъ-Ахмедъ и даже самъ Кичи-Мухаммедъ такъ перемѣшаны между собой, что въ этой путаницѣ рѣшительно ничего разобрать нельзя. Между тѣмъ дѣло въ сущности весьма просто. Каждое лицо рѣзко отдѣляется одно отъ другаго, и имѣетъ свою особую исторію. Отдѣльное существованіе ихъ подтверждается не только указанными мною источниками, но и родословной напечатанной ниже, въ пр. 21. Въ ней съ начала является сынъ Темиръ-Кутлука *Темиръ* (تيمور); потомъ сынъ его Махметъ (*Син.* Магметъ, *Арх.* Махмедъ, *Род.* Кеимагметъ), безо всякаго сомнѣнія *Кичи-Мухаммедъ* (كچى محمد); за тѣмъ его сынъ Ахматъ т. е. *Ахмедъ* (احمد), и наконецъ его сыновья: *Муртаза* (مرتضى; *Син* и *Род.* Муртоза, *Арх.*

Муторза), Сеитъ Ахметъ (*Син.* Сеидъ Ахметъ, *Род.* Сеитъ Ахматъ) т. е. *Сеидъ Ахмедъ* (سيد احمد) и Ши-Ахметъ (*Син.* Шихъ-Ахметъ) т. е. *Шейхъ-Ахмедъ* (شيخ احمد). Словомъ, лица въ родословной слѣдуютъ однѣ за другими рѣшительно въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ являются въ исторіи. Съ указаніемъ нашей родословной сходно и то, что говоритъ Мѣховскій въ своемъ сочиненіи «Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae. Cracoviae. Anno MDXXI», Lib. I, Cap. VIII. De geneologia imperatorum trans Volham incolentium. А онъ пишетъ вотъ что: «Quintus imperator ex Temirkutlu progenitus fuit Temir czar... Sextus imperator ex Temir czar genitus, fuit Machmet czar. Ex isto genitus est Achmet czar, septimus imperator, et achmet sermone thartarorum exponitur componibilis (Арабское слово احمد значитъ: болѣе стоющій похвалы). Achmet genuit Sziachmet octauum imperatorem». (Мѣховскій даетъ при этомъ объясненіе имени Sziachmet: «Sziachmet sonat quasi religiosus achmet, et thartari cognominant ipsum Sachmet, quod est martyrisatus Achmet, quia per lithuanos captus detinetur in Kowno incarceratus». Мѣховскій очевидно былъ наведенъ на мысль о подобномъ объясненіи словомъ: шейхъ—شيخ—въ имени: شيخ احمد—Шейхъ-Ахмедъ; шейхъ значитъ старикъ, употребляется и въ значеніи: настоятеля, главы, а иногда святаго. Во всякомъ случаѣ объясненіе Мѣховскаго ошибочно: Шейхъ-Ахмедъ больше ничего какъ сложное имя; и ни Sziachmet не значитъ: religiosus Achmet, ни Sachmet — martyrisatus Achmet) — Отъ Ахмеда (Fraehnii Nova

Suppl., стр. 115, и Савельевъ. Монеты Джучидовъ, стр 339) и отъ одного изъ Сеидъ-Ахмедовъ (Fraehnii Recensio, стр. 398) сохранились даже монеты.

сился уже съ царемъ Джанибекомъ[50]), которому

[50]) Кто былъ этотъ Джанибекъ (جانی بیک; у Русскихъ: Зенебекъ) не знаю. Гаммеръ (Gesch. d. Gold. Horde, стр. 406, 407), безо всякаго основанія, считаетъ его за одно лицо съ извѣстнымъ Эменекъ-бикомъ. Изъ наказа даннаго въ 1475 г. Старкову видно, что еще до 1475 г. Джанибекъ просился на службу къ великому князю, но что Иванъ отказалъ ему. Видно еще и то, что Менгли-гирею напротивъ хотѣлось, чтобы Джанибекъ жилъ въ Россіи: Старковъ долженъ былъ говорить хану, что великій князь, согласно его желанію, послалъ за Джанибекомъ въ Орду (*Кар*. VI, 56). Думать должно, что Менгли-гирей еще въ 1475 г. опасался имѣть въ Джанибекѣ противника, и предпочиталъ видѣть его скорѣе при дворѣ великокняжескомъ въ ряду служилыхъ царевичей, чѣмъ на свободѣ. Сдѣлавшись ханомъ Крымскимъ около 1477 г., Джанибекъ присылалъ въ Россію чиновника своего именемъ Джафаръ-Бирдыя (Яфаръ-Бердѣя—جعفر بیردی) узнать: можетъ ли онъ, въ случаѣ нужды, найти у великаго князя безопасное убѣжище. Иванъ согласился (*Кар*. VI, 57, 58). Около 1480 г. (*Кар*. VI, 89) Джанибекъ воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ, и сверженный съ престола, явился въ Россію. Эменекъ, этовъ самое время и еще послѣ того, спокойно пре-

Былъ еще одинъ ханъ — Сеидъ-Ахмедъ, но онъ жилъ гораздо раньше; именно о немъ упоминается въ *Сб. гос. гр.* I, № 52, стр. 108, гдѣ читаемъ (г. 1434): «што есмь посылалъ киличѣевъ своихъ ко Царемъ къ *Кичимъ-Ахметю* (т. е. Кичи-Мухаммеду) и къ *Сиди-Ахметю*». Русскіе лѣтописцы называютъ его: Седи, Сади Ахметъ и пр., (даже иногда просто Ахметъ), а подданныхъ ему Татаръ — Татарами Синей Орды или по его имени, Татарами Сеидъ-Ахмедовыми. Это — тотъ самый ханъ, съ людьми котораго царевичь Касимъ сражался въ 1449 г. (см. выше, стр. 21). Разбитый Хаджи-гиреемъ, онъ бѣжалъ въ Литву и умеръ плѣнникомъ въ Ковно (*Длугошъ* II, 96, 97; *Кромеръ*, кн. XXII, стр. 499; Длугошь называетъ его: Sadahmeth Thartarorum Imperator, а Кромеръ: Sadachmetes Tartarorum dux). Подвластные ему Татары, еще и послѣ его плѣненія, звались нашими лѣтописцами, по старой памяти, Татарами Сеидъ-Ахмедовыми. Такъ въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 144, читаемъ: «Того же лѣта (6963 = 1455) приходили Татарове Седи Ахметевы къ Оцѣ рѣцѣ» (*Црв.* 360; *Ник.* V, 279; *Врм* II, 27; *Новг. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 147; *Арх.* 135, гдѣ: «Того же лѣта приходили Тотарове ратью отъ Синіе Орды Ахметовы, и перелѣзши Оку рѣку»). Надъ Татарами начальствовалъ тогда Солтанъ царевичь, сынъ Сеидъ-Ахмеда (*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 180, *Сер.* II, 64 и *Лв.* II, 350, гдѣ этотъ же самый походъ занесенъ и подъ 6962 г.) Тоже названіе Сеидъ-Ахмедовыхъ Татаръ повторяется въ лѣтописяхъ и подъ 1459 г. (см.

Вскр. П. С. Р. Л. VIII, 147, гдѣ: «Того же лѣта (6967) Татарове Седи Ахматовы, похвалився, на Русь пошли»; сл. *Црв.* 368; *Ник.* V, 285; *Врм.* II, 32). Бутковъ (Исторія о Ногаѣ и всѣхъ прочихъ Монгольскихъ Ханахъ Даштъ-Кипчака, Сѣверный Архивъ, XI, Спб. 1824, стр. 10) совершенно напрасно сомнѣвается въ томъ, что Сеидъ-Ахмедъ умеръ въ Ковно, и увѣряетъ, будто самъ ханъ этотъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ до 1460 г. Замѣчу еще про Сеидъ-Ахмеда, что, должно быть, его имѣлъ въ виду Мухаммедъ-Риза, при описаніи борьбы Хаджи-гирея съ Сеидъ-Ахмедомъ, кончившейся паденіемъ послѣдняго (Ассебъ о-ссейяръ, стр. ٦٩ — ٧٣; Charmoy. Sur l'util. des lang. or., стр. 28 — 32).

У Гаммера въ его «Geschichte der Goldenen Horde» Ахмедъ, оба Сеидъ-Ахмеда, Шейхъ-Ахмедъ и даже самъ Кичи-Мухаммедъ такъ перемѣшаны между собой, что въ этой путаницѣ рѣшительно ничего разобрать нельзя. Между тѣмъ дѣло въ сущности весьма просто. Каждое лицо рѣзко отдѣляется одно отъ другаго, и имѣетъ свою особую исторію. Отдѣльное существованіе ихъ подтверждается не только указанными мною источниками, но и родословной напечатанной ниже, въ пр. 21. Въ ней съ начала является сынъ Темиръ-Кутлука *Темиръ* (تیمور); потомъ сынъ его Махметъ (*Син.* Магметъ, *Арх.* Махмедъ, *Род.* Кеимагметъ), безо всякаго сомнѣнія *Кичи-Мухаммедъ* (کچی محمد); за тѣмъ его сынъ Ахматъ т. е. *Ахмедъ* (احمد), и наконецъ его сыновья: *Муртаза* (مرتضی; *Син* и *Род.* Муртоза, *Арх.*

Муторза), Сеитъ Ахметъ (*Син.* Сеидъ Ахметъ, *Род.* Сеитъ Ахматъ) т. е. *Сеидъ Ахмедъ* (سيد احمد) и Ши-Ахметъ (*Син.* Шихъ-Ахметъ) т. е. *Шейхъ-Ахмедъ* (شيخ احمد). Словомъ, лица въ родословной слѣдуютъ однѣ за другими рѣшительно въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ являются въ исторіи. Съ указаніемъ нашей родословной сходно и то, что говоритъ Мѣховскій въ своемъ сочиненіи «Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae. Cracoviae. Anno MDXXI», Lib. I, Cap. VIII. De geneologia imperatorum trans Volham incolentium. А онъ пишетъ вотъ что: «Quintus imperator ex Temirkutlu progenitus fuit Temir czar... Sextus imperator ex Temir czar genitus, fuit Machmet czar. Ex isto genitus est Achmet czar, septimus imperator, et achmet sermone thartarorum exponitur componibilis (Арабское слово احمد значитъ: болѣе стоющій похвалы). Achmet genuit Sziachmet octauum imperatorem». (Мѣховскій даетъ при этомъ объясненіе имени Sziachmet: «Sziachmet sonat quasi religiosus achmet, et thartari cognominant ipsum Sachmet, quod est martyrisatus Achmet, quia per lithuanos captus detinetur in Kowno incarceratus». Мѣховскій очевидно былъ наведенъ на мысль о подобномъ объясненіи словомъ: шейхъ—شيخ—въ имени: شيخ احمد—Шейхъ-Ахмедъ: шейхъ значитъ старикъ, употребляется и въ значеніи: настоятеля, главы, а иногда святаго. Во всякомъ случаѣ объясненіе Мѣховскаго ошибочно: Шейхъ-Ахмедъ больше ничего какъ сложное имя; и ни Sziachmet не значитъ: religiosus Achmet, ни Sachmet — martyrisatus Achmet) — Отъ Ахмеда (Fraehnii Nova

Suppl., стр. 115, и Савельевъ. Монеты Джучидовъ, стр 339) и отъ одного изъ Сеидъ-Ахмедовъ (Fraehnii Recensio, стр. 398) сохранились даже монеты.

сился уже съ царемъ Джанибекомъ [50]), которому

[50]) Кто былъ этотъ Джанибекъ (جانی بیك; у Русскихъ: Зенебекъ) не знаю. Гаммеръ (Gesch. d. Gold. Horde, стр. 406, 407), безо всякаго основанія, считаетъ его за одно лицо съ извѣстнымъ Эменекъ-бикомъ. Изъ наказа даннаго въ 1475 г. Старкову видно, что еще до 1475 г. Джанибекъ просился на службу къ великому князю, но что Иванъ отказалъ ему. Видно еще и то, что Менгли-гирею напротивъ хотѣлось, чтобы Джанибекъ жилъ въ Россіи: Старковъ долженъ былъ говорить хану, что великій князь, согласно его желанію, послалъ за Джанибекомъ въ Орду (*Кар.* VI, 56). Думать должно, что Менгли-гирей еще въ 1475 г. опасался имѣть въ Джанибекѣ противника, и предпочиталъ видѣть его скорѣе при дворѣ великокняжескомъ въ ряду служилыхъ царевичей, чѣмъ на свободѣ. Сдѣлавшись ханомъ Крымскимъ около 1477 г., Джанибекъ присылалъ въ Россію чиновника своего именемъ Джафаръ-Бирдыя (Яфаръ-Бердѣя—جعفر بیردی) узнать: можетъ ли онъ, въ случаѣ нужды, найти у великаго князя безопасное убѣжище. Иванъ согласился (*Кар.* VI, 57, 58). Около 1480 г. (*Кар.* VI, 89) Джанибекъ воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ, и сверженный съ престола, явился въ Россію. Эменекъ, этовъ самое время и еще послѣ того, спокойно пре-

бывалъ въ Крыму (*Кар.* VI, 102, 107; Сборникъ Муханова, стр. 25, 27, 28),

Ахмедъ уступилъ Крымъ (*Кар.* VI, 57). Въ 1478 г. въ Крыму чуть ли не снова властвовалъ Нуръ-даулетъ [51]). Только около 1480 г.

[51]) О Нуръ-даулетѣ, какъ о царѣ Крымскомъ въ 1478 г., говоритъ Длугошь. Онъ описываетъ подъ этимъ годомъ пріѣздъ пословъ его и султана Турецкаго къ Казиміру королю Польскому. Вотъ собственныя слова Длугоша II, 566: «*Casimiro Poloniae* Rege in *Brzesczye Ruthenicali* agente (въ мартѣ 1478 г.), venit ad illum Caesaris *Turcorum Mahumeti* Nuncius, *Turcisanus* nomine, *Tartarorum* etiam Nuncio comitatus. Qui magnae importantiae muneribus, videlicet scutellis, et vasis argenteis, flaminibusque axamenticis, adamascenis, et purpureis, auro et murice intextis, praesentatis, propria etiam non vulgaria munera adiiciens, data licentia dicendi, retulit. *Caesarem Turcorum, ad omnem amicitiam et pacem, cum Casimiro Poloniae Rege, Regnoque suo et Principatibus, seruandam, firmandam et inscribendam, optime dispositum et qualificatum esse, orareque Casimirum Regem, vt Nunciis vicissitudinarie missis pax et amicitia firmetur et inscribatur inter eos, et habeatur pro graui communi hoste, quicunque alterum ex eis inuaserit.* Adiuuabat hanc *Turci* legationem, etiam per speciales literas ingeminatam, *Thartarorum* Caesaris *Nardulab*, vt cum Rege *Poloniae Casimiro* foedus et amicitiam

iungeret, Nuncius: asserens *Tartarorum* Caesarem induxisse ad eam *Turcum*. Ambobus Nunciis *Casimirus* Rex *Poloniae* magnifice remuneratis, responsum illis est. *Gratum esse Casimirum Regem, suscepturumque singula, quae voce et sermone offerebat, de beneuolentia, amicitia et foedere Turcorum Caesaris, eamque non abnuiturum. Et missis Nunciis latius se super his responsurum*». Тоже самое повторяетъ и Кромеръ, который, кн. XXIX, стр. 624, 625, пишетъ: «Inde uerò profectus, Lituanicum Breste adijt (Казимиръ): ibique conuentu Lituanorum ad medium Martij mensis instituto, principatus illius rebus prospexit... Venit ad eum illuc Mahometis Turcarum imperatoris orator cum ingentibus donis, Tartarorum quoque principis Nurduuuladi legationem secum ducens, amicitiam, et societatem petitum amborum nomine adijciens Tartarum Mahometis authoritate eo adductum esse. Quibus responsum est, regem libenter accipere, quae sibi deferrentur, suosque oratores ad utrunque confirmandi foederis causa missurum.»—Отъ Нуръ-даулета сохранились двѣ монеты серебряныя (Fraehn. Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's. St. Petersburg. 1832, стр. 40 и Табл. IX, № CCCLXVI и Табл. XII, № 8). На лицевой сторонѣ одной изъ нихъ читается: «عظم نور د|ولت خان»—т. е.—великій Нуръ-даулетъ ханъ», на оборотной—изображены Крымская тамга и годъ. Къ сожалѣнію годовое число весьма не ясно; Френъ полагалъ, что, быть можетъ, кроется въ немъ 878 г. гиджры, т. е. 1473,4 г. Основываясь на этомъ чтеніи, можно было бы думать, что Нуръ-даулетъ царствовалъ еще

«Салтыганъ», да при описаніи его отправленія въ походъ, сказано: «да и Мердоулатова сына царевича Салтыгана со уланы, и со князи со всѣми Казанскими, и казаки послалъ вмѣстѣ же съ своими воеводы, а Казанскому царю Махметъ Аминю»; слово: *«Казанскими»* послѣ: «со князи со всѣми», безъ сомнѣнія, лишнее; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 223; *Лѣт. Норм.* 5, 6, гдѣ разсказъ начинается просто словами: «Того жъ лѣта [6999] пріиде вѣсть», безъ означенія времени года и мѣсяца; въ этой же лѣтописи цари Ордынскіе поименованы: «Сеитъ и Ахметъ и Шугахметъ», а царевичь названъ «Салтыганъ»; къ тому же конецъ разсказа нѣсколько сжатъ). *Врм.* II, 158: Тоя же весны (6999) Маія пріиде вѣсть къ великому князю Ивану Васильевичу, что идутъ Ординскіе цари Китъ Ахметъ, и Шигъ Ахметъ, на Крымскаго царя Менглирея. Князь же великій посла къ нему на помощь воеводъ своихъ, Князя Петра Никитича Оболенскаго, да князя Ивана Михайловича Репню, и дворъ свой, и царевича Мердоулатова сына Салтыгана: а Казанскому царю велѣлъ послати воеводъ своихъ съ силою со царевичемъ же вмѣстѣ. И снидошась великаго князя воеводы со царевичемъ Салтыганомъ, и съ воеводами Казанскаго царя Магметъ Аминевыми, и поидоша вмѣстѣ подъ Орду. И слышавше Ординстіи цари силу многу въ полѣ великаго князя, и убоявшесь, возвратишась отъ перекопи: а великаго князя воеводы возвратишась безъ брани. *Ст.* II, 157, 158: Потомъ же (6999 г.) слыша Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Росіи,

яко Ординстіи Царіе Ма Ахметъ и Ши Ахметъ идутъ съ силою на Кримского Царя Мингирѣя, и посла ему на помощь въ поле во Орду Князя Петра Никитича Оболенскаго, и Князя Ивана Михайловича Репню Оболенскаго же, и многое воинства двора своего, и Царевича Салтыгана Мердоулатова сына со Уланы и съ Князьми и со всѣми казаки. Такоже и Казанскому Царю Ма Агметъ Аминю, тогда тому отъ Великаго Князя порученно Царство Казанское, и братій своей Князю Андрею Васильевичю и Князю Борису Васильевичю повелѣ имъ послати своихъ Воеводъ съ силами, и вси въ полѣ снидошася въ мѣсто; токмо единъ Князь Андрей Васильевичь преслушася Великаго Князя, и не посла Воеводъ своихъ. Царіе же Ординстіи слышавше силу многу Великаго Князя въ полѣ, и убояшася, возвратишася отъ Перекопи. И тако сила Великаго Князя кромѣ брани возвратишася во свояси. *Башм. разр. кн.* Лѣта (7000) году прислалъ бить челомъ къ государю и великому князю Івану Васильевичю всеа Росиі царь Крымской Мингирѣй, что идутъ на него Ордынские царевичи Сеитъ да Ахметъ съ силою на него. И князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі отпустилъ въ поле подъ Орду царевича Мердоулата да воеводъ своихъ князя Петра Никитича Оболенского, а х Казанскому царю Махмедину велелъ писать, а велѣлъ ему послать царевича Салтагана съ Казанскими людьми и съ великово князя воеводами (Въ этомъ разсказѣ еще бóльшія ошибки, нежели въ *Свр.*, *Лв.* и *Про.*).

Конечно на этомъ одномъ фактѣ было бы трудно основывать какое либо мнѣніе: множество различныхъ причинъ, кромѣ смерти отца, могли заставить сына принять начальство надъ дружиною во время похода, но начиная съ 1487 г. нигдѣ о Нуръ-даулетѣ не упоминается. Молчаніе это, въ связи съ приведеннымъ фактомъ, что нибудь да значитъ.

IV.

Сатылганъ (ساتيلغان).

Въ договорной грамотѣ, заключенной 19 августа 1496 г. между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Рязанскимъ, и братомъ его роднымъ княземъ Федоромъ Васильевичемъ, читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «А Орды знати и вѣдати мнѣ Великому Князю и Царевичевъ ясакъ *Сатылгановъ*, или хто иной Царевичь будетъ на томъ мѣсте; а имати ми у тобя выходъ и Царевичевъ ясакъ съ твоей отчины треть по старымъ дефтеремъ, по крестному целованью: а коли язъ Князь Великій въ Орду не дамъ и Царевичю ясака, и мнѣ и у тобя не взяти» (*Сб. гос. гр.* I, № 127, стр. 321; ср. тамъ же, № 128, стр. 326; *Др. Вивл.* II, № 109, 110, стр. 266, 278; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* IV, № 137, 138, стр. 172, 173, 189, 190) — «Царевичевъ ясакъ *Сатылгановъ*», о которомъ великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичь напоминаетъ брату, едва ли

ству твоему тяжелый поклонъ съ легкимъ поминкомъ, Шихбаглуломъ зовутъ слугу своего, послалъ есми. А ещо сесь Шихбаглулъ доѣдетъ до твоего величества, лице твое увидитъ, и что будутъ у тобя твои тайные рѣчи, и ты тѣ рѣчи про свое величество и здоровье съ Шихбаглуломъ ко мнѣ прикажи, насъ собѣ въ любви держа. Нѣчто изъ тое изъ поганые земли избыти захочешь мысль твоя будетъ, ино язъ къ Ивану съ тѣмъ же Шихбаглуломъ о томъ же грамоту свою послалъ есми. Авосе пакъ нѣчто не всхочешь, мысли твоей не будетъ, и ты гдѣ ни будешь, тамъ бы еси здоровъ былъ, а насъ въ братствѣ не забывай. Молвивъ грамоту послалъ есми; лѣта 891 писана (годъ 891 гиджры кончился въ декабрѣ 1486 г.).

Любопытно сравнить вмѣстѣ оба эти письма Муртазы, дошедшія до насъ въ переводѣ почти подстрочномъ, и поэтому не всегда понятномъ. Къ Ивану Муртаза пишетъ *ярлыкъ*, указъ, весьма кратко и сжато. Съ Нуръ-даулетомъ же обращается какъ съ равнымъ себѣ царемъ; посылаетъ ему длинную *грамоту*, сочиненную въ почтительныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ. Простой фактъ этотъ свидѣтельствуетъ ясно о томъ, какъ еще свѣжо было преданіе о величіи Татаръ и слабости Руси. Ничтожный ханъ Орды, доживавшей вѣкъ свой, считалъ себя въ правѣ приказывать великому князю, который былъ на дѣлѣ гораздо его сильнѣе, и ставилъ выше государя Русскаго служилаго ему изгнаннаго царя, потому только, что царь этотъ былъ изъ рода Чингизова и исповѣдывалъ вѣру мусульманскую.

Предложенія Муртазы далеко не соотвѣтствовали видамъ Ивана. Какъ для хана Золото-Ордынскаго было бы выгодно поселить раздоръ въ Крыму, такъ, на оборотъ, для великаго князя Русскаго было бы это не только безполезно, но и вредно: Менгли-гирей, воюя съ дѣтьми Ахмедовыми, служилъ помощникомъ Ивану, прямой разсчетъ котораго, какъ и Менгли-гиреевъ, состоялъ въ томъ, чтобы сгубить Золотую Орду. Орда эта была для обоихъ государей одинаково ненавистна: великому князю она напоминала прежнее порабощеніе Россіи, царю же Крымскому мѣшала упрочить власть на твердыхъ основаніяхъ. По пріѣздѣ Шахъ-Баглуля, великій князь задержалъ его и сообщилъ о предложеніяхъ Муртазы Менгли-гирею, кстати присовокупивъ и то, что король Польскій тайно зоветъ къ себѣ другаго его брата, Хайдера. Отвѣтъ не замедлилъ придти изъ Крыма. Отвѣтъ былъ странный: Менгли-гирей просилъ отправить къ нему Нуръ-даулета, говоря, что цѣня умъ и мужество брата, онъ самъ готовъ раздѣлить съ нимъ царство, и забыть прошлое. Ужь не была ли тутъ хитрая уловка, выдуманная для того, чтобы заманить соперника въ свои руки? Про Хайдера же Менгли-гирей писалъ, что его не боится, и что ему все равно, куда бъ онъ ни ушелъ. Великій князь не счелъ нужнымъ исполнять прихоти Менгли-гирея: написалъ ему дружескій отказъ и оставилъ Нуръ-даулета у себя. Тѣмъ и кончились переговоры (*Кар.* VI, 117).

описывая послѣднее нашествіе Ахмеда, хана Золотой Орды, на Россію въ 1480 г., говоритъ, между прочимъ, будто великій князь, въ то время когда ханъ стоялъ на р. Угрѣ, послалъ Нуръ-даулета съ воеводою княземъ Василіемъ Ноздроватымъ, напасть невзначай на «Большую Золотую Орду». По словамъ автора, Нуръ-даулетъ успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе, доплылъ въ лодьяхъ до орды и, найдя въ ней однихъ стариковъ, женъ и дѣтей, разгромилъ ее; онъ бы могъ окончательно уничтожить «Юртъ Батыевъ», но его удержалъ одинъ знатный огланъ, который напомнилъ царю, что какъ онъ, такъ и всѣ его Татары — родомъ изъ Большой Орды, и имъ бы грѣшно было разорять въ конецъ это царство, ихъ общую отчизну. Удачное нападеніе Нуръ-даулета и было, какъ думаетъ составитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, причиною, почему Ахмедъ бѣжалъ съ р. Угры [55]).

[55]) *Ик*. 38, 39: И посылаетъ (великій князь) отаи служимаго своего Царя *Нурдовлета* (очевидно ошибка; читать надобно Нурдовлета) городетцкаго (опять ошибка; Городецкимъ въ 1480 году былъ Даніаръ; см. выше, статью о Даніарѣ), снимже воеводу князя *Василья Ноздреватого* сомногою силою вболшую златую орду, доколе Царь стояше наруси и невѣдуще ему сего. Онижь водою влодьяхъ пришедше на орду, и обрѣтошаю пусту безлюдей, токмо вней женскъ полъ, и старъ и младъ. И тако ея поплениша, женъ и дѣтей

князя воеводы съ царевичемъ Сатылганомъ и съ Казаньского царя воеводами съ Абашъ-уланомъ и съ Бурашъ-сеитемъ въ Поли, и княжъ Борисовъ воевода туто же ихъ наѣха; и пондоша вмѣстѣ подъ орду. И слышавше цари ордыньские силу многу великого князя въ Поли, и убоявшеся възвратишася отъ Перекопи; сила же великого князя възвратися въсвояси безъ брани (*Сср.* II, 238, гдѣ вмѣсто: «да Мердоулатова сына царевича Сатылгана съ уланы», писано: «да Мердьулата Царевича со Уланы», очевидно по ошибкѣ, такъ какъ нѣсколькими строками ниже, гдѣ говорится о соединеніи воеводъ съ Казанскою ратью, сказано и въ *Сср.*: «И снидошася вмѣсто великого Князя воеводы съ Царевичемъ съ Алтыганомъ»; эта же самая ошибка повторена и въ *Лв.* III, 208, 209, гдѣ съ начала сказано: «да Мердь-Улата Царевича со Уланы», а потомъ: «и снидошася въ мѣсто Великаго Князя воеводы съ Царевичемъ Сатылганомъ»; *Ник.* VI, 127, 128, гдѣ имя царевича, Нуръ-даулетова сына, оба раза написано различно: въ первый разъ названъ онъ царевичемъ Сатылганомъ [да Меурлатова сына царевича Сатылгана съ уланы], а во второй — царемъ Сантыгханомъ [И снидошася вмѣсте великого князя с царемъ Сантыгханомъ и с казанского царя воеводами]; *Про.* 320, 321, съ тою разницею, что цари Ордынскіе названы съ начала: «Сеитъ и Ахметъ Шигахметъ», а потомъ, при описаніи побѣга ихъ, вставлены настоящія имена ихъ [И слышавше Цари Ординскіе, Сеитъ Ахметъ, и Шигахматъ]; въ *Про.* же царевичь названъ:

«Салтыганъ», да при описаніи его отправленія въ походъ, сказано: «да и Мердоулатова сына царевича Салтыгана со уланы, и со князи со всѣми Казанскими, и казаки послалъ вмѣстѣ же съ своими воеводы, а Казанскому царю Махметъ Яминю»; слово: «*Казанскими*» послѣ: «со князи со всѣми», безъ сомнѣнія, лишнее; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 223; *Лѣт. Норм.* 5, 6, гдѣ разсказъ начинается просто словами: «Того жъ лѣта [6999] пріиде вѣсть», безъ означенія времени года и мѣсяца; въ этой же лѣтописи цари Ордынскіе поименованы: «Сеитъ и Ахметъ и Шугахметъ», а царевичь названъ: «Салтыганъ»; къ тому же конецъ разсказа нѣсколько сжатъ). *Врм.* II, 158: Тоя же весны (6999) Маія пріиде вѣсть къ великому князю Ивану Васильевичу, что идутъ Ординскіе цари Китъ Ахметъ, и Шигъ Ахметъ, на Крымскаго царя Менгилирея. Князь же великій посла къ нему на помощь воеводъ своихъ, Князя Петра Никитича Оболенскаго, да князя Ивана Михайловича Репню, и дворъ свой, и царевича Мердоулатова сына Салтыгана: а Казанскому царю велѣлъ послати воеводъ своихъ съ силою со царевичемъ же вмѣстѣ. И снидошась великаго князя воеводы со царевичемъ Салтыганомъ, и съ воеводами Казанскаго царя Магметъ Аминевыми, и поидоша вмѣстѣ подъ Орду. И слышавше Ординстіи цари силу многу въ полѣ великаго князя, и убоявшесь, возвратишась отъ перекопи: а великаго князя воеводы возвратишась безъ брани. *Ст.* II, 157, 158: Потомъ же (6999 г.) слыша Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Росіи,

яко Ординстіи Царіе Ма Ахметъ и Ши Ахметъ идутъ съ силою на Кримского Царя Мингирѣя, и посла ему на помощь въ поле во Орду Князя Петра Никитича Оболенскаго, и Князя Ивана Михайловича Репню Оболенскаго же, и многое воинства двора своего, и Царевича Салтыгана Мердоулатова сына со Уланы и съ Князьми и со всѣми казаки. Також и Казанскому Царю Ма Агметъ Аминю, тогда тому отъ Великаго Князя порученно Царство Казанское, и братіи своей Князю Андрею Васильевичю и Князю Борису Васильевичю повелѣ имъ послати своихъ Воеводъ съ силами, и вси въ полѣ снидошася въ мѣсто; токмо единъ Князь Андрей Васильевичь преслушася Великаго Князя, и не посла Воеводъ своихъ. Царіе же Ординстіи слышавше силу многу Великаго Князя въ полѣ, и убояшася, возвратишася отъ Перекопи. И тако сила Великаго Князя кромѣ брани возвратишася во свояси. *Башм. разр. кн.* Лѣта (7000) году прислалъ бить челомъ къ государю и великому князю Івану Васильевичю всеа Росиі царь Крымской Мингирѣй, что идутъ на него Ордынские царевичи Сеитъ да Ахметъ съ силою на него. И князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі отпустилъ въ поле подъ Орду царевича Мердоулата да воеводъ своихъ князя Петра Никитича Оболенского, а х Казанскому царю Махмедиму велелъ писать, а велѣлъ ему послать царевича Салтагана съ Казанскими людьми и съ великово князя воеводами (Въ этомъ разсказѣ еще бо́льшія ошибки, нежели въ *Сер.*, *Ле.* и *Про.*).

Конечно на этомъ одномъ фактѣ было бы трудно основывать какое либо мнѣнiе: множество различныхъ причинъ, кромѣ смерти отца, могли заставить сына принять начальство надъ дружиною во время похода, но начиная съ 1487 г. нигдѣ о Нуръ-даулетѣ не упоминается. Молчанiе это, въ связи съ приведеннымъ фактомъ, что нибудь да значитъ.

IV.

Сатылганъ (ساتيلغان).

Въ договорной грамотѣ, заключенной 19 августа 1496 г. между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Рязанскимъ, и братомъ его роднымъ княземъ Федоромъ Васильевичемъ, читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «А Орды знати и вѣдати мнѣ Великому Князю и Царевичевъ ясакъ *Сатылгановъ*, или хто иной Царевичь будетъ на томъ мѣсте; а имати ми у тобя выходъ и Царевичевъ ясакъ съ твоей отчины треть по старымъ дефтеремъ, по крестному целованью: а коли язъ Князь Великій въ Орду не дамъ и Царевичю ясака, и мнѣ и у тобя не взяти» (*Сб. гос. гр.* I, № 127, стр. 321; ср. тамъ же, № 128, стр. 326; *Др. Вивл.* II, № 109, 110, стр. 266, 278; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* IV, № 137, 138, стр. 172, 173, 189, 190) — «Царевичевъ ясакъ *Сатылгановъ*», о которомъ великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичь напоминаетъ брату, едва ли

можетъ быть чѣмъ либо другимъ, какъ не тѣмъ самымъ, «что шло Царевичю *Касыму* и сыну его *Даньяру* Царевичю», при великихъ же князьяхъ Рязанскихъ Иванѣ Федоровичѣ и Васильѣ Ивановичѣ, и что самъ Иванъ, сынъ послѣдняго, обязался въ 1483 г., по прежнему, «давати съ своее земли Царевичю *Даньяру*, или кто иной Царевичь будетъ на томъ мѣстѣ» (см. выше, стр. 29, 30). Выводъ изъ этого прямой: въ 1496 г. Сатылганъ получалъ то, чѣмъ, въ прежнія времена, пользовались Касимъ и Даніяръ. Значитъ, въ 1496 году Мещерскимъ городкомъ владѣлъ Сатылганъ, а не отецъ его Нуръ-даулетъ[59]), и никто другой. По всей вѣроятно-

[59]) Сатылганъ былъ сынъ Нуръ-даулета. Это не подлежитъ сомнѣнію; такъ названъ царевичь и въ лѣтописяхъ (см. предъидущее примѣчаніе), и въ Родословной книгѣ (см. выше, пр. 21, стр. 44—48) по всѣмъ спискамъ ея, исключая одного *Арх.*, который, по этому самому, и долженъ быть, на этотъ разъ, признаваемъ ошибочнымъ. Имя Сатылгана въ источникахъ, гдѣ оно встрѣчается, писано различно. Въ Родословной книгѣ названъ онъ: по *Коп.* списку Салтанъ-ганъ, по *Син.* Салтаганъ, по *Арх.* Санъ Таганъ (слогъ *санъ* слитъ въ *Арх.*, очевидно по ошибкѣ, съ предъидущимъ именемъ Халчи), по *Род.* Салтаганъ, по списку Миллера Salatgan. Звался онъ еще, какъ мы видѣли (см. выше, пр. 58), Алтыганъ, Салтыганъ, Сантыгханъ и Салтылганъ. Нѣсколько другихъ право-

писаній увидимъ ниже. Изо всѣхъ этихъ формъ, очевидно одна только можетъ быть вѣрна, или наиболѣе подходитъ къ истинному произношенію; всѣ же остальныя формы должны быть искаженія. Какъ я думаю, настоящее имя царевича было: Сатылганъ. Имя это существовало у Татаръ. Хафизъ въ своей Абдулла-намэ (Персидская рукопись, принадлежащая мнѣ, и заключающая въ себѣ исторію Бухарскаго хана Абдуллы; см. о ней мой: «Rapport sur le projet de publier le texte et une traduction de l'Abdoullah-nameh» въ Mél. Asiat. T. III, стр. 258.— 263), л. 66 и 326, упоминаетъ о двухъ эмирахъ Узбекскихъ, одномъ—Сатылганъ-бій-аталыкѣ (ساتلغان بی اتالیق), а другомъ — Яры-бiѣ, сынѣ эмира Сатылгана (یاری بی بن امیر ساتیلغان).

сти, такъ и было. Думать должно, что новый царевичь Городецкій заступилъ мѣсто отца, тотчасъ послѣ его смерти. Предположеніе это подтверждается и Описью царскаго архива, напечатанною въ Актахъ собранныхъ Археографическою экспедиціею, гдѣ, какъ увидимъ ниже (см. статью: «Шейхъ-Ауліяръ»), Сатылганъ (Салтангай) не только поименованъ въ числѣ владѣльцевъ Городецкихъ, но еще названъ въ слѣдъ за Нуръ-даулетомъ. Быть можетъ, онъ ужь правилъ городкомъ въ 1491 г., когда водилъ служилыхъ Татаръ великокняжескихъ на улусы Золотой Орды (см. выше, стр. 144—148).

Взглянемъ теперь на дальнѣйшую участь Сатылгана.

Въ первый разъ послѣ 1496 г. говорится о немъ подъ 1504 г.[60]). 16 іюня этого года заключена была,

[60]) Въ *Башм. разр. кн.* упоминается еще Сатылганъ подъ 1499 г.; въ ней, подъ этимъ годомъ, читаемъ слѣдующее: «Тогоже году (7007) послалъ государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі х Казани полемъ къ царю Казанскому беречь ево отъ Урака и отъ Солтагана воеводъ своихъ». Тутъ, безъ сомнѣнія, ошибка; странно было бы воеводамъ Русскимъ беречь Казань отъ своего же служилаго царевича. Вмѣсто: «отъ Солтагана», слѣдуетъ читать: «отъ Агалака», какъ это и сказано въ лѣтописяхъ (въ однихъ лѣтописяхъ происшествіе это занесено подъ 1499 г., а въ другихъ—подъ 1500 г.). Карамзинъ, въ пр. 520 къ Т. VI, со ссылкою же на Разрядн. кн. г. 1501, пишетъ, что: Іоаннъ 7 авг. послалъ (на помощь Менгли-гирею противъ Золото-Ордынскаго хана Шейхъ-Ахмеда) Магметъ-Аминя съ Нордоулатовыми Уланами и К. Ноздроватаго, велѣвъ имъ взять съ собою Воеводъ Рязанскихъ, *Великой Княгини* (т. е. Аграфены Федоровны, жены великаго князя Рязанскаго Ивана Васильевича, умершаго 29 мая 1500 г.; она правила за малолѣтствомъ сына своего Ивана, см. Иловайскаго, Исторія Рязанскаго княжества. Москва, 1858, стр. 221, 222) и К. Θеодора (Рязанскаго, того самого, который заключилъ договоръ въ 1496 г. съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Васильеви-

Вѣрѣ еси нашей подпора, Бесерменомъ и Бесерменьству нашему помочь ты еси и Закону наказатель; милосердого Бога милостью истинной еси прямой Осподарь. Ино, брате Нурдовлатъ Царь, велика бы и счастна была твоя Держава до второго пришествія Магатметевы дѣля молитвы и учениковъ его. А послѣ сего добра и похвалы свѣдомо бы тобѣ то было, что изъ старины и до сѣхъ мѣстъ съ вами мы одного отца дѣти есмя были: правда такъ есть. Послѣ пакъ того прилучей таковъ състался, предніе наши о кости, о лодыжномъ мозгу Юрта дѣля своего разбранилися: да того дѣля промежъ ихъ много лиха и нелюбви было; а опослѣ того опять то лихо отъ себя отложили, и кои потоки кровью текли, тѣ опять межъ ихъ молокомъ протекли, а тотъ бранной огонь любовною водою угасили; а съ вашимъ Юртомъ нашъ Юртъ какъ бы одинъ учинилъ, кой на Божей покой пошолъ, святой Ахматъ Царь, а какъ ся ужъ есмя умирили, и тотъ бранной огонь опять зажогъ братъ твой, Менгли-Гирей Царь, а право свое порушилъ, а намъ не по мѣрѣ силу учинилъ былъ: ино Сотворитель всей вселеннѣй, Господь Богъ, то лихо на него оборотилъ. Сколько надъ нимъ дѣлъ състалося, то тебѣ свѣдомо. А нынѣча отецъ мой, Ахматъ Царь, милосердіе Божіе надъ нимъ было: онъ былъ то намъ въ прокъ учинилъ; а мы пакъ братья твои: инако учинити, того у насъ на мысли нѣтъ; а хто будетъ лихъ, тому противу Богъ самому отдастъ. Намъ вѣрнымъ про твое величество своего брата, что ты живешь промежь невѣрныхъ, не пригоже ся видить такъ. Сѣмъ случяемъ величе-

Въ ней дѣйствительно говорится какъ о выходахъ, такъ о Царевичевѣ городкѣ, и сказано вотъ что: «А дѣти мои *Юрьи* зъ братьею даютъ сыну моему *Василью* съ своихъ удѣловъ въ выходы въ Ординские, и въ Крымъ, и въ Азтархань, и въ Казань, и во Царевичевъ городокъ, и въ иные Цари и во Царевичи, которые будутъ у сына моего у *Василья* въ землѣ, и въ послы въ Татарские, которые придутъ къ Москвѣ, и ко Тѳѣри, и къ Новугороду къ Нижнему, и къ Ярославлю, и къ Торусе, и къ Рязани къ Старой и къ Перевитску, ко Княжь *Ѳедоровскому* жеребью Рязанского, и во всѣ Татарские проторы въ тысячю рублевъ сынъ мой *Юрьи* даетъ съ своего удѣла со всего и съ Кашина восмьдесятъ рублевъ и два рубля безъ гривны; а сынъ мой *Дмитрей* даетъ съ своего удѣла со всего, и зъ Зупцова и съ Опокъ пятьдесятъ рублевъ и восмь рублевъ съ полтиною и семь денегъ; а сынъ мой *Семенъ* даетъ съ своего удѣла со всего шестьдесятъ рублевъ и пять рублевъ безъ десяти денегъ; а сынъ мой *Андрѣй* даетъ съ своего удѣла со всего, и зъ Старици, и зъ *Холмъскихъ* вотчины съ Холму, и съ Нового городка, и съ Олешни, и съ Синие, и съ иныхъ волостей съ Тверскихъ, что ему дано, сорокъ рублевъ съ полтиною и полчетверты деньги; а сынъ мой *Василей* даетъ въ тужъ тысячю рублевъ съ Москвы и со всего Великого Княженья Московские земли, и со Тѳѣри и со всеѣ Тѳѣрские земли, что ему дано, и съ Рязани съ Старые и съ Перевитска семьсотъ рублевъ и полосманатцата руб-

ля и полтретьи деньги; а *Борисовъ* сынъ братень *Өедоръ* даетъ сыну моему *Василью* въ ту же тысячю рублевъ съ своей отчины, и съ Колпи и зъ Буягорода тритьцать рублевъ и полосма рубля. А будетъ того болѣ или меньши Татарской проторъ: и сынъ мой *Василей*, и мои дѣти *Юрьи* зъ братьею, и братаничь мой *Өедоръ* даютъ по розочту» (*Сб. гос. гр.* I, № 144, стр. 398; *Др. Вивл.* II, № 123, стр. 429, 430; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* V, № 157, стр. 83 — 85).

Слова духовной грамоты значительно пополняютъ и поясняютъ статью договорной грамоты 1504 года. Оказывается, что въ Царевичевъ городокъ, въ пользу управлявшаго имъ царевича, дѣйствительно шелъ отъ великаго князя Московскаго «выходъ», и что выходъ этотъ принимался въ разсчетъ при распредѣленіи, между великимъ княземъ и удѣльными князьями, денегъ, слѣдовавшихъ на «Татарскіе проторы». Теперь становятся понятны и слова князя Андрея Васильевича меньшаго, который въ духовной грамотѣ своей, писанной около 1481 г. во время Даніяра, говорилъ, если припомнимъ (см. выше, стр. 87, 88), что долженъ брату своему великому князю Ивану «тритцать тысячь рублевъ, что за меня въ Орды давалъ и въ Казань и въ городокъ Царевичю, и что есми у него собѣ ималъ». Андрей очевидно задолжалъ брату, между прочимъ, и деньги, слѣдовавшія съ него по раскладкѣ.

Какъ былъ великъ выходъ великихъ князей Мос-

ковскихъ въ Царевичевъ городокъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ на него надобно смотрѣть какъ на прибавокъ къ тому, что шло въ городокъ же отъ великихъ князей Рязанскихъ (см. выше, стр. 29, 30, 149, 150). До тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока Рязанское великое княженіе сохраняло кое-какую самостоятельность, «ясакъ», который давали тамошніе князья въ Царевичевъ городокъ долженъ былъ быть особый отъ выхода Московскаго. Развѣ въ послѣднее время, когда въ 1503 г. (см. Иловайскаго Исторія Рязанскаго княжества, стр. 223, пр. 220) умеръ Федоръ Васильевичь, братъ великаго князя Рязанскаго Ивана (скончавшагося въ 1500 г.), и удѣлъ его — Старая Рязань и Перевитскъ — согласно его завѣщанію, перешелъ помимо его племянника, малолѣтняго великаго князя Рязанскаго Ивана Ивановича, къ великому князю Московскому Ивану III, то ясакъ этотъ уменьшился, и часть, слѣдовавшая съ удѣла покойнаго Федора, по договорной грамотѣ его съ братомъ 1496 г. (см. выше, стр. 149), перешла съ начала на самаго Ивана III, а потомъ и на его сына, великаго князя Василія, которому онъ завѣщалъ, между прочимъ, весь удѣлъ Федоровъ (А что ми далъ сестричичь мой Князь *Ѳедоръ Васильевичь* Рязанской свою отчину, на Рязани въ городѣ и на посаде свой жеребей, и Старую Рязань, и Перевитескъ съ волостьми и съ путми и зъ селы, и зъ бортью и съ тамгою и со всѣми пошлинами, по тому, какъ ся дѣ-

лилъ съ своимъ братомъ со Княземъ съ *Иваномъ:* и язъ ту его вотчину... даю сыну своему *Василью* (см. Дух. гр. Ивана III, въ *Сб. гос. гр.* I, № 144, стр. 393; *Др. Вивл.* II, № 123, стр. 418, 419; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* V, № 157, стр. 67).

Ни въ грамотѣ договорной 1504 г., ни въ духовной грамотѣ Ивана не названъ по имени царевичъ, сидѣвшій о ту пору въ Царевичевомъ (Мещерскомъ) городкѣ; но, по всей вѣроятности, дѣло касается Сатылгана, такъ какъ послѣ 1504 года онъ былъ еще живъ, и нѣтъ повода думать, чтобъ онъ при жизни былъ смѣщенъ или лишенъ городка, который, какъ мы видѣли, находился въ его рукахъ, по крайней мѣрѣ, съ 1496 года.

Въ 1505 г., не задолго до кончины великаго князя Ивана III, Сатылганъ, вмѣстѣ съ другимъ царевичемъ, братомъ своимъ Джанаемъ, ходилъ съ войскомъ къ Мурому. Чтобы хорошо понять цѣль этого похода, необходимо предварительно взглянуть на исторію Казани, и хотя кратко очертить случившіяся тамъ, въ послѣднее время, важнѣйшія перемѣны и происшествія.

Припомнимъ (см. выше, стр. 43), что въ Казани, послѣ Халиля, царствовалъ братъ его, сынъ Махмутековъ, Ибрагимъ. Ханъ этотъ умеръ вскорѣ послѣ 1478 г., когда въ слѣдъ за неуспѣшнымъ нападеніемъ своимъ на Вятку, и походомъ самихъ Русскихъ на Казань, онъ выпросилъ себѣ миръ, угодный великому князю

(*Кар*. VI, 114 и пр. 296). По смерти Ибрагима вступилъ на престолъ старшій сынъ его Ильгамъ [61])

[61]) Въ разрядахъ уже подъ 1482 г. Ильгамъ называется царемъ Казанскимъ. Въ *Башм. разр. кн.* читаемъ: «Лѣта 6990 году стояли воеводы въ Нижнемъ Новѣгородѣ по Казанскимъ вестямъ князь Борисъ Михайловичь Оболенской, князь Іванъ Васильевичь Оболенской, князь Ѳедоръ Курбской, Семенъ Івановичь Пѣшковъ, князь Дмитрей Оболенской, Костянтинъ Сабуровъ, князь Костянтинъ Шаховской. Тогожъ году на Вятке были воеводы тогдыжь Василей Ѳедоровичь Сабуровъ, да Василей Ѳедоровичь Образецъ Симской, да князь Семенъ Івановичь Ряполовской. Тогожъ году іюля въ 16 день, въ Казанскихъ книгахъ въ посольствахъ написано: въ Нижнемъ Новѣгородѣ стояли воеводы отъ великого князя Івана беречь отъ Алега царя, бояринъ князь Іванъ Васильевичь съ товарыщи. И государь князь великіі прислалъ къ боярину ко князю Івану Васильевичю съ товарыщи грамоту, и съ наказомъ Івана Писемского, и писано въ рѣчи, а се говорить отъ великого князя Івану Писемскому бояромъ и воеводамъ князю Івану Васильевичю, да князю Семену Івановичю, да князю Борису Оболенскому, да князю Ѳедору Курбскому, да князю Івану Шаховскому, да князю Дмитрею Оболенскому, да Костянтину Сабурову: Князь великіі велелъ вамъ говорить: послалъ есми къ царю во Казань князя Івана Звенца и Бурнака есми къ нимъ отпустилъ, и вы бъ отобрались съ

тѣми людьми, которые съ вами, въ легкихъ судахъ, да иные бы мои воеводы князь Борисъ Оболенской Туреня, и князь Ѳедоръ Курбской, и князь Іванъ Шаховской, и князь Дмитрей Оболенской, и Костянтинъ Сабуровъ, и князь Михайловъ сынъ Дѣева, и брата моего князь Андрѣевъ воевода князь Семенъ Стародубской, промышляли бы есте моимъ дѣломъ, да опосле того писано дѣло (Сл. Разрядн. кн. Бекетова у *Кар.* VI, пр. 299).

О войнѣ Русскихъ съ Казанью въ 1482 г. говорится и въ лѣтописяхъ; но царь Казанскій по имени не означенъ нигдѣ, исключая одной *Арх.*, гдѣ названъ онъ еще, вѣроятно по старой памяти, Ибрагимомъ. Вотъ что, между прочимъ, говорятъ лѣтописи: *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 233: Того же лѣта (6990) поиде великій князь съ братьею къ Казани и увернуся изъ Володимеря, а судовая рать ходила мало не до Казани и умиришася (*Свр.* II, 223; *Лв.* III, 178, подъ 6991 г.; *Про.* 305). *Тамъ же*, 234: Того же лѣта (6990) поча князь велики рать замышляти, на Казань хотѣ ити, воеводы же свои напередъ себе съ своимъ воемъ князь велики посла и Аристотеля съ пушками, самъ же князь велики со всѣмъ воемъ своимъ стоя въ Володимери; воеводы же дондоша и Аристотель съ пушками до Новагорода до Нижнего, ту же царь Казаньскій присла съ челобитьемъ (*Свр.* II, 226; *Лв.* III, 183, 184, подъ 6992 г.; въ *Лв.* послѣ словъ: «съ челобитьемъ», прибавлено: «Князь же Великій пожаловалъ его и возвратился»). *Арх.* 160: Тогоже лѣта (6990) посылалъ князь

великій Иванъ Васильевичь рать подъ Казань на царя Абреима; и воеводы великаго князя стояли на Волзѣ лѣто все, да со царемъ смирилися, и прочь пошли.

(см. выше, пр. 21, стр. 52, 53). Вскорѣ начались въ Казани смуты и безпорядки. Явился соперникъ Ильгаму въ лицѣ младшаго его брата Мухаммедъ-Амина. Царевичь этотъ, рожденный отъ другой жены Ибрагима, Нуръ-султаны, хотя и взятой царемъ въ замужство послѣ Ильгамовой матери, но считавшейся старшей (см. выше, пр. 21, стр. 52), вздумалъ предъявить права свои на престолъ. При дворѣ образовались партіи; не въ силахъ ничего сдѣлать сами, онѣ рѣшились обратиться къ Россіи. Иванъ III вмѣшался. Съ помощью его, оба сына Ибрагима стали чередоваться на престолѣ. Кончилось тѣмъ, что въ 1487 г. Ильгамъ лишился на всегда власти. Высланныя противъ него войска Русскія овладѣли его столицею Казанью, захватили его самаго съ семействомъ, и окончательно посадили на царство Мухаммедъ-Амина. Ильгамъ, привезенный въ Москву, былъ сосланъ съ женой въ Вологду; мать же, сестры и два брата его, попавшіеся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ, были отправлены въ Карголомъ на Бѣлоозеро [62]). Братья эти были

[62]) Объ исторіи Казани отъ смерти Ибрагима до вступленія въ 1487 г. на престолъ Мухаммедъ-Амина, въ лѣтописяхъ нашихъ весьма мало свѣдѣній. Изъ нихъ узнаемъ только: 1) что въ 1482 г. была у Русскихъ

война съ Казанью (см. предъид. прим.); 2) что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, именно въ 1487 г., Казань была взята войскомъ великокняжескимъ, Ильгамъ сынъ Ибрагима, тамошній царь, попалъ съ семьею въ плѣнъ, и на его мѣсто возведенъ былъ братъ его, Мухаммедъ-Аминъ. Лѣтописи описываютъ это происшествіе, однѣ—съ меньшими, другія—съ бо́льшими подробностями. Представлю сводъ имъ. Начну съ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 217. «Тое же весны (6995), априля 11», сказано въ ней, «отпустилъ князь велики Иванъ Василіевичь всеа Руси воеводъ своихъ х Казани, князя Данила Дмитреевича Хлъмскаго, да князя Александра Василіевича Оболенского, да князя Семена Ивановича Рѧполовского да князя Семена Романовича, въ четвертокъ великій; а царя Махметь Аминя Казанского отпустилъ князь велики на другой недѣли по Велицѣ дни, въ вторникъ, 24 априля. А пришли въеводы съ силами подъ городъ Казань мѣсяца маія въ 18 день, въ четвертокъ на пятой недѣлѣ по Велицѣ дни, и взяша градъ Казань іюля въ 9 день, и царя Алегама Казаньского изымаша, съ матерію, и съ царицею, и съ двѣма браты, и съ сестрою и съ его князми. О взятіи Казани. Того же лѣта, іюля въ 20 день, приде вѣсть къ великому князю, что городъ Казань взяли воеводы его, а царя поимали; а пригонилъ съ тою вѣстію князь Федоръ Хрипунъ Рѧполовской. И князь велики Иванъ Василіевичь царя Махметь Аминя изъ своей руки посадилъ на царство въ Казани, а коромолнихъ князей и улановъ полоненыхъ Казанскихъ смертью казнилъ,

и иныхъ коромолниковъ; а царя Алегама князь велики и съ царицею послалъ въ заточеніе на Вологду, а матерь его и братію и сестръ послалъ въ заточеніе на Бѣлоозеро въ Карголомъ». Тоже самое, что въ *Вскр.*, читаемъ въ *Ник.* VI, 121, 122, *Про.* 313, 314, *Нов.* 4 *лѣт.* (оконч. хроногр.) П. С. Р. Л. IV, 156, и *Ср.* II, 349, 350. Почти вся разница состоитъ въ правописаніи именъ собственныхъ; такъ *Махметь Аминь* названъ: въ *Ник.* *Махмѣтаминь* и *Махметамемъ*, въ *Про.* *Махметь Минь*, въ *Нов.* 4 *лѣт.* *Ахметъ Аминь*, въ *Ср.* *Ахметъ-Аминь* и *Махметь-Аминь*; а *Алегамъ* названъ въ *Ник.* *Алегемъ*. Въ *Про.* сказано, что въ Карголомъ сосланы были не *сестры*, а *сестра* Алегама. Еще тоже самое, что въ *Вскр.*, но въ сокращенномъ видѣ, читаемъ во *Врм.* II, 147, 148, и въ *Нов.* 4 *лѣт.* (оконч. акад. списка) П. С. Р. Л. IV, 135. *Махметь Аминь* названъ: во *Врм.* *Магметъ Аминь*, а въ *Нов.* 4 *лѣт.* *Махметъ Яминь*; *Алегамъ* же названъ: во *Врм.* *Алемагъ*, а въ *Нов.* 4 *лѣт.* *Легамъ* и *Алегамъ*. См. также *Ст.* II, 152. *Арх.* описываетъ нѣкоторыя обстоятельства взятія Казани немного подробнѣе; въ ней же объясняется, между прочимъ, и выѣздъ въ Россію Мухаммедъ-Амина, чего нѣтъ ни въ *Вскр.*, ни въ другихъ, указанныхъ мною лѣтописяхъ. «Тогожъ лѣта (6994)», значится въ *Арх.* 163—165, «исъ Казани прибѣглъ къ великому князю Ивану Васильевичю царь Махмедеминъ отъ брата своего отъ царя Аляхама, да билъ челомъ великому князю, а назвалъ себѣ его великаго князя отцемъ, а

просилъ у него силы на брата своего на Аляхама царя Казанскаго, и князь великій силу рекъ ему дати. Въ лѣто 6995, князь великій Иванъ Васильевичь посла рать на Казанскаго царя Аляхама; а воеводы были, князь Данило Холмскій, да князь Семенъ Ряполовскій; и пришла сила великаго князя подъ Казань, и конная и судовая вся. И царь Аляхамъ изъ города исъ Казани со князьми своими и съ силою выѣхалъ противъ воеводъ великаго князя, мало побився, и въ городъ побѣже, а воеводы городъ Казань обсѣли, и острогъ около города доспѣли. Единъ князь Тотарскій имянемъ Алгазый (т. е. علی غازی — Али-газы; у Татаръ имя это произносится часто: Алгазы) со царемъ въ городъ не полѣзлъ, тотъ зла много чинилъ (войскамъ?) великаго князя, а послѣ, того князя, сила великаго князя прогна за Каму въ поле, а царь Аляхамъ сидѣ въ городѣ три недѣли, и на всякъ день Татарове изъ города вылазя билися съ Русью, и приде на царя и на Татаръ изнеможеніе, и царь Аляхамъ самъ выиде изъ города неволею въ руки воеводамъ великаго князя, ко князю Данилу Дмитреевичю Холмскому, да ко князю Семену Ивановичю Ряполовскому, и городъ взяли, и матерь цареву, и его царицу вывели, и многихъ князей Тотарскихъ и княгинь поимали, Іюля въ 9 день, Пагкратія Тавроменійскаго. А воеводы великаго князя, князь Данило Холмской, да князь Семенъ Ряполовской, и по наказу великаго князя посадили на Казани царя Махмедемина, а сами пошли къ Москвѣ, а ведучи съ собою царя Аляхама и матерь и съ женою и съ братьею, и

Взглянемъ теперь на дальнѣйшую участь Сатылгана.

Въ первый разъ послѣ 1496 г. говорится о немъ подъ 1504 г. [60]). 16 іюня этого года заключена была,

[60]) Въ *Башм. разр. кн.* упоминается еще Сатылганъ подъ 1499 г.; въ ней, подъ этимъ годомъ, читаемъ слѣдующее: «Тогоже году (7007) послалъ государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі х Казани полемъ къ царю Казанскому беречь ево отъ Урака и отъ Солтагана воеводъ своихъ». Тутъ, безъ сомнѣнія, ошибка; странно было бы воеводамъ Русскимъ беречь Казань отъ своего же служилаго царевича. Вмѣсто: «отъ Солтагана», слѣдуетъ читать: «отъ Агалака», какъ это и сказано въ лѣтописяхъ (въ однихъ лѣтописяхъ происшествіе это занесено подъ 1499 г., а въ другихъ—подъ 1500 г.). Карамзинъ, въ пр. 520 къ Т. VI, со ссылкою же на Разрядн. кн. г. 1501, пишетъ, что: Іоаннъ 7 авг. послалъ (на помощь Менгли-гирею противъ Золото-Ордынскаго хана Шейхъ-Ахмеда) Магметъ - Аминя съ Нордоулатовыми Уланами и К. Ноздроватаго, велѣвъ имъ взять съ собою Воеводъ Рязанскихъ, *Великой Княгини* (т. е. Аграфены Федоровны, жены великаго князя Рязанскаго Ивана Васильевича, умершаго 29 мая 1500 г.; она правила за малолѣтствомъ сына своего Ивана, см. Иловайскаго, Исторія Рязанскаго княжества. Москва, 1858, стр. 221, 222) и К. Θеодора (Рязанскаго, того самого, который заключилъ договоръ въ 1496 г. съ братомъ своимъ, великимъ князем Рязанскимъ Иваномъ Васильеви-

ихъ сведоша, достальныхъ же Казанцовъ покориша Московскому государству. И заточи Князь Великій *Алехама* Царя (*приб.* со Царицею его на Вологдѣ. Матерь же Цареву и со двема Царевичи ея заточи) на *Бѣло озеро*, тамо же въ заточеніи томъ умре Царь и мати его. И (*чит.* и) братъ Царевъ *Мелендаръ*, другія же Царевичь остася живъ (*приб.* тогожъ изведе истемницы, и крести его) и дастъ за него Князь Великій дщерь свою. И се тогда второе взята бысть Казань отъ начала ея въ лѣто 6995 (*приб.* іюля въ 9 день на память св. священномученика Пагкратія). И посади на Казани служилаго своего Царя *Махметемина Абрегимовича*, пріѣхавшаго изъ Казани къ Москвѣ съ братомъ своимъ *Абделетифомъ*, служити Великому Князю (*приб.* и данъ бысть ему отъ него свотчину градъ Кошира, другому же брату иные грады. Отъѣхаста бо Царевичи тыя отъ большаго брата своего *Алехама* Царя Казаньскаго скоторавшеся снимъ о нѣкоей вещи, нестерпѣвше отъ него обиды многія. Онижъ и подняша Великого Князя на Казань взяти, да не царствуетъ на Казани братъ единъ смияся имъ и досаждая). (Ср. *Подр. лѣт.* II, 55, 56; сходится со спискомъ № 74, но имена собственныя писаны иначе: вмѣсто *Алехамъ* — *Алехамъ* и *Алемахъ*, вмѣсто *Махметеминъ* — *Матмелинъ*, а вмѣсто *Мелендаръ* — *Милиндиръ*; еще сказано въ *Подр. лѣт.* что великій князь выдалъ за царевича Казанскаго не дочь, а сноху свою). Особое значеніе заключаетъ въ себѣ разсказъ *Соф. 2 лѣт.* «Того же лѣта (6993=1485)»,

сказано въ ней (П. С. Р. Л. VI, 237, 238), «пріѣха царевичь, Казаньского царя сына, а Темиревъ внукъ «еще бѣ малъ,» къ великому князю; князь же великій пріятъ его... Того же лѣта прислаша Казанци къ великому князю, а ркучи такъ: «что есмя отпустили къ тебѣ царевича на томъ, что почнетъ нашь царевичь, царя нашего а меншицинъ[1] сынъ, надъ нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего къ намъ; и нынѣча нашь царевичь, а меншицинъ сынъ, услышавъ то да зазвавши насъ къ себѣ на пиръ хотѣлъ насъ перетеряти, и мы въ поле убѣжали, и онъ ѣхавши въ городъ да окрѣпивши городъ да за нами пошелъ въ поле». Того же лѣта, о Велицѣ дни, князь великій собравъ силу многу посла съ царевичемъ Казаньскимъ на Казань въ судѣхъ, а кони берегомъ повелѣ гнати... Въ той же день (на Ильинъ день) пригонилъ отъ Казани князь Өедоръ Хрипунъ Ряполовской, повѣдая великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поимали; князь же великій радъ бывъ и посла къ митрополиту повелѣ молебная съвершати: митрополитъ же повелѣ звонити во вся колоколы, и по всему граду повелѣніемъ великого князя молебная свершиша и хвалу Богу воздаша; царя же приведоша къ Москвѣ въ четвергъ за недѣлю до Оспожина дни, и посадиша въ городѣ на княжо Даниловѣ дворѣ Александровича Ярославского, приведоша же и матерь его и двѣ жены его... Въ лѣто 6996... Тое же зимы князь велики царя Казаньского поиманаго посла въ заточеніе на Вологду» (*Сер.* II, 231—233). Хотя въ этомъ разсказѣ дѣй-

ствующія лица, цари Казанскіе, не названы по именамъ и годъ выставленъ не тотъ, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что происшествіе, описываемое *Соф. 2 лѣт.*, ничто иное, какъ то самое взятіе Казани, которое другія лѣтописи относятъ къ 1487 г. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ просто сличить тексты: многія подробности тѣ же, безъ малѣйшей разницы; да и прозвище «Темиревъ внукъ» почти прямо указываетъ на Мухаммедъ-Амина, который, какъ извѣстно, былъ сынъ Ибрагима и Нуръ-султаны, дочери Темира (см. выше, пр. 21, стр. 52). Для меня разсказъ *Соф. 2 лѣт.* кажется въ особенности важенъ потому, что онъ сообщаетъ извѣстіе о пріѣздѣ посланцевъ Казанскихъ, и приводитъ слова ихъ, въ которыхъ они одного изъ царей своихъ, очевидно Ильгама, въ послѣдствіи плѣненнаго и сосланнаго въ Вологду, зовутъ: «царя нашего (кого, какъ не Ибрагима?) а меншицинъ сынъ (т. е. меньшой жены сынъ)». Этого указанія мы нигдѣ не встрѣчаемъ, а оно раскрываетъ многое: становится ясна причина, почему Мухаммедъ-Аминъ, младшій братъ, можетъ соперничать съ старшимъ — Ильгамомъ; права свои на престолъ онъ основываетъ на значеніи матери (см. выше, пр. 21, стр. 52, 53). Годъ 1485 вмѣсто 1487 въ *Соф. 2 лѣт.*, безъ сомнѣнія, обозначенъ по ошибкѣ. Ошибка же въ лѣтосчисленіи, но еще бо̀льшая, сдѣлана и въ *Лв.* III, 195–199. Въ *Лв.* разсказъ сходенъ съ описаніемъ *Соф. 2 лѣт.*; но пріѣздъ Темирова внука и посланцевъ Казанскихъ отнесенъ къ 6997 (1489) г., походъ на Казань— къ 6998 (1490) г., а ссылка плѣннаго царя въ Волог-

(*Кар.* VI, 114 и пр. 296). По смерти Ибрагима вступилъ на престолъ старшій сынъ его Ильгамъ [61])

[61]) Въ разрядахъ уже подъ 1482 г. Ильгамъ называется царемъ Казанскимъ. Въ *Башм. разр. кн.* читаемъ: «Лѣта 6990 году стояли воеводы въ Нижнемъ Новѣгородѣ по Казанскимъ вестямъ князь Борисъ Михайловичь Оболенской, князь Іванъ Васильевичь Оболенской, князь Ѳедоръ Курбской, Семенъ Івановичь Пѣшковъ, князь Дмитрей Оболенской, Костянтинъ Сабуровъ, князь Костянтинъ Шаховской. Тогожъ году на Вятке были воеводы тогдыжь Василей Ѳедоровичь Сабуровъ, да Василей Ѳедоровичь Образецъ Симской, да князь Семенъ Івановичь Ряполовской. Тогожъ году іюля въ 16 день, въ Казанскихъ книгахъ въ посольствахъ написано: въ Нижнемъ Новѣгородѣ стояли воеводы отъ великого князя Івана беречь отъ Алега царя, бояринъ князь Іванъ Васильевичь съ товарыщи. И государь князь великиі послалъ къ боярину ко князю Івану Васильевичю съ товарыщи грамоту, и съ наказомъ Івана Писемского, и писано въ рѣчи, а се говорить отъ великого князя Івану Писемскому бояромъ и воеводамъ князю Івану Васильевичю, да князю Семену Івановичю, да князю Борису Оболенскому, да князю Ѳедору Курбскому, да князю Івану Шаховскому, да князю Дмитрею Оболенскому, да Костянтину Сабурову: Князь великиі велелъ вамъ говорить: послалъ есми къ царю во Казань князя Івана Звенца и Бурнака есми къ нимъ отпустилъ, и вы бъ отобрались съ

тѣми людьми, которые съ вами, въ легкихъ судахъ, да иные бы мои воеводы князь Борисъ Оболенской Туреня, и князь Ѳедоръ Курбской, и князь Іванъ Шаховской, и князь Дмитрей Оболенской, и Костянтинъ Сабуровъ, и князь Михайловъ сынъ Дѣева, и брата моего князь Андрѣевъ воевода князь Семенъ Стародубской, промышляли бы есте моимъ дѣломъ, да опосле того писано дѣло (Сл. Разрядн. кн. Бекетова у *Кар.* VI, пр. 299).

О войнѣ Русскихъ съ Казанью въ 1482 г. говорится и въ лѣтописяхъ; но царь Казанскій по имени не означенъ нигдѣ, исключая одной *Арх.*, гдѣ названъ онъ еще, вѣроятно по старой памяти, Ибрагимомъ. Вотъ что, между прочимъ, говорятъ лѣтописи: *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 233: Того же лѣта (6990) поиде великій князь съ братьею къ Казани и увернуся изъ Володимеря, а судовая рать ходила мало не до Казани и умиришася (*Сгр.* II, 223; *Лв.* III, 178, подъ 6991 г.; *Про.* 305). *Тамъ же*, 234: Того же лѣта (6990) поча князь велики рать замышляти, на Казань хотѣ ити, воеводы же свои напередъ себе съ своимъ воемъ князь велики посла и Аристотеля съ пушками, самъ же князь велики со всѣмъ воемъ своимъ стоя въ Володимери; воеводы же доидоша и Аристотель съ пушками до Новагорода до Нижнего, ту же царь Казаньскій присла съ челобитьемъ (*Сгр.* II, 226; *Лв.* III, 183, 184, подъ 6992 г.; въ *Лв.* послѣ словъ: «съ челобитьемъ», прибавлено: «Князь же Великій пожаловалъ его и возвратился»). *Арх.* 160: Тогоже лѣта (6990) посылалъ князь

великій Иванъ Васильевичь рать подъ Казань на царя Абреима; и воеводы великаго князя стояли на Волзѣ лѣто все, да со царемъ смирилися, и прочь пошли.

(см. выше, пр. 21, стр. 52, 53). Вскорѣ начались въ Казани смуты и безпорядки. Явился соперникъ Ильгаму въ лицѣ младшаго его брата Мухаммедъ-Амина. Царевичь этотъ, рожденный отъ другой жены Ибрагима, Нуръ-султаны, хотя и взятой царемъ въ замужство послѣ Ильгамовой матери, но считавшейся старшей (см. выше, пр. 21, стр. 52), вздумалъ предъявить права свои на престолъ. При дворѣ образовались партіи; не въ силахъ ничего сдѣлать сами, онѣ рѣшились обратиться къ Россіи. Иванъ III вмѣшался. Съ помощью его, оба сына Ибрагима стали чередоваться на престолѣ. Кончилось тѣмъ, что въ 1487 г. Ильгамъ лишился на всегда власти. Высланныя противъ него войска Русскія овладѣли его столицею Казанью, захватили его самаго съ семействомъ, и окончательно посадили на царство Мухаммедъ-Амина. Ильгамъ, привезенный въ Москву, былъ сосланъ съ женой въ Вологду; мать же, сестры и два брата его, попавшіеся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ, были отправлены въ Карголомъ на Бѣлоозеро [62]). Братья эти были

[62]) Объ исторіи Казани отъ смерти Ибрагима до вступленія въ 1487 г. на престолъ Мухаммедъ-Амина, въ лѣтописяхъ нашихъ весьма мало свѣдѣній. Изъ нихъ узнаемъ только: 1) что въ 1482 г. была у Русскихъ

война съ Казанью (см. предъид. прим.); 2) что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, именно въ 1487 г., Казань была взята войскомъ великокняжескимъ, Ильгамъ сынъ Ибрагима, тамошній царь, попалъ съ семьею въ плѣнъ, и на его мѣсто возведенъ былъ братъ его, Мухаммедъ-Аминъ. Лѣтописи описываютъ это происшествіе, однѣ—съ меньшими, другія—съ бо́льшими подробностями. Представлю сводъ имъ. Начну съ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 217. «Тое же весны (6995), априля 11», сказано въ ней, «отпустилъ князь велики Иванъ Василіевичь всеа Руси воеводъ своихъ х Казани, князя Данила Дмитреевича Хлъмскаго, да князя Александра Василіевича Оболенского, да князя Семена Ивановича Ряполовского да князя Семена Романовича, въ четвертокъ великій; а царя Махметь Аминя Казанского отпустилъ князь велики на другой недѣли по Велицѣ дни, въ вторникъ, 24 априля. А пришли въеводы съ силами подъ городъ Казань мѣсяца маія въ 18 день, въ четвертокъ на пятой недѣлѣ по Велицѣ дни, и взяша градъ Казань іюля въ 9 день, и царя Алегама Казаньского изымаша, съ матерію, и съ царицею, и съ двѣма браты, и съ сестрою и съ его князми. О взятіи Казани. Того же лѣта, іюля въ 20 день, приде вѣсть къ великому князю, что городъ Казань взяли воеводы его, а царя поимали; а пригонилъ съ тою вѣстію князь Федоръ Хрипунъ Раполовской. И князь велики Иванъ Василіевичь царя Махметь Аминя изъ своей руки посадилъ на царство въ Казани, а коромолнихъ князей и улановъ полоненыхъ Казанскихъ смертью казнилъ,

и иныхъ коромолниковъ; а царя Алегама князь велики и съ царицею послалъ въ заточеніе на Вологду, а матерь его и братію и сестръ послалъ въ заточеніе на Бѣлоозеро въ Карголомъ». Тоже самое, что въ *Вскр.*, читаемъ въ *Ник.* VI, 121, 122, *Про.* 313, 314, *Нов.* 4 *лѣт.* (оконч. хроногр.) П. С. Р. Л. IV, 156, и *Сер.* II, 349, 350. Почти вся разница состоитъ въ правописаніи именъ собственныхъ; такъ *Махметъ Аминъ* названъ: въ *Ник.* *Махмѣтаминъ* и *Махметамемъ*, въ *Про.* *Махметъ Минъ*, въ *Нов.* 4 *лѣт.* *Ахметъ Аминъ*, въ *Сер.* *Ахметъ-Аминъ* и *Махметъ-Аминъ*; а *Алегамъ* названъ въ *Ник.* *Алегемъ*. Въ *Про.* сказано, что въ Карголомъ сосланы были не *сестры*, а *сестра* Алегама. Еще тоже самое, что въ *Вскр.*, но въ сокращенномъ видѣ, читаемъ во *Врм.* II, 147, 148, и въ *Нов.* 4 *лѣт.* (оконч. акад. списка) П. С. Р. Л. IV, 135. *Махметъ Аминъ* названъ: во *Врм.* *Магметъ Аминъ*, а въ *Нов.* 4 *лѣт.* *Махметъ Яминъ*; *Алегамъ* же названъ: во *Врм.* *Алемагъ*, а въ *Нов.* 4 *лѣт.* *Легамъ* и *Алегамъ*. См. также *Ст.* II, 152. *Арх.* описываетъ нѣкоторыя обстоятельства взятія Казани немного подробнѣе; въ ней же объясняется, между прочимъ, и выѣздъ въ Россію Мухаммедъ-Амина, чего нѣтъ ни въ *Вскр.*, ни въ другихъ, указанныхъ мною лѣтописяхъ. «Тогожъ лѣта (6994)», значится въ *Арх.* 163—165, «исъ Казани прибѣглъ къ великому князю Ивану Васильевичю царь Махмедеминъ отъ брата своего отъ царя Аляхама, да билъ челомъ великому князю, а назвалъ себѣ его великаго князя отцемъ, а

просилъ у него силы на брата своего на Аляхама царя Казанскаго, и князь великій силу рекъ ему дати. Въ лѣто 6995, князь великій Иванъ Васильевичь посла рать на Казанскаго царя Аляхама; а воеводы были, князь Данило Холмскій, да князь Семенъ Ряполовскій; и пришла сила великаго князя подъ Казань, и конная и судовая вся. И царь Аляхамъ изъ города исъ Казани со князьми своими и съ силою выѣхалъ противъ воеводъ великаго князя, мало побився, и въ городъ побѣже, а воеводы городъ Казань обсѣли, и острогъ около города доспѣли. Единъ князь Тотарскій имянемъ Алгазый (т. е. علی غازی — Али-газы; у Татаръ имя это произносится часто: Алгазы) со царемъ въ городъ не полѣзъ, тотъ зла много чинилъ (войскамъ?) великаго князя, а послѣ, того князя, сила великаго князя прогна за Каму въ поле, а царь Аляхамъ сидѣ въ городѣ три недѣли, и на всякъ день Татарове изъ города вылазя бился съ Русью, и приде на царя и на Татаръ изнеможеніе, и царь Аляхамъ самъ выиде изъ города неволею въ руки воеводамъ великаго князя, ко князю Данилу Дмитреевичю Холмскому, да ко князю Семену Ивановичю Ряполовскому, и городъ взяли, и матерь цареву, и его царицу вывели, и многихъ князей Тотарскихъ и княгинь поимали, Іюля въ 9 день, Пагкратіа Тавроменійскаго. А воеводы великаго князя, князь Данило Холмской, да князь Семенъ Рaполовской, и по наказу великаго князя посадили на Казани царя Махмедемина, а сами пошли къ Москвѣ, а ведучи съ собою царя Аляхама и матерь и съ женою и съ братьею, и

со многими князьми Тотарскими и со княгинями; и князь великій воеводъ своихъ изжаловалъ и бояръ и дѣтей боярскихъ, кто чего достоенъ, а царя Аляхама посадилъ на Вологдѣ за сторожи и съ матерію и со царицею, а князей и княгинь и Тотаръ россажалъ по посельскимъ, а иныхъ привелъ къ ротѣ, что имъ государю хотѣть великому князю добра, и отпустилъ ихъ въ Казань». Съ разсказомъ *Арх.*, въ нѣкоторыхъ чертахъ, сходится и повѣствованіе Исторіи о Казанскомъ царствѣ. Авторъ ея точно также разсказываетъ о битвѣ, происходившей предъ взятіемъ Казани, и о выѣздѣ въ Россію Мухаммедъ-Амина; къ этому онъ прибавляетъ только, что царевичь выѣхалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Абд-ул-латифомъ. «По *Абреиме же* Царѣ Казанскомъ», пишетъ составитель *Ик.* 40 — 42, «воцарися на Казань сынъ его Царь *Алехамъ*, по взятіи же великаго Новаграда въ 9-е лѣто, по Тверскомъ же во второе, посла Князь Великій *Иванъ Васильевичь* воеводъ своихъ на Казанское царство съ великимъ воинствомъ Князя *Данила Холмского* да князя *Александра Оболенского* (*приб.* и Кн. *Семена Ряполовскаго*). И встрети ихъ Казанскій Царь *Алехамъ* съ Татары своими на рѣкѣ *Свіяги*. И бывшю у нихъ бою великому, и поможе Богъ Московскимъ воеводамъ, и побиша ту многихъ Казанцовъ, и мало ихъ живыхъ въ Казань утече, и града осадити не успѣша, и самого Царя Казанского *Алехама* жива съ собою руками взяша, и съ нимъ во градъ вшедше матерь его и Царицу его и дву братовъ его къ Москвѣ

ихъ сведоша, достальныхъ же Казанцовъ покориша Московскому государству. И заточи Князь Великій *Алехама* Царя (*приб.* со Царицею его на Вологдѣ. Матерь же Цареву и со двема Царевичи ея заточи) на *Бѣло озеро*, тамо же въ заточеніи томъ умре Царь и мати его. И (*чит.* и) братъ Царевъ *Мелендаръ*, другія же Царевичь остася живъ (*приб.* тогожъ изведе истемницы, и крести его) и дастъ за него Князь Великій дщерь свою. И се тогда второе взята бысть Казань отъ начала ея въ лѣто 6995 (*приб.* іюля въ 9 день на память св. священномученика Пагкратія). И посади на Казани служилаго своего Царя *Махметемина Абреимовича*, пріѣхавшаго изъ Казани къ Москвѣ съ братомъ своимъ *Абделетифомъ*, служити Великому Князю (*приб.* и данъ бысть ему отъ него вотчину градъ Кошира, другому же брату иные грады. Отъѣхаста бо Царевичи тыя отъ большаго брата своего *Алехама* Царя Казаньскаго скотеравшеся снимъ о нѣкоей вещи, нестерпѣвше отъ него обиды многія. Онижъ и подняша Великого Князя на Казань взяти, да не царствуетъ на Казани братъ единъ смияся имъ и досаждая). (Ср. *Подр. лѣт.* II, 55, 56; сходится со спискомъ *№* 74, но имена собственныя писаны иначе: вмѣсто *Алехамъ* — *Алехамъ* и *Алемахъ*, вмѣсто *Махметеминъ* — *Матмелинъ*, а вмѣсто *Мелендаръ*—*Милиндиръ*; еще сказано въ *Подр. лѣт.* что великій князь выдалъ за царевича Казанскаго не дочь, а сноху свою). Особое значеніе заключаетъ въ себѣ разсказъ *Соф. 2 лѣт.* «Того же лѣта (6993=1485)»,

сказано въ ней (П. С. Р. Л. VI, 237, 238), «пріѣха царевичь, Казаньского царя сына, а Темировъ внукъ «еще бѣ малъ,» къ великому князю; князь же великій пріятъ его... Того же лѣта прислаша Казанци къ великому князю, а ркучи такъ: «что есмя отпустили къ тебѣ царевича на томъ, что почнетъ нашь царевичь, царя нашего а меншицинъ[1] сынъ, надъ нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего къ намъ; и нынѣча нашь царевичь, а меншицинъ сынъ, услышавъ то да зазвавши насъ къ себѣ на пиръ хотѣлъ насъ перетерати, и мы въ поле убѣжали, и онъ ѣхавши въ городъ да окрѣпивши городъ да за нами пошелъ въ поле». Того же лѣта, о Велицѣ дни, князь великій собравъ силу многу посла съ царевичемъ Казаньскимъ на Казань въ судѣхъ, а кони берегомъ повелѣ гнати... Въ той же день (на Ильинъ день) пригонилъ отъ Казани князь Ѳедоръ Хрипунъ Ряполовской, повѣдая великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поимали; князь же великій радъ бывъ и посла къ митрополиту повелѣ молебная съвершати: митрополитъ же повелѣ звонити во вся колоколы, и по всему граду повелѣніемъ великого князя молебная свершиша и хвалу Богу воздаша; царя же приведоша къ Москвѣ въ четвергъ за недѣлю до Оспожина дни, и посадиша въ городѣ на княжо Даниловѣ дворѣ Александровича Ярославского, приведоша же и матерь его и двѣ жены его... Въ лѣто 6996... Тое же зимы князь велики царя Казаньского поиманаго посла въ заточеніе на Вологду» (*Сер*. II, 231—233). Хотя въ этомъ разсказѣ дѣй-

ствующія лица, цари Казанскіе, не названы по именамъ и годъ выставленъ не тотъ, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что происшествіе, описываемое *Соф. 2 лѣт.*, ничто иное, какъ то самое взятіе Казани, которое другія лѣтописи относятъ къ 1487 г. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ просто сличить тексты: многія подробности тѣ же, безъ малѣйшей разницы; да и прозвище «Темиревъ внукъ» почти прямо указываетъ на Мухаммедъ-Амина, который, какъ извѣстно, былъ сынъ Ибрагима и Нуръ-султаны, дочери Темира (см. выше, пр. 21, стр. 52). Для меня разсказъ *Соф. 2 лѣт.* кажется въ особенности важенъ потому, что онъ сообщаетъ извѣстіе о пріѣздѣ посланцевъ Казанскихъ, и приводитъ слова ихъ, въ которыхъ они одного изъ царей своихъ, очевидно Ильгама, въ послѣдствіи плѣненнаго и сосланнаго въ Вологду, зовутъ: «царя нашего (кого, какъ не Ибрагима?) а меншицинъ сынъ (т. е. меньшой жены сынъ)». Этого указанія мы нигдѣ не встрѣчаемъ, а оно раскрываетъ многое: становится ясна причина, почему Мухаммедъ-Аминъ, младшій братъ, можетъ соперничать съ старшимъ — Ильгамомъ; права свои на престолъ онъ основываетъ на значеніи матери (см. выше, пр. 21, стр. 52, 53). Годъ 1485 вмѣсто 1487 въ *Соф. 2 лѣт.*, безъ сомнѣнія, обозначенъ по ошибкѣ. Ошибка же въ лѣтосчисленіи, но еще бо́льшая, сдѣлана и въ *Лв.* III, 195—199. Въ *Лв.* разсказъ сходенъ съ описаніемъ *Соф. 2 лѣт.*; но пріѣздъ Темирова внука и посланцевъ Казанскихъ отнесенъ къ 6997 (1489) г., походъ на Казань— къ 6998 (1490) г., а ссылка плѣннаго царя въ Волог-

ду — къ 6999 (1491) г. Подъ 1485 же годомъ занесено взятіе Казани и въ *Пск. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. V, 44, гдѣ сказано: «Того же лѣта (6993) князь великый Іоанъ Васильевичь посла своего царевица съ множествомъ Тотаръ, и воеводъ своихъ Московскыхъ съ множествомъ вой, они же шедше взяша Казань» (*Пск. Пог.* 166). Еще въ *Густ. лѣт.* П. С. Р. Л. II, 358, читаемъ слѣдующее: «Въ лѣто 6977 (1469). Иванъ Василіевичъ посла свою великую рать, и водою и землею, на Обрема царя Татаръ Казанскихъ, иже пришедше побѣдиша его, и градъ его столный взяша, и самого емше принудиша изрещися царства своего; и оттолѣ самъ Іоанъ Василіевичъ царство Казанское пріять, и самъ царь нарицашеся, и преста дань даяти Таратомъ. Въ ту же зиму сами Татаре убиша сего Обрема, царя своего, яко погуби титлу царскую своимъ безуміемъ». Въ 1469 г. Русскіе, какъ извѣстно (*Кар.* VI, 16) ходили на Казань, и принудили Ибрагима просить мира, но не удалось имъ ни города взять, ни хана захватить въ плѣнъ. По всей вѣроятности, въ *Густ. лѣт.* слиты въ одно цѣлое происшествія 1469 и 1487 г. Любопытно, впрочемъ, извѣстіе объ убіеніи Ибрагима (Обрема): быть можетъ онъ и былъ дѣйствительно умерщвленъ Казанцами; во всякомъ случаѣ умеръ онъ не въ 1469 г., а гораздо позже (см. выше, стр. 157).

Къ свѣдѣніямъ объ Ильгамовой эпохѣ, почерпаемымъ изъ лѣтописей, можно присоединить и то, что говоритъ о ней Герберштейнъ въ своихъ: Rerum

Moscoviticarum Commentarii. По его словамъ, Ильгамъ, вступившій на престолъ послѣ смерти отца своего Ибрагима, не захотѣлъ во всемъ повиноваться приказаніямъ великаго князя; совѣтники великокняжескіе, которыхъ Иванъ держалъ въ Казани, чтобы наблюдать за дѣйствіями хана, разъ вечеромъ, напоили Ильгама гдѣ-то на пиру до пьяна, и посадили его въ повозку, но вмѣсто того, чтобы везти домой, проводили его прямо въ Москву. Великій князь, продержавъ хана нѣсколько времени, отправилъ его въ Вологду; мать же его и двухъ братьевъ, Абд-ул-латифа и Мухаммедъ-Амина, сослалъ на Бѣлоозеро. На мѣсто отвезеннаго въ Москву Ильгама, посаженъ былъ съ начала Абд-ул-латифъ; но и онъ былъ сведенъ съ престола. Тогда великій князь выпустилъ Мухаммедъ-Амина съ Бѣлоозера и возвелъ его на царство. «Cumque». продолжаемъ выписку изъ Герберштейнова сочиненія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы прервали ее выше, въ пр. 21, на стр. 51, «mandatis Mosci non ubique optemperaret, a Mosci consiliariis, quos ibi ut regis animum observarent, habebat, aliquando in convivio inebriatus, atque in vehiculum, ac si domum veheretur, positus, ea nocte ductus est Moscoviam versus, quem aliquandiu detentum, Princeps tandem in Vologdam misit, ubi reliquum aetatis peregit. Ejus autem matrem cum Abdelatiw et Mahmedemin fratribus, Bieloosero relegavit... Alega porro ita in Moscoviam abducto, Abdelatiw sufficitur: qui cum pari ratione, ut Alega, regno amotus fuisset, Mahmedemin ex Bieloosero emissum,

Princeps in ejus locum substituit» (ср. Sarmatiae Europeae descriptio Alexandri Guagnini. Spirae. MDLXXXI, стр. 105, въ статьѣ: De regno Cazanensi). Какъ видно, свѣдѣнія, сообщаемыя Герберштейномъ, скудны; къ тому же и то, что онъ говоритъ о взятіи Ильгама и о царствованіи Абд-ул-латифа (который дѣйствительно правилъ Казанью, но гораздо позже) такъ противорѣчитъ указаніямъ всѣхъ, безъ исключенія, лѣтописцевъ, что не внушаетъ довѣрія.

Если бъ о Казани за эпоху Ильгама только и были тѣ данныя лѣтописей и Герберштейна, которыя мы привели, то мы бы смѣло могли сказать, что эта эпоха составляетъ одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ исторіи Казанскаго ханства. Но существуетъ еще источникъ, на который до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не было обращено должнаго вниманія. Въ виду у меня разрядныя книги. Приведу по *Башм. разр. кн.* все что касается Ильгамовой эпохи, за исключеніемъ уже сообщеннаго мною, въ предъидущемъ примѣчаніи, описанія Казанской войны 1482 года. «Лѣта 6992 (1484) году писалъ князь великіі Іванъ Васильевичь всеа Росіі съ Москвы воеводамъ на Казанского царя Олехама, а были воеводы по полкомъ. Въ болшомъ полку: князь Данило Дмитріевичь Холмской, да князь Осипъ Андрѣевичь Дорогобужской. Въ передовомъ полку: князь Семенъ Івановичь Раполовской, да князь Өедоръ Івановичь Раполовской Хрипунъ.
Въ правой рукѣ: князь Александра Васильевичь Оболенской, да Іванъ Борисовичь Захарьинъ (слѣдуетъ

вмѣсто: «Захарьинъ», читать: «Тверитинъ»; см. ниже разр. 1487 г.) Бороздинъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Семенъ Романовичь Ярославской, да князь Василей Івановичь Лущиха Хованской. И воеводы тогды Казань взяли, и царя Алехама изымали, а Магметъ Аминя царя въ Казани на царство посадили, по великого князя наказу. Въ лѣто 6993 (1485) году государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Русіі отпустилъ въ Казань Алегама царевича, а съ нимъ послалъ воеводъ своихъ князя Василья Івановича Оболенского, да Юрья Захарьевича, да князя Семена Романовича Ярославского, да князя Івана Васильевича Ромоданавского, на Магмедь Аминя царя, и Алегамъ царевичь, пришедъ, сѣлъ на Казани. А Мамадининь царь съ Казани збежалъ.

Лѣта 6994 (1486) году государь князь великиі послалъ въ Казань къ Магмедь-Аминю царю для береженія воеводъ своихъ князя Василья Івановича Оболенского, да князя Василья Дмитреевича Тулупева, да князя Тимоѳѣя Александровича Тростенского, по его Магмедь-Аминеве присылке, что онъ хотѣлъ братью меншую (здѣсь дѣло, по всей вѣроятности, идетъ объ Ильгамѣ, который, какъ мы видѣли, считался меньшимъ, не смотря на старшинство лѣтъ; см. выше, стр. 167) государю и великому князю выдать, и князи Казанские ему братьи выдать не дали, и самого хотѣли убить, и онъ ушелъ къ великого князя воеводамъ, и Казанцы прислали за нимъ бить челомъ, и онъ съ ними помирився, сѣлъ опять на Казани... Лѣта 6995 (1487) году взятіе Казанское при великомъ князе

Іване Васильевиче всеа Русі, а воеводы были по полкомъ. Въ болшомъ полку: князь Данило Бужской (слѣдуетъ вмѣсто: «*Бужской*», читать: «Холмской, да князь Осипъ Андрѣевичь Дорого*бужской*»; см. выше, разр. 1484 г.). Въ передовомъ полку: князь Семенъ Івановичь Ряполовской. Въ правой рукѣ: князь Александръ Васильевичь Оболенской, да Іванъ Борисовичь Тверитинъ Бороздинъ, да князь Андрѣевъ Васильевича воевода, князь Василей Никитичь Оболенской. Въ лѣвой рукѣ князь Семенъ Романовичь Ярославской, да князь Борисовъ воевода Борисовича, князь Василей Івановичь Хованской Ушакъ Лущиха, а шли воеводы въ судѣхъ. А берегомъ государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі отпустилъ х Казанижь воеводъ своихъ на коняхъ князя Ѳедора Хрипунова, да князя Василья Мниха Семеновичевъ Рлполовскихъ Стародубскихъ. А какъ всѣ воеводы судовые и конные сойдутца подъ Казань, ино князю Ѳедору Хрипунову и князю Василью Мниху Ряполовскимъ быть въ передовомъ полку со княземъ Семеномъ Івановичемъ Ряполовскимъ. Да х Казанижь государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі послалъ полемъ ко князю Данилу Дмитреевичу Холмскому на помочь воеводъ своихъ князя Василья Ѳедоровича Шуйсково, да Дмитрея Івановича Конъдырева. А въ судѣхъ х Казанижь государь князь великиі послалъ на помочь къ воеводамъ князь Івана Васильевича Ромодановсково. И государевы и великого князя воеводы тѣмъ походомъ Казань взяли, и царя Алехама изымали, а Могмедь Аминя

царя на царство посадили на Казань, по великого князя приказу. А съ сеунчомъ къ великому князю воеводы послали князя Ѳедора Хрипуна Ряполовского».

Свѣдѣнія, находимыя въ *Башм. разр. кн.*, значительно пополняютъ пробѣлъ между 1484 и 1487 г. Оказывается, что кромѣ взятія Казани Русскими въ 1487 г., было еще два: одно въ 1484 г., а другое въ 1485 г. (Вѣроятно отъ этого и произошла въ лѣтописяхъ, путаница въ лѣтосчисленіи). Мы видимъ сверхъ того, какъ въ ханствѣ безпрестанно мѣняются цари: то правитъ Ильгамъ, то властвуетъ братъ его Мухаммедъ-Аминъ; смѣны эти происходятъ ежегодно, и, замѣтимъ, чуть ли не всегда, благодаря вмѣшательству великаго князя. Такъ, въ 1484 г. Ильгамъ взятъ Русскими, а на его мѣсто возведенъ Мухаммедъ-Аминъ; въ 1485 г. Ильгамъ Русскими же посаженъ на престолъ; въ 1486 г. царемъ является опять Мухаммедъ-Аминъ, которому Иванъ посылаетъ войска свои «для береженья»; наконецъ въ 1487 г. Ильгамъ, успѣвшій уже снова сдѣлаться царемъ, захваченъ въ плѣнъ войсками великокняжескими, Казань взята, и воеводы, по приказанію Ивана, провозглашаютъ по прежнему царемъ Мухаммедъ-Амина. Вникая въ эти факты въ связи съ тѣми, которые извѣстны намъ изъ лѣтописей и изъ сочиненія Герберштейна, мы можемъ ближе оцѣнить тогдашнюю политику Ивана: видимъ, что призванный силою обстоятельствъ, вмѣшаться въ дѣла Казани и кончить споръ между двумя соперниками, онъ не вдругъ произноситъ

Princeps in ejus locum substituit» (ср. Sarmatiae Europeae descriptio Alexandri Guagnini. Spirae. MDLXXXI, стр. 105, въ статьѣ: De regno Cazanensi). Какъ видно, свѣдѣнія, сообщаемыя Герберштейномъ, скудны; къ тому же и то, что онъ говоритъ о взятіи Ильгама и о царствованіи Абд-ул-латифа (который дѣйствительно правилъ Казанью, но гораздо позже) такъ противорѣчитъ указаніямъ всѣхъ, безъ исключенія, лѣтописцевъ, что не внушаетъ довѣрія.

Если бъ о Казани за эпоху Ильгама только и были тѣ данныя лѣтописей и Герберштейна, которыя мы привели, то мы бы смѣло могли сказать, что эта эпоха составляетъ одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ исторіи Казанскаго ханства. Но существуетъ еще источникъ, на который до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не было обращено должнаго вниманія. Въ виду у меня разрядныя книги. Приведу по *Башм. разр. кн.* все что касается Ильгамовой эпохи, за исключеніемъ уже сообщеннаго мною, въ предъидущемъ примѣчаніи, описанія Казанской войны 1482 года. «Лѣта 6992 (1484) году писалъ князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росіі съ Москвы воеводамъ на Казанского царя Олехама, а были воеводы по полкомъ. Въ болшомъ полку: князь Данило Дмитріевичь Холмской, да князь Осипъ Андрѣевичь Дорогобужской. Въ передовомъ полку: князь Семенъ Івановичь Ряполовской, да князь Ѳедоръ Івановичь Ряполовской Хрипунъ.
Въ правой рукѣ: князь Александра Васильевичь Оболенской, да Іванъ Борисовичь Захарьинъ (слѣдуетъ

вмѣсто: «Захарьинъ», читать: «Тверитинъ»; см. ниже разр. 1487 г.) Бороздинъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Семенъ Романовичь Ярославской, да князь Василей Івановичь Лущиха Хованской. И воеводы тогды Казань взяли, и царя Алехама изымали, а Магметь Аминя царя въ Казани на царство посадили, по великого князя наказу. Въ лѣто 6993 (1485) году государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Русиі отпустилъ въ Казань Алегама царевича, а съ нимъ послалъ воеводъ своихъ князя Василья Івановича Оболенского, да Юрья Захарьевича, да князя Семена Романовича Ярославского, да князя Івана Васильевича Ромоданавского, на Магмедь Аминя царя, и Алегамъ царевичь, пришедъ, сѣлъ на Казани. А Мамадиинь царь съ Казани збежалъ.

Лѣта 6994 (1486) году государь князь великиі посдалъ въ Казань къ Магмедь-Аминю царю для береженія воеводъ своихъ князя Василья Івановича Оболенского, да князя Василья Дмитреевича Тулупева, да князя Тимоѳѣя Александровича Тростенского, по его Магмедь-Аминеве присылке, что онъ хотѣлъ братью меншую (здѣсь дѣло, по всей вѣроятности, идетъ объ Ильгамѣ, который, какъ мы видѣли, считался меньшимъ, не смотря на старшинство лѣтъ; см. выше, стр. 167) государю и великому князю выдать, и князи Казанские ему братьи выдать не дали, и самого хотѣли убить, и онъ ушелъ къ великого князя воеводамъ, и Казанцы прислали за нимъ бить челомъ, и онъ съ ними помирився, сѣлъ опять на Казани... Лѣта 6995 (1487) году взятіе Казанское при великомъ князе

Іване Васильевиче всеа Русі, а воеводы были по полкомъ. Въ болшомъ полку: князь Данило Бужской (слѣдуетъ вмѣсто: «*Бужской*», читать: «Холмской, да князь Осипъ Андрѣевичь Дорого*бужской*»; см. выше, разр. 1484 г.). Въ передовомъ полку: князь Семенъ Івановичь Ряполовской. Въ правой рукѣ: князь Александръ Васильевичь Оболенской, да Іванъ Борисовичь Тверитинъ Бороздинъ, да князь Андрѣевъ Васильевича воевода, князь Василей Никитичь Оболенской. Въ лѣвой рукѣ князь Семенъ Романовичь Ярославской, да князь Борисовъ воевода Борисовича, князь Василей Івановичь Хованской Ушакъ Лущиха, а шли воеводы въ судѣхъ. А берегомъ государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі отпустилъ х Казаниж воеводъ своихъ на коняхъ князя Ѳедора Хрипунова, да князя Василья Мниха Семеновичевъ Раполовскихъ Стародубскихъ. А какъ всѣ воеводы судовые и конные сойдутца подъ Казань, ино князю Ѳедору Хрипунову и князю Василью Мниху Ряполовскимъ быть въ передовомъ полку со княземъ Семеномъ Івановичемъ Ряполовскимъ. Да х Казаниж государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі послалъ полемъ ко князю Данилу Дмитреевичу Холмскому на помочь воеводъ своихъ князя Василья Ѳедоровича Шуйсково, да Дмитрея Івановича Конъдырева. А въ судѣхъ х Казаниж государь князь великиі послалъ на помочь къ воеводамъ князь Івана Васильевича Ромодановсково. И государевы и великого князя воеводы тѣмъ походомъ Казань взяли, и царя Алехама изымали, а Могмедь Аминя

царя на царство посадили на Казань, по великого князя приказу. А съ сеунчомъ къ великому князю воеводы послали князя Өедора Хрипуна Ряполовского».

Свѣдѣнія, находимыя въ *Башм. разр. кн.*, значительно пополняютъ пробѣлъ между 1484 и 1487 г. Оказывается, что кромѣ взятія Казани Русскими въ 1487 г., было еще два: одно въ 1484 г., а другое въ 1485 г. (Вѣроятно отъ этого и произошла въ лѣтописяхъ, путаница въ лѣтосчисленіи). Мы видимъ сверхъ того, какъ въ ханствѣ безпрестанно мѣняются цари: то правитъ Ильгамъ, то властвуетъ братъ его Мухаммедъ-Аминъ; смѣны эти происходятъ ежегодно, и, замѣтимъ, чуть ли не всегда, благодаря вмѣшательству великаго князя. Такъ, въ 1484 г. Ильгамъ взятъ Русскими, а на его мѣсто возведенъ Мухаммедъ-Аминъ; въ 1485 г. Ильгамъ Русскими же посаженъ на престолъ; въ 1486 г. царемъ является опять Мухаммедъ-Аминъ, которому Иванъ посылаетъ войска свои «для береженья»; наконецъ въ 1487 г. Ильгамъ, успѣвшій уже снова сдѣлаться царемъ, захваченъ въ плѣнъ войсками великокняжескими, Казань взята, и воеводы, по приказанію Ивана, провозглашаютъ по прежнему царемъ Мухаммедъ-Амина. Вникая въ эти факты въ связи съ тѣми, которые извѣстны намъ изъ лѣтописей и изъ сочиненія Герберштейна, мы можемъ ближе оцѣнить тогдашнюю политику Ивана: видимъ, что призванный силою обстоятельствъ, вмѣшаться въ дѣла Казани и кончить споръ между двумя соперниками, онъ не вдругъ произноситъ

рѣшительный приговоръ въ пользу одного изъ них
но съ начала колеблется — склоняется то на сторон
одного, то на сторону другаго — и только послѣ трех
лѣтъ раздумья, окончательно раздѣлывается съ Ил
гамомъ и ссылаетъ его въ Вологду, гдѣ и держитъ в
заточеніи до самой его смерти. Въ сущности, эт
колебанія Ивана весьма понятны. Великому князю оч
видно было все равно, кто бы ни сидѣлъ на престол
Казанскомъ, лишь бы царь этотъ исполнялъ его вол
Было два лица, искавшихъ престола; для того, чтоб
узнать кто изъ нихъ способнѣе поддаться Русском
вліянію, надобно было съ начала испытать ихъ. Так
и сдѣлалъ Иванъ: онъ сталъ сажать ихъ поочереди
на царство и держать при нихъ, какъ пишетъ Ге
берштейнъ, своихъ совѣтниковъ. Вѣроятно въ 1487 г
пришелъ онъ къ тому убѣжденію, что каковъ бы н
былъ Мухаммедъ-Аминъ, а Ильгамъ былъ все так
его хуже. Тогда онъ и рѣшился лишить его на всег
власти и держать у себя, какъ простаго военноплѣннаг

Разсужденіе объ эпохѣ Ильгама, я заключу не
большимъ замѣчаніемъ. У Карамзина въ пр. 299 к
Т. VI его Ист. Гос. Росс., находится выписка изъ ра
рядной книги Бекетова. Приведемъ ее такъ, какъ он
помѣщена у исторіографа, съ его же объясненіям
«Посылалъ Государь (въ 1485 г.) Воеводъ св
ихъ въ Казань, на Алегама, Царевича Магмет
Аминя, да съ нимъ Кн. Василья Ивановича, д
Юрья Захарьевича, да Кн. Семена Романовича Яр
славскаго, да К. Ивана Ромодановскаго; и братъ ег

Алегамъ пришедъ изъ Нагай по слову съ Казанцы... и они, шедъ на Казань, *взяли* съ Магметъ-Аминемъ». Это несправедливо по лѣтописямъ: ходили, но не взяли. «Посылалъ Государь (въ 1486 году) въ Казань къ *Магметъ-Аминю* Царю» (развѣ Алегаму?) «Князь Василья Ивановича Оболенскаго, да Кн. Василья Тулупова, да К. Тимоѳея Трестенскаго, да по Царевѣ присылкѣ, что хотѣлъ выдать братью свою къ Вел. Князю, и Князи Казанскіе воли ему не дали, хотѣли его самого убить. Магметъ-Аминь (Алегамъ) ушелъ къ Государевымъ Воеводамъ, и Князи Казанскіе добили ему челомъ, и Магметъ-Аминь (Алегамъ) пошелъ къ нимъ опять въ городъ на Царство. — Посылалъ Государь (въ 1487 г.) Воеводъ своихъ (К. Данила Холмскаго и другихъ) и согналъ съ Казани Магметъ-Аминя» (Алегама).

Въ разр. кн. Бекетова, происшествія 1486 и 1487 г. (за исключеніемъ только того, что въ Бекет. кн. очевидно, по ошибкѣ, подъ 1487 г. названъ Магметъ-Аминь вмѣсто Алегама) также описаны, какъ и въ Башмаковской; но годъ 1485 представляетъ значительную разницу, хотя дѣло, безъ сомнѣнія, идетъ о той же самой посылкѣ подъ Казань: по *Бекет. кн.* великій князь послалъ Магметъ-Аминя на Алегама, и воеводы съ царевичемъ «взяли» Казань; по *Башм.* же *кн.*, на оборотъ, великій князь послалъ Алегама на Магмедъ-Аминя, Алегамъ «сѣлъ на Казани, а Мамадминь царь съ Казани збежалъ». При недостаткѣ данныхъ объ исторіи Казани, трудно сказать

которая изъ двухъ разрядныхъ книгъ вѣрнѣе; я отдаю преимущество Башмаковской, потому что въ ней, какъ мнѣ кажется, разсказъ вообще обстоятельнѣе изложенъ, чѣмъ въ Бекетовской; къ тому же гораздо естественнѣе допустить то, что въ 1485 г. ходилъ Ильгамъ на Мухаммедъ-Амина, такъ какъ въ предшествовавшемъ 1484 г. (по словамъ той же Башм. кн.) Ильгамъ былъ свергнутъ съ престола, и на его мѣсто посаженъ былъ Мухаммедъ-Аминъ. Для того, чтобы Мухаммедъ-Аминъ въ 1485 г. могъ идти на Ильгама, надобно предположить, что въ Казани, не задолго предъ тѣмъ, произошелъ еще какой либо переворотъ, который заставилъ Мухаммедъ-Амина уступить престолъ брату.

Что касается объясненій Карамзина на выписку изъ Бекет. разр. книги, то мнѣ онѣ кажутся не совсѣмъ вѣрными. Что значатъ послѣ разр. 1485 г. слова: «Это несправедливо по лѣтописямъ: ходили, но не взяли»? Въ лѣтописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ подъ 1485 г. не упоминается о походѣ Русскихъ на Казань: въ *Соф. 2 лѣт.*, а также, какъ я понимаю, во *Пск.*, по ошибкѣ, отнесенъ къ этому году походъ 1487 г., да и онъ окончился взятіемъ города. Что значитъ также и то, что Карамзинъ подъ 1486 г. вездѣ, послѣ имени Магметъ-Аминя, ставитъ въ скобкахъ: Алегамъ? Конечно положительно не знаемъ, какимъ образомъ Мухаммедъ-Аминъ оказался въ Казани на престолѣ въ 1486 г., и какимъ образомъ вдругъ въ 1487 г. онъ уже не ханъ, и царствуетъ опять Иль-

гамъ, который попадаетъ въ плѣнъ къ Русскимъ. Но и отрицать возможности этихъ фактовъ мы не въ правѣ. Развѣ Мухаммедъ-Аминъ не бѣжалъ въ Россію изъ Казани, отъ брата своего Ильгама, въ 1486 г. (см. выше, стр. 162)? Бѣжать могъ онъ и со престола.

Съ выпискою изъ разр. кн. Бекетова, помѣщенною у Карамзина, можно сравнить сообщенную г. Соловьевымъ, въ его Исторіи Россіи. Т. V. Изд. 2. Москва. 1858, стр. 417, пр. 99, выписку изъ разрядн. кн. Моск. Архива мин. ин. дѣлъ, № 1, стр. 26: «Послалъ Князь Вел. въ Казань къ Магмедену царю воеводъ своихъ—Князя Василья Ив. Оболенскаго, да Кн. Василья Тулупа Стародубскаго, да Кн. Тимоѳея Прозоровскаго, по царевѣ Мамедеминовѣ присылкѣ, что хотѣлъ братью свою выдати В. Князю; и князи Казанскіе воли ему не дали, хотѣли Магмедемина самого убити, и Магмедеминъ ушолъ къ В. Князя воеводамъ, князи ему Казанскіе добили челомъ, и Магмедеминъ пошелъ къ нимъ опять въ городъ на царство».

Меликъ-Тагиръ (ملك طاهر) и Худай-кулъ (خدای قل) [63].

[63]) Всѣ источники, въ которыхъ число братьевъ, плѣненныхъ вмѣстѣ съ Ильгамомъ, обозначено, согласны въ томъ, что ихъ было два; но царевичи названы по именамъ только у Герберштейна и у сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ. Первый утверждаетъ, что на Бѣлоозеро вмѣстѣ съ матерью Ильгама, сосланы были Мухаммедъ-Аминъ и Абд-ул-латифъ (см. выше, предъид. пр., стр. 169). Второй пишетъ про одного изъ плѣнен-

ныхъ царевичей, сосланныхъ потомъ на Бѣлоозеро вмѣстѣ съ матерью Ильгама, что звался онъ *Мелендаръ* (Милиндиръ) и умеръ въ заточеніи: про другаго же говоритъ, что великій князь выпустилъ его изъ «темницы», окрестилъ, и выдалъ за него (свою) дочь (см. выше предъид. пр., стр. 165). Къ этому сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ на той же страницѣ, нѣсколькими строками ниже, прибавляетъ: «и по лѣтехъ живяше умрошa, два Царевича на Москвѣ *Абделетивъ* въ Срацынской вѣрѣ своей, другій же, изведенный изъ темницы в вѣру крещеную пріимъ, именемъ *Петръ* Царевичь, иже и зять бысть Великаго Князя» (въ *Подр. лет.* стр. 57, мѣсто это искажено: «И по лѣтѣхъ многихъ умроста на Москвѣ два Царевича, Обделитевъ Царевичь въ Срацынской вѣрѣ, во крещеніи Христовѣ именемъ Петръ Царевичь»). Значитъ, по мнѣнію Казанскаго лѣтописца, плѣненъ былъ вмѣстѣ съ Мелендаромъ, тотъ самый братъ Ильгамовъ, который въ послѣдствіи обратился въ христіанство, названъ былъ *Петромъ*, и женился на дочери великаго князя. Петръ же, сынъ царя Ибрагима, зять великокняжескій, какъ увидимъ ниже, пока былъ мусульманиномъ, носилъ имя *Худай-кула*.

Вникнемъ въ дѣло; посмотримъ: правъ ли кто изъ двухъ писателей, обозначающихъ царевичей, взятыхъ въ плѣнъ, по именамъ, а если правъ, то кто именно. У Ибрагима, царя Казанскаго, по Родословной книгѣ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46 — 48), было 5 сыновей: Ильгамъ, Меликъ-Тагиръ, Худай-кулъ во

крещеніи Петръ, Мухаммедъ-Аминъ, и Абд-ул-латифъ. (Имена Меликъ-Тагира и Худай-кула писаны въ Родословной различно: *Коп.* Милехъ-даиръ [Милигдаръ] и Кудагулъ, *Син.* Мелегдаръ и Кудалгу, *Арх.* Мелегъ-даиръ [Мелегдаръ] и Кудагулъ, *Род.* Мелехъ-Даиръ и Кудаигулъ [въ *Род.* съ начала разстановка именъ неправильна: слово Мелехъ соединено съ предъидущимъ: Алегамъ, а слово Даиръ съ послѣдующимъ: Кудаигулъ, такъ что при чтеніи можно, пожалуй, думать, что рѣчь идетъ не о трехъ царевичахъ, а только о двухъ; потомъ *Род.* поправляетъ свою ошибку и говоритъ: «Мелехъ Даировы дѣти»]; я пишу Меликъ-Тагиръ и Худай-кулъ, потому что мнѣ это правописаніе кажется правильнымъ: имена Меликъ-Тагиръ— ملك طاهر и Худай-кулъ — خداى قل не рѣдко слышатся у Татаръ). Изъ этихъ пяти сыновей Ибрагимовыхъ, очевидно, ни Ильгамъ, бывшій самъ царемъ и отправленный въ Вологду, ни Мухаммедъ-Аминъ, участвовавшій въ походѣ противъ Казани и возведенный на престолъ, не могли быть въ числѣ двухъ *братьевъ Ильгамовыхъ*, взятыхъ въ плѣнъ въ 1487 г., и сосланныхъ на Бѣлоозеро. Остаются за тѣмъ три царевича: Меликъ-Тагиръ, Худай-кулъ и Абд-ул-латифъ. Про Абд-ул-латифа мы знаемъ навѣрно, что онъ былъ рожденъ отъ одного отца и отъ одной матери съ Мухаммедъ-Аминомъ—Нуръ-султаны (см. выше, пр. 21, стр. 52), слѣдовательно былъ Ильгаму не родной братъ. Попасть же въ плѣнъ вмѣстѣ съ Ильгамомъ значило бы держать его сторону. Ужь это одно заставляетъ сомнѣ-

ваться въ томъ, чтобъ Абд-ул-латифъ могъ быть взятъ Русскими въ 1487 г. Къ тому же въ лѣтописяхъ подъ 1493 г. читаемъ: «*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 240. Тоя же зимы (7001), генваря 1, пріиде къ великому князю служити изъ Крыму царевичь Абдылъ Летифъ, Обреимовъ сынъ Казаньскаго царя, съ посломъ великого князя съ Лобаномъ съ Колычевымъ; и князь великій его пожаловалъ далъ ему Звенигородъ со всѣми пошлинами» (*Свр.* II, 243; ср. *Нов. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 162 и *Про.* 330, гдѣ «генваря» не 1, а 11; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 225 и *Ник.* VI, 135, гдѣ тоже показано 11 января, и, сверхъ того, недостаетъ конца о пожалованіи Звенигорода; *Пск. 1 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 268, гдѣ сказано просто: «Въ лѣто 7001. Пріиде къ великому князю служити изъ Крыму царевичь Абделетифъ, Абреимовъ сынъ Казанскаго царя»; сл. *Пск. Пог.* 170). Не съ Бѣлоозера же попалъ Абд-ул-латифъ въ Крымъ; всего вѣроятнѣе, что онъ, опасаясь Ильгама, самъ выѣхалъ изъ Казани, либо прямо въ Крымъ, либо съ начала отправился, какъ говоритъ Казанскій лѣтописецъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Мухаммедъ-Аминомъ въ Россію, и потомъ ужь оттуда отъѣхалъ къ Менгли-гирею. Въ Крымъ Абд-ул-латифа, безъ сомнѣнія, завлекло то, что тамъ жила мать его, вышедшая (см. выше, пр. 21, стр. 52), около 1485 г., за мужъ за Менгли-гирея. — И такъ, въ 1487 г., изъ дѣтей Ибрагима, значущихся въ Родословной, могли быть плѣнены Русскими, и сосланы въ заточеніе только Меликъ-Тагиръ

царя на царство посадили на Казань, по великого князя приказу. А съ сеунчомъ къ великому князю воеводы послали князя Өедора Хрипуна Ряполовского».

Свѣдѣнія, находимыя въ *Башм. разр. кн.*, значительно пополняютъ пробѣлъ между 1484 и 1487 г. Оказывается, что кромѣ взятія Казани Русскими въ 1487 г., было еще два: одно въ 1484 г., а другое въ 1485 г. (Вѣроятно отъ этого и произошла въ лѣтописяхъ, путаница въ лѣтосчисленіи). Мы видимъ сверхъ того, какъ въ ханствѣ безпрестанно мѣняются цари: то правитъ Ильгамъ, то властвуетъ братъ его Мухаммедъ-Аминъ; смѣны эти происходятъ ежегодно, и, замѣтимъ, чуть ли не всегда, благодаря вмѣшательству великаго князя. Такъ, въ 1484 г. Ильгамъ взятъ Русскими, а на его мѣсто возведенъ Мухаммедъ-Аминъ; въ 1485 г. Ильгамъ Русскими же посаженъ на престолъ; въ 1486 г. царемъ является опять Мухаммедъ-Аминъ, которому Иванъ посылаетъ войска свои «для береженья»; наконецъ въ 1487 г. Ильгамъ, успѣвшій уже снова сдѣлаться царемъ, захваченъ въ плѣнъ войсками великокняжескими, Казань взята, и воеводы, по приказанію Ивана, провозглашаютъ по прежнему царемъ Мухаммедъ-Амина. Вникая въ эти факты въ связи съ тѣми, которые извѣстны намъ изъ лѣтописей и изъ сочиненія Герберштейна, мы можемъ ближе оцѣнить тогдашнюю политику Ивана: видимъ, что призванный силою обстоятельствъ, вмѣшаться въ дѣла Казани и кончить споръ между двумя соперниками, онъ не вдругъ произноситъ

вичь всеа Русіи съ меншею братіею и съ боляры... Того же мѣсяца генваря въ 25, въ недѣлю, пожаловалъ князь великый Василей Ивановичь всеа Русіи царевичя новопросвѣщеннаго Петра, далъ за него сестру свою княжну Евдокѣю; и вѣнчалъ царевичя Петра и княжну великую Евдокѣю архимандритъ Спаской Аѳанасей, въ соборной церкви пречистыя Успенія, въ славнѣмъ градѣ Москвѣ» [*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 244, 245 и *Сер.* II, 275, 276, гдѣ царевичь названъ: Кудакулъ; *Лв.* III, 285, 286 подъ 7020 г., гдѣ также читается: Кудакулъ, и, кромѣ того, вмѣсто: «декабря 21», стоитъ: «сентября 21»; *Ник.* VI, 174, гдѣ архимандритъ Аѳанасій названъ въ первый разъ Псковскимъ, а во второй — Спаскимъ]. *Вскр.* П С. Р. Л. VIII, 245, 246 и *Врм.* II, 203 — 205 прибавляютъ, что «Кудаикулъ» [во *Врм.* Куйдакулъ], когда присылалъ къ митрополиту просить, чтобъ его крестили, «сидѣлъ въ Ростовѣ у архіепископа» [тоже и въ *Ст.* II, 174; по словамъ ея «царевичь Кудаилукъ, сынъ Абреіма Царя Казанскаго», жилъ въ Ростовѣ «въ заточеніи»]. Въ *Про.* 345, происшествіе описано въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Тогожъ лѣта [7014] царевичь Петръ женился, а понялъ великаго князя дщерь Евдокею». Описаніе крещенія и свадьбы царевича Петра, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ любопытное, но, съ другой стороны, полное ошибокъ, находится въ *Нов. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 136; тамъ сказано: «Того же лѣта [7014] крестилъ князь великій Василей Ивановичь, царь и государь всея Руси, съ своимъ от-

цемъ Симономъ митрополитомъ всея Руси, царя нечестиваго Алехова [т. е. Ильгамова—очевидно ошибка; слѣдуетъ читать: Ибрагимова] сына и матери меншицина сына Казаньскому Магмедю [Мухаммедъ-Амину] на Петрову память Петра митрополита и чюдотворца всея Руси, и нареченъ бысть въ святомъ крещеніи Петръ; и дасть за него князь великій Василей Ивановичь всея Руси сестру свою княжню великую Өеодосью [опять ошибка; Өедосья, сестра Василія, еще въ 1500 г. была выдана отцемъ своимъ Иваномъ за князя Василія Холмскаго, сына извѣстнаго князя Данила Холмскаго, и умерла чрезъ годъ послѣ выхода въ замужество; см. *Кар.* VI, 225, 226; *Др. Вивл.* XIII, 1—5, гдѣ княжна названа Софьей], и два города дасть ему вотчину, Клинъ городъ, другый Городенъ и пять селъ около Москвы, на пріѣздъ». Въ *Башм. разр. кн.* читаемъ: «Того жъ году [7014] говорили отъ великаго князя Василья Івановича всеа Росиі бояринъ Яковъ Захарьичь, казначей Дмитрей Володимеровичь, печатникъ Юрья Дмитреевичь Траханіотовъ, да дьяки Петру царевичю, что князь великиі его жалуетъ, даетъ за него сестру свою княжну Евдокѣю»). Вскорѣ послѣ крещенія, но еще до брака съ Евдокіею, именно 28 декабря 1505 г., царевичь Петръ далъ запись великому князю Василію, въ томъ, что будетъ служить ему вѣрно. Запись эта начиналась словами: «Се язъ Петръ Царевичь Ибреимовъ сынъ Царевъ, что есми былъ впалъ въ руки съ братомъ своимъ съ *Алехамомъ* Царемъ Государю Великому Князю Ивану

Васильевичю всеа Русіи: и ныне Государь мой Князь Великій Василей Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ меня изъ того нятства выпустилъ» (*Сб. гос. гр.* I, № 145, стр. 401; *Др. Вивл.* III, № 124, стр. 1; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* V, № 158, стр. 92). Не прямо ли слова эти указываютъ на то, что Петръ, т. е. Худай-кулъ, былъ взятъ въ 1487 г. Русскими?

Перейдемъ къ другому царевичу, Меликъ-Тагиру. Свѣдѣнія о немъ весьма скудны. Но, значится онъ въ Родословной, и въ ней сказано, что у него было два сына: Василій и Федоръ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 47, 48). Еще пишетъ про него, а вмѣстѣ съ нимъ и про Петра, Герберштейнъ въ своихъ Rer. Mosc. Comm. Описавъ взятіе Ильгама и ссылку Абд-ул-латифа и Мухаммедъ-Амина на Бѣлоозеро (см. выше, предъид. пр., стр. 169), онъ говоритъ: «Codaiculu unus ex Alegae fratribus baptisatus, nomen Petri accepit: cui post Basilius, modernus princeps sororem suam matrimonio junxit. Meniktair autem alter ex Alegae fratribus, in sua, quoad vixit, secta permansit: pluresque genuit liberos, qui post decessum patris cum matre omnes baptisati et mortui sunt: uno Theodoro, qui nobis in Moscovia existentibus adhuc supererat, excepto», т. е. Кодайкулу (Худай-кулъ), одинъ изъ Алегиныхъ (Ильгамовыхъ) братьевъ, былъ крещенъ и получилъ имя Петра; въ послѣдствіи Василій, великій князь, выдалъ за него сестру свою. Мениктаиръ же (Меликъ-Тагиръ), другой изъ Алегиныхъ братьевъ, оставался, пока жилъ, въ своей вѣрѣ, и имѣлъ многихъ дѣтей; послѣ его смер-

гамъ, который попадаетъ въ плѣнъ къ Русскимъ. Но и отрицать возможности этихъ фактовъ мы не въ правѣ. Развѣ Мухаммедъ-Аминъ не бѣжалъ въ Россію изъ Казани, отъ брата своего Ильгама, въ 1486 г. (см. выше, стр. 162)? Бѣжать могъ онъ и со престола.

Съ выпискою изъ разр. кн. Бекетова, помѣщенною у Карамзина, можно сравнить сообщенную г. Соловьевымъ, въ его Исторіи Россіи. Т. V. Изд. 2. Москва. 1858, стр. 417, пр. 99, выписку изъ разряди. кн. Моск. Архива мин. ин. дѣлъ, № 1, стр. 26: «Послалъ Князь Вел. въ Казань къ Магмедену царю воеводъ своихъ—Князя Василья Ив. Оболенскаго, да Кн. Василья Тулупа Стародубскаго, да Кн. Тимоѳея Прозоровскаго, по царевѣ Мамедеминовѣ присылкѣ, что хотѣлъ братью свою выдати В. Князю; и князи Казанскіе воли ему не дали, хотѣли Магмедемина самого убити, и Магмедеминъ ушолъ къ В. Князя воеводамъ, князи ему Казанскіе добили челомъ, и Магмедеминъ пошелъ къ нимъ опять въ городъ на царство».

Меликъ-Тагиръ (ملك طاهر) и Худай-кулъ (خداى قل) [63].

[63]) Всѣ источники, въ которыхъ число братьевъ, плѣненныхъ вмѣстѣ съ Ильгамомъ, обозначено, согласны въ томъ, что ихъ было два; но царевичи названы по именамъ только у Герберштейна и у сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ. Первый утверждаетъ, что на Бѣлоозеро вмѣстѣ съ матерью Ильгама, сосланы были Мухаммедъ - Аминъ и Абд-ул-латифъ (см. выше, предъид. пр., стр. 169). Второй пишетъ про одного изъ плѣнен-

вичь всея Русіи съ меншею братіею и съ боляры... Того же мѣсяца генваря въ 25, въ недѣлю, пожаловалъ князь великый Василей Ивановичь всеа Русіи царевичя новопросвѣщеннаго Петра, далъ за него сестру свою княжну Евдокѣю; и вѣнчалъ царевичя Петра и княжну великую Евдокѣю архимандритъ Спаской Аѳанасей, въ соборной церкви пречистыя Успенія, въ славнѣмъ градѣ Москвѣ» [*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 244, 245 и *Сер.* II, 275, 276, гдѣ царевичь названъ: Кудакулъ; *Лв.* III, 285, 286 подъ 7020 г., гдѣ также читается: Кудакулъ, и, кромѣ того, вмѣсто: «декабря 21», стоитъ: «сентября 21»; *Ник.* VI, 174, гдѣ архимандритъ Аѳанасій названъ въ первый разъ Псковскимъ, а во второй — Спаскимъ]. *Вскр.* П С. Р. Л. VIII, 245, 246 и *Врм.* II, 203 — 205 прибавляютъ, что «Кудаикулъ» [во *Врм.* Куйдакулъ], когда присылалъ къ митрополиту просить, чтобъ его крестили, «сидѣлъ въ Ростовѣ у архіепископа» [тоже и въ *Ст.* II, 174; по словамъ ея «царевичь Кудаилукъ, сынъ Абреіма Царя Казанскаго», жилъ въ Ростовѣ «въ заточеніи»]. Въ *Про.* 345, происшествіе описано въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Тогожъ лѣта [7014] царевичь Петръ женися, а понялъ великаго князя дщерь Евдокею». Описаніе крещенія и свадьбы царевича Петра, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ любопытное, но, съ другой стороны, полное ошибокъ, находится въ *Нов. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 136; тамъ сказано: «Того же лѣта [7014] крестилъ князь великій Василей Ивановичь, царь и государь всея Руси, съ своимъ от-

цемъ Симономъ митрополитомъ всея Руси, царя нечестиваго Алехова [т. е. Ильгамова—очевидно ошибка; слѣдуетъ читать: Ибрагимова] сына и матери меншицина сына Казаньскому Магмедю [Мухаммедъ-Амину] на Петрову память Петра митрополита и чюдотворца всея Руси, и нареченъ бысть въ святомъ крещеніи Петръ; и дасть за него князь великій Василей Ивановичь всея Руси сестру свою княжню великую Өеодосью [опять ошибка; Өедосья, сестра Василія, еще въ 1500 г. была выдана отцемъ своимъ Иваномъ за князя Василія Холмскаго, сына извѣстнаго князя Данила Холмскаго, и умерла чрезъ годъ послѣ выхода въ замужество; см. *Кар.* VI, 225, 226; *Др. Вивл.* XIII, 1—5, гдѣ княжна названа Софьей], и два города дасть ему вотчину, Клинъ городъ, другый Городенъ и пять селъ около Москвы, на пріѣздъ». Въ *Баим. разр. кн.* читаемъ: «Того жъ году [7014] говорили отъ великаго князя Василья Івановича всеа Росиі бояринъ Яковъ Захарьичь, казначей Дмитрей Володимеровичь, печатникъ Юрья Дмитреевичь Траханіотовъ, да дьяки Петру царевичю, что князь великиі его жалуетъ, даетъ за него сестру свою княжну Евдокѣю»). Вскорѣ послѣ крещенія, но еще до брака съ Евдокіею, именно 28 декабря 1505 г., царевичь Петръ далъ запись великому князю Василію, въ томъ, что будетъ служить ему вѣрно. Запись эта начиналась словами: «Се язъ Петръ Царевичь Ибреимовъ сынъ Царевъ, что есми былъ впалъ въ руки съ братомъ своимъ съ *Алехамомъ* Царемъ Государю Великому Князю Ивану

Васильевичю всеа Русіи: и ныне Государь мой Князь Великій Василей Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ меня изъ того нятства выпустилъ» (*Сб. гос. гр.* I, № 145, стр. 401; *Др. Вивл.* III, № 124, стр. 1; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* V, № 158, стр. 92). Не прямо ли слова эти указываютъ на то, что Петръ, т. е. Худай-кулъ, былъ взятъ въ 1487 г. Русскими?

Перейдемъ къ другому царевичу, Меликъ-Тагиру. Свѣдѣнія о немъ весьма скудны. Но, значится онъ въ Родословной, и въ ней сказано, что у него было два сына: Василій и Федоръ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 47, 48). Еще пишетъ про него, а вмѣстѣ съ нимъ и про Петра, Герберштейнъ въ своихъ Rer. Mosc. Comm. Описавъ взятіе Ильгама и ссылку Абд-ул-латифа и Мухаммедъ-Амина на Бѣлоозеро (см. выше, предъид. пр., стр. 169), онъ говоритъ: «Codaiculu unus ex Alegae fratribus baptisatus, nomen Petri accepit: cui post Basilius, modernus princeps sororem suam matrimonio junxit. Meniktair autem alter ex Alegae fratribus, in sua, quoad vixit, secta permansit: pluresque genuit liberos, qui post decessum patris cum matre omnes baptisati et mortui sunt: uno Theodoro, qui nobis in Moscovia existentibus adhuc supererat, excepto», т. е. Кодайкулу (Худай-кулъ), одинъ изъ Алегиныхъ (Ильгамовыхъ) братьевъ, былъ крещенъ и получилъ имя Петра; въ послѣдствіи Василій, великій князь, выдалъ за него сестру свою. Мениктаиръ же (Меликъ-Тагиръ), другой изъ Алегиныхъ братьевъ, оставался, пока жилъ, въ своей вѣрѣ, и имѣлъ многихъ дѣтей; послѣ его смер-

ти, они всѣ, какъ и мать ихъ, были крещены и умерли, за исключеніемъ одного Федора, который при насъ былъ еще живъ. Свѣдѣнія эти для изслѣдуемаго нами вопроса, не лишены значенія. Худай-кулъ, говоритъ Герберштейнъ, крестился; Меликъ-Тагиръ же, братъ его, остался мусульманиномъ, но послѣ его смерти, и жену и дѣтей его крестили. Послѣдній фактъ несомнѣненъ, потому что и въ Родословной значатся у Меликъ-Тагира дѣти подъ христіанскими именами: Василій и Федоръ, да въ оффиціальныхъ актахъ, какъ увидимъ ниже, упоминается о князѣ Федорѣ Меликъ-Тагировичѣ. Изъ этого прямой выводъ тотъ, что Меликъ-Тагиръ, его жена и дѣти жили въ Россіи. Когда жь и какимъ образомъ попали они къ намъ? Невольно соглашаешься съ Казанскимъ лѣтописцемъ, который утверждаетъ, что Меликъ-Тагиръ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1487 г. Другаго объясненія нѣтъ.

Вотъ и конечный результатъ всего нашего изслѣдованія: вмѣстѣ съ Ильгамомъ были плѣнены въ 1487 г., и сосланы въ заточеніе Худай-кулъ и Меликъ-Тагиръ. Ужь не были ль они родные братья Ильгаму отъ одной съ нимъ матери? Тогда бы сдѣлалось понятно, почему именно они попали въ руки Русскихъ при взятіи Казани, и за какую вину сослалъ ихъ великій князь. Имъ, какъ роднымъ братьямъ Ильгама, слѣдовало быть его сообщниками, и идти за него въ ссылку. Многое говоритъ въ пользу этого предположенія: 1) въ Родословной, гдѣ сыновья Ибрагима, по видимому, расположены по старшинству лѣтъ, Меликъ-Тагиръ и Худай-кулъ

названы раньше дѣтей, рожденныхъ отъ второй, хотя и старшей жены Ибрагима, Нуръ-султаны — Мухаммедъ-Амина и Абд-ул-латифа, и поставлены тотчасъ въ слѣдъ за Ильгамомъ; 2) въ сообщенной мною выше (стр. 182, 183), при описаніи крещенія Петра, выпискѣ изъ *Нов. 4 лѣт.*, Петръ названъ сыномъ «матери меншицына сына Казаньскому Магмедю». Значитъ, по *Нов. 4 лѣт.*, Петръ былъ рожденъ отъ одной матери съ тѣмъ царевичемъ, который приходился царю Казанскому Магмедю (Мухаммедъ-Амину) «меншицнымъ сыномъ»; а «меншицнымъ сыномъ», по отношенію къ Мухаммедъ-Амину, звался Ильгамъ, если припомнимъ выписку изъ *Соф. 2 лѣт.*, приведенную выше, въ пр. 62, на стр. 166.

Здѣсь скажемъ кстати нѣсколько словъ о томъ, какъ кончили свое поприще въ Россіи Петръ и Меликъ-Тагиръ, и что сдѣлалось съ ихъ родомъ. Царевичь Петръ, послѣ крещенія, всю жизнь провелъ въ Россіи. Годъ его кончины съ точностью опредѣлить трудно. Въ разрядахъ онъ упоминается еще подъ 1522 г., когда великій князь, отправляясь противъ Крымцевъ, оставлялъ его въ Москвѣ (*Кар.* пр. 231 къ Т. VII). Въ *Про.* 378, читаемъ: «Тогожъ году (7031 = 1523) мѣсяца Марта преставися царевичь Петръ, зять великаго князя, Абреимовъ сынъ». Въ Путеводителѣ же къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. Москва. Ч. 1. 1792, стр. 157, находимъ слѣдующую надпись, при описаніи одной гробницы въ соборѣ Михаила Архангела «*у лѣвагожъ столпа другаго*»: «Въ лѣто 7017 (1509), Марта въ 13 день

преставись Царевичь Петръ, сынъ Ибреимовъ сына Маматякова, Царя Казанскаго». Какъ согласить эти данныя? Не ошибся ли издатель Путеводителя? Супруга Петра, Евдокія, скончалась въ февралѣ 1513 г., и погребена была въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (*Кар.* пр. 383 къ Т. VII; *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. *Л.* VI, 253, и др. лѣт.). У царевича Петра отъ брака его съ сестрою великаго князя Василія, остались двѣ дочери (*Род.* см. выше, пр. 21, стр. 48; *Ст.* II, 174). Одна, Анастасія, уже въ 1529 г. была за мужемъ за княземъ Федоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ (*Сб. гос. гр.* I, № 157, стр. 433; *Кар.* пр. 294 къ Т. VII; *Род.* I, стр. 43); скончалась она, мѣсяцевъ чрезъ шесть послѣ смерти мужа (*Лв.* IV, 129, 130) 17 декабря 1540 г. и погребена была возлѣ матери въ Вознесенскомъ монастырѣ (*Лв.* IV, 136, 137: Тояжъ осени [7049] Декабря 17 въ пятокъ преставися благовѣрная Княгиня Анастасія Великаго Князя Василья Ивановича Сестрична, а царева дочь Петрова, а жена Князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго, и положена внутри града Москвы у Вознесенія возлѣ матери ея). Дочь Ивана Федоровича Мстиславскаго, сына Федора Михайловича и Анастасіи Петровны, Анастасія, (въ инокиняхъ Александра) была за мужемъ за царемъ Семеномъ Бекъ-булатовичемъ, бывшимъ одно время (въ 1570-хъ годахъ) царемъ Касимовскимъ, и называвшимся, до крещенія, Саинъ-пуладомъ (см. о немъ ниже, статью: «Саинъ-пуладъ»); умерла она въ 1607 году 7 іюня, и погребена была близъ дѣда своего кн. Ф. М. Мстиславскаго и дру-

гихъ лицъ его рода, въ Симоновскомъ Московскомъ монастырѣ; рядомъ съ ней покоится и мужь ея, умершій, инокомъ Стефаномъ, въ 1616 г. января 5 (Путев. къ древн. и достопам. Моск. Ч. IV. Москва. 1793, стр. 239—241, 245). Другая дочь Петра, Анастасія же, была въ супружествѣ за княземъ Василіемъ Васильевичемъ Шуйскимъ, женившимся на ней въ 1538 г., и вскорѣ послѣ того умершимъ (*Лѣ.* IV, 106: Тояжъ весны [7046 = 1538] Іюня 6 въ четвертокъ седьмыя недѣли по пасцѣ пожаловалъ Великій Государь Иванъ Васильевичь всея Россіи женилъ боярина своего князя Василья Васильевича Шуйскаго, а далъ за него сестру свою царевичеву дщерь Петрову, Анастасію Петровну; см. *Кар.* VIII, 32, и пр. 76 и 79). Внука царевича Петра, дочь князя Василія Васильевича Шуйскаго, Марѳа, была выдана Иваномъ IV, въ 1555 г. ноября 8, за князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго (*Лѣ.* V, 77: Тоежъ осени [7063] Ноября 8 въ четвертокъ, пожаловалъ царь и Великій Государь Иванъ Васильевичь всеа Россіи Самодержецъ, женилъ Князя Ивана Дмитреевича Бѣльского, далъ за него сестричную свою царевичеву Петрову внуку, а дѣда своего Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи правнуку, а дщерь Князя Василья Васильевича Шуйскаго, а выдавалъ Государь отъ себя съ своего двора; сл. *Ник.* VII, 236 и *Род.* I, 70; см. *Др. Вивл.* XIII, стр. 73 — 79 и *Опытъ Труд. Вольн. Росс. Собр.* II, стр. 102—104; см. еще *Акты Истор.* IV, стр. 317 и I, стр. 351 и пр. 74 и 88, гдѣ сказано ошибочно, что кн. Ф.

М. Мстиславскій и кн. В. В. Шуйскій были супругами одной и той же дочери царевича Петра—Анастасіи).

Когда и гдѣ умеръ царевичъ Меликъ-Тагиръ—положительно неизвѣстно. Казанскій лѣтописецъ увѣряетъ, что онъ умеръ въ заточеніи на Бѣлоозерѣ; быть можетъ, онъ и правъ. Федоръ, сынъ Меликъ-Тагира, упоминается довольно часто въ разрядахъ. Въ 1531 г. онъ былъ намѣстникомъ Новгородскимъ (см. *Сб. гос. гр.* V, № 105, 106; упоминаемый тамъ князь Ѳедоръ Мелегдайровичь или Мелигдайровичь, очевидно, никто другой, какъ сынъ царевича Казанскаго Меликъ-Тагира; въ заголовкѣ № 105, издатель назвалъ его, по ошибкѣ, княземъ Ѳедоромъ Мелейдайровичемъ Черкасскимъ).

Смуты временъ Ильгама составляютъ важную эпоху въ исторіи Казанскаго ханства. Казань, нѣкогда гроза Россіи, независимая и сильная, въ первые, въ слѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и безпорядковъ, получила хановъ отъ руки великаго князя Московскаго. Съ тѣхъ поръ, раздираемая междоусобіями, она постоянно слабѣла, и чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ болѣе подпадала вліянію Россіи, которая, на бѣду ей, крѣпла и расла. Съ Ильгамова царствованія, собственно говоря, и началось паденіе ханства. Съ его же плѣненія великіе князья Русскіе стали считать Казань своею собственностью (*Прод. Др. Росс. Вивл.* IX, стр. 120).

Мухаммедъ-Аминъ, утвердившись въ 1487 году, съ помощью Ивана, на престолѣ Казанскомъ, продер-

жался
царь
Устрани
стороны
даже
пріятел
Москву
нилъ
къ себѣ
ликаго
а
госуд

преставись Царевичь Петръ, сынъ Ибреимовъ сына Маматякова, Царя Казанскаго». Какъ согласить эти данныя? Не ошибся ли издатель Путеводителя? Супруга Петра, Евдокія, скончалась въ февралѣ 1513 г., и погребена была въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (*Кар.* пр. 383 къ Т. VII; *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. *Л.* VI, 253, и др. лѣт.). У царевича Петра отъ брака его съ сестрою великаго князя Василія, остались двѣ дочери (*Род.* см. выше, пр. 21, стр. 48; *Ст.* II, 174). Одна, Анастасія, уже въ 1529 г. была за мужемъ за княземъ Федоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ (*Сб. гос. гр.* I, № 157, стр. 433; *Кар.* пр. 294 къ Т. VII; *Род.* I, стр. 43); скончалась она, мѣсяцевъ чрезъ шесть послѣ смерти мужа (*Лв.* IV, 129, 130) 17 декабря 1540 г. и погребена была возлѣ матери въ Вознесенскомъ монастырѣ (*Лв.* IV, 136, 137: Тояжъ осени [7049] Декабря 17 въ пятокъ преставися благовѣрная Княгиня Анастасія Великаго Князя Василья Ивановича Сестрична, а царева дочь Петрова, а жена Князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго, и положена внутри града Москвы у Вознесенія возлѣ матери ея). Дочь Ивана Федоровича Мстиславскаго, сына Федора Михайловича и Анастасіи Петровны, Анастасія, (въ инокиняхъ Александра) была за мужемъ за царемъ Семеномъ Бекъ-булатовичемъ, бывшимъ одно время (въ 1570-хъ годахъ) царемъ Касимовскимъ, и называвшимся, до крещенія, Саинъ-пуладомъ (см. о немъ ниже, статью: «Саинъ-пуладъ»); умерла она въ 1607 году 7 іюня, и погребена была близъ дѣда своего кн. Ф. М. Мстиславскаго и дру-

гихъ лицъ его рода, въ Симоновскомъ Московскомъ монастырѣ; рядомъ съ ней покоится и мужь ея, умершій, инокомъ Стефаномъ, въ 1616 г. января 5 (Путев. къ древн. и достопам. Моск. Ч. IV. Москва. 1793, стр. 239—241, 245). Другая дочь Петра, Анастасія же, была въ супружествѣ за княземъ Василіемъ Васильевичемъ Шуйскимъ, женившимся на ней въ 1538 г., и вскорѣ послѣ того умершимъ (*Лв.* IV, 106: Тояжъ весны [7046 = 1538] Іюня 6 въ четвертокъ седьмыя недѣли по пасцѣ пожаловалъ Великій Государь Иванъ Васильевичь всея Россіи женилъ боярина своего князя Василья Васильевича Шуйскаго, а далъ за него сестру свою царевичеву дщерь Петрову, Анастасію Петровну; см. *Кар.* VIII, 32, и пр. 76 и 79). Внука царевича Петра, дочь князя Василія Васильевича Шуйскаго, Мароа, была выдана Иваномъ IV, въ 1555 г. ноября 8, за князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго (*Лв.* V, 77: Тоежъ осени [7063] Ноября 8 въ четвертокъ, пожаловалъ царь и Великій Государь Иванъ Васильевичь всеа Россіи Самодержецъ, женилъ Князя Ивана Дмитреевича Бѣльского, далъ за него сестричную свою царевичеву Петрову внуку, а дѣда своего Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи правнуку, а дщерь Князя Василья Васильевича Шуйскаго, а выдавалъ Государь отъ себя съ своего двора; сл. *Ник.* VII, 236 и *Род.* I, 70; см. *Др. Вивл.* XIII, стр. 73 — 79 и *Опытъ Труд. Вольн. Росс. Собр.* II, стр. 102—104; см. еще *Акты Истор.* IV, стр. 317 и I, стр. 351 и пр. 74 и 88, гдѣ сказано ошибочно, что кн. Ф.

Кель-Мухаммедъ—كل محمد).—Ни въ *Соф.* 1 *лѣт.*, ни въ другихъ указанныхъ мною источникахъ не сказано, чтобы жена Ильгама, выданная Иваномъ за мужь за Мухаммедъ-Амина, была непремѣнно та самая, которую въ 1487 г. взяли въ плѣнъ и сослали въ Вологду. Но утверждаетъ это сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (см. ниже, стр. 194, 195), и сомнѣваться въ справедливости его показанія нѣтъ причины.—Еще позволю себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе. Въ лѣтописяхъ говорится о ссылкѣ Абд-уллатифа на Бѣлоозеро въ 1502 г. Не эту ли ссылку имѣлъ въ виду Герберштейнъ, когда писалъ, что царевичь былъ отправленъ на Бѣлоозеро, при взятіи Ильгама въ плѣнъ (см. выше, пр. 62, стр. 169, и пр. 63, стр. 180)? Герберштейнъ могъ легко перепутать событія.

Первое время правленія возстановленнаго хана протекло довольно тихо, подъ опекою Ивана. Вдругъ въ 1505 г. Мухаммедъ-Аминъ, «забывъ», какъ говорятъ лѣтописцы, «свое слово, и преступивъ шертныя грамоты», іюня 24-го, на Рождество Іоанна Предтечи, взялъ подъ стражу только что пріѣхавшаго къ нему Русскаго посла Михаила Кляпика и ограбилъ купцовъ нашихъ, изъ которыхъ однихъ убилъ, а другихъ разослалъ къ Ногайцамъ (*Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 50, *Свр.* II, 273, 274, *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 244, 245, *Ник.* VI, 172, *Врм.* II, 201, *Про.* 345 и *Пск.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 278, подъ 7013 г.; *Арх.* 178

подъ 7014 г.; *Лв.* III, 282, 283 подъ 7020 г.). Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ приписываетъ эту измѣну Мухаммедъ-Амина проискамъ и вліянію жены его, вдовы Ильгамовой. «Той же Царь *Махметеминъ*», говоритъ онъ (*Ик.* стр 42 — 44), «сѣде на Казани Царемъ, и взя за себя сноху свою, брата своего жену *Алехама* Царя большицу Царицу, по прошенію его у Великого Князя изъ заточенія (*приб.* истемницы свологды, мужу ея *Алехаму* Царю умершу взаточеніи) и люба ему бысть вельми братня жена, и нача она, яко по малу червь точити сладкое древо, и яко прелукавая змія научаема отъ вельможъ царевыхъ ухапившися во уши шептаніемъ Царю день и нощь, да отложится отъ Великаго Князя, и да несловетъ Казанскій Царь Московскаго Великого Князя до не и срамъ (по списку № 74 правильнѣе: и да не словетъ Казанскій Царь рабъ его во всѣхъ земляхъ да не срамъ) и уничиженіе будетъ всѣмъ царемъ во всѣхъ ихъ бусурманскихъ земляхъ, и всю Русь да побіетъ живущую въ Казани, и корень ихъ изведетъ изо всего царства своего. И аще, рече, сія сотвориши; то много лѣтъ имаши царствовати на Казани, аще ли же сего не сотворищи, то вскорѣ съ безчестіемъ и поруганіемъ сведенъ будеши съ царства, якоже братъ твой *Алехамъ* Царь, и умреши такожe въ заточеніи. И всегдашняя капля дождевая и жестокій камень пробиваетъ, а льщеніе женское снедаетъ и премудрые человѣки. И много крепися Царь и прельстися отъ злыя жены своея, и послуша

проклятого совѣта ея окоянный, оле безумію его, измени Великому Князю Московскому, нареченному отцу своему (см. выше, пр. 62, стр. 162), и присече купцовъ богатыхъ и всю Русь, живущую въ Казани, и во всѣхъ улусехъ съ женами и дѣтьми, въ лѣто 7013 (1505) на рождество Ивана Предтечи» (сл. *Подр. лѣт.* II, 57, 58; текстъ ея ближе подходитъ къ тексту списка *№* 74; въ *Подр. лѣт.* Алехамъ [Алемахъ] названъ разъ, по ошибкѣ, Александромъ, именно вмѣсто: «якоже братъ твой *Алехамъ* Царь», сказано: «якоже и братъ твой *Александръ* Царь»). Остальные лѣтописцы не объясняютъ настоящей причины, заставившей Мухаммедъ-Амина отложиться отъ Россіи, но почти всѣ (*Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 50; *Стр.* II, 272; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 244; *Ник.* VI, 172; *Врм.* II, 201; *Лв.* III, 283) говорятъ о какихъ то рѣчахъ, принудившихъ Ивана послать въ Казань Михаила Кляпика, столь неудачно окончившаго свое порученіе. Быть можетъ эти рѣчи и были дѣйствительно, какъ утверждаетъ Казанскій лѣтописецъ, злыя наущенія вдовы Ильгамовой.

Ограбивъ купцовъ нашихъ и задержавъ посла, Мухаммедъ-Аминъ тотчасъ же рѣшился вступить въ открытую войну съ Россіей, собралъ войско и переправился чрезъ Волгу, грозя напасть на Нижегородскія и Муромскія мѣста. Вѣсть объ этомъ пришла къ Ивану въ началѣ августа 1505 г. Великій князь, не мѣшкая, отрядилъ въ Муромъ воеводъ своихъ, князя Ивана Ивановича Горбатаго и Семена Ивано-

вича Воронцова. Чрезъ нѣсколько дней, 30 августа, пришла къ Ивану новая вѣсть: дали знать, что Мухаммедъ-Аминъ переправляется чрезъ р. Суру, за 150 верстъ отъ Нижняго Новгорода.

Въ это то самое время и послалъ великій князь въ Муромъ царевичей Сатылгана и брата его Джаная. Съ ними вмѣстѣ отрядилъ онъ туда же и воеводу князя Василія Даниловича Холмскаго. При царевичахъ находились ихъ огланы, князья и казаки. Чѣмъ кончился этотъ походъ — неизвѣстно. Свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о посылкѣ князя Горбатаго и Воронцова находятся въ однѣхъ разрядныхъ книгахъ, а въ нихъ не объяснено: сдѣлали ли что нибудь войска великокняжескія, оставались ли въ Муромѣ, или возвратились ни съ чѣмъ [66]). Все

[66]) Привожу подлинныя слова *Башм. разр. кн.* «Лѣта 7013 году, іюня въ день, пришла вѣсть къ великому князю, что царь Казанскиі, Магметь Аминь, великого князя посла Михайла Клепика поймалъ, а гостей Русскихъ побилъ, а товаръ ихъ поймалъ на себя весь.

И после того, августа въ день пришла вѣсть къ великому князю, что Магметь Аминь, царь Казанской, съ людьми возитца Волгу, а хочетъ итти на Нижегородские и на Муромские мѣста. И князь великиі послалъ заставу въ Муромъ воеводъ своихъ князя Івана Івановича Горбатаго, да боярина Семена Івановича Воронцова. И после того, августа въ 30 день, пришла вѣсть къ великому князю, что царь Казанской, Магметь Аминь,

съ людьми возитца Суру рѣку, за полтораста верстъ отъ Нижнего Новагорода. Князь великиі послалъ, а велелъ быти въ Муроме царевичемъ Салтанаку (*чит.* Салтагану), да Зенаю, съ уланами и со князьми и со всѣми казаки. Да въ Муромъ же послалъ князь великиі воеводу съ людьми князь Василья Даниловича Холмского. А каково будетъ дѣло, ино въ болшомъ полку съ царевичи быти князю Василью Даниловичю Холмскому, а въ правой рукѣ князю Івану Івановичю Горбатому, а въ лѣвой рукѣ Семену Івановичю Воронцову; а въ передовой полкъ и въ сторожевой князю Василью Холмскому, да князю Івану Горбатому, да Семену Воронцову воеводъ прибавити, кого будетъ пригоже». Упоминаемый здѣсь, вмѣстѣ съ Сатылганомъ, Зенай, очевидно, никто другой, какъ тотъ самый царевичь, сынъ Нуръ-даулетовъ и братъ Сатылгановъ, который въ Родословной названъ: по *Коп.* Джанай, по *Син.* Дчина, по *Арх.* Чинчина, по *Род.* Дженай, по списку Миллера Dschena (см. выше, пр. 21, стр. 44, 45, 47, 48). Я считаю правильнымъ правописаніе: *Джанай.* Имя Джанай — جاناى весьма употребительно у Татаръ. Царевичь Джанай звался еще у Русскихъ: Дзанай, Янай, Зеденай, Зеналей и пр. Примѣры тому увидимъ ниже.

что знаемъ о дальнѣйшемъ ходѣ войны 1505 г., это то, что, въ сентябрѣ, Мухаммедъ-Аминъ подступилъ къ Нижнему Новгороду, два дни простоялъ подъ нимъ, и на третій ушелъ, благодаря мужествен-

подъ 7014 г.; *Лв.* III, 282, 283 подъ 7020 г.). Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ приписываетъ эту измѣну Мухаммедъ-Амина проискамъ и вліянію жены его, вдовы Ильгамовой. «Той же Царь *Махметеминъ*», говоритъ онъ (*Ик.* стр 42 — 44), «сѣде на Казани Царемъ, и взя за себя сноху свою, брата своего жену *Алехама* Царя большицу Царицу, по прошенію его у Великого Князя изъ заточенія (*приб.* истемницы сволoгды, мужу ея *Алехаму* Царю умершу взаточеніи) и люба ему бысть вельми братня жена, и нача она, яко по малу червь точити сладкое древо, и яко прелукавая змія научаема отъ вельможъ царевыхъ ухапившися во уши шептаніемъ Царю день и нощь, да отложится отъ Великаго Князя, и да несловетъ Казанскій Царь Московскаго Великого Князя до не и срамъ (по списку № 74 правильнѣе: и да не словетъ Казанскій Царь рабъ его во всѣхъ земляхъ да не срамъ) и уничиженіе будетъ всѣмъ царемъ во всѣхъ ихъ бусурманскихъ земляхъ, и всю Русь да побіетъ живущую въ Казани, и корень ихъ изведетъ изо всего царства своего. И аще, рече, сія сотвориши; то много лѣтъ имаши царствовати на Казани, аще ли же сего не сотворищи, то вскорѣ съ безчестіемъ и поруганіемъ сведенъ будеши съ царства, якоже братъ твой *Алехамъ* Царь, и умреши такоже въ заточеніи. И всегдашняя капля дождевая и жестокій камень пробиваетъ, а льщеніе женское снедаетъ и премудрые человѣки. И много крепися Царь и прельстися отъ злыя жены своея, и послуша

проклятого совѣта ея окоянный, оле безумію его, измени Великому Князю Московскому, нареченному отцу своему (см. выше, пр. 62, стр. 162), и присече купцовъ богатыхъ и всю Русь, живущую въ Казани, и во всѣхъ улусехъ съ женами и дѣтьми, въ лѣто 7013 (1505) на рождество Ивана Предтечи» (сл. *Подр. лѣт.* II, 57, 58; текстъ ея ближе подходитъ къ тексту списка *№* 74; въ *Подр. лѣт.* Алехамъ [Алемахъ] названъ разъ, по ошибкѣ, Александромъ, именно вмѣсто: «якоже братъ твой *Алехамъ* Царь», сказано: «якоже и братъ твой *Александръ* Царь»). Остальные лѣтописцы не объясняютъ настоящей причины, заставившей Мухаммедъ-Амина отложиться отъ Россіи, но почти всѣ (*Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 50; *Свр.* II, 272; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 244; *Ник.* VI, 172; *Врм.* II, 201; *Лв.* III, 283) говорятъ о какихъ то рѣчахъ, принудившихъ Ивана послать въ Казань Михаила Кляпика, столь неудачно окончившаго свое порученіе. Быть можетъ эти рѣчи и были дѣйствительно, какъ утверждаетъ Казанскій лѣтописецъ, злыя наущенія вдовы Ильгамовой.

Ограбивъ купцовъ нашихъ и задержавъ посла, Мухаммедъ-Аминъ тотчасъ же рѣшился вступить въ открытую войну съ Россіей, собралъ войско и переправился чрезъ Волгу, грозя напасть на Нижегородскія и Муромскія мѣста. Вѣсть объ этомъ пришла къ Ивану въ началѣ августа 1505 г. Великій князь, не мѣшкая, отрядилъ въ Муромъ воеводъ своихъ, князя Ивана Ивановича Горбатаго и Семена Ивано-

вича Воронцова. Чрезъ нѣсколько дней, 30 августа, пришла къ Ивану новая вѣсть: дали знать, что Мухаммедъ-Аминъ переправляется чрезъ р. Суру, за 150 верстъ отъ Нижняго Новгорода.

Въ это то самое время и послалъ великій князь въ Муромъ царевичей Сатылгана и брата его Джаная. Съ ними вмѣстѣ отрядилъ онъ туда же и воеводу князя Василія Даниловича Холмскаго. При царевичахъ находились ихъ огланы, князья и казаки. Чѣмъ кончился этотъ походъ — неизвѣстно. Свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о посылкѣ князя Горбатаго и Воронцова находятся въ однѣхъ разрядныхъ книгахъ, а въ нихъ не объяснено: сдѣлали ли что нибудь войска великокняжескія, оставались ли въ Муромѣ, или возвратились ни съ чѣмъ [66]). Все

[66]) Привожу подлинныя слова *Башм. разр. кн.* «Лѣта 7013 году, іюня въ день, пришла вѣсть къ великому князю, что царь Казанскиі, Магметь Аминь, великого князя посла Михайла Клепика поймалъ, а гостей Русскихъ побилъ, а товаръ ихъ поймалъ на себя весь.

И после того, августа въ день пришла вѣсть къ великому князю, что Магметь Аминь, царь Казанской, съ людьми возитца Волгу, а хочетъ итти на Нижегороцские и на Муромские мѣста. И князь великиі послалъ заставу въ Муромъ воеводъ своихъ князя Івана Івановича Горбатаго, да боярина Семена Івановича Воронцова. И после того, августа въ 30 день, пришла вѣсть къ великому князю, что царь Казанской, Магметь Аминь,

съ людьми возитца Суру рѣку, за полтораста верстъ отъ Нижнего Новагорода. Князь великиі послалъ, а велелъ быти въ Муроме царевичемъ Салтанаку (*чит.* Салтагану), да Зенаю, съ уланами и со князьми и со всѣми казаки. Да въ Муромъ же послалъ князь великиі воеводу съ людьми князь Василья Даниловича Холмского. А каково будетъ дѣло, ино въ болшомъ полку съ царевичи быти князю Василью Даниловичю Холмскому, а въ правой рукѣ князю Івану Івановичю Горбатому, а въ лѣвой рукѣ Семену Івановичю Воронцову; а въ передовой полкъ и въ сторожевой князю Василью Холмскому, да князю Івану Горбатому, да Семену Воронцову воеводъ прибавити, кого будетъ пригоже». Упоминаемый здѣсь, вмѣстѣ съ Сатылганомъ, Зенай, очевидно, никто другой, какъ тотъ самый царевичь, сынъ Нуръ-даулетовъ и братъ Сатылгановъ, который въ Родословной названъ: по *Коп.* Джанай, по *Син.* Дчина, по *Арх.* Чинчина, по *Род.* Дженай, по списку Миллера Dschena (см. выше, пр. 21, стр. 44, 45, 47, 48). Я считаю правильнымъ правописаніе: *Джанай.* Имя Джанай — جاناى весьма употребительно у Татаръ. Царевичь Джанай звался еще у Русскихъ: Дзанай, Янай, Зеденай, Зеналей и пр. Примѣры тому увидимъ ниже.

что знаемъ о дальнѣйшемъ ходѣ войны 1505 г., это то, что, въ сентябрѣ, Мухаммедъ-Аминъ подступилъ къ Нижнему Новгороду, два дни простоялъ подъ нимъ, и на третій ушелъ, благодаря мужествен-

ной оборонѣ намѣстника великокняжескаго Ивана Васильевича Хабара Симскаго, который съ помощью горожанъ и Литовскихъ плѣнныхъ стрѣльцовъ, съумѣлъ не только отбить непріятеля, но и нанесть ему чувствительный уронъ въ людяхъ (*Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 50, *Сгр.* II, 274, *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 245, *Ник.* VI, 173 и *Арх.* 178, подъ 7014 г.; *Врм.* II, 201, 202 подъ 7015 г.; *Лв.* III, 284 подъ 7020 г.; *Ик.* 45 — 47 и *Подр. лѣт.* II, 59 — 61, гдѣ сказано, что осада длилась не три, а тридцать дней).

Въ послѣдній разъ Сатылганъ упоминается подъ 1506 годомъ. Тутъ снова довелось ему участвовать въ дѣлахъ Казанскихъ.

Въ октябрѣ 1505 г. Иванъ умеръ и ему наслѣдовалъ Василій. Новый великій князь счелъ первымъ долгомъ своимъ отомстить Мухаммедъ-Амину за его нападеніе на Нижній Новгородъ. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ двѣ рати, судовую и конную, подъ главнымъ начальствомъ брата своего Димитрія Ивановича. Въ апрѣлѣ 1506 г. войско двинулось къ Казани. Походъ кончился неудачнымъ для насъ образомъ. Съ начала, 22-го мая, разбита была подъ Казанью пришедшая прежде судовая рать, а потомъ, когда и конная подоспѣла черезъ мѣсяцъ, то все наше соединенное войско потерпѣло, 25 іюня, жестокое пораженіе. Димитрій и многіе изъ воеводъ бѣжали къ Нижнему Новгороду на судахъ; другіе же, именно царевичь Джанай, братъ Сатылгановъ,

который съ самаго начала похода находился въ конной рати съ Городецкими Татарами, и Федоръ Михайловичь Киселевъ, сухимъ путемъ, отступили къ Мурому. Ихъ настигла дорогой, въ 40 верстахъ отъ Суры, погоня, высланная Мухаммедъ-Аминомъ; къ счастью, царевичь и Киселевъ успѣли разбить ее. Нельзя при этомъ не замѣтить, что сами военачальники наши были причиною приключившихся имъ бѣдствій. Узнавъ о проигранномъ сраженіи 22-го мая, Василій отрядилъ на помощь къ брату князя Василья Даниловича Холмскаго, и отправилъ приказаніе, чтобы до его прихода, войска, стоявшія подъ Казанью, ничего не предпринимали. Димитрій же и воеводы не послушались государя, и, понадѣясь на свои силы, одни безъ Холмскаго, подступили къ городу, какъ скоро подоспѣла конная рать. Да и вообще, главные начальники наши дѣйствовали весьма небрежно и неосторожно.

Вскорѣ послѣ побѣга Русскихъ изъ подъ Казани, лѣтомъ же 1506 г., великій князь, вѣроятно, чтобы наблюдать за движеніями Мухаммедъ-Амина, послалъ войско къ Мурому. Именно при этомъ случаѣ упоминается въ послѣдній разъ Сатылганъ. Съ нимъ и съ братомъ его Джанаемъ велѣно было находиться въ большомъ полку князю Василію Даниловичу Холмскому [67]).

[67]) Выписываю изъ *Башм. разр. кн.* то что сказано въ ней объ обоихъ походахъ, какъ о томъ, въ которомъ нахо-

дился братъ великаго князя Димитрій, такъ и о томъ, въ которомъ участвовалъ Сатылганъ. «Лѣта 7014 году, октября въ 27 день, преставися князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росіі, а по немъ сяде на великомъ княжениі сынъ ево князь великиі Василей Івановичь всеа Росиі.

Тогожь лѣта царь Казанскиі, Магметь Аминь, побилъ въ Казани всѣхъ людей великого князя, которые торговали (это, вѣроятно, повтореніе стараго: подъ значущимся здѣсь побіеніемъ купцовъ, надо понимать, какъ я думаю, взятіе подъ стражу посла и разграбленіе купцовъ нашихъ въ 1505 г.; къ тому же и лѣтописи не говорятъ ни слова о какихъ либо новыхъ притѣсненіяхъ, которымъ бы въ 1506 г. подверглись Русскіе купцы въ Казани). И князь Василей Івановичь послалъ подъ Казань на царя Магметь Аминя брата своего князя Дмитрея Івановича Углецкого, да съ нимъ воеводъ своихъ въ судѣхъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: великого князя братъ, князь Дмитрей Івановичь Жилка. Да великого князя воеводы, князь Ѳедоръ Івановичь Бельской, да Дмитрей Васильевичь Шеинъ. Да въ болшомъ же полку, съ нарядомъ: князь Іванъ Васильевичь Курля Оболенской, да Андрѣй Васильевичь Сабуровъ, да Дмитрей Івановичь Ларевъ, да Алоѳрей Ѳилипьевъ. Въ передовомъ полку: князь Михайло Ѳедоровичъ Карамышь Курбской, да князь Юрьевъ Івановича воевода Дмитровского, князь Давыдъ Даниловичь Хромой Ярославской. Въ правой рукѣ князь Дмитрея Івановича воевода, князь Ѳедоръ Борисовичь Волоцкой. А великого князя воеводы. Въ правой

рукѣ: князь Михайло Өедоровичь Телятевской, да князь Володимеръ Андрѣевичь Микулинской. Въ лѣвой рукѣ: князь Іванъ Михайловичь Репня, да Петръ Івановичь Житовъ. Въ сторожевомъ полку: князь Іванъ Івановичь Щетина Стригинъ Оболенской, да Өедоръ Юрьевичь Щука Кутузовъ. А на перевозъ послалъ сторожевого полку воеводъ, гдѣ коннымъ воеводамъ возитись: князь Іванъ Івановичь Щетина Оболенской, да Өедоръ Юрьевичь Щука Кутузовъ, да князь Өедоръ Петровичь Сицкой Кривой. А на Каме на перевозе были воеводы князь Семенъ Өедоровичь Курбской, да князь Александра Өедоровичь Оленка Ярославской, да Іванъ Вельяминовичь Брехъ, да князь Іванъ Семеновичь Голенище Андомской; а выше Казани стояли, противъ Собны, воеводы князь Өедоръ Петровичь Сицкой, да Іванъ Андрѣевичь Болшой Жулебинъ. А въ конной рати воеводы по полкомъ были. Въ болшомъ полку: князь Александра Володимеровичь Ростовской, да князь Юрьевъ Івановича воевода Дмитровского, Михайло Елизаровъ сынъ Гусевъ Хобаровъ, да князь Дмитреевъ Івановича воевода, Василей Алексѣевъ сынъ Давыдовъ, да князь Өедоровъ Борисовича Волоцкого воевода, князь Григорей Мещерской. Въ передовомъ полку: князь Петръ Лобанъ Семеновичь Ряполовской; да у передового жь полку на праве Дзанай царевичь съ Городецкими Татары, да Канбуръ мурза. Въ правой рукѣ: князь Василей Мнихъ Семеновичь Ряполовской. Въ лѣвой рукѣ: князь Өедоръ Семеновичь Ряполовской Стрига. Въ сторожевомъ полку: князь Өедоръ Івановичь Стрига,

да Андрѣй Івановичь Коробовъ. Тогожь лѣта послалъ князь великиі въ Муромъ воеводъ съ людьми князь Василья Даниловича Холмского. А велелъ ему быти въ болшомъ полку съ царевичи Салтыганомъ да съ Дзенаемъ. Въ правой рукѣ: князю Івану Івановичю Горбатому. Въ лѣвой рукѣ: Семену Івановичю Воронцову».

Подробности похода князя Димитрія Ивановича можно видѣть въ лѣтописяхъ, и между прочимъ, въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 48 — 52 и *Подр. лѣт.* II, 62—65), хотя въ ней разсказъ объ этой войнѣ и не совсѣмъ точенъ. Еще нѣкоторыя извѣстія сообщаетъ Герберштейнъ въ Rer. Mosc. Comm. *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 62—63. Полнаго поименованія воеводъ, участвовавшихъ въ походѣ, нѣтъ нигдѣ, кромѣ *Врм.* II, 205, 206. Сравнивая *Врм.* и *Башм. разр. кн.* найдемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть разница, но что вообще въ *Башм. разр. кн.* многое изложено обстоятельнѣе и лучше.

Царевичь, отступившій съ Киселевымъ къ Мурому, послѣ пораженія претерпѣннаго нашими войсками, и разбившій погоню, высланную Мухаммедъ-Аминомъ, названъ по имени только во *Врм.*; въ немъ онъ названъ Зеналеемъ (*Врм.* II, 207: И пріидоша Казанская погоня на царевича Зеналея, и на Θедора Михайлова сына Киселевя. Царевичь же и Θедоръ съ болярскими людьми сотвориша бой съ Татары, и Божіею помощію одолѣша Татаръ, а сами пріидоша поздорову). Кто же былъ этотъ царевичь Зеналей? Отвѣтъ находимъ во *Врм.* же; тамъ, гдѣ въ *Башм. разр. кн.* сказано: «да у передо-

вого жь полку на праве Дзанай царевичь», во *Врм*. 206, читаемъ: «да въ передовомъ же полку въ правой рукѣ Зеналей царевичь». Значитъ, Зеналей *Врм*. и Дзанай *Башм. разр. кн*. одно и тоже лице. Изъ этого узнаемъ: кто изъ царевичей отступилъ къ Мурому и разбилъ погоню; — то былъ Джанай, братъ Сатылгановъ. Если во *Врм*. царевичь названъ Зеналеемъ, а въ *Башм. разр. кн*. — Дзанаемъ, то въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго. *Дзанай* — тоже что *Джанай*, а *Зеналей* — Русская перепись Татарскаго имени: *Джанъ-Али*. Форма же Джанай, въ свою очередь, должно быть, ничто иное, какъ сокращенная форма извѣстнаго имени Джанъ-Али (جان على). Арцыбышевъ (II, кн. IV, стр. 82, № 529) принимаетъ, кажется, Зеналея *Врм*. не за Джаная, сына Нуръ-даулета, а за Джанъ-Алія, брата Шахъ-Алія. Дѣйствительно Шахъ-Али, отецъ котораго выѣхалъ въ Россію въ 1502 г. (см. ниже статью: «Шейхъ-Ауліяръ»), имѣлъ брата, служилаго царевича великокняжескаго, по имени Джанъ-Алія; но *во первыхъ* Джанъ-Али, сынъ Шейхъ-Ауліяра, звался Русскими почти всегда Еналеемъ или Яналеемъ, *во вторыхъ* этотъ Джанъ-Али является на сценѣ политической гораздо позже Джаная (см. ниже, статью: «Джанъ-Али»).

О походѣ Сатылгана и Джаная, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Даниловичемъ Холмскимъ, въ 1506 г. къ Мурому, послѣ побѣга Русскихъ изъ подъ Казани, въ лѣтописяхъ не говорится ни слова. Я отмѣтилъ этотъ походъ на основаніи *Башм. разр. кн*. Не будь поиме-

нованъ съ Холмскимъ *Джанай*, который былъ подъ Казанью въ одно время съ Димитріемъ Ивановичемъ, можно было бы, пожалуй, думать, что рѣчь въ *Баим. разр. кн.* идетъ не о какомъ либо новомъ походѣ противъ Казанцевъ, а просто о посылкѣ Василія Даниловича Холмскаго на помощь стоявшему подъ Казанью Димитрію — посылкѣ, о которой упоминаютъ лѣтописцы, и о которой, въ свою очередь, я говорилъ выше на стр. 199.

V.

Джанай (جانای).

Въ Исторіи государства Россійскаго Карамзина, въ пр. 38 къ Т. VII, читаемъ слѣдующую выписку изъ Дѣлъ Ногайскихъ, хранящихся въ Моск. Арх. мин. ин. дѣлъ: «Въ Августѣ 1508 г. пріѣзжалъ къ В. К. сынъ Царевича Ногайскаго Ахкурта, Акдевлетъ [68]), и просилъ, чтобы Государь далъ отцу его

[68]) Настоящее имя Акдевлета (у *Кар.* пр. 201 и 301 къ Т. VII: Авдовлетъ, Акидевлетъ и Ахдовлетъ) было, очевидно, Акъ-даулетъ (آق دولت). Ахкуртъ, иначе Ахтуртъ, Ахпуртъ (*Кар.* пр. 201 къ Т. VII), Акуртъ (*Сб. гос. гр.* V, № 46, стр. 32, № 50, стр. 34), по Татарски, звался, какъ я думаю, Акъ-курдъ (آق قورد — въ переводѣ на Русскій языкъ: бѣлый волкъ). Акъ-даулетъ выѣхалъ въ послѣдствіи въ Россію и былъ въ числѣ служилыхъ царевичей великаго князя Василія. Въ

Башк. разр. кн. о немъ упоминается довольно часто. Въ ней онъ зовется Агдавлетъ Агакуртовъ, Акдевлетъ, Окдевлетъ Ахкуртовъ, Акдавлетъ Ахкуртаевъ и пр. Я буду имѣть случай говорить о немъ нѣсколько разъ.

или Казань или городъ Мещерскій (Касимовъ), или Андреевъ городокъ каменной [69]). Чиновники Великокняжескіе отвѣчали ему, что Казанскій Царь, Маг-метъ-Аминь, сдѣлался уже другомъ Василію, а городокъ Мещерскій и Андреевъ пожалованы Янаю Царевичу. Акдевлета отпустили съ дарами, но безъ писемъ».

[69]) Андреевъ городокъ въ Мещерѣ. *Род.* II, 239: Въ лѣто 6706 (1198?) Князь Ширинской Бахметь Усеиновъ сынъ, пришелъ изъ большіе Орды въ Мещеру, и Мещеру воевалъ, и засѣлъ, и въ Мещерѣ родился у него сынъ Беклемишъ. И крестился Беклемишъ, а во крещеніи имя ему Князь Михаило, и въ Андреевѣ городкѣ поставилъ храмъ Преображенія Господа нашего Іисуса Христа, и съ собою крестилъ многихъ людей.

И такъ въ 1508 г. Мещерскимъ городкомъ владѣлъ уже не Сатылганъ, а новый царевичь — Янай. Подтвержденіе этому факту находимъ и въ шертной грамотѣ, данной, 29 декабря того же 1508 г., великому князю Василію бывшимъ царемъ Казанскимъ, Абд-ул-латифомъ. Царь этотъ, захваченный

Русскими въ 1502 г. (см. выше, стр. 191) и содержавшійся съ тѣхъ поръ въ заточеніи, получилъ въ это время, по ходатайству Крымскаго хана Менглигирея и матери своей Нуръ-султаны (см. *Сб. гос. гр.* II, № 26, стр. 30, 31 и V, № 55, стр. 38), свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и городъ Юрьевъ. Въ шертной грамотѣ 29 декабря, данной именно по случаю пожалованія Абд-ул-латифу Юрьева, значится, между прочимъ, слѣдующее (*Сб. гос. гр.* II, № 27, стр 33): «А что ꙋ васъ Янаи Црвчь в городкѣ в Мещерскомъ и Шихъ Авлиаръ Црвчь в Сꙋрѡжикѣ (см. о царевичѣ Шихъ Авлиарѣ ниже, статью: «Шейхъ-Ауліяръ»), или инои Црь, или Црвчь будетъ ꙋ васъ в вашеи земли, и мнѣ, Абдъı Летиѳꙋ Црю, имъ лиха никакова не мыслити, ни чинити, ни моимъ Ꙋланомъ, ни Кнѕемъ, ни казакомъ (т. е. простымъ Татарамъ, см. выше, пр. 34, стр. 74) нашимъ всѣмъ; а ѿ нихъ мнѣ ихъ Ꙋлановъ и Кнѕей и казаковъ всѣхъ не приимать, хотя которые Ꙋланы и Кнѕи и казаки ѿ нихъ ѿстанꙋтъ, поидꙋтъ в ордꙋ и в Казань, или инꙋда, а захотятъ ко мнѣ, и мнѣ ихъ и ѿтоле к себѣ не пріимати: а Ꙗнаю Црвчю и Шихъ, Авлиарꙋ Црвчю мнѣ, Абдъıлъ Летиѳꙋ Црю, лиха не мыслити, ни чинити никакова, ни моимъ Ꙋланомъ, ни Кнѕемъ, ни казакомъ всѣмъ; а ѿ меня имъ к себѣ моихъ Ꙋлановъ и Кнѕей и казаковъ всѣхъ не пріимати, хотя которые Ꙋланы и Кнѕи и казаки ѿ меня ѿстанꙋтъ, поидꙋтъ в ордꙋ и в Казань, или инꙋда, а захотятъ к нимъ, и имъ ихъ ѿтоле к себѣ не пріимать. А гдѣ поидемъ на ваше

дѣлѡ с вами вмѣсте, или с вашею братьею, или опрочѣ васъ, или Ѹлановъ и Кн҃зеи и казаковъ своихъ ѿпѹстимъ, или казаки нш҃и кѹды поидѹтъ на поле, ино промежъ насъ и промежъ нш҃ихъ Ѹлановъ и Кн҃зеи и казаковъ не быти лихѹ никѡторомѹ нигдѣ» [70]).

[70]) Приведенная мною выписка любопытна не только какъ подтвержденіе того факта, что въ 1508 г. въ Мещерскомъ городкѣ сидѣлъ Янай, но еще и потому, что по ней, мы можемъ, хотя и приблизительно, судить объ отношеніяхъ, существовавшихъ тогда между царями и царевичами Татарскими, жившими въ Россіи. Другаго полнѣйшаго источника для изученія этого предмета не имѣемъ. Не менѣе любопытна и остальная часть шертной грамоты Абд-ул-латифа; въ ней опредѣлялись отношенія его къ великому князю; состояли онѣ въ слѣдующемъ: 1) служить вѣрно, и не ссылаться съ непріятелями великаго князя; 2) самому царю, огланамъ его, князьямъ и простымъ Татарамъ, проходя по Московскимъ землямъ, не грабить и надъ христіанами насилія не дѣлать, а если кто изъ Татаръ Абд-ул-латифовыхъ это сдѣлаетъ, того выдать; убьютъ Татарина на мѣстѣ преступленія — вины нѣтъ; 3) посламъ, отправляемымъ Абд-ул-латифомъ къ великому князю и къ его дѣтямъ, при проѣздѣ изъ Юрьева въ Москву и обратно, ѣздить по ямамъ и получать кормъ по числу людей и лошадей; остальнымъ же людямъ Абд-ул-латифовымъ, ѣдущимъ по торговымъ или по своимъ другимъ частнымъ дѣламъ, кормъ покупать; если же кто изъ

Татаръ — посолъ ли то будетъ, или нѣтъ—вздумаетъ брать силою кормъ и его убьютъ на мѣстѣ, то вины въ томъ нѣтъ; 4) пословъ и купцовъ Московскихъ и проѣзжихъ изъ разныхъ Ордъ, не грабить и не задерживать, а также бѣглыхъ изъ Ордъ плѣнныхъ Русскихъ, которымъ случится попасть къ Абд-ул-латифовымъ Татарамъ, не обижать и отпускать безпрепятственно; 5) не принимать къ себѣ отъ великаго князя Татаръ, а равнымъ образомъ и великому князю не принимать отъ Абд-ул-латифа людей, за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ родамъ: Ширинъ, Барынъ, Аргынъ и Кипчакъ — «также ми ѿ васъ Татаръ не прiимати, и вамъ ѿ меня людеи непрiимать, опричь Ширинова родȣ и Баарынова и Аргинова и Кипчакова» (на это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на право свободнаго отъѣзда, которымъ особы, происходившія изъ четырехъ поименованныхъ сильныхъ родовъ, должны были пользоваться, одни, для отличія отъ другихъ лицъ менѣе знатнаго происхожденія); 7) съ Казанью безъ вѣдома великаго князя не воевать; 8) довольствоваться Юрьевымъ, не выѣзжать изъ Московскаго государства, и быть послушнымъ великому князю. — Нѣтъ сомнѣнія, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многія изъ обязанностей, перечисленныхъ въ шертной грамотѣ Абд-ул-латифа, лежали и на другихъ служилыхъ царяхъ и царевичахъ Татарскихъ, сидѣвшихъ объ эту пору по городамъ Московскаго государства, а въ томъ числѣ и на владѣльцахъ Мещерскаго городка. Отношенія всѣхъ этихъ лицъ къ великому князю такъ мало извѣстны, что нельзя не

пожалѣть, что до насъ не дошло болѣе шертныхъ грамотъ въ родѣ Абд-ул-латифовой; въ особенности же, въ виду изслѣдуемаго мною предмета, жаль, что не сохранилось шертныхъ грамотъ Городецкихъ царей и царевичей.

Царевичь Янай, упоминаемый въ выпискѣ изъ Дѣлъ Ногайскихъ, сообщаемой Карамзинымъ, и въ шертной грамотѣ Абд-ул-латифа, безъ малѣйшаго сомнѣнія — тотъ самый сынъ Нуръ-даулетовъ и братъ Сатылгановъ, Джанай, о которомъ мы ужь имѣли случай говорить нѣсколько разъ.

Когда Джанай получилъ Мещерскій городокъ — не знаемъ; во всякомъ случаѣ назначеніе его должно было послѣдовать въ короткій промежутокъ времени между 1508 г. и лѣтомъ 1506 г., когда въ послѣдній разъ упоминается о Сатылганѣ (см. выше, стр. 199). Даже и то быть можетъ, что уже въ концѣ 1506 г. Сатылгана не было въ живыхъ, и Джанай владѣлъ Мещерскимъ городкомъ. Предполагать это мы въ правѣ на томъ основаніи, что въ разрядахъ конца 1506 г. значится одинъ Джанай безъ брата, именно: съ начала, въ октябрѣ, ему велѣно было идти «по Казанскимъ вестямъ» въ Муромъ, и стать во главѣ сбиравшагося тамъ отряда, а потомъ, ему предписано было, когда подоспѣютъ новыя войска и выступятъ въ походъ, находиться «у передового полку на праве» [71]). Конечно и въ апрѣлѣ того же 1506 года

[71]) *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7015 году, октября въ 16 день, по Казанскимъ вестямъ, велелъ князь великиі Василей Івановичь всеа Росиі быти въ Муроме Янаю царевичю, и велелъ ему розрядити полки. Въ болшомъ полку: Янай царевичь, да Семенъ Івановичь Воронцовъ. Въ передовомъ полку: князь Петръ Лобанъ Семеновичь Ряполовской. Въ правой рукѣ: князь Василей Івановичь Стригинъ Шихъ Оболенской. Въ лѣвой рукѣ: Михайло Юрьевичь Захарьинъ. На Плесе были воеводы· Іванъ Васильевичь Жулебинъ, да князь Юрья Івановичь Дѣевъ. Тогожь лѣта, по Казанскимъ же вестямъ, послалъ князь великиі въ Муромъ князя Данила Васильевича Щеня, да Юрья Костянтиновича Сабурова, а на Плесо послалъ князь великиі князя (Михайла) Івановича Булгакова Колышку, а ко князь Михайлу послалъ князя Юрья Пронского, а того не написано, воеводою ли или въ дѣтехъ боярскихъ, а скорменеи (?) посланы къ немужь князь Андрѣй Меншой Гундоровъ да князь Іванъ Осиповской. А съ Ярославля посланъ къ нему Григорей Стерлянъ Вельяминовъ. А только воеводы сойдутца Казанского для дѣла, и князь великиі велелъ имъ быти по полкомъ. Въ болшомъ полку: князю Данилу Васильевичю Щеняти. Въ передовомъ полку: Семену Івановичю Воронцову; а царевичю Янаю быти у передового полку на праве. Въ правой рукѣ: князю Михайлу Івановичю Булгакову, да Андрѣю Сабурову. Въ лѣвой рукѣ: князю Івану Івановичю Стриге Оболенскому. Въ сторожевомъ полку: Юрью Костянтиновичю Сабурову; а Юрья Сабуровъ билъ челомъ го-

сударю на Семена Воронцова, что Семенъ кабы ево почетнея; и государь Юрья Сабурова пожаловалъ, учинилъ ихъ съ Семеномъ мѣстниками по счету. А въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, послѣ князя Дмитрея Ивановича остатися князю Василью Даниловичю Холмскому, да Григорью Ѳедоровичю, да князю Василью Ноздроватому, да князю Осипу Андрѣевичю Дорогобужскому, да Юрью Сабурову.—Ср. помѣщенную у *Кар.* въ пр. 13 къ Т. VII, выписку изъ Разрядн. кн., гдѣ сказано: «Того же лѣта по Казанскимъ вѣстямъ послалъ К. В. въ Муромъ К. Данила Васильев. да Юрья Констант. Сабурова, а на Плесо К. Михайла Голицу Ивановича Булгакова... Розрядъ: въ большомъ полку Бояр. и Воев. К. Данило Васильев. Щеня... а Царевичу Енаю (или Зеденаю) быти у передоваго полку на правѣ».

(см. выше, стр. 198—204), Джанай ходилъ въ походъ одинъ, между тѣмъ какъ братъ его, настоящій владѣлецъ городка Мещерскаго, оставался дома, но забывать не слѣдуетъ того, что послѣ лѣта 1506 г. о Сатылганѣ положительно нигдѣ не говорится ни слова.

Исторія Городецкихъ Татаръ и жизнь самаго Джаная за все время управленія его Мещерскимъ городкомъ, весьма мало извѣстны. Подъ конецъ войны Василія съ Сигизмундомъ, въ августѣ 1508 г., часть Городецкихъ Татаръ, имѣя въ головахъ у себя Мухаммедъ-Амина, сына Карачукъ-миргена, ходила подъ главнымъ начальствомъ воеводы князя Василія Даниловича Несвицкаго, съ Галичанами и

Костромичами, провожать въ обратный путь знаменитаго измѣнника Литовскаго князя Михаила Глинскаго, который самъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Москву, и, между прочимъ, выпросилъ у великаго князя войско для обереженія городовъ Мозыря и Турова. Около этого же времени Джанай съ другою частью Городецкихъ Татаръ, былъ посыланъ, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Оболенскимъ, на подкрѣпленіе князю Данилу Васильевичу Щени, который получилъ приказаніе идти изъ Вязьмы къ Торопцу, чтобы выгнать появившійся тамъ Литовскій отрядъ [72]).

[72]) *Багим. разр. кн.*: А князь Михайло Лвовичь Немецъ Глинской, отъѣхавъ отъ воеводъ съ рубежа, пріѣхалъ къ великому князю, на подводахъ, въ четвергъ, передъ Оспожинымъ днемъ, августа въ 10 день. А воеводы съ нимъ прислали къ великому князю Өедца Яропкина. Да того дни у великого князя князь Михайло Немецъ ѣлъ со всѣми пріятели, и пировалъ съ нимъ князь великиі, и дары ему и ево пріятелевъ на пиру были; а въ приставехъ у него здѣсь былъ Өедецъ же Яропкинъ. И былъ у великого князя князь Михайло Немецъ Глинской 10 дней, а во 11 день, августа въ 20 день, въ неделю, князь великиі ево отпустилъ; и билъ челомъ великому князю князь Михайло Немецъ Глинской, и просилъ людей въ свои городы въ Мозырь и въ Туровъ. И князь великиі послалъ со княземъ Михайломъ воеводу своего князя Василья Да-

ниловича Несвицкого, и людей послалъ съ Несвицкимъ выборомъ Галичанъ, Костромичь, да Татаръ Городецкихъ, а въ головахъ съ ними посланъ Магметь Аминь Карачюковъ сынъ Мигриновъ. (По моему мнѣнію, имя это слѣдуетъ читать по Татарски: Мухаммедъ-Аминъ сынъ Карачукъ-миргена — محمد امین قراچوق میرکن اوغلی. Слово миргенъ — میرکن, میرکان — существуетъ и въ языкахъ Монгольскомъ и Манджурскомъ [см. также Heldensagen der Minussinschen Tataren, rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner. St. Petersburg. 1859. Einleitung, стр. XXX, XXXI]. Первоначальное значеніе его было, какъ думать должно: стрѣлокъ. Теперь ни Казанскіе, ни Симбирскіе Татары слова этого не употребляютъ, но существуетъ у нихъ слово: *мерè* — مره [Монг. *мергè*] — цѣль; говорятъ, напримѣръ: مرکا آتق — стрѣлять въ цѣль [مره — употребляется и въ дѣтскихъ играхъ]. Наиболѣе въ ходу, въ настоящее время, слово: میرکن — миргенъ, въ Средней Азіи, у Киргизъ-Кайсаковъ и въ Сибири. Значитъ оно: стрѣлокъ, охотникъ. Въ Средней Азіи имѣется даже особый родъ войска: ружейные стрѣлки, которыхъ зовутъ миргенами; такъ въ прошломъ столѣтіи въ Хивѣ находился отрядъ вооруженныхъ ружьями стрѣльцовъ, миргеновъ; см. мои «Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ. Т. I. Приложенія. Уфа. 1853. Подлинное донесеніе изъ Хивы переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова, отъ 9 марта 1754 г.», стр. 43, гдѣ сказано: «А на передъ приказалъ иттить съ ружьями предписаннымъ у насъ на караулѣ стоящимъ девяти человѣкамъ *Мергенемъ*... и ввелъ въ передній

залъ, въ коемъ по обѣимъ сторонамъ поставлено было съ ружьями *Мергеневъ* человѣкъ съ двѣсти»; см. также «О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданныя въ текстѣ, съ переводомъ и примѣчаніями В. В. Григорьевымъ. Казань. 1861 [перепечатано изъ I-й книжки Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета], стр. 35 текста, стр. 37 перевода, пр. 88 на стр. 104, и стр. 124. Подъ словомъ же: ميركن — миргенъ понимаютъ человѣка умнаго, изворотливаго и храбраго. Въ послѣднемъ случаѣ, оно отчасти совпадаетъ въ значеніи съ извѣстнымъ словомъ: باتور, بهادر — бегадуръ, батырь. Точно также какъ и слово батырь, слово миргенъ иногда придается къ имени какого либо лица, и составляетъ какъ бы почетное его прозвище. Примѣры этому встрѣчаются довольно часто у Киргизъ-Кайсаковъ; см. также A. Schiefner, op. sup. laudat. Einleitung, стр. XXXI). И къ великому князю писали изъ Торопца князь Василей княжь Юрьевъ сынъ Ростовской, что къ Торопцу пришли люди Литовскіе, да и къ целованью приводятъ Торопчанъ за короля. И князь великиі князю Данилу Васильевичю съ Новгороцкою ратью велелъ итти изъ Вязьмы къ Торопцу, и отпустилъ князь великиі царевича Дзеная зъ Городецкими Татары, а съ нимъ послалъ князь Василья Івановича Шиху Оболенскаго; а Якову со всѣми людьми велено быть въ Вязьме; да по Торопецкимъ же вестямъ изъ Великого Новагорода велено итти къ Лукамъ Григорью Өедоровичю Давыдову.

Кромѣ этихъ двухъ данныхъ, не знаемъ ничего, что бы можно было присовокупить къ тѣмъ отрывочнымъ извѣстіямъ, которыя мы сообщили о Джанаѣ въ началѣ статьи нашей.

Годъ смерти царевича неизвѣстенъ; съ нѣкоторою увѣренностью можно сказать, впрочемъ, что власть его надъ Мещерскимъ городкомъ прекратилась до 1512 года, и что мѣсто его заступилъ тамъ царевичь Шейхъ-Ауліяръ [73]).

[73]) Имя Шейхъ-Ауліара, какъ увидимъ, писалось весьма различно. Надгробные памятники, уцѣлѣвшіе въ Касимовѣ, свидѣтельствуютъ, что царевичь звался: Шейхъ-Ауліяръ—شيخ اوليار.

VI.

Шейхъ-Ауліаръ (شيخ اوليار).

Въ *Башм. разр. кн.* при описаніи похода великаго князя Василія подъ Смоленскъ, предпринятаго 19 декабря 1512 г., читаемъ, что когда государь прибылъ въ Можайскъ, то къ нему присоединился царевичь Шейхъ-Ауліаръ «зъ Городецкими Татары»[74]).

[74]) *Башм. разр. кн*: Лѣта 7021 году, ноября въ день, походъ великого князя Василья Івановича всеа Росиі къ Смоленску. А напередъ себя послалъ князь великиі воеводъ съ людьми къ Смоленску. Въ болшомъ полку: бояринъ и воевода князь Іванъ Михайловичь Оболенской Репня, да конюшей и воевода Іванъ Андрѣевичь Челяднинъ. Въ нередовомъ полку: воевода князь Андрѣй Васильевичь Оболенской, да другой воевода Ѳедоръ Никитичь Бутурлинъ. Въ правой рукѣ: князь Іванъ Андрѣевичь Лугвица Микулинской, да другой воевода Ѳедоръ Клементьевичь Протасьевъ.

Въ лѣвой рукѣ: воевода князь Никита Васильевичъ Оболенской, другой воевода Іванъ Никитичъ Бутурлинъ. Въ сторожевомъ полку: воевода Михайло Юрьевъ сынъ Захарьина, да другой воевода Іванъ Васильевъ сынъ Сабакинъ. Да съ темижъ воеводами итти вмѣсте за Смоленескъ, да отъ нихъ итти воевать отъ Друцка и отъ Орши, по великого князя наказу, къ Бряславлю и къ Дрисвяту, Өедору Юрьевичю Щуке Кутузову, да Михайлу Семеновичю Воронцову, да Андрѣю Никитину сыну Бутурлину. А ся роспись воеводамъ и людемъ по полкомъ съ Лукъ великихъ къ Бряславлюжъ. Въ болшомъ полку: воевода князь Василей Семеновичь Одоевской Швихъ. Въ передовомъ полку: воевода князь Семенъ Өедоровичь Курбской. Въ правой рукѣ: князь Данило Бохтеяръ, да съ нимъ Иванъ Мисиновъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Петръ Івановичь Елецкой, да Андрѣй Семеновъ сынъ Кутузовъ. Въ сторожевомъ полку: Іванъ Андрѣевъ сынъ Колычовъ. А изъ Новагорода Великого велелъ князь великиі итти въ Холмской городокъ воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: воевода князь Василей Васильевичъ Шуйской. Въ передовомъ полку: князь Борисъ Тебеть Улановъ. Въ правой рукѣ: Іванъ Григорьевичь Морозовъ. Въ лѣвой рукѣ: Василей Григорьевичь Морозовъ. Въ сторожевомъ полку: князь Іванъ Буйносъ княжь Александровъ сынъ Ростовской. Тогожь году, декабря въ 19 день, князь великиі Василей Івановичь всеа Росиі, слушавъ обѣдни у Пречистые Богородицы, вышелъ съ Москвы на Литовскую землю къ городу Смоленску

ратью, а съ нимъ съ Москвы вмѣсте выѣхалъ братъ его князь Дмитрей Iвановичь, да зять государевъ Петръ царевичь. А бояръ и воеводъ съ великимъ княземъ съ Москвы: князь Данило Васильевичь Щеня, князь Александра Володимеровичь Ростовской, Григорей Өедоровичь. А князь Iванъ Михайловичь Воротынской да Петръ Житовъ прiѣхали къ великому князю въ Можаескъ. Околничихъ съ Москвы съ великимъ княземъ: Костантинъ Григорьевичь Заболоцкой, Андрѣй Васильевичь Сабуровъ, Петръ Яковлевичь. Дворецкой: Василей Андрѣевичь. Оружничей: Андрѣй Михайловичь Салтыковъ. А съ казною: Петръ Iвановичь Головинъ. А съ постелею: Яковъ Мансуровъ, да Өедецъ Кучецкой. Ловчеи: Михайло Iвановичь Нагой, да Михайло Васильевъ сынъ Дятловъ. Бараши: Алешка да Борисъ Хомяковы. А братъ великого князя, князь Юрья Iвановичь, да князь Өедоръ Борисовичь, съ своими людьми, да царевичь Шиговлеяръ зъ Городецкими Татары, пришли къ великому князю въ Можаескъ. Съ великимъ же княземъ къ Смоленску дьяки: Елизаръ Цыплятевъ, Суморокъ Путятинъ, Андрѣй да Некрасъ Харламовы, Иванъ Переславецъ, Василей Аргамаковъ, Василей Жукъ. Дворцовые: Худякъ Григорьевъ сынъ Борадатаго, да Васюкъ Александровъ. Какъ пришолъ князь великиi въ Можаескъ, и изъ Можайска пришолъ князь великиi къ Смоленску по полкомъ. Въ болшомъ полку съ великимъ княземъ: зять его Петръ царевичь Обреимовъ, да бояринъ и воевода князь Данило Васильевичь Щеня; да въ болшомъ же полку: князь Михайло

Львовичь Глинской, да Мосальскіе князи, князь Дмитрей да князь Семенъ Івановичи. Въ правой рукѣ: братъ великого князя, князь Юрья Івановичь Дмитровской, а съ нимъ великого князя воеводы: князь Александра Володимеровичь Ростовской, да князь Петръ Семеновичь Лобанъ Ряполовской. Въ передовомъ полку: князь Василей Семеновичь Стародубской, да бояринъ и воевода князь Василей Васильевичь Шуйской, да князь Іванъ Михайловичь Воротынской, да Петръ Яковлевичь Захарьинъ. Въ сторожевомъ полку: князь Ѳедоръ Борисовичь Волоцкой, а съ нимъ великого князя воеводы: князь Михайло Івановичь Голица Булгаковъ, да Петръ Івановичь Житовъ, да князь Костянтинъ Ѳедоровичь Ушатой. Въ лѣвой рукѣ: братъ великого князя, князь Дмитрей Івановичь, да великого князя воеводы: Григорей Ѳедоровичь Челяднинъ Давыдовъ, да князь Іванъ Ѳедоровичь Ляпунъ Ушатой. А во дворовыхъ воеводахъ: дворецкой Василей Андрѣевичь Челяднинъ, да оружничей Андрѣй Михайловичь Солтыковъ.—Приведенную мною выписку изъ *Башм. разр. кн.* можно сличить съ тою выпискою изъ Разрядн. кн., которая помѣщена Карамзинымъ въ пр. 94 къ Т. VII его Исторіи государства Россійскаго. Выписка Карамзина разнится нѣсколько отъ моей, и не такъ полна; про Шейхъ-Ауліяра сказано просто, что онъ находился при особѣ великаго князя: «А съ нимъ (великимъ княземъ) братья его, К. Юрьй, да К. Дмитрей Ивановичи, да К. Ѳедоръ Борисовъ, да Петръ Царевичь, да Царевичь Шигъ-Авлеяръ».

[71]) *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7015 году, октября въ 16 день, по Казанскимъ вестямъ, велелъ князь великиі Василей Івановичь всеа Росиі быти въ Муроме Янаю царевичю, и велелъ ему розрядити полки. Въ болшомъ полку: Янай царевичь, да Семенъ Івановичь Воронцовъ. Въ передовомъ полку: князь Петръ Лобанъ Семеновичь Рягюловской. Въ правой рукѣ: князь Василей Івановичь Стригинъ Шихъ Оболенской. Въ лѣвой рукѣ: Михайло Юрьевичь Захарьинъ. На Плесе были воеводы· Іванъ Васильевичь Жулебинъ, да князь Юрья Івановичь Дѣевъ. Тогожь лѣта, по Казанскимъ же вестямъ, послалъ князь великиі въ Муромъ князя Данила Васильевича Щеня, да Юрья Костянтиновича Сабурова, а на Плесо послалъ князь великиі князя (Михайла) Івановича Булгакова Колышку, а ко князь Михайлу послалъ князя Юрья Пронского, а того не написано, воеводою ли или въ дѣтехъ боярскихъ, а скорменеи (?) посланы къ немужь князь Андрѣй Меншой Гундоровъ да князь Іванъ Осиповской. А съ Ярославля посланъ къ нему Григорей Стерлянъ Вельяминовъ. А только воеводы сойдутца Казанского для дѣла, и князь великиі велелъ имъ быти по полкомъ. Въ болшомъ полку: князю Данилу Васильевичю Щеняти. Въ передовомъ полку: Семену Івановичю Воронцову; а царевичю Янаю быти у передового полку на праве. Въ правой рукѣ: князю Михайлу Івановичю Булгакову, да Андрѣю Сабурову. Въ лѣвой рукѣ: князю Івану Івановичю Стриге Оболенскому. Въ сторожевомъ полку: Юрью Костянтиновичю Сабурову; а Юрья Сабуровъ билъ челомъ го-

Ауліяра, Шахъ-Али (см. ниже, статью «Шахъ-Али»), а съ другой, что еще въ 1508 г. сидѣлъ тамъ Джанай; слѣдовательно Шейхъ-Ауліяръ, преемникъ Джанаевъ, могъ править городкомъ только въ промежутокъ времени между 1508 и 1516 г. Годъ 1512, въ которомъ Шейхъ-Ауліяръ водилъ Городецкихъ Татаръ въ походъ, такъ близко совпадаетъ съ означенною эпохою, что выраженіе «зъ Городецкими Татары», употребленное въ *Башм. разр. кн.*, иначе и понимать трудно, какъ въ томъ именно смыслѣ, что царевичь предводительствовалъ Татарами не случайно, а въ качествѣ ихъ прямаго начальника.

Кто же былъ этотъ Шейхъ-Ауліяръ; откуда родомъ; какъ и когда явился въ Россіи; и что дѣлалъ у насъ до 1512 года?

Постараемся, по мѣрѣ возможности, отвѣтить на эти вопросы. Начнемъ съ первыхъ трехъ.

Русскіе лѣтописцы утверждаютъ, что Шейхъ-Ауліяръ былъ сыномъ Бахтіяръ-султана (بختيار سلطان). По ихъ увѣренію, онъ и другой царевичь, Юсуфъ-султанъ (يوسف سلطان), сынъ Якубъ-султана (يعقوب سلطان), оба племянники Ахмеда, хана Золотой Орды, выѣхали служить къ великому князю изъ Астрахани въ 1502 году[75]). Указанное лѣтописцами родопроис-

[75]) *Кар.* пр. 629 къ Т. VI: Г. 1502... Пріидоша къ Вел. Князю служити два Царевича изъ Астрахани, Исупъ Салтанъ, Ягупъ Салтановъ сынъ, да Шигавліяръ Салтанъ, Бахтѣяръ Салтановъ сынъ, братаничи

Костромичами, провожать въ обратный путь знаменитаго измѣнника Литовскаго князя Михаила Глинскаго, который самъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Москву, и, между прочимъ, выпросилъ у великаго князя войско для обереженія городовъ Мозыря и Турова. Около этого же времени Джанай съ другою частью Городецкихъ Татаръ, былъ посыланъ, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Оболенскимъ, на подкрѣпленіе князю Данилу Васильевичу Щени, который получилъ приказаніе идти изъ Вязьмы къ Торопцу, чтобы выгнать появившійся тамъ Литовскій отрядъ [72]).

[72]) *Багим. разр. кн.*: А князь Михайло Львович Немецъ Глинской, отъѣхавъ отъ воеводъ съ рубежа, пріѣхалъ къ великому князю, на подводахъ, въ четвергъ, передъ Оспожинымъ днемъ, августа въ 10 день. А воеводы съ нимъ прислали къ великому князю Ѳедца Яропкина. Да того дни у великого князя князь Михайло Немецъ ѣлъ со всѣми пріятели, и пировалъ съ нимъ князь великиі, и дары ему и ево пріятелевъ на пиру были; а въ приставехъ у него здѣсь былъ Ѳедецъ же Яропкинъ. И былъ у великого князя князь Михайло Немецъ Глинской 10 дней, а во 11 день, августа въ 20 день, въ неделю, князь великиі ево отпустилъ; и билъ челомъ великому князю князь Михайло Немецъ Глинской, и просилъ людей въ свои городы въ Мозырь и въ Туровъ. И князь великиі послалъ со княземъ Михайломъ воеводу своего князя Василья Да-

Великому Князю служить два Царевича из Амстарованя: Исупъ Салтанъ Бахтеяровъ Салтановъ сынъ Ахматовы Царевы братаничи Болшіе Орды. *Ст.* II, 165: Къ Великому Князю два Царевича служити пріидоша изъ Астрахани, Исупъ и Бахтіярь, Ахматовы Царевы братаничи большія Орды.

хожденіе Шейхъ-Ауліяра должно быть вѣрно. У Ахмеда, хана Золотой Орды, сына Кичи-Мухаммеда (см. выше, пр. 49, стр. 112), были дѣйствительно братья: Якубъ и Бахтіяръ. Ссылаюсь на *Сб. лѣт.* стр. 159, гдѣ прямо сказано: «اما کچیك محمد خان نینك اوغلانلاری بو ترور محمود خان احمد خان یعقوب سلطان بختیار سلطان т. е. А Кучукъ-Мухаммедовы дѣти: Махмудъ-ханъ [76]), Ахмедъ-ханъ, Якубъ-султанъ, Бахтіяръ-султанъ».

[76]) Отъ этого Махмудъ-хана дошли до насъ монеты. На нихъ, на лицевой сторонѣ, значится: Махмудъ-ханъ, сынъ Мухаммедъ-хана, сына Тимуръ-хана — محمود خان بن محمد خان بن تیمور خان, или: Государь правосудный, Махмудъ, сынъ Мухаммеда, сына Тимура — السلطان العادل محمود بن محمد بن تیمور; монеты эти биты въ Астрахани и въ другихъ мѣстахъ (Fraehnii Recensio Numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli. MDCCCXXVI, стр. 393 и 394). Кичи-Мухаммедъ былъ, какъ извѣстно, сынъ Тимура (см. выше, пр. 49, стр. 112).

залъ, въ коемъ по обѣимъ сторонамъ поставлено было съ ружьями *Мергеневъ* человѣкъ съ двѣсти»; см. также «О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданныя въ текстѣ, съ переводомъ и примѣчаніями В. В. Григорьевымъ. Казань. 1861 [перепечатано изъ I-й книжки Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета], стр. 35 текста, стр. 37 перевода, пр. 88 на стр. 104, и стр. 124. Подъ словомъ же: میرکن—миргенъ понимають человѣка умнаго, изворотливаго и храбраго. Въ послѣднемъ случаѣ, оно отчасти совпадаетъ въ значеніи съ извѣстнымъ словомъ: باتور, بهادر — бегадуръ, батырь. Точно также какъ и слово батырь, слово мергенъ иногда придается къ имени какого либо лица, и составляетъ какъ бы почетное его прозвище. Примѣры этому встрѣчаются довольно часто у Киргизъ-Кайсаковъ; см. также A. Schiefner, op. sup. laudat. Einleitung, стр. XXXI). И къ великому князю писали изъ Торопца князь Василей княжь Юрьевъ сынъ Ростовской, что къ Торопцу пришли люди Литовскіе, да и къ целованью приводятъ Торопчанъ за короля. И князь великиі князю Данилу Васильевичю съ Новгороцкою ратью велелъ итти изъ Вязьмы къ Торопцу, и отпустилъ князь великиі царевича Дзеная зъ Городецкими Татары, а съ нимъ послалъ князь Василья Івановича Шиху Оболенскаго; а Якову со всѣми людьми велено быть въ Вязьме; да по Торопецкимъ же вестямъ изъ Великого Новагорода велено итти къ Лукамъ Григорью Θедоровичю Давыдову.

Кромѣ этихъ двухъ данныхъ, не знаемъ ничего, что бы можно было присовокупить къ тѣмъ отрывочнымъ извѣстіямъ, которыя мы сообщили о Джанаѣ въ началѣ статьи нашей.

Годъ смерти царевича неизвѣстенъ; съ нѣкоторою увѣренностью можно сказать, впрочемъ, что власть его надъ Мещерскимъ городкомъ прекратилась до 1512 года, и что мѣсто его заступилъ тамъ царевичь Шейхъ-Ауліяръ [73]).

[73]) Имя Шейхъ-Ауліара, какъ увидимъ, писалось весьма различно. Надгробные памятники, уцѣлѣвшіе въ Касимовѣ, свидѣтельствуютъ, что царевичь звался: Шейхъ-Ауліяръ—شيخ اوليار.

VI.

Шейхъ-Ауліяръ (شيخ اوليار).

Въ *Башм. разр. кн.* при описаніи похода великаго князя Василія подъ Смоленскъ, предпринятаго 19 декабря 1512 г., читаемъ, что когда государь прибылъ въ Можайскъ, то къ нему присоединился царевичь Шейхъ-Ауліяръ «зъ Городецкими Татары» [74]).

[74]) *Башм. разр. кн*: Лѣта 7021 году, ноября въ день, походъ великого князя Василья Івановича всеа Росиі къ Смоленску. А напередъ себя послалъ князь великиі воеводъ съ людьми къ Смоленску. Въ болшомъ полку: бояринъ и воевода князь Іванъ Михайловичь Оболенской Репня, да конюшей и воевода Іванъ Андрѣевичь Челяднинъ. Въ нередовомъ полку: воевода князь Андрѣй Васильевичь Оболенской, да другой воевода Ѳедоръ Никитичь Бутурлинъ. Въ правой рукѣ: князь Іванъ Андрѣевичь Лугвица Микулинской, да другой воевода Ѳедоръ Клементьевичь Протасьевъ.

Въ лѣвой рукѣ: воевода князь Никита Васильевичь Оболенской, другой воевода Іванъ Никитичь Бутурлинъ. Въ сторожевомъ полку: воевода Михайло Юрьинъ сынъ Захарьина, да другой воевода Іванъ Васильевъ сынъ Сабакинъ. Да съ темижь воеводами итти вмѣсте за Смоленескъ, да отъ нихъ итти воевать отъ Друцка и отъ Орши, по великого князя наказу, къ Бряславлю и къ Дрисвяту, Ѳедору Юрьевичю Щуке Кутузову, да Михайлу Семеновичю Воронцову, да Андрѣю Никитину сыну Бутурлину. А ся роспись воеводамъ и людемъ по полкомъ съ Лукъ великихъ къ Бряславлюжь. Въ болшомъ полку: воевода князь Василей Семеновичь Одоевской Швихъ. Въ передовомъ полку: воевода князь Семенъ Ѳедоровичь Курбской. Въ правой рукѣ: князь Данило Бохтеяръ, да съ нимъ Иванъ Мисиновъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Петръ Івановичь Елецкой, да Андрѣй Семеновъ сынъ Кутузовъ. Въ сторожевомъ полку: Іванъ Андрѣевъ сынъ Колычовъ. А изъ Новагорода Великого велелъ князь великиі итти въ Холмской городокъ воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: воевода князь Василей Васильевичь Шуйской. Въ передовомъ полку: князь Борисъ Тебеть Улановъ. Въ правой рукѣ: Іванъ Григорьевичь Морозовъ. Въ лѣвой рукѣ: Василей Григорьевичь Морозовъ. Въ сторожевомъ полку: князь Іванъ Буйносъ князь Александровъ сынъ Ростовской. Тогожь году, декабря въ 19 день, князь великиі Василей Івановичь всеа Росиі, слушавъ обѣдни у Пречистые Богородицы, вышелъ съ Москвы на Литовскую землю къ городу Смоленску

ратью, а съ нимъ съ Москвы вмѣсте выѣхалъ братъ его князь Дмитрей Івановичь, да зять государевъ Петръ царевичь. А бояръ и воеводъ съ великимъ княземъ съ Москвы: князь Данило Васильевичь Щеня, князь Александра Володимеровичь Ростовской, Григорей Өедоровичь. А князь Іванъ Михайловичь Воротынской да Петръ Житовъ прiѣхали къ великому князю въ Можаескъ. Околничихъ съ Москвы съ великимъ княземъ: Костантинъ Григорьевичь Заболоцкой, Андрѣй Васильевичь Сабуровъ, Петръ Яковлевичь. Дворецкой: Василей Андрѣевичь. Оружничей: Андрѣй Михайловичь Салтыковъ. А съ казною: Петръ Івановичь Головинъ. А съ постелею: Яковъ Мансуровъ, да Өедецъ Кучецкой. Ловчеи: Михайло Івановичь Нагой, да Михайло Васильевъ сынъ Дятловъ. Бараши: Алешка да Борисъ Хомяковы. А братъ великого князя, князь Юрья Івановичь, да князь Өедоръ Борисовичь, съ своими людьми, да царевичь Шиговлеяръ зъ Городецкими Татары, пришли къ великому князю въ Можаескъ. Съ великимъ же княземъ къ Смоленску дьяки: Елизаръ Цыплятевъ, Суморокъ Путятинъ, Андрѣй да Некрасъ Харламовы, Иванъ Переславецъ, Василей Аргамаковъ, Василей Жукъ. Дворцовые: Худякъ Григорьевъ сынъ Борадатаго, да Васюкъ Александровъ. Какъ пришолъ князь великиi въ Можаескъ, и изъ Можайска пришолъ князь великиi къ Смоленску по полкомъ. Въ болшомъ полку съ великимъ княземъ: зять его Петръ царевичь Обреимовъ, да бояринъ и воевода князь Данило Васильевичь Щеня; да въ болшомъ же полку: князь Михайло

Львовичъ Глинской, да Мезецкіе князи. князь Дмитрей да князь Семенъ Івановичи. Въ правой рукѣ: братъ великого князя. князь Юрья Івановичь Дмитровской. а съ нимъ великого князя воеводы: князь Александра Володимеровичь Ростовской, да князь Петръ Семеновичь Лобанъ Ряполовской. Въ передовомъ полку: князь Василей Семеновичь Стародубской, да бояринъ и воевода князь Василей Васильевичь Шуйской, да князь Іванъ Михайловичь Воротынской, да Петръ Яковлевичь Захарьинъ. Въ сторожевомъ полку: князь Θедоръ Борисовичь Волоцкой, а съ нимъ великого князя воеводы: князь Михайло Івановичь Голица Булгаковъ, да Петръ Івановичь Житовъ, да князь Костантинъ Θедоровичь Ушатой. Въ лѣвой рукѣ. братъ великого князя, князь Дмитрей Івановичь, да великого князя воеводы: Григорей Θедоровичь Челяднинъ Давыдовъ, да князь Іванъ Θедоровичь Ляпунъ Ушатой. А во дворовыхъ воеводахъ: дворецкой Василей Андрѣевичь Челяднинъ, да оружничей Андрѣй Михайловичь Солтыковъ.—Приведенную мною выписку изъ *Башм. разр. кн.* можно сличить съ тою выпискою изъ Разрядн. кн., которая помѣщена Карамзинымъ въ пр. 94 къ Т. VII его Исторіи государства Россійскаго. Выписка Карамзина разнится нѣсколько отъ моей, и не такъ полна; про Шейхъ-Ауліяра сказано просто, что онъ находился при особѣ великаго князя: «А съ нимъ (великимъ княземъ) братья его, К. Юрьй, да К. Дмитрей Ивановичи, да К. Θедоръ Борисовъ, да Петръ Царевичь, да Царевичь Шигъ-Авлеяръ».

Какъ объяснить эти слова *Башм. разр. кн.*? Начальствовалъ ли царевичь Шейхъ-Аулiяръ надъ Городецкими Татарами въ 1512 г. случайно, или предводительствовалъ ими по своей прямой обязанности, какъ владѣлецъ городка Мещерскаго?

Вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Въ Актахъ, собранныхъ Археографической экспедицiею, въ т. I, подъ № 289, напечатана Опись Царскаго архива 1575 — 1584 г., и въ ней, между прочимъ (на стр. 336), читаемъ: «Ящикъ 16. А въ немъ грамоты шертные Городетцкie, Нордоулатова царева и Салтангаева и Зенаева и Шихъавлiярова, и сейтевъ и князей Городетцкихъ, а всѣхъ грамотъ 9». Строки эти важны; въ нихъ: *во первыхъ*, Шейхъ-Аулiяръ поименованъ на ряду съ другими владѣльцами Городецкими; значитъ и самъ онъ былъ такимъ же точно владѣльцемъ, какими были и они; *во вторыхъ*, при перечисленiи владѣльцевъ, если судить по именамъ первыхъ трехъ изъ нихъ: Нуръ-даулета (Нордоулата), Сатылгана (Салтангая; въ той же Описи архива, въ другомъ мѣстѣ, на стр. 337, Сатылганъ названъ еще Саталганомъ: «Да другой ящикъ 22 же. А въ немъ списки Саталгановы царевичевы»), и Джаная (Зеная), соблюденъ тотъ самый порядокъ, въ которомъ они слѣдовали одинъ за другимъ; значитъ Шейхъ-Аулiяръ занялъ мѣсто Джаная, и былъ первымъ послѣ него владѣльцемъ Городецкимъ. Мы знаемъ положительно съ одной стороны, что въ 1516 г. Мещерскимъ городкомъ правилъ сынъ Шейхъ-

Ауліяра, Шахъ-Али (см. ниже, статью «Шахъ-Али»), а съ другой, что еще въ 1508 г. сидѣлъ тамъ Джанай: слѣдовательно Шейхъ-Ауліяръ, преемникъ Джанаевъ, могъ править городкомъ только въ промежутокъ времени между 1508 и 1516 г. Годъ 1512, въ которомъ Шейхъ-Ауліяръ водилъ Городецкихъ Татаръ въ походъ, такъ близко совпадаетъ съ означенною эпохою, что выраженіе «зъ Городецкими Татары», употребленное въ *Башм. разр. кн.*, иначе и понимать трудно, какъ въ томъ именно смыслѣ, что царевичь предводительствовалъ Татарами не случайно, а въ качествѣ ихъ прямаго начальника.

Кто же былъ этотъ Шейхъ-Ауліяръ; откуда родомъ; какъ и когда явился въ Россіи; и что дѣлалъ у насъ до 1512 года?

Постараемся, по мѣрѣ возможности, отвѣтить на эти вопросы. Начнемъ съ первыхъ трехъ.

Русскіе лѣтописцы утверждаютъ, что Шейхъ-Ауліяръ былъ сыномъ Бахтіяръ-султана (بختيار سلطان). По ихъ увѣренію, онъ и другой царевичь, Юсуфъ-султанъ (یوسف سلطان), сынъ Якубъ-султана (یعقوب سلطان), оба племянники Ахмеда, хана Золотой Орды, выѣхали служить къ великому князю изъ Астрахани въ 1502 году [75]). Указанное лѣтописцами родопроис-

[75]) *Кар.* пр. 629 къ Т. VI: Г. 1502... Пріидоша къ Вел. Князю служити два Царевича изъ Астрахани, Исупъ Салтанъ, Ягупъ Салтановъ сынъ, да Шигавліяръ Салтанъ, Бахтѣяръ Салтановъ сынъ, братаничи

Ахмата Царя Большія Орды. *Врм.* II, 197: Тогоже лѣта (7010) пріидоша къ великому князю изъ Асторохани служити два царевича, Исупъ Салтанъ Ягупъ Салтановъ сынъ, да Шигавріяръ Салтанъ, Бахтеря Салтановъ сынъ, братаничи Ахмата царя болшія Орды. *Соф. 1 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 48: Того же лѣта (7010) приходиша къ великому князю служити два царевичя изъ Хазторокани, Исупъ салтанъ, Ягубъ салтановъ сынъ, да Шигавліамъ салтанъ, Бахтіаръ салтановъ сынъ, Ахматовы царевы братаничи, Болшія орды. *Ник.* VI, 168: Тогожъ лѣта (7010) приідоша к великому князю служити два царевича иза Астрахани, Исубъ салтанъ Егубъ салтановъ сынъ, да Шигавлиамъ салтанъ Бахтиаръ салтановъ сынъ, ахматовы царевы братаничи болшия Орды. *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 244: Того же лѣта (7010) пріидоша къ великому князю служити два царевича изъ Хазтарокани, Исупъ салтанъ, Въягубъ салтановъ сынъ, да Шигаванамъ салтанъ, Бахтіаръ салтановъ сынъ, Ахматовы царевы братаничи Болшія орды (*Свр.* II, 270). *Лв.* III, 275: Тогожъ лѣта (7018) приходили къ Великому Князю служить два царевича изъ Астаракани Исупъ Салтанъ, Ягупа Салтана сынъ, да Шигаванамъ Салтанъ Бахтіара Салтана сынъ, Ахматовы царевы братаничи большія Орды. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 242, 243: Того же лѣта (7010) приходиша къ великому князю служити два царевича изъ Хазторокани, Исупъ Салтанъ Бахтіаръ Салтановъ сынъ, Ахматовы царевы братаничи Болшіа орды. *Лѣт. Норм.* 14: Того жь лѣта (7010) приходили къ

Великому Князю служить два Царевича из Аксторохани. Петуть Салтанъ Бахтеярювъ Салтановъ сынъ Ахматовы Царевы братаничи Болшие Орды. *Ст.* II, 165: Къ Великому Князю два Царевича служити прiидоша изъ Астрахани. Петуть и Бахтiаръ. Ахматовы Царевы братаничи большiя Орды.

хожденіе Шейхъ-Аулiяра должно быть вѣрно. У Ахмеда, хана Золотой Орды, сына Кичи-Мухаммеда (см. выше, пр. 49, стр. 112), были дѣйствительно братья: Якубъ и Бахтiяръ. Ссылаюсь на *Сб. лѣт.* стр. 159, гдѣ прямо сказано: اما كجيك محمد خان نينك اوغلانلارى بو ترور محمود خان احمد خان يعقوب سلطان بختيار سلطان т. е. А Кучукъ-Мухаммедовы дѣти: Махмудъ-ханъ [76], Ахмедъ-ханъ, Якубъ-султанъ, Бахтiяръ-султанъ».

[76] Отъ этого Махмудъ-хана дошли до насъ монеты. На нихъ, на лицевой сторонѣ, значится: Махмудъ-ханъ, сынъ Мухаммедъ-хана, сына Тимуръ-хана — محمود خان بن محمد خان بن تيمور خان, или: Государь правосудный, Махмудъ, сынъ Мухаммеда, сына Тимура — السلطان العادل محمود بن محمد بن تيمور; монеты эти биты въ Астрахани и въ другихъ мѣстахъ (Fraehnii Recensio Numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli. MDCCCXXVI, стр. 393 и 394). Кичи-Мухаммедъ былъ, какъ извѣстно, сынъ Тимура (см. выше, пр. 49, стр. 112).

Въ Родословной книгѣ, изданной по *Син.* списку во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ (Кн. 10. Матеріалы, стр. 127), въ началѣ особой статьи подъ заглавіемъ: *Родъ Царей болшіе Орды*, происхожденіе Шейхъ-Ауліяра выведено иначе, чѣмъ въ лѣтописяхъ, именно слѣдующимъ образомъ: «Царь Чингисъ, а у Царя Чингиса дѣти: первой Ючи Царь, другой Чагадай Царь, третей Угудей Царь, четвертой Тулей Царь. А у Ючи Царя дѣти: Берканъ Царь, да Итоктя Царь, Итоктинъ сынъ Изебякъ Царь, Изебяковъ сынъ Язебенеханъ Царь, Язебенехановъ сынъ Жалебекъ Царь, третій Чисарей Санъ Царь, четвертой Иземъ Царь, пятой Туатемиръ Царь, шестой Баштемиръ Царь. А у Чисарей Санова сына у Туатемиря 6 сыновъ: первый сынъ Тогозя Уланъ, Тогозиновъ сынъ Улановъ Тахтамышь Царь, Тогозиновъ братъ Тахтамышовъ дядя, Темиръ Бекъ Уланъ, Темиръ Бекъ Улановъ сынъ Темиръ-Кутлуй Царь. А Темиркутлуевы дѣти: первой сынъ Ахметъ Царь, другой сынъ Махмутъ Царь Седиахматъ; у Седиахмата дѣти: Хозякъ Салтанъ, а у Хозякъ Салтана Якубъ Салтанъ, а у Якубъ Салтана Нашиговлеяръ Салтанъ, а у Нашиговлеяра сынъ Царь Шигалей» [77]).

[77]) Имя «Шигалей» прямо указываетъ на то, что подъ «Нашиговлеяромъ» надобно понимать Шейхъ-Ауліяра, а не кого либо другаго: у Шейхъ-Ауліяра былъ дѣйствительно

сынъ, по имени Шигалей (Шахъ-Али; см. ниже, статью «Шахъ-Али»). Лишній слогъ *на* въ началѣ имени «Нашиговлеяръ», вѣроятно, составляетъ простое повтореніе слога *на*, которымъ оканчивается предъидущее слово «Салтана».

Оцѣнить достоинство этой родословной иначе нельзя, какъ разобравъ ее подробно, съ начала до конца, отъ перваго упоминаемаго въ ней лица до послѣдняго; тогда окажется тотчасъ, что сказанному въ ней о происхожденіи Шейхъ-Аулiяра довѣрять нельзя. Приступимъ къ разбору.

Царь Чингисъ, очевидно — знаменитый Чингизъ-ханъ (جنكيز خان); нечего и говорить, что *Ючи*, *Чагадай*, *Угудей* и *Тулей* — тѣ самые сыновья Чингиза, которыхъ мусульманскіе писатели зовутъ: Джучи (جوجى), Джагатай (جغتاى), Оготай (اوكداى), и Тули (تولى). Джучи, какъ извѣстно, имѣлъ многихъ сыновей, и въ томъ числѣ одного, по имени: Берке (بركه), хана Золотой Орды, умершаго въ 1266 г. (Савельевъ. Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джелаиридовъ, и другія. Вып. II, Спб. 1858, стр. 283). Онъ первый изъ государей Улуса Джучіева принялъ мусульманство. Этотъ Берке или Беркай, которому Ибнъ-Арабшахъ и Дженнаби приписываютъ неправильно основаніе города Сарая (В. В. Григорьевъ. О мѣстоположеніи столицы Золотой Орды, Сарая. Спб. 1845, изъ Журн. Мин. внутр. дѣлъ, стр. 4—12; см. также Defrémery. Fragments de géographes et d'his-

toriens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. Paris. MDCCCXLIX, extrait № 10 de l'année 1849 du Journal Asiatique, стр. 205) и былъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, *Берканъ Царь*, значущiйся въ *Син.* сп.

Въ именахъ: *Итоктя* и *Изебякъ* нельзя не узнать именъ хановъ Золотой Орды: Токту или Токта (توقتا), 1291 — 1313, и Узбекъ (اوزبك), 1313 — 1342 (Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. II, стр. 189 — 192 и 288 — 290, и Вып. I, стр. 17 и 18). Но дѣло въ томъ, что ни Токту не былъ сыномъ Джучiя, ни Узбекъ—сыномъ Токты. Первый изъ нихъ былъ сынъ хана Менгу-Тимура, сына Тутукана (Тугана) и внука Батыя, сына Джучiева; а второй имѣлъ отцемъ Тогрыла (Тогрылдже), сына Менгу-Тимурова, и слѣдовательно былъ племянникомъ Токты (Hammer. Geschichte der Goldenen Horde, стр. 248, 249 и 281, 282; Defrémery. Fragments de géographes et d'historiens, стр. 217, 218).

Изебяковъ сынъ Язебенеханъ, очевидно, никто другой, какъ Джанибекъ-ханъ (جانی بك خان) царствовавшiй въ Золотой Ордѣ съ 1341 по 1357 г. (Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. I, стр. 19—21), котораго и Русскiе лѣтописцы и восточные писатели называютъ сыномъ Узбека. *Жалебекъ Царь*, по всей вѣроятности, описка; читать слѣдуетъ или *Бердыбекъ Царь* (Бердыбекъ-ханъ, сынъ Джанибека, правилъ Золотой Ордой около трехъ лѣтъ, съ 1357 по 1359 г.; см. Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. I, стр. 26),

или *Жанибекъ Царь*. Жанибекомъ, между прочимъ, звался, въ Русскихъ лѣтописяхъ, Джанибекъ сынъ Узбековъ; переписчикъ могъ по ошибкѣ, говоря о сынѣ, повторить имя отца въ другой искаженной формѣ.

Въ строкахъ: *Третій Чисарей Самъ Царь*, *четвертой Иземъ Царь*, *пятой Туатемиръ Царь*, *шестой Бевтемиръ Царь* продолжается перечисленіе сыновей Джучія; по крайней мѣрѣ, слово «третій» нельзя объяснить иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что *Чисарей Самъ* былъ третій сынъ Джучія, послѣ перваго *Беркана*, и втораго *Итокты*. Изо всѣхъ четырехъ лицъ, упоминаемыхъ въ приведенныхъ строкахъ, что нибудь положительное можно сказать только о Туатемирѣ. Въ числѣ сыновей Джучія, о которыхъ говорятъ мусульманскіе писатели, значится одинъ, по имени Тукатимуръ или Тукай - Тимуръ (Hammer. Geschichte der Goldenen Horde, стр. 97; Defrémery. Fragments de géographes et d'historiens, стр. 212). Онъ и долженъ быть Туатемиръ *Сим.* сп. (у Плано - Карпини: Thuatamur; см. Собраніе Путешествій къ Татарамъ. Спб. 1825, стр. 146, и пр. 78 и 79). Имена остальныхъ трехъ лицъ до того искажены или перепутаны, что я не берусь разгадать ихъ. Подъ *Чисарей Самомъ*, быть можетъ, кроется знаменитый Бату, сынъ Джучіевъ, который, какъ извѣстно, звался *Саинъ-ханомъ* (صاين خان). *Иземъ Царь*, по всей вѣроятности — Орда - Иченъ, старшій сынъ Джучіевъ (Урдюй или Урьдюй Русскихъ лѣто-

писцевъ; см. П. С. Р. Л. II, 177 и VII, 145; см. также Абулъ-газы. Hist. Mongol. et Tatar., стр. 101: جوجی خان نینک اولوغ اوغلی آتی اوردا ولقبی ایچن). Что касается до *Баштемира*; то такого сына Джучи не имѣлъ. Не слѣдуетъ ли подъ Баштемиромъ понимать Ташь-Тимура, потомка Джучіева, отъ котораго дошли до насъ монеты (Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. II, стр. 312 — 314)?

А у Чисарей Санова сына у Туатемиря 6 сыновъ: перьвый сынъ Тогозя Уланъ, Тогозиновъ сынъ Улановъ Тахтамышь Царь [78]). Слова «у Чисарей Санова сына»,

[78]) Въ другомъ мѣстѣ того же *Син*. списка въ статьѣ: *Родъ Царей Крымскихъ и Казаньскихъ и Асторахаyьскихъ*, Тохтамышь названъ просто Тайгозинъ Улановымъ сыномъ. «Царь Тахтамышъ Царь», сказано тамъ, «Тайгозинъ Улановъ сынъ былъ на Крыму, а убилъ ево Едигей Князь Нагайской». Чей же былъ сынъ этотъ «Тайгозя», и отъ кого происходилъ — изъ текста не видно. Точно также коротко говорится о происхожденіи Тохтамыша и въ другихъ Родословныхъ, въ статьяхъ, которыя соотвѣтствуютъ статьѣ *Син*. списка: *Родъ Царей Крымскихъ и Казаньскихъ и Астораханьскихъ*. Въ *Коп*. спискѣ отецъ Тохтамыша названъ Тойгодя Уланъ (Тахтамышь, Тойгодинъ сынъ улановъ, а убилъ его Дигій князь; см. выше, пр. 21, стр. 44), а въ *Арх*.—Тойгозя Уланъ (Царь Тахмышь Царь Тойгозинъ Улановъ сынъ, убилъ его Едигей князь; см. Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер.,

стр. 222 Въ *Род.* читаемъ. «Тогло Зулановъ сынъ Тахтамышъ Царь, первой на Крымѣ: а убилъ его Идигъ Князь» см *Род.* I. 25. Родъ Крымскихъ Царей). Тогоза Уланъ, Тайгоза Уланъ, Тойгоза Уланъ. Тойгода Уланъ, Тогло Зуланъ — очевидно, ничто иное, какъ варіанты одного и того же имени.

очевидно, лишнія, и вставлены по ошибкѣ. Тохтамыша, прославившагося борьбою съ Тимуромъ, Абулъ-газы (Hist. Mongol. et Tatar., стр. 99) называетъ сыномъ *Туй-ходжа-оглана* (توى خواجه اوغلان), сына Тукъ-кулъ-ходжа-оглана (توق قول خواجه اوغلان), сына Сарыча-Кунчакъ-оглана (سارجه كونجك اوغلان), сына Узтимура (اوز تيمور), сына *Тукай-Тимура* (توقاى تيمور), сына Джучіева (по Рашид-ед-дину Кунчакъ былъ сынъ Сарычи, сына Унгъ-Тимура [Узбека], третьего сына Тукай-Тимура; см. о Рашид-ед-динѣ ниже, пр. 79, стр. 232). Въ Тогозя Уланѣ *Син.* сп. нельзя не признать Туй-ходжа-оглана Абулъ-газыя. Про Туатемиря *Син.* сп. мы уже сказали, что считаемъ его за одно лице съ Тукай-тимуромъ. Оказывается, что сочинитель Исторіи Монголовъ и Русскій составитель *Син.* сп. выводятъ родъ Тохтамыша совершенно одинаковымъ образомъ; послѣдній только сократилъ родословную, пропустивъ промежуточныя лица между Туй-ходжей, отцемъ Тохтамыша, и Тукай-Тимуромъ, сыномъ Джучія. Происхожденіе, приписываемое Тохтамышу Абулъ-газыемъ и составителемъ *Син.* списка невѣрно. По свидѣтельству Мунеджимъ-башія и

Гаффарія, отецъ Тохтамыша, Тули-ходжа (Туй-ходжа Абулъ-газыя) былъ двоюроднымъ братомъ Урусъ-хана; Урусъ же, по словамъ этихъ же самыхъ авторовъ, происходилъ отъ Орда-Ичена, старшаго сына Джучія и родоначальника хановъ Синей орды (Абулъ-газы, Hist. Mongol. et Tatar., стр. 100, считаетъ также Тохтамыша родственникомъ Урусу; но и Уруса производитъ онъ отъ Тукай-Тимура, именно: отцемъ Уруса называетъ онъ Бадакула — بادا قل, потомка Узтимура, сына Тукай-Тимура). По Мунеджимъ-башію и Гаффарію, Урусъ былъ сынъ Чимтая (745 — 763 = 1344 — 1361), сына Абисана (ум. въ 720 = 1320), сына Сасыбуки (Hammer. Gesch. der Gold. Horde, стр. 328 — 330). Сасыбука же, какъ извѣстно по Рашид-ед-дину, былъ сынъ Баяна, сына Кубинчія, сына Сертактая, сына Орда-Ичена [79]).

[79]) Савельевъ, въ своемъ сочиненіи «Монеты Джучидовъ и пр.», въ одномъ мѣстѣ, стр. 62, называетъ отца Тохтамыша двоюроднымъ братомъ Урусъ-хана, а въ другомъ мѣстѣ, именно въ родословной Джучидовъ Синей Орды, помѣщенной имъ на стр. 160, называетъ его же родным братомъ Урусъ-хана, потомка Орда-Ичена. Про свою родословную Савельевъ пишетъ, что она составлена по Рашид-ед-дину, Гаффарію и Мунеджимбашію. На это замѣтимъ, что ни одного экземпляра Гаффарія и Мунеджимбашія нѣтъ въ Петербургѣ; сочиненія этихъ авторовъ, въ рукописяхъ, находятся въ Лейденѣ, Лондонѣ, и Вѣнѣ; существуетъ въ Петербургѣ, въ Пуб-

или *Жанибекъ Царь*. Жанибековъ, между прочимъ, звался, въ Русскихъ лѣтописяхъ, Джанибекъ сынъ Узбековъ; переписчикъ могъ по ошибкѣ, говоря о сынѣ, повторить имя отца въ другой искаженной формѣ.

Въ строкахъ: *Третій Чисарей Санъ Царь*. *четвертой Изелмъ Царь*, *пятой Туатемиръ Царь*, *шестой Боштемиръ Царь*, продолжается перечисленіе сыновей Джучія; по крайней мѣрѣ, слово «третій» нельзя объяснить иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что *Чисарей Санъ* былъ третій сынъ Джучія, послѣ перваго *Беркана*, и втораго *Итокти*. Изо всѣхъ четырехъ лицъ, упоминаемыхъ въ приведенныхъ строкахъ, что нибудь положительное можно сказать только о Туатемирѣ. Въ числѣ сыновей Джучія, о которыхъ говорятъ мусульманскіе писатели, значится одинъ, по имени Тукатимуръ или Тукай-Тимуръ (Hammer. Geschichte der Goldenen Horde, стр. 97; Defrémery. Fragments de géographes et d'historiens, стр. 212). Онъ и долженъ быть Туатемиръ *Син*. сп. (у Плано-Карпини: Thuatamur; см. Собраніе Путешествій къ Татарамъ. Спб. 1825, стр. 146, и пр. 78 и 79). Имена остальныхъ трехъ лицъ до того искажены или перепутаны, что я не берусь разгадать ихъ. Подъ *Чисарей Саномъ*, быть можетъ, кроется знаменитый Бату, сынъ Джучіевъ, который, какъ извѣстно, звался *Саинъ-ханомъ* (صاين خان). *Изелмъ Царь*, по всей вѣроятности — Орда-Иченъ, старшій сынъ Джучіевъ (Урдюй или Урьдюй Русскихъ лѣто-

писцевъ; см. П. С. Р. Л. II, 177 и VII, 145; см. также Абулъ-газы. Hist. Mongol. et Tatar., стр. 101: جوجی خان نینک اولوغ اوغلی آتی اوردا ولقبی ایچن). Что касается до *Баштемира*, то такого сына Джучи не имѣлъ. Не слѣдуетъ ли подъ Баштемиромъ понимать Ташь-Тимура, потомка Джучіева, отъ котораго дошли до насъ монеты (Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. II, стр. 312 — 314)?

А у Чисарей Санова сына у Туатемиря 6 сыновъ: первый сынъ Тогозя Уланъ, Тогозиновъ сынъ Улановъ Тахтамышъ Царь [78]). Слова «у Чисарей Санова сына»,

[78]) Въ другомъ мѣстѣ того же *Син.* списка въ статьѣ: *Родъ Царей Крымскихъ и Казаньскихъ и Астораха765ьскихъ*, Тохтамышь названъ просто Тайгозинъ Улановымъ сыномъ. «Царь Тахтамышъ Царь», сказано тамъ, «Тайгозинъ Улановъ сынъ былъ на Крыму, а убилъ ево Едигей Князь Нагайской». Чей же былъ сынъ этотъ «Тайгозя», и отъ кого происходилъ — изъ текста не видно. Точно также коротко говорится о происхожденіи Тохтамыша и въ другихъ Родословныхъ, въ статьяхъ, которыя соотвѣтствуютъ статьѣ *Син.* списка: *Родъ Царей Крымскихъ и Казаньскихъ и Асторахаиьскихъ*. Въ *Коп.* спискѣ отецъ Тохтамыша названъ Тойгодя Уланъ (Тахтамышь, Тойгодинъ сынъ улановъ, а убилъ его Дигій князь; см. выше, пр. 21, стр. 44), а въ *Арх.*—Тойгозя Уланъ (Царь Тахмышь Царь Тойгозинъ Улановъ сынъ, убилъ его Едигей князь; см. Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер.,

личной библіотекѣ и въ Азіятскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, Нигаристанъ — نگارستان — Гаффаріа; но это ничто иное, какъ слабое извлеченіе изъ его знаменитаго «Джеганъ-ара — جهان آرا», и въ немъ про Тохтамыша сказано только, что онъ былъ потомокъ Джучіевъ. Во всемъ, что относится до Гаффаріа и Мунеджимбашія, мы должны полагаться на Гаммера, который имѣлъ Джеганъ-ара и Тарихи-Мунеджимбаши у себя въ рукахъ, и представилъ изъ нихъ нѣкоторыя извлеченія. Что касается Рашид-ед-дина, то я помѣщаю въ концѣ настоящаго сочиненія подробныя родословныя росписи потомковъ Джучія, составленныя по Джами-ет-теварихъ. Рашид-ед-динъ, какъ извѣстно, далеко не доходитъ до временъ Тохтамыша.

Тогозиновъ братъ Тахтамышовъ дядя, Темиръ Бекъ Уланъ, Темиръ Бекъ Улановъ сынъ Темиръ-Кутлуй Царь. Темиръ-бекъ, или, какъ его называютъ мусульманскіе писатели: Тимуръ-меликъ (слова: бекъ — بیك, и меликъ — ملك равносильны и значатъ: князь; Темиръ и Тимуръ составляютъ два различныхъ, но одинаково правильныхъ, произношенія одного и того же имени), и его сынъ Темиръ-Кутлуй (на монетахъ: Тимуръ-Кутлу или Кутлы), или, какъ его зовутъ мусульманскіе лѣтописцы, Тимуръ-Кутлукъ (также точно имя его писано и въ ярлыкѣ; см. Березинъ. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимуръ-Кутлука и Саадетъ-гирея. Казань. 1851, стр. 3) — занимаютъ довольно видное мѣсто въ исторіи Золотой Орды въ эпоху

Гаффарія, отецъ Тохтамыша, Тули-ходжа (Туй-ходжа Абулъ-газыя) былъ двоюроднымъ братомъ Урусъ-хана; Урусъ же, по словамъ этихъ же самыхъ авторовъ, происходилъ отъ Орда-Ичена, старшаго сына Джучія и родоначальника хановъ Синей орды (Абулъ-газы, Hist. Mongol. et Tatar., стр. 100, считаетъ также Тохтамыша родственникомъ Урусу; но и Уруса производитъ онъ отъ Тукай-Тимура, именно: отцемъ Уруса называетъ онъ Бадакула — بادا قل, потомка Узтимура, сына Тукай-Тимура). По Мунеджимъ-башію и Гаффарію, Урусъ былъ сынъ Чимтая (745 — 763 = 1344 — 1361), сына Абисана (ум. въ 720 = 1320), сына Сасыбуки (Hammer. Gesch. der Gold. Horde, стр. 328 — 330). Сасыбука же, какъ извѣстно по Рашид-ед-дину, былъ сынъ Баяна, сына Кубинчія, сына Сертактая, сына Орда-Ичена [79]).

[79]) Савельевъ, въ своемъ сочиненіи «Монеты Джучидовъ и пр.», въ одномъ мѣстѣ, стр. 62, называетъ отца Тохтамыша двоюроднымъ братомъ Урусъ-хана, а въ другомъ мѣстѣ, именно въ родословной Джучидовъ Синей Орды, помѣщенной имъ на стр. 160, называетъ его же родным братомъ Урусъ-хана, потомка Орда-Ичена. Про свою родословную Савельевъ пишетъ, что она составлена по Рашид-ед-дину, Гаффарію и Мунеджимбашію. На это замѣтимъ, что ни одного экземпляра Гаффарія и Мунеджимбашія нѣтъ въ Петербургѣ; сочиненія этихъ авторовъ, въ рукописяхъ, находятся въ Лейденѣ, Лондонѣ, и Вѣнѣ; существуетъ въ Петербургѣ, въ Пуб-

личной библіотекѣ и въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, Нигаристанъ — نگارستان — Гаффарія; но это ничто иное, какъ слабое извлеченіе изъ его знаменитаго «Джеганъ-ара — جهان آرا», и въ немъ про Тохтамыша сказано только, что онъ былъ потомокъ Джучіевъ. Во всемъ, что относится до Гаффарія и Мунеджжимбашія, мы должны полагаться на Гаммера, который имѣлъ Джеганъ-ара и Тарихи-Мунеджжимбаши у себя въ рукахъ, и представилъ изъ нихъ нѣкоторыя извлеченія. Что касается Рѣшид-ед-дина, то я помѣщаю въ концѣ настоящаго сочиненія подробныя родословныя росписи потомковъ Джучія, составленныя по Джами-ет-теварихъ. Рашид-ед-динъ, какъ извѣстно, далеко не доходитъ до временъ Тохтамыша.

Тогозиновъ братъ Тахтамышовъ дядя, Темиръ Бекъ Уланъ, Темиръ Бекъ Улановъ сынъ Темиръ-Кутлуй Царь. Темиръ-бекъ, или, какъ его называютъ мусульманскіе писатели: Тимуръ-меликъ (слова: бекъ — بيك, и меликъ — ملك равносильны и значатъ: князь; Темиръ и Тимуръ составляютъ два различныхъ, но одинаково правильныхъ, произношенія одного и того же имени), и его сынъ Темиръ-Кутлуй (на монетахъ: Тимуръ-Кутлу или Кутлы), или, какъ его зовутъ мусульманскіе лѣтописцы, Тимуръ-Кутлукъ (также точно имя его писано и въ ярлыкѣ; см. Березинъ. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимуръ-Кутлука и Саадетъ-гирея. Казань. 1851, стр. 3) — занимаютъ довольно видное мѣсто въ исторіи Золотой Орды въ эпоху

Тохтамыша и Тамерлана. Послѣдній изъ нихъ, Тимуръ-Кутлукъ, былъ ханомъ Золотой Орды, отъ 1397 до конца 1399 г., и прославился побѣдою при Ворсклѣ, которая окончательно ниспровергла власть Тохтамыша (Савельевъ. Монеты Джучидовъ, и пр. Вып. II, стр. 315—317). Его—Польскіе писатели смѣшиваютъ иногда съ Тамерланомъ (Mathias de Miehow. Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae. Cracoviae. Anno MDXXI. Lib. I, Cap. VIII). Одно, въ чемъ можно упрекнуть составителя *Син.* списка, это то, зачѣмъ онъ Темиръ Бекъ Улана зоветъ: Тогозиновымъ братомъ, Тахтамышевымъ дядею. Тимуръ-меликъ былъ сынъ Уруса (Hammer. Gesch. d. Gold. Horde, стр. 332—334). Въ этомъ согласны почти всѣ восточные писатели. Абулъ-газы (Hist. Mong. et Tatar. стр. 100) ошибочно называетъ Тимуръ-мелика (علی تیمور بیك اوغلان) сыномъ какого-то Кутлукъ-Тимуръ-оглана (قوتلوق تیمور اوغلان), сына Тумгана (تومغان), сына Абая (اباى), сына Узтимура, сына Тукай-Тимура (у Рашид-ед-дина Абай названъ сыномъ كوتمور, четвертаго сына Тукай-Тимура); слѣдовательно, если не считаетъ Тимуръ-мелика, вмѣстѣ съ составителемъ *Син.* сп., близкимъ родственникомъ, дядею Тохтамышевымъ, то, по крайней мѣрѣ, согласенъ съ нимъ въ томъ, что Тимуръ-меликъ и Тохтамышъ были оба изъ дома Тукай-Тимурова.

А Темиркутлуевы дѣти: первой сынъ Ахметъ Царь, другой сынъ Махмутъ Царь Седиахматъ. Выше, пр. 49, стр. 112—119 и 121, 123, я имѣлъ уже случай ска-

зать, что былъ Сеидъ-Ахмедъ, ханъ Золотой Орды, сынъ Ахмедъ-хана, сына Кичи-Мухаммедъ-хана, сына Тимура и внука Тимуръ-Кутлука **). Въ

**) Братомъ Кичи-Мухаммеда (см. выше, пр. 3, стр. 9), показываютъ наши лѣтописцы и Улу-Мухаммеда (Махмета Шильтбергера. Reisen des Iohannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427. Herausgegeben und erläutert von K. F. Neumann, München 1559. стр. 91), знаменитаго родоначальника первой династіи Казанскихъ царей. Улу-Мухаммедъ и Кичи-Мухаммедъ едва ли были родными братьями. Точныхъ свѣдѣній о родопроисхожденіи Улу-Мухаммеда нѣтъ никакихъ, но если бъ онъ и Кичи-Мухаммедъ, дѣйствительно, какъ утверждаютъ наши лѣтописцы, происходили отъ одного отца, то Венеціанецъ Барбаро, описывающій борьбу ихъ, и самъ лично посѣщавшій Кичи-Мухаммеда, навѣрно упомянулъ бы объ этомъ обстоятельствѣ. Онъ же, въ своемъ Путешествіи въ Тану (*Библіот. иностр. писат. о Россіи* Отд. I. Т. I, стр. 38 перевода и 85 текста), только даетъ чувствовать, что ханы были родственниками между собою. (Барбаро, въ указанномъ мною мѣстѣ своего путешествія, какъ будто пишетъ, что сынъ Улу-Мухаммеда былъ двоюрднымъ братомъ [fratel cugino] Кичи-Мухаммеда. Къ сожалѣнію мѣсто не совсѣмъ ясно; можно толковать его и иначе [Hammer. Gesch. d. Gold. Horde, стр. 390, пр. 3] Если бы принимаемое мною объясненіе словъ Барбаро было вѣрно, то вышло бы, что Улу-Мухаммедъ и отецъ Ки-

чи-Мухаммеда, Тимуръ, были родными братьями, и что, слѣдовательно, Улу-Мухаммедъ былъ сыномъ Тимуръ-Кутлука. Выводъ этотъ былъ бы весьма правдоподобенъ). Наши родословныя объясняютъ слѣдующимъ образомъ происхожденiе Улу-Мухаммеда; онѣ называютъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46—48, 51) Улу-Мухаммеда (*Коп.* и *Род.* Улумахметъ, *Син.* Улу Ахметъ и Улу Махметъ, *Арх.* Алумахмедъ) сыномъ: по *Коп.* сп. Зекилъ Асанъ Улана, по *Син.* Зече Асанъ Улана, по *Арх.* Зегенъ Асанъ Улана, по *Род.* Ѣчкель Асанъ Улана. Въ статьѣ: *Родъ Царей большiе Орды*, *Син.* сп. прибавляетъ, что отецъ Улу-Мухаммеда, Асанъ, былъ сынъ, т. е. потомокъ Туатемиря (Третiй сынъ туатемиревъ Асанъ Уланъ, а Асанъ Улановъ сынъ Улу Махметъ Уланъ). Въ происхожденiи Улу-Мухаммеда наши родословныя согласны съ Абулъ-газыемъ. У Абулъ-газыя (Hist. Mongol. et Tatar., стр. 99, 100), при перечисленiи потомковъ Тукай-Тимура, читаемъ: «توق قلی خواجه مذکورنینک انسی نینک اتی تولك تیمور آنینك اوغلی جینه انینك اوغلی حسن اوغلان انی ایجکبلی حسن دیرلار انینک اوغلی محمد خان т. е. у вышепомянутаго Тукъ-кули-ходжи (по Абулъ-газыю, дѣда Тохтамыша, и потомка Тукай-тимура; см. выше, стр. 230) былъ меньшой братъ, по имени Тулякъ-Тимуръ; у него былъ сынъ Хина; у него — сынъ Хасанъ огланъ, котораго зовутъ Ичкили Хасанъ; у него — сынъ Мухаммедъ-ханъ». Здѣсь Мухаммедъ-ханъ, безъ сомнѣнiя — Улу-Мухаммедъ; а Ичкили-Хасанъ, или про-

сто Хасанъ — Ечкель Асанъ, Зече Асанъ, Зекилъ Асанъ, Зегенъ Асанъ, Асанъ нашихъ родословныхъ. Нельзя на это не замѣтить, что если Улу-Мухаммедъ былъ, какъ и думать должно, родственникомъ Кичи-Мухаммеда, то онъ не могъ быть никакъ потомкомъ Тукай-Тимура. Различныя извѣстія и мнѣнія о происхожденіи Улу-Мухаммеда можно видѣть у Гаммера (Gesch. d. Gold. Horde, стр. 382), Буткова (Исторія о Ногаѣ, Сѣв. Арх. XI. 1824, стр. 2, 9), Лангдеса (Notice chronologique des khans de Crimée, въ Voyage du Bengale à Pétersbourg, T. III, стр 391), Рычкова (Опытъ Казанской Исторіи, стр. 54) и Лызлова (Скиѳская Исторія, I, стр. 62, 63). О нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній я буду имѣть случай говорить подробно.

приведенныхъ мною строкахъ *Син.* сп., *Царь Седиахматъ*, очевидно, никто другой, какъ этотъ самый Сеидъ-Ахмедъ-ханъ. Выходитъ ясно, что строки *Син.* сп. полны ошибокъ: между Тимуръ-Кутлукомъ и Ахмедомъ, пропущены два лица: Кичи-Мухаммедъ и Тимуръ (властвовалъ въ Золотой Ордѣ въ 1411, 1412 годахъ; см. Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. II, стр. 329); Сеидъ-Ахмедъ же показанъ, неизвѣстно почему, братомъ Ахмеда, между тѣмъ какъ онъ былъ его сыномъ. Слово *Махмутъ*, прибавленное въ *Син.* сп. къ имени Царя Седиахмата, объяснить не трудно: подъ нимъ понимать надо или Махмуда, брата Ахмеда (см. выше, стр. 224, пр. 76), или Сеидъ-Махмуда (Русскіе звали его и просто:

Махмутъ), брата Сеидъ - Ахмеда (см. выше, пр. 49, стр. 114).

У Седиахмата дѣти: Хозякъ Салтанъ, а у Хозякъ Салтана Якубъ Салтанъ, а у Якубъ Салтана Нашиоелеяръ Салтанъ. Въ лѣтописяхъ читаемъ: *Ник.* VI, 169: Тогожъ лѣта (7011=1503) приіде посолъ шиахматовъ царевъ Алліаръ, а брата его Хозякъ салтановъ посолъ Хозяжъ, абогатыревъ салтановъ посолъ Кемурукъ. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 243: Того же лѣта (7011) пріиде посолъ Шиахматовъ царевъ Алліаръ, а брата его Хозякъ салтановъ посолъ салтановъ Хозя же, а Багатыревъ салтановъ посолъ Кемъ Урусъ. *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 49: Того же лѣта (7011) пріиде посолъ Шихъ Ахматовъ царевъ Алліаръ, а брата его Хозя салтановъ посолъ Хозя же, а Багатыревъ салтановъ посолъ Кемурусъ (*Соф.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 244). *Свр.* II, 271: Того же лѣта (7011) приде посолъ Шихматовъ Царевъ, Аміаръ; а брата его, Хозякъ Салтановъ посолъ Кемъаруй (*Соф.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 244, пр. а; *Лв.* III, 278, подъ 7019 г., гдѣ вмѣсто «Кемъаруй», стоитъ «Кемруй»[81]). Мѣховскій (Descr. Sarmat. Lib. I, Cap.

[81]) Упоминаемыя въ этихъ выпискахъ имена собственныя пословъ писаны такъ различно, что я считаю нелишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Алліаръ (Аміаръ), по всей вѣроятности, Татарское имя: الله يار Алла-яръ; въ словѣ Хозяжъ или Хозя же, буквы «жъ, же» едва ли составляютъ отдѣльное слово въ смыслѣ:

или *Жанибекъ Царь.* Жанибекомъ, между прочимъ, звался, въ Русскихъ лѣтописяхъ, Джанибекъ сынъ Узбековъ; переписчикъ могъ по ошибкѣ, говоря о сынѣ, повторить имя отца въ другой искаженной формѣ.

Въ строкахъ: *Третій Чисарей Санъ Царь, четвертой Иземъ Царь, пятой Туатемиръ Царь, шестой Баштемиръ Царь,* продолжается перечисленіе сыновей Джучія; по крайней мѣрѣ, слово «третій» нельзя объяснить иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что *Чисарей Санъ* былъ третій сынъ Джучія, послѣ перваго *Беркана*, и втораго *Итокти.* Изо всѣхъ четырехъ лицъ, упоминаемыхъ въ приведенныхъ строкахъ, что нибудь положительное можно сказать только о Туатемирѣ. Въ числѣ сыновей Джучія, о которыхъ говорятъ мусульманскіе писатели, значится одинъ, по имени Тукатимуръ или Тукай-Тимуръ (Hammer. Geschichte der Goldenen Horde, стр. 97; Defrémery. Fragments de géographes et d'historiens, стр. 212). Онъ и долженъ быть Туатемиръ *Син.* сп. (у Плано-Карпини: Thuatamur; см. Собраніе Путешествій къ Татарамъ. Спб. 1825, стр. 146, и пр. 78 и 79). Имена остальныхъ трехъ лицъ до того искажены или перепутаны, что я не берусь разгадать ихъ. Подъ *Чисарей Саномъ*, быть можетъ, кроется знаменитый Бату, сынъ Джучіевъ, который, какъ извѣстно, звался *Саинъ-ханомъ* (صاين خان). *Announcement Иземъ Царь,* по всей вѣроятности — Орда-Иченъ, старшій сынъ Джучіевъ (Урдюй или Урьдюй Русскихъ лѣто-

писцевъ; см. П. С. Р. Л. II, 177 и VII, 145; см. также Абулъ-газы. Hist. Mongol. et Tatar., стр. 101: جوجی خان نینك اولوغ اوغلی آتی اوردا ولقبی ایچن). Что касается до *Баштемира*; то такого сына Джучи не имѣлъ. Не слѣдуетъ ли подъ Баштемиромъ понимать Ташь-Тимура, потомка Джучіева, отъ котораго дошли до насъ монеты (Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. II, стр. 312 — 314)?

А у Чисарей Санова сына у Туатемиря 6 сынов: первый сынъ Тогозя Уланъ, Тогозиновъ сынъ Улановъ Тахтамышъ Царь [78]). Слова «у Чисарей Санова сына»,

[78]) Въ другомъ мѣстѣ того же *Син.* списка въ статьѣ: *Родъ Царей Крымскихъ и Казаньскихъ и Астораханьскихъ*, Тохтамышь названъ просто Тайгозинъ Улановымъ сыномъ. «Царь Тахтамышъ Царь», сказано тамъ, «Тайгозинъ Улановъ сынъ былъ на Крыму, а убилъ ево Едигей Князь Нагайской». Чей же былъ сынъ этотъ «Тайгозя», и отъ кого происходилъ — изъ текста не видно. Точно также коротко говорится о происхожденіи Тохтамыша и въ другихъ Родословныхъ, въ статьяхъ, которыя соотвѣтствуютъ статьѣ *Син.* списка: *Родъ Царей Крымскихъ и Казаньскихъ и Астораханьскихъ*. Въ *Коп.* спискѣ отецъ Тохтамыша названъ Тойгодя Уланъ (Тахтамышь, Тойгодинъ сынъ улановъ, а убилъ его Дигій князь; см. выше, пр. 21, стр. 44), а въ *Арх.*—Тойгозя Уланъ (Царь Тахмышь Царь Тойгозинъ Улановъ сынъ, убилъ его Едигей князь; см. Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер.,

сыномъ Яныбека царевича, внукомъ Чювака царевича, правнукомъ Ягуба царя или царевича (очевидно, того самаго Якуба, который въ лѣтописяхъ названъ дядею Шейхъ-Аулíяра), сына Кемахмета царя, т. е. Кичи-Мухаммеда (см. выше, пр. 49, стр. 121). Родословная эта заслуживаетъ точно также мало довѣрія, какъ и та, которая выведена въ *Сил.* спискѣ. Она ничто иное, какъ искаженіе родословной одной отрасли потомства Кичи-Мухаммеда, которая съ начала сидѣла въ Астрахани, а потомъ переселилась въ Бухару, и тамъ положила начало особой династіи, Астраханской, властвовавшей до конца прошлаго столѣтія (Senkowski. Supplément a l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols. St. Pétersbourg. 1824, стр. 31, 32, и мои Монеты Бухарскія и Хивинскія въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, Ч. IV, стр. 402, 403). Эта родословная приведена вполнѣ у Абуль-газыя въ его исторіи Монголовъ и Татаръ, и въ تذكرهٔ مقيم خانى Мухаммедъ-Юсуфа ель-муншія. Чювакъ, сынъ Якуба, и внукъ Кичи-Мухаммеда, упоминаемый въ *Род.*, безъ всякаго сомнѣнія—тотъ самый Чувакъ-султанъ, котораго Абульгазы и Мухаммедъ-Юсуфъ называютъ сыномъ Кичи-Мухаммеда. Въ числѣ потомковъ Чувака, какъ у Абульгазыя такъ и у Юсуфа, значится одинъ, по имени Джанъ или Джани-султанъ. Этотъ Джанъ или Джани, родоначальникъ Астраханской династіи, царствовавшей въ Бухарѣ, и есть, по всей вѣроятности, Яныбекъ *Род.* Отцемъ Шейхъ-Аулíяра онъ не могъ быть ни-

Гаффарія, отецъ Тохтамыша, Тули-ходжа (Туй-ходжа Абулъ-газыя) былъ двоюрднымъ братомъ Урусъ-хана; Урусъ же, по словамъ этихъ же самыхъ авторовъ, происходилъ отъ Орда-Ичена, старшаго сына Джучія и родоначальника хановъ Синей орды (Абулъ-газы, Hist. Mongol. et Tatar., стр. 100, считаетъ также Тохтамыша родственникомъ Урусу; но и Уруса производитъ онъ отъ Тукай-Тимура, именно: отцемъ Уруса называетъ онъ Бадакула — بادا قل, потомка Узтимура, сына Тукай-Тимура). По Мунедджимъ-башію и Гаффарію, Урусъ былъ сынъ Чимтая (745 — 763 = 1344 — 1361), сына Абисана (ум. въ 720 = 1320), сына Сасыбуки (Hammer. Gesch. der Gold. Horde, стр. 328 — 330). Сасыбука же, какъ извѣстно по Рашид-ед-дину, былъ сынъ Баяна, сына Кубинчія, сына Сертактая, сына Орда-Ичена [79]).

[79]) Савельевъ, въ своемъ сочиненіи «Монеты Джучидовъ и пр.», въ одномъ мѣстѣ, стр. 62, называетъ отца Тохтамыша двоюрднымъ братомъ Урусъ-хана, а въ другомъ мѣстѣ, именно въ родословной Джучидовъ Синей Орды, помѣщенной имъ на стр. 160, называетъ его же роднымъ братомъ Урусъ-хана, потомка Орда-Ичена. Про свою родословную Савельевъ пишетъ, что она составлена по Рашид-ед-дину, Гаффарію и Мунедджимбашію. На это замѣтимъ, что ни одного экземпляра Гаффарія и Мунедджимбашія нѣтъ въ Петербургѣ; сочиненія этихъ авторовъ, въ рукописяхъ, находятся въ Лейденѣ, Лондонѣ, и Вѣнѣ; существуетъ въ Петербургѣ, въ Пуб-

личной библіотекѣ и въ Азіятскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, Нигаристанъ — نگارستان — Гаффаріа; но это ничто иное, какъ слабое извлеченіе изъ его знаменитаго «Джеганъ-ара — جهان آرا», и въ немъ про Тохтамыша сказано только, что онъ былъ потомокъ Джучіевъ. Во всемъ, что относится до Гаффаріа и Мунеджимбашія, мы должны полагаться на Гаммера, который имѣлъ Джеганъ-ара и Тарихи-Мунеджимбаши у себя въ рукахъ, и представилъ изъ нихъ нѣкоторыя извлеченія. Что касается Рэшид-ед-дина, то я помѣщаю въ концѣ настоящаго сочиненія подробныя родословныя росписи потомковъ Джучія, составленныя по Джами-ет-теварихъ. Рашид-ед-динъ, какъ извѣстно, далеко не доходитъ до временъ Тохтамыша.

Тогозиновъ братъ Тахтамышовъ дядя, Темиръ Бекъ Уланъ, Темиръ Бекъ Улановъ сынъ Темиръ-Кутлуй Царь. Темиръ-бекъ, или, какъ его называютъ мусульманскіе писатели: Тимуръ-меликъ (слова: бекъ — بيك, и меликъ — ملك равносильны и значатъ: князь; Темиръ и Тимуръ составляютъ два различныхъ, но одинаково правильныхъ, произношенія одного и того же имени), и его сынъ Темиръ-Кутлуй (на монетахъ: Тимуръ-Кутлу или Кутлы), или, какъ его зовутъ мусульманскіе лѣтописцы, Тимуръ-Кутлукъ (также точно имя его писано и въ ярлыкѣ; см. Березинъ. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимуръ-Кутлука и Саадетъ-гирея. Казань. 1851, стр. 3) — занимаютъ довольно видное мѣсто въ исторіи Золотой Орды въ эпоху

Тохтамыша и Тамерлана. Послѣдній изъ нихъ, Тимуръ-Кутлукъ, былъ ханомъ Золотой Орды, отъ 1397 до конца 1399 г., и прославился побѣдою при Ворсклѣ, которая окончательно ниспровергла власть Тохтамыша (Савельевъ. Монеты Джучидовъ, и пр. Вып. II, стр. 315—317). Его—Польскіе писатели смѣшиваютъ иногда съ Тамерланомъ (Mathias de Miehow. Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae. Cracoviae. Anno MDXXI. Lib. I, Cap. VIII). Одно, въ чемъ можно упрекнуть составителя *Син.* списка, это то, зачѣмъ онъ Темиръ Бекъ Улана зоветъ: Тогозиновымъ братомъ, Тахтамышевымъ дядею. Тимуръ-меликъ былъ сынъ Уруса (Hammer. Gesch. d. Gold. Horde, стр. 332—334). Въ этомъ согласны почти всѣ восточные писатели. Абулъ-газы (Hist. Mong. et Tatar. стр. 100) ошибочно называетъ Тимуръ-мелика (علی تیمور بیك اوغلان) сыномъ какого-то Кутлукъ-Тимуръ-оглана (قوتلوق تیمور اوغلان), сына Тумгана (تومغان), сына Абая (ابای), сына Узтимура, сына Тукай-Тимура (у Рашид-ед-дина Абай названъ сыномъ كوتمور, четвертаго сына Тукай-Тимура); слѣдовательно, если не считаетъ Тимуръ-мелика, вмѣстѣ съ составителемъ *Син.* сп., близкимъ родственникомъ, дядею Тохтамышевымъ, то, по крайней мѣрѣ, согласенъ съ нимъ въ томъ, что Тимуръ-меликъ и Тохтамышь были оба изъ дома Тукай-Тимурова.

А Темиркутлуевы дѣти: первой сынъ Ахметъ Царь, другой сынъ Махмутъ Царь Седиахматъ. Выше, пр. 49, стр. 112—119 и 121, 123, я имѣлъ уже случай ска-

Послѣ 1512 г., сколько мнѣ извѣстно, о Шейхъ-Ауліярѣ уже нигдѣ не упоминается ни разу.

Шейхъ-Ауліяръ женатъ былъ на Шагъ-султанѣ (شاه سلطان), дочери Ногайскаго князя Ибрагима. «А у Брагима Князя», читаемъ въ Родословной книгѣ, по Син. сп., въ статьѣ: *Начало Орды Нагайской, и родословіе Княземъ и Мурзамъ Нагайскимъ*, во Временникѣ Импер. Московск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 130, «...двѣ дочери: Бурнаша за Шибанскимъ Царевичемъ была, да Шасалтана была за Шиговлеромъ Царевичемъ».

VII.

Шахъ-Али (شاه على).

Въ 1516 г. отъ новаго хана Крымскаго, старшаго сына и преемника Менгли-гиреева (Менгли-гирей умеръ въ Великую Субботу 1515 г.; см. *Кар.* пр. 137 къ Т. VII, гдѣ ссылка на Дѣла Турецкія, л. 70 на об.) — Мухаммедъ-гирея, пріѣзжалъ къ великому князю Василію, въ бытность его въ Можайскѣ, посолъ, по имени Абд-ул-вали шейхъ-задѐ (عبد الولى شيخ زاده — Абдылъ Авельшихъ Зода). Ханъ писалъ, между прочимъ, что его Ширинскіе князья не хотятъ присягнуть въ дружбѣ къ Россіи, видя царевича Астраханскаго Шахъ-Алія владѣтелемъ городка Мещерскаго (*Кар.* пр. 150 къ Т. VII). Мухаммедъ-гирею желалось, чтобы великій князь отнялъ городокъ, бывшее Нуръ-даулетово помѣстье, у Шахъ-Алія, и уступилъ его кому либо изъ его собственныхъ сыновей или братьевъ (*Кар.* VII, стр. 49;

см. также Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V. Изд. 2, стр. 356.)

Царевичъ Астраханскій Шахъ-Али (имя этого царевича, какъ увидимъ ниже, писалось Русскими и другими народами весьма различно; надгробные памятники, сохранившіеся въ Касимовѣ, положительно доказываютъ, что надобно читать и произносить: Шахъ-Али — شاه على былъ, по единогласному увѣренію всѣхъ источниковъ, сынъ Шейхъ-Ауліяра. И такъ, вотъ фактъ положительный: въ 1516 г., на мѣстѣ Шейхъ-Ауліяра, въ городкѣ Мещерскомъ, сидѣлъ сынъ его Шахъ-Али.

Отъ чего Мухаммедъ-гирей, ханъ Крымскій, добивался такъ усердно, чтобы великій князь взялъ городокъ у Шахъ-Алія—понять не трудно. Тутъ, конечно, не столько дѣйствовало желаніе пристроить кого либо изъ сыновей или братьевъ, сколько чувство совершенно другаго рода. Припомнимъ вражду, раздѣлявшую дѣтей Ахмеда, хана Золотой Орды, съ Менгли-гиреемъ. Причины и ходъ ея намъ извѣстны (см. выше, пр. 49, стр. 114 и сл.). Крымъ нуждался въ гибели Ахмедова рода. Въ 1516 г., какъ ни было ничтожно значеніе этого дома, но все таки память объ его прежнемъ могуществѣ была свѣжа; еще послѣдній изъ представителей хановъ Золотой Орды—Шейхъ-Ахмедъ, злой врагъ Крыма, доживалъ свой вѣкъ въ Польшѣ; еще Ахмедовы дѣти тревожили Крымъ своими нападеніями. Мухаммедъ-гирей, преемникъ власти и политики отца, не могъ не слѣдить за дѣйствіями всѣхъ чле-

новъ ненавистнаго ему рода. Разъединить ихъ, отнять у нихъ всякую поддержку, въ особенности же со стороны двухъ сильныхъ сосѣдей, Россіи и Польши, даже склонить правительства обѣихъ этихъ государствъ дѣйствовать противъ нихъ съ Крымомъ за одно—вотъ цѣль, къ которой Мухаммедъ-Ѓирей долженъ былъ стремиться [85]).

[85]) И онъ дѣйствительно стремился къ этой цѣли. «И пойдутъ на меня на Магмедъ Гирея Царя», писалъ Мухаммедъ-гирей, 8 декабря 1518 г., къ великому князю Василію (*Сб. гос. гр.* V, № 86, стр. 80. Переводъ шертной грамоты Крымскаго Царя Магмедъ Гирея къ Великому Князю Василью Іоанновичу, данной имъ предъ Россійскимъ посланникомъ Остафьемъ Андрѣевымъ. Писана въ Крымѣ въ 1518 году Декабря 8), «Ахматовы Царевы дѣти, и ты, братъ мой, Князь Великій Василій, Салтановъ и Улановъ и Князей пошлешъ, и язъ, Магмедъ Гирей, Царь, на Ахматовы царевы дѣти самъ иду, или съ братьею своею и съ дѣтьми своими рать свою пошлю... А нѣчто пойдетъ нашъ недругъ Жигимонтъ Король съ нашимъ же недругомъ съ Шихъ Ахметемъ на меня на Магмедъ Гирея Царя придетъ... и тебѣ ему тогды правда сложити, и обѣма намъ съ тобою на него быти за одинъ». «А ты, братъ мой (Сигизмундъ)», писалъ Мухаммедъ-гирей, въ октябрѣ 1520 г., въ Польшу (*Матер. для ист. Крыма,* изданные мною, стр. 3), «держи за крѣпкимъ карауломъ врага моего Шейхъ-Ахмедъ-хана, и по самую смерть, не выпускай его изъ своихъ владѣ-

Послѣ 1512 г., сколько мнѣ извѣстно, о Шейхъ-Ауліярѣ уже нигдѣ не упоминается ни разу.

Шейхъ-Ауліяръ женатъ былъ на Шагъ-султанѣ (شاه سلطان), дочери Ногайскаго князя Ибрагима. «А у Бреима Князя», читаемъ въ Родословной книгѣ, по *Син.* сп., въ статьѣ: *Начало Ордѣ Нагайской, и родословіе Княземъ и Мурзамъ Нагайскимъ*, во Временникѣ Импер. Московск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 130, «...двѣ дочери: Бурнаша за Шибанскимъ Царевичемъ была, да Шасалтана была за Шиговлеяромъ Царевичемъ».

VII.

Шахъ-Али (شاه على).

Въ 1516 г. отъ новаго хана Крымскаго, старшаго сына и преемника Менгли-гиреева (Менгли-гирей умеръ въ Великую Субботу 1515 г.; см. *Кар.* пр. 137 къ Т. VII, гдѣ ссылка на Дѣла Турецкія, л. 70 на об.) — Мухаммедъ-гирея, пріѣзжалъ къ великому князю Василію, въ бытность его въ Можайскѣ, посолъ, по имени Абд-ул-вали шейхъ-задѐ (عبد الولى شيخ زاده — Абдылъ Авельшихъ Зода). Ханъ писалъ, между прочимъ, что его Ширинскіе князья не хотятъ присягнуть въ дружбѣ къ Россіи, видя царевича Астраханскаго Шахъ-Алія владѣтелемъ городка Мещерскаго (*Кар.* пр. 150 къ Т. VII). Мухаммедъ-гирею желалось, чтобы великій князь отнялъ городокъ, бывшее Нуръ-даулетово помѣстье, у Шахъ-Алія, и уступилъ его кому либо изъ его собственныхъ сыновей или братьевъ (*Кар.* VII, стр. 49;

см. также Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V. Изд. 2, стр. 356).

Царевичь Астраханскій Шахъ-Али (имя этого царевича, какъ увидимъ ниже, писалось Русскими и другими народами весьма различно; надгробные памятники, сохранившіеся въ Касимовѣ, положительно доказываютъ, что надобно читать и произносить: Шахъ-Али — شاه على) былъ, по единогласному увѣренію всѣхъ источниковъ, сынъ Шейхъ-Ауліяра. И такъ, вотъ фактъ положительный: въ 1516 г., на мѣстѣ Шейхъ-Ауліяра, въ городкѣ Мещерскомъ, сидѣлъ сынъ его Шахъ-Али.

Отъ чего Мухаммедъ-гирей, ханъ Крымскій, добивался такъ усердно, чтобы великій князь взялъ городокъ у Шахъ-Алія—понять не трудно. Тутъ, конечно, не столько дѣйствовало желаніе пристроить кого либо изъ сыновей или братьевъ, сколько чувство совершенно другаго рода. Припомнимъ вражду, раздѣлявшую дѣтей Ахмеда, хана Золотой Орды, съ Менгли-гиреемъ. Причины и ходъ ея намъ извѣстны (см. выше, пр. 49, стр. 114 и сл.). Крымъ нуждался въ гибели Ахмедова рода. Въ 1516 г., какъ ни было ничтожно значеніе этого дома, но все таки память объ его прежнемъ могуществѣ была свѣжа; еще послѣдній изъ представителей хановъ Золотой Орды—Шейхъ-Ахмедъ, злой врагъ Крыма, доживалъ свой вѣкъ въ Польшѣ; еще Ахмедовы дѣти тревожили Крымъ своими нападеніями. Мухаммедъ-гирей, преемникъ власти и политики отца, не могъ не слѣдить за дѣйствіями всѣхъ чле-

новъ ненавистнаго ему рода. Разъединить ихъ, отнять у нихъ всякую поддержку, въ особенности же со стороны двухъ сильныхъ сосѣдей, Россіи и Польши, даже склонить правительства обѣихъ этихъ государствъ дѣйствовать противъ нихъ съ Крымомъ за одно—вотъ цѣль, къ которой Мухаммедъ-Ґирей долженъ былъ стремиться [85]).

[85]) И онъ дѣйствительно стремился къ этой цѣли. «И пойдутъ на меня на Магмедъ Гирея Царя», писалъ Мухаммедъ-гирей, 8 декабря 1518 г., къ великому князю Василію (*Сб. гос. гр.* V, № 86, стр. 80. Переводъ шертной грамоты Крымскаго Царя Магмедъ Гирея къ Великому Князю Василью Іоанновичу, данной имъ предъ Россійскимъ посланникомъ Остафьемъ Андрѣевымъ. Писана въ Крымѣ въ 1518 году Декабря 8), «Ахматовы Царевы дѣти, и ты, братъ мой, Князь Великій Василій, Салтановъ и Улановъ и Князей пошлешъ, и язъ, Магмедъ Гирей, Царь, на Ахматовы царевы дѣти самъ иду, или съ братьею своею и съ дѣтьми своими рать свою пошлю... А нѣчто пойдетъ нашъ недругъ Жигимонтъ Король съ нашимъ же недругомъ съ Шихъ Ахметемъ на меня на Магмедъ Гирея Царя придетъ... и тебѣ ему тогды правда сложити, и обѣма намъ съ тобою на него быти за одинъ». «А ты, братъ мой (Сигизмундъ)», писалъ Мухаммедъ-гирей, въ октябрѣ 1520 г., въ Польшу (*Матер. для ист. Крыма,* изданные мною, стр. 3), «держи за крѣпкимъ карауломъ врага моего Шейхъ-Ахмедъ-хана, и по самую смерть, не выпускай его изъ своихъ владѣ-

тقى سيز قرنداشمدا بزيم دشمانيمز شيخ احمد) ній
خان‌نى ياننددا نوكرلارينى بنك توتوب اولوم يتكينجه
(مملاكاتينكزدان چيقرماغايسز

Отецъ Шахъ-Алія — Шейхъ-Ауліяръ — былъ, какъ извѣстно, родной племянникъ Ахмеда и двоюродный братъ хановъ Золотой Орды — Сеидъ-Ахмеда и Шейхъ-Ахмеда. Одного этого уже могло быть достаточно для хана Крымскаго, чтобы не любить Шахъ-Алія, и чтобы стараться, если не удалить его изъ Россіи, то по крайней мѣрѣ, отнять у него званіе владѣльца городка Мещерскаго, доставлявшее ему многія преимущества, и даже нѣкоторое значеніе при дворѣ Московскомъ.

Послѣ 1516 г. Шахъ-Али не долго оставался въ Мещерскомъ городкѣ. Онъ не потерялъ городка въ слѣдствіе происковъ Мухаммедъ-гирея, хотя великій князь, въ томъ же 1516 г., въ угоду хану Крымскому и предлагалъ Мещеру брату Мухаммедъ-гирееву, Ахмедъ-гирею (Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V, изд. 2, стр. 356), а промѣнялъ Касимовъ на другой, лучшій удѣлъ. Въ декабрѣ 1518 г. умеръ въ Казани ханъ Мухаммедъ-Аминъ. Въ послѣднее время онъ примирился съ Россіею и жилъ въ ладу съ нами. За мѣсяцъ предъ смертью хана (9 ноября; см. *Кар.* пр. 177 къ Т. VII) скончался въ Москвѣ и Абд-ул-латифъ, который, на основаніи особаго договора, долженъ былъ ему наслѣдовать. Казанцы, уже привыкшіе получать хановъ отъ руки великаго князя Московскаго, обра-

тились къ Василію съ просьбою назначить имъ царя. Изъ Улу-Мухаммедовой династіи, которой Казань принадлежала по праву, не было на виду никого: послѣдніе ханы умерли, не оставивъ по себѣ прямыхъ наслѣдниковъ (нигдѣ не упоминается, чтобъ Ильгамъ, Абд-ул-латифъ или Мухаммедъ-Аминъ имѣли сыновей); другіе же члены Улу-Мухаммедовой династіи были крещены (см. выше, пр. 63, стр. 181—185). При такомъ положеніи дѣлъ, выборъ великаго князя палъ на Шахъ-Алія, и весною 1519 года, царевичь Касимовскій былъ торжественно объявленъ ханомъ Казанскимъ [86]).

[86]) *Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 262, 263: Въ лѣто 7027... Тое же осени, декабря, преставися царь Казанской Магметь Аминь... Того же лѣта, марта въ 1, явилъ князь велики Василей Ивановичь Городецкому царевичю, Шавлеярову сыну, Шаалею царство Казанское (*Свр.* II, 311). *Ик.* 56: И вдаеть имъ на царство служилаго своего Царя *Шихъ Аллея* (*приб.: Шихъ-Алеяровича*) Касимовскаго (*Подр. лѣт.* II, 69, гдѣ: «И вдаде имъ на Царство, по прошенію ихъ, служимаго своего Царя Шигалея Шиханьяровича Касимовскаго»). *Нов. лѣт.* 16: Въ лѣто 7020 (?) г. Великій Князь Василій Ивановичь посла въ Казань на царство служилаго своего Касимовскаго Царя Щиголѣя.— О подробностяхъ воцаренія Шахъ-Алія въ Казани, см. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 266, 267; *Ник.* VI, 218, 219; *Лв.* III, 365—369; *Лѣт. Норм.* 21, 22; *Про.* 365, 366; *Врм.* II, 261. 262; *Ст.* II, 192, 193.

Если вѣрить Герберштейну, то возвышенію Шахъ-Алія не мало способствовало и то, что онъ женился на вдовѣ Мухаммедъ-Амина, и чрезъ это пріобрѣлъ себѣ поддержку со стороны ея брата [87]).

[87]) Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 63: Caeterum Mahmedimin rege, sub quo Cazanenses defecerant, mortuo, Scheale ducta ejus uxore vidua, Principis Moscoviae et fratris uxoris auxilio, Cazan regnum obtinuit.

VIII.

Джанъ-Али (جان على).

Въ *Башм. разр. кн* читаемъ: 1) *подъ годомъ 7029 (1521)*: «А въ Мещере были воеводы князь Петръ Дмитреевичь Ростовской, да Михайло Семеновичь Воронцовъ, да князь Андрѣй Петровичь Великого, да Григорей Болшой Андрѣевичь Колычовъ, да князь Василей Васильевичь Чюлокъ (прозвище Чюлокъ, которое было въ большомъ ходу у нашихъ предковъ, я произвожу отъ Татарскаго слова چولاق—чулакъ—калѣка; см. мои Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ во II Части Трудовъ Восточн. Отдѣл. Импер. Археол. Общества, стр. 341) Ушатой, да Дмитрей Семеновичь Воронцовъ, да волостель Мещерской, да князь Іванъ Васильевичь Середней Кашинъ, *да въ Мещережь былъ царевичь Аналѣй, а съ нимъ сеитъ и князи и мурзы* (безъ сомнѣнія Городецкіе)»; 2) *подъ годомъ 7036 (1528)*: «Тогожь году отъ Литовские украйны

въ Вязме были царь Казанской Шигалей, *да Городецкой царевичь Еналей*, да Еуланча уланъ; да въ Вязмежь были воеводы бояринъ Іванъ Васильевичь Хобаръ, да околничие Іванъ Васильевичь Ляцкой, да Андрѣй Никитичь Бутурлинъ. А съ царемъ Шигалеемъ Ѳедоръ Семеновъ сынъ Воронцовъ. А съ царевичемъ были Андрѣй Клеопинъ Кутузовъ, да Борисъ Ступишинъ. А съ Татары служилыми былъ Посникъ Сатинъ»; 3) *подъ годомъ 7039 (1531):* «Тогожь лѣта князь великиі Василей Івановичь всеа Росиі послалъ въ Казань на царство *Еналья царя*, а съ нимъ околничего Якова Григорьевича Морозова, да дьяка Аѳонасія Курицына, а велелъ его посадить на Казани»; 4) *подъ годомъ 7040 (1532):* «Лѣта 7040 году послалъ князь великиі Василей Івановичь всеа Росиі воеводъ своихъ по полкомъ въ Нижней Новгородъ, а въ тѣ поры *Еналья царя* сажали въ Казани на царство. Въ болшомъ полку: бояра князь Василей да князь Іванъ Васильевичи Шуйские, да околничей Василей Григорьевичь Морозовъ. Въ передовомъ полку: бояра князь Никита Васильевичь Оболенской Хромой, да князь Петръ Івановичь Репнинъ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Андрѣй Михайловичь Шуйской, да князь Ѳедоръ Івановичь Телица Хованской. Въ лѣвой рукѣ околничей Яковъ Григорьевичь Морозовъ, да Михайло Ильичь Бакѣевъ. Въ стороживомъ полку: князь Іванъ Туронтай Івановичь Пронской, да князь Петръ Ѳедоровичь Охмѣтинъ.

Да въ Нижнемъ же Новѣгороде былъ царь Ши-

халѣй Казанской, а у него въ приставехъ были князь Юрья Івановичь Темкинъ Ростовской, да Юрья Дмитреевичь Шеинъ, да князь Дмитрей Івановичь Курлятевъ; а съ Москвы былъ съ царемъ Шигалѣемъ въ приставехъ, да и въ Новѣгороде былъ же Александра Семеновъ сынъ Упинъ».

Въ лѣтописяхъ находимъ, что въ 1532 году, лѣтомъ, великій князь Василій назначилъ въ Казань ханомъ царевича *Яналѣя*, за которымъ и посылалъ нарочно, по словамъ *Вскр.*, *Ник.* и *Лв.*, въ *городокъ* (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 277: а къ Яналѣю царевичю послалъ князь велики въ Городокъ Феодора Демида Семенова сына Воронцова [*Ник.* VI, 243]; *Лв.* III, 409: къ Яналеюжъ царевичу послалъ Великій Князь въ городокъ Ѳедора Семенова сына Воронцова). *Яналѣя* этого, или, какъ онъ еще зовется въ лѣтописяхъ, Янилѣя, Еналѣя и пр., лѣтописцы считаютъ роднымъ братомъ Шахъ-Алія, сыномъ Шейхъ-Ауліяра.

Аналѣй (Еналѣй) *Башм. разр. кн.*, и Яналѣй лѣтописцевъ — очевидно одно лицо. Не трудно догадаться, что его настоящее имя было Джанъ-Али (جان على).

Джанъ-Али, сынъ Шейхъ-Ауліяра, о которомъ *Башм. разр. кн.* такъ ясно и положительно говоритъ, что онъ былъ *царевичемъ Городецкимъ* въ 1521 и 1528 годахъ, по всей вѣроятности, получилъ Мещерскій городокъ тотчасъ послѣ назначенія брата его Шахъ-Алія ханомъ въ Казань, т. е. въ 1519 г., и сохранилъ

его вплоть до 1532 года, когда онъ, въ свою очередь, по волѣ великаго князя, переѣхалъ царствовать въ Казань. По крайней мѣрѣ, такъ я понимаю дѣло Самый *городокъ*, куда, по словамъ *Вскр.*, *Ник.* и *Лв.*, Василій посылалъ за Джанъ-Аліемъ, едва ли можетъ быть чѣмъ либо другимъ, какъ не *городкомъ Мещерскимъ*.

Какъ и почему Джанъ-Али въ 1532 г. изъ царевича Городецкаго сдѣлался вдругъ царемъ Казанскимъ— постараюсь объяснить въ немногихъ словахъ. Припомнимъ, что въ 1519 г. провозглашенъ былъ ханомъ въ Казани Шахъ-Али. Возвышеніе его не могло нравиться Мухаммедъ-гирею, хану Крымскому; не говоря уже о враждѣ, которую онъ питалъ къ Шахъ-Алію, какъ къ члену ненавистнаго ему Ахмедова рода, былъ у него и другой разсчетъ: Мухаммедъ-гирей самъ хотѣлъ прибрать Казань въ свои руки; еще при жизни Мухаммедъ-Амина, предвидя близкую его кончину, онъ прочилъ престолъ ея для брата своего Сагибъ-гирея. Казанцы, подстрекаемые Крымскимъ ханомъ, весною 1521 г., согласились свергнуть Шахъ-Алія и признать царемъ у себя Сагибъ-гирея. Султанъ Крымскій, въ сопровожденіи войска, двинулся къ Казани. Средствъ для защиты у Шахъ-Алія было мало; онъ, не вступая въ борьбу съ непріятелемъ, рѣшился добровольно уступить требованію народа, взялъ женъ своихъ, наложницъ и все свое имущество, и выѣхалъ обратно въ Россію.

Въ слѣдъ за его уходомъ, Сагибъ-гирей прибылъ въ городъ и занялъ престолъ Казанскій [88]).

[88]) О проискахъ хана Крымскаго см. *Кар.* VII, стр. 57 и 65, и Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V. Изд. 2, стр. 376 и 377.

Наибольшія и наилучшія подробности о переворотѣ, случившемся въ Казани въ 1521 г., сообщаетъ Герберштейнъ въ Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 63; ошибается онъ только въ томъ, что заставляетъ самаго хана Крымскаго, Мухаммедъ-гирея, итти въ Казань, для возведенія Сагиба на престолъ. Личное присутствіе Мухаммедъ-гирея въ Казани, судя по ходу тогдашнихъ дѣлъ (Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V. Изд. 2, стр. 377), было невозможно. Низверженіе Шахъ-Алія Герберштейнъ приписываетъ излишней преданности его къ великому князю, и ненависти, которую онъ съумѣлъ возбудить къ себѣ въ подданныхъ. Не мало вредилъ ему въ глазахъ народа, по словамъ сочинителя описанія Московскаго государства, и самый наружный видъ его, доказывавшій ясно неспособность его къ дѣлу ратному: онъ имѣлъ большое отвислое брюхо, рѣдкую бороду и женственное лице. «Augebant haec», пишетъ Герберштейнъ, «turpis et mollis corporis constitutio, erat enim homo ventre prominenti, rara barba, facie pene muliebri: quae enim bello haudquaquam idoneum esse ostenderent». Очеркъ наружности Шахъ-Алія, представленный Герберштейномъ, долженъ быть вѣренъ, потому что писатель этотъ, какъ

увидимъ ниже, имѣлъ случай, во время пребыванія своего въ Россіи, лично разсмотрѣть Шахъ-Алія. Замѣчу кстати, что весьма сходно съ Герберштейномъ описываетъ наружность Шахъ-Алія и сочинитель *Подр. лѣт.* II, 5 и 6. Вотъ подлинныя слова его, которыми онъ заключаетъ статью о возведеніи Шахъ-Алія въ 1519 г. на престолъ Казанскій: «Оной Шеялъ зѣло былъ взору страшнаго и мерзкаго лица и корпуса, имѣлъ уши долгія на плечахъ висящія, лице женское, толстое и надменное чрево, короткія ноги, ступени долгія, скотское сѣдалище: такого имъ Татарамъ нарочно изобраша Царя въ поруганіе и посмѣяніе имъ».

Въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 57—62; *Подр. лѣт.* II, 69—72) находится довольно длинный разсказъ о низверженіи Шахъ-Алія съ престола въ 1521 г.; но и этотъ разсказъ, какъ большая часть книги, полонъ ошибокъ: въ немъ многое походитъ на басню. По увѣренію сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ, Шахъ-Али пострадалъ за любовь и вѣрность къ великому князю. Казанцы, возненавидѣвъ его, послали отъ себя людей въ Крымъ къ *Менде Гирею* (*Мандигирѣю*, *Мендигирею*, т. е. Менгли-гирею; но его уже давно не было въ живыхъ), выпросили себѣ въ цари меньшаго его сына *Саеа Гирея* (по списку, напечатанному въ *Подр. лѣт.*—*Сатгирея* или *Сатигирея;* въ Казани было два хана: одинъ Сагибъ-гирей, а другой Сафа-гирей; сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ ихъ вовсе не отличаетъ другъ отъ друга), привели его въ Казань и провозгласили ханомъ. Въ слѣдъ за тѣмъ народъ съ новымъ ца-

ремъ возсталъ на христіанъ, захватилъ казну, разграбилъ домъ воеводы Московскаго, и перебилъ всѣхъ Русскихъ, находившихся въ городѣ. Съ трудомъ удалось *Сава Гирею* (*Сатыирею*) упросить Казанцевъ пощадить воеводу и Шахъ-Алія, котораго онъ хотѣлъ спасти, уважая въ немъ кровь ханскую. Шахъ-Али, избавленный отъ смерти, былъ отпущенъ съ воеводою и съ однимъ или съ двумя только служителями: его выпроводили въ чистое поле на худомъ конѣ и почти раздѣтаго. Всего любопытнѣе и несбыточнѣе конецъ разсказа. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ описываетъ какъ Шахъ-Али, по своемъ изгнаніи изъ Казани, встрѣтился близь Волги съ Русскими рыболовами, какое ужасное впечатлѣніе произвела на нихъ вѣсть о Казанскомъ бунтѣ, какъ они бѣжали съ царемъ, предавъ огню свои снаряды, и какъ наконецъ добрались они всѣ вмѣстѣ, послѣ многихъ претерпѣнныхъ ими бѣдствій, до предѣловъ Московскихъ. Тутъ же приложено описаніе печали, которая овладѣла великимъ княземъ при извѣстіи о бунтѣ Казанскомъ, и при той мысли, что любимый имъ Шахъ-Али, быть можетъ, погибъ жертвою своей преданности къ нему. За тѣмъ авторъ посвящаетъ цѣлую страницу повѣствованію о томъ, какъ великій князь, увѣдомленный о спасеніи Шахъ-Алія, выслалъ къ нему людей съ брашномъ, драгоцѣнными одеждами и лошадьми, какъ въ небольшомъ разстояніи отъ Москвы, приняли изгнанника вельможи и кланялись ему до земли, и какъ самъ великій князь встрѣтилъ царя на лѣстницѣ своего дворца, и обнималъ его со слезами на глазахъ, видя въ немъ не слугу, а какъ бы брата и друга.

Въ лѣтописяхъ нашихъ вообще, переворотъ, происшедшій въ Казани въ 1521 г., описанъ весьма кратко: сказано просто, что Казанцы, весною этого года взбунтовались, взяли себѣ въ ханы изъ Крыма царевича Сагибъ-гирея, выслали Шахъ-Алія съ женою (по *Лѣт. Норм.* какъ у Герберштейна — съ женами), и разграбили и задержали гостей великаго князя (*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 263; *Стр.* II, 311, 312; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 269; *Ник.* VI, 227; *Лв.* III, 377; *Врм.* II, 269; *Лѣт. Норм.* 22); только въ *Про.* 368, про гостей великаго князя не упомянуто ни слова, а значится, что Казанцы умертвили сына боярскаго Василія Бушмарьева сына Поджегина, находившагося при особѣ Шахъ-Алія (едва ли это вѣрно: былъ посолъ Русскій въ Казани Василій Поджегинъ, который, по свидѣтельству лѣтописей, въ томъ числѣ и *Про.* 377, былъ убитъ въ 1523 г. Сагибъ-гиреемъ; см. ниже, стр. 263), да еще прибавлено, что Шахъ-Али, съ женою своею, выбѣжалъ въ Москву, въ сопровожденіи казаковъ Касимовскихъ. «А посланнаго великимъ княземъ царя Шигалея», читаемъ въ *Про.*, «съ царства збили; онъ же пріиде къ Москвѣ и съ царицею по Бозѣ правимь казаки Касимовскими, которые отъѣхали въ поле государское, и царь Шигалей сопасилъ ихъ великому князю».

Сагибъ-гирей (صاحب كراى), преемникъ Шахъ-Алія, въ лѣтописяхъ нашихъ писался обыкновенно Сапкирей, рѣдко Саипъ-кирей, а еще рѣже, какъ во *Врм.*, совершенно правильно: Сагибъ-гирей. Сапкиреемъ

же зовутъ его Герберштейнъ и наши родословныя книги. Въ родопроисхожденіи Сагибъ-гирея согласны всѣ источники. Сыномъ Менгли-гирея и братомъ Мухаммедъ-гирея называютъ его, между прочимъ, Русскіе лѣтописцы, при описаніи его пріѣзда въ Россію, еще при жизни отца его, вмѣстѣ съ ханьшею Нуръ-султаною (см. для примѣра выписку изъ *Соф. 2 лѣт.*, выше, въ пр. 21, на стр. 52; ср. *Акты Зап. Росс.* II, стр. 73, 74), Герберштейнъ, при описаніи его воцаренія въ Казани (Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 63: Quibus rebus Cazanenses ducti, Sapgirej, Mendligeri filio, uni ex Tauricae regibus, regnum deferunt... Mahmetgirej, rex Tauricae, Sapgirei fratrem magno exercitu in Cazan introducit), и наши же родословныя книги (*Кон.* см. выше, пр. 21, стр. 44: А Мулгиреевы [Менгли-гиреевы] дѣти· Махметъ-кирей [Мухаммедъ-гирей], да Ахматъ [Ахмедъ-гирей; см. о немъ выше, стр. 250]... да Ѳатъ-кирей [Фатхъ-гирей]... Сапкирей [Сагибъ-гирей]; *Син.*, статья *Родъ Царей болшіе Орды*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 127, 128: А Менгиреевы дѣти: Магметъ Гирей Царь, другой сынъ Фети-Гирей Салтанъ, третей сынъ Сапгирей... пятой сынъ Сагапъ Гирей [тутъ по ошибкѣ Сагибъ названъ два раза: разъ Сапомъ, а другой—Сагапомъ; въ статьѣ *Родъ Царей Крымскихъ и Казаньскихъ и Астораханьскихъ*, Сагибъ-гирей выпущенъ; точно также выпущенъ онъ и въ *Арх.*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 222, гдѣ сверхъ того сыновья Менгли-гирея, Мухаммедъ-гирей и Ахмедъ-гирей, включены, по ошибкѣ, въ число сыновей

[illegible] [illegible] [illegible] Хаджи - гирея [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] стр. [illegible] стр. [illegible]: *Рно.* I. 26: У [illegible] [illegible]. [illegible]. [illegible]. Фате- [illegible]. [illegible]. [illegible] *Пер. [illegible]* I. [illegible] [illegible] быль рожденъ отъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] отъ бал- [illegible] [illegible] [illegible] Нуръ-султаны, [illegible] [illegible] стр. 21. стр. 52, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] дѣйствительно [illegible] [illegible]. I. IV. Ч. III. стр. 324, [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] царь Казанскій, [illegible] [illegible]. Объ этомъ упо- [illegible] [illegible] [illegible], стр. [illegible] [illegible] Сагибъ-гирея до воцаренія его въ [illegible] [illegible] что [illegible] при братѣ своемъ [illegible] [illegible]. По утвержденіи Рвзы, Сагибъ-гирей [illegible] въ [illegible] мѣсто потомка Улу- [illegible] [illegible], умершаго безъ прямыхъ на- [illegible] اول عصرده الغ محمد خان نسلندن صمت قزن ما كمى ايجم خان بلا وارث تارك بزم زندكانى نوبت اهلى ولايت نسل جنكيزيه دن بر سلطانك اوزرنه اظهار رغبت ايلدكلرنده صاحب كرانى سعنى نص وتعيين بيتشيرى . Тоже самое пишетъ и сочинитель краткой исторіи Крыма, напечатанной въ Nouv. Journ. Asiat. T. XII. стр. 365: авторъ этой исторіи опредѣляетъ даже годъ смерти Ичкина (Ichkin) и воцаренія Сагибъ-гирея

въ Казани: случилось это, по его словамъ, въ 921 = 1515 г.—Имя *Иджамъ* не передѣлано ли изъ имени Казанскаго хана *Имгама?*

Воцареніе въ Казани Крымскаго султана повлекло за собою важныя послѣдствія. Война между Россіею и Казанью не замедлила вспыхнуть. Сагибъ-гирей, увѣренный въ поддержкѣ брата Мухаммедъ-гирея, сталъ свирѣпствовать въ Казани надъ жившими тамъ Русскими, и въ началѣ 1523 г., перебилъ ихъ множество, въ томъ числѣ умертвилъ и посланника великокняжескаго Василья Юрьевича Поджегина. «Кровь пролія яко воду», говорятъ лѣтописцы наши про Сагибъ-гирея, описывая это происшествіе. Великій князь, который помнилъ изгнаніе Шахъ-Алія и ждалъ только случая, какъ бы возвратить утраченное вліяніе надъ Казанью, не захотѣлъ оставить поступка Сагибъ-гирея безъ наказанія. Лѣтомъ же 1523 г. онъ самъ выступилъ въ походъ, и 23-го августа, прибылъ въ Нижній Новгородъ. Отсюда онъ отправилъ Шахъ-Алія съ судовою ратью, и сверхъ того конное войско громить землю Казанскую; самъ же, сентября 1-го, соорудилъ при устьѣ Суры деревянную крѣпость, названную имъ Василь-городомъ, и за тѣмъ, сентября 15-го, возвратился въ Москву. Шахъ-Али и воеводы выполнили удачно возложенное на нихъ порученіе (*Соф.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 264; *Сер.* II, 313; *Воскр.* П. С. Р. Л. VIII, 270; *Ник.* VI, 229; *Врм.* II, 281, 282; *Лѣт. Норм.* 22;

Про. 377; *Ль.* III, 379; *Ст.* II, 202 и Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 65).

Весною слѣдующаго 1524 г. открылись вновь военныя дѣйствія. Великій князь отправилъ противъ Казани Шахъ-Алія съ воеводами, въ главѣ многочисленной конной и судовой рати [89]). Слухъ о прибли-

[89]) *Башм. разр. кн*: Тогожъ году (7032) посылалъ государь князь великиі Василей Івановичь всеа Росіі к Казани царя Шигалея, а съ нимъ воеводъ своихъ въ судахъ Волгою по полкомъ. А полемъ иныхъ воеводъ своихъ посылалъ, а судовыхъ воеводъ отпустилъ за день до Троицына дни, а конныхъ на Троицынъ день. Въ болшомъ полку: судовые воеводы, князь Іванъ Өедоровичь Бельской, да князь Михайло Васильевичь Горбатой Кислой, да Михайло Юрьевичь Захарьинъ. Въ передовомъ полку: князь Семенъ Өедоровичь Курбской, да околничей Іванъ Васильевичь Ляцкой. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Семенъ Дмитреевичь Серебреный, да князь Петръ Өедоровичь Охлябнинъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Юрья Івановичь Болшой Ушатой, да князь Іванъ Шаминъ. Въ сторожевомъ полку: бояринъ князь Михайло Івановичь Кубенской, да князь Василей Васильевичь Чюлокъ Ушатой. А съ нарядомъ съ меншимъ были: Григорей Сабакинъ, да Якубъ Івашенцовъ, да Михайло Звѣрь. А съ болшимъ нарядомъ: Степанъ Сабакинъ, да Исакъ Шенгурской; а надъ ними князь великиі велелъ нарядъ надзирать боярину Михайлу Юрьевичу Захарьину. А полемъ въ

конной рати шли государевы воеводы тогдыжь х Казани по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ Іванъ Васильевичь Хобаръ Симской, да Михайло Семеновичь Воронцовъ. Въ передовомъ полку: Василей Андрѣевичь Шереметевъ, да Өедоръ Семеновичь Колычовъ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Петръ Івановичь Репнинъ, да Дмитрей Григорьевичь Бутурлинъ Косой. Въ лѣвой рукѣ: князь Іванъ Өедоровичь Овчина Оболенской, да князь Андрѣй Александровичь Меншой Кропоткинъ. Въ сторожевомъ полку: Іванъ Васильевичь Колычовъ Лошакъ, да князь Іванъ Михайловичь Чюлокъ Засѣкинъ. А шли съ ними Шигоня Поджегинъ, да дьякъ Аөонасей Курицынъ.—Поименованіе воеводъ, бывшихъ въ походѣ 1524 г., помѣщено и въ лѣтописяхъ: *Вскр.*, *Ник.*, *Лв.*, *Про.* и *Лѣт. Норм* Въ настоящемъ случаѣ *Башм. разр. кн.*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, разнится отъ лѣтописей, а въ другихъ — полнѣе ихъ.

женіи сильнаго непріятельскаго войска до того поразилъ Сагибъ-гирея, что онъ бѣжалъ подъ защиту султана Турецкаго, оставивъ вмѣсто себя юнаго своего племянника, вызваннаго изъ Крыма. Царевича этого, который звался Сафа-гиреемъ[90]), жители провозгласили

[90]) Русскіе лѣтописцы, говоря о воцареніи Сафа-гирея въ Казани, называютъ его Крымскимъ царевичемъ, но не объясняютъ кто былъ его отецъ. Герберштейнъ пишетъ, что царевичь, котораго Сагибъ-гирей оставилъ въ Казани вмѣсто себя, т. е. Сафа-гирей, былъ

его племянникъ (Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 65: Eo apparatu adeo terribili, Sapgirej rex Cazani perculsus, accersito ad se ex fratre nepote, rege Tauricae, juvenem tredecim annorum, qui interim regno praeesset, ad Turcarum Imperatorem, ejus auxilium opemque imploraturus, confugit). По нашимъ родословнымъ книгамъ, Сафа-гирей былъ сынъ Фатхъ-гирея (فتح كراى; см. о немъ выше, пр. 88, стр. 261), сына Менгли-гирея и брата Сагибъ-гирея (*Коп.*, см. выше, пр. 21, стр. 44: Ѳатигиреевы дѣти: сынъ, Саѳагирей Казанской; *Син.*, статья *Родъ Царей Крымскихъ и Казаньскихъ и Астораханьскихъ*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129: А Фитигиреевъ сынъ Сафа Гирей Царь Казаньской; *Син.*, статья *Родъ Царей болшіе Орды*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 128: А Фитигиреевъ сынъ Сафа Гирей Царь на Казани былъ; *Арх.*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 222: А Жатигиреевъ [очевидно описка вмѣсто Ѳатигиреевъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколькими строками выше, въ этомъ же самомъ спискѣ, онъ же названъ Ѳатыгиреемъ] Саѳагирей Царь Козанской; *Род.* I, 26: А у Ѳатекирея сынъ Саѳакирей Казанской). По словамъ Ризы, Сафа-гирей былъ сынъ брата Сагибъ-гиреева, Махмудъ-гирея, по видимому, того самаго, котораго Русскіе источники зовутъ Ахмедъ-гиреемъ. (*Ассебъ-о-ссейяръ*, стр. 90: بش سنه [صاحب كراى] مقدارى زمان متحمل بار كران حكومت اولوب نو بنو ظهور ايدن شرور وفتن وعلم استقلال موجب استيفا

اولمغله حكومت بى ايرادى معيتنده اولان برادرى محمود
كراى سلطان زاده صفاكرايه تفويض وفراغت وكندوسى
حج اينمك بهانه‌سيله باب شوكتمدار سليمان زمانه جبهه
فرساى عبوديت اولدقده مظهر عنايت ملوكانه‌لرى
اولوب بر مدت سرنهادهٔ امن وراحت اولمشيدى).

ханомъ. Вскорѣ Русскіе подступили къ городу. Распоряженія главныхъ военачальниковъ нашихъ были вообще дурны въ продолженіи всего похода; тѣмъ не менѣе Казанцы смирились и обѣщали быть покорными великому князю. Осенью явились послы ихъ въ Москву просить государя забыть прошлое и признать Сафа-гирея ханомъ. Василій согласился на эту просьбу (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 270, 271; *Ник.* VI, 229—231; *Лв* III, 380—382; *Врм.* II, 282, 283; *Про.* 379, 380; *Лѣт. Норм.* 23; *Соф.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 264; *Сер.* II, 313, 314; *Ст.* II, 202, 203; *Ик.* 63—66; *Подр. лѣт.* II, 73—76; Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Hist. Ruth. Script. ext.* I, стр. 65—67).

Миръ, заключенный между Россіею и Казанью въ 1524 г., какъ и слѣдовало ожидать, былъ только наружный. Вынужденная зависимость отъ великаго князя стала, съ первой же минуты, тяготить Сафа-гирея; начались ссоры и новыя войны. Тогда Василій задумалъ свергнуть Сафа-гирея съ престола; кончилось тѣмъ, что Казанцы, подученные изъ своей же среды людьми преданными великому князю, вес-

вою 1532 года, выгнали Сафа-гирея, и отправили въ Россію пословъ съ грамотами, прося Василія назначить къ нимъ новаго царя.

Со стороны великаго князя все уже было приспособлено къ этому дѣлу; даже царь въ Казань былъ выбранъ, и съ декабря 1531 г., жилъ въ Нижнемъ Новгородѣ, готовый, по первому слову, двинуться и занять обѣщанный ему престолъ. То былъ Шахъ-Али, прежній ханъ Казанскій [91]). Въ этомъ только

[91]) Съ Шахъ-Аліемъ въ Нижнемъ Новгородѣ находилось и Русское войско; о воеводахъ, бывшихъ въ войскѣ и лицахъ, состоявшихъ при особѣ Шахъ-Алія въ качествѣ приставовъ, см. помѣщенную выше, на стр. 254, 255, выписку изъ *Баим. разр. кн.* Въ лѣтописяхъ нашихъ ни воеводы, ни пристава не поименованы; видно только по ходу разсказа, что въ Нижнемъ съ декабря 1531 г., жилъ Шахъ-Али, и что тамъ же стоялъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій съ товарищами. *Баим. разр. кн.* дополняетъ показаніе лѣтописцевъ.

выборѣ ошибся Василій. Казанцы въ грамотахъ своихъ просили именно не назначать царемъ Шахъ-Алія, котораго народъ боялся, а дать брата его Джанъ-Алія. «А писали въ грамотахъ къ великому князю», читаемъ въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 277, «по государеву наказу Сафа Кирѣя царя исъ Казани выслали, а насъ государь хочетъ жаловати, и беречи земли Казанской и дати намъ на Казань Шигалѣа царя, и мы Шигалѣа

царя блюдемся, чтобы государь насъ пожаловалъ, далъ намъ на Казань царя Яналѣа царевича, Шихавліарова царевичева сына» (*Ник.* VI, 242, 243; *Лв.* III, 408: А писано въ грамотахъ по Государеву наказу. Сафагирѣя царя изъ Казани выслали а насъ Государь хочетъ жаловать и беречь земли Казанскіе и дать намъ на Казань Шигалѣя царя, и мы Шигалѣя царя опасаемся, а просимъ, чтобъ Государь насъ пожаловалъ, далъ намъ царя Яналѣя Шигавліярова царевичева сына). Великому князю не было особеннаго разсчета настаивать непремѣнно на своемъ: тотъ или другой братъ — въ сущности было все равно, лишь бы въ Казани сидѣлъ человѣкъ, преданный Россіи. Немедленно Василій изъявилъ согласіе на желаніе Казанцевъ, и отправилъ нарочныхъ въ городокъ за Джанъ-Аліемъ. Окольничему Якову Григорьевичу Морозову и дьяку Афанасію Курицыну поручено было ѣхать въ Казань съ новымъ ханомъ, и возвести его на престолъ.

Вотъ какимъ образомъ Джанъ-Али, можно сказать, почти неожиданно и для другихъ и для себя самаго, сдѣлался въ 1532 г. ханомъ Казанскимъ [92]).

[92]) Подробности о возведеніи Джанъ-Алія на престолъ Казанскій см. въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 274—277, *Ник.* VI, 237—244, *Лв.* III, 397—411 и *Лѣт. Норм.* 25. Во *Врм.* II, 291, происшествіе описано короче; сказано, что Казанцы выгнали Сафагирѣя и прислали просить у великаго князя царя; и что «Василей далъ имъ на

Казань царя Яналея Шигавріярова сына царевичева». Еще короче о Джанъ-Аліѣ въ *Нов. лѣт.* 16, гдѣ читаемъ: «Въ лѣто 7040 г., Великій Князь Василій Ивановичь еще посла на Казанскаго Царя съ ратію служилаго своего царя Геналѣя, а съ нимъ посла князя Василья Ярославского Пенькова». См. также *Ст.* II, 210, 211. Лѣтосчисленіе въ лѣтописяхъ вообще запутано: въ однѣхъ происшествіе отнесено къ 7039, а въ другихъ—къ 7040 г.; въ *Лв.* годъ выставленъ 7044. Изъ *Вскр.* однако, хотя въ заголовкѣ статьи и значится годъ 7039, а по сравненію съ ней изъ *Ник.* и *Лв.* ясно видно, что Джанъ-Али занялъ престолъ лѣтомъ 7040, т. е. 1532 г. Дѣло въ томъ, что переговоры о низверженіи Сафа-гирея начались въ 1530 г., а окончательная развязка послѣдовала въ 1532 г. Этой путаницей въ лѣтосчисленіи объясняется и то, почему въ *Башм. разр. кн.* одно и тоже происшествіе, возведеніе Джанъ-Алія на престолъ, занесено подъ двумя годами 7039 и 7040 (см. выше, стр. 254). Свѣдѣнія о воцареніи Джанъ-Алія въ Казани находятся еще въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, но весьма неточныя. По словамъ сочинителя ея (*Ик.* 66—74; *Подр. лѣт.* II, 76 — 82), Сафа-гирей бѣжалъ изъ Казани въ 1530 г., испугавшись Русскихъ, которые пришли осаждать городъ. (Въ 1530 г. Казань дѣйствительно была осаждаема Русскими). Вслѣдъ за тѣмъ Казанцы, утомленные осадой, заключили миръ съ нашими воеводами и прислали вмѣстѣ съ ними пословъ просить великаго князя дать имъ царемъ «брата царя *Шихъ Аллѣя*

(Шихалеева) меньшаго, царевича *Геналлья* (Геналея)». Государь принялъ эту просьбу благосклонно и *Геналлей* (Геналей) сдѣлался Царемъ Казанскимъ. «И вдасть», пишетъ сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 74) про великаго князя, «на царство в Казань *Геналья* Царя, брата Шихъ Аллѣева, младу ему сущу 15 лѣтъ и кротку и тиху» (*Подр. лѣт.* II, 82: И вдаде имъ на царство Геналея Царя брата Шигалеева, еще бо ему младу, патьнадесятолѣтну сущу). Мнѣніе, будто Джанъ-Алію, при вступленіи его на престолъ Казани, было всего 15 лѣтъ, т. е. будто бы онъ родился въ 1517 или, по крайней мѣрѣ, въ 1515 г. (если принимать, вмѣстѣ съ сочинителемъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, годъ 1530 за эпоху возведенія царевича на престолъ)— очевидно невѣрно. Джанъ-Али, какъ мы видѣли выше (стр. 253), уже въ 1521 г. начальствовалъ Татарами Городецкими. Не могъ же онъ быть съ ними четырехъ или шести лѣтъ отъ роду.

Ко времени управленія Джанъ-Аліемъ Мещерскаго городка относится касающаяся отчасти и до Касимова (Царевичева городка), договорная грамота великаго князя Василія Ивановича и сына его великаго князя Ивана Васильевича съ братомъ его княземъ Юрьемъ Ивановичемъ, заключенная 24-го августа 1531 г. Въ грамотѣ этой читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «А Орды вѣдати и знати мнѣ Великому Князю и моему сыну *Ивану*, а тобѣ Ордъ не знати; а въ выходы ти въ Ордыньскіе, и въ Крымъ, и въ Азсторокань, и въ Казань,

и въ Царевичевъ городокъ, и въ иные Цари и въ Царевичи, которые будутъ у меня въ землѣ и у моего сына *Ивана*, и во всѣ Татарскіе проторы давати тѣмъ мнѣ и моему сыну *Ивану* со всеѣ своей отчины по тому, какъ отецъ нашъ Князь Велики въ своей духовной грамоте написалъ: а коли мы въ выходы въ Ордыньскіе и въ Татарскіе проторы не дадимъ, и намъ и у тебя не взяти» (*Сб. гос. гр.* I, № 160, стр. 445; ср. тамъ же № 161, стр. 447; *Др. Вивл.* III, № 139, 140, стр. 87, 92; *Древн. Росс. Вивл.* V, № 174, 175, стр. 222, 223, 230, 231). Вся эта статья о Татарскихъ проторахъ и о выходахъ—ничто иное, какъ повтореніе слово въ слово помѣщенной мною выше на стр. 153, въ статьѣ о царевичѣ Сатылганѣ и разсмотрѣнной тамъ подробно, выписки изъ договорной грамоты, заключенной 16 іюля 1504 г., между великимъ же княземъ Василіемъ и его же братомъ Юріемъ, еще при жизни родителя ихъ Ивана III. На этотъ фактъ нельзя не обратить вниманія. Оказывается, что въ теченіи 27 лѣтъ, положеніе Царевичева городка и тамошнихъ владѣльцевъ не измѣнилось вовсе, или очень мало, и что въ 1531 г. Джанъ-Али пользовался если не тѣмъ же самымъ содержаніемъ, какое имѣлъ Сатылганъ въ 1504 г., то по крайней мѣрѣ получалъ это содержаніе изъ одного съ нимъ источника, и на одномъ съ нимъ основаніи.

Ко времени же управленія Джанъ-Аліемъ Мещерскаго городка долженъ быть отнесенъ и тотъ походъ подвластныхъ ему Городецкихъ Татаръ въ Путивль

противъ Крымцевъ, о которомъ говоритъ Карамзинъ въ пр. 301 къ Т. VII своей Исторіи Государства Россійскаго. «Государь (въ 1531 г.)», пишетъ Карамзинъ, «послалъ въ Путивль Царя Шигъ-Алея и Шибанскаго Царевича Ахдовлета съ Городецкими Козаками и съ служивыми Татарами, К. Бориса Горбатаго, Воронцова, Оболенскаго (Намѣстника Новагорода Сѣверскаго) съ Дѣтьми Боярскими, Козаками, и *Севрюками*, а въ Коломну и Каширу К. Василья Шуйскаго съ сильнымъ войскомъ». Свѣдѣніе объ участіи Городецкихъ казаковъ или Татаръ въ Путивльскомъ походѣ заимствовано Карамзинымъ изъ Дѣлъ Крымскихъ. Въ *Башм. разр. кн.* за весь 1531 годъ о Городецкихъ Татарахъ не говорится ни слова; стоялъ дѣйствительно, и по ея словамъ, въ 1531 г. Шахъ-Али съ княземъ Борисомъ Горбатымъ, Воронцовымъ и другими воеводами, но одинъ, безъ Акъ-даулета и Городецкихъ Татаръ. «Того же лѣта (7039), апрѣля въ 19 день», читаемъ въ *Башм. разр. кн.*, «в Сѣвере на Наклевине стоялъ царь Шигалей, да съ нимъ воеводы: бояринъ князь Борисъ Івановичь Горбатой, да князь Іванъ Івановичь Барбашинъ, да князь Ѳедоръ Васильевичь Овчина Телепневъ, да Дмитрей Семеновичь Воронцовъ, да Василей Коробовъ, да съ нимижь Никита Алферьевъ сынъ Ѳилипова Нащокинъ, да Астаня Аньдрѣевъ».

Герберштейнъ, посѣщавшій въ послѣдній разъ Россію въ 1526 г., значитъ во время управленія Джанъ-Алія Мещерскимъ городкомъ, упоминаетъ о Касимовѣ.

Онъ зоветъ его Касимовгородомъ, и при этомъ сообщаетъ хотя немногія, но весьма любопытныя извѣстія о тогдашнихъ обычаяхъ тамошнихъ Татаръ; по его увѣренію, Касимовскія Татарки красили себѣ ногти черною краскою, и ходили постоянно съ непокрытою головою и съ распущенными волосами. Вотъ подлинныя слова Герберштейна, заимствованныя изъ его Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 44 (см. также стр. 46): «Haud procul inde est Moscha fluvius, qui et ipse ex Meridie profluens, Occam supra Murom illabitur, non longe ab oppido Cassimowgorod, quod Moscus Tartaris habitandum concessit. Horum mulieres arte quadam ungues, decoris causa, nigro colore inficiunt: ac aperto capite, passisque crinibus perpetuo incedunt».

По возведеніи своемъ на престолъ Казанскій, Джанъ-Али жилъ недолго. Въ 1535 г. онъ былъ убитъ, и на его мѣсто снова воцарился Сафа-гирей.

При особѣ Джанъ-Алія, во время его царствованія въ Казани, находились и Татары Городецкіе, которыхъ онъ, по всей вѣроятности, вывезъ съ собою изъ Касимова; по крайней мѣрѣ лѣтописцы упоминаютъ о какомъ то Кутлу-булатѣ (قوتلو بولاط), князѣ Городецкомъ, который, въ качествѣ посла, вмѣстѣ съ другими, пріѣзжалъ изъ Казани, лѣтомъ 1533 года, просить, между прочимъ, у великаго князя дозволенія Джанъ-Алію жениться на дочери Юсуфа, мурзы Ногайскаго [93]).

[93]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 282, 283: Тоя же весны (7041), іюня 6, пріидоша къ великому князю Василью Ивановичю на Москву послы Казанскіе, Аппай уланъ, да Кадышь князь Отучевъ братъ, да Кутлу Булатъ князь Городецкій да Евтекъ бакшей, били челомъ государю великому князю отъ царя Яналѣа, и отъ Булата въ головахъ, и отъ Табаа князя, и отъ улановъ, и отъ князей, и отъ карачей и отъ всѣхъ людей Казанскіе земли, чтобы великій государь пожаловалъ царю ослободилъ и волю далъ у Юсуѳъ мурзы Нагайского женитися, да и о иныхъ великихъ дѣлехъ земскихъ. И князь велики Яналѣа царя брата и сына своего пожаловалъ, на ту волю далъ и ослободилъ ему у Юсуѳъ мурзы Нагайского дочерь за собя взяти того ради, чтобы земля Казанскаа въ упокоѣ была, да и о земскыхъ дѣлехъ управу учинилъ; и отпустилъ пословъ Казанскыхъ, Аппай улана съ товарыщи. августа (*Ник.* VI, 254, 255, подъ 7042 г., гдѣ Кутлу булатъ названъ: «Котулубулатъ», а Юсуѳъ — «Юѳсу», и гдѣ, сверхъ того, Юсуфъ значится въ первый разъ, безъ сомнѣнія, по ошибкѣ, мурзою Казанскимъ, а посолъ Аппай уланъ, въ концѣ статьи, названъ Аппануляномъ; *Лв.* III, 429, 430, подъ 7046 г., гдѣ вмѣсто: «да Кутлу Булатъ князь Городецкій», стоитъ невѣрно: «Икутлу Булатъ Городецкой Князь»; Евтекъ Бакшей названъ въ *Лв.* Эвтей Бакщей).

IX.

Шахъ-Али (شاه علی).

Мы видѣли, что Шахъ-Али, съ самой минуты своего изгнанія изъ Казани въ 1521 г., почти во все время управленія Мещерскаго городка братомъ его Джанъ-Аліемъ, жилъ у насъ, и употреблялся великимъ княземъ на различныя случайныя дѣла и порученія. Такъ въ 1523 и 1524 годахъ онъ ходилъ воевать Казанскую землю, въ 1528 г. былъ посыланъ на Литовскую украйну, а въ концѣ 1531 и началѣ 1532 г. стоялъ въ Нижнемъ Новгородѣ (см. выше, стр. 254, 255, 263, 264 и 268; см. также выше, стр. 273). Но гдѣ было постоянное его мѣстопребываніе — владѣлъ ли онъ въ Россіи какимъ нибудь городомъ, или нѣтъ — намъ это положительно неизвѣстно. Быть можетъ, Шахъ-Али, во всѣ одинадцать лѣтъ отъ 1521 до 1532 г., состоялъ при лицѣ великаго князя, и время, свободное отъ выпадавшихъ на

куда царь и отправился почти немедленно, именно 21 сентября [95]). Тамъ, по своей собственной винѣ, онъ

[95]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 280: И того же мѣсяца сентября (7041) пожаловалъ князь великій Василей Ивановичь, государь самодержецъ всеа Руси, бывшаго царя Казанского Шигалѣа, а далъ ему Коширу да Серпуховъ съ всѣми пошлинами, да и отпустилъ его съ Москвы того же мѣсяца (22) 21 (*Ник.* VI, 250, подъ 7042; *Лв.* III, 421, 422, подъ 7046 г.; *Врм.* II, 296, 297; *Про.* 388). *Акты Арх. Эксп.* I, № 289, Опись Царскаго архива, 1575 — 1584, стр. 342: Ящикъ 88: А въ немъ грамота шертная Шигалеева царева, далъ ѣдучи на Коширу и на Серпуховъ лѣта 7041, съ Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи.

прожилъ весьма недолго, не болѣе трехъ мѣсяцевъ [96]).

[96]) Къ этой эпохѣ управленія Шахъ-Аліемъ Коширы и Серпухова относится жалованная грамота, данная имъ Троицкому Бѣлопесоцкому монастырю, объ освобожденіи отъ пошлинъ и повинностей монастырской отчины въ Коширскомъ уѣздѣ, съ изъятіемъ крестьянъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей, и о пр., напечатанная въ *Актахъ Арх. Эксп.* I, № 175, стр. 146 — 148. Писана она «на Коширѣ, лѣта 7041, Ноября въ семыйнадесятъ день». Самъ царь называетъ себя Казанскимъ. «Се язъ», пишетъ онъ, «Царь Шаалей Шаавлеяровичь Казанской». Для насъ въ грамотѣ особенно любопытны слѣдующія слова, встрѣчающіяся въ концѣ ея: «Також

есми игумена Сергія съ братьею пожаловалъ: наши уланы, и князи, и мурзы, и пошлины люди, и псари, въ ихъ селцахъ и въ деревняхъ не ставятся, и корму своего и конского у крестьянъ не емлютъ». Значитъ, при Шахъ-Алiѣ состояли и Татары: огланы, князи, мурзы и пр., вѣроятно, частью Казанскіе, частью Городецкіе.

личенный въ преступныхъ и тайныхъ сношеніяхъ ›Казанью и другими землями, онъ былъ, въ январѣ ›533 г., взятъ подъ стражу, лишенъ удѣла, и, вмѣстѣ › женою, сосланъ на Бѣлоозеро. Людей же его, ›таръ (огланов, князей, мурзъ и пр., см. выше, . 96), развели по городамъ: въ Тверь, Новгородъ Псковъ [97]). Шахъ - Али оставался въ заточеніи

[97]) *Вскр*. П. С. Р. Л. VIII, 281: Тоя же зимы, генваря (7041), князь велики Василей Ивановичь всеа Руси положилъ опалу свою на бывшаго царя Казанского Шигалѣа, что онъ правду свою порушилъ, учалъ ссылатися въ Казань и въ иные государьства безъ великого князя вѣдома; и за то его велѣлъ князь велики ж жалованіа своего свести съ Коширы и съ Серпухова, да поимавъ съслалъ на Бѣлоозеро и съ царицею и посадилъ за сторожи (*Ник*. VI, 252, 253, подъ 7042 г.; *Врм*. II, 297, 298). *Лв*. III, 426: Зимою Генваря мѣсяца (7046) Великій Князь Василей Ивановичь положилъ опалу свою на бывшаго царя Казанскаго Шигалея, что онъ правду свою порушилъ, учалъ ссылаться въ Казань и во иные Государства безъ Великаго Князя вѣдома и за то велѣлъ его сослать на

Бѣло озеро и съ царицею за карауломъ отобравъ отъ него все имѣніе. *Про.* 388: Тояже зимы (7041) бывшій царь Казанской поиманъ за то, что онъ учалъ ссылатися въ Казань, и сосланъ на Бѣло озеро. *Соф 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 266: Тое же зимы, декабря (7041), поималъ князь велики царя Шигалѣя, что былъ на Казани (*Сер.* II, 316). *Пск. 1 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 299: Тоя же зимы (7042), въ великій постъ, засадиша на Москвѣ царя Шигалея Татарского и послаша его на Бѣлоозеро, а людей его по городомъ розведоша, во Тверь и въ Новгородъ и во Псковъ, Татаръ съ женами и съ дѣтми; и приведоша ихъ во Псковъ, и нарядиша имъ избы и весь нарядъ дворный на ямскомъ дворѣ у Трупеховскихъ воротъ (*Кар.* пр. 30 къ Т. VIII). *Акты Арх. Эксп.* I, № 289, Опись Царскаго архива 1575—1584, стр. 342: Ящикъ 94. А въ немъ книги и списки Шигалея царя, какъ его Князь Велики пожаловалъ, далъ ему городъ Коширу, и былъ въ опалѣ.

вплоть до конца 1535 года. Эпоха эта была самая тяжкая въ жизни Шахъ-Алія. Если не ему самому, то его Татарамъ, которые были заключены съ нимъ въ опалу, привелось вытерпѣть много горя Ихъ держали въ тюрьмахъ, гдѣ ихъ морили голодомъ или убивали. Женъ и дѣтей крестили. Нѣкоторые, для того, чтобъ избавиться отъ мученій, сами принимали христіанскую вѣру [98]).

[98]) *Пск. 1 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 300, 301: Того же лѣта (7043 = 1535), мѣсяца іюня въ 26 (27) день,

посадиша Тотаръ царя Шигалея людей 73 въ тюрму, въ Середнемъ городѣ подъ Бурковскимъ костромъ отъ Великіе рѣки, на смерть, и малыхъ дѣтокъ 7 въ томъ же числѣ, и ти изомроша въ день и въ нощь и выкидаша ихъ вонъ, а восмь живы осташася въ тюрмѣ, ни поены ни кормлены на многи дни, а тѣхъ прибиша; а катуней (т. е. женъ, отъ Татарскаго слова: خاتون—хатынъ—жена) посадиша въ иную тюрму, легчае и виднѣе, у Труцеховыхъ воротъ къ Василью Святому на Горку (Вмѣсто всего этого по другому списку: «Того же году Тотарокъ крестиша; а мужей ихъ уже утушили въ тюрмы 72 человѣка»; см. *Пск. Пог.* 187)...Тоя же зимы (7044=1536), по Крещеніи Господни, архіепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Макарей пріѣхалъ во Псковъ на 4-й годъ, и упроси у великого князя Ивана Васильевича всея Русіи и у его матери великой княгинѣ Елены, у вдовы, на свое бремя Тотаръ Шигалія людей и женъ, кои сѣдили въ тюрмахъ въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, и подаваше ихъ священникомъ и повелѣ ихъ крестити во христіянскую вѣру; и бысть радость велія въ людехъ о новокрещеныхъ, и начаша ихъ священники давати замужъ, а онѣ къ вѣрѣ христіянстѣй добры быша (*Кар.* пр. 30, къ Т. VIII). *Отрывокъ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 297, 299: Того же лѣта 43 (1535) государь князь великій Иванъ Васильевичь всеа Русіи ополѣлся на Татаръ Шигалѣя царя, и бысть ихъ въ Новѣгородѣ восмьдесятъ и болѣ, и пометаша ихъ въ тюрму; они же, по своей скверной вѣрѣ, въ пять дней всѣ изомроша, тако-

же и во Пьсковѣ семьдесять человѣкъ поимаша. Единъ же отъ нихъ восхотѣ святую православную вѣру и крестися съ женою и съ дѣтьми, зовомый прежде Бесерменски Хасанъ — حسن, а во крещеніи нареченъ Михаилъ. они же яко отъ тяжкаго сна возбнуша и отъ великаго ужаса воспрянуша, и начаша прилежно молитися Живоначальной Троицы и хвалити православную святую вѣру... Тое же зимы, лѣта 7044 (1536) отъ преждереченныхъ Татаръ жены же ихъ видѣвше мужей своихъ во своей скверной вѣрѣ скорую и нужную смерть и погибели же душею и тѣломъ, они же яко отъ долга сна воспрянувше и начаша приходяще молитися богомудрому архіепископу Макарію, просити святаго крещенія. И преосвященный архіепископъ Макарій посылалъ ко государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи и моли о нихъ, чтобы ихъ крестити, хотя бо вся человѣки спасти и въ разумъ истинный привести; и государь князь великій повелѣ ихъ крестити. И архіепископъ Макарій повелѣ ихъ роздати по священникомъ соборнымъ святѣй Софѣи и по градскимъ священникомъ, гдѣ которымъ подобно быти, и повелѣ ихъ учити по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ посту и молитвѣ, и просвѣтити ихъ святымъ крещеніемъ во имя Отца и Сына и святаго Духа. Они же преже бывше Агаряне и видѣвше яко породишася водою и святымъ Духомъ, «не сице бо, еже бы стару человѣку второе внити во утробу матерню и паки родитися изъ ложесиъ, но еже породишася водою и святымъ Духомъ,» и оттолѣ начаша прилежно молитися святѣй Живона-

чалнѣй Троицѣ и хвалити святую православную вѣру; видѣша бо яко избыша отъ козней лукаваго діавола и отъ темнаго дна адова. А крестишася числомъ въ Великомъ Новѣгородѣ женъ 43, а дѣтей 36, а во Псковѣ крестиша женъ и дѣтей 50 и единъ, а въ Орѣшкѣ 12, а въ Корѣлѣ 30; и се елико множество душъ избыша козни лукаваго діавола и познаша святую православную вѣру (*Сер.* II, 389, 392, 393; см. *Кар.* пр. 30 къ Т. VIII)! — Такъ какъ Шахъ-Али, какъ увидимъ ниже, получилъ свободу въ декабрѣ 1535 г., то всѣ свѣдѣнія о крещеніи женъ и дѣтей Шахъ-Аліевыхъ Татаръ въ 1536 г., или занесены въ лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ по ошибкѣ, или же надобно понимать дѣло такъ, что прощеніе, объявленное царю, не распространялось на его Татаръ. Быть можетъ, тогда было разрѣшено имъ, въ знакъ особой милости, креститься, или же вдовы и сироты казненныхъ лицъ, не предвидя другаго исхода своимъ бѣдствіямъ, рѣшились сами принимать христіанскую вѣру.

Кто же управлялъ Мещерскимъ городкомъ во весь промежутокъ времени отъ осени 1532 г. до конца 1535 года, пока Шахъ-Али сидѣлъ съ начала на Коширѣ и Серпуховѣ, а потомъ въ заточеніи на Бѣлоозерѣ?

О Городецкихъ Татарахъ, за всю эту эпоху, мы знаемъ, что Русское правительство не оставляло ихъ въ бездѣйствіи.

Касимовцы, вѣрные слуги наши, участвовали

въ войнахъ: ходили сторожить на Волгу [99]),

[99]) Такъ, то были казаки Городецкіе, ходившіе
которые въ 1532 г. привезли вѣсть о перемѣнѣ,
шей о ту пору въ Астрахани. «Того же лѣта (7
21», читаемъ въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII,
ѣхалъ къ великому князю на Москву изъ
отъ Касима царя, человѣкъ его Злоба
зъ грамотою. И опослѣ того пріѣхали
князю съ Волги казаки Городецкіе, а ск
князю, что пришедъ ко Азторакани безв
да зъ Асторакани взяли царя, и князей
дей побили и животы ихъ пограбили,
а на Азторокани учинился Акъкубекъ
VI, 248, гдѣ вмѣсто: «Касима», ст
вмѣсто: «Акъкубекъ» — «Акоубек
Лѣт. Норм. 26, гдѣ имя царевича
а слова: «Злоба съ товарыщи» про
и *Лѣт. Норм.* Касимъ былъ уби
хани). — Казаки же Городецкіе;
же, въ октябрѣ 1535 г., извѣстія
«И тогожъ мѣсяца Октября 25
въ *Царк.* 51, 52, «пріѣхали
Ивану Васильевичу всеа Русіи
родецкіе Татарова, Евгастей
были на Волгѣ сто человѣкъ
Князю, и его матери Великоі
занскіе Князи (въ текстѣ слѣ
ними Князей, и Мурзъ, и

кая

оего

I какъ

азъ, Го-

ока, Го-

ь. А про-

порятки, а

ару, Госу-

ь, Государь,

а не замучилъ.

плѣнныхъ, содержавшихся въ разныхъ частяхъ Россіи, а въ томъ числѣ и въ городкѣ Мещерскомъ [100]).

[100]) *Донесеніе Данилы Губина изъ Ногайскихъ улусовъ, полученное 2 мая 1535 г.:* Да (Сейдякъ) прислалъ, Государь, к намъ *Тику Дувана*, да *Кождовлетя* а велѣлъ говорити: посылаю де и стѣмъ ко государю ктвоему гонца, что де и неправда отца его, а нынѣча его, что де и городетцкіе Татаровѣ грабили у *Барака* мою казну и гостей моихъ сорока человѣкъ. А сего лѣта посолъ мой шелъ изъ Казани *Салтанакъ*; ино его городетцкіе же ограбили (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 240; см. нѣкоторыя подробности объ этихъ грабежахъ въ *Щерб.* Т. V, Ч. I, стр. 487, и *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, стр. 249, 250, 320, 321; Баракъ былъ посолъ Ногайскій, ѣхавшій въ Казань).

Донесеніе Данилы Губина полученное 7-го октября 1535 года: Исмаилъ Мырза, Государь, выслушавъ рѣчи, учалъ мнѣ говорити: язъ деи свеликимъ Княземъ хочю быти вдружбе, чтобы де и Князь велики *Касымовъскихъ* унялъ, а мы бы своихъ *Ялтоуловъ* уняли... И *Кошумъ*, Государь, учалъ мнѣ говорити... чтобъ де и Князь велики *Косимовскихъ* унялъ, а мы де и унимемъ своихъ *Ялтоуловъ*. А сего де и лѣта Косимовскіе взяли у меня человѣка. И Князь велики бы де и велѣлъ моего человѣка доискаться да отдать моему послу (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 308, 314).

Грамота в. к. Ивана къ князю Сейдяку, послан-

ная съ Д. Губинымъ 8 сентября 1534 г.: Да писалъ еси къ намъ, и словомъ намъ отъ тебя говорилъ посолъ твой *Кудояръ* князь, что попали въ руки ваши люди нашимъ людемъ, иные тѣхъ людей у насъ на Москвѣ, а иные въ Городкѣ, и намъ бы тѣхъ людей доискався къ тебѣ отпустити. . И будутъ которые есть, и мы тѣхъ тебѣ отдадимъ, а въ городокъ есьмя послали, а велѣли тѣхъ людей пытати (*Щерб.* Т. V, Ч. I, стр. 498; тоже самое писано было тогда и къ Мамай-мурзѣ, см. *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 229). *Грамота в. к. Ивана къ князю Сейдяку, отправленная въ февралѣ 1536 г.:* Да писалъ еси кнамъ, которые твои люди попали вруки нашимъ людемъ, и намъ бы тѣхъ твоихъ людей доискався ктобѣ отпустити. И мы нынѣ в*Гордокъ* послали и выные украйные мѣста, а велѣли твоихъ людей доискыватись (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 340, 341).

Были и Городецкіе Татары, которые томились въ неволѣ у Ногайцевъ. «Да здѣсь, Государь», писалъ Данило Губинъ въ донесеніи, полученномъ въ Москвѣ 2 мая 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 243), «не доѣзжая княжово (Сейдяка) улусу, окупилъ племянника своего Городетцкаго, и Татаринъ *Бахтеяромъ* зовутъ. И какъ есмя, Государь, приѣхали во княжой улусъ; и князь, Государь, намъ велѣлъ стати у *Токи Дувана*. И Тока, Государь, того его племянника у Бахтеяра отнялъ. А просилъ у Государя, (Государь,) у Бахтеяра одноратки, а хотѣлъ ему того полонянника отдати. И Бахтеяру, Государь, было одноратки добыти немочно. И онъ, Государь, его ноги разнасталъ до нага, мало до смерти не замучилъ.

А полоняникъ, Государь, тотъ и сего дни у Токи». Плѣненный Татаринъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, еще долго оставался въ неволѣ у Ногайцевъ. Отъ Тока-Дувана онъ перешелъ снова къ прежнему хозяину. «А что еси писалъ ктобѣ ко Государю», писалъ Губинъ въ донесеніи, полученномъ 26 сентября 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 288, 289), «про *Бахтеярова* полоняника, что былъ у *Токи* Князя, отдалъ его старому Государю *Бонцумову* человѣку».

Носились даже одно время слухи, впрочемъ невѣрные, будто Городецкіе Татары убили сына самого Сейдяка, Сююндюкъ-мурзу (سيوندوك مرزا). «Да что еси, Государь, писалъ ктобѣ ко Государю, с*Ывановъ* с*Алтесымъ*», говорилъ посолъ нашъ Данило Губинъ въ донесеніи своемъ изъ Ногайскихъ улусовъ, полученномъ 2 мая 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 246, 247), «что мы сказали *Бахтеяръ* да *Акишъ*, Шійдякова сына княжово *Суюнюка* Мурзу убита отъ Городетцкихъ казаковъ, ино, Государь, Сюундюкъ Мырза живъ».

Наравнѣ съ военными предпріятіями употреблялись Касимовцы Русскимъ правительствомъ и на мирныя порученія: ихъ наряжали вожаками къ посламъ, ѣздившимъ въ орды, а иногда и ихъ однихъ посылали туда съ грамотами и для переговоровъ. Такъ, въ маѣ 1535 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ посла нашего Данилы Губина съ донесеніемъ, изъ Ногайскихъ улусовъ «Городетской вожъ Янъ Булатъ»

(جان بولاط — Джанъ-Булатъ; Губинъ въ донесеніяхъ своихъ зоветъ его: Янбулатъ, Енбулатъ и Ембулатъ; см. *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 233, 279, 290, 291, 298). Этотъ же «Янъ Булатъ», въ іюнѣ того же года, былъ отправленъ сопровождать Ногайскихъ гонцовъ, возвращавшихся изъ Москвы въ свои улусы; онъ явился въ октябрѣ съ новымъ донесеніемъ Губина. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 254, 307). Въ 1535 же году, въ августѣ, посланы были къ Ногайскимъ мурзамъ «Городетцкіе казаки Шеръхозя Ильясовъ (شير خواجه الياس اوغلى — Ширъ-ходжа сынъ Ильяса) съ товарищи»; они возвратились въ декабрѣ того же года (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 257, 259).

Всѣ эти свѣдѣнія о Городецкихъ Татарахъ за періодъ времени отъ 1532 до 1536 г. не лишены, конечно, значенія и интереса, но въ нихъ нѣтъ отвѣта на заданный вопросъ.

Одно весьма любопытное указаніе находится въ *Башм. разр. кн.*

Говоря о войнѣ Россіи съ Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ, въ 1534 г., и перечисляя воеводъ нашихъ, которые въ концѣ этого года должны были двинуться на Литву: одни изъ подъ Москвы, подъ главнымъ начальствомъ князей Михаила Васильевича Горбатаго и Никиты Васильевича Оболенскаго, другіе изъ Новгорода и Пскова, подъ предводительствомъ князя Бориса Ивановича Горбатаго и Василія Андреевича Шереметева, *Башм. разр. кн.* прибавляетъ, между прочимъ, что въ войскѣ велѣно было состоять «ца-

ревичю и Канбаръ мурзину сыну и Городецкимъ Таталомъ»[101]). Царевичь не названъ по имени, но нѣтъ

[101]) *Башм. разр. кн.* Лѣта 7043 году, декабря въ день, послалъ государь князь великиі Іванъ Васильевичь всеа Росиі и мати его великая княгиня Елена воеводъ своихъ въ Литовскую землю воевать по полкомъ, и пошли изъ розныхъ мѣстъ въ зимней походъ. Изъ Можайска роспись воеводамъ. Въ болшомъ полку: бояре и воеводы князь Михайло Васильевичь Горбатой Кислой, да бояринъ князь Никита Васильевичь Оболенской Хромой. Въ передовомъ полку: бояринъ и воеводы и конюшей князь Василей Өедоровичь Овчина Телепневъ Оболенской, да князь Никита Борисовичь Туренинъ, а стояли они въ Боровску. Въ правой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Петръ Івановичь Репнинъ, да князь Петръ Өедоровичь Ахлебининъ, а стояли они въ Рузе. Въ лѣвой рукѣ: князь Василей Івановичь Репнинъ, да князь Іванъ Семеновичь Мезецкой. Въ сторожевомъ полку: бояринъ князь Іванъ Івановичь Белевской, да Василей Петровичь Борисовъ Бороздинъ. А изъ Великого Новагорода и изо Пскова велѣлъ князь великиі итти бояромъ и воеводамъ въ Литовскуюжь землю, декабря въ день, по полкомъ же, а воевали Полоцкъ, и Витепскъ, Брясловль, Осиновецъ, Латыговъ, Сѣнну, а воротились отъ Вильны за 40 верстъ. Въ болшомъ полку: бояринъ и воевода и намѣстникъ Новгородцкой князь Борисъ Івановичь Горбатой, да Василей Андрѣевичь Шереметевъ. Въ передовомъ полку:

князь Михайло Михайловичь Курбской, да князь Дмитрей Өедоровичь Палецкой. Въ правой рукѣ: князь Михайло Івановичь Кубенской, да Іванъ Өока Семеновичь Воронцовъ. Въ лѣвой рукѣ: воеводы Дмитрей Семеновичь Воронцовъ, да Өедоръ Семеновичь Колычовъ. Въ сторожевомъ полку: воеводы князь Өедоръ Михайловичь Курбской, да князь Іванъ Чюлокъ Михайловичь Засѣкинъ. А въ наказе съ дьякомъ съ Өеонасіемъ Өедоровымъ сыномъ Курицына написано: Можайскимъ воеводамъ боярину князю Михайлу Васильевичю Горбатому съ товарыщи. Нѣчто почаютъ дѣло и Новгородцкимъ воеводамъ и ихъ людемъ быть съ ними вмѣсте, а какъ сойдутца Новгородцкіе воеводы съ Можайскими, ино быть имъ Новгородцкимъ воеводамъ съ Можайскими воеводы по полкомъ, а тѣмъ полкомъ по томужь снятись правой и лѣвой рукѣ и передовому и сторожевому полку, и быть имъ вмѣсте по полкомъ, а царевичю и Канбаръ мурзину сыну и Городецкимъ Татаромъ быть у передового полку на праве. — Роспись воеводамъ, ходившимъ въ Литву въ концѣ 1534 г. изъ подъ Москвы и Новгорода помѣщена и въ лѣтописяхъ (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 288; *Царк.* 41, 42; *Ник.* VII, 4, 5; *Лв.* IV, 27—29; *Лѣт. Норм.* 31, 32). По *Царк* воеводы получили приказаніе идти съ Москвы въ октябрѣ, по *Вскр.*, *Ник.*, *Лв.* и *Лѣт. Норм.*— въ ноябрѣ 1534 г.

никакого сомнѣнія, что составитель *Башм. разр. кн.* имѣлъ въ виду царевича Шахъ-Алія, сына Акъ-даулета

въ войнахъ: ходили сторожить на Волгу [99]), и подъ

[99]) Такъ, то были казаки Городецкіе, ходившіе на Волгу, которые въ 1532 г. привезли вѣсть о перемѣнѣ, происшедшей о ту пору въ Астрахани. «Того же лѣта (7040), іюля 21», читаемъ въ *Вскр*. П. С. Р. Л. VIII, 279, «пріѣхалъ къ великому князю на Москву изъ Асторокани, отъ Касима царя, человѣкъ его Злоба съ товарыщи зъ грамотою. И опослѣ того пріѣхали къ великому князю съ Волги казаки Городецкіе, а сказали великому князю, что пришедъ ко Азторакани безвѣстно Черкасы, да зъ Асторакани взяли царя, и князей и многыхъ людей побили и животы ихъ пограбили, и пошли прочь; а на Азторокани учинился Акъкубекъ царевичь (*Ник*. VI, 248, гдѣ вмѣсто: «Касима», стоитъ: «Касама», а вмѣсто: «Акъкубекъ» — «Аккоубекъ»; *Лв*. III, 418; *Лѣт. Норм*. 26, гдѣ имя царевича писано: «Акбекъ», а слова: «Злоба съ товарыщи» пропущены по *Ник*., *Лв*. и *Лѣт. Норм*. Касимъ былъ убитъ при взятіи Астрахани). — Казаки же Городецкіе; привезли съ Волги же, въ октябрѣ 1535 г., извѣстія о дѣлахъ Казанскихъ. «И тогожъ мѣсяца Октября 25 дня (7044)», сказано въ *Царк*. 51, 52, «пріѣхали къ Великому Государю Ивану Васильевичу всеа Русіи съ Волги Козаки, Городецкіе Татаровя, Евгастей Итаковъ съ товарищи. А были на Волгѣ сто человѣкъ ихъ; а сказали Великому Князю, и его матери Великой Княгинѣ Еленѣ; что Казанскіе Князи (въ текстѣ слѣдуютъ имена князей)... и съ ними Князей, и Мурзъ, и Козаковъ 60 человѣкъ изъ

Казани вышли, и къ нимъ на островъ изъ судовъ выходили, и стояли, и говорили, и приказали съ ними къ Великому Государю, что Ковгоршадъ Царевна, и Булатъ Князь въ головахъ, и всѣ Уланы и Князи Великому Князю измѣнили, и Янадея Царя убили; а на Казань взяли Царемъ изъ Крыма Сафакирея Царевича; а насъ въ заговорѣ Казанцевъ Князей и Мурзъ съ пять сотъ человѣкъ... и мы хотимъ Государю служити Великому Князю прямо; и Государь бы насъ пожаловалъ, Шигалею бы Царю гнѣвъ свой отложилъ, и къ себѣ бы ему велѣлъ на Москву быти; и коли будетъ Шигалей у Великаго Государя на Москвѣ, и мы совокупимся съ своими Совѣтники, кои въ Казани, и тому Царю Крымскому въ Казани не быти» (*Лв.* IV, 53, 54, гдѣ стоитъ не «Евгастей», а «Евгасей», и не «Ковгоршадъ», а «Ковгородша»).

часъ вторгались въ чужія Орды. Всего больше и чаще доставалось отъ нихъ Ногайцамъ: князь Сейдякъ — سيدك, или, какъ звали его Русскіе, Шыйдякъ (Сейдякъ ничто иное, какъ сокращеніе имени Сеидъ-Ахмедъ; видно это даже изъ напечатанныхъ въ *Прод. Древн. Росс. Вивл.*, ч. VII, VIII, переводныхъ грамотъ самаго «Шыйдяка», который въ нихъ не иначе себя зоветъ какъ Сейдъ Ахметемъ, Сейдъ Ахматомъ и пр.), глава Ногайскаго народа, и мурзы жаловались, что они не даютъ имъ покоя и отбиваютъ скотъ, говорили о людяхъ, посланныхъ въ Казань и перехваченныхъ Касимовцами, просили унять ихъ, и требовали выдачи

плѣнныхъ, содержавшихся въ разныхъ частяхъ Россіи, а въ томъ числѣ и въ городкѣ Мещерскомъ [100]).

[100]) *Донесеніе Данилы Губина изъ Ногайскихъ улусовъ, полученное 2 мая 1535 г.:* Да (Сейдякъ) прислалъ, Государь, к намъ *Тику Дувана*, да *Кождовлетя* а велѣлъ говорити: посылаю де и стѣмъ ко государю ктвоему гонца, что де и неправда отца его, а нынѣча его, что де и городетцкіе Татаровѣ грабили у *Барака* мою казну и гостей моихъ сорока человѣкъ. А сего лѣта посолъ мой шелъ изъ Казани *Салтанакъ*; ино его городетцкіе же ограбили (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 240; см. нѣкоторыя подробности объ этихъ грабежахъ въ *Щерб.* Т. V, Ч. I, стр. 487, и *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, стр. 249, 250, 320, 321; Баракъ былъ посолъ Ногайскій, ѣхавшій въ Казань).

Донесеніе Данилы Губина полученное 7-го октября 1535 года: Исмаилъ Мырза, Государь, выслушавъ рѣчи, училъ мнѣ говорити: язъ деи свеликимъ Княземъ хочю быти вдружбе, чтобы де и Князь велики *Касымовъскихъ* унялъ, а мы бы своихъ *Яртоуловъ* уняли... И *Кошумъ*, Государь, училъ мнѣ говорити... чтобъ де и Князь велики *Косимовскихъ* унялъ, а мы де и униемъ своихъ * Яртоуловъ*. А сего де и лѣта Косимовскіе взяли у меня человѣка. И Князь велики бы де и велѣлъ моего человѣка доискаться да отдать моему послу (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 308, 314).

Грамота в. к. Ивана къ князю Сейдяку, послан-

ная съ Д. Губинымъ 8 сентября 1534 г.: Да писалъ еси къ намъ, и словомъ намъ отъ тебя говорилъ посолъ твой *Кудояръ* князь, что попали въ руки ваши люди нашимъ людемъ, иные тѣхъ людей у насъ на Москвѣ, а иные въ Городкѣ, и намъ бы тѣхъ людей доискався къ тебѣ отпустити. . И будутъ которые есть, и мы тѣхъ тебѣ отдадимъ, а въ городокъ есьмя послали, а велѣли тѣхъ людей пытати (*Щерб.* Т. V, Ч. I, стр. 498; тоже самое писано было тогда и къ Мамай-мурзѣ, см. *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 229). *Грамота в. к. Ивана къ князю Сейдяку, отправленная въ февралѣ 1536 г.:* Да писалъ еси кнамъ, которые твои люди попали вруки нашимъ людемъ, и намъ бы тѣхъ твоихъ людей доискався ктобѣ отпустити. И мы нынѣ в*Гордокъ* послали и вныеѵукрайные мѣста, а велѣли твоихъ людей доискыватись (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 340, 341).

Были и Городецкіе Татары, которые томились въ неволѣ у Ногайцевъ. «Да здѣсь, Государь», писалъ Данило Губинъ въ донесеніи, полученномъ въ Москвѣ 2 вмая 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 243), «не доѣзжая княжово (Сейдяка) улусу, окупилъ племянника своего Городетцкаго, и Татаринъ *Бахтеяромъ* зовутъ. И какъ есмя, Государь, приѣхали во княжой улусъ; и князь, Государь, намъ велѣлъ стати у *Токи Дувана.* И Тока, Государь, того его племянника у Бахтеяра отнялъ. А просилъ у Государя, (Государь,) у Бахтеяра однорятки, а хотѣлъ ему того полоняника отдати. И Бахтеяру, Государь, было однорятки добыти немочно. И онъ, Государь, его ноги разнасталъ до нага, мало до смерти не замучилъ.

А полонянникъ, Государь, тотъ и сего дни у Токи». Плѣненный Татаринъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, еще долго оставался въ неволѣ у Ногайцевъ. Отъ Тока-Дувана онъ перешелъ снова къ прежнему хозяину. «А что есми писалъ ктобѣ ко Государю», писалъ Губинъ въ донесеніи, полученномъ 26 сентября 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 288, 289), «про *Бахтеярова* племянника, что былъ у *Токи* Князя, отдалъ его старому Государю *Кошумову* человѣку».

Носились даже одно время слухи, впрочемъ невѣрные, будто Городецкіе Татары убили сына самого Сейдяка, Сююндюкъ-мурзу (سيونديك مرزا). «Да что есми, Государь, писалъ ктобѣ ко Государю, с*Иваномъ* с*Алпеевымъ*», говорилъ посолъ нашъ Данило Губинъ въ донесеніи своемъ изъ Ногайскихъ улусовъ, полученномъ 2 мая 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 246, 247), «что ми сказали *Бахтеяръ* да *Акишъ*, Шійдякова сына княжово *Суюдюка* Мурзу убита отъ Городетцкихъ казаковъ, ино, Государь, Сюундюкъ Мырза живъ».

Наравнѣ съ военными предпріятіями употреблялись Касимовцы Русскимъ правительствомъ и на мирныя порученія: ихъ наряжали вожаками къ посламъ, ѣздившимъ въ орды, а иногда и ихъ однихъ посылали туда съ грамотами и для переговоровъ. Такъ, въ маѣ 1535 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ посла нашего Данилы Губина съ донесеніемъ, изъ Ногайскихъ улусовъ «Городетской вожъ Янъ Булатъ»

(جان بولاط — Джанъ-Булатъ; Губинъ въ донесеніяхъ своихъ зоветъ его: Янбулатъ, Енбулатъ и Ембулатъ; см. *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 233, 279, 290, 291, 298). Этотъ же «Янъ Булатъ», въ іюнѣ того же года, былъ отправленъ сопровождать Ногайскихъ гонцовъ, возвращавшихся изъ Москвы въ свои улусы; онъ явился въ октябрѣ съ новымъ донесеніемъ Губина. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 254, 307). Въ 1535 же году, въ августѣ, посланы были къ Ногайскимъ мурзамъ «Городетцкіе казаки Шерьхозя Ильясовъ (شير خواجه الياس اوغلى — Ширъ-ходжа сынъ Ильяса) съ товарищи»; они возвратились въ декабрѣ того же года (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 257, 259).

Всѣ эти свѣдѣнія о Городецкихъ Татарахъ за періодъ времени отъ 1532 до 1536 г. не лишены, конечно, значенія и интереса, но въ нихъ нѣтъ отвѣта на заданный вопросъ.

Одно весьма любопытное указаніе находится въ *Башм. разр. кн.*

Говоря о войнѣ Россія съ Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ, въ 1534 г., и перечисляя воеводъ нашихъ, которые въ концѣ этого года должны были двинуться на Литву: одни изъ подъ Москвы, подъ главнымъ начальствомъ князей Михаила Васильевича Горбатаго и Никиты Васильевича Оболенскаго, другіе изъ Новгорода и Пскова, подъ предводительствомъ князя Бориса Ивановича Горбатаго и Василія Андреевича Шереметева, *Башм. разр. кн.* прибавляетъ, между прочимъ, что въ войскѣ велѣно было состоять «ца-

ревичю и Канбаръ мурзину сыну и Городецкимъ Татаромъ»[101]). Царевичь не названъ по имени, но нѣтъ

[101]) *Башм. разр. кн.* Лѣта 7043 году, декабря въ день, посылалъ государь князь великиі Іванъ Васильевичъ всеа Росиі и мати его великая княгиня Елена воеводъ своихъ въ Литовскую землю воевать по полкомъ, и пошли изъ розныхъ мѣстъ въ зимней походъ. Изъ Можайска роспись воеводамъ. Въ болшомъ полку: бояре и воеводы князь Михайло Васильевичь Горбатой Кислой, да бояринъ князь Никита Васильевичь Оболенской Хромой. Въ передовомъ полку: бояринъ и воеводы и конюшей князь Василей Өедоровичь Овчина Телепневъ Оболенской, да князь Никита Борисовичь Туренинъ, а стояли они въ Боровску. Въ правой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Петръ Івановичь Репнинъ, да князь Петръ Өедоровичь Ахлебининъ, а стояли они въ Рузе. Въ лѣвой рукѣ: князь Василей Івановичь Репнинъ, да князь Іванъ Семеновичь Мезецкой. Въ сторожевомъ полку: бояринъ князь Іванъ Івановичь Белевской, да Василей Петровичь Борисовъ Бороздинъ. А изъ Великого Новагорода и изо Пскова велѣлъ князь великиі итти бояромъ и воеводамъ въ Литовскуюжъ землю, декабря въ день, по полкомъ же, а воевали Полоцкъ, и Витепскъ, Брасловль, Осиновецъ, Латыговъ, Сѣнну, а воротилися отъ Вильны за 40 верстъ. Въ болшомъ полку: бояринъ и воевода и намѣстникъ Новгородцкой князь Борисъ Івановичь Горбатой, да Василей Андрѣевичь Шереметевъ. Въ передовомъ полку:

князь Михайло Михайловичь Курбской, да князь Дмитрей Өедоровичь Палецкой. Въ правой рукѣ: князь Михайло Івановичь Кубенской, да Іванъ Өока Семеновичь Воронцовъ. Въ лѣвой рукѣ: воеводы Дмитрей Семеновичь Воронцовъ, да Өедоръ Семеновичь Колычовъ. Въ сторожевомъ полку: воеводы князь Өедоръ Михайловичь Курбской, да князь Іванъ Чюлокъ Михайловичь Засѣкинъ. А въ наказе съ дьякомъ съ Оөонасіемъ Өедоровымъ сыномъ Курицына написано: Можайскимъ воеводамъ боярину князю Михайлу Васильевичю Горбатому съ товарыщи. Нѣчто почаютъ дѣло и Новгородцкимъ воеводамъ и ихъ людемъ быть съ ними вмѣсте, а какъ сойдутца Новгородцкіе воеводы съ Можайскими, ино быть имъ Новгородцкимъ воеводамъ съ Можайскими воеводы по полкомъ, а тѣмъ полкомъ по томужь снятись правой и лѣвой рукѣ и передовому и сторожевому полку, и быть имъ вмѣсте по полкомъ, а царевичю и Канбаръ мурзину сыну и Городецкимъ Таталомъ быть у передового полку на праве. — Роспись воеводамъ, ходившимъ въ Литву въ концѣ 1534 г. изъ подъ Москвы и Новгорода помѣщена и въ лѣтописяхъ (*Вскр*. П. С. Р. Л. VIII, 288; *Царк*. 41, 42; *Ник*. VII, 4, 5; *Лв*. IV, 27—29; *Лѣт. Норм*. 31, 32). По *Царк* воеводы получили приказаніе идти съ Москвы въ октябрѣ, по *Вскр*., *Ник*., *Лв*. и *Лѣт. Норм*.— въ ноябрѣ 1534 г.

никакого сомнѣнія, что составитель *Башм. разр. кн.* имѣлъ въ виду царевича Шахъ-Алія, сына Акъ-даулета

Акъ-куртова (см. объ Акъ-даулетѣ выше, пр. 68, стр. 205, 206). Вотъ тому доказательства. Въ той же *Башм. разр. кн.*, нѣсколькими страницами выше, подъ 1534 же годомъ, читаемъ: «Тогожь (7042) лѣта, въ Вязмѣ были воеводы князь Ѳедоръ Івановичь Шуйской Скопинъ, да околничей Яковъ Григорьевичь Морозовъ. Да въ Вязмежь былъ князь Данило Дмитреевичь Пронской. Да въ Вязьмежь былъ *царевичь Шигалей Акъдевлетевъ сынъ, да Канбаръ мурзинъ сынъ*; а съ царевичемъ былъ Александра Семеновъ сынъ Упинъ, а съ Тотары былъ Посникъ Сатинъ». Чрезъ страницу послѣ описанія похода на Литву, предпринятаго въ концѣ 1534 г., при исчисленіи воеводъ, посланныхъ изъ различныхъ мѣстъ на Литву же, лѣтомъ слѣдующаго 1535 (7043) г., въ *Башм. разр. кн.* читаемъ опять: «Да въ Литовской же землѣ былъ царевичь *Шигалей Акъдевлетевъ сынъ, да Канъбаръ мурзинъ сынъ*, а съ царевичемъ Александра Семеновъ сынъ Упинъ, а съ Татары служилыми былъ князь Василей княжь Ѳедоровъ сынъ Лопатинъ». Еще ниже, въ *Башм.* же *разр. кн*, подъ 1536 (7044) г., читаемъ: «Въ Торопце тогда (въ апрѣлѣ, когда строилась Велижская крѣпость въ Торопецкомъ уѣздѣ, см. *Лв.* IV, 74, 75), былъ Казанской (очевидно ошибка, чит. Шибанской) *царевичь Шегалей да Канбаръ Мурзинъ сынъ*, да намѣстникъ Торопецкой князь Василей Наготковъ Андрѣевичь Оболенской, да Данила Івановъ сынъ Бутурлинъ». Если въ трехъ случаяхъ, занесенныхъ въ *Башм. разр. кн.*, одинъ въ слѣдъ за другимъ, подъ 1534, 1535 и 1536 гг. *Кан-*

баръ мурзинъ сынъ является съ *царевичемъ Шигалеемъ Акъдевлетевымъ сыномъ*, то тотъ царевичъ, который, подъ 1534 же годомъ, въ *Баим.* же *разр. кн.* упоминается рядомъ съ тѣмъ же самымъ *Канбаръ мурзинымъ сыномъ*, очевидно, не можетъ быть никѣмъ другимъ, какъ только *Шигалеемъ* же *Акъдевлетевымъ сыномъ* [102]).

[102]) Въ *Пск.* 1 *лѣт.*, П. С. Р. *Л.* IV, 299, 300, сказано, что въ войскѣ Русскомъ, ходившемъ опустошать Литву въ 7043 г., находились, между прочимъ, и Татары съ царемъ своимъ. «Тоя же зимы (7043)», говоритъ лѣтопись, «князь великій Иванъ Васильевичь посла своихъ воеводъ, съ Москвы князя Михаила Кислицу, а изъ Новагорода князя Бориса Горбатого и Михаила Воронцова, а изо Пскова князя Михаила Кубенского да Дмитрея Воронцова, съ Новгородскою силою и Псковскою, и иныхъ воеводъ много, и царя Тотарского съ Тотары со многими, а иные что на лыжахъ ходятъ, да и Мордвичи Резанскіе земли, и вся земля Московская государева область ходиша въ землю Литовскую, за Двину и за Березу рѣку, и плѣниша землю Литовскую, и наполнися земля вся Руская полону Литовского; а сами воеводы вси пріидоша великого князя Ивана Васильевича Богомъ сохранены и пречистою Богородицею и Новыми чюдотворцы, а выидоша вси воеводы на Опочку, а царь съ Тотары шолъ на Псковъ, а по ямомъ кормъ давали, во Псковъ имъ не велѣли быти, и Псковичи царю и съ Тотары давали кормъ въ улазныхъ нивахъ; и

быстъ во Псковѣ того году поборъ великъ, таковъ не бывалъ во Псковѣ». Походъ, описываемый *Пск.* 1 *лѣт.*, очевидно, тотъ самый, о которомъ говорятъ и другія лѣтописи и *Башм. разр. кн.* подъ 7043 же годомъ (см. выше, пр. 101, стр. 292, 293). Ни одна лѣтопись, кромѣ *Пск.*, не упоминаетъ о присутствіи въ рядахъ нашего воинства Татарскаго царя съ Татарами, но изъ *Башм. разр. кн.* знаемъ, что у насъ въ войскѣ были тогда царевичь Шахъ-Али Акъ-даулетовъ, и при немъ Городецкіе Татары (см. выше, стр. 291). Этотъ царевичь Шахъ-Али и эти Городецкіе Татары и должны быть царь и Татары *Пск.* 1 *лѣт.* Слово: *царь* вмѣсто слова: *царевичь* вкралось, вѣроятно, по ошибкѣ; а ошибиться было тѣмъ легче, что въ Россіи жилъ тогда дѣйствительно царь Татарскій, и въ добавокъ звался также точно какъ и царевичь, Шахъ-Аліемъ. То былъ, какъ извѣстно, Шахъ-Али Шейхъ-Ауліяровъ. Карамзинъ (пр. 30 къ Т. VIII), толкуя о приведенномъ мною мѣстѣ *Пск. лѣт.*, полагалъ, что упоминаемый въ немъ царь «долженъ быть Шигъ-Алей» (т. е. Шахъ-Али Шейхъ-Ауліяровъ). Предположеніе это не можетъ быть вѣрно, потому что «Шигъ-Алей», объ эту пору, былъ въ немилости, и жилъ въ заточеніи на Бѣлоозерѣ. Самъ Карамзинъ, высказавъ свое мнѣніе, прибавлялъ: «но еще Василій сослалъ его (Шигъ-Алея) на Бѣлоозеро».

Изъ приведеннаго мною свѣдѣнія объ участіи Шахъ-Алія Акъ-даулетова, вмѣстѣ съ Городецки-

ми Татарами, въ походѣ на Литву, можно было бы пожалуй заключить, что царевичь водилъ Татаръ на войну въ качествѣ владѣльца Городецкаго и преемника Джанъ-Аліева. Въ подобномъ предположеніи нѣтъ, конечно, ничего противнаго существу дѣла, но допустить его безпрекословно, такъ как оно основано на одномъ косвенномъ указаніи, я не рѣшаюсь. Быть можетъ, Шахъ-Али Акъ-даулетовъ находился при Татарахъ только случайно. Могло быть даже и то, что Городецъ за все время отъ 1532 до 1536 г., оставался безъ владѣльца. Не далѣе какъ черезъ годъ послѣ назначенія Джанъ-Алія ханомъ въ Казань, именно 3-го декабря 1533 г., скончался великій князь Василій. Его сынъ и наслѣдникъ Иванъ былъ еще малъ, и власть сосредоточилась въ рукахъ супруги покойнаго государя Елены и бояръ. При такой обстановкѣ, и безъ того было много заботъ, чтобы думать о назначеніи царя въ Мещерскій городокъ.

Въ концѣ 1535 года Шахъ-Али получилъ свободу. Прощеніемъ онъ былъ обязанъ случаю. Осенью 1535 г., пришло въ Москву извѣстіе, что Казанцы, убивъ Джанъ-Алія, возвели у себя снова на престолъ Сафагирея; вмѣстѣ съ тѣмъ, при дворѣ великокняжескомъ, узнали, что въ Казани существуетъ партія, которая не совсѣмъ довольна происшедшею перемѣной, клонится на сторону Россіи, и расположена къ Шахъ-Алію [103]).

[103]) См. выше, пр. 99, стр. 286, 287. Джанъ-Али былъ

убитъ въ сентябрѣ 1535 г. «А *Вому* есмя, Государь», писалъ Данило Губинъ въ донесеніи государю, полученномъ 7 октября 1535 г., «перевезлись Сентября 31 день ниже *Казацкихъ юръ*. И наранее, Государь, кнамъ приплыли втрехъ струзехъ ватащщики Нижновагорода *Ивашко Кашинъ*, да *Ѳедко Черемищиковъ*, да *Богданко* полоняникъ серебреной манстеръ, и всѣхъ ихъ тринатцать человѣкъ. А сказываетъ, Государь, Богданко, что въ *Казани Яналѣя* царя убили, и на Казань взяли царя исКрыму *Саѳакирѣя*, а при Саѳакирѣе цари сказываетъ былъ вКазани два дни, какъ Саѳакирѣй вКазань пріѣхалъ, а кнамъ Государь, сказываетъ изъ Казани приплылъ на шестой день, а тѣ, Государь, Ивашко, да Ѳедко, сказываютъ, кнамъ прибежали переграбрены, а товарыщевъ ихъ перенмали (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 318, 319). Въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 291, *Царк.* 51, *Ник.* VII, 10, *Лв.* IV, 52 и *Лѣт. Норм.* 34, обозначенъ даже день убіенія Джанъ-Алія, именно 25 сентября (въ *Царк.*, по ошибкѣ, ноября) 1535 г., въ субботу, предъ Покровомъ пресвятыя Богородицы. Это число дожно быть вѣрно: оно весьма близко подходитъ ко времени, указанному въ донесеніи Губина.

Въ *Прод. Древн. Росс. Вивл.* про донесеніе Губина, изъ котораго я привелъ выписку, сказано, что оно пришло въ Москву 7 октября 1536 г., а слѣдовательно и было писано въ этомъ же самомъ году; если бы это было дѣйствительно такъ, то вышло бы, что Джанъ-Али умеръ не въ 1535, а въ 1536 г., а это противорѣчило бы

всѣмъ даннымъ, извѣстнымъ объ исторіи Казани. Дѣло въ томъ, что въ *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 275—329, всѣ вообще грамоты, пріѣзды и отъѣзды пословъ— начиная съ донесенія Губина, привезеннаго въ Москву 24 сентября, вплоть до шертной записи Ногайскихъ пословъ отъ 23 февраля—помѣчены неправильно 1536 г; его слѣдуетъ вездѣ замѣнить 1535 г. Простое внимательное чтеніе документовъ можетъ убѣдить въ этомъ; да и въ грамотѣ Шейхъ-Мамай-мурзы, которую представили Ногайскіе послы будто бы въ ноябрѣ 1536 г., стоитъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 327): «молвя грамоту послалъ есми лѣтъ девять сотъ четыредесятъ втораго вначалѣ Июля мѣсяца», т. е. іюля 1535 г. Если въ грамотѣ Сейдяка, привезенной вмѣстѣ съ Шейхъ-Мамаевой, и выставленъ 943 г. гиджры, т. е. 1536 г., то это, безъ сомнѣнія, произошло отъ описки или опечатки. Замѣчу разъ навсегда, что у меня во всѣхъ ссылкахъ на VII часть *Прод. Древн. Росс. Вивл.* года, гдѣ нужно, исправлены.

Великая княгиня Елена, посовѣтовавшись съ боярами, рѣшилась тогда вызвать царя изъ ссылки и отправила за нимъ, декабря 10-го, на Бѣлоозеро князя Никиту Борисовича Туренина съ дѣтьми боярскими [104]).

[104]) *Царж.* 52: И князь Великій Иванъ Васильевичь всея Руссіи, и мати его Великая Государыня Елена, о томъ совѣтовали съ Бояры, что ему того дѣла пригоже Шигалея Царя изъ нятства выпустити. И послалъ Князь

Великій по Шигалея Царя на Бѣло озеро, Князя Никиту Борисовича Туренина, да съ нимъ дѣтей Боярскихъ, декабря (7044 г.) въ 10 день (*Лв.* IV, 54, гдѣ выставлено не 10-ое а 12-ое число). *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 291: Тое же осени, декабря 12, пожаловалъ князь велики Шигалѣа царя изъ нятства выпустилъ, а седѣлъ на Бѣлѣозерѣ, и опалу свою ему отдалъ и очи свои далъ ему видѣти (*Ник.* VII, 11; *Лѣт. Норм.* 34).

Шахъ-Али, прибывъ съ женою своею Фатимою (فاطمه) въ Москву, былъ принятъ при дворѣ съ большимъ почетомъ.

Любопытно подробное описаніе пріема Шахъ-Алія и Фатимы, сохранившееся въ *Царк.* 53—58 и *Лв.* IV, 54—62. Въ первый разъ, когда Шахъ-Али явился къ великому князю, онъ палъ передъ государемъ, и, стоя на колѣняхъ, произнесъ рѣчь: «Отецъ твой, Государь мой Князь Великій Василей Ивановичь всеа Руссіи», говорилъ онъ (привожу подлинныя слова *Царк.* 53; ср. *Лв.* IV, 54 — 56), «взялъ меня дѣтинку мала, да меня жаловалъ, какъ отецъ сына, и пожаловалъ на Казани, Царемъ меня учинилъ, и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ; и по моимъ грѣхомъ въ Казани пришла въ Князехъ и въ людехъ Казанскихъ несогласица, и азъ опять къ Государю своему, къ отцу твоему пришелъ на Москву. И отецъ твой, Государь мой, меня пожаловалъ въ своей земли, подавалъ мнѣ городы; и азъ грѣхомъ своимъ предъ своимъ Государемъ виноватъ учинился, и впалъ есми передъ нимъ

въ великую проступку, гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. И Богъ за мое преступленіе и за лукавое помышленіе не попустилъ, и отецъ твой, Государь мой, меня за мое преступленіе наказалъ, и опалу свою положилъ меня смиряючи; и нынѣ ты Государь мой, памятуючи отца своего великое ко мнѣ жалованіе, надо мною милость показалъ, а то тебѣ Богъ положилъ по сердцу, что еси Государь мой пожаловалъ меня не по моимъ грѣхомъ». Юный великій князь, выслушавъ рѣчь, приказалъ Шахъ-Алію встать, поздоровался съ нимъ, и велѣлъ ему сѣсть съ правой руки на другой лавкѣ; за тѣмъ наградилъ его шубой, и отпустилъ домой на подворье. Прощаясь, Шахъ-Али просилъ дозволенія представиться великой княгинѣ Еленѣ. Государыня, посовѣтовавшись съ боярами, согласилась, и ханъ получилъ приказаніе явиться 9-го января 1536 г. Въ назначенный день Шахъ-Али пріѣхалъ на дворъ къ великому князю. По данному приказанію, его встрѣтили у саней: бояринъ князь Василій Васильевичь Шуйскій, бояринъ и конюшій князь Иванъ Федоровичь Телепневъ, и дьяки Федоръ Мишуринъ и Меньшой Путятинъ. Великій князь, въ ожиданіи хана, сидѣлъ съ матерью въ палатѣ у Лазаря святаго; у великой княгини сидѣли боярыни: княгиня Настасья, супруга князя Федора Михайловича Мстиславскаго, и дочь царевича Петра Ибрагимовича (см. выше, пр. 63, стр. 187), Елена, супруга Ивана Андреевича (Челяднина), Аграфена, супруга Василія Андреевича (Челяд-

нина), и многія другія; бояре сидѣли по обѣ стороны. Когда ханъ вошелъ въ сѣни предъ палату, то самъ великій князь встрѣтилъ его тамъ съ боярами. Вслѣдъ затѣмъ государь и ханъ отправились вмѣстѣ въ палату къ великой княгинѣ. Приблизившись къ Еленѣ, Шахъ-Али ударилъ челомъ въ землю, и обратился съ рѣчью: «Государыня, Великая Княгиня Елена», сказалъ онъ (*Царк.* 55, 56; ср. *Лѣ.* IV, 58, 59), «взялъ меня Государь мой, Князь Великій Василей Ивановичь всея Руссіи, млада; пожаловалъ меня вскормилъ, какъ щеня, и жалованіемъ своимъ великимъ жаловалъ меня, какъ отецъ сына; и на Казани меня Царемъ учинилъ. И грѣхомъ моимъ Казанскіе люди съ Казани меня сослали, и азъ опять къ Государю своему пришелъ; и Государь мой паки меня пожаловалъ Великимъ своимъ жалованіемъ, городы мнѣ подавалъ въ своей землѣ. И азъ Государю своему, Великому Князю Василію Ивановичу всея Руссіи измѣнилъ, и правду свою преступилъ, и во всѣхъ есми своихъ дѣлехъ предъ своимъ Государемъ виноватъ; и вы, Государи мои, меня, холопа своего, въ томъ пожаловали, таковую мою проступку мнѣ отдали, и меня холопа своего, въ томъ пощадили, и очи свои Государскіе мнѣ, холопу своему дали видѣть. А азъ, холопъ вашъ, нынѣ какъ вамъ учинилъ правду Государемъ своимъ; и на той на своей правдѣ, и до смерти своей хочу крѣпко стояти, и умерети за ваше Государево жалованіе: тако же хощу умерети, яко же братъ мой, чтобы и мнѣ тотъ лишьять [168]) съ себя вамъ

князь Михайло Михайловичь Курбской, да князь Дмитрей Өедоровичь Палецкой. Въ правой рукѣ: князь Михайло Івановичь Кубенской, да Іванъ Өока Семеновичь Воронцовъ. Въ лѣвой рукѣ: воеводы Дмитрей Семеновичь Воронцовъ, да Өедоръ Семеновичь Колычовъ. Въ сторожевомъ полку: воеводы князь Өедоръ Михайловичь Курбской, да князь Іванъ Чюлокъ Михайловичь Засѣкинъ. А въ наказе съ дьякомъ съ Өеонасіемъ Өедоровымъ сыномъ Курицына написано: Можайскимъ воеводамъ бояриву князю Михайлу Васильевичю Горбатому съ товарыщи. Нѣчто почаютъ дѣло и Новгородцкимъ воеводамъ и ихъ людемъ быть съ ними вмѣсте, а какъ сойдутца Новгородцкіе воеводы съ Можайскими, ино быть имъ Новгородцкимъ воеводамъ съ Можайскими воеводы по полкомъ, а тѣмъ полкомъ по томужь снятись правой и лѣвой рукѣ и передовому и сторожевому полку, и быть имъ вмѣсте по полкомъ, а царевичю и Канбаръ мурзину сыну и Городецкимъ Таталомъ быть у передового полку на праве. — Роспись воеводамъ, ходившимъ въ Литву въ концѣ 1534 г. изъ подъ Москвы и Новгорода помѣщена и въ лѣтописяхъ (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 288; *Царк.* 41, 42; *Ник.* VII, 4, 5; *Лв.* IV, 27—29; *Лѣт. Норм.* 31, 32). По *Царк* воеводы получили приказаніе идти съ Москвы въ октябрѣ, по *Вскр.*, *Ник.*, *Лв.* и *Лѣт. Норм.*— въ ноябрѣ 1534 г.

икакого сомнѣнія, что составитель *Башм. разр. кн.* мѣлъ въ виду царевича Шахъ-Алія, сына Акъ-даулета

не учинити, и силы и заворотни не дѣлати. Тотъ минятъ на насъ буди. *Ч. XI, стр. 51:* А отецъ нашъ Князь на своей правде и ротѣ устоялъ, дасть Богъ мы такъже учинимъ. И нынешней минятъ на тебѣ вѣрь тому, что есми отъ тебя не отступенъ.—Слово миньятъ, хотя и рѣже, но встрѣчается также и въ старыхъ Русскихъ переводахъ грамотъ хановъ Крымскихъ. Такъ у *Щерб.* Т. IV, Ч. III, стр. 350, въ переводѣ грамоты хана Мухаммедъ-гирея, сына Менгли-гирея, писанной имъ къ великому князю Василію, читаемъ: «А ты токмо братъ мой на моего недруга на *Асторахань* не пойдешь, сколько ни есть миньяту, и шерть на тебѣ на братѣ моемъ останится».

Русское слово миньятъ или минятъ, по моему убѣжденію, ничто иное, какъ извѣстное Арабско-Татарское слово منّت — миннетъ. Въ Татарскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется именно въ тѣхъ самыхъ значеніяхъ, въ которыхъ оно приведено въ старинныхъ Русскихъ переводахъ; говорятъ, между прочимъ: اننك منتن اوزمه آلورم — отвѣчаю за него, беру на себя. Въ рѣчи Шахъ-Алія выраженіе: «чтобы и мнѣ тотъ миньятъ съ себя вамъ государемъ своимъ свести» должно, какъ я думаю, понимать такъ: чтобы и мнѣ предъ вами отличиться такъ же точно, какъ отличился братъ мой, погибшій изъ преданности къ вамъ.

государемъ своимъ свести, и на вашей службѣ Государевѣ голова бы ми своя положити». По окончаніи этой рѣчи, великій князь велѣлъ Шахъ-Алію сѣсть.

Тогда Елена приказала Федору Карпову отвѣчать хану. «Царь Шигалей», сказалъ Карповъ (*Царк.* 56; ср. *Лв.* IV, 59), «Князь Великій Василей Ивановичь всея Руссіи, гнѣвъ свой и опалу на тебя положилъ, и сынъ нашъ Князь Великій Иванъ Васильевичь всея Руссіи, да мы, пожаловали есмя тебя милость свою показали, и очи свои дали есмя тебѣ видѣти. Тыжъ нынѣ заднихъ своихъ забывай, а впередъ обѣщаніе правды своея совершай; а мы хотимъ свое великое жалованіе и бреженіе къ тебѣ держати». При этихъ словахъ, Шахъ-Али снова ударилъ челомъ въ землю великому князю и великой княгинѣ. За тѣмъ государь и государыня дарили хана, и отпустили его назадъ на подворье; боярамъ велѣно было проводить царя съ такими же точно почестями, какія были ему оказаны при встрѣчѣ. Жена Шахъ-Алія, Фатима-султанъ (*Царк.* Фатма-Салтанъ Царица; *Лв.* Ѳатма Салтанъ царица), представлялась чрезъ нѣсколько времени послѣ мужа: она сама просила чрезъ бояръ дозволенія быть у великой княгини. Пріѣздъ царицы ко двору былъ торжественный: ее встрѣтили у саней Аграфена, супруга Василія (по *Царк.* Ивана) Волынскаго, и съ нею молодыя боярыни, а среди лѣстницы боярыня великой княгини Аграфена, супруга Василія Андреевича (Челяднина), съ молодыми же боярынями; наконецъ въ сѣняхъ передъ Лазаревскою палатою сама великая княгиня приняла царицу и поздоровалась съ нею. Обѣ вмѣстѣ онѣ вошли въ палату. Вскорѣ явился и великій князь.

Передъ нимъ царица встала. Государь, поздоровавшись съ нею по Татарски [106]), сѣлъ на своемъ

[106]) *Царк.* 57: И Князь Великій молвилъ Царицѣ *Табугъ Саламъ*, и съ нею карашевался. *Лв.* IV, 61: Великій же Князь молвилъ царицѣ: Табагу-Саламъ, и съ нею карашевался. — *Тапугъ*, تپوغ, или *тапу*, تپو (تبوغ, табугъ, تبو, табу) — устарѣлое Татарское слово; значитъ: поклонъ, поклоненіе, служеніе. Оно встрѣчается во многихъ прежнихъ Татарскихъ книгахъ; такъ, между прочимъ, находимъ его въ Сборникѣ лѣтописей, изданномъ И. Н. Березинымъ (Библіотека Восточныхъ историковъ, Т. II, Казань, 1854; см., для примѣра, стр. 3, 4, гдѣ: سانسیز خان اوغلی سلطانلارنی ایشیکنده تبوغ اینتورکان خان т. е. Государь, приведшій себѣ въ служеніе безчисленное множество султановъ, сыновей ханскихъ; и стр. 163, гдѣ: قنبر سلطان عمر حالرا قاسم خان نینك تبوغوندا ابردی, т. е. Канбаръ-султанъ всю жизнь свою провелъ на службѣ Касимъ-хана), и, особенно часто, въ пользующемся у Татаръ большою извѣстностью, небольшомъ разсказѣ въ стихахъ, весьма древняго происхожденія: قصهٔ حضرت یوسف (см., напримѣръ, въ Казанскомъ изданіи 1852 г., стр. 36, гдѣ: داغی بنك قل قراوش ویرام بیله * پیوسته تپوغنکده خذمت قیله * مدام آنلار سزلره تپوغ قلا т. е. Еще дамъ я тебѣ тысячу рабовъ и невольницъ; постоянно они будутъ служить тебѣ; всегда будутъ къ вашимъ услугамъ; или стр. 52, гдѣ: ملك ریان تپوسینه حاضر کیلدی т. е. Она [Зулейха] пошла

ми Татарами, въ походѣ на Литву, можно было бы пожалуй заключить, что царевичь водилъ Татаръ на войну въ качествѣ владѣльца Городецкаго и преемника Джанъ-Аліева. Въ подобномъ предположеніи нѣтъ, конечно, ничего противнаго существу дѣла, но допустить его безпрекословно, такъ как оно основано на одномъ косвенномъ указаніи, я не рѣшаюсь. Быть можетъ, Шахъ-Али Акъ-даулетовъ находился при Татарахъ только случайно. Могло быть даже и то, что Городецъ за все время отъ 1532 до 1536 г., оставался безъ владѣльца. Не далѣе какъ черезъ годъ послѣ назначенія Джанъ-Алія ханомъ въ Казань, именно 3-го декабря 1533 г., скончался великій князь Василій. Его сынъ и наслѣдникъ Иванъ былъ еще малъ, и власть сосредоточилась въ рукахъ супруги покойнаго государя Елены и бояръ. При такой обстановкѣ, и безъ того было много заботъ, чтобы думать о назначеніи царя въ Мещерскій городокъ.

Въ концѣ 1535 года Шахъ-Али получилъ свободу. Прощеніемъ онъ былъ обязанъ случаю. Осенью 1535 г., пришло въ Москву извѣстіе, что Казанцы, убивъ Джанъ-Алія, возвели у себя снова на престолъ Сафа-гирея; вмѣстѣ съ тѣмъ, при дворѣ великокняжескомъ, узнали, что въ Казани существуетъ партія, которая не совсѣмъ довольна происшедшею перемѣной, клонится на сторону Россіи, и расположена къ Шахъ-Алію [103]).

[103]) См. выше, пр. 99, стр. 286, 287. Джанъ-Али былъ

Бѣльскаго; подъ нею сидѣли: Аграфена, супруга Василія (по *Царк.* Ивана) Волынскаго, и еще многія боярыни. Въ кравчихъ у великой княгини былъ Иванъ Ивановичь Челяднинъ, а у царицы — князь Василій Репнинъ. Всѣ стольники и чашники были у государыни за столомъ. По окончаніи обѣда, Елена подала чашу Фатимѣ, дарила ее, и потомъ отпустила домой на подворье. Боярыни провожали царицу такъ же точно, какъ и встрѣчали ее.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шахъ-Али былъ прощенъ, возвращенъ въ Москву, и принятъ съ женою столь милостиво при дворѣ, съ тою мыслью, чтобы противопоставить его Сафа-гирею, и, быть можетъ, дать ему престолъ, обагренный кровью его роднаго брата, Джанъ-Алія. Планъ этотъ однакожь не состоялся, и врагъ Россіи, Сафа-гирей, удержался въ Казани.

Въ 1540 году Шахъ-Али является на сценѣ политической въ качествѣ владѣльца Касимовскаго. Въ концѣ этого года, именно 18 декабря, Сафа-гирей въ главѣ многочисленнаго ополченія, составленнаго изъ Казанцевъ, Крымцевъ и Ногайцевъ, подступилъ къ Мурому. Узнавъ объ этомъ, воеводы Владимірскіе немедленно двинулись на выручку осажденнаго города. Въ это же самое время послано было къ царю Шахъ-Алію *въ Касимовъ городокъ* приказаніе идти къ Мурому. Шахъ-Али отправился съ своими Татарами. Дѣйствія его въ этомъ походѣ были удачны. Въ Мещерѣ онъ настигъ Ногайцевъ, которые

всѣмъ даннымъ, извѣстнымъ объ исторіи Казани. Дѣло въ томъ, что въ *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 275—329, всѣ вообще грамоты, пріѣзды и отъѣзды пословъ—начиная съ донесенія Губина, привезеннаго въ Москву 24 сентября, вплоть до шертной записи Ногайскихъ пословъ отъ 23 февраля—помѣчены неправильно 1536 г; его слѣдуетъ вездѣ замѣнить 1535 г. Простое внимательное чтеніе документовъ можетъ убѣдить въ этомъ; да и въ грамотѣ Шейхъ-Мамай-мурзы, которую представили Ногайскіе послы будто бы въ ноябрѣ 1536 г., стоитъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 327): «молвя грамоту послалъ есми лѣтъ девять сотъ четыредесять втораго вначалѣ Июля мѣсяца», т. е. іюля 1535 г. Если въ грамотѣ Сейдяка, привезенной вмѣстѣ съ Шейхъ-Мамаевой, и выставленъ 943 г. гиджры, т. е. 1536 г., то это, безъ сомнѣнія, произошло отъ описки или опечатки. Замѣчу разъ навсегда, что у меня во всѣхъ ссылкахъ на VII часть *Прод. Древн. Росс. Вивл.* года, гдѣ нужно, исправлены.

Великая княгиня Елена, посовѣтовавшись съ боярами, рѣшилась тогда вызвать царя изъ ссылки и отправила за нимъ, декабря 10-го, на Бѣлоозеро князя Никиту Борисовича Туренина съ дѣтьми боярскими [104]).

[104]) *Царк.* 52: И князь Великій Иванъ Васильевичь всея Руссіи, и мати его Великая Государыня Елена, о томъ совѣтовали съ Бояры, что ему того дѣла пригоже Шигалея Царя изъ нятства выпустити. И послалъ Князь

1540 г. не открываетъ намъ на этотъ счетъ ничего, да и знаемъ мы очень немного.

Шахъ-Али въ 1537 г., лѣтомъ, былъ во Владимірѣ съ воеводами великокняжескими, для защиты границъ нашихъ со стороны Казанцевъ [108]); а въ 1539 г., осенью, съ княземъ Федоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ, разбилъ Казанцевъ, подступавшихъ къ Мурому и Костромѣ [109]).

[108]) *Башм. разр. кн.*: Тогожь лѣта (7045), іюля въ день, роспись воеводамъ отъ Казанскіе украйны. Въ Володимере былъ царь Шигалей, а съ нимъ Юрья Дмитреевичь Шеинъ. А воеводы были въ Володимере: бояринъ князь Дмитрей Өедоровичь Бѣльской, да бояринъ Іванъ Григорьевичь Морозовъ.

[109]) *Кар.* пр. 97, къ Т. VIII (выписка изъ ветхаго Синод. лѣт. подъ № 365): Въ лѣто 7048 приходили Татарове Казанскіи къ Мурому и къ Костромѣ, и учинися бой пониже Костромы у Пятницы Св. на Плесѣ... и сами Татарове побѣгоша; и придоша на нихъ Царь Шигъ-Алей, да К. Өедоръ Мих. Мстиславской, и побиша Татаръ, а иные по лѣсомъ разбѣгошася и отъ мраза измроша; а полонъ Вел. Князя отполониша весь.

Касимовскіе же Татары несли прежнюю службу: Ногайцы не переставали на нихъ жаловаться [110])

[110]) *Грамота Кошумъ-мурзы* (*Кошь-Мухаммедъ-мурзы*—قوش محمد مرزا) *къ в. к. Ивану IV, полученная 22 іюня 1538 г.*: А попалъ тогда, коли потоптал

Баубека, да *Тюикаторомъ* зовутъ паробокъ, а нынѣ во Царевичеве городкѣ. И тыбъ того отдалъ, инакобъ не учинилъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 47). *Грамота Кель-Мухаммедъ-мурзы* (كل محمد مرزا; Русскіе звали его Калмагметъ и Келмагметъ-мурзою) *къ в. к. Ивану IV, полученная 22 іюня 1538 г.:* А вдругомъ мѣсте еще порушилъ еси (правду), на Волзе на отца своего юрте стоялъ есми, и пришедчи твои *Мещеряня* у меня четыре паробки головами свели. А третее то не порухали шерти? послалъ есми ктобѣ посла своего *Байтерека* (въ 1536 году; см. *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 344—347; VIII, 1), а снимъ сто человѣкъ, да снимн же гонца своего большего *Кульболду*, а снимн вмѣсте былъ твой посолъ *Розхозя Азѣй*. И твои люди тѣхъ потоптали. Пятьдесятъ человѣкъ кнамъ пришли живы, а пятьдесять человѣкъ нѣтъ. Да тутоже у нихъ две тысячи лошадей взяли .. Да коли приходили на *Байтерека*, и толды детину взяли вполонъ, *Акикелдѣемъ* зовутъ. И тыбъ и того къ намъ прислалъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 50 — 53). *Отвѣтъ в. к. Ивана Кель-Мухаммеду, писанный въ іюлѣ 1538 г.*: А въ грамоте въ своей писалъ еси къ намъ .. да кочевалъ еси на Волзе на отца своего въ Юрте, и казаки наши городетцкіе пришедъ подвашы улусы, четыреста лошадей у васъ отгнали. И то еси дѣло на передъ сего и отмолвилъ намъ своею грамотою и съ своими людьми про тѣ кони, а писалъ еси къ намъ о дву паробкехъ, что де и тѣ наши казаки взяли у тобя два паробка, и мы тѣхъ двухъ паробковъ доискався да и послали къ тобѣ съ вашими

людьми. А что къ намъ посылалъ еси посла своего Байтерека, а съ нимъ сто человѣкъ, и на сей сторонѣ Волги наши казаки Байтерека потоптали, пятьдесятъ человѣкъ убили, а пятьдесятъ человѣкъ тѣхъ людей къ вамъ пришли, а лошадей взяли у твоихъ людей двѣ тысячи. И намъ бы тѣхъ дѣлъ всѣхъ отыскати и убытки вамъ поплатити. И вамъ гораздо вѣдомо, лихихъ гдѣ нѣтъ. На поле ходятъ казаки многие, *Казанцы*, *Азовцы*, *Крымцы*, и иные *Баловни* казаки. А и нашихъ Украинъ съ нимижъ смешався ходятъ, и тѣ люди какъ вамъ тати, такъ намъ тати и разбойники, и на лихо ихъ никто не учитъ, а учинивъ которое лихо, розѣзжаются по своимъ землямъ. Да о томъ дѣле здѣ и бояре наши говорили съ посломъ съ твоимъ зъ Байтерекомъ. И посолъ твой Байтерекъ сказалъ, что ты то дѣло поставилъ. А и самъ посолъ твой Байтерекъ такъ же не хочетъ памятовати тѣхъ своихъ убытковъ. А мы нынѣ въ *Городокъ* послали велѣли отомъ обыскивати, и тѣхъ людей пытати. И кого доищются, и мы лихихъ велимъ казнити. А что мочно на нихъ доправити, и мы велимъ доправивъ да вашимъ людемъ отдатв (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 73—75).

а Городецкіе Татары, по старому, воевали, и ходили сторожить на Волгу. Сохранилось даже описаніе одного изъ такихъ походовъ. Въ 1536 г. мурза Гильды (كيلدى) Городецкій, съ 500 человѣкъ, былъ посланъ на Волгу. Іюня 23, мурза донесъ, что онъ перехватилъ Тебенекъ-оглана (تبنك اوغلان),

[105]) Слово миньятъ или минятъ весьма часто встрѣчается въ старинныхъ Русскихъ переводахъ грамотъ Ногайскихъ князей и мурзъ, писанныхъ къ Русскимъ великимъ князьямъ, и напечатанныхъ въ *Прод. Древн. Росс. Вивл.* Приведу тому нѣсколько примѣровъ: *Ч. VII, стр. 265, 266.* А будетъ *Крымской* рати на тобя итти, и мы тотъ миньякъ на собя возмемъ, не пустимъ еѣ. А отъ *Казани* да отъ *Короля* самъ ся береги. А Нагайской да Крымской миньянъ на собя возмемъ... А будутъ твои слова лжи; и ты минята на насъ не клади. *Тамъ же, стр. 304:* Похочешъ жо старые нашіе дружбы... поновити; и язъ за *Шихъмамай* мирзу, и за *Мамай* мирзу, и за *Юсуѳъ* мирзу и за *Исмаилъ* мирзу имусь и всѣхъ братіи своей и детей минять на собя возму. *Ч. VIII, стр. 102:* Прошу тебя кречата и ссоколникомъ... И только соколника пришлешъ, и тотъ минятъ на мнѣ буди, что ему кормъ дадимъ. *Тамъ же, стр. 193:* Отцу моему съ твоимъ отцомъ слово было. А нынече минятъ ихъ ни на комъ не остался. Оба они отъ сего свѣта отошли. И намъ бы ныне межъ себя добра хотѣти. *Ч. IX, стр. 110:* Нашихъ двусотъ тысячь Нагаевъ писмяныхъ въ дружбе не отступно учинити минятъ на мнѣ буди, всѣ нагаи друзи будутъ; не лучше ли тебѣ то? *Тамъ же, стр. 165:* А брата нашего *Дервиша* Царя по нашему хотенью учинилъ еси. И твой минятъ на мнѣ. *Тамъ же, стр. 240:* И толко Утегирѣя Царевича дашъ намъ, и тотъ минятъ на насъ, положъ, что Крымъ по воюемъ и возмемъ. *Тамъ же, стр. 277:* Твой посолъ къ намъ придетъ, и намъ лиха

[112]) *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7045, іюля въ 14 день... А въ Одоеве Шибанской царевичь Шигалей да Канбаръ-мурзинъ сынъ, да въ Одоевежь воевода князь Θедоръ Андреевичь Прозоровской, да съ ними намѣстникъ Степанъ Сидоровъ.

Долго ли послѣ 1540 года Шахъ-Али просидѣлъ въ Касимовѣ, достовѣрно неизвѣстно. Все что мы въ правѣ положительно сказать, это то, что онъ владѣлъ имъ до 1543 г. На это мы имѣемъ указанія несомнѣнныя. Такъ, въ 1541 году, лѣтомъ, какъ скоро пришли въ Москву вѣсти о приближеніи хана Крымскаго, Сагибъ-гирея (бывшаго хана Казанскаго; см. выше, пр. 88, стр. 262), и у насъ въ Россіи стали готовиться къ отпору, то къ Шахъ-Алію послано было въ *Мещеру* приказаніе идти со всѣми князьями, мурзами и людьми во Владиміръ, чтобы слѣдить за дѣйствіями Казанцевъ [113]); а нѣсколько времени спустя, когда

[113]) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 296: И царевича Шигалѣа Шибанского да боярина своего князя Юріа Михаиловича Булгакова князь велики отпустилъ съ Москвы, а съ ними послалъ двора своего многыхъ людей; а велѣлъ царевичю и князю Юрью стояти на Похрѣ. А въ Володимерь послалъ къ боярину своему и въеводѣ, къ князю Ивану Васильевичю Шуйскому съ товарыщи, велѣлъ имъ стояти въ Володимери; а въ Мещеру послалъ къ царю къ Шигалѣю, чтобы съ князми и съ мурзами и съ всѣми людми пошолъ въ Володимерь же; а съ Костромы въеводѣ своему князю Феодору Ивано-

Тогда Елена приказала Федору Карпову отвѣчать хану. «Царь Шигалей», сказалъ Карповъ (*Царк.* 56; ср. *Лв.* IV, 59), «Князь Великій Василей Ивановичь всея Руссіи, гнѣвъ свой и опалу на тебя положилъ, и сынъ нашъ Князь Великій Иванъ Васильевичь всея Руссіи, да мы, пожаловали есмя тебя милость свою показали, и очи свои дали есмя тебѣ видѣти. Тыжъ нынѣ заднихъ своихъ забывай, а впередъ обѣщаніе правды своея совершай; а мы хотимъ свое великое жалованіе и бреженіе къ тебѣ держати». При этихъ словахъ, Шахъ-Али снова ударилъ челомъ въ землю великому князю и великой княгинѣ. За тѣмъ государь и государыня дарили хана, и отпустили его назадъ на подворье; боярамъ велѣно было проводить царя съ такими же точно почестями, какія были ему оказаны при встрѣчѣ. Жена Шахъ-Алія, Фатима-султанъ (*Царк.* Фатма-Салтанъ Царица; *Лв.* Ѳатма Салтанъ царица), представлялась чрезъ нѣсколько времени послѣ мужа: она сама просила чрезъ бояръ дозволенія быть у великой княгини. Пріѣздъ царицы ко двору былъ торжественный: ее встрѣтили у саней Аграфена, супруга Василія (по *Царк.* Ивана) Волынскаго, и съ нею молодыя боярыни, а среди лѣстницы боярыня великой княгини Аграфена, супруга Василія Андреевича (Челяднина), съ молодыми же боярынями; наконецъ въ сѣняхъ передъ Лазаревскою палатою сама великая княгиня приняла царицу и поздоровалась съ нею. Обѣ вмѣстѣ онѣ вошли въ палату. Вскорѣ явился и великій князь.

ханскій Ядигаръ (یادکار) идетъ на службу къ великому князю, и остановился *въ Касимовѣ у Шахъ-Аліи* [115]).

[115]) *Царк.* 99, 100: Тогожъ мѣсяца (іюля 7050) 8; пришелъ Великаго Князя Посланникъ изъ Асторахани Ѳедоръ Невѣжинъ; и сказалъ Великому Князю, что идетъ служити къ Великому Государю Царевичь Астораханской Идегеръ; а остался у Шигалея Царя въ Касимовѣ. Да съ Ѳедоромъ же вмѣстѣ пришелъ къ Великому Князю Астораханской Посолъ отъ Абдылрахмана Царя, Ишимъ Князь съ товарищи. о крѣпкой дружбѣ (*Ник.* VII, 37; *Лв.* IV, 158, гдѣ не «Идегеръ», а «Идигерь»; *Кар.* пр. 128, къ Т. VIII, гдѣ царевичь названъ: «Едигеръ»). Черезъ недѣлю послѣ пріѣзда Невѣжина, Ядигаръ былъ уже въ Москвѣ, и былъ уже принятъ на службу. *Лв.* IV, 159: Тогожь мѣсяца (іюля 7050) 16 пріѣхалъ къ Великому Князю служить Идигерь царевичь и Князь Великій его пожаловалъ царевича принялъ къ себѣ въ службу (*Царк.* 106; *Ник.* VII, 36, гдѣ царевичь названъ: «Ижигеръ»). Въ *Лѣт. Норм.*, 47, оба извѣстія какъ о пріѣздѣ Ядигара въ Касимовъ, такъ и о принятіи его на службу къ великому князю, соединены въ одно. «Приѣхалъ», сказано тамъ, «Великаго Князя посланникъ из Астрахани Ѳедоръ Невѣжинъ, а сказалъ Великому Князю что идетъ служить к Великому Государю Царевичь Едегиръ, а остался у Шигалея Цара въ Касимовѣ, и Князь Великій его пожаловалъ, принялъ к себѣ в службу».

Сверхъ того, зимою того же 1542 г., стояли *въ Ка-*

симовѣ у Шахъ-Алія окольничій Иванъ Ивановичь Беззубцевъ и Василій Тимофѣевичь Замыцкой [116]).

[116]) *Башм. разр. кн.* Лѣта 7051 ноября... Въ городкѣ у царя Касимовского околничей Іванъ Івановичь Беззубцовъ да Василей Тимоѳѣевъ сынъ Замыцкой.— Здѣсь хотя Шахъ-Али не названъ по имени, но рѣчь, безъ малѣйшаго сомнѣнія, идетъ о немъ. Въ 1542 г. при Московскомъ дворѣ было служилыхъ Татарскихъ царевичей нѣсколько, царь же былъ одинъ: Шахъ-Али Шейхъ-Ауліяровъ. Какъ скоро въ *Башм. разр. кн.* рѣчь идетъ о *царѣ* Касимовскомъ, то дѣло, очевидно, касается Шахъ-Алія Шейхъ-Ауліярова, а не кого либо другого. Въ противномъ случаѣ, владѣлецъ Касимовскій названъ былъ бы *царевичемъ*.

Лѣтомъ 1543 года (18 іюля), Шахъ-Али, находясь въ Москвѣ, далъ Троицкому Сергіеву монастырю жалованную грамоту о безпрепятственномъ въѣздѣ монастырскихъ прикащиковъ въ Каширскіе лѣса, и объ освобожденіи отъ пошлинъ монастырскаго судна. «А здѣсь мнѣ Царю», сказано въ грамотѣ, «били челомъ, на Москвѣ, а сказоваютъ, что деи игуменъ Никандра съ братьями посылаютъ на монастырское дѣло по лѣсъ, своихъ прикащиковъ монастырскихъ, на своихъ судѣхъ, рѣкою Окою внизъ, Великого Князя въ отчину и въ наши царевы, въ Гусевской лѣсъ, и Городскихъ людей въ лѣсъ въ болшой, и ниже Городка въ нашихъ крестьянъ въ отчины земецкіе... И язъ ихъ Царь Шыгалей Шыгавліяровичь пожаловалъ: въ

тѣхъ лѣсѣхъ велѣлъ лѣсъ сѣчи всякой, опричь бортного деревья и знаменновъ; и какъ поѣдутъ прикащики на судне Троицкого монастыря, рѣкою Окою внизъ и вверхъ, и вы бъ съ нихъ наши прикащики и на мытѣхъ мытчики, на Гусѣ и въ Городкѣ, никакихъ вашихъ пошлинъ не имали съ судна и съ ихъ людей, по сей моей грамотѣ... Писано на Москвѣ, лѣта 7051 Іюля въ 18 день» (*Акты Арх. Эксп*. Т. I, № 199, стр. 178). Упоминаемый въ грамотѣ Городокъ, по всей вѣроятности, старая Кашира, лежавшая на Московской сторонѣ, на лѣвомъ берегу Оки (см. Записки Отд. Русск. и Слав. Арх. Имп. Арх. Общ. Т. I. Спб. 1851. II. Археологическое обозрѣніе Русской земли. Памятники Тульской губерніи И. П. *Сахарова*, стр. 22). Быть можетъ, лѣтомъ 1543 г., Шахъ-Али владѣлъ Каширою; но продолжалъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ управлять Касимовымъ, или городъ этотъ достался кому нибудь другому — того не знаемъ [117]).

[117]) Въ *Баим разр. кн*. подъ 7051 г. читаемъ: «Тогожъ году былъ у государя царь Шигалей на четвертой недѣли въ Петрова говейна въ понедѣльникъ, и государь послалъ его встрѣчать бояръ князь Петра Ивановича Репнина, да князь Василья Васильевича Чулка Ушатаго». Грамота Троицкому Сергіеву монастырю 18 іюля 1543 г., по всей вѣроятности, была писана Шахъ-Аліемъ въ этотъ пріѣздъ его въ Москву. Быть можетъ, объ эту именно пору и была пожалована ему Кашира.

грабили села и производили большія неистовства. Касимовскіе Татары побили многихъ изъ нихъ, и отняли всѣхъ захваченныхъ ими Русскихъ; нѣкоторыхъ плѣнныхъ Шахъ-Али отослалъ въ Москву. [107]).

[107]) *Лв.* IV, 137,138: Тогожъ мѣсяца (декабря 7049) 18 въ субботу приходилъ подъ Муромъ Казанской царь Сафакирей со многими людми Казанскими и Крымскими и съ Нагайскими, а пришелъ безвѣстно.. и какъ Великаго Князя воеводамъ вѣсть учинилась во Володимірѣ, и воеводы пошли въ Муромъ, а Великій Князь послалъ ко царю Шигалею въ Касимовъ городокъ и велѣлъ царю поитить къ Мурому, и царь Шигалей пошелъ съ своими Татары, и какъ пришелъ къ Мещерѣ и наѣхалъ Нагайскихъ людей въ загонѣхъ, и Касимовскіе Татарове многихъ загонщиковъ побили и полонъ Руской отлучили, а иныхъ Татаръ къ Великому Князю въ Москву прислалъ, а иные загонщики много плѣниша народу Христіанскаго и селъ пожгоша, и Святыхъ Божіихъ церквей, и около города Мурома, и какъ пришла вѣсть царю Казанскому, что на него идетъ царь Шигалей и воеводы Великаго Князя, пошелъ прочь отъ Мурома, а царь Шигалей и воеводы за нимъ не пошли.

Съ какихъ именно поръ Шахъ-Али въ 1540 году управлялъ Касимовымъ — съ самаго ли возвращенія съ Бѣлоозера или нѣтъ, рѣшить трудно. То, что мы знаемъ какъ о Шахъ-Алiѣ, такъ и о Касимовскихъ Татарахъ за пять лѣтъ отъ начала 1536 г. до конца

Августа 15 далъ Богъ здоровъ; а на Казани сидѣлъ онъ мѣсяцъ (*Ник.* VII, 48 и *Лв.* IV, 179, 180, гдѣ въ обѣихъ стоитъ не «городъ», а «городокъ»).

Любопытныя подробности о переворотѣ, случившемся въ Казани въ 1546 г., находятся въ перепискѣ сыновей Юсуфа, князя Ногайскаго (Юсуфъ-мурза сдѣлался княземъ послѣ Шейхъ-Мамая, преемника Сеидъ-Ахмеда), съ Иваномъ IV. Вотъ что писали они въ 1551 г.: «Бѣлому Царю великому Князю Ивану *Васильевичю* всеа Русіи Государю. Отъ *Юнусъ* мирзы, да отъ *Али* мирзы челобитье молвя слово то. Богъ сотворилъ васъ Христьяны, а насъ сотворилъ Мусулманы. И у васъ въ вашей землѣ нѣкоторые Мусульманские Государи были *Казанские* люди *Саѳакирѣя* Царя на царство полюбили, да за то и согнали его. А у васъ взяли на Царство въ Казань *Алия* (Джанъ-Алія) Царя. Да къ отцу нашему къ *Юсуѳу* Князю Казанские люди съ вашего вѣдома, хотя снами братства, пословъ присылали. И божіими судбами отецъ нашъ Юсуѳъ Князь зъ братомъ твоимъ *Яналиемъ* Царемъ въ братстве учинился, и сестру нашу за Яналия Царя далъ, и звами былъ въ дружбе, и въ братстве учинился. И безо всѣхъ людей вѣдома которой былъ отехалъ *Сафакирѣй* Царь, и они по него послали грамоту, и провезли въ Казань, да Яналия Царя убили, а сестру нашу за Саѳакирѣя Царя дали. А вто время Саѳакирѣй Царь пришелъ былъ съ немногими людьми, и годъ другой спустя *Крымскихъ* голодныхъ и нагихъ привелъ. Да надъ Казанскими людьми учалъ насилство

дѣлати. У ково отца нестало, и онъ отцова доходу недавалъ. А у ково брата болшова нестанетъ, и онъ тово доходу меньшому брату недавалъ. А истобою долго завоевався жилъ. И тѣхъ его дѣлъ Казанские люди и Князи немогли терпѣти, да отъ него отступивъ выехавъ вонъ съ Крымцы завоевалися и побилися, и Крымцовъ въ прогоны побили, а иныхъ многихъ прогонили. А Саѳагирѣя Царя съ немногими людьми оставили. И вто время изъ *Астарахани* пришелъ *Мансырьсеитъ*. И после того нѣсколко день спустя Сафагирѣй Царь съ Мансырюсейтемъ побежалъ въ Астарахань. Да у Астраханского Царя и у Царевича силу взявъ пришедь Казань облегъ, чаялъ того, нѣчтолъ дей Князи и лучие люди его похотятъ. Съ такою надежею постоялъ и Казанскихъ Князей и лутчихъ людей никто къ Саѳакирѣю Царю непошелъ. И после того пришедъ да побился, да ничего не учинилъ, да и побежалъ, да приѣхалъ къ отцу нашему къ *Юсуѳу* Князю. А онъ былъ отцу нашему и намъ недругъ. Здумали были есмя его убить. Прежнихъ пословица, покорную дей голову мечь не сотнетъ, язь дей человѣкъ достоинъ былъ смерти; къ Богу да къ Юсуѳу Князю плакатися пришелъ есми, чтобы ныне Юсуѳъ Князь пожаловалъ далъ мнѣ рать. И братью бы свою меншую ихъ детей своихъ послалъ. А въ Казани дей тѣхъ людей много, которые насъ хотятъ, только дей съ *Мангытскою* (т. е. Ногайскою) силою поиду, и они дей меня возмутъ. А возму дей Казань, и язъ дей *Юсуфу* Князю да и вамъ дамъ *Горнюю* сторону, да и *Арскую*. А жонъ дей и детей своихъ у

насъ вознесъ на окупъ. На томъ намъ Сафагирѣй Царь въ головахъ и всѣ Крымцы роту и правду дали. И отецъ нашъ Юсуфъ Князь въ головахъ да и мирзы также приговорили. Да и послали насъ съ Сафагирѣемъ Царемъ ратью. И мы дорогою идучи подумали съ своими людьми съ *Азигирѣевыми* Царевыми детми (т. е. съ родомъ Крымскихъ хановъ, потомствомъ Хаджи-гирея; см. выше, стр. 93), наши отцы и дяди колькижды межъ себя головъ секали и кровь проливали. А Саѳагирѣй Царь времени для нынѣ къ намъ таковъ. А изъ начала въ братстве есмя, съ Государи своими съ *Темиръ-Кутлуевыми* Царевыми дѣтми (т. е. съ родомъ Астраханскихъ царей, потомствомъ Темиръ-Кутлука, отъ котораго происходили и Джанъ-Али и Шахъ-Али; см. выше, стр. 222—244 и 255). Да еще брата нашего *Яналея* Царя убилъ, да сестру нашу въ полонъ за себя взялъ. Таковъ онъ намъ недругъ. И намъ опять такова времени надъ ними не будетъ. Да примыслили были есмя, чтобы намъ хКазани дошедъ вестей провѣдати Только *Шигалѣй* Царь похочетъ с нами потомуже въ дружбе и въ братстве быти, какъ былъ Яналѣй Царь. И съ Сафагирѣемъ Царемъ Крымцовъ всѣхъ шестьдесятъ человѣкъ, и мы ихъ побьемъ, а сестру свою дадимъ за Шигалѣя Царя, и по прежнему въ братстве будемъ. Такъбы и есмя примыслили. Какъ есмя пришли блиско Казани, аже Шигалѣй Царь исКазани пошелъ, и мы себѣ порозсудили, когожъ для намъ Саѳагирѣя Царя убити? да неубили. А земля стояла безъ Царя и безъ Государя. И мы шедъ весь день стояли подъ городомъ,

и бились есмя. Добрые князь Казанские люди не приехали, приехали князь худые люди. И мы *Казань* взяли, да и дали *Саватирью* Царю. А сами есмя опять въ *Мангиты* пришли. А Царицы у насъ въ Мангитехъ зимовали» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 269 — 274). Подтвержденіе всѣмъ этимъ подробностямъ находимъ мы и въ грамотѣ самаго Юсуфа, присланной имъ къ Ивану IV въ іюлѣ 1549 г. съ человѣкомъ его Байсунгуромъ. Въ грамотѣ этой читаемъ: «Отъ *Юсуфъ* мырзина величества другу моему Ивану Князю поклонъ, молвя слово то. *Казанскіе* князи напередъ сего *Савикирья* Царя отгоня, у отца у твоего у Василья Князя *Шигальева* Царева брата *Яналия* Царя въ *Казань* на царство взяли, да Казанскихъ добрыхъ людей къ намъ прислали, хотячи съ нами свойства. И мы судбами Божими за *Яналиа* Царя дочь свою дали и въ свойствѣ учинились были. И которой былъ отшелъ прочь *Савакирѣй* Царь, и *Булатъ* Князь утаивъ у земли посылалъ къ нему грамоту, да привелъ его, а твоего друга и брата, и нашего зятя Яналія Царя убили, а дочерь мою за *Савакирья* Царя дали. Коли Савакирѣй Царь въ первые въ Казань пришелъ и съ нимъ тольды пришли человѣкъ съ тритцать. И после того спустя нѣсколько лѣтъ, привелъ многихъ нагихъ и голодныхъ людей *Крымцовъ*. Да почалъ надъ Казанскими людьми насильство чинити. И Казанскіе люди не хотячи отъ него того терпѣти, да Савакирѣя Царя опять съ Казани сослали. И онъ къ намъ пришелъ, да почалъ говорити: отецъ дей мой *Бетигирѣй* (Фатхъ-гирей; см.

выше, пр. 90, стр. 265—267) Царевичь твоему старѣйшему брату *Шигимъ* мирзѣ въ нѣкое время добро учинивалъ. Чтобы де и ты ныне мнѣ добро свое учинилъ. Пошли дей со мною сына своего да и рать свою мнѣ пожалуй дай. По твоему дей жалованью только Казань возму. И язь дей въ твоей волѣ учиню. А убью дей человѣка или дву, а болѣ де и того не убью. А опричь де и того никому никоторого убытка не учиню. Такъ молвя и правду былъ учинилъ. И мы за то которое добро отецъ его учинилъ, то есмя сыну его воздали. Съ сыномъ своимъ *Юнусъ* мирзою рать свою съ нимъ послалъ, да *Казань* есмя взявъ были дали» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 141—143). Эти же самыя подробности, но только въ весьма искаженномъ видѣ, значатся и въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ. По словамъ сочинителя ея, Сафа-гирей, изгнанный изъ Казани въ 1546 г., бѣжалъ прямо къ Юсуфу, князю Ногайскому, и обратился къ нему съ просьбою о помощи. Юсуфъ и Сафа-гирей, вмѣстѣ съ многочисленною толпою Ногайцевъ, двинулись на Казань, и осадили ее, но послѣ двухъ мѣсяцевъ принуждены были отступить, не взявъ города. Тогда Казанцы выпросили себѣ изъ государства Московскаго въ цари Шахъ-Алія; Сафа-гирей же остался у Ногайцевъ; тамъ онъ и жилъ до тѣхъ поръ, пока Шахъ-Али, опасаясь измѣны со стороны своихъ подданныхъ, не бѣжалъ изъ Казани, и жители города не прислали просить его, Сафа-гирея, снова къ себѣ на царство (*Ик.* 95—108; *Подр. лѣт.* II, 90—98). При всей этой путаницѣ въ разсказѣ, сочинитель Исторіи о Ка-

занскомъ царствѣ впадаетъ еще въ ошибку: онъ увѣряетъ, будто Сафа-гирей женился на дочери Юсуфа, не по смерти Джанъ-Алія, а именно объ эту пору, т. е. въ 1546 г., тотчасъ по изгнаніи своемъ изъ Казани. «И побежа Царь Саѳагирей», пишетъ онъ (*Ик.* 95, 96), «ис Казани *в Нагаи* за *Яикъ* и присвойся тамо Заяицкому Князю *Исупу* дщерь у него веемъ в жену красну вельми и мудру снеюже взя и улусы кочевныя вниxъ же кочюя живяше (и бысть ему та пятая жена, и возлюби ю зело паче первыхъ своихъ болшицъ). И подья ссобою оттуду тестя своего Князя *Исупа*, и приведѣ ссобою и снимъ нагайскихъ срацынъ всю орду заяицкую, и пріиде ко граду Казани хотя взяти Казань» (сл. *Подр. лѣт.* II, 90, гдѣ текстъ, по ошибкѣ, переиначенъ: «И побѣже Царь Сатгирей въ Нагаи за Яикъ, и присвоися тамо прибѣжавшій Казанскій Князь Юсупъ, взявъ у него за себе дщерь вельми красну и мудру, за нею же взя и улусы кочевные, въ нихъ же кочуя живяше, и бысть ему та пятая, и возлюби ю зѣло Юсупъ. Они же собравъ Нагайскихъ Срацынъ и всю Орду Заяицкую пріиде на взятіе Казани»). Что Сафа-гирей взялъ за себя дочь Юсуфа, бывшую вдову Джанъ-Алія, вскорѣ послѣ воцаренія своего въ Казани въ 1535 г., въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Письма роднаго отца ея и братьевъ служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Была же эта дочь Юсуфа, навѣрное, та самая, на которой, по свѣдѣніямъ сохранившимся у Русскихъ лѣтописцевъ, Джанъ-Али, въ 1533 г., просилъ у великаго князя дозволенія

женился (см. выше, стр. 274, 275). Джанъ-Али, кажется, не очень любилъ ее, и держался ея только изъ уваженія къ отцу ея. «А *Маамай* Мурза и *Юсуфъ* Мурза», писалъ Д. Губинъ въ донесеніи изъ Нагайскихъ улусовъ, полученномъ 26 сентября 1535 г., «кочюютъ близко *Казани* на лѣтовище. А къ *Юсуфу* Государь, ис Казани дочь прислала *Еналеева* Царица. Сказываютъ, Государь, *Еналей* Царь ее не любитъ. И *Юсуфъ*, Государь, сказываютъ, послалъ к Казанскимъ Князем, чтобы Еналѣя Царя с Казани сослали, а дочерь его ему отдали» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 287).

За чѣмъ Шахъ-Али бѣжалъ изъ Казани прямо въ Касимовъ? Ужь не отъ того ли, что онъ до отправленія своего въ Казань за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, жилъ въ Касимовѣ и правилъ имъ? Если такъ, то выйдетъ, что Шахъ-Али, если и владѣлъ въ 1543 г. Каширою одною, то сидѣлъ въ ней не очень долго, и вскорѣ послѣ того получилъ снова Касимовъ. Замѣтимъ, что сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, хотя на него конечно и трудно полагаться, говоритъ даже утвердительно, будто Шахъ-Али былъ вызванъ въ 1546 г. въ Казань изъ Касимова. «И втоже злочасное время», читаемъ въ *Ик.* на стр. 96, 97, 99, «притужаше Казанцемъ Царь *Шигъ Алей* Касимовскій всегдашнимъ воеваніемъ земля ихъ... И послаша съ лестію къ Москвѣ послы своя со многими дарьми къ Царю и великому Князю о прощеніи просити Царя Шихъ-

симовъ у Шахъ-Алія окольничій Иванъ Ивановичь Беззубцевъ и Василій Тимофѣевичь Замыцкой [116]).

[116]) *Башм. разр. кн.* Лѣта 7051 ноября... Въ городкѣ у царя Касимовского околничей Іванъ Івановичь Беззубцовъ да Василей Тимоѳѣевъ сынъ Замыцкой.— Здѣсь хотя Шахъ-Али не названъ по имени, но рѣчь, безъ малѣйшаго сомнѣнія, идетъ о немъ. Въ 1542 г. при Московскомъ дворѣ было служилыхъ Татарскихъ царевичей нѣсколько, царь же былъ одинъ: Шахъ-Али Шейхъ-Ауліяровъ. Какъ скоро въ *Башм. разр. кн.* рѣчь идетъ о *царѣ* Касимовскомъ, то дѣло, очевидно, касается Шахъ-Алія Шейхъ-Ауліярова, а не кого либо другого. Въ противномъ случаѣ, владѣлецъ Касимовскій названъ былъ бы *царевичемъ*.

Лѣтомъ 1543 года (18 іюля), Шахъ-Али, находясь въ Москвѣ, далъ Троицкому Сергіеву монастырю жалованную грамоту о безпрепятственномъ въѣздѣ монастырскихъ прикащиковъ въ Каширскіе лѣса, и объ освобожденіи отъ пошлинъ монастырскаго судна. «А здѣсь мнѣ Царю», сказано въ грамотѣ, «били челомъ, на Москвѣ, а сказоваютъ, что деи игуменъ Никандра съ братьями посылаютъ на монастырское дѣло по лѣсъ, своихъ прикащиковъ монастырскихъ, на своихъ судѣхъ, рѣкою Окою внизъ, Великого Князя въ отчину и въ наши царевы, въ Гусевской лѣсъ, и Городскихъ людей въ лѣсъ въ болшой, и ниже Городка въ нашихъ крестьянъ въ отчины земецкіе... И язъ ихъ Царь Шыгалей Шыгавліяровичь пожаловалъ: въ

Татарами былъ Иванъ Ильичь Челищевъ. Съ своей стороны и государь выступилъ въ декабрѣ. Впрочемъ до Казани онъ не дошелъ. Оттепель и распутица, въ февралѣ 1548 г., принудили его возвратиться съ острова Роботки. Начатыя военныя дѣйствія поручено было продолжать Шахъ-Алію, Ядигару и воеводамъ [119]).

[119]) *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7056 году, декабря въ 11 день, въ недѣлю, по Николине дни, государь царь и великиі князь Іванъ Васильевичь всеа Росиі пошолъ съ Москвы, для своего дѣла и земского, въ Володимерь; а изъ Володимеря итти ему къ Нижнему и х Казани. А съ нимъ пошолъ въ Володимерь братъ ево князь Юрья Васильевичь; а бояръ съ царемъ и великимъ княземъ, которые пошли съ Москвы: князь Дмитрей Өедоровичь Палецкой, околничей и дворецкой Данило Романовичь Юрьевъ, околничіе Өедоръ Михайловичь Нагово, Григорей Васильевичь Морозовъ, Өедоръ Григорьевичь Адашевъ, Тверской дворецкой Василей Михайловичь Юрьевъ, Дмитровской дворецкой Долматъ Өедоровичь Карповъ. Оружничей князь Юрья Івановичь Щетининъ; казначей Өедоръ Івановичь Сукинъ; дьяки Іванъ Елизаровъ сынъ Цыплетевъ, Борисъ Івановъ сынъ Сукинъ, Боканя Митроөановъ, Яковъ да Василей Захаровы. А отпустилъ царь и великиі князь передъ собою въ Володимерь воеводъ своихъ князь Дмитрея Өедоровича Бѣльскаго и иныхъ своихъ воеводъ, и велѣлъ имъ въ Володимере съ людми збиратися; *а изъ Мещеры велѣлъ*

итти царю Шигалею, да съ нимъ воеводамъ князь Володимеру Воротынскому и инымъ воеводамъ, а велѣлъ имъ съ собою сниматися на устьѣ Цавильскомъ. А становъ великому князю до Володимеря двадцать первой станъ былъ въ Танинскомъ; а въ Володимерь пришолъ въ четвергъ, за три дни до Рождества Христова. А изъ Володимеря государь пошолъ въ Нижней Новгородъ, въ другую недѣлю по крещеніе Господне; а становъ до Нижнего Новагорода было одиннатцать; а брату своему князь Юрью Васильевичю велѣлъ стоять въ Володимере для Казанскихъ людей приходу. А воеводы съ царемъ и великимъ княземъ были въ Володимере по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояре и воеводы князь Дмитрей Өедоровичь Бѣльской, да князь Данило Дмитреевичь Пронской. Въ передовомъ полку: бояринъ князь Александра Борисовичь Горбатой, да князь Василей Өедоровичь Лопатинъ Оболенской. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Іванъ Михайловичь Шуйской, да князь Василей Семеновичь Серебреной. Въ лѣвой рукѣ: князь Іванъ Шемяка Васильевичь Пронской, да князь Давыдъ Өедоровичь Палецкой. Въ сторожевомъ полку: конюшей и бояринъ Іванъ Петровичь Челядининъ, да князь Семенъ Івановичь Гундоровъ. А какъ царь и великиі князь пошолъ изъ Володимеря на свое дѣло къ Нижнему Новугороду, а воеводы шли изъ Володимеря къ Нижнему: болшой полкъ, правая рука по той же росписи; а въ передовомъ полку съ бояриномъ со князь Александромъ Горбатымъ, на князь Васильево мѣсто Лопатино, изъ лѣвые руки князь Давыдъ Палецкой; а въ лѣвой рукѣ

со княземъ Іваномъ Шемякою Пронскимъ, князь Василей князь Семеновъ сынъ Мезецкой: а изъ Володимеря князь великій отпустилъ къ Москвѣ Івана Петровича Федорова Челяднина, да князь Василья Лопату Оболенского лечитца для болѣзни, а въ сторожевомъ полку велѣлъ быти, въ первыхъ, въ Іваново мѣсто Челяднина, князь Семену Васильевичю Ростовскому, да князь Семену Івановичю Гундорову. А у большого наряду были до Нижнего Новагорода: бояринъ Василей Дмитреевичъ Шеинъ, да Яковъ Андреевичъ Салтыковъ. А рынды у государя были: князь Іванъ Федоровичъ Мстиславской, да Семенъ Васильевичъ Яковлевъ, да Іванъ Петровичъ Яковлевъ, да Никита Романовичъ Юрьевъ, да Федоръ Івановичъ Умной Колычевъ, да Алексѣй Федоровъ сынъ Адашевъ. А шолъ государь къ Нижнему Новугороду на Гороховецъ да на Балахну. А съ государемъ и великимъ княземъ къ Нижнему Нову городу шелъ сторожевой полкъ, а большой полкъ и правая рука и передовой полкъ шли со всѣми людми из Муромъ, а лѣвая рука стояла въ Муромѣ. А изъ Мурома государь велѣлъ итти воеводамъ своимъ: большому полку и передовому полку и правой рукѣ и лѣвой, со всѣми людми к Казани прямо на Тешу; а на Тешѣ велѣлъ сходитися *съ царемъ Шигалеемъ* и съ Мещерскими воеводами, а съ собою государь князь великій велѣлъ сходитися имъ на Лысковѣ. А изъ Мещеры велѣлъ государь итти к Казани на Тешу царю *Шигалею*; а шелъ онъ горною стороною до Цывили. А *съ царемъ Шигалеемъ* воеводы были по полкамъ. Въ

болшомъ полку: князь Володимеръ Іванoвичь Воротынской. Въ передовомъ полку: князь Юрья Івановичь Кашинъ. Въ правой рукѣ: князь Михайло Івановичь Воротынской. Въ лѣвой рукѣ: князь Василей Івановичь Осиповской Стародубской. Въ сторожевомъ полку: Борисъ Івановичь Салтыковъ. А *у царя Шигалея* въ приставѣхъ князь Ѳедоръ Андрѣевичь Прозоровской. Да *съ царемъ же Шагалеемъ* былъ царевичь Едигеръ Астараханской, а у царевича Едигера въ приставѣхъ князь Іванъ княжь Михайловъ сынъ Хворостининъ. А съ служилыми со всѣми ратными Татары Іванъ Ильинъ сынъ Челищевъ. А велѣлъ князь великиі *царю Шигалею*, а съ нимъ воеводамъ своимъ, со всѣми людми итти х Казани на Сакану да на Тешу; а снимматца съ собою велѣлъ ему на Цывили. А царь и великиі князь пришолъ въ Нижней Новгородъ въ четвергъ, февраля въ 2 день. И февраля, недѣлю спустя после Стретенева дни, князь великиі пошелъ изъ Нижнего на свое дѣло х Казани; а станъ ему былъ первой на Елнѣ, другой станъ на Роботкѣ, 40 верстъ отъ Нижнего. А пришолъ на Роботку на заговѣйной недѣли въ пятницу, да тутъ стоялъ на Роботкѣ три дни, того для, что пришла теплота великая: съ норядомъ Волгою итти нельзя, что Волга не подыметъ. И прислалъ къ царю и великому князю съ Теши *царь Шигалей* на Роботку сына боярскаго Мещериннна Гришу Ветлина, что *царь Шигалей* а съ нимъ воеводы великого князя пришли на Тешу въ четвергъ на заговейной недѣли, далъ Богъ здорово, со всѣми люд-

ми, а итти имъ истомно: пришла теплота великая, а рѣчки малыя все испортило. И съ Роботки государь воротился въ Нижней Новгородъ во вторникъ, на масленой недѣли, потому что стала теплота великая. А пришолъ въ Нижней съ Роботки, на масленой недѣли, въ среду; а изъ Нижнего Новагорода пошолъ къ Володимерю въ пятницу, на масленой недѣли; а ночевалъ на Балахнѣ; а изъ Балахны пошолъ къ Москвѣ. А какъ государь воротился съ Роботки, и въ околничихъ были передъ государемъ Григорей Васильевичь Морозовъ, да Іванъ Васильевичь болшой Шереметевъ. А съ царемъ и великимъ княземъ изъ Нижнего Новагорода: бояре князь Іванъ Михайловичь Шуйской, да князь Данило Дмитріевичь Пронской, околничей и дворецкой Данило Романовичь Юрьевъ, Григорей Васильевичь Морозовъ, Ѳедоръ Михайловичь Нагой, Ѳедоръ Григорьевичь Адашевъ, дворецкой Дмитровской Долматъ Ѳедоровичь Карповъ. А царица и великая княгиня была тогды въ Володимере, а у ней въ Володимере: бояринъ Василей Юрьевичь Малаго, да дьякъ Борисъ Івановъ сынъ Сукинъ. А царя и великого князя братъ князь Юрья Васильевичь былъ тогды въ Володимерѣ; а съ нимъ были въ Володимере: бояринъ князь Ѳедоръ Андрѣевичь Булгаковъ, конюшей Іванъ Івановичь Умной Колычовъ, дворецкой Семенъ Івановичь Жулебинъ, дьякъ Посникъ Путятинъ, дворцовые Шестакъ Воронинъ, Гаврило Северицынъ. А на Москвѣ тогды былъ князь Володимеръ Андрѣевичь, а бояра царя и великого князя были на Москвѣ: Іванъ Григорьевичь Морозовъ,

князь Михайло Івановичь Кубенской, Григорей Юрьевичь Захарьинъ. Да на Москвѣжь были: бояринъ князь Ѳедоръ Івановичь Шуйской Скопинъ, окольничіе Иванъ Дмитріевичь Шеинъ, Іванъ Івановичь Рудакъ Колычовъ. А о всѣхъ своихъ дѣлѣхъ царь и великиі князь велѣлъ князю Володимеру Андрѣевичу и своимъ бояромъ приходити къ Мокарію митрополиту, а грамоты писалъ государь ко князю Володимеру Андрѣевичу. А подъ Казань князь великиі велѣлъ итти *царю Шигалею*, да царевичю Едигеру; и отпустилъ съ Роботки къ царю Шигалею съ наказомъ дворецкого Тверского Василья Михайловича Юрьева, а велѣлъ государь Василью быти у царя и итти съ царемъ х Казани. А бояромъ и воеводамъ своимъ велѣлъ государь итти съ Роботки х Казанижь по полкомъ, и велѣлъ сниматися на Цивили *съ царемъ Шигалеемъ*. Въ болшомъ полку: бояре князь Дмитрей Ѳедоровичь Бельской, да князь Дмитрей Ѳедоровичь Палецкой. Въ передовомъ полку: князь Семенъ Івановичь Микулинской Пунковъ, да князь Давыдъ Ѳедоровичь Палецкой. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Александра Борисовичь Горбатой, да князь Василей Семеновичь Серебреной. И князь Василей Серебреной билъ челомъ государю, что ему въ правой рукѣ быти немочно, потому что въ болшомъ полку князь Дмитрей Палецкой; и государь велѣлъ быть князю Василью безъ мѣстъ, а какъ съ службы сходятъ, и имъ дать счетъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Іванъ Шемяка Васильевичь Пронской, да князь Василей Семеновичь Мезецкой. Въ сторожевомъ полку: князь Петръ Івановичь Шуйской, да князь Семенъ

Івановичъ Гундоровъ. А Мещерскимъ воеводамъ княземъ Володимеру Воротынскому, велѣлъ государь, пришедъ х Казани, болшому полку быть въ болшомъ полку, а тѣмъ полкомъ по темужъ въ полкѣхъ быть. А съ нарядомъ легкимъ: Ѳедоръ Григорьевичъ Очинъ Плещеевъ, индѣ пишетъ Іванъ Григорьевичъ, да дьякъ Іванъ Выротковъ. А болшой нарядъ воротилъ государь въ Нижней Новгородъ, потому что Волга не подымала.— Въ *Бекм. разр.* кн. не видно тѣмъ кончилось предпріятіе Шахъ-Алія и воеводъ, посланныхъ Иваномъ съ Роботки. Изъ лѣтописей (*Царст.* 145—148; *Ник.* VII, 60—62; *Лв.* IV, 201—204; *Лѣт. Норм.* 54, 55) узнаемъ, что Шахъ-Али и воеводы подступали къ Казани, что Сафа-гирей встрѣтилъ ихъ на Арскомъ полѣ, но былъ разбитъ передовымъ полкомъ подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго, и что за тѣмъ войска наши, простоявъ подъ городомъ недѣлю, двинулись назадъ. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 109—112; *Подр. лѣт.* II, 100—102), описываетъ походъ Русскихъ противъ Казани въ 1547 и 1548 годахъ совершенно иначе, со множествомъ басенъ и прикрасъ. О Шахъ-Алиѣ онъ не говоритъ ничего. По его словамъ, Иванъ самъ не ходилъ, а отрядилъ князей Семена Микулинскаго и Василія Оболенскаго Серебреннаго, которые принялись грабить землю Казанскую. Проходя мимо столицы, они неожиданно наѣхали на Сафа-гирея (по *Подр. лѣт.* на одного князя Казанскаго), охотившагося въ окрестностяхъ, и едва не взяли его въ плѣнъ. Чрезъ три дня, ханъ спохватился, и выслалъ за воеводами

занскомъ царствѣ впадаетъ еще въ ошибку: онъ увѣряетъ, будто Сафа-гирей женился на дочери Юсуфа, не по смерти Джанъ-Алія, а именно объ эту пору, т. е. въ 1546 г., тотчасъ по изгнаніи своемъ изъ Казани. «И побежа Царь Саѳагирен», пишетъ онъ (*Ик.* 95, 96), «ис Казани *в Нагаи* за *Яикъ* и присвойся тамо Заяицкому Князю *Исупу* дщерь у него земъ в жену красну вельми и мудру снеюже вза и улусы кочевныя вънихъ же кочюя живяше (и бысть ему та пятая жена, и возлюби ю зело паче первыхъ своихъ болшицъ). И подья ссобою оттуду тестя своего Князя *Исупа*, и приведѣ ссобою и снимъ нагайскихъ срацынъ всю орду заяицкую, и пріиде ко граду Казани хотя взяти Казань» (сл. *Подр. лѣт.* II, 90, гдѣ текстъ, по ошибкѣ, переиначенъ: «И побѣже Царь Сатгирей въ Нагаи за Яикъ, и присвоися тамо прибѣжавшій Казанскій Князь Юсупъ, взявъ у него за себе дщерь вельми красну и мудру, за нею же вза и улусы кочевные, въ нихъ же кочуя живяше, и бысть ему та патая, и возлюби ю зѣло Юсупъ. Они же собравъ Нагайскихъ Срацынъ и всю Орду Заяицкую пріиде на взятіе Казани»). Что Сафа-гирей взялъ за себя дочь Юсуфа, бывшую вдову Джанъ-Алія, вскорѣ послѣ воцаренія своего въ Казани въ 1535 г., въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Письма роднаго отца ея и братьевъ служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Была же эта дочь Юсуфа, навѣрное, та самая, на которой, по свѣдѣніямъ сохранившимся у Русскихъ лѣтописцевъ, Джанъ-Али, въ 1533 г., просилъ у великаго князя дозволенія

тресъ же Царицамъ раздели ровно имѣние царское, и отпустити повелѣ во отчествия ихъ. Ониже возвратишася, болшая в Сибирь ко отцу своему, вторая же в Астрахань ко отцу своему Астраханскому Царю, третаяже в Крымъ ко братье своей Княземъ Ширинскимъ; четвертаяже бѣ Руская племяница дщи нѣкоего Князя сланна и та по возвращение Царя изъ Нагаи умре в Казани) (сл. *Подр. лѣт.* II, 98, 99, гдѣ тоже самое, но съ пропусками). *Ик.* 129: Царя же его времени небе в Казани (якоже преже рѣхъ, умерь бо баше.) и осташеже ся повелѣнь Царица его именемъ *Сумепрна*, и Царевичь отнеа родися именемъ *Маманирей* (единымъ лѣтомъ сый от сосцу матери своея; сему же отецъ его при себѣ царство приказа (*Подр. лѣт.* II, 116, гдѣ царица названа: Сумекъ). — О посольствѣ въ Крымъ, нараженномъ Казанцами по смерти Сафа-гирея: «просити помочи и сверстного царя», упоминаетъ и Мухаммедъ-Риза въ Ассебъ о-ссейяръ. Посольство, какъ видно, не было все перехвачено Русскими, или же, въ слѣдъ за остановленнымъ посольствомъ, было отправлено другое. Мухаммедъ-Риза пишетъ именно (стр. 94), что по смерти Сафа-гирея, Казанцы прислали въ Крымъ предложить престолъ сыну Сафа-гирея, Булакъ-гирею; но что ханъ Крымскій, Сагибъ-гирей, не согласился отпустить султана, и заключилъ его въ темницу (см. также Nouveau Journal Asiatique. Ч. XII, стр. 369). Къ этому Риза присовокупляетъ, что Сагибъ-гирей сообщилъ въ Константинополь предложеніе Казанцевъ. Цѣль хана Крымскаго, по словамъ сочинителя Ассебъ о-ссейяръ, была

Аллѣя на царство на Казань... Обмануша Царя и великого Князя послы Казанстіи, иать бываетъ Касимовскій Царь Шихъ-Аллѣй аки медведь накрепко плетенными мрежами звѣрными» (сл. *Подр. лѣт.* II, 91).

Слѣдующія за бѣгствомъ изъ Казани пять лѣтъ, отъ осени 1546 до августа 1551 года, Шахъ-Али провелъ въ Россіи на службѣ великаго князя.

Что происходило тогда въ Касимовѣ—свѣдѣній объ этомъ немного. Нѣсколько разъ встрѣчается его имя, но все больше мелькомъ и случайно, въ связи съ именемъ Шахъ - Алія, такъ что почти единственное заключеніе, которое можно вывести — это то, что Касимовъ, отъ конца 1546 до осени 1551 г., составлялъ, по прежнему, удѣлъ Шахъ-Алія.

Объясню это примѣрами, взятыми изъ исторіи того времени.

Въ первый разъ послѣ 1546 г. упоминается о Шахъ-Аліѣ подъ концомъ 1547 г. и началомъ 1548 г., по поводу дѣлъ Казанскихъ. Въ концѣ 1547 г. Иванъ, рѣшившись предпринять походъ противъ Казани; велѣлъ, между прочимъ, Шахъ-Алію изъ *Мещеры* идти съ княземъ Владиміромъ Воротынскимъ и другими воеводами къ устью Цывили, чтобы тамъ соединиться съ главнымъ войскомъ. Шахъ-Али двинулся; вмѣстѣ съ нимъ находился и Ядигаръ царевичь; шелъ также цѣлый отрядъ служилыхъ Татаръ. Въ приставахъ были: у Шахъ-Алія князь Федоръ Андрѣевичь Прозоровской, а у Ядигара князь Иванъ Михайловичь Хворостининъ. Съ

Шахъ-Алія на войну, Иванъ, быть можетъ, въ случаѣ удачи, имѣлъ въ виду сдѣлать его царемъ Казанскимъ; по крайней мѣрѣ, лѣтомъ 1549 г., шла объ этомъ переписка съ Ногайскимъ княземъ Юсуфомъ и съ Казанцами, бѣжавшими въ Ногайскіе улусы; Юсуфъ предлагалъ даже выдать за Шахъ-Алія дочь свою, бывшую за Сафа-гиреемъ и Джанъ-Аліемъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 144, 145, 154, 155, 162, 164).

Башм. разр. кн упоминаетъ еще о какомъ-то походѣ Шахъ-Алія «по Казанскимъ вѣстямъ» къ Нижнему Новгороду, въ мартѣ 1549 г., тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Сафа-гирея: «Тогожь лѣта (7057) съ марта», сказано тамъ, «по Казанскимъ вѣстямъ, какъ Сакъеахирея, Казанского царя, не стало въ животѣ, велѣлъ царь и великиі князь быть въ Нижнемъ Новѣгородѣ царю Шигалею; а у него околничей Өедоръ Михайловичь Нагой. А съ нимъ царемъ были великого князя воеводы въ Нижнемъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ и воевода князь Александра Борисовичь Горбатой.

Въ передовомъ полку: Іванъ Умной Івановичь Колычовъ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Дмитрей Івановичь Курлятевъ. Въ лѣвой рукѣ: околничей князь Давыдъ Өедоровичь Палецкой. Въ сторожевомъ полку: Семенъ Дмитреевичь Пѣшковъ-Сабуровъ».

Въ исходѣ января 1550 г., Иванъ, въ главѣ многочисленной рати, двинулся изъ Нижняго Новгорода, сопровождаемый Шахъ-Аліемъ, Ядигаромъ и дворомъ своимъ. При особѣ хана находился тогда князь Ми-

итти царю Шигалею, да съ нимъ воеводамъ князь Володимеру Воротынскому и инымъ воеводамъ, а велѣлъ имъ съ собою сниматися на устьѣ Цавильскомъ. А становъ великому князю до Володимеря двадцать первой станъ былъ въ Танинскомъ; а въ Володимерь пришолъ въ четвергъ, за три дни до Рождества Христова. А изъ Володимеря государь пошолъ въ Нижней Новгородъ, въ другую недѣлю по крещеніе Господне; а становъ до Нижнего Новагорода было одиннатцать; а брату своему князь Юрью Васильевичю велѣлъ стоять въ Володимере для Казанскихъ людей приходу. А воеводы съ царемъ и великимъ княземъ были въ Володимере по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояре и воеводы князь Дмитрей Ѳедоровичь Бѣльской, да князь Данило Дмитреевичь Пронской. Въ передовомъ полку: бояринъ князь Александра Борисовичь Горбатой, да князь Василей Ѳедоровичь Лопатинъ Оболенской. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Іванъ Михайловичь Шуйской, да князь Василей Семеновичь Серебреной. Въ лѣвой рукѣ: князь Іванъ Шемяка Васильевичь Пронской, да князь Давыдъ Ѳедоровичь Палецкой. Въ сторожевомъ полку: конюшей и бояринъ Іванъ Петровичь Челядвинъ, да князь Семенъ Івановичь Гундоровъ. А какъ царь и великиі князь пошолъ изъ Володимеря на свое дѣло къ Нижнему Новугороду, а воеводы шли изъ Володимеря къ Нижнему: болшой полкъ, правая рука по той же росписи; а въ передовомъ полку съ бояриномъ со князь Александромъ Горбатымъ, на князь Васильево мѣсто Лопатино, изъ лѣвые руки князь Давыдъ Палецкой; а въ лѣвой рукѣ

пришелъ къ городу Казани со всемъ воинствомъ, и велѣлъ стать около града Казани (ср. *Лѣт. Норм.* 56). *Башм. разр. кн.*: А изъ Володимеря князь великиі пошолъ х Казани на завтрея Крещенія Господня, да того дни ночевалъ въ князь Дмитрееве селѣ Бѣльского въ Добрынскомъ; а въ Новгородъ Нижней шолъ на Пожарскихъ князей вотчину, да на слободку на Холуй, да на Балахну; а въ Нижней Новгородъ пришолъ изъ Володимеря въ десятой день, да стоялъ въ Нижнемъ недѣлю. И генваря въ 23 день, положа упованіе на Бога, пошолъ государь на свое дѣло и на земское изъ Нижнего х Казани. А съ царемъ и великимъ княземъ изъ Нижнего царь Шегалей, да царевичь Астараханской Едигеръ; бояра князь Іванъ Өедоровичь Мстиславской, князь Петръ Михайловичь Щенятевъ, князь Семенъ Івановичь Микулинской, Іванъ Семеновичь Воронцовъ, Михайло Яковлевичь Морозовъ, князь Дмитрей Өедоровичь Палецкой, князь Іванъ Івановичь Пронской, бояринъ и конюшей Іванъ Петровичь Өедорова Челяднинъ, бояринъ и дворецкой Данило Романовичь Юрьевъ; околничіе Іванъ Умной Івановичь Колычовъ, Өедоръ Григорьевичь Адашевъ. Оружничей Левъ Андрѣевичь Салтыковъ. Дворовые воеводы: бояра князь Іванъ Өедоровичь Мстиславской, да князъ Семенъ Івановичь Микулинской, дворецкой Резанской Петръ Васильевичь Морозовъ, Дмитровской дворецкой Долматъ Өедоровичь Карповъ. Казначей Іванъ Өома Петровичь Головинъ. Постелничей Андрѣй Володимеровъ сынъ Мансуровъ. Печатникъ и дьякъ Никита Өуниковъ сынъ Курцовъ. Дьяки: Іванъ Григорьевъ сынъ Воротковъ,

болшомъ полку: князь Володимеръ Івановичь Воротынской. Въ передоконъ полку: князь Юрья Івановичь Кашинъ. Въ правой рукѣ: князь Михайло Івановичь Воротынской. Въ лѣвой рукѣ: князь Василей Івановичь Осиповской Стародубской. Въ сторожевомъ полку: Борисъ Івановичь Салтыковъ. А *у царя Шигалея* въ приставѣхъ князь Өедоръ Андрѣевичь Прозоровской. Да *съ царемъ же Шагалеемъ* былъ царевичь Едигеръ Астараханской, а у царевича Едигера въ приставѣхъ князь Іванъ княжь Михайловъ сынъ Хворостининъ. А съ служилыми со всѣми ратными Татары Іванъ Ильинъ сынъ Челищевъ. А велѣлъ князь великиі *царю Шигалею*, а съ нимъ воеводамъ своимъ, со всѣми людми итти х Казани на Сакану да на Тешу; а снииатца съ собою велѣлъ ему на Цывили. А царь и великиі князь пришолъ въ Нижней Новгородъ въ четвергъ, февраля въ 2 день. И февраля, недѣлю спуетя после Стретенева дни, князь великиі пошелъ изъ Нижнего на свое дѣло х Казани; а станъ ему былъ первой на Елнѣ, другой станъ на Роботкѣ, 40 верстъ отъ Нижнего. А пришолъ на Роботку на заговѣйной недѣли въ пятницу, да тутъ стоялъ на Роботкѣ три дни, того для, что пришла теплота великая: съ норядомъ Волгою итти нельзя, что Волга не подыметъ. И прислалъ къ царю и великому князю съ Теши *царь Шигалей* на Роботку сына боярскаго Мещериннна Гришу Ветлина, что *царь Шигалей* а съ нимъ воеводы великого князя пришли на Тешу въ четвергъ на заговейной недѣли, далъ Богъ здорово, со всѣми люд-

князь Петръ Семеновичь Серебреной. На Укрень посыланы Михайло Ивановъ сынъ Воронова, да Назаръ Семеновъ сынъ Глѣбовъ, Казанскихъ мѣстъ воевать и кормовъ добывать. Да на Укрень же посыланы князь Ѳедоръ княжь Борисовъ сынъ Ромодановской, да Степанъ Григорьевъ сынъ Сидоровъ. А по Галицкой дорогѣ къ засѣкѣ посыланы были воеводы бояринъ князь Іванъ Івановичь Проиской, да Василей Дмитреевъ сынъ Даниловъ. А пришолъ государь х Казани на масленой недѣли въ понедѣльникъ.

1550 г. ознаменовался дѣломъ весьма важнымъ. Правда, Русскіе не взяли Казани, и, простоявъ подъ стѣнами города 11 дней, принуждены были, въ слѣдствіе сильныхъ дождей и оттепели, 25 февраля, снять осаду и отступить[123]); но за то, объ эту пору,

[123]) *Царк.* 157, 158: Самъ сталъ Царь и Великій Князь у Кабана озера; а Царю Шигалею и большему полку велѣлъ стати противъ города на Арскомъ полѣ, и передовому полку; а за рѣкою Занію противу города Царевичу Едигерю, и правой рукѣ, да и лѣвой рукѣ, да и Сторожевому полку. И наряду большому на Усть Булака противъ города; а другому наряду велѣлъ стати противъ города у Поганово озера, и Воеводъ розставилъ. И туры велѣлъ подѣлати, и къ городу приступати; и приступъ ко граду былъ, и града не взяша; а множество много людей на обѣ страны побито. А въ городѣ изъ пушекъ убили Царевича Меньшицына сына, да Крымца Челбака Князя; а долго было стояти, ино пришло въ то время аерное

нестроеніе... И Царь и Великій Князь стоялъ у города 11 дней; а дожди по вся дни быша, и теплота, и мокрота велика; рѣчьки малыя попортило, а иныя и прошли. И Царь и Великій Князь видѣвъ таковое нестроеніе, пошелъ отъ града Казани прочь, во вторникъ на зборной недѣли, Февраля 25 (*Ник.* VII, 68, 69, и *Лв.* IV, 216, 217, гдѣ, въ обѣихъ, выпущено то мѣсто въ которомъ говорится о приступѣ, и рѣка «Занія» названа правильно «Казанью»; въ *Лв.*, по ошибкѣ, вмѣсто: «у Кабана озера» стоитъ «у Бакана озера»; сл. *Лѣт. Норм.* 56). *Бaим. разр. кн.* (продолжаю выписку съ того самаго мѣста, гдѣ остановился въ предъидущемъ примѣчаніи): Да стоялъ у Казани двѣ недѣли. А приступъ былъ къ городу во вторникъ на Ѳедоровой недѣли; а къ приступуималъ государь у бояръ и у воеводъ и у дѣтей боярскихъ пѣшихъ людей въ доспѣсѣхъ.

А отъ Казани пошолъ государь во вторникъ, на зборной недѣли. А воеводы были у государя подъ Казанью по полкомъ. Въ болшомъ полку: царь Шигалей, да съ царемъ Шигалеемъ бояринъ и воеводы князь Дмитрей Ѳедоровичь Бѣльской, да князь Володимеръ Івановичь Воротынской; а стояли подъ Казанью, противъ города, на Арскомъ полѣ. Въ передовомъ полку: бояринъ князь Петръ Івановичь Шуйской, да князь Василей Ѳедоровичь Лопатинъ Телепневъ Оболенской; а стояли противъ города, на Арскомъ же полѣ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Александра Борисовичь Горбатой, да дворецкой Углецкой князь Василей Семеновичь Серебреной; а стояли противъ города, за Казанкою,

Івановичь Гундоровъ. А Мещерскимъ воеводамъ князю Володимеру Воротынскому, велѣлъ государь, пришедъ х Казани, болшому полку быть въ болшомъ полку, а тѣмъ полкомъ по томужъ въ полкѣхъ быть. А съ нарядомъ легкимъ: Ѳедоръ Григорьевичь Очинъ Плещеевъ, индѣ пишетъ Іванъ Григорьевичь, да дьякъ Іванъ Выротковъ. А болшой нарядъ воротилъ государь въ Нижней Новгородъ, потому что Волга не подымала.— Въ *Башм. разр. кн.* не видно чѣмъ кончилось предпріятіе Шахъ-Алія и воеводъ, посланныхъ Иваномъ съ Роботки. Изъ лѣтописей (*Царк.* 145—148; *Ник.* VII, 60—62; *Лв.* IV, 201—204; *Лѣт. Норм.* 54, 55) узнаемъ, что Шахъ-Али и воеводы подступали къ Казани, что Сафа-гирей встрѣтилъ ихъ на Арскомъ полѣ, но былъ разбитъ передовымъ полкомъ подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго, и что за тѣмъ войска наши, простоявъ подъ городомъ недѣлю, двинулись назадъ. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 109—112; *Подр. лѣт.* II, 100 — 102), описываетъ походъ Русскихъ противъ Казани въ 1547 и 1548 годахъ совершенно иначе, со множествомъ басень и прикрасъ. О Шахъ-Алiѣ онъ не говоритъ ничего. По его словамъ, Иванъ самъ не ходилъ, а отрядилъ князей Семена Микулинскаго и Василія Оболенскаго Серебренаго, которые принялись грабить землю Казанскую. Проходя мимо столицы, они неожиданно наѣхали на Сафа-гирея (по *Подр. лѣт.* на одного князя Казанскаго), охотившагося въ окрестностяхъ, и едва не взяли его въ плѣнъ. Чрезъ три дня, ханъ спохватился, и выслалъ за воеводами

ступъ князь Петра ранили, и на его мѣсто стоялъ за туры Михайло Яковлевичь Морозовъ. А отъ Поганого озера стоялъ за туры у города околничей Іванъ Васильевичь Шереметевъ болшой; а какъ его въ приступъ ранили, и въ ево мѣсто стоялъ казначей Іванъ Ѳома Петровичь Головинъ; а за нимъ стоялъ беречь наряду, послѣ приступа, лѣвой руки воевода князь Михайло Івановичь Воротынской. А за Казанкою на лугу, противъ города, стоялъ за туры бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ; и какъ князь Петра Шуйскаго ранили, и Михайло былъ въ ево князь Петрово мѣсто, а въ Михайлово мѣсто былъ за Казанкою на лугу Петръ Васильевичь Морозовъ. А царь и великиі князь стоялъ на Цареве лугу у Кобана озера.

родилась мысль построить не подалеку отъ Казани, на устьѣ рѣки Свіяги, крѣпость, которая бы могла служить опорною точкою для нашихъ будущихъ предпріятій. Самъ Иванъ, на обратномъ пути въ Москву, выбралъ это мѣсто, по указанію Шахъ-Алія и князей Казанскихъ, находившихся на службѣ Русской (*Ник.* VII, 70: Царь Шигалѣи и князи казанские великому Князю мѣсто показали; ср. *Лв.* IV, 218, и *Лѣт. Норм.* 57). Мысль о построеніи крѣпости на устьѣ рѣки Свіяги была приведена въ исполненіе лѣтомъ 1551 г. И тутъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей явился Шахъ-Али. Вызванный нарочно въ Москву (по словамъ Казанскаго лѣтописца, изъ Касимова) самимъ великимъ княземъ, который еще разъ хотѣлъ съ нимъ

посовѣтоваться[226], онъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, посланъ былъ къ Свiягѣ съ судовой ратью. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправились войска и сухимъ путемъ. Мая 24-го, Шахъ-Али прибылъ на мѣсто, и чрезъ мѣсяцъ новая крѣпость Свiяжская уже была готова.

Въ какомъ именно качествѣ находился Шахъ-Али въ обѣихъ походахъ Казанскихъ 1549 и 1550 г. и начала 1551 г. — въ качествѣ ли царя Касимовскаго или нѣтъ — изъ дошедшихъ до насъ описанiй этихъ походовъ не видно, такъ какъ одно указанiе Казанскаго лѣтописца, утверждающаго, будто Шахъ-Али, предъ построенiемъ Свiяжска, былъ вызванъ изъ Касимова, еще ничего не значитъ. Но вотъ данныя, заимствованныя изъ той же самой эпохи, которыя ясно свидѣтельствуютъ, что и въ походахъ 1549 и 1550 г. и начала 1551 г., Шахъ-Али участвовалъ, такъ же точно, какъ и въ войнѣ съ Казанью 1547 и 1548 г.,

[226] *Царств*. 162: И посылаетъ Государь по Царя Шигалея: и Царь ко Государю прiѣхалъ, и Государь при(ка)зываетъ брата своего Князя Юрья, и Князя Владимера, и Царя Шигалея, и всѣхъ Бояръ своихъ, и Князей Казанскихъ: и совѣтуетъ Государь съ братомъ своимъ, и со Царемъ, и съ Бояры, и со Князьми (*Ник*. 73; *Л*. IV, 224, 225). *Нк*. 118: И пославъ призываетъ къ себѣ (великiй князь скоро прежде помянутого Царя *Шигъ-Алѣя* изотчины его земли *Касимова* (*Подр. лѣт*. II, 105, гдѣ: «И пославъ призвати къ себѣ скоро прежде помянутаго Царя Шигалея изъ Касимова»).

въ качествѣ царя Касимовскаго. Въ *Башм. разр. кн*, въ росписи воеводъ, которые стояли «съ Николина дня вешняго» 1550 г., значится, между прочимъ: «Въ Мещерѣ князь Дмитрей Ивановичь Хилковъ. *У царя Шигалея въ городкѣ* околничей Яковъ Андрѣевичь Салтыковъ». За тѣмъ, подъ мѣсяцомъ августомъ того же 1550 г., въ *Башм.* же *разр. кн.* читаемъ: «И августа въ 6 день писалъ къ государю на Коломну *изъ городка царь Шигалей*, что пришли на Мещерскія мѣста многіе люди (Крымцы)».

Собственно о Касимовѣ и тамошнихъ Татарахъ, за весь періодъ времени отъ конца 1546 до августа 1551 г., знаемъ мы только, что во время приготовленій къ Казанскому походу, въ ноябрѣ 1549 г., чрезъ городокъ проѣзжали Ногайскіе послы, и что государь, получившій объ этомъ извѣстіе уже на пути во Владиміръ, отправилъ въ Касимовъ приказаніе отпустить пословъ къ Москвѣ Рогожскою дорогою (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 203). Да еще знаемъ мы, что другіе Ногайскіе же послы, которые пріѣзжали къ намъ въ октябрѣ того же 1549 г., и которымъ сказано было ѣхать на Мещеру, побоялись идти этой дорогой изъ за Городецкихъ Татаръ, и шли на Рязань (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 171). Не трудно понять такую недовѣрчивость со стороны Ногайцевъ: стоитъ припомнить прежнія жалобы ихъ на Касимовцевъ (см. выше, стр. 287 и 310).

Въ августѣ 1551 года, Казанцы выдали Русскимъ хана своего Утямишь-гирея съ матерью его Сююнъ-

бекою [125]). Великій князь, согласно ихъ же просьбѣ,

[125]) Утямишь-гирей былъ привезенъ съ матерью въ Москву въ сентябрѣ 1551 г. (*Царк.* 181; *Ник.* VII, 85; *Лв.* IV, 246). Въ послѣдствіи, именно 8-го января 1553 г., онъ былъ крещенъ и названъ Александромъ (*Царк.* 332, 333; *Ник.* VII, 198, 199; *Лв.* V, 4, 5; *Лѣт. Норм.* 70). Онъ умеръ 11-го іюня 1566 г., и погребенъ былъ въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ (Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. Ч. I. 1792. Москва, стр. 150). — Сююнъ-бека (سيون بيكه) была та самая дочь Ногайскаго князя Юсуфа, на которой, съ дозволенія великаго князя Василія, женился ханъ Джанъ-Али, и которую потомъ взялъ за себя Сафа-гирей (см. о ней выше, пр. 118, стр. 325, 326, и пр. 121, стр. 338). Подтвержденіе этому мнѣнію найдемъ мы ниже; въ пользу его клонится и сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, который зоветъ Сююнъ-беку (Сумвѣрну, Сумбеку) Ногаянкою (см. выше, пр. 120, стр. 335), и дочерью Юсуфа, князя Заяицкаго или Ногайскаго (*Ик.* 152; *Подр. лѣт.* II, 134). Сююнъ-бека въ Казани пользовалась большою извѣстностью; имя ея до сихъ поръ живетъ въ памяти народной, и даже теперь въ Казани существуетъ старинная башня, слывущая Сююнъ-бекиной (см. Рыбушкинъ. Краткая исторія города Казани. Казань. Ч. I. 1848, стр. 85—87; Erdmann. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Erster Theil. Riga und Dorpat. 1822, стр. 193, 194; Фуксъ, Краткая исто-

рія города Казани. Казань. 1817, гдѣ приложенъ и рисунокъ самой башни). Разсказъ о власти, которою Сююнъ-бека пользовалась по смерти Сафа-гирея, во все время царствованія Утямишь-гирея, о тогдашней связи ея съ извѣстнымъ Кучакъ-огланомъ (قوجاق اوغلان), и о томъ, какъ она едва не отравила Шахъ-Алія, можно видѣть въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 129—152; *Подр. лѣт.* II, 116 — 135). Быть можетъ, въ разсказѣ этомъ заключается и доля правды. Сююнъ-бека, по увѣренію сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ (см. выше, пр. 118, стр. 325, и пр. 120, стр. 335), была по времени выхода своего замужь за Сафа-гирея, одной изъ меньшихъ его женъ, а именно пятой. Если это и было такъ, то она, должно быть, считалась старшей его супругой (см. сказанное выше въ пр. 21, на стр. 53), по вліянію отца ея, и по той зависимости, въ которой онъ могъ держать Сафа-гирея, обязаннаго ему престоломъ: не даромъ же ребенокъ Утямишь, въ 1549 г., не смотря на происки противной партіи, желавшей имѣть «сверстнаго царя» (см. выше, пр. 120, стр. 335, 336), былъ признанъ ханомъ помимо старшихъ его братьевъ, рожденныхъ отъ другихъ женъ. А такіе братья у него были не только въ Крыму, какъ пишетъ Мухаммедъ-Риза (см. выше, пр. 120, стр. 336; Риза въ томъ же мѣстѣ, гдѣ говоритъ о Булякѣ, упоминаетъ еще объ одномъ сынѣ Сафа-гирея, Мубарекъ-гиреѣ, также находившемся о ту пору въ Крыму; сл. Nouv. Journ. Asiat. T. XII, стр. 369), но даже и въ самой Казани. «А въ городѣ», сказано въ *Царк.* при описаніи

осады Казани Русскими въ 1550 г. (см. выше, пр. 123, стр. 342), «изъ пушекъ убили Царевича Меньшицына сына». Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, о какомъ то сынѣ Сафа-гирея, рожденномъ не отъ Сююнъ-беки, а отъ другой жены *младшей*, который былъ на столько взрослъ, что могъ быть убитъ, сражаясь при защитѣ города.

призналъ царемъ у нихъ Шахъ-Алія. Новый ханъ покинулъ Свіяжскъ, гдѣ онъ жилъ съ весны, и 16-го августа въѣхалъ въ столицу, въ сопровожденіи 300 Городецкихъ князей, мурзъ и Татаръ [126]), и 200

[126]) *Царк* 183, 184: Августа 16 (7059); поѣхалъ Царь на царство въ Казань, а съ нимъ по Государеву наказу Бояре его Князь Юрьи Михайловичь Голицынъ, да Иванъ Ивановичь Хобаровъ, да Діакъ Иванъ Григорьевъ Выродковъ, тѣ его и на царство посадили; и здоровали ему Бояре тогожъ дни на Государевѣ жалованіе, на царствѣ Казанскомъ; да со Царемъ же въ Казань поѣхало триста человѣкъ городецкихъ Князей, и Мурзъ, и Казаковъ, да двести Стрѣльцовъ съ двема Соцкими Царя и Великого Князя; а жили всѣ у Царя на дворѣ (*Ник.* VII, 87; *Лв.* IV, 250).

стрѣльцовъ Русскихъ. Уже за три дня предъ тѣмъ, посланы имъ были дворецкой его Шахбазъ князь (شهباز بيك), и конюшей Битике князь (بيتكه بيك) съ вещами, чтобы приготовить во дворцѣ все нужное для пріема [127]).

[127]) *Царк.* 182: А въ городъ въ Казань Царь Шигалей (августа въ 13 день) послалъ Дворецкаго своего Шабаса Князя, да Конюшего своего Битикея Князя, со всѣмъ своимъ кошемъ (кошь, قوش — слоко Татарское, употребительное и нынѣ, означаетъ: домъ, домашняя утварь), и велѣлъ устроивать дворъ свой (*Ник.* VII, 85; *Лв.* IV, 247, 248).—Особаго дворецкаго и конюшаго Шахъ-Али имѣлъ не потому, что объявленъ былъ царемъ Казанскимъ: въ лѣтописяхъ читаемъ, что Шахъ-Али изъ Свіяжска, въ іюнѣ 1551 г., когда еще и рѣчи не было о возведеніи его на престолъ Казанскій, присылалъ къ государю въ Москву «дворецкаго своего Шабаса князя Шамова» (*Царк.* 170; *Ник.* VII, 77; *Лв.* IV, 232; *Лѣт. Норм.* 58). Оказывается, что Шахъ Али, живя въ Россіи, имѣлъ свой особый дворъ, либо по званію царя Касимовскаго, либо просто по своему царскому сану. Шахбазъ князь оставался дворецкимъ при Шахъ-Аліѣ во все время управленія имъ Казанью въ 1551 и 1552 годахъ. Онъ объ эту пору довольно часто упоминается, и даже разъ пріѣзжалъ отъ Шахъ-Алія посломъ къ Ивану; писался онъ и Шибасъ (*Царк.* 189; *Ник.* VII, 919; *Лв.* IV, 256).

Не надежда на мирное и доброе управленіе принудили Казанцевъ свести Утямиша съ престола, и у государя Русскаго выпросить себѣ на царство Шахъ-Алія, который уже два раза управлялъ ими и былъ изгнанъ. Крайняя необходимость заставила народъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Послѣ построенія Свіяж-

князь Петръ Семеновичь Серебреной. На Укрень посыланы Михайло Ивановъ сынъ Воронова, да Назаръ Семеновъ сынъ Глѣбовъ, Казанскихъ мѣстъ воевать и кормовъ добывать. Да на Укрень же посыланы князь Ѳедоръ княжь Борисовъ сынъ Ромодановской, да Степанъ Григорьевъ сынъ Сидоровъ. А по Галицкой дорогѣ къ засѣкѣ посыланы были воеводы бояринъ князь Іванъ Івановичь Проиской, да Василей Дмитреевъ сынъ Даниловъ. А пришолъ государь х Казани на масленой недѣли въ понедѣльникъ.

1550 г. ознаменовался дѣломъ весьма важнымъ. Правда, Русскіе не взяли Казани, и, простоявъ подъ стѣнами города 11 дней, принуждены были, въ слѣдствіе сильныхъ дождей и оттепели, 25 февраля, снять осаду и отступить[123]); но за то, объ эту пору,

[123]) *Царк.* 157, 158: Самъ сталъ Царь и Великій Князь у Кабана озера; а Царю Шигалею и большему полку велѣлъ стати противъ города на Арскомъ полѣ, и передовому полку; а за рѣкою Занію противу города Царевичу Едигерю, и правой рукѣ, да и лѣвой рукѣ, да и Сторожевому полку. И наряду большому на Усть Булака противъ города; а другому наряду велѣлъ стати противъ города у Поганово озера, и Воеводъ розставилъ. И туры велѣлъ подѣлати, и къ городу приступати; и приступъ ко граду былъ, и града не взяша; а множество много людей на обѣ страны побито. А въ городѣ изъ пушекъ убили Царевича Меньшицына сына, да Крымца Челбака Князя; а долго было стояти, ино пришло въ то время аерное

нестроеніе... И Царь и Великій Князь стоялъ у города 11 дней; а дожди по вся дни быша, и теплота, и мокрота велика; рѣчьки малыя попортило, а иныя и прошли. И Царь и Великій Князь видѣвъ таковое нестроеніе, пошелъ отъ града Казани прочь, во вторникъ на зборной недѣли, Февраля 25 (*Ник.* VII, 68, 69, и *Лв.* IV, 216, 217, гдѣ, въ обѣихъ, выпущено то мѣсто въ которомъ говорится о приступѣ, и рѣка «Занія» названа правильно «Казанью»; въ *Лв.*, по ошибкѣ, вмѣсто: «у Кабана озера» стоитъ «у Бакана озера»; сл. *Лѣт. Норм.* 56). ***Башм. разр. кн.*** (продолжаю выписку съ того самаго мѣста, гдѣ остановился въ предъидущемъ примѣчаніи): Да стоялъ у Казани двѣ недѣли. А приступъ былъ къ городу во вторникъ на Ѳедоровой недѣли; а къ приступу ималъ государь у бояръ и у воеводъ и у дѣтей боярскихъ пѣшихъ людей въ доспѣсѣхъ.

А отъ Казани пошолъ государь во вторникъ, на зборной недѣли. А воеводы были у государя подъ Казанью по полкомъ. Въ болшомъ полку: царь Шигалей, да съ царемъ Шигалеемъ бояринъ и воеводы князь Дмитрей Ѳедоровичь Бѣльской, да князь Володимеръ Івановичь Воротынской; а стояли подъ Казанью, противъ города, на Арскомъ полѣ. Въ передовомъ полку: бояринъ князь Петръ Івановичь Шуйской, да князь Василей Ѳедоровичь Лопатинъ Телепневъ Оболенской; а стояли противъ города, на Арскомъ же полѣ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Александра Борисовичь Горбатой, да дворецкой Углецкой князь Василей Семеновичь Серебреной; а стояли противъ города, за Казанкою,

на луговой сторонѣ. Въ лѣвой рукѣ: князь Михайло Івановичь Воротынской, да Борисъ Івановичь Салтыковъ; а стояли за Казанкою, на луговой же сторонѣ, противъ города. Въ сторожевомъ полку: бояринъ князь Юрья Михайловичь Булгаковъ, да князь Юрья Івановичь Кашинъ; а стояли противъ города, за Казанкою, на луговой же сторонѣ, по Галицкой дорогѣ. Въ ертоулѣ были за туры воеводы князь Дмитрей Івановичь Пунковъ-Микулинской, да Іванъ Ѳедоровичь Карповъ. А у наряду были воеводы бояринъ Василей Михайловичь Юрьевъ, да Василей Петровичь Борисовъ, да околничей Ѳедоръ Михайловичь Нагово; а стояли за туры у города, у Кабацкого устья, у Казани рѣки. Да у наряду жь быти головамъ съ бояриномъ Васильемъ Михайловичемъ Юрьева: князь Василей княжь Івановъ сынъ Кропоткинъ, Андрѣй Івановъ сынъ Яхонтовъ, Іванъ да Василей Костянтиновы дѣти Замыцкого, князь Семенъ княжь Івановъ сынъ Гагаринъ, князь Семенъ княжь Ѳедоровъ сынъ Козловской, князь Іванъ княжь Андрѣевъ сынъ Друцкой, Семенъ Ѳедоровъ сынъ Киселевъ, Михайло да Яковъ Михайловы дѣти Старого. Дьяки у наряду были: Василей Колзаковъ, Петръ Ѳетчищевъ, Шестакъ Воронинъ. А за туры были государевы воеводы князь Іванъ Івановичь Пронской-Турунтай, да Захарей Петровичь Яковлевъ, да князь Дмитрей Івановичь Немого, да князь Іванъ Копыря Александровичь Кашинъ, да князь Дмитрей Івановичь Хилковъ. А съ Арского поля у города стояли за туры воеводы князь Петръ Івановичь Шуйской, да князь Василей Ѳедоровичь Лопатинъ; а какъ въ при-

ступъ князь Петра ранили, и на его мѣсто стоялъ за туры Михайло Яковлевичь Морозовъ. А отъ Поганого озера стоялъ за туры у города околничей Іванъ Васильевичь Шереметевъ болшой; а какъ его въ приступъ ранили, и въ ево мѣсто стоялъ казначей Іванъ Өома Петровичь Головинъ; а за нимъ стоялъ беречь наряду, послѣ приступа, лѣвой руки воевода князь Михайло Івановичь Воротынской. А за Казанкою на лугу, противъ города, стоялъ за туры бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ; и какъ князь Петра Шуйскаго ранили, и Михайло былъ въ ево князь Петрово мѣсто, а въ Михайлово мѣсто былъ за Казанкою на лугу Петръ Васильевичь Морозовъ. А царь и великиі князь стоялъ на Цареве лугу у Кобана озера.

родилась мысль построить не подалеку отъ Казани, на устьѣ рѣки Свіяги, крѣпость, которая бы могла служить опорною точкою для нашихъ будущихъ предпріятій. Самъ Иванъ, на обратномъ пути въ Москву, выбралъ это мѣсто, по указанію Шахъ-Алія и князей Казанскихъ, находившихся на службѣ Русской (*Ник.* VII, 70: Царь Шигалѣи и князи казанские великому Князю мѣсто показали; ср. *Лв.* IV, 218, и *Лѣт. Норм.* 57). Мысль о построеніи крѣпости на устьѣ рѣки Свіяги была приведена въ исполненіе лѣтомъ 1551 г. И тутъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей явился Шахъ-Али. Вызванный нарочно въ Москву (по словамъ Казанскаго лѣтописца, изъ Касимова) самимъ великимъ княземъ, который еще разъ хотѣлъ съ нимъ

посовѣтоваться [124]), онъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, посланъ

[124]) *Царк.* 162: И посылаетъ Государь по Царя Шигалея; и Царь ко Государю пріѣхалъ, и Государь при(ка)зываетъ брата своего Князя Юрья, и Князя Владимера, и Царя Шигалея, и всѣхъ Бояръ своихъ, и Князей Казанскихъ; и совѣтуетъ Государь съ братомъ своимъ, и со Царемъ, и съ Бояры, и со Князьми (*Ник.* 73; *Лв.* IV, 224, 225). *Ик.* 118: И пославъ призываетъ къ себѣ (великій князь) скоро прежде помянутого Царя *Шихъ-Аллѣя* изотчины его земли *Касимова* (*Подр. лѣт.* II, 105, гдѣ: «И пославъ призвати къ себѣ скоро прежде помянутаго Царя Шигалея изъ Касимова»).

былъ къ Свіягѣ съ судовой ратью. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправились войска и сухимъ путемъ. Мая 24-го, Шахъ-Али прибылъ на мѣсто, и чрезъ мѣсяцъ новая крѣпость Свіяжская уже была готова.

Въ какомъ именно качествѣ находился Шахъ-Али въ обѣихъ походахъ Казанскихъ 1549 и 1550 г. и начала 1551 г.—въ качествѣ ли царя Касимовскаго или нѣтъ — изъ дошедшихъ до насъ описаній этихъ походовъ не видно, такъ какъ одно указаніе Казанскаго лѣтописца, утверждающаго, будто Шахъ-Али, предъ построеніемъ Свіяжска, былъ вызванъ изъ Касимова, еще ничего не значитъ. Но вотъ данныя, заимствованныя изъ той же самой эпохи, которыя ясно свидѣтельствуютъ, что и въ походахъ 1549 и 1550 г. и начала 1551 г., Шахъ-Али участвовалъ, такъ же точно, какъ и въ войнѣ съ Казанью 1547 и 1548 г.,

въ качествѣ царя Касимовскаго. Въ *Башм. разр. кн*, въ росписи воеводъ, которые стояли «съ Николина дня вешняго» 1550 г., значится, между прочимъ: «Въ Мещерѣ князь Дмитрей Ивановичь Хилковъ. *У царя Шигалея въ городкѣ* околничей Яковъ Андрѣевичь Салтыковъ». За тѣмъ, подъ мѣсяцомъ августомъ того же 1550 г., въ *Башм.* же *разр. кн.* читаемъ: «И августа въ 6 день писалъ къ государю на Коломну *изъ городка царь Шигалей*, что пришли на Мещерскія мѣста многіе люди (Крымцы)».

Собственно о Касимовѣ и тамошнихъ Татарахъ, за весь періодъ времени отъ конца 1546 до августа 1551 г., знаемъ мы только, что во время приготовленій къ Казанскому походу, въ ноябрѣ 1549 г., чрезъ городокъ проѣзжали Ногайскіе послы, и что государь, получившій объ этомъ извѣстіе уже на пути во Владиміръ, отправилъ въ Касимовъ приказаніе отпустить пословъ къ Москвѣ Рогожскою дорогою (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 203). Да еще знаемъ мы, что другіе Ногайскіе же послы, которые пріѣзжали къ намъ въ октябрѣ того же 1549 г., и которымъ сказано было ѣхать на Мещеру, побоялись идти этой дорогой изъ за Городецкихъ Татаръ, и шли на Рязань (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 171). Не трудно понять такую недовѣрчивость со стороны Ногайцевъ: стоитъ припомнить прежнія жалобы ихъ на Касимовцевъ (см. выше, стр. 287 и 310).

Въ августѣ 1551 года, Казанцы выдали Русскимъ хана своего Утямишь-гирея съ матерью его Сююнъ-

бекою [125]). Великій князь, согласно ихъ же просьбѣ,

[125]) Утямишь-гирей былъ привезенъ съ матерью въ Москву въ сентябрѣ 1551 г. (*Царк.* 181; *Ник.* VII, 85; *Лв.* IV, 246). Въ послѣдствіи, именно 8-го января 1553 г., онъ былъ крещенъ и названъ Александромъ (*Царк.* 332, 333; *Ник.* VII, 198, 199; *Лв.* V, 4, 5; *Лѣт. Норм.* 70). Онъ умеръ 11-го іюня 1566 г., и погребенъ былъ въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ (Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. Ч. I. 1792. Москва, стр. 150). — Сююнъ-бека (سيون بيكه) была та самая дочь Ногайскаго князя Юсуфа, на которой, съ дозволенія великаго князя Василія, женился ханъ Джанъ-Али, и которую потомъ взялъ за себя Сафа-гирей (см. о ней выше, пр. 118, стр. 325, 326, и пр. 121, стр. 338). Подтвержденіе этому мнѣнію найдемъ мы ниже; въ пользу его клонится и сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, который зоветъ Сююнъ-беку (Сумвѣрну, Сумбеку) Ногаянкою (см. выше, пр. 120, стр. 335), и дочерью Юсуфа, князя Заяицкаго или Ногайскаго (*Ик.* 152; *Подр. лѣт.* II, 134). Сююнъ-бека въ Казани пользовалась большою извѣстностью; имя ея до сихъ поръ живетъ въ памяти народной, и даже теперь въ Казани существуетъ старинная башня, слывущая Сююнъ-бекиной (см. Рыбушкинъ. Краткая исторія города Казани. Казань. Ч. I. 1848, стр. 85—87; Erdmann. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Erster Theil. Riga und Dorpat. 1822, стр. 193, 194; Фуксъ, Краткая исто-

рія города Казани. Казань. 1817, гдѣ приложенъ и рисунокъ самой башни). Разсказъ о власти, которою Сююнъ-бека пользовалась по смерти Сафа-гирея, во все время царствованія Утямишь-гирея, о тогдашней связи ея съ извѣстнымъ Кучакъ-огланомъ (قوجاق اوغلان), и о томъ, какъ она едва не отравила Шахъ-Алія, можно видѣть въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 129—152; *Подр. лѣт.* II, 116 — 135). Быть можетъ, въ разсказѣ этомъ заключается и доля правды. Сююнъ-бека, по увѣренію сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ (см. выше, пр. 118, стр. 325, и пр. 120, стр. 335), была по времени выхода своего замужь за Сафа-гирея, одной изъ меньшихъ его женъ, а именно пятой. Если это и было такъ, то она, должно быть, считалась старшей его супругой (см. сказанное выше въ пр. 21, на стр. 53), по вліянію отца ея, и по той зависимости, въ которой онъ могъ держать Сафа-гирея, обязаннаго ему престоломъ: не даромъ же ребенокъ Утямишь, въ 1549 г., не смотря на происки противной партіи, желавшей имѣть «сверстнаго царя» (см. выше, пр. 120, стр. 335, 336), былъ признанъ ханомъ помимо старшихъ его братьевъ, рожденныхъ отъ другихъ женъ. А такіе братья у него были не только въ Крыму, какъ пишетъ Мухаммедъ-Риза (см. выше, пр. 120, стр. 336; Риза въ томъ же мѣстѣ, гдѣ говоритъ о Булякѣ, упоминаетъ еще объ одномъ сынѣ Сафа-гирея, Мубарекъ-гиреѣ, также находившемся о ту пору въ Крыму; сл. Nouv. Journ. Asiat. T. XII, стр. 369), но даже и въ самой Казани. «А въ городѣ», сказано въ *Царк.* при описаніи

осады Казани Русскими въ 1550 г. (см. выше, пр. 123, стр. 342), «изъ пушекъ убили Царевича Меньшицына сына». Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, о какомъ то сынѣ Сафа-гирея, рожденномъ не отъ Сююнъ-беки, а отъ другой жены *младшей*, который былъ на столько взрослъ, что могъ быть убитъ, сражаясь при защитѣ города.

призналъ царемъ у нихъ Шахъ-Алія. Новый ханъ покинулъ Свіяжскъ, гдѣ онъ жилъ съ весны, и 16-го августа въѣхалъ въ столицу, въ сопровожденіи 300 Городецкихъ князей, мурзъ и Татаръ [126]), и 200

[126]) *Царк* 183,184: Августа 16 (7059); поѣхалъ Царь на царство въ Казань, а съ нимъ по Государеву наказу Бояре его Князь Юрьи Михайловичь Голицынъ, да Иванъ Ивановичь Хобаровъ, да Діакъ Иванъ Григорьевъ Выродковъ, тѣ его и на царство посадили; и здоровали ему Бояре тогожъ дни на Государевѣ жалованіе, на царствѣ Казанскомъ; да со Царемъ же въ Казань поѣхало триста человѣкъ городецкихъ Князей, и Мурзъ, и Казаковъ, да двести Стрѣльцовъ съ двема Сотники Царя и Великого Князя; а жили всѣ у Царя на дворѣ (*Ник*. VII, 87; *Лв*. IV, 250).

стрѣльцовъ Русскихъ. Уже за три дня предъ тѣмъ, посланы имъ были дворецкой его Шахбазъ князь (شهباز بيك), и конюшей Битике князь (بيتكه بيك) съ вещами, чтобы приготовить во дворцѣ все нужное для пріема [127]).

[127]) *Царк.* 182: А въ городъ въ Казань Царь Шигалей (августа въ 13 день) послалъ Дворецкаго своего Шабаса Князя, да Конюшего своего Битикея Князя, со всѣмъ своимъ кошемъ (кошь, قوش — слово Татарское, употребительное и нынѣ, означаетъ: домъ, домашняя утварь), и велѣлъ устроивать дворъ свой (*Ник.* VII, 85; *Лв.* IV, 247, 248).—Особаго дворецкаго и конюшаго Шахъ-Али имѣлъ не потому, что объявленъ былъ царемъ Казанскимъ: въ лѣтописяхъ читаемъ, что Шахъ-Али изъ Свіяжска, въ іюнѣ 1551 г., когда еще и рѣчи не было о возведеніи его на престолъ Казанскій, присылалъ къ государю въ Москву «дворецкаго своего Шабаса князя Шамова» (*Царк.* 170; *Ник.* VII, 77; *Лв.* IV, 232; *Лѣт. Норм.* 58). Оказывается, что Шахъ Али, живя въ Россіи, имѣлъ свой особый дворъ, либо по званію царя Касимовскаго, либо просто по своему царскому сану. Шахбазъ князь оставался дворецкимъ при Шахъ-Алiѣ во все время управленія имъ Казанью въ 1551 и 1552 годахъ. Онъ объ эту пору довольно часто упоминается, и даже разъ пріѣзжалъ отъ Шахъ-Алія посломъ къ Ивану; писался онъ и Шибасъ (*Царк.* 189; *Ник.* VII, 919; *Лв.* IV, 256).

Не надежда на мирное и доброе управленіе принудили Казанцевъ свести Утямиша съ престола, и у государя Русскаго выпросить себѣ на царство Шахъ-Алія, который уже два раза управлялъ ими и былъ изгнанъ. Крайняя необходимость заставила народъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Послѣ построенія Свіяж-

ска, Русскіе сильно тѣснили Казань; сами нагорные жители Волги (Чуваши, Черемисы и Мордва), ближайшіе сосѣди и давнишніе подданные ханства, склоненные на нашу сторону страхомъ и подарками, служили Русскимъ, и опустошали земли своихъ прежнихъ властелиновъ. Въ Шахъ-Аліѣ, присяжникѣ великагô князя, Казанцы видѣли не царя, а средство выдти изъ отчаяннаго положенія, и оправиться, хотя на время, отъ пагубной для нихъ борьбы съ Россіей.

Съ первой же минуты своего вступленія на престолъ Шахъ-Али очутился въ положеніи трудномъ и стѣсненномъ. Надобно знать, что при возведеніи его на ханство, государь Московскій призналъ его царемъ не на прежнихъ основаніяхъ, а далъ ему Казань, луговую сторону и Арскую; нагорную же, какъ завоеванную мечемъ, оставилъ причисленною къ Свіяжску. Ужь это одно должно было возбудить всеобщее неудовольствіе; примѣшались и другія обстоятельства. Начались притязанія съ обѣихъ сторонъ: Казанской и Русской; изъ нихъ каждая смотрѣла на новаго хана, какъ на лицо, обязанное служить исключительно ея интересамъ. Казанцы требовали, чтобы Шахъ-Али выпросилъ обратно нагорную сторону; глядѣли недовѣрчиво на всѣ его поступки, видя въ нихъ потворство великому князю; бушевали и не слушались. Русское правительство, лаская какъ Шахъ-Алія, такъ и князей Казанскихъ и даже Городецкихъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ

велъ съ собою въ городъ, вмѣстѣ съ тѣмъ строго приказывало, чтобы ханъ привелъ Казань въ такую же точно совершенную зависимость отъ государя Московскаго, въ какой находился Касимовъ [128]).

[128]) *Царк.* 188, 189: Тогоже мѣсяца (сентября 7060); отпустилъ Царь и Великій Князь въ Казань ко Царю Шигалею, Боярина своего Князя Дмитрія Өедоровича Палецкого, да съ нимъ Діака Ивана Клобукова; а съ нимъ послалъ ко Царю Шигалею великое свое жалованіе платіе, и суды, и деньги; также и Царицѣ его, которую въ Казани взялъ Саөакиреевскую Царицу; а Княземъ Казанскимъ и городецкимъ, многое свое жалованіе послалъ, платье, и деньги, и сукна; а приказывалъ ко Царю и земли Казанской жалованное слово за службу... Ко Царю со Княземъ Дмитріемъ приказывалъ, чтобы Царь... укрѣпилъ бы Казань крѣпко Государю, да и собѣ, какъ Касимовъ городокъ, чтобы при немъ и послѣ его была не подвижна, и кровь бы на обѣ стороны престала на вѣки, и чтобы о томъ Царь Шигалей крѣпко (*Ник.* VII, 91; *Лв.* IV, 257, 258). *Царк.* 191: Тогоже мѣсяца (ноября 7060); послалъ Царь и Великій Князь въ Казань ко Царю Шигалею Алексѣя Адашева; а велѣлъ говорити Боярину своему Князю Дмитрію, (и) Алексѣю о томъ накрѣпко Царю Шигалею, чтобы Царь Казань крѣпко устроилъ Государю какъ городокъ, чтобы кровь Христіанская не лилась (*Ник.* VII, 93; *Лв.* IV, 262).

Что было дѣлать Шахъ-Алію? Угождать однимъ,

значило возстановлять противъ себя другихъ. Тщетно ханъ писалъ въ Москву, и молилъ, чтобъ ему отдали нагорную сторону. Государь, для котораго столь важная уступка была невозможна, отвѣчалъ каждый разъ отказомъ, и Казанцы оставались по прежнему недовольны. Мало того, въ городѣ стали затѣваться заговоры. Ханъ началъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости; такъ, въ два дня, по его приказанію, погибло до 70 человѣкъ князей, оглановъ и мурзъ. Жестокость только раздражала умы. Напрасно, желая сколько нибудь угодить народу, глядѣлъ Шахъ-Али равнодушно, какъ Казанцы и даже его собственные Городецкіе Татары держали въ рукахъ у себя Русскихъ плѣнныхъ. Слухъ объ этомъ послабленіи доходилъ до Москвы, и навлекалъ непріятности со стороны Русскаго правительства[129].

[129] *Царк.* 192: И Князь Дмитрій по Государеву наказу Царю то отмолвилъ... а вѣдаешь самъ, колько Государемъ нашимъ отъ Казани безчестія и убытковъ, и нынѣ полонъ Христіанской у себя держатъ въ неволѣ; давъ правду Государю нашему лжютъ; а многіе и городецкіе, кои съ тобою пріѣхали, тобѣ вѣдомо, полонъ Христіанской держатъ въ неволѣ; а впередъ будутъ таковы же Казанцы, а Государю нашему видѣвъ въ работѣ Христіанство какъ терпѣти (*Ник.* VII, 94, гдѣ вмѣсто: «тобѣ вѣдомо, полонъ Христіанской держатъ въ неволѣ», значится: «то мѣсто вѣдомо полонъ христіанской держали в неволѣ»; *Ле* IV, 263, 264).

Шахъ-Али вздумалъ было жаловаться на свое безсиліе, и говорилъ, что ему остается только бѣжать въ Москву. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ предложеніе, прискорбное для его сердца, въ которомъ еще была жива любовь къ сородичамъ и мусульманамъ: «укрѣпить городъ людьми Русскими».

Дѣла, очевидно, не могли долго оставаться въ подобномъ напряженномъ положеніи.

Развязка послѣдовала въ началѣ 1552 года. Государь, которому объ эту пору нѣкоторые Казанскіе князья, враги Шахъ-Алія, внушили изъ подъ руки, будто жители Казани готовы принять къ себѣ Московскаго намѣстника, послалъ, въ февралѣ, Алексѣя Адашева свести хана съ престола, и приказать ему сдать городъ Русскимъ. Тутъ къ чести Шахъ-Алія надобно сказать, что онъ съумѣлъ выказать, въ нѣкоторой степени, твердость и благородство характера. Когда Адашевъ, исполняя волю государеву, обратился къ нему съ требованіемъ, чтобъ онъ впустилъ добровольно людей великаго князя въ городъ, обѣщая ему за то, отъ имени Ивана, все чего бы онъ ни захотѣлъ, то Шахъ-Али отвѣчалъ, что покинуть столицу и сойти съ престола онъ готовъ, но что сдать городъ Русскимъ, и окончательно наложить руку на родную мусульманскую землю онъ не можетъ никакъ. Марта 6-го 1552 года, Шахъ-Али выѣхалъ изъ Казани въ сопровожденіи бывшихъ при немъ Русскихъ стрѣльцовъ, многихъ князей и мурзъ Казанскихъ, и своихъ Городецкихъ Татаръ, подъ

предлогомъ рыбной ловли на озерѣ. За городомъ, онъ объявилъ, что покидаетъ совершенно царство по приказанiю государя, и за тѣмъ, встрѣченный нашими воеводами на Волгѣ, перебрался въ Свiяжскъ. Таковъ былъ конецъ третьяго и послѣдняго управленiя Шахъ-Алiя Казанскимъ ханствомъ [130]).

130) *Царств.* 195, 196: Тоя же зимы, Марта 6 (7060), въ первую недѣлю Святаго поста; выѣхалъ Царь Шигалей изъ Казани на езеро рыбы ловити; а съ нимъ многiе Князи и Мырзы Казанцы, и городецкiе, и всѣ пять сотъ стрѣльцовъ Великого Князя; и выѣхавъ Царь изъ Казани, говорилъ Казанскимъ Княземъ и Мурзамъ; хотѣли есте меня убити, и били есте челомъ на меня Царю Великому Князю, чтобы меня свелъ; а язъ надъ вами лихо дѣлаю; а далъ бы вамъ Намѣстника, и Царь Князь Великiй велѣлъ и мнѣ съ Казани съѣхати, и язъ къ нему ѣду; а васъ съ собою къ нему веду; тамъ ся управите. И прiѣхалъ Царь со всѣми тѣми людьми во Свiяжской городъ; а Воеводы его встрѣтили на Волгѣ; и вывелъ съ собою Царь Князей Казанскихъ и Мырзъ восьмдесятъ четыре человѣка (*Ник.* VII, 97, гдѣ не «городецкiе», а «горадцкие»: *Лѣт.* IV, 269, 270, гдѣ писано еще вѣрнѣе: «Городецкiе»).

Про то что происходило въ Касимовѣ, пока бывшiй тамошнiй ханъ, Шахъ-Али, властвовалъ въ Казани, отъ августа 1551 г. до марта 1552 г., особеннаго сказать нечего. Вѣроятно городокъ оставался безъ

владѣльца. Промежутокъ времени былъ не великъ. Да и царей или царевичей Татарскихъ, которымъ бы можно было пожаловать городокъ, о ту пору, при дворѣ Московскомъ, не имѣлось. Утямишь, только что плѣненный, былъ чрезъ чуръ малъ; Шахъ-Али Акъ-даулетовъ, который еще не такъ давно находился въ Россіи, болѣе не существовалъ, по крайней мѣрѣ послѣ 1541 г. (см. выше, пр. 113, стр. 314) о немъ не упоминается нигдѣ; Ядигаръ же, царевичь Астраханскій, жившій одно время у насъ съ 1542 г. (см. выше, пр. 115, стр. 316), успѣлъ уже отъѣхать, и скитался въ степяхъ Ногайскихъ (см. ниже, пр. 135, стр. 370). Правда, былъ у насъ царь Астраханскій Дервишь-Али, короче Дервишь (درويش على, درويش); но и онъ прибылъ въ Россію не ранѣе какъ въ октябрѣ 1551 г., и ему, въ январѣ 1552 г., пожаловалъ государь Звенигородъ, куда онъ и отправился въ мартѣ мѣсяцѣ. Только проѣздомъ въ Москву, въ октябрѣ 1551 г., останавливался Дервишь на нѣсколько дней въ Касимовѣ (*Сб. гос. гр.* II, № 39, стр. 47 — 50; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 313, 315, 318, 322) [131]).

[131]) Если вѣрить нашимъ родословнымъ книгамъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46, 49), Дервишь-Али (*Коп.*, *Син.* Дербышь; *Арх.* Дербишь; *Род.* Дервишъ) былъ сынъ Шейхъ-Хайдера (شيخ حيدر; *Коп.* Шиадеръ; *Син.* Аидаръ, Шихъ Аидаръ; *Арх.* Шайдаръ; *Род.* Аидаръ) и внукъ Шейхъ-Ахмеда, хана Золотой Орды

(о Шейхъ-Ахмедѣ см. выше, пр. 49, стр. 112 - 123, пр. 58, стр. 144—147 и пр. 85, стр. 249, 250). Въ одной только статьѣ *Син.* списка: *Родъ болшие же Орды Царей*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129, Дервишъ названъ сыномъ Шейхъ-Ахмеда. «А у Шахъ Амета», сказано тамъ, «дѣти: Шихалей Салтанъ, да Дербышъ Салтанъ, былъ на Астрахани». Дервишь-Али былъ возведенъ на Астраханскій престолъ въ 1537 г., на мѣсто царя Абд-ур-рахмана (عبد الرحمن). «А Астрахань», читаемъ въ *Лв.* IV, 97, «пришедъ Нагайскіе Мырзы взяли, и Абдылъ Рахмана царя со Астрахани сослали, а на Астрахани посадили царемъ Дервешелея». Чрезъ нѣсколько времени Дервишъ былъ принужденъ уступить престолъ снова Абд-ур-рахману. «Тогожъ мѣсяца (сентября 7048=1539) 20», сказано въ *Лв.* IV, 122, 123, «Великій Князь Иванъ Васильевичь послалъ въ Астрахань ко Абдылъ-Рахману царю Андрея Степанова сына Повадина съ грамотою, а писалъ Великій князь въ грамотѣ о царевѣ здоровьѣ и съ нимъ вмѣстѣ отпустилъ и царева человѣка Эпбоеду съ товарищи» (см. также выше, пр. 115, стр. 316). Мѣсто Абд-ур-рахмана въ Астрахани занялъ въ послѣдствіи Ямгурчи (یغورجی). Въ нашихъ лѣтописяхъ Ямгурчи упоминается въ первый разъ, подъ 1551 г. «Тогожъ мѣсяца (августа) 59 году», значится въ *Царк.* 186, «пришли ко Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руссіи изъ Асторахани отъ Емгурчія Царя Ишимъ Князь съ товарищи; а били челомъ Царю и Великому Князю отъ Емгурчія Царя, чтобъ его Царь и

Великій Князь пожаловалъ велѣлъ себѣ служити и со Яртомъ (чит. Юртомъ), и жаловалъ бы его, какъ и Шигалея Царя, и иныхъ Царей, которые ему служатъ» (*Ник.* VII, 89; *Лв.* IV, 254, 255; ср. *Ст.* II, 271; *Подр. лѣт.* II, 241, гдѣ царь названъ Елигурчеемъ, а посолъ — Ишипомъ). Но уже въ 1549 г, Ямгурчи властвовалъ въ Астрахани (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 189). Престоломъ Ямгурчи обязанъ былъ Черкасамъ. «Бѣлово Князя *Черкасы* бѣглые холопи», писалъ Ногайскій мурза Белекъ-Булатъ государю Ивану Васильевичу въ 1551 г., «были *Акобекъ* Царь съ Черкасы по женитве въ свойстве учинилися, и они ему юртъ ево взявъ дали. И *Ямгурчей* Царевичь въ свойствѣ учинился, и ему братство учинили, Юртъ его взявъ далиже (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 317). Во все время отъ низверженія своего съ престола до конца 1551 г., пока въ Астрахани царствовали Абд-ур-рахманъ и Ямгурчи, Дервишъ скитался то у насъ, то у Ногайцевъ, которые вообще держали его сторону. Еще въ 1548 г. Дервишъ находился въ Россіи, но въ февралѣ 1549 г. онъ былъ отпущенъ, по просьбѣ Ногайскихъ мурзъ, въ ихъ улусы. Тамъ онъ и жилъ до прибытія своего въ Россію въ исходѣ 1551 г. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 114 — 126, 135 — 288).

По выѣздѣ изъ Казани, Шахъ-Али недолго жилъ въ Свіяжскѣ. Съ начала Казанцы едва не впустили Русскаго намѣстника, и даже присягнули государю Московскому, выдавъ, по требованію бояръ, мень-

шую жену Шахъ-Алія, которая оставалась еще въ городѣ [132]). Потомъ измѣнили и взбунтовались. Видя

[132]) *Царк.* 197—199: Да говорили Бояре Казанцомъ, чтобы Царицу Шегалееву, Цареву измѣнницу (чит. какъ въ *Ник.* и *Лв.*: «и меншицу»), прислали въ Свіяжской городъ; чтобы Царица въ тѣ поры въ городѣ въ Казани не была, какъ князь Семенъ (Ивановичь Микулинскій, назначенный намѣстникомъ Русскимъ) въ городъ пріѣдетъ, а Царь Шигалей объ ней Бояромъ говорилъ. И Князь Семенъ Ивановичь съ товарищи послалъ въ городъ Казань Ивана же Черемисинова, да съ нимъ толмача Өетька Палецкого достальныхъ людей ихъ къ правдѣ приводити, и того смотрити, нѣтъ ли какова лиха... И тоеже нощи Иванъ Черемисиновъ прислалъ къ Бояромъ, что далъ Богъ ни котораго лиха нѣтъ; Царицу отпускаютъ, дворъ опоражниваютъ; а сельскіе люди давъ правду, и по селомъ разъѣзжаются... И тогожъ мѣсяца (марта) Бояре Князь Семенъ Ивановичь, да Иванъ Васильевичь Шереметевъ, да Князь Петръ Серебреной съ товарищи поѣхали къ городу Казани... И Царицу встрѣтили Бояре на Волзѣ же, и послали ее въ Свіязской городъ къ Царю Шигалею (*Ник.* VII 98, 99; *Лв.* IV, 272, 273).— Упоминаемая здѣсь жена Шахъ-Алія, «меньшица», была, по всей вѣроятности, вдова Сафа-гирея, которую Шахъ-Али взялъ за себя, вскорѣ по вступленіи на престолъ Казанскій въ 1551 г., и къ которой государь посылалъ тогда подарки (см. выше, пр. 128, стр. 353). Не она ли была та самая «меньшица»,

Сафа-гиреева жена, у которой Русскіе убили сына въ 1551 г., при осадѣ Казани (см. выше, пр. 123, стр. 342, и пр. 125, стр. 349, 350)? Сколько было женъ у Сафа-гирея и которая изъ нихъ именно могла быть этою «меньшицею»,—не знаемъ. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, какъ мы видѣли выше (см. пр. 120, стр. 335, 336), насчитывалъ у Сафа-гирея, кромѣ Сююнъ-беки, четыре жены. Первая, большая (т. е. какъ я думаю, большая въ смыслѣ: первая по времени выхода за мужъ; см. сказанное выше въ пр. 125, стр. 349) была родомъ изъ Сибири, *Сибирка* (см. также *Ик.* 91, и *Подр. лѣт.* II, 113); вторая была дочь Астраханскаго царя; третья происходила изъ Крыма, изъ рода Ширинъ, и наконецъ четвертая была Русская, плѣнная дочь какого то князя. Но, по словамъ того же автора Исторіи о Казанскомъ царствѣ, трое изъ этихъ женъ были, по кончинѣ Сафа-гирея въ 1549 г., отосланы на родину; четвертая же, Русская, умерла вскорѣ послѣ возвращенія Сафа-гирея «изъ Нагаи», т. е. вскорѣ послѣ 1546 г. Значитъ, изъ нихъ ни одна не могла быть тою меньшицею, которая насъ занимаетъ. Въ лѣтописяхъ упоминается еще объ одной женѣ Сафа-гирея, дочери Ногайскаго мурзы Мамая, которую Казанцы въ 1532 г., предъ воцареніемъ Джанъ-Алія, выслали къ отцу ея (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 277; *Ник.* VI, 242; *Лв.* III, 408). По убіеніи Джанъ-Алія въ 1535 г. и вторичномъ воцареніи Сафа-гирея, жена эта возвратилась въ Казань (*Лв.* IV, 62, 63). Въ перепискѣ сыновей князя Ногайскаго Юсуфа съ Иваномъ IV въ

1551 г., говорится о женахъ Сафа-гирея, царицахъ, которыя зимовали въ 1546 г. въ Ногайскихъ улусахъ (см. выше, пр. 118, стр. 323).

это, Шахъ-Али расположился было весновать въ Свіяжскѣ, но государь распорядился иначе. По его приказанію, въ апрѣлѣ 1552 г., Шахъ-Али съ женою, выданною ему Казанцами, въ сопровожденіи окольничаго Владиміра Морозова, былъ отпущенъ въ Касимовъ, уступленный ему снова въ удѣлъ [133].

[133]) *Царк.* 202: А Воеводы приговоря съ Царемъ Шигалеемъ; Царь остался весновати во Свіяжскомъ городѣ и съ Царицею; а къ Государю поѣхалъ Бояринъ Иванъ Шереметевъ; да и всѣ Посланники съ нимъ же поѣхали. И пріѣхалъ къ Государю въ навечеріе Благовѣщенія Пречистыя; и сказали Государю Казанскую измѣну; Государь же о семъ не усумнѣвся ни мало. А самъ Государь умышляетъ, какъ за ихъ измѣну съ ними стояти, и отпущаетъ во Свіяжской градъ въ судѣхъ слѣдомъ вмѣстѣ Боярина своего и дворецкого Даніила Романовича; а съ нимъ дѣтей Боярскихъ и казаковъ: а Царю Шигалею велѣлъ ѣхати и со Царицею въ городокъ; а приказалъ Даніилу со Царемъ отпустити Околничего Володимера Морозова (ср. *Ник.* VII, 101, и *Лѣ.* IV, 277—279). *Царк.* 205: Тоя весны Апрѣля; пригонилъ Михалко Шипиловъ ко Государю отъ Свіяжскихъ Воеводъ, отъ Боярина и Воеводы Князя Семена Ивановича, и отъ всѣхъ Бояръ и Воеводъ съ грамотами; а въ

грамотахъ пишетъ, что къ нимъ пріѣхалъ Бояринъ и Дворецкой Данило Романовичь; что Царя Шигалея, и со Царицею въ верхъ отпустили по Государеву наказу (*Ник.* VII, 104; ср. *Лѣт. Норм.* 60; въ *Лв.* IV, 283, въ этомъ мѣстѣ пропускъ). *Ик.* 176 — 178: Царьже *Шихъ Аллѣй* пришедъ к Москвѣ из Казани иста предъ самодержцемъ... Царьже Князь великіи служилаго ему Царя *Шихъ Аллѣя* дарьми великими одаривъ за великую службу его и отпусти его счестию въ вотчину свою Касимовъ градъ (см. тамъ же, стр. 184, 186 и *Подр. лѣт.* II, 153—155). *Отрывокъ Русской Лѣтописи,* П. С. Р. Л. VI, 308, 309 (Посланіе отъ митрополита Макарія великому князю): Бывшю же царю (Шахъ-Алію) у нихъ (Казанцевъ) мало время, и они же окаянніи не возлюбиша его и хотяше убити его; видѣвъ же неистовство ихъ царь, окаянныхъ Казанцовъ лукавыхъ, изыде изъ земли ихъ и иде на Русь въ свою землю, въ Касимовъ (*Сер.* II, 412; ср. *Подр. лѣт.* II, 190, 191).

Во все время пребыванія Шахъ-Алія въ Свіяжскѣ, съ марта по апрѣль, оставались при немъ и Городецкіе Татары, которые были съ нимъ въ Казани. По крайней мѣрѣ знаемъ мы, что чрезъ нѣсколько времени послѣ выѣзда Шахъ-Алія изъ Казани, когда воеводы наши шли занять городъ, нѣкоторые князья тамошніе, бунтуя народъ, увѣряли его, будто Русскіе хотятъ побить всѣхъ жителей столицы ханства, и говорили, что слышали это отъ Городецкихъ Татаръ и отъ Шахъ-Алія. «А слышали сказываютъ», читаемъ въ *Царк.* 199, «отъ городѣтцкихъ Татаръ; иные го-

ворятъ и отъ самого Царя Шигалея» (*Ник.* VII, 99; *Лв.* IV, 274). Быть можетъ, Городецкіе Татары и возвратились вмѣстѣ съ Шахъ-Аліемъ въ Касимовъ. Одинъ изъ Городецкихъ Татаръ, состоявшихъ при особѣ Шахъ-Алія въ теченіи всего этого времени, извѣстенъ даже по имени; то былъ Нуръ-Али (Муралей) мурза, ясаулъ, Городецкой (نور على مرزا يساول). Онъ пріѣзжалъ гонцомъ отъ Шахъ-Алія къ Ивану въ сентябрѣ 1551 г. (*Царк.* 187; *Ник.* VII, 90; *Лв.* IV, 256).

Въ маѣ государь вызвалъ Шахъ-Алія къ себѣ въ Москву. Здѣсь, сдѣланный ему пріемъ былъ какъ нельзя болѣе милостивъ. Ханъ получилъ многія села въ Мещерѣ, о которыхъ онъ просилъ, и сверхъ того ему дано было дозволеніе жениться на плѣнной царицѣ Сююнъ-бекѣ [134]).

[134]) *Ник.* VII, 115: И тогожъ мѣсяца (мая) посылаетъ Государь в городокъ по царя Шигалѣя, и царь к Москве пріѣхалъ; и Государь царя Шигалѣя жаловалъ великимъ жалованиемъ, и чего Шигалѣі просилъ у Государя в Мещере селъ многихъ, тѣ ему подавалъ. Да билъ челомъ Шигалѣі Государю о Сюнбекъ царице о саѳакиреевскоі цареве, а прежъ Саѳакирѣя была она за шигалѣевымъ братомъ в Казани за Яналѣемъ царемъ, и Государь царя пожаловалъ царицу за него далъ (ср. *Лв.* IV, 303; ср. также *Царк.* 218, гдѣ стоитъ невѣрно: «о Царѣ Сюнбекъ о Сафакиреевской Царевнѣ»). *Лѣт.Норм.* 61: И того жь мѣсяца посылаетъ Государь по Царя Шигалея, и Царь к Москвѣ пріѣхалъ, и Государь Ца-

ря Шигалея пожаловалъ великимъ жалованьемъ, чего Шигалей просилъ: добилъ челомъ Шигалей Государю о Царицѣ Сюнбекѣ, о Саѳа-Киреевской Царицѣ, а прежь Саѳа-Кирея была она за Шигалеевымъ братомъ в Казани за Еналеемъ Царемъ; и Государь Царя пожаловалъ Царицу за него далъ.—Еще въ февралѣ 1552 г., когда Шахъ-Али царствовалъ въ Казани, государь Иванъ Васильевичь извѣщалъ Ногайскаго князя Юсуфа о намѣреніи выдать дочь его Сююнъ-беку за Шахъ-Алія, «А Саѳагирѣевъ Царевъ сынъ *Утемешь Кирѣй* Царь», говорилъ Иванъ Юсуфу въ грамотѣ, писанной въ январѣ и посланной въ февралѣ 1552 г., «за отца своего грубость ныне у насъ на Москвѣ. А мати ево *Сююнбекъ* Царица къ намъже приехала, а *Шигалѣй* Царь у себя ее держати не захотѣлъ. И мы тебя для дочерь твою Сююнбекъ Царицу пожаловали великимъ своимъ жалованьемъ платьемъ и ествою издоволили, и сына ее Утемешь Кирѣя Царя ейже кормити дали. И впередь хотимъ ее за Шигалѣемъ Царемъ учинити. А Утемешь Кирѣй Царь какъ подростетъ, и мы ево хотимъ тогды Юртомъ устроити» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 310, 311). Въ маѣ 1552 г. пришли въ Москву отъ Юсуфа и отъ Ногайскихъ мурзъ грамоты, въ которыхъ они просили выдать Сююнъ-беку и Утамиша (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 329, 330, 333; IX, 3—5, 7, 8). Иванъ отвѣчалъ однимъ, что Сююнъ-бека выходитъ, а другимъ — что она уже вышла за Шахъ-Алія. «И мы для *Юсюва* Князя и васъ для всѣхъ», писалъ Иванъ мурзѣ Хайдеру, въ маѣ мѣсяцѣ, «Царицу

жалуемъ. А хотимъ ее дати за *Шигалѣя* Царя тово для, чтобы вы о томъ порадовалися» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 26, 27). «Прислалъ еси къ намъ», писалъ Иванъ мурзѣ Исмаилу, въ іюнѣ мѣсяцѣ, «просити *Юсуфовы* дочери *Сююнъбекъ* Царицы, чтобъ намъ еѣ къ вамъ отпустити. И мы ее хотѣли къ вамъ отпустити. И *Шигалѣй* Царь намъ билъ челомъ, что и Сююнбекъ Царица Юртъ его, что была за братомъ ево за *Еналѣемъ* Царемъ, и по вашему закону пригоже за нимъ быти. И мы вашу дружбу къ себѣ попаметовали, Сююнбекъ Царицу полонянкою не захотѣли держати. Учинили есмя Царицѣ добрую честь васъ для, и дали ее за брата своего Шигалѣя Царя, а *Отемишь Кирѣя* Царя дали есмя еиже кормити. И выбъ слыша то наше добро къ себѣ порадовалися, и намъ бы есте противъ свою крепкую правду держали (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 334, 335; ср. тамъ же, стр. 336). Юсуфу, сыну его Юнусу и нѣкоторымъ мурзамъ, Иванъ писалъ даже, что Сююнъ-бека, по собственному желанію, вышла за Шахъ-Алія (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 10, 11, 13—15). Быть можетъ и то, что Иванъ, получивъ отъ Ногайскихъ мурзъ просьбы выдать имъ Сююнъ-беку и Утямиша, поспѣшилъ свадьбою ханьши съ Шахъ-Аліемъ, чтобы не выпустить столь важныхъ плѣнныхъ изъ своихъ рукъ.

Въ примѣчаніи 125, на стр. 348, я высказалъ мнѣніе, что Сююнъ-бека была именно та самая дочь Юсуфа, князя Ногайскаго, которая съ начала была за Джанъ-Аліемъ, а потомъ за Сафа-гиреемъ. При этомъ я за-

мѣтилъ и то, что подтвержденіе этому будетъ найдено ниже. Данныя, приведенныя мною въ настоящемъ примѣчаніи, свидѣтельствуютъ, какъ нельзя лучше, о справедливости высказаннаго мною мнѣнія.

Отчего Юсуфъ, который, если припомнимъ (см. выше, пр. 121, стр. 338), самъ въ 1549 г. предлагалъ выдать дочь свою за Шахъ Алія, вздумалъ въ 1552 г. отказываться отъ этой свадьбы, и просить Сююнъ-беку къ себѣ — понять не трудно. Въ 1549 г. Сююнъ-бека жила на свободѣ, и Шахъ-Али могъ со дня на день сдѣлаться ханомъ въ Казани. Въ 1552 г. въ маѣ, когда пришла просьба Юсуфа и мурзъ, Сююнъ-бека была плѣнницею, и Юсуфъ хорошо видѣлъ, что Шахъ-Алію нельзя болѣе владѣть Казанью. Съ перемѣною обстоятельствъ, измѣнился и взглядъ князя Ногайскаго. Быть можетъ Юсуфъ, которому родственная связь съ Шахъ-Аліемъ уже не представляла никакой выгоды, прочилъ дочь свою за новаго хана Казанскаго.

Въ это время въ Москвѣ готовились къ походу противъ Казани. Тамъ уже властвовалъ новый ханъ, Астраханскій царевичь Ядигаръ-Мухаммедъ или просто Ядигаръ, тотъ самый, который, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, жилъ при дворѣ Московскомъ, и въ послѣдствіи удалился въ Ногайскіе улусы (см. выше, стр. 357)[135]. Часть войскъ нашихъ уже была

[135]) Ядигаръ-Мухаммедъ былъ сынъ Астраханскаго царя Касима. «А сказываютъ», значится въ *Царк.* 207, «что пришелъ изъ Нагай Царевичь Едагеръ

Магметъ Касымовъ Харевъ (чит. Царевъ) сынъ Астраханска Царя; а прислали его Нагайцы по Казанской ссылкѣ на царство въ Казань (*Ник.* VII, 106, гдѣ царевичь названъ: «Едигирь Магметъ Касимовъ царевъ сынъ Астороханского царя»; *Лв.* IV, 285, гдѣ Ядигару дано имя: «Одимагметъ», но по ошибкѣ, потому что и въ *Лв.* этотъ же царевичь, въ послѣдствіи, зовется Эдигерь-Магметомъ). «И такоже на стѣнѣ», читаемъ въ *Отрывкѣ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 313, при описаніи взятія Казани Русскими въ 1552 г., «взяша Царя Андигеря, Касымъ Салтанова сына, и Астороханского царевича» (*Свр.* II, 419).

По нашимъ родословнымъ книгамъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46, 49), Ядигаръ-Мухаммедъ (*Коп.*, *Син.* и *Арх.* Семенъ, Семіонъ; *Род.* Едигеръ, Семіонъ; Ядигаръ-Мухаммедъ, по взятіи Казани, крестился и названъ былъ Семеномъ) приходился внукомъ Сеидъ-Ахмеду, хану Золотой Орды (о Сеидъ-Ахмедѣ см. выше, пр. 49, стр. 112—123).

Отецъ Ядигара, царь Астраханскій Касимъ, названъ въ нашихъ родословныхъ книгахъ Касаемъ (*Коп.* Касай, Касуй; *Син.* Кайсай; *Арх.* Казай; *Род.* Касай). Только въ статьѣ *Син.* списка: *Родъ болшіе же Орды Царей*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129, названъ онъ Касимомъ. «А у Сеидъ Ахметя Царя», значится тамъ, «сынъ Кайсимъ Царь, а Кайсимовы дѣти: Камъ Булатъ Салтанъ, да Еди Гирей Салтанъ, былъ на Казани, во крещеніи имя Семіонъ оба бездѣтны». Касаемъ же зовется отецъ Ядигаря и въ

нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ Русскихъ сочиненіяхъ (см. напр. *Ст.* II, 267). Замѣчу на это, что имя Касай (قصاى) ничто иное, какъ передѣлка на Татарскій ладъ Арабскаго имени: Касимъ. Такъ Касай, мурза Ногайскій, сынъ князя Шейхъ-Мамая, писался и Касимомъ, и Касаемъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 93, 94). Въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, даже самъ царь Казанскій Ядигаръ-Мухаммедъ зовется то сыномъ Касая, то сыномъ Касима. Для примѣра укажу на слѣдующія два мѣста. Говоря о вступленіи Ядигара на престолъ, сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ пишетъ: «Казанцыже скоро тогоже лѣта послаша, и приведоша себе на царство из *Нагайския* земли именемъ *Едигирея* Царя *Касаевича*, втай ходивше понего. Сущужъ ему породу от Астраханскихъ Царей» (*Ик.* 175, 176; ср. тамъ же стр. 184; *Подр. лѣт.* II, 152). Описывая же взятіе Казани Русскими въ 1552 г., тотъ же сочинитель говоритъ: «И тамо настенѣ Царя Казанского *Едигирѣя Касымъ Салтанава сына*, Астраханского Царевича, ухватиша жива» (*Ик.* 239; *Подр. лѣт.* II, 219; см. также *Ик.* 195, 200, 258 и *Подр. лѣт.* II, 170, 176, 238).

Касимъ (Касай), царь Астраханскій, отецъ Ядигаръ-Мухаммеда, былъ убитъ въ 1532 г. (см. выше, пр. 99, стр. 286).

Въ лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, сказано, что Казанцы вызвали Ядигаръ-Мухаммеда на царство изъ Ногайскихъ улусовъ. Подтвержденіе этому факту находимъ мы и въ Дѣлахъ Ногайскихъ. Служивые Татары, Акъ-

чура Каиповъ (آق چورا قايب اوغلى) и его товарищи, ѣздившіе въ Ногайскую землю, возвратившись оттуда чрезъ Касимовъ въ іюнѣ 1552 г., доносили, что Казанцы присылали ко князю Юсуфу просить у него царевича въ ханы, и что въ слѣдствіе этой просьбы, Юсуфъ отправилъ къ нимъ Астраханскаго царевича *Едигера* со многими людьми. По показанію другихъ служивыхъ Татаръ, посыланныхъ къ самому Юсуфу и возвратившихся отъ него чрезъ Касимовъ же въ іюлѣ 1552 г., *Едигеръ* поѣхалъ изъ Ногайской Земли въ Казань самъ, безъ вѣдома Юсуфа (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 30, 32, 33).

Прямыхъ указаній на то, чтобы царь Казанскій Ядигаръ-Мухаммедъ, сынъ Астраханскаго царя Касима, былъ тотъ самый царевичь Астраханскій Ядигаръ, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1542 г., жилъ въ Россіи,—нѣтъ. Но я признаю ихъ за одно лицо. Препятствій къ подобному сближенію я не вижу никакихъ. Если царевичь, бывшій въ Россіи, и звался въ лѣтописяхъ просто Ядигаромъ, а царь Казанскій въ тѣхъ же лѣтописяхъ носилъ двойное имя Ядигаръ-Мухаммеда, то это еще нисколько не мѣшаетъ тождественности обѣихъ лицъ. Во всѣхъ источникахъ, гдѣ говорится объ Ядигаръ-Мухаммедѣ, а въ томъ числѣ и въ самихъ лѣтописяхъ, мы видимъ, что и онъ весьма часто звался просто Ядигаромъ. Ядигаръ, вѣроятно, отъѣхалъ изъ Россіи въ Ногайскіе улусы вскорѣ послѣ 1549 г. Еще въ концѣ этого года, и въ началѣ 1550 г., онъ, какъ мы знаемъ (см. выше, стр. 337, 338, 339 и пр.

123, стр. 342), участвовалъ въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Казани; послѣ же того о пребываніи его въ Россіи не говорится нигдѣ ни слова.

отправлена впередъ, и самъ Иванъ намѣревался принять главное начальство надо всею многочисленною ратью.

Въ бытность свою въ Москвѣ, Шахъ-Али присутствовалъ на совѣтѣ, созванномъ, чтобы переговорить какъ о пути, по которому государь долженъ былъ слѣдовать къ Казани, такъ и о времени похода. Шахъ-Али совѣтовалъ ждать зимы, но Иванъ рѣшилъ идти тотчасъ же на Коломну, Муромъ и Свіяжскъ [136]).

[136]) *Царж.* 218, 219: И призываетъ Государь къ собѣ брата своего Князя Юрья Васильевича, да Князя Володимера Андреевича, и Царя Шигалея, и Бояръ своихъ; и совѣтуетъ о Казани. И Царь говорилъ, чтобы до зимы Государь ждалъ для иныхъ недруговъ, и для того, что Казанская земля въ великихъ крѣпостяхъ, въ лѣсехъ, и во езерехъ, и въ ржавцѣхъ, зимою добро будетъ воевати; и Государь ему говорилъ, что уже въ судѣхъ отпустилъ Воеводъ и людей многихъ, и нарядъ большей, и запасы всѣ отпущены; а у нихъ говоришъ лѣсы и вòды крѣпости великіе; азъ же надѣюся на вседержителя Бога, той непроходимыя мѣста проходимы сотворяетъ, и остры путіе въ гладкіе претворитъ. И Царь Шигалей Государеву рѣчь хвалитъ; изъ начала ваша Государей предъ ними правда, а ихъ предъ вами измѣна; Богъ тобѣ Государю на помощь; и приговорилъ

Государь съ братомъ своимъ Княземъ Юрьемъ Васильевичемъ, да со Княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, и со Царемъ Шигалеемъ, и съ Бояры итти ему Государю на Коломну, да съ Коломны на Муромъ, да на Сакапское (чит. Саканское) городище чрезъ поле къ Свіяжскому городу (*Ник.* VII, 115; *Лв.* IV, 303, 304; *Лѣт. Норм.* 61).

Изъ Москвы Шахъ-Али былъ вскорѣ отпущенъ на судахъ везти запасы и военные снаряды къ Мурому и Свіяжску [137]). Порученіе это лежало на немъ недолго.

[137]) *Царк.* 219: А Царя Шигалея въ судѣхъ отпущаетъ, и велитъ всѣмъ людемъ запасы и нарядъ служебной въ судѣхъ отпущати къ Мурому, и къ Свіяжскому городу (*Ник.* VII, 115; *Лв.* IV, 304; *Лѣт. Норм.* 61)

Въ послѣдней половинѣ іюня, когда государь уже выступилъ къ Коломнѣ, пришло вдругъ извѣстіе, что Крымцы идутъ на нашу украйну [138]). Иванъ, прибывъ

[138]) Крымцевъ велъ самъ тогдашній ханъ ихъ Даулетъ-гирей. Война эта, начатая Крымцами съ участіемъ и Турокъ (янычары ихъ находились въ ханскомъ войскѣ) въ ту минуту, когда Иванъ собирался идти на Казань, была предпринята съ прямою цѣлью задержать государя и подать руку помощи Казани. Говорили это даже плѣнные Крымцы, попавшіеся о ту пору въ руки Русскихъ (*Царк.* 233; *Ник.* VII, 127; *Лв.* IV, 325; см. *Ик.* 193, 194 и *Подр. лѣт.* II, 169). Вообще

слѣдуетъ замѣтить, что видимое тогда расширеніе Русской власти сильно тревожило всѣ окрестныя мусульманскія земли. Въ особенности были озабочены Турція и Крымъ. Въ памятникахъ, касающихся эпохи, близкой ко времени паденія Казани, встрѣчаемъ частыя извѣстія какъ о сношеніяхъ Турціи и Крыма на счетъ Россіи, такъ и о посольствахъ, которыя оба государства эти снаряжали къ Ногайцамъ и даже въ Астрахань, съ цѣлью поднять ихъ противъ насъ, и убѣдить въ необходимости стать всѣмъ мусульманамъ за одно, чтобы противодѣйствовать возрастающей силѣ Россіи. Упомянемъ кстати, что при описаніи одного изъ такихъ посольствъ, говорится мелькомъ и о Городецкихъ Татарахъ. Свѣдѣніе это находимъ въ донесеніи бывшаго посломъ нашимъ у Ногайцевъ Петра Тургенева, полученномъ въ Москвѣ 7-го іюля 1551 г. «Да Царяже дей Ивана казаки», писалъ Тургеневъ государю Ивану Васильевичу, передавая, по наслышкѣ, слова говоренныя Исмаилъ-мурзѣ Турецкимъ посломъ, пріѣзжавшимъ отъ султана, и старавшимся вооружить Ногайцевъ противъ Россіи, «у васъ *Волги* оба береги отняли, и волю у васъ отнели, и ваши улусы воюютъ. Да у васъ же дей пришедъ *Городецкіе* казаки въ улусы ваши воевали, да и *Дервиша* Царя Астараханского полонили. И то дей вамъ на соромутули учинили? Какъ дей за то стать не умѣете? А *Казань* дей какъ ныне воюетъ? А ведь дей нашажъ вѣра бусурманская. И мы дей смолылись всѣ бусурмане, и станемъ отъ нево боронитца за одинъ» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 266).

Дженнаби въ сочиненіи своемъ تحفة الاديب وعربة الاريب (рук. Азіатскаго музея Императорской Академіи наукъ, № 528; см. выше, пр. 48, стр. 99, 100), въ отдѣлѣ ملوك الدشت, л. 450, 451, описываетъ слѣдующимъ образомъ покореніе Казани Русскими: «Въ 9.. году завладѣли невѣрные Русскіе Казанью, выхвативъ ее изъ рукъ владѣльца ея Шигля-гирей-хана, имя котораго пишется съ *кесрою* подъ буквою ز съ точкою (значитъ, читать слѣдуетъ по Дженнабію: *Зигля*, хотя и самъ онъ пишетъ: *Шигля*), и съ *сукуномъ* надъ буквою غ съ точкою (т. е. произносить слѣдуетъ первый слогъ имени: *Шиг*). Владѣлецъ этотъ былъ человѣкъ жестокій, крутой и кровожадный; при немъ невѣрные увлекли въ неволю множество мусульманъ, разграбили имущество ихъ и разорили мечети ихъ. Передъ тѣмъ владѣлъ Казанью Сафа-гирей-ханъ; то былъ одинъ изъ величайшихъ и могущественнѣйшихъ государей. Правилъ онъ въ продолженіи двадцати семи лѣтъ; въ его время государство благоденствовало, и подъ защитою его побѣдоноснаго оружія, владѣнія процвѣтали. Когда жь онъ умеръ, то его мѣсто заступилъ сынъ его Динишь-гирей-ханъ; былъ онъ ребенокъ, и правилъ три года. При немъ невѣрные стали добиваться Казани; до тѣхъ поръ они не переставали подходить къ ней все ближе и ближе, и тѣснить ее, пока наконецъ не овладѣли ею при Шигля-гирей-ханѣ, который наслѣдовалъ этому ребенку. Сагибъ-гирей, услышавъ о приключившемся въ Казани, послалъ къ высочайшему двору (Отоманскому). Невѣрные, велѣлъ онъ сказать

тамъ, овладѣли Казанью; намъ и его величеству султану слѣдуетъ избавить правовѣрныхъ отъ этого бѣдствія; пришлите къ намъ двоюрднаго моего брата (чит. племянника; см. выше, пр. 88, стр. 261 — 263), Даулетъ-гирея, сына Мубарекъ-султана, сына Менгли-гирей-хана (Мубарекъ показанъ сыномъ Менгли-гирея и отцемъ Даулета и въ нашихъ родословныхъ книгахъ; см. выше, пр. 21, стр. 44), для того чтобы мы могли отправить его къ Казани съ многочисленнымъ войскомъ, ее высвободить изъ рукъ невѣрныхъ, а его посадить тамъ ханомъ» (وفى سنة ... وتسعماية استولى كفار الروس على قازان واخذها عن يد صاحبها شغله كرى خان بكسر الزاى المعجمة وسكون الغين المعجمة وكان ظالما جبارا سفاكا فاسر من الكفار جماعة المسلمين ونهب اموالهم وخرب مساجدهم وكان صاحبها القديم صفا كرى خان من اعظم الخواقين واشدهم باسا ملك سبعا وعشرين سنة وكان رياض الملك فى زمانه نزهة وممالك النصر فى ايامه معمورة فلما توفى قام فى ملكه ولده ديمش كرى خان وكان طفلا اقام ثلاث سنوات وفى ايامه طمع الكفار فى قازان ولم يزالوا يتقاربوا ويشرفوا حتى اخذوها فى زمن شغله كرى خان الذى تولى بعد هذا الصبى ثم ان صاحب كرى لما سمع بقصة قازان ارسل الى الباب العالى يقول ان الكفار قد استولوا على قازان فيجب علينا وعلى حضرة السلطان تخليص المسلمين من هذه البلية فارسلوا الينا ابن عمى

دولت كرى بن مبارك سلطان بن منكلى كرى خان متى نرسله الى قازان صحبة عسكر كثير فنستخلصها من ايدى الكفار فننصبه خانا فى تلك البلاد). Дженнаби разсказываетъ за тѣмъ, какъ со стороны Сагибъ-гирея желаніе видѣть Даулета въ Крыму было хитростію, придуманною имъ для того, чтобы завлечь къ себѣ племянника, какъ эта хитрость не удалась, и какъ Даулетъ, прибывъ въ Крымъ, свергнулъ Сагиба съ престола, и самъ воцарился на его мѣсто.

Разсказъ Дженнабія о покореніи Русскими Казани, сбивчивъ и полонъ ошибокъ: его Шигля-гирей и Димишь-гирей, очевидно — Шахъ-Али и Утямишь-гирей; но Шахъ-Али гиреемъ не былъ, и Казань взята была не при немъ, а какъ извѣстно, при Ядигаръ-Мухаммедъ-ханѣ, въ октябрѣ 1552 г. Къ тому же и въ Крыму, въ эпоху паденія Казани, царствовалъ не Сагибъ-гирей, а преемникъ его Даулетъ-гирей, который уже въ іюнѣ 1552 г. вторгался въ Россію. Слѣдующій у Дженнабія за описаніемъ взятія Казани разсказъ о посольствѣ Сагиба въ Константинополь, и о Даулетъ-гиреѣ, объясняетъ отчасти главнѣйшія ошибки. Разсказъ этотъ заимствованъ, очевидно, изъ одного источника съ разсказомъ, помѣщеннымъ Мухаммедъ-Ризою въ Ассебъ о-ссейяръ, по поводу смерти Сафа-гирея, и переданнымъ мною выше, въ пр. 120, на стр. 336, 337. Оказывается, что Дженнаби соединилъ въ одно цѣлое два событія, случившіяся въ двѣ различныя эпохи. Особеннаго нѣтъ ничего, но любопытны слова, которыя

Дженнаби влагаетъ въ уста Сагибъ-гирея, о необходимости для Крыма и Турціи стать за одно противъ Русскихъ. Словъ этихъ у Ризы мы не встрѣчаемъ, а онѣ съ своей стороны свидѣтельствуютъ о той заботливости, съ которою въ эпоху близкую къ паденію Казани, Турція и Крымъ слѣдили за дѣйствіями Русскихъ.

въ Коломну, послалъ за Шахъ-Аліемъ. Нуженъ былъ собственно не онъ, а вѣроятно понадобились находившіеся съ нимъ запасы и снаряды. Иванъ продержалъ при себѣ Шахъ-Алія только нѣсколько дней, и отпустилъ на судахъ въ Касимовъ. Весьма любопытна причина, которую выставляютъ лѣтописцы на видъ, чтобы пояснить отъѣздъ хана въ городокъ. «Царя же Шигалея», читаемъ въ *Царк.* 225, «отпущаетъ (государь) въ судѣхъ въ городокъ; понеже Царь веліе тѣло имяше, и не могій скоро на конехъ ѣздити; разумиченъ же Царь преизлише, но не храбръ сый на ратехъ, и дружинѣ своей не податливъ» (*Ник.* VII, 120, 121 и *Лѣт. Норм.* 63, 64; ср. *Лв.* IV, 313, 314, гдѣ: «Царя же Шигалея отпущаетъ на судахъ въ городокъ, понеже царь пребезмѣрно толстъ не могій скоро на конѣ ѣздить, а хотя и разуменъ сей царь, но не храбръ въ войнѣ и дружинѣ своей не податливъ»). Читая это, невольно вспоминаешь уже сообщенные мною выше (пр. 88, стр. 257, 258), отзывы Герберштейна и составителя *Подр. лѣт.* о наружности Шахъ-Алія, и объ его неспособности къ дѣлу ратному.

Нападеніе Крымцевъ обошлось благополучно. Иванъ, спокойный на этотъ счетъ, двинулся окончательно къ Казани и 13-го іюля прибылъ къ Мурому. Оттуда онъ послалъ стольника Федора Ивановича Умнаго (Колычева) за Шахъ-Алиемъ, и когда тотъ явился, отправилъ его немедленно на судахъ къ Казани съ воеводою княземъ Петромъ Андреевичемъ Булгаковымъ (Голицынымъ), съ дѣтьми боярскими и стрѣльцами [139]).

139) *Царств.* 250: И посылаетъ Государь Стольника своего Феодора Ивановича Умного по Царя Шигалея; и Царь пріѣхалъ ко Государю въ Муромъ. И отпустилъ его Государь въ судѣхъ въ Казань; а съ нимъ послалъ Воеводу Князя Петра Андреевича Булгакова съ товарищи, да дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцовъ многихъ (*Ник.* VII, 142; *Лв.* IV, 354). *Лѣт. Норм.* 67: Изъ Мурома Государь послалъ по Царя Шигалея стольника своего Феодора Иванова сына Умнаго.

Вскорѣ послѣ Шахъ-Алія прибылъ въ станъ Русскій изъ городка Акъ-сеидъ (آق سيد), сынъ Шерефъ-сеида (شرف سيد), со всѣми Городецкими князьями, мурзами и Татарами. Государь, который находился тогда неподалеку отъ рѣки Пьяны, велѣлъ Акъ-сеиду идти вмѣстѣ съ яртауломъ, и строить мосты на Пьянѣ [140]).

140) *Лв.* IV, 358: Осмой (станъ) на озерѣ не дошедъ Піяны рѣки, и тутъ къ Государю пришелъ изъ городка Аксеитъ Черевсеевъ, со всѣми Городецкими князьями

и Мурзами и Татары, а шелъ Сейтъ на Монсыровъ уголъ, и Государь ему велѣлъ итти съ Ертоуломъ вмѣстѣ, и на Піанѣ Государь велѣлъ мосты подѣлать многіе, и пошелъ (*Царж.* 253, гдѣ, по ошибкѣ, вмѣсто: «Аксентъ Черевсеевъ», стоитъ: «Аксентчере Вссѣевъ», а вмѣсто: «Монсыровъ уголъ»—Монрыровъ уголъ») *Ник.* VII, 144: А осмоі на озѣре. Оттуду Государь полемъ пошолъ, не дошедъ Пьяны рѣки, и тутъ ко Государю пришелъ изъ городка Аскеитъ рече всѣедъ, со всѣми городецкими князми и мурзами и Татары, и Шелъ сеитъ на Монъсыровъ уголъ. И Государь ему велѣлъ итти со Ертоуломъ вмѣсте, и на Пьяне Государь велѣлъ мосты подѣлати многие і пошелъ.

Такимъ образомъ Шахъ-Али и Касимовскіе Татары очутились въ рядахъ войска, назначеннаго дѣйствовать противъ Казани.

Объ участіи хана и Городецкихъ Татаръ въ этомъ послѣднемъ походѣ Ивана на Казань, сокрушившемъ державу наслѣдниковъ гордаго Махмутека, сохранилось нѣсколько данныхъ.

Мы знаемъ, что по приходѣ 13-го августа въ Свіяжскъ, Иванъ на созванный имъ совѣтъ пригласилъ и Шахъ-Алія. На совѣтѣ было приговорено идти не мѣшкая на Казань, къ жителямъ же ея послать увѣщательныя грамоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь поручилъ и Шахъ-Алію написать отъ себя къ Ядигаръ-Мухаммеду, какъ къ своему родственнику (оба они были изъ рода Астраханскихъ царей; см. выше, стр. 247, 248,

и пр. 135, стр. 367—369) письмо, и предложить ему сдаться добровольно. Увѣщательныя грамоты и письмо Шахъ-Алія были, 15-го же августа, отправлены въ Казань съ однимъ изъ тамошнихъ Таджиковъ [141]). За-

[141]) *Царк.* 259, 260: И поѣде Государь на лугъ, и ста въ шатрѣ на лузѣ подъ Свіяжскимъ городомъ; и велѣлъ Государь у собя быти Царю Шигалею. И совѣтуетъ Государь со Княземъ Владимеромъ Андреевичемъ, и со Царемъ Шигалеемъ, и съ Бояры, и съ Воеводами, какъ ему Государю, своимъ дѣломъ промышляти; и приговорилъ Государь итти къ городу къ Казани не мѣшкая, а къ нимъ послати грамоты похотятъ безъ крови Государю бити челомъ, и Государь ихъ пожалуетъ. Государю же нашему смиреніе показующу; вѣдый бо, яко Господь гордымъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ. И велитъ Царю Шигалею отъ собя послать Царю Едигерю Магметѣ грамоту; понеже бо отъ его роду есть, чтобъ ему въ томъ повѣрилъ отъ Государя нашего не блюлся, поѣхалъ изъ города ко Государю нашему, Государь его пожалуетъ. А Царь благочестивый посылаетъ грамоты къ Кулъ Шерифмолнѣ (Кулъшерифъ-муллѣ—قول شريف ملا) и ко всей землѣ Казанской, чтобы Государю били челомъ; а кто лихое дѣло почалъ и землю взмутилъ, и на Государя и Бояръ его лихое дѣло возвели, за тѣхъ бы не стояли, и Государь ихъ пожалуетъ; и отпустилъ Государь Тезика Казанскаго, Августа 15. *Лѣ.* IV, 364—366. И пойде государь на лугъ и сталъ въ шатрахъ на лугахъ подъ Свіяжскимъ городомъ,

и велѣлъ быть у себя царю Шигалею, и совѣтуетъ Государь со Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ царемъ Шигалеемъ и съ боляры и воеводами, какъ ему Государю своимъ дѣломъ промышляти, на томъ совѣтѣ приговорилъ Государь итти къ городу Казани не мѣшкая, а къ нимъ послать грамоты, въ коихъ написать похотятъ ли безъ кровопролитія Государю покориться, за что ихъ Государь пожалуетъ. Таковое бо Государь смиреніе показуя, зане вѣдая яко Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же благодать даетъ, и велитъ царю Шигалею отъ себя послать къ царю Эдигерю Магмету грамоту, понеже бо отъ его роду есть, чтобы ему въ томъ повѣрилъ, яко отъ Государя ничегобъ не опасался, а надѣясябъ вѣрно, что Государь его пожалуетъ, такожъ Государь послалъ грамоты къ Кулшеривъ Молнѣ и ко всей земли Казанской, чтобы Государю били челомъ, а кто зачинщикъ бунту и землю возмутилъ, на Государя и бояръ его зло умыслилъ, тѣхъ бы и защищать не отважились, чего ради ихъ Государь пожалуетъ, и съ таковымъ писаніемъ отправилъ Государь Тезика Казанскаго Августа 15 (*Ник.* VII, 147, 148, гдѣ вмѣсто: «понеже бо отъ его роду есть», стоитъ: «понеже бо отъ его городу есть», и Кулъ-шерифъ-мулла названъ Кушеривъ молною; ср. *Лѣт. Норм.* 68).

Въ приведенныхъ мною выпискахъ требуетъ объясненія слово *Тезикъ*. О Тезикахъ Казанскихъ упоминаетъ и сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ. Въ одномъ изъ списковъ этого сочиненія, при описаніи взятія Казани въ 1552 г., читаемъ: «И посемъ посы-

лаетъ изграда Казани храбрый стратилатъ Князь *Михайло Іоановичь Воротынской* глаголя: преславный великій Царю, божіею милостію и твоею храбростію побѣда уже совершися во градѣ Казани, вся побіени быша, въ полатахъ и въ погребахъ несвѣтное и неизчетное богатство взято, такоже имена Княгинь и Мурзиныхъ *Тезичьихъ* женъ и просто рещи от великихъ до простыхъ много множество держимо бѣ что всихъ размыслить твоя царская держава?» (*Ик.* 245) Въ Казани существовалъ еще Тезицкій ровъ. «И приближа Христіане», читаемъ въ *Царк.* 306, при описаніи послѣдняго приступа къ Казани, 2-го октября 1552 г., «къ мечите къ Кулшерифу (тому самому, къ которому Иванъ писалъ грамоту), къ Тезицкому врагу» (*Ник.* VII, 178: И приближився христиане х Мечите х Колшери Өухтѣзицкому врагу; *Лѣ.* IV, 421: И приближишась Христіане къ мечетѣ къ Кулши Ресфухтезатскому врагу). Князь Курбскій, толкуя о послѣднемъ же приступѣ къ Казани, описываетъ Тезицкій ровъ и переводитъ его словами: купецкій ровъ. «Татаровамъ», пишетъ онъ, «запромась съ нашу страну на царевѣ дворѣ, а дольную часть мѣста покинули, елико ихъ могло утещи; а съ другую сторону, яже съ Арскаго поля, откуду подкопъ взорвало, царь Казанскій съ дворомъ своимъ уступя, аки въ половину мѣста, застановился на Тезицкомъ (Тезицкомъ) рвѣ, по нашему на купецкомъ, біющесь крѣпцѣ со христіаны: бо того мѣста двѣ части, аки на равнинѣ, на горѣ стоятъ; а третія часть зѣло удольна, аки въ пропасти; а поперегъ, аки въ половицу-

мѣста, отъ стѣны Булака ажъ до дольныя части мѣста, ровъ не малый. А мѣсто оно не мало: мало что отъ Виленскаго инѣйше» (*Курбск.* 31; о мѣстоположенiи бывшаго Тезицкаго рва, нынѣ уничтоженнаго, см. Рыбушкинъ. Краткая исторія города Казани. Ч. I. Казань. 1848, стр. 69). Изъ словъ Курбскаго слѣдовало бы заключить, что *тезикъ* значитъ купецъ; въ сущности же это не такъ. *Тезикъ* очевидно Русская перепись слова: *Таджикъ*, которое произносится и *Тазикъ* (تاژيك, تاجك, تازيك). Таджиками же, между прочимъ, называются и до сихъ поръ всѣ коренные жители Средней Азіи, Сарты, говорящіе Персидскимъ языкомъ, въ противоположность позднѣйшимъ пришельцамъ, Узбекамъ, говорящимъ Татарскимъ языкомъ. Таджики издавна славились своими торговыми оборотами, и теперь еще составляютъ почти исключительно купеческое сословіе Средней Азіи. Отъ Таджиковъ, заѣзжавшихъ въ Казань для торга, явился, по всей вѣроятности, ровъ Таджикскій (Тезицкій). Самое же понятіе о Таджикѣ очень легко могло слиться съ понятіемъ о купцѣ вообще.

тѣмъ войска наши стали переправляться чрезъ Волгу, а Шахъ-Али съ бояриномъ Михайломъ Яковлевичемъ Морозовымъ и дьякомъ Иваномъ Выродковымъ, получилъ приказаніе плыть въ судахъ на Гостиный островъ и везти орудія и осадныя машины [142]). По-

[142]) *Царк.* 261: И поѣде Государь (18 августа) за рѣку за Волгу; а Сторожевому полку и лѣвой рукѣ велѣлъ возитись выше собя. А Царя Шигалея отпустилъ

въ судѣхъ на Гостинъ островъ. Такоже и съ снарядомъ Государь отпустилъ въ судѣхъ Боярина своего Михайла Яковлевича, и Діака своего Ивана Выродкова, и башни, и тарасы рубленые велѣлъ привести, яже уготовлены, противъ Казани поставить; а тутъ Государь дневалъ, а ждалъ какъ всѣ полки перевезутся (*Ник.* VII, 148, 149). *Лѣ.* IV, 366, 367: Потомъ поѣха Государь за Волгу рѣку, а Сторожевому полку и лѣвой рукѣ велѣлъ возитися выше себя, царя же Шигалея отпустилъ водою на Гостинъ островъ, водоюжъ и снарядъ отпустилъ, съ ними послалъ боярина своего Михайла Яковлича, да дьяка своего Ивана Выродкова, и башни и тарасы рубленые велѣлъ привести, кои уготовлены противъ Казани поставити, и тутъ Государь дневалъ, а ждалъ какъ всѣ полки перевезутся. *Лѣт. Норм.* 68: Указалъ возитца за Волгу и самъ изволилъ, а в судѣхъ отпустилъ Царя Шигалея на Гостинъ островъ; тако жь и с нарядомъ отпустилъ боярина своего Михаила Яковлевича, и дьяка своего Ивана Выродкова.

средничество Шахъ-Алія, на которое разсчитывалъ государь, не повело ни къ чему. Чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Таджика, присланъ былъ отвѣтъ Ядигаръ-Мухаммеда, написанный въ самыхъ дерзкихъ и грубыхъ выраженіяхъ. Ханъ поносилъ вѣру христіанскую, отзывался непочтительно объ Иванѣ, укорялъ самаго Шахъ-Алія, и объявлялъ себя готовымъ на брань [143]).

[143]) *Царк.* 261: И тутъ (за рѣкою Казанкою, кото—

рую государь перешелъ 20-го августа, въ субботу) прислалъ Царь Едигерь Магметь къ Царю Шигалею съ грамотою полоняника; а пишетъ гордыя и скверныя слова; вѣру Православную и Царя благочестиваго поноситъ и укаряетъ; такожъ и Шигалея похуляетъ, и себя на брань готова возвѣщаетъ (*Ник.* VII, 149; *Лв.* IV, 367; *Лът. Норм.* 68).

На Тирень-узякѣ, гдѣ уже дѣло шло о томъ, что двинуться подъ самыя стѣны города, Шахъ-и опять присутствовалъ на совѣтѣ царскомъ, и ъ, между прочимъ, присуждено было идти ему большомъ полку и стать на Арскомъ полѣ за кою Булакомъ, подъ кладбищемъ [144]). Эту по-

[144]) *Царк.* 262, 263: И сталъ (государь) на Терень-Узякѣ; полки же всѣ сташа по Цареву лугу, и въ низъ по Волзѣ. И повелѣ Государь нарядъ изъ судовъ вынимати и устраивати, какъ ему итти къ городу; въ недѣлю, и въ понедѣльникъ (21 и 22-го августа) Государь тутъ стоялъ.... И призываетъ Государь къ собѣ Князя Владимера Андреевича, и Царя Шигалея, и Бояръ, и Воеводъ .. и совѣтовалъ Государь какъ пойти къ городу. И приговорилъ стати самому Государю и Князю Володимеру Андреевичу на Царевѣ лугу, близъ Отучевы низгити; а Царю Шигалею за Булакомъ подъ кладбищемъ; а итти Царю въ Большемъ полку; а на Арскомъ стати Большому полку, да Передовому, да Князь Володимерову Андреевича Боярину и Воеводѣ Князю Юрью (*Ник.* VII, 149, 150, гдѣ вмѣсто: «близъ Отучевы

мизгити», стоитъ: «близко Отучевы мизгити»; а вмѣсто: «а итти Царю въ Большемъ полку», написано: «а итти Государю в болшемъ полку», что придаетъ словамъ совершенно другой смыслъ, и въ добавокъ, очевидно, невѣрный; ср. *Лѣ.* IV, 368—370; гдѣ не: «близъ Отучевы мизгити», а: «близко отъ Тучевы Мизгити»).

Тиренъ-узякъ (Терень-узякъ, Тереузи, Тергузи) находился близъ устья р. Казанки. См. *Отрывокъ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 306, гдѣ: «Въ лѣто 7060, мѣсяца августа въ 18 день, въ четвертокъ по Оспожинѣ дни, на память святыхъ мученикъ Фрола и Лавра, и поиде государь царь ко граду къ Казани, и перевезеся того дни Волгу подъ Новымъ городомъ Свіяжскимъ, и ста ту въ лузѣхъ; и стоя два дни на единомъ мѣстѣ, ждаше, дабы перевезлися его останошные полки, занеже бѣ невмѣстимо много множество людей, до него же возишася и плаваша 4 дни и послѣ же его три дни. Въ суботу же воставъ рано, свершивъ молебная, и пришедъ ста на устьѣ Казани рѣки, поблизу же Волги, на заводи Тереузи (*Сер.* II, 407, 408; ср. *Подр. лѣт.* II, 176, 177; ср. также *Ик.* 200, 201, гдѣ вмѣсто: «Тереузи», стоитъ: «Тергузи»). — *Тиренъ-узякъ*, въ переводѣ на Русскій языкъ, значитъ: глубокій протокъ. Слово это составлено изъ двухъ Татарскихъ словъ: *тиренъ* (تيران) — глубокій, и *узякъ* (اوزاك). Послѣднее слово *узякъ* имѣетъ множество значеній. *Узякомъ* зовутъ: сердцевину дерева, плесо, фарватеръ, протокъ и рукавъ рѣки. Иногда *узякъ* употребляется даже въ смыслѣ сердца и души; говорятъ напр.: اوزاكم اوزولدى —

мнѣ больно, обидно стало; Мещеряки Симбирской губерніи, въ видѣ ласки, говорятъ: بورا كم لوز اكم—сердце мое, душа моя.

Отучева мизгить, т. е. мечеть (см. выше, пр. 27, стр. 65), стоявшая на Царевомъ лугу, вѣроятно названа была такъ въ честь какого нибудь Отуча (اوتش), который ее построилъ. Лѣтописцы подъ 1533 г. упоминаютъ объ одномъ князѣ Казанскомъ Отучѣ (см. выше, пр. 93, стр. 275).

ію онъ и занялъ дѣйствительно [145]).

[145]) *Царк.* 264, 268: Августа 23, пойде Государь къ городу Казани. Пошелъ Государь съ Тереньузека урядя полки къ городу; а велѣлъ итти ... такоже Передовому полку, и Большему полку, Царю Шигалею, и Воеводамъ на Арское поле въ верьхъ Булака, у Кабана озера.... Царь же Шигалей, и Воеводы пришедше (чит. какъ въ *Ник.* и *Лв.*: прешедше) Булаку, и ставъ на Арскомъ полѣ, якоже повелѣ Государь (*Ник.* VII, 151, 154, гдѣ, по ошибкѣ, стоитъ: «вверхъ Булака Кубана озера»; ср. *Лв.* IV, 371, 377). *Курбск.* 20: И абіе въ той день обступихомъ мѣсто и градъ бусурманскій полки христіанскими... Таже стратилатове, а по ихъ воеводы полковъ, передовый полкъ, который ходитъ у нихъ за ертауломъ, пріиде на Арское поле, и еще другій полкъ, въ немъ же бѣ царь Шигалей, и другіе великіе стратилатове залегоша тамо пути, яже отъ Нагайскія страны ко граду лежатъ.—Желающіе составить себѣ ясное понятіе о порядкѣ, въ которомъ распо-

ложены были войска Русскія подъ Казанью въ 1552 г., и вообще о ходѣ самой осады, могутъ обратиться къ сочиненію г. Ө. Ласковскаго: Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, ч. I. Спб. 1858, стр. 174 — 190. Въ картахъ, планахъ и чертежахъ, слѣдующихъ къ этой части, находится на л. 22 и весьма хорошій планъ осады города Казани.

Еще знаемъ мы, что въ продолженіи осады, Касимовцы участвовали при взятіи Арска и острога, возведеннаго Казанцами въ тылу нашемъ, за Арскимъ полемъ. Посланный туда отрядъ Русскій, послѣ десятидневнаго похода, взявъ острогъ и городъ, возвратился съ богатою добычею, а что еще важнѣе, со множествомъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ осаждающіе начинали чувствовать недостатокъ [146]).

[146]) *Царк.* 287: Тогожъ мѣсяца (сентября) 6, во вторникъ; отпустилъ Государь на Арское мѣсто, и на острогъ Воеводъ своихъ... да у Бояръ же велѣлъ быти головамъ своего Царского полку съ дѣтьми съ Боярскими, да съ ними Стрѣлецкимъ головамъ, Стрѣльцы, да Атамановъ многимъ съ Казаки, да Сеітъ городецкої (по всей вѣроятности, Акъ-сеидъ Шерефъ-сеидовъ; см. выше, стр. 378, 379) со всѣми городецкими Татары, да Еникей Князь съ Мордвою Темниковскую, да горніе люди многіе; тѣ и въ вожехъ были (*Ник.* VII, 165; ср. *Лв.* IV, 396, 397, гдѣ, между прочимъ, по ошибкѣ, вмѣсто: «во вторникъ», стоитъ: «въ пятокъ»).

Накануне взятія Казани, 1-го октября, когда Иванъ отдалъ войскамъ приказъ готовиться къ приступу, объявлено было и на счетъ Шахъ-Алія и Касимовскихъ Татаръ особое распоряженіе. Имъ не велѣли ходить на приступъ, а включили ихъ въ ту часть войска, которая, окружая Казань, должна была, на другой день, оберегать тылъ аттакующихъ и перерѣзать путь осажденнымъ, въ случаѣ еслибъ они вздумали сдѣлать вылазку или бѣжать [147]).

[147]) *Царк.* 298: А отъ сторонъ Государь съ лѣсовъ велѣлъ беречи полковъ, и для сильной вылазки изъ города; и пробиванія на лѣсы на Арскомъ полѣ, и на дорогахъ на Арскихъ, и на Чувашскихъ, велѣлъ Государь быти Царю Шигалею, а съ нимъ всѣ Князи и Мурзы городецкіе, да Боярину и Воеводѣ Князю Ивану Өедоровичу Мстиславскому своимъ полкомъ, да горнимъ людемъ велѣлъ съ ними же быти (*Ник.* VII, 172; *Лв.* IV, 411). *Отрывокъ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 310: Повелѣ быти царю Шиголѣю Шигольяровичю на Арскомъ полѣ и съ нимъ многимъ воеводамъ; и вскорѣ поставиша полки на Арскомъ полѣ стеречи людей Казанскихъ, дабы не были въ приступъ съ лѣсу на помощь граду (*Сер.* II, 414). *Ик.* 212: Сему жъ бывшу, Царю *Шихъ Алѣю* (*Аляирови-чю*) повелѣ быти на Арскомъ полѣ и снимъ многия воеводы и стрельцы отъ Казанскихъ Татаръ, чтобъ вприступъ слѣсу непришли напомощъ граду (*Подр. лѣт.* II, 195, гдѣ вмѣсто: «Аляировичю», стоитъ: «Шиханьяровичу», и вмѣсто: «и стрельцы» — «стрещи»).

Въ самый день взятія Казани, 2-го октября, Шахъ-Али и Касимовскіе Татары, кажется, ничѣмъ не отличились. Про ихъ дѣйствія во время приступа мы ничего не знаемъ. Только Исторія о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 240; *Подр. лѣт.* II, 220) и Книга Степенная (*Ст.* II, 262) утверждаютъ, будто когда Иванъ, пріобщившись, сѣлъ на конь и выѣхалъ въ поле, то при немъ находился и Шахъ-Али.

Участіе Шахъ-Алія и Городецкихъ Татаръ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1552 г. противъ Казани, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, было не очень велико. За то, едва городъ былъ взятъ, какъ Шахъ-Али, одинъ изъ первыхъ, явился съ поздравленіемъ къ Ивану. Лѣтописцы сохранили даже рѣчь, говоренную имъ по этому случаю, и отвѣтъ на нее государя. «Буди Государь», произнесъ Шахъ-Али, подъѣхавъ къ Ивану, «здравъ побѣдивъ спостаты, и на своей вотчинѣ на Казани въ вѣки». «Царь Господине!», отвѣчалъ государь, «тобѣ брату нашему вѣдомо, много есми къ нимъ посылалъ, чтобы похотѣли покою, и тобѣ жестость ихъ вѣдома, какимъ злымъ ухищреніямъ во многіе лѣта лгали, и Богъ милосердый праведный судъ показалъ намъ милосердіе свое; а имъ мстилъ кровь Христіанскую» (*Царк.* 311; см. также *Ник.* VII, 182, и *Лв.* IV, 428; въ *Ник.* и *Лв.* послѣ слова: «лгали», прибавлено еще: «и сколько крови христіанскіе проливали»). Не пропустилъ Шахъ-Али удобнаго случая выказать себя и при торжественномъ въѣздѣ Ивана въ побѣжденный городъ: ѣхалъ онъ въ слѣдъ

за государемъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ его, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. «И Государь», читаемъ въ *Царк.* 312, «въѣхалъ во градъ. Предъ нимъ ѣхали Воеводы и дворяне многіе; а за Государемъ ѣхалъ Князь Владимеръ Андреевичь, и Царь Шигалей. И пріѣхалъ Государь на Царевъ дворъ (*Ник.* VII, 182, и *Лв.* IV, 428, 429, гдѣ послѣ словъ: «дворяне многіе», прибавлены слова: «да и съ животворящимъ крестомъ Андрей протопопъ»).

По прекращеніи войны съ Казанью 1552 года, Шахъ-Али, если не тотчасъ, то очень скоро возвратился къ себѣ въ Касимовъ. Удѣлъ этотъ остался за нимъ. Свидѣтельствомъ служатъ данныя, сохранившіяся о Шахъ-Аліѣ за іюль и августъ 1553 г. Въ іюлѣ пришла вѣсть, что Крымскій ханъ готовится напасть на наши предѣлы. По словамъ лѣтописцевъ, въ числѣ лицъ сопровождавшихъ государя, выступившаго тогда къ Коломнѣ, находились: Семенъ, бывшій царь Казанскій, *Шахъ-Али*, *прибывшій изъ городка*, и царевичь Астраханскій Абдулла, сынъ царя Акъ-кубека, вызванный изъ Юрьева; къ нимъ присоединился въ послѣдствіи и Дервишь-Али, бывшій царь Астраханскій. По миновавіи опасности со стороны Крыма, Иванъ въ августѣ, возвращаясь въ Москву, «царей и царевичевъ», какъ сказано въ лѣтописяхъ, «отпустилъ по вотчинамъ». Значитъ, и Шахъ-Али получилъ дозволеніе ѣхать къ себѣ *въ вотчину*, *въ городокъ*. Тамъ дѣйствительно и находимъ мы его въ концѣ августа: въ Дѣлахъ Ногай-

скихъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 90) сохранилось извѣстіе, что онъ объ эту пору присылалъ изъ городка къ государю, служилаго Татарина съ Ногайскими гонцами [169]).

[169]) *Ник.* VII, 206: Тогожъ лѣта (7061) Июля 6. пришли вѣсти к Царю изъ Крыму, что царь крымской хощетъ быть на его украины, и Государь по тѣмъ вестемъ пошелъ на Коломну, а в Серпуховъ отпустилъ князя Владимера Андрѣевича, да воеводъ своихъ князя Семена Івановича Микулинского с товарыщи, а в Колугу царя Дербыша Алѣя Асторохайского, да боярина і воеводу князя Івана Θедоровича Мстиславского и иныхъ воеводъ. А со Царемъ і великимъ Княземъ были царь Семионъ казанской, да бояре і воеводы по полкомъ по росписи, да Черкаские князя Магаушько з братьею и с людии, да изъ городка царь Шигалѣі, да изъ Юрьева царевичь Асторохайской Канбула Аккубековъ, да изъ Колуги Царь Государь велѣлъ у собя быть Дербышу царю Асторохайскому. И въ Августе прислалъ изо Мченска князь Петръ княжъ Ивановъ сынъ Горенского съ языки пяти Татариновъ Крымскихъ; приходи на мъценьские украины пятдесятъ человѣкъ крымскихъ, и князь Петръ ихъ побилъ наголову; и тѣ языки сказывали, что Крымской царь ходилъ на Черкасы, а на Цареву великого Князя украину не пошелъ. И Государь пошелъ к Москве, а цареі и царевичевъ отпустилъ по вотчинамъ (*Лв.* V, 19, 20, гдѣ слова: «князя Семена Івановича Микулинского с товарыщи» пропущены, и вмѣ-

сто: «Магаушько», стоит: «Мага Ушук», а вместо: «Каибула Ахкубеков» — «Каибула Кубеков»; ср. *Лѣт. Норм.* 72, 73).

По поводу приведенной мною выписки, считаю нелишним сказать несколько слов про упоминаемых в ней царях и царевиче: Семене, Абдулле и Девлеш-Алие.

Семен — никто иной как Ядигарь-Мухаммед, последний хан Казанский. Ядигарь, захваченный в плен при взятии Казани, и отвезенный в Москву, был крещен 26-го февраля 1553 г., почти в одно время с другим бывшим ханом Казанским Утямишь-гиреем, и назван Семеном (*Царк.* 333, 334; *Ник.* VII, 199, 200; *Лв.* V, 5—7; *Лѣт. Норм.* 70; *Ик.* 258; *Подр. лѣт.* II, 238; *Ст.* II, 267; см. выше, пр. 125, стр. 348, и пр. 135, стр. 368).

Абдулла Ак-кубеков (آق كوبك خان اوغلى عبد الله سلطان) выехал в Россию в мае 1552 г.; государь тогда же женил его на племяннице Шах-Алия, дочери бывшаго Казанскаго хана Джан-Алия, и пожаловал ему город Юрьев с доходами. «Тогож году (7060) в Маие», читаем в *Царк.* 202, «выехал ко Государю из Асторохани Царевичь Кайбула Ахкубеков сын Царев; и Царь Государь пожаловал, дал ему город Юрьев изданию. А женится ему ослободил у Шигалея Царя; понял Шигалееву племянницу; Аналееву Цареву дочь» (*Ник.* VII, 102; *Лв.* IV, 279; см. также *Ст* II, 271, и *Подр. лѣт.* II, 241; в *Подр. лѣт.* царевичь назван Кабулою, а царь—Акубеком). Речь о выезде Абдуллы в Россию

уже была ведена заранѣе. «А я далъ Богъ», писалъ изъ Астрахани посолъ нашъ Савастьянъ, въ донесеніи государю, полученномъ въ апрѣлѣ 1552 г., «въ *Астрахань* пришолъ здорово Ноября 7. день, а Волга стала Ноября 10. день. И Нагайскіе люди, *Исмаилъ* мирза и иные многіе мирзы и улусы многие перекочевали за Волгу на нашу сторону, и Царь (Ямгурчи) *Кайбул*-*лы* Царевича и меня затѣмъ неотпустилъ, что Нагайскихъ людей проехати немочно. И ныне ко мнѣ Царево слово то. Какъ Волга пройдетъ, а Нагайскіе люди за Волгу не перейдутъ, и азъ Царевича Кайбуллу да и многие княжие роды съ Кайбуллою да и съ тобою отпущу» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 324, 325). Пріѣздъ Абдуллы въ Россію Иванъ въ грамотахъ своихъ къ Ногайскимъ мурзамъ объяснялъ дружбой, которая существовала между Россіей и Акъ-кубекомъ. «А съ *Ах-кубекомъ* Царемъ», писалъ Иванъ въ іюнѣ 1552 г. мурзѣ Исмаилу, «прежъ сего намъ было слово и дружба, и мы того для сына его къ себѣ взяли» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 335). Абдулла, сынъ Акъ-кубековъ, приходился внукомъ Муртазѣ, сыну Ахмеда, хана Золотой Орды (см. о Муртазѣ выше, пр. 49, стр. 112 — 123, и стр. 138 — 143). Такъ значится по крайней мѣрѣ въ нашихъ родословныхъ книгахъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46, 49), гдѣ самъ Абдулла (*Коп.*, *Арх.*, *Род.* Кайбула, *Син.* Кай Булатъ), и отецъ его Акъ-кубекъ (*Кон.* Ахкубекъ, *Син.* Ахбукикъ и Ахкубикъ, *Арх.* Ахкубикъ, *Род.* Акъ Кубекъ), сынъ Муртазы, внесены въ родъ Астраханскихъ царей (въ

Син. спискѣ, въ особой статьѣ, о которой я въ пр. 21 не упоминалъ, и которая озаглавлена: *Родъ болшіе же Орды Царей*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129, Абдуллы нѣтъ, но отецъ его, Акъ-кубекъ [Ахтобякъ], значится, и названъ сыномъ же Муртазы). Показаніе нашихъ родословныхъ книгъ о томъ, что Абдулла былъ внукомъ Муртазы, подтверждается еще однимъ изъ донесеній посла нашего въ Астрахани Савастьяна, и именно тѣмъ самымъ, изъ котораго я немного выше привелъ выписку. Передавъ все что было ему извѣстно объ Абдуллѣ, и что я уже сообщилъ въ выпискѣ, Савастьянъ, въ слѣдъ за тѣмъ, прибавлялъ: «Да хочетъ, Государь, ехати на Государя нашего имя служити совнююже вмѣсте *Крымъгирѣй* Царевичь *Устемиреевъ* сынъ Царевичевъ внукъ же *Муртозинъ* Царю» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 325). Царь Астраханскій Ямгурчи, при которомъ Абдулла выѣхалъ изъ Астрахани въ Россію, приходился ему, по нашимъ родословнымъ книгамъ, двоюроднымъ братомъ. Если вѣрить этимъ книгамъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46, 49), Ямгурчи (*Коп.* Ахмурчѣй, *Син.* Армугурчей, *Арх.* Ярмь-Гурчей, *Род.* Емгурчей) былъ рожденъ отъ Бирды-бека (بیردی بیك — *Коп.* Бердябякъ, Бердебякъ, *Син.* Бердебикъ, *Арх.* Бердебекъ, Бердебикъ, *Род.* Бердибекъ), роднаго брата Акъ-кубека (въ *Син.* спискѣ, въ особой статьѣ: *Родъ болшіе же Орды Царей*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129, Бирды-бекъ [Бердебикъ Салтанъ], сынъ Муртазы, значится; Ямгурчія же нѣтъ вовсе).—Отецъ

Абдуллы, Акъ-кубекъ, царствовалъ въ Астрахани весьма недолго. Въ 1532 г. онъ, съ помощью Черкасъ, вступилъ на престолъ на мѣсто Касима (см: выше, пр. 99, стр. 286, и пр. 131, стр. 359; см. также *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 229; IX, 110), а въ 1533 г. въ Астрахани уже былъ новый царь Абд-ур-рахманъ «Того же лѣта (7041), августа», читаемъ въ *Воскр.* П. С. Р. Л. VIII, 284, «прійде къ великому князю Василью Ивановичю всеа Руси на Москву изъ Астарокани, отъ царя Абдылъ-Рохмана, Кудалыаръ съ грамотою о дружбѣ и о любви (*Ник.* VI, 259, гдѣ вмѣсто: «Абдылъ-Рохмана», стоитъ: «Абдыахронака», и вмѣсто: «Кудалыаръ» — «Кудылыяръ»; *Лв.* III, 438; объ Абд-ур-рахманѣ см. выше, пр. 131, стр. 358, 359.). Свергнутъ былъ Акъ-кубекъ съ престола по милости Ногайцевъ. «Тотже Богъ», писалъ Ногайскій мурза Кель-Мухаммедъ государю Ивану Васильевичу въ 1538 г., «*Аккубека* Царя нами прогналъ» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 51).—У Абдуллы, сына Акъ-кубека, была сестра замужемъ за Акъ-мурзою, сыномъ Ногайскаго князя Юсуфа (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* X, 312, 322).

О жизни царя Дервишь-Алія Астраханскаго до 1552 г. я имѣлъ уже случай говорить выше (см. пр. 131, стр. 357 — 359). Онъ, какъ мы видѣли, выѣхалъ къ намъ въ исходѣ 1551 г., и получилъ въ началѣ 1552 г. Звенигородъ. Съ тѣхъ поръ Дервишь до 1554 г. оставался въ Россіи. Подъ конецъ жизни, Дервишу суждено было играть роль, если не важную, то по крайней мѣрѣ весьма замѣтную въ исторіи во-

стока: ему довелось быть послѣднимъ ханомъ Астраханскимъ. Въ 1554 г. онъ былъ, согласно желанію Ногайскихъ мурзъ, посаженъ государемъ Иваномъ Васильевичемъ на престолъ на мѣсто Ямгурчія. Вскорѣ, въ 1557 г., пала Астрахань, Дервишь бѣжалъ съ начала въ Азовъ, а потомъ въ Мекку, и царство Астраханское включено было въ составъ государства Русскаго (*Кар*. VIII, 136—138, и пр. 412). Говоря въ настоящемъ случаѣ о Дервишѣ, я не могу не замѣтить одной ошибки довольно важной, которая благодаря ложному показанію составителя старинной Астраханской исторіи, бывшей въ рукахъ у Рычкова, и изданной имъ отчасти въ 1774 г. въ его «Введеніи къ Астраханской топографіи», вкралась въ произведенія нѣкоторыхъ Русскихъ ученыхъ. Составитель этой исторіи, которую впрочемъ самъ Рычковъ (стр. 49) называетъ весьма краткой и безпорядочной, описывая возведеніе Дервишь-Алія (Дербышъ-Алея) въ 1554 г. на престолъ Астраханскій, почти постоянно величаетъ его царемъ Касимовскимъ. Жизнь Дервиша и исторія Касимова въ его время на столько извѣстны, что мы можемъ сказать положительно, что онъ никогда ханомъ Касимовскимъ не былъ. Въ гг. 1548, и 1551—1554, которые Дервишь прожилъ въ Россіи, Касимовымъ, какъ можно видѣть изъ моего же изслѣдованія, правилъ Шахъ-Али. На сколько я знаю, Дервишь владѣлъ у насъ, и то не долго, одним Звенигородомъ.

Въ записи, данной 12-го марта 1553 г. княземъ Вла-

димiромъ Андреевичемъ царю Ивану Васильевичу и малолѣтнему сыну его царевичу Дмитрію, находимъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «А въ выходы и Ордынскіе, и въ Крымъ, и въ Астарахань, и во Царевичевъ городокъ, и въ иные Цари и во Царевичи, которые будутъ у васъ въ землѣ, и во всѣ Татарскіе проторы давати со всее своей отчины по тому, какъ дѣдъ нашъ Князь Велики Іванъ въ своей духовной написалъ (см. выше, стр. 153 — 157 и 272), и какъ ты Государь мой Царь и Великій Князь Іванъ въ своей духовной написалъ, и мнѣ давати по тому указу» (*Сб. гос. гр.* I, № 167, стр. 461; *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VI, № 183, стр. 37, 38).— Здѣсь не названъ владѣлецъ Касимова по имени, но нѣтъ сомнѣнія, что выходъ въ Царевичевъ-городокъ, о которомъ идетъ рѣчь, шелъ когда давалась запись, въ пользу Шахъ-Алія [149]).

[149]) Статья записи князя Владиміра Андреевича 12-го марта 1553 г. о выходахъ и проторахъ Татарскихъ, повторяется, съ пропускомъ только послѣднихъ словъ: «и мнѣ давати по тому указу», и въ записяхъ, данныхъ тѣмъ же княземъ Владиміромъ Андреевичемъ царю Ивану Васильевичу въ апрѣлѣ и маѣ 1554 г., по случаю кончины царевича Димитрія и рожденія царевича Ивана (*Сб. гос. гр.* I, № 168, 169, стр. 463, 466). Въ 1554 году, какъ увидимъ ниже, владѣлъ Царевичевымъ городкомъ тоже Шахъ-Али.

Съ осени 1553 до конца 1557 года, Шахъ-Али, какъ кажется, жилъ безвыѣздно въ Касимовѣ, владѣя имъ по прежнему. По крайней мѣрѣ мы нигдѣ не видимъ, чтобъ онъ участвовалъ въ походахъ, или управлялъ другимъ городомъ. Всѣ свѣдѣнія, которыя имѣются о Шахъ-Алиѣ за этотъ періодъ времени, указываютъ, напротивъ, на его пребываніе въ городкѣ.

Самое любопытное изъ означенныхъ свѣдѣній—это переписка, бывшая между государемъ Иваномъ Васильевичемъ и Шахъ-Аліемъ, по поводу жены его Сююнъ-беки, вдовы Сафа-гиреевой. Отецъ ея князь Ногайскій Юсуфъ, который не могъ простить Ивану, зачѣмъ онъ, вмѣсто того чтобъ отпустить къ нему плѣнную дочь, выдалъ ее за Шахъ-Алія (см. выше, стр. 364, и пр. 134, стр. 364—367), вообразилъ, въ слѣдствіе дошедшихъ до него ложныхъ слуховъ, будто ханъ Касимовскій, по приказанію Ивана, замучилъ Сююнъ-беку до смерти. Иванъ, не желавшій изъ за такой пустой причины ссориться съ Юсуфомъ, въ началѣ 1554 г., писалъ къ нему и къ сыну его Юнусу, чтобъ успокоить ихъ и убѣдить: не слушать «женского обычая непригожихъ речей»; писалъ и къ другимъ Ногайскимъ мурзамъ, прося ихъ съ своей стороны уговорить князя, «чтобъ онъ безъдѣлнымъ рѣчамъ не потакалъ» (письма Ивана напечатаны въ *Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 126—139). Мало того, Юнусову человѣку Джанъ-Алію (Зиенъалѣю, какъ звалъ его Иванъ въ своихъ грамотахъ), и человѣку другаго

сына Юсуфова, Аліи, Бахты-гильдыю (بختی کیلدی), государь объ эту же самую пору приказалъ нарочно, на обратномъ пути въ Ногайскіе улусы, заѣхать въ городокъ къ Шахъ-Аліи, съ тою именно цѣлью, чтобъ они могли лично увѣриться въ несправедливости слуховъ, распространенныхъ о Сююнъ-бекѣ, и донести о томъ Юсуфу и его дѣтямъ. По случаю отъѣзда Джанъ-Аліи и Бахты-гильдыя въ городокъ, Иванъ писалъ къ Шахъ-Алію особое письмо. Оно заслуживаетъ вниманія, и даже въ нѣкоторой степени поясняетъ отношенія, существовавшія между государемъ и царемъ Касимовскимъ. Приведу его въ подлинникѣ, такъ какъ оно напечатано въ *Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 145 — 148: «Отъ Царя и великого Князя Ивана *Васильевича* всеа Русіи брату нашему *Шигалью* Царю; писали къ намъ *Исмаиль* мирза, и *Касай* мирза и *Юнусъ* мирза. Сказали дей *Юсуфу* Князю, будто ты братъ нашъ по нашему слову *Сююнбекъ* Царицу казнилъ носа ей срѣзалъ, и поруганье великое учини убилъ ее до смерти. И того для дей Юсуфъ Князь на насъ гнѣваетца, пословъ и гостей къ намъ не посылаетъ. А наши казаки *Бахтеяръ Баимаковъ* съ таварищи намъ сказывали тоже, будто сказали Юсуфу Князю, что дочь ево казнена. А вожь *Сююндюка Тулусупова Карамышъ Мустояповъ* намъ сказывалъ, что Сююнбекъ царицына мать сама ему говорила, что дочь ее казнена. И мы ныне Нагайскихъ пословъ отпустили въ Нагаи. А Юнусъ мирзину человѣку *Зиеньалию*, да Али мирзину чело-

вѣку *Бахтыгилдѣю* велѣли есмя заехати къ тебѣ. И какъ Юнусъ мирзинъ Зиенъалѣй и Бахтыгилдѣй къ тебѣ приедутъ, и тыбъ ему велѣлъ быти у себя, да и у Царицы бы еси у своей у Сююнбекъ велѣлъ имъ быти, чтобъ они ее видели. И отпустилъ бы еси ихъ изъ *Городка* съ Нагаискими послы вмѣсте. А будетъ Сююнбекъ Царице пригоже отъ себя къ отцу и къ матери своей послати грамоты о своемъ здоровье извѣстити и о ихъ здоровье вспросити; и ты бы ей велѣлъ послати грамоты, каковымъ пригоже быти да и поминокъ что пригоже. А каковы грамоты Сююнбекъ Царица къ Юсуфу Князю къ матери пошлетъ; и тыбы братъ нашъ съ тѣхъ грамотъ списки къ намъ прислалъ. А будстъ и тебѣ брату нашему о любви пригоже отъ себя послати къ Юсуфу Князю грамоту; и тыбъ къ нему грамоту послалъ. А какову къ нему грамоту пошлешъ, и тыбы съ тое грамоты списокъ къ намъже прислалъ. А мы къ Юсуфу Князю отъ себя грамоту послали; а писали есмя ему, какъ дочь ево жаловали и берегли, и какъ здоброю честью дали за тебя брата нашего, памятуя его къ себѣ прежнюю дружбу, и какъ внука его (Утямишь-гирея) у себя держимъ за сына мѣсто. О всемъ есмя о томъ къ нему писали подлинно, что все учинили есмя его для. Да что будетъ и впередъ о Юсуѳе Князе твоя брата нашего мысль; и тыбы о томъ къ намъ отписалъ съ сѣмъже гонцомъ, которой къ тебѣ брату нашему сю грамоту привезетъ. Писана на Москвѣ лѣта 7062 Генваря 1 [150]).

[illegible] Долго ли еще послѣ этого письма жила Сююнъ-бека — неизвѣстно. Въ Описи Царскаго архива 1575—1584, напечатанной въ *Актахъ Арх. Эксп.* I, № 289, на стр. 350, говорится о какомъ-то пріѣздѣ въ Москву Шахъ-Аліи и жены его Сююнъ-беки, но года не означено. Вотъ подлинныя слова Описи: «Ящикъ 201. А въ немъ книги, пріѣздъ царя Шигалея и царевы Шигалеевы Сююнбековы царицы; да книги крещенья Казанскихъ царей, и пріѣздъ Бекбулата царевича, и Черкаскихъ князей пріѣзды, и до Мамука и пропускные грамоты, и опасные грамоты; да списокъ шертные грамоты царя Шигалея, какъ его Царь и Великій Князь отпустилъ на Казань 59 году».

Остальныя свѣдѣнія о Шахъ-Алѣ не такъ важны, и если заслуживаютъ вниманія, то, всего болѣе, именно какъ доказательства пребыванія его въ городкѣ. Въ октябрѣ 1553 г. Шахъ-Али изъ городка присылалъ къ государю Карамыша Мустафина (قرامیش مصطفی اوغلی — или какъ онъ звался въ Дѣлахъ Ногайскихъ, Карамыша Мустояпова), выбѣжавшаго отъ князя Юсуфа изъ Ногайскихъ улусовъ, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ вожа Русскаго посланца Сююндюка Кулъ-Юсуфова (سیوندوک قول یوسف اوغلی — или какъ онъ звался въ Дѣлахъ Ногайскихъ, Сююндюка Тулусупова; см. о немъ и о Карамышѣ выше, стр. 400). Вслѣдъ за тѣмъ, по случаю извѣстій привезенныхъ Карамышемъ, который объявилъ, что Юсуфъ, задержавъ Сююндюка, идетъ войною на наши украйны,

посылалъ государь въ городокъ къ Шахъ-Алію и во Владиміръ къ боярину и воеводѣ князю Семену Ивановичу Микулинскому приказаніе вернуть въ Москву Ногайскихъ пословъ, отпущенныхъ домой. Въ декабрѣ того же 1553 г. пріѣзжали изъ городка въ Москву Ногайскіе гонцы, напередъ пословъ Исмаиловыхъ, Темира и другихъ, снаряженныхъ для переговоровъ о возведеніи Дервишь-Алія на Астраханскій престолъ (сл. выше, пр. 148, стр. 397; въ лѣтописяхъ, *Ник.* VII, 208 и *Лв.* V, 23, пріѣздъ Темира, по ошибкѣ, отнесенъ къ октябрю). Положительно не знаемъ, кто изъ городка отправлялъ тогда гонцовъ, но то былъ вѣроятно Шахъ-Али. Въ апрѣлѣ 1555 г. Шахъ-Али изъ городка присылалъ къ государю Ногайскихъ гонцовъ съ извѣстіемъ, что идутъ послы отъ мурзы Касима (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 100, 104, 109, 152). Въ 1554 — 1555 (7063) г. «у царя Шигалея въ городкѣ» находился «околничей Долматъ Ѳедоровичь Карповъ», а въ 1555 — 1556 (7064) г. «въ цареве городкѣ» былъ «князь Дмитрей Михайловичь Жижемской» (оба свѣдѣнія эти заимствованы изъ *Башм. разр. кн.*). Наконецъ въ іюлѣ 1557 г. Шахъ-Али увѣдомлялъ государя, что пріѣхали къ нему въ городокъ Ногайскіе послы, Гильды-Уразъ (کیلدی اوراز) съ товарищами, отъ князя Исмаила (Исмаилъ, убивъ Юсуфа, сдѣлался на его мѣсто княземъ, въ самомъ началѣ 1555 г.) и другихъ мурзъ, и что онъ отпустилъ ихъ къ Москвѣ, давъ имъ въ проводники сво-

его сына боярскаго Степана Головина и разсыльщиковъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 278).

Спокойное и продолжительное пребываніе Шахъ-Алія въ Касимовѣ отъ осени 1553 до конца 1557 г. не мѣшало однакожь, въ это же самое время, подвластнымъ ему Касимовскимъ Татарамъ нести государеву службу. Ханъ жилъ дома; а они, подъ ближайшимъ начальствомъ то Русскихъ воеводъ, то царевичей Татарскихъ, ходили на войну и сражались съ непріятелями нашими,—словомъ, далеко не были въ бездѣйствіи. Свидѣтельства этому находимъ въ лѣтописяхъ и разрядахъ.

Такъ Городецкіе Татары ходили зимою 1553 и 1554 г. усмирять мятежь въ землѣ Казанской, вмѣстѣ съ войскомъ, посланнымъ подъ начальствомъ князя Семена Ивановича Микулинскаго и другихъ воеводъ. Трудный походъ этотъ они совершили съ состоявшимъ при нихъ княземъ Федоромъ Ивановичемъ Татевымъ [151]).

[151]) *Башм. разр. кн*: Лѣта 7062 году, декабря, царь и великіі князь посылалъ воеводъ своихъ въ Казань; а изъ Казани велѣлъ имъ итти на луговую сторону и на Арскіе мѣста воевать которые гдѣ не прямятъ государю. А велѣлъ быть воеводамъ по полкомъ на три полки. Въ болшомъ полку: бояра и воеводы князь Семенъ Івановичь Микулинской Пунковъ, да Петръ Васильевичь Морозовъ. Въ передовомъ полку: бояринъ Іванъ Васильевичь болшой Шереметевъ, да окол-

ничей и оружничей Левъ Андреевичь Салтыковъ.

Въ сторожевомъ полку: князь Андрей Михайловичь Курбской, да Михайло Івановичь Воронцово Волынской.

А изъ Свіяжского воевода со князь Семеномъ Микулинскимъ въ болшомъ полку, князь Юрья Івановичь Кашинъ. А изъ Казани въ передовомъ полку съ Іваномъ Шереметевымъ, воевода Өедоръ Івановичь Умного Колычевъ. Въ сторожевомъ полку со князь Андрѣемъ Курбскимъ, изъ Казани воевода Дмитрей Івановичь Плещѣевъ. А съ Городецкими князьями, мурзы, и со всѣми Мещерскими людми, князь Өедоръ князь Івановъ сынъ Титовъ. А съ служилыми Татары Өедоръ Васильевъ сынъ Вокшеринъ. И бояра и воеводы, князь Семенъ Івановичь Микулинской съ товарыщи, посылали отъ себя въ войну въ луговую сторону, по государеву указу, головъ. Въ болшомъ полку: князь Іванъ Івановичь Кашинъ Сухой, да Григорей Івановичь Ногой. Въ передовомъ полку: Іванъ Васильевичь Шереметевъ меншой, да князь Василей Івановичь Тахмаковъ. Въ сторожевомъ полку: князь Өедоръ Івановичь Глазатой Оболенской, да Өедоръ Пушкинъ. Да посылали жъ бояра и воеводы головъ на рѣку на Мешю.

Въ болшомъ полку: князя Івана Михайловича Хворостинина, да князь Семена Осокина Стародубского. Въ передовомъ полку: князь Өедора Михайловича Троекурова, да Алексѣя Ершова. Въ сторожевомъ полку: Івана Івановича Очина Плещѣева. И воеводы многие мѣста воевали, и взяли языковъ чотныхъ людей 6000, а полону Руского взяли 15000; а съ сеунчомъ прислали

къ государю Назара Семенова сына Глѣбова. И за тое службу посыланъ отъ царя съ рѣчью и съ золотыми къ бояромъ и къ воеводамъ, ко князю Семену Івановичю Микулинскому съ товарыщи, и къ головамъ, Іванъ Александровичь Упинъ. А въ росписи у него написано: Подать отъ царя и великого князя золотые бояромъ и воеводамъ и головамъ и дворяномъ. Боярину и воеводѣ Івану Васильевичю болшому Шереметеву, по золотому корабленому. Боярину и воеводамъ Петру Васильевичю Морозову, да околничему Льву Андрѣевичю Салтыкову, воеводамъ князю Андрѣю Михайловичю Курбскому, Михайлу Івановичю Воронову Волынскому, Өедору Івановичю Умного Колычову, по золотому Угорскому. Головамъ Семену да Івану Васильевичемъ Шереметевымъ, князь Івану Івановичю Кашину, Аөонасью Андрѣевичю Бутурлину, князь Івану Михайловичю Хворостинину, князь Өедору Михайловичю Троекурову, по золотому Угорскому. Семену Александровичю Упину, князю Василью Івановичю Такмакову, Григорью Івановичю Ногово, князь Өедору Івановичю Татеву, князь Өедору Глазатово Оболенскому, Дмитрею Григорьевичю Плещѣеву, князь Семену Івановичю Стародубскому, князь Семену да князь Івану Дмитреевичемъ Дашковымъ, Івану Івановичю Очину Плещѣеву, Никите Івановичю Борисову, по полузолотому Угорскому. Головамъ стрелецкимъ Якову Бундову съ товарыщи, по денге золотой. Івану Булгакову сыну Денисьеву, Івану Яхонтову, Петру Зайцову, Өедору Пушкину, Михайлу Булгакову сыну Денисьеву, Алексѣю Ершову, Юрью

Осорьину, Меншику Проестеву, Өедору Булгакову сыну Денисьеву, Михайлу Сунбулову, Юрью Чевкину, Стретю Зюзину, Григорью Злобину, Осенчюку Зачесломскому, Темке Игнатьеву, князю Никите Кропоткину, Петру Григорьеву сыну Заболоцкому, князю Василью Морткину, Серцу Наумову, Роману Олферьеву, Богдану Посникову сыну Губину, Булгаку Каракадымову, Ушатому Чоглокову, Өедору Бельскому, Өедору Оксакову, Андрѣю Тимоөѣеву сыну Михалкову, по денге по золотой. Петру Пояркову, Андрѣю Зезевитову, Івану Карпову сыну Левашову, Меншику Козловскому, Андрѣю Васильеву сыну Плещѣеву, Данилу Отяеву, Меншику Истлѣньеву, Семену Шенгурскому, князю Івану Козловскому, Замятне Рожнову, Елке Ржевскому, Өедору Милюкову, Василью Степанову, Шаөеру Чоглокову, Семенке Вешнякову, Семену Молвянинову, Поснику Чюбарову, князю Івану Мещерскому, Истоме Левашову, Михайлу Бурцову, Дмитрею Пушкину, Ураку Булатову, Алөеру Мокѣеву, Василью Вышеславцову, Івану Трепареву, Степану Скрыпицыну, Івану Хилюпину, Вешняку Александрову, Івану Баклановскому, по новгородке. А княжатамъ и дворяномъ болшимъ подати по новгородке, и по денге, а инымъ дѣтемъ боярскимъ по денге и двумъ и тремъ денгамъ; а спросить о томъ воеводѣ, какъ велятъ дать. Да съ Іваномъ же послано шесть денегъ золотыхъ, да дватцать новгородокъ золотыхъ на запасъ, да новгородокъ два рубли, да московокъ два рублика; а спросить воеводъ, кому велятъ дать.— См. описаніе этого же похода въ *Ник.* VII, 208, 213,

214, *Лѣ.* V, 22, 23, 32—34, *Льт. Норм.* 73, 76 и *Курбск.* 48; но тамъ нигдѣ о Городецкихъ Татарахъ не сказано ни слова.

Равнымъ образомъ участвовали Городецкіе Татары, а съ ними вмѣстѣ «царевы Шегалеевы люди»— первые съ княземъ Федоромъ Васильевичемъ Сисеевымъ и съ Акъ-сеидомъ (см. о немъ выше, пр. 146, стр. 388), а вторые съ княземъ Араемъ — въ военныхъ дѣйствіяхъ конца 1554 и начала 1555 г., когда воеводы наши, князь Иванъ Федоровичь Мстиславскій и другіе, усмиряли Черемисовъ [153]).

[153]) *Баим. разр. кн.*: Лѣта 7063 году послалъ государь царь и великиі князь Іванъ Васильевичь всея Росиі воеводъ своихъ Черемисы воевать на луговую сторону въ Кокшагу; и стали сбиратись съ людми въ Володимере, и пошли изъ Володимеря съ Николина дни осеннего. Въ болшомъ полку: князь Іванъ Өедоровичь Мстиславской, да бояринъ и дворецкой Данило Романовичь Юрьевъ. Въ передовомъ полку: бояринъ Захарей Петровичь Яковлевъ, да Михайло Івановичь Вороново Волынской; а сбирались съ людми въ Муроме. Въ сторожевомъ полку: бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ, да князь Василей Андрѣевичь Сицкой; а сбирались съ людми въ Суздали. А изъ Галича государь велѣлъ итти воеводамъ въ Черемисужь на три полки, а сходитца съ бояры и воеводами, со князь Іваномъ Өедоровичемъ Мстиславскимъ, въ одномъ мѣсте; и были они для посылокъ. Въ болшомъ полку: Іванъ Петро-

вичь Яковлевъ Хиронъ. Въ передовомъ полку: Іванъ меншой Васильевичь Шереметевъ. Въ сторожевомъ полку: князь Василей княжь Івановъ сынъ Такмаковъ Ноздроватой. А какъ воеводы сойдутца Галицкие съ бояры и съ воеводами вмѣсте, и имъ снятися по полкомъ, а тѣмъ полкомъ снятись потомужь, и быть съ воеводами по полкомъ. Да велѣлъ государь быть отъ бояръ и воеводъ, воеводамъ изъ полковъ въ посылке, а иныхъ головъ въ полки прибавить воеводамъ. Въ болшомъ полку: воевода князь Дмитрей Семеновичь Шестуновъ, да Василей Ѳедоровъ сынъ Колычовъ. Въ передовомъ полку: Іванъ Івановичь Очинъ Плещѣевъ, да Дмитрей Ѳедоровъ сынъ Клушинъ. Въ сторожевомъ полку: князь Ѳедоръ Юрьевичь Глазатово Оболенской, да князь Юрья княжь Ѳедоровъ сынъ Борятинской. Другая посылка на трижь полки. Въ болшомъ полку: воевода князь Ѳедоръ Івановичь Троекуровъ, да Василей Андрѣевичь Коробовъ. Въ передовомъ полку: Ѳедоръ Андрѣевичь Карповъ, да Алексѣй Ершевъ сынъ Линевъ. Въ сторожевомъ полку: Ѳома Івановъ сынъ Третьяковъ, да Невзоръ Злобинъ сынъ Чоглоковъ. А третья посылка на трижь полки. Въ болшомъ полку: воевода князь Іванъ Івановичь Кашинъ Сущь, да голова Григорей Злобинъ сынъ Петровъ. Въ передовомъ полку: головы Михайло Ѳедоровъ сынъ Сунбуловъ, да Попадья Ѳедоровъ сынъ Вышеславцовъ. Въ сторожевомъ полку: головы Истома Васильевъ сынъ Чоглоковъ, да Григорей Андрѣевъ сынъ Неплюевъ. А съ Городецькими князи и мурзы и казаки князь Ѳедоръ княжь

Васильевъ сынъ Сметевъ, да Аксентъ мурза. А съ царевыми Шегалеевыми люди Арай князь. Съ Темниковскими люди Енихей князь Темишевъ. Съ служилыми Татары Темка Өедоровъ сынъ Игнатьевъ. А на Устюгъ государь послалъ Никиту Васильева сына Борисова. Къ Соли Тимоеѣя Пухова сына Тетерина. На Вагу Василья Гундорова сына Тетерина. На Вятку Игнатья Ушакова сына Заболоцкого, да Елизарья Деватаго сына Ржевского. Въ Пермь Мисюря Григорьева сына Зюзина. А велѣлъ итти въ Казанские мѣста съ Устюжскими люди Никите Борисову, да Тимоеѣю да Василью Тетеринымъ. А съ Вятки Игнатью Заболоцкому, да Елизарью Ржевскому, да съ Игнатьемъ же брату его Өедору. А съ Перми Мисюрю Зюзину. — См также *Ник*. VII, 227, *Лв*. V, 60, 61 и *Лѣт*. *Норм*. 84. По *Бахм*. *разр*. *кн*. Мстиславскій пошелъ изъ Владиміра на Черемисовъ съ Николина дня осенняго 7063 г., т. е въ декабрѣ 1554; съ этимъ согласны и указанныя мною лѣтописи, которыя сообщаютъ, что Мстиславскій былъ посланъ съ войскомъ въ слѣдствіе извѣстія, полученнаго государемъ по *Ник*. и *Лв*. въ октябрѣ, а по *Лѣт*. *Норм*. въ декабрѣ 7063 г., о томъ что «луговые сотники Мамичь Бердей (Мамышь - Бирды ماماش بيردى) съ товарищи» (такъ по *Ник*. и *Лв*.; *Лѣт*. *Норм*. не называетъ сотниковъ по именамъ) не хотятъ повиноваться. По словамъ лѣтописцевъ (*Ник*. VII, 225; *Лв*. V, 56, 57; *Лѣт*. *Норм*. 83), воеводы наши раззорили многія Черемисскія волости, а въ томъ числѣ и Мамышь-Бирдыевы; съ извѣсті-

емъ объ этомъ присланъ былъ въ Москву (время въ лѣтописяхъ положительно не означено, но по смыслу видно что въ апрѣлѣ или въ мартѣ 1555 г.) Дмитрей Григорьевичь Плещеевъ.

Въ концѣ 1555 года Городецкіе Татары и «царевы Шегаіеевы люди» были включены, подъ начальствомъ царевича Астраханскаго Абдуллы Акъ-кубекова, въ составъ Русскаго войска, отправлявшагося противъ Шведовъ. Имъ велѣно было ходить за передовымъ полкомъ. При нихъ приказано было находиться Дмитрію Григорьевичу Плещееву; а при Абдуллѣ, въ качествѣ пристава — Ефиму Игнатьѣву Салтыкову. Въ этомъ походѣ, продолжавшемся до начала весны 1556 г., Касимовцы дрались со Шведами подъ Выборгомъ [153]).

[153]) *Ник.* VII, 252, 254: Тогоже году (7064) мѣсяца Декабря отпустилъ Царь и великиі Князь на свіiского короля Гостава воеводъ своихъ за его неправду, в болшомъ полку бояринъ и воевода князь Петръ Михаиловичь Щенятевъ да бояринъ и воевода князь Дмитреі Ѳедоровичь Палецкоі, в передовомъ полку воеводы Семенъ да Никита Васильевичи Шеремѣтевы, в правоі рукѣ князь Андрѣі Івановичь Нохтевъ да Иванъ меншоі Васильевичь Шеремѣтевъ, в лѣвоі рукѣ Захареі Івановичь Очинъ да Михаило Петровичь Головинъ, а в сторожевомъ полку князь Дмитреі Семеновичь Шастуновъ да Петръ Петровичь Головинъ. Да отпустилъ Государь царевича Асторохавского Каибулу

Ахкубековича, а с нимъ всѣхъ городецкихъ Татаръ, а велѣлъ ему ходити за первымъ (чит. какъ въ *Лв.* и *Лѣт. Норм.*: передовымъ) полкомъ, и имъ какъ Государь отпустилъ воеводъ и царевича и велѣлъ в Новѣ городѣ збиратца... Тогожъ году мѣсяца Февраля 7. день приѣхалъ отъ воеводъ изъ немецкие земли Шемяка князь Дмитреі Гагаринъ, а отъ царевича Уразлыі мурза Канбаровъ, и сказывали какъ воеводы пришли за рубежъ... пошли к Выбору воюючи по обѣ стороны. И не доходя до Выбора за пять верстъ встрѣтили немцы конные и пѣшие, и пришли на артоулскоі полкъ, и въ Ертоулѣхъ были князь Микита Приимковъ Ростовскоі да Өедоръ Пушкинъ, и Өедора с коня збили и ранили добрѣ, а князя Микиту ранилижъ и полкъ яртаулскоі потоптали. И напустили передовымъ полкомъ Семенъ да Никита Шерѣметевы, и которые пришли на яртаулскоі полкъ и тѣхъ побили Немцовъ, и гонили ихъ сверсту по гору; а тутъ у нихъ конные и пѣшие многие с пищалми стоятъ, в камение приѣздъ к нимъ тѣсенъ, и тутъ ранили воеводу Никиту Васильевича Шереметева. И поспѣшилъ к нимъ царевичь Каібула с своимъ полкомъ и учалі с ними тутъ битися; а правоі руки воевода Иванъ меншеі Васильевичь Шереметевъ обшолъ около, и прошелъ нашихъ (чит. какъ въ *Лв.*: пришелъ на нихъ) отъ города отъ Выбора, побили ихъ тутъ наголову, и гоняли по самоі Выборъ и многихъ живыхъ поимали королевскихъ дворянъ; а князь Андреі Нохтѣвъ не былъ на бою по тому, былъ боленъ, ногу испортилъ еще на рубежѣ (ср. *Лв.* V,

109, 110, 112—114; ср. также *Лът. Норм.* 93, 94, гдѣ, между прочимъ, по ошибкѣ, царевичь Кайбула названъ Ихкурековичемъ, а Уразлы мурза Канбаровъ— اورازلی مرزا قنبر اوغلی — Уразлы мурзою Кавмировымъ). *Башм. разр. кн.*: Тогожъ году (7064), ноября въ 9 день, царь и великиі князь послалъ на Свійские Немцы къ Выбору воеводъ боярина князя Петра Михайловича Щенятева, да боярина и намѣстника изъ Великого Новагорода князя Дмитрея Өедоровича Палецкого, и иныхъ бояръ и воеводъ. А збиралися воеводы съ людми въ Великомъ Новѣгородѣ, а иные въ Орѣховскомъ уѣздѣ въ Кипенскомъ погосте. А пошли изъ Новагорода декабря въ 26 день; а наказы писаны князю Петру Щенятеву да князь Дмитрею Палецкому с товарыщи. И были воеводы по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ Петръ Михайловичь Щенятевъ, да съ Новагорода Великого бояринъ и намѣстникъ князь Дмитрей Өедоровичь Палецкой. Въ передовомъ полку: съ Новагорода Великого дворѣцкой Семенъ Васильевичь Шереметевъ, да съ Іванягорода намѣстникъ Никита Васильевичь Шереметевъ. Въ правой рукѣ князь Андрѣй Івановичь Ногтевъ Суздалской, да Іванъ меншой Васильевичь Шереметевъ. Въ лѣвой рукѣ: Захарей Івановичь Очинъ Плещѣевъ, да Михайло Петровъ сынъ Головинъ меншой. Въ сторожевомъ полку: князь Дмитрей Семеновичь Шестуновъ, да Петръ Петровъ сынъ Головинъ. Въ ертоуле были воеводы князь Никита Борисовичь Пріимковъ Ростовской, да Өедоръ Михайловъ сынъ Пушкинъ. Да отпустилъ государь царе-

вича Астараханского Кайбула Ахкубековича, а съ нимъ всѣхъ Городецкихъ Татаръ, а велѣлъ ему ходить за передовымъ полкомъ; приставъ у него Иванъ, прозвище Худякъ, Игнатьевъ сынъ Салтыковъ. А съ Городецкими князьми и мурзы, и со всѣми Мещерскими людми, и съ царевыми Шегалеевыми люди Дмитрей Григорьевъ сынъ Плещѣевъ. А съ служилыми Татары Григорей Никитинъ сынъ Сукинъ. Съ Казанскими князьми и мурзы изъ Казани, и съ Новокрещены Поукъ Петровъ сынъ Заболоцкой. Съ нарядомъ князь Григорей княжъ Григорьевъ сынъ Путятинъ. Съ пѣшими люди изъ Новгороцкихъ пригородковъ и съ Корѣлы князь Никита княжъ Івановъ сынъ Мезецкой. Изъ Орѣшка Василей Гундоровъ сынъ Теперинъ. Изъ Копорья князь Юрья княжъ Өедоровъ сынъ Нерыцкой. Изъ Ладоги Борисъ Тимоѳѣевъ сынъ Зачесломской. Съ Іваня города и съ Ямы князь Дмитрей Шемяка князь Даниловъ сынъ Гагаринъ. И воеводы ходили и воевали до Выбору... А какъ Немецкихъ людей въ томъ походе царевичи и бояра побили подъ Выборомъ и два городка сожгли и землю Свицкую воевали, и ко государю прислали бояра, князь Петръ Михайловичь Щенятевъ съ товарыщи, къ Москве съ сеунчомъ князь Дмитрея Шемяку князь Данилова сына Гагарина, да Василья Борисова сына Сабурова, да Івана Шерапова сына Замыцкого, да Өедора Сназина; а царевичь съ тогожь дѣла отпустилъ къ государю съ сеунчомъ Уразлыя Канбарова.

Наконецъ въ 1556 году лѣтомъ, когда распространился слухъ о близкомъ нападеніи Крымцевъ, и государь съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, царемъ Семеномъ Казанскимъ, боярами, воеводами и многими людьми, прибылъ въ г. Серпуховъ, назначенный сборнымъ пунктомъ для войска, то царевичь Абдулла, незадолго предъ тѣмъ возвратившійся изъ Шведскаго похода, получилъ съ своей стороны приказаніе явиться съ Городецкими Татарами въ Серпуховъ и стать въ Тарусѣ, гдѣ должны были расположиться передовой полкъ и правая рука. Вмѣстѣ съ Городецкими Татарами были и «царевы Шегалеевы люди». При нихъ при всѣхъ велѣно было состоять Дмитрію Григорьевичу Плещееву, а при Абдуллѣ— Михайлу Матвѣеву сыну Лыкову [154]).

[154]) *Ник.* VII, 264, 265: И по тѣмъ вѣстемъ (Крымскимъ) Царь и великиі Князь приговорилъ з братиею и з бояры, что итти ему в Серпуховъ, да тутъ собрався съ людми да итти на Тулу, и с Тулы вышедши на поле дождатца царя и дѣлати с нимъ прямое дѣло какъ богъ поможетъ... Тогожъ мѣсяца (мая 7064) Царь и великиі Князь приѣхавъ отъ Троицы в четвергъ передъ заговеіномъ петровымъ, пошелъ в Серпуховъ, а с нимъ князь Владимеръ Андрѣевичь, царь Семионъ казанскоі да бояре и воеводы и многие люди; пришелъ в Серпуховъ на заговеіно, а велѣлъ у собя быти в Серпухове царевичю Каібуле Ахкубекову цареву сыну астороханскаго, а с нимъ вси князи и мурзы городецкие, а ве-

лѣлъ ему Государь стояти в Торусѣ, да в Торускве велѣлъ быти передовому полку да правой рукѣ (*Лѣт.* V, 133, 134, гдѣ не: «Кайбулѣ», а: «Камболѣ», и гдѣ, сверхъ того, слова: «да правой рукѣ» пропущены; *Льв. Норм.* 93, гдѣ вмѣсто: «Тогожъ мѣсяца» и т. д. до конца, читаемъ: «И Царь и Великій Князь пришелъ въ Серпуховъ, Царевичю Кайбулѣ Ахтубекову Цареву сыну Астраханского, а с нимъ всѣ Князи и Мурзы городскіе, и велѣлъ ему стоять въ Торусѣ, да въ Торусѣ жъ велѣлъ быть передовому полку въ правой рукѣ»). *Ст.* II, 284: Христолюбивый же Царь слышавъ сія, и поиде въ Серпуховъ, съ нимъ же Князь Владимиръ Андрѣевичь, и Царь Симіонъ Казанскій, и людіе многи. Оттуду же Государь хотя итти на Тулу, и на поле, идѣже увѣсть Царя, хотяше съ нимъ брань составити, елико Вседержитель Богъ поможетъ ему. Царевичю же Кайбулѣ, сыну Ахкубекову, Астараханскаго Царя, и Княземъ и Мурзамъ Городецкимъ повелѣ Государь стояти въ Торусѣ. *Башм. разр. кн.*: Тогожъ лѣта (7064), іюля, царь и великіи князь Іванъ Васильевичь всея Росеі, для своего дѣла и земского, былъ въ Серпухове, для Крымского царя приходу. А съ царемъ и великимъ княземъ братъ ево князь Володимеръ Андрѣевичь, да царь Симеонъ Касаевичь Казанской; а царевичю Кайбулѣ велѣлъ быть въ Торусе. А въ ево царскомъ полку дворовые воеводы князь Іванъ Дмитреевичь Бѣльской, да бояринъ Іванъ Васильевичь Шереметевъ болшой. Околничей и оружничей Левъ Андрѣевичь Салтыковъ. А бояра и воеводы были по полкомъ по первой росписи,

какъ были съ весны съ Егорьева дни по берегу. А съ государемъ стояли воеводы по рознымъ городомъ. Болшой полкъ стоялъ на устье Поротвы. Передовой полкъ и правая рука стояли въ Торусе; да въ Торусежь царевичь Кайбула, а съ царевичемъ Михайло Матвѣевъ сынъ Лыковъ. Лѣвая рука стояла на Сенкине перевозе. Сторожевой полкъ стоялъ на усть Лопасны.

Съ Городецкими князьми и съ казаки и съ царевыми Шегалеевыми люди Дмитрей Григорьевъ сынъ Плещѣевъ. Съ служилыми Татары Игнатей Тимоѳѣевъ сынъ Загряской. А съ царемъ и великимъ княземъ съ Москвы. Бояра: князь Дмитрей Ѳедоровичь Палецкой, князь Петръ Михайловичь Щенятевъ, Іванъ Ѳока Семеновичь Воронцовъ, князь Дмитрей Івановичь Курлетевъ, Михайло Яковлевичь Морозовъ, Семенъ Костянтиновичь Заболоцкой, Юрья Михайловичь Воронцовъ, Алексѣй Даниловичь Басмановъ Плещѣевъ, князь Іванъ Андрѣевичь Куракинъ, князь Андрѣй Михайловичь Курбской. Околничіе: Михайло Васильевичь Яковлевъ, Володимеръ Васильевичь Морозовъ, Яковъ Андрѣевичь Салтыковъ, Семенъ Дмитреевичь Пѣшковъ Сабуровъ, Іванъ Яковлевичь Чоботовъ, Алексѣй Ѳедоровичь Адашевъ, Василей Дмитреевичь Даниловъ, Долматъ Ѳедоровичь Карповъ, Резанской дворецкой князь Василей Андрѣевичь Сицкой. Постелничей Игнатей Михайловичь Вешняковъ. Соколничей Іванъ Жакула Ѳедоровъ сынъ Наумовъ. Дьяки: Іванъ Елизаровъ сынъ Цыплетевъ, Іванъ Григорьевъ сынъ Выдраковъ, Іванъ Михайловъ сынъ Висковатого, Андрѣй

Васильевъ, Іванъ Клобуковъ, Іванъ Безсоновъ, Василей Нечаловъ, Василей Колзаковъ, Іванъ Юрьевъ, Ишюкъ Бухаринъ, Юрья Башкинъ, Шестакъ Воронинъ, Данило Вылузгинъ, Петръ Даниловъ, Богданъ Логвиновъ; дворцовой: Масоѣдъ Веслой. Яселничіе: Василей Григорьевъ сынъ Дровнинъ, Іванъ Васильевъ сынъ Тургеневъ. Рынды были у государя; и рында одинъ болшой князь Іванъ Юрьевичъ Голицынъ, а тѣ всѣ безъ мѣстъ были рынды. Съ болшимъ саадакомъ князь Іванъ Юрьевичь Голицынъ; а поддатни у него: Аѳонасей Ѳедоровъ сынъ Загряской, Андрѣй Яковлевъ сынъ Щелкаловъ. Съ писанымъ саадакомъ Василей Івановичь Умного Колычовъ; а поддатни у него: Игнашь Татищевъ, да Семенъ Кочергинъ. Съ ногтерманымъ саадакомъ князь Дмитрей Ѳедоровичь Овчининъ Оболенской; а поддатни у него: Кирей Басаргинъ, да Сенка Сулменевъ. Съ рогатиною Замятня Івановичь Сабуровъ; а поддатни у него: Ѳедоръ Дубенской, да Іванъ Кайшюковъ. Съ копьемъ Андрѣй Івановичь Шеинъ; а поддатни: Ѳедоръ Молчановъ, да Лука Раковъ. Съ копьемъ же Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ; а поддатни у него: Іванъ Дубенской, да Михайло Тетеринъ. Оружничему поддатни: Василей Тетеринъ, Тихонъ Тыртовъ. Головы были у государя въ стану въ сторожахъ: князь Іванъ княжь Петровъ сынъ Звенигороцкой, князь Данило Семеновичь Одоевской, князь Андрѣй Івановичь Ногтевъ, князь Іванъ Юрьевичь Хохолковъ Ростовской, князь Петръ Даниловичь Пронской, князь Андрѣй Васильевичь Ногтевъ, Михайло Михайловичь Тучковъ, князь Іванъ Михай-

ловичъ Хворостининъ, князь Петръ княжь Івановъ сынъ Дѣевъ, Аѳонасей Андрѣевъ сынъ Бутурлинъ. Головы которые были въ посылкахъ отъ государя, а съ ними дворяна и дѣти боярскіе государева полку: князь Андрѣй Івановичь Кавтыревъ Ростовской, Петръ да Михайло Петровы дѣти Головина, князь Ѳедоръ Івановичь Троекуровъ, князь Дмитрей Семеновичь Шестуновъ, Захарей Івановичь Очинъ Плещѣевъ, Семенъ Васильевичь Яковлевъ, князь Василей Івановичь Токмаковъ, князь Іванъ Сущь Івановичь Кашинъ. Столники были въ головахъ: князь Василей Михайловичь Глинской, Никита Романовичь Юрьевъ, князь Михайло Петровичь Репнинъ, князь Петръ Івановичь Татевъ. Стряпчей Семенъ Ярцовъ сынъ Нармансkой.

Въ концѣ 1557 года Шахъ-Али, въ первые послѣ своего долгаго бездѣйствія, выступаетъ вновь на сцену. Онъ былъ поставленъ во главѣ войска шедшаго противъ Ливоніи. По словамъ лѣтописцевъ, въ войскѣ этомъ состояли и Городецкіе Татары съ ихъ сеидомъ; они съ княземъ Юрьемъ Репнинымъ были въ правой рукѣ, гдѣ находился и царевичь Абдулла Акъ-кубековъ. Еще числился въ войскѣ царевичь Татарскій, по имени Тохтамышь. Приставами назначены были: къ Шахъ-Алію — князь Иванъ Михайловичь Хворостининъ, къ Абдуллѣ — Михайло Ивановичь Салтыковъ, а къ Тохтамышу — Дмитрей Григорьевичь Плещеевъ [155]).

[155]) *Ник.* VII, 293, 294: Тогожъ мѣсяца (ноября

7066) Царь и великіі Князь отпустилъ ратию на Маистра ливонского и на всю землю ливонскую... І отпустилъ Государь в болшомъ полку царь Шигалѣі, а бояръ и воеводъ князь Михаіло Васильевичь Глинскоі да Данило Романовичь да черкаские князи Сеибокъ з братьею; а в передовомъ полку царевичь Тахтамышъ, а бояръ и воеводъ да Иванъ Васильевичь Шереметевъ болшеі, да Алексѣі Даниловичь Басмановъ да черкаские князи князь Иванъ Маашикъ з братьею; да в передовомъ же полку Данило Адашевъ, а с нимъ казанские люди ис казани, и ізъ Свияги и ізъ Чебаскаръ, и Черемиса и новокрещеныі; а в правоі рукѣ царевичь Каібула, а воеводъ бояринъ князь Василеі Семеновичь Серебреноі да околничеі Иванъ Васильевичь Шереметевъ меншоі; да вправоіже рукѣ князь Юрья Репнинъ, а с нимъ городецкие люди Сеитъ и Князи и мурзы; а в левоі рукѣ воеводъ бояринъ князь Петръ Семеновичь Серебреноі да Михаіло Петровъ сынъ Головина; а в сторожевомъ полку воеводъ князь Андрѣі Михаіловичь Курбскоі да Петръ Петровъ, а люди немногие с воеводами со всѣми ноугородцкие и псковские всѣ, и московскихъ городовъ выборомъ многие, и с Москвы отпущены царь и воеводы, а велѣлъ Государь в Новегородѣ збиратца с людми (*Лѣ*. V, 189, 190, и *Лѣт*. *Норм*. 116, 117, гдѣ, въ обѣихъ, нѣтъ слова: «немногие», послѣ слова: «люди»). *Ст*. II, 276: И посла на нихъ рать свою, многихъ Воеводъ своихъ, съ ними же и Новоградцы и Псковичи всѣ, и изъ Московскихъ градовъ многіе люди выборомъ, да Царя Шигъ-Алея, и двѵ Царевичевъ Ор-

динскихъ, иже служаху ему, Тактамыша и Кайбулу, со многими Татары, и Князей Черкасскихъ, иже прiидоша служити Государю, Сибока съ братiею, и Млашика съ братiею, и съ прочими Черкасы, и многiе люди изъ Казани, и изъ Свiаги, и Чебоксари, и Черемиса, и Новокрещены, и Городецкiе люди, Сеитъ и Князи и Мурзы. *Башм. разр. кн.*: Тогожь году (7066), генваря, посылалъ государь воевать изо Пскова Ливонские Немецкие земли зимою, за ихъ неисправленья, царя Шегалея, да царевича Крымского Токтамыша, да Астраханского царевича Кайбула. А съ царемъ Шегалеемъ послалъ государь бояръ и воеводъ князь Михайла Васильевича Глинского съ товарыщи. И были въ Ливонской земли по полкомъ. Въ болшомъ полку: царь Шегалей Шегальяровичь, да съ царемъ Шегалеемъ бояра и воеводы князь Михайло Васильевичь Глинской, да Данило Романовичь Юрьевъ; да въ болшомъ же полку съ царемъ Шегалеемъ въ приставехъ князь Iванъ Михайловичь Хворостининъ; да въ болшомъ же полку съ нарядомъ Iванъ Матвѣевъ сынъ Лыковъ Ляхъ. Въ правой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Василей Семеновичь Серебреной, да околничей Iванъ Васильевичь меншой Шереметевъ; да въ правой же рукѣ царевичь Кайбула, въ приставехъ у него Михайло Iвановичь Салтыковъ; да въ правой же рукѣ съ Темниковскими Татары князь Юрья Петровичь Репнинъ. Въ передовомъ полку: бояра и воеводы Iванъ Васильевичь болшой Шереметевъ, да Алексѣй Даниловичь Басмановъ Плещѣевъ. И Алексѣй Басмановъ билъ челомъ въ отечестве о мѣстехъ на князь Василья

Серебреного, мимо Івана Шереметева, что князь Василей въ правой рукѣ первой, а онъ въ передовомъ полку другой, и государь Алексѣя пожаловалъ велѣлъ Алексѣю Басманову быть на той службѣ безъ мѣстъ. Да въ передовомъ же полку царевичь Тохтамышь, а приставъ у него Дмитрей Григорьевичь Плещѣевъ; да въ передовомъ же полку Черкасы князь Іванъ Амошукъ съ братьею, а въ приставехъ у нихъ Ѳедоръ Вакшеринъ; да въ передовомъ же полку съ Казанскими людми Данило Ѳедоровичь Адашевъ, а съ служилыми Татары Темка Ѳедоровъ сынъ Игнатьевъ. Въ сторожевомъ полку: бояринъ и воеводы князь Андрѣй Михайловичь Курбской, да Петръ Петровичь Головинъ; да въ сторожевомъ же полку съ Мордвою съ Муромскою Іванъ Семеновъ сынъ Курчовъ, а съ Казанскими съ Муралеемъ и съ Костровымъ съ товарыщи, которые были въ Новегороде, Павелъ Заболоцкой. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Петръ Семеновичь Серебреной, да Михайло Петровичь Головинъ; да въ лѣвой же рукѣ съ Нижегороцкою Мордвою Іванъ Петровъ сынъ Новосильцовъ. А головы были по полкомъ. Въ болшомъ полку: князь Іванъ Мавкашевъ, князь Василей Івановичь Борбашинъ, князь Александра Івановичь Ярославовъ, князь Петръ княжь Ѳедоровъ сынъ Тростенской, Романъ Григорьевъ сынъ Плещѣевъ, Юрья Андрѣевъ сынъ Пильемовъ, Володимеръ Матвѣевъ сынъ Безобразовъ, Ушатой Васильевъ сынъ Чоглоковъ, Михайло да Ѳедоръ Шеѳеръ Борисовы дѣти Чоглокова, Невзоръ Злобинъ сынъ Чоглоковъ, Аѳонасей Івановъ сынъ Но-

вокщеновъ, Семенъ Өедоровъ сынъ Нащокинъ. Въ правой рукѣ головы: князь Никита княжь Борисовъ сынъ Прїимковъ Ростовской, Аѳонасей Михайловъ сынъ Бутурлинъ, Григорей Папинъ сынъ Вислоуховъ Сабуровъ, Өедоръ Семеновъ сынъ Усково, Григорей Івановъ сынъ Заболоцкой, Іванъ Васильевъ сынъ Шестовъ, Андрѣй Івановъ сынъ Соловцовъ. Въ передовомъ полку головы: Богданъ Юрьевъ сынъ Сабуровъ, Поподья Булгаковъ сынъ Вышеславцовъ, Өедоръ Григорьевъ сынъ Сназинъ, Василей да Семенъ Андрѣевы дѣти Вешняковы, Левашь да Василей Алтуѳьевы, Дмитрей Өедоровъ сынъ Шеѳерековъ. Въ сторожевомъ полку головы: Борисъ Степановъ сынъ Колычовъ, князь Дмитрей княжь Васильевъ сынъ Кропоткинъ, Василей Васильевъ Розладинъ, Никита Григорьевъ сынъ Яхонтовъ, Дмитрей Куровъ сынъ Непейцынъ. Въ лѣвой рукѣ головы: Нелюбъ да Василей Өедоровы дѣти Колычовы, Өедоръ Івановъ сынъ Лыковъ, Алексѣй Васильевъ сынъ Левашевъ, Петръ Андрѣевъ сынъ Поярковъ (ср. *Др. Вивл.* XIII, 269 — 271; тамъ порядокъ изложенія соблюденъ не тотъ, жалобы Басманова недостаетъ, и видна нѣкоторая, хотя и незначительная, разница въ именахъ собственныхъ; замѣчательно, что какъ въ *Башм. разр. кн.*, такъ и въ *Др. Вивл.*, не сказано ни слова о Городецкихъ Татарахъ, и что съ княземъ Юрьемъ Репнинымъ поименованы не они, а Татары Темниковскіе).

О царевичѣ Тохтамышѣ (توقتامش) мнѣ до сихъ поръ не случалось еще говорить ни разу. Чтобы нѣ-

сколько ознакомить читателей съ лицомъ этимъ, имя котораго въ послѣдствіи будетъ встрѣчаться у меня довольно часто, постараюсь очертить его предшествовавшую жизнь.

Въ первое время Тохтамышь жилъ долго въ Крыму; отъ того и въ разрядахъ зовется онъ царевичемъ Крымскимъ. Лѣтописцы Русскіе утверждаютъ даже, будто Крымцы хотѣли возвести его у себя на престолъ, убивъ тогдашняго хана своего Даулетъ-гирея, сына Мубарекъ-гирея. Едва ли это можетъ быть справедливо, потому что ханами въ Крыму бывали одни гиреи; Тохтамышь же, какъ мы увидимъ, гиреемъ не былъ. Такъ или иначе, а кончилось тѣмъ, что Тохтамышь около 1556 г. бѣжалъ изъ Крыма къ Ногайцамъ, именно къ Исмаилу князю. Узнавъ объ этомъ, государь Иванъ Васильевичь, вѣроятно изъ разсчетовъ политическихъ, чтобы досадить Даулетъ-гирею, рѣшился перезвать царевича къ себѣ. Съ этою цѣлью, отправляя въ іюлѣ 1556 г. обратно посла Исмаилова Бикчуру (بیکچورا), въ сопровожденіи своихъ служивыхъ Татаръ Байбирдыя Таишева (بای بیردی طایش اوغلی) и другихъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 226), включилъ онъ въ грамоты къ Исмаилу и къ сыну его Мухаммедъ-мурзѣ требованіе отпустить въ Россію Тохтамыша не мѣшкая. Иванъ, между прочимъ, ссылался и на то, будто его просилъ заявить это требованіе Шахъ-Али, родственникъ царевича. Вотъ подлинныя слова государя, извлеченныя изъ грамоты къ Исмаилу, писанной на Москвѣ въ іюлѣ 7064 (1556) г.: «Да ещо слово наше то: билъ намъ челомъ

Шигалый Царь, что братъ ево *Тахтамышъ* Царевичь исъ *Крыму* прибежалъ къ теѣ, и намъ бы его для Тахтамыша Царевича взяти къ себѣ... И ты бы Тахтамыша Царевича отпустилъ къ намъ съ нашими казаки. А поехалъ бы къ намъ на *Казань*. А Тахтамышъ Царевичь надобенъ намъ нашего для дѣла и твоего для дѣла. Иноко бы еси того неучинилъ одноконечно бы еси его въборзе прислалъ къ намъ» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 229, 230). А вотъ что въ это же самое время писалъ Иванъ къ Мухаммедъ-мурзѣ: «Да еще слово наше то, билъ намъ челомъ *Шигалый* Царь, что братъ ево *Тахтамышъ* Царевичь прибѣжалъ исъ Крыму къ вамъ и намъ бы для ево Тахтамыша Царевича взяти къ себѣ. И мы къ отцу твоему къ Исмаилю Князю писали, чтобъ Тахтамышъ Царевича къ намъ отпустилъ съ нашими Казаки зъ *Баиберею Тоишевымъ* съ таварищи. И тыбъ отцу своему говорилъ, чтобъ ево въборзе къ намъ отпустилъ; инокобъ есте тово не учинили, одноконечно бы есте ево въборзе Казанскою дорогою къ намъ прислали» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 232, 233). Вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ государь и особую грамоту къ самому Тохтамышу, въ которой приглашалъ его къ себѣ, обѣщая принять его милостиво, и даже пожаловать ему городъ. Ханъ Шахъ-Али, вѣроятно по наущенію Ивана же, съ своей стороны послалъ тогда же съ письмомъ къ царевичу казаковъ своихъ Ярлыгамыша Шахрухова (يارليغاميش شاهرخ اوغلى) съ товарищами. Грамота писанная Иваномъ къ Тохтамышу дошла до насъ. Приведу ее вполнѣ: «Божиею милостію

отъ Царя и великаго Князя Ивана *Васильевича* всея Руссіи слово то *Тахтамышъ* Салтану. Присылалъ къ намъ бити челомъ братъ *Шигалѣй* Царь, что ты ему въ роду братъ ближній; и иново ему такова брата близка нѣтъ. И намъ бы тебя взяти къ себѣ и юртомъ устровти. И мы ныне послали къ тебѣ своихъ Казаковъ *Баиберю Тоишева* съ таварищи съ сею своею грамомотою. А братъ нашъ Шигалѣй Царь послалъ къ тебѣ своихъ Казаковъ *Юрлагамыша Шаврукова* съ таварищи съ своею грамотою. И тыбъ Тахтамышъ Салтанъ поехалъ къ намъ по сей нашей грамоте. А мы тебя въ своей землѣ юртомъ добрымъ устроимъ, и въ великой любви себѣ учинимъ, и почесть тебѣ у себя учинимъ свыше иныхъ Царевичевъ. А которое слово о любви молвили есмя и то слово иноко не будетъ. Одноконечнобъ еси къ намъ ехалъ безовсякого сумнѣнія. А ся тебѣ наша грамота и опасная. Молвя крепково для слова печать свою на утверженье къ сей грамоте приложилъ есми. Лѣта 7064 Іюля мѣсяца 25» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 236, 237). Тохтамышь рѣшился принять благосклонный призывъ Ивана, и съ согласія Исмаила—согласія, которое князь Ногайскій не преминулъ поставить себѣ въ послѣдствіи въ особую заслугу (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 299, 300, 305)—выѣхалъ въ Россію въ томъ же 1556 году. «Тогожъ мѣсяца (декабря 7065)», читаемъ въ *Ник.* VII, 276, «пришолъ из Нагаі царевичь Тахтамышъ, а царю Шигалѣю братъ, а былъ много лѣтъ в Крыме и хотѣли его на царство, а девлетъ Кирѣя убити хотѣли; и царь свѣдалъ, отъ того убе-

регся, и Тахтамышъ в Нагаі выбежалъ к Исмаилю князю, и Исмаилъ его отпустилъ служити Царю и великому Князю, а с нимъ прислалъ посла своего Бихчюру» (*Лв.* V, 156; *Лѣт. Норм.* 105). Вмѣстѣ съ Тохтамышемъ прибылъ и одинъ мурза, по имени Саинъ (صاين), или какъ онъ звался въ Дѣлахъ Ногайскихъ и въ лѣтописяхъ, Семенъ (*Прод. Древн. Росс. Вивл* X, 128, 216, 223). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда въ Россію Тохтамыша, князь Исмаилъ обратился было къ Ивану съ просьбой послать царевича къ Ивану Черемисинову въ Астрахань, уже покоренную нами, представляя какъ это было бы выгодно для Русскихъ и Ногайцевъ, къ которымъ Тохтамышъ былъ одинаково преданъ, пріятно простому народу Астраханскому, и полезно на случай войны съ Крымомъ. «Да просимъ у тебя», писалъ Исмаилъ Ивану въ грамотѣ, присланной имъ въ іюлѣ 1557 г., «*Тахтамыша* Царевича, чтобъ еси его Сываномъ съ Черемисиновымъ съкошевалъ. А онъ исъ твоего слова не выступилъ, а изъ нашего слова не выступилъ же. Добро тебѣ и *Крыма* воевати. А *Астараханскимъ* людемъ чернымъ о немъ держатися будетъ добро» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 286, 287). Просьба Исмаила была оставлена государемъ безъ вниманія. Иванъ имѣлъ ее даже такъ мало въ виду, что не далѣе какъ въ августѣ 1557 г. (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 290—292, 293—295), потребовалъ отъ Исмаила, чтобъ онъ выслалъ въ Россію жену Тохтамыша, которая съ дочерью жила у отца своего Кутумъ-мурзы. Съ этимъ же требованіемъ

обратился онъ и прямо къ Кутуму; въ самой Россіи приняты были мѣры для свободнаго проѣзда жены и дочери Тохтамыша, куда бы онѣ ни выѣхали изъ Ногайскихъ улусовъ. (Изъ женъ Тохтамыша, кромѣ дочери Кутумъ-мурзы, извѣстна еще одна, дочь какого-то сеида, съ которою царевичь, въ бытность свою въ Россіи, около 1560 г. развелся, и которую Иванъ отпустилъ тогда, по просьбѣ Исмаила, назадъ къ ея отцу; см. *Прод. Древн. Росс. Вивл.* X, 94, 95, 100, 107).

Откуда собственно былъ родомъ Тохтамышъ, данныя объ этомъ увидимъ ниже въ статьѣ: «Саинъ-пуладъ».

Походъ Шахъ-Алія въ Ливонію не былъ продолжителенъ, но составляетъ одну изъ значительнѣйшихъ эпохъ въ его жизни. Время это ознаменовалось важными подвигами. Войска наши въ январѣ 1558 г. вступили въ Ливонію, произвели въ ней страшныя опустошенія, нѣсколько разъ разбивали Нѣмцовъ, подходили къ Дерпту, были недалеко отъ Ревеля и Риги, и наконецъ обремененные добычею и обагренные кровью, въ февралѣ, вышли обратно на Русскую границу. Разоривъ и наказавъ Нѣмцовъ, Шахъ-Али и главные воеводы наши послали къ нимъ грамоту, въ которой писали, что ихъ земля пострадала за свои грѣхи, и предлагали имъ смириться предъ государемъ Московскимъ, обѣщая съ своей стороны ходатайствовать въ ихъ пользу. Съ извѣстіемъ объ успѣхахъ нашего оружія пріѣзжали въ Москву отъ Шахъ-Алія и царевичей (Абдуллы и

Тохтамыша), князь Канбаровъ и Саинъ-мурза, а отъ воеводъ, князь Василій Ивановичь Барбашинъ и голова стрѣлецкой Тимофей Ивановъ Тетеринъ [156]).

[156]) *Ник.* VII, 296, 297: Тогожъ мѣсяца в масленое заговение приѣхалъ ко Царю и великому Князю изъ Немецъ отъ царя Шигалѣя и отъ царевичеі Уразлы князь Канбарова Мангитъ да Семенъ мурза Киядъ, а отъ бояръ и воеводъ отъ князя Михаіла Васильевича Глинского с товарыщи князь Василеі Ивановичь Борбошинъ да голова стрелецкои Тимоѳеі ивановъ сынъ Тетерина, а сказывали Государю отъ царя и отъ царевичевъ и отъ воеводъ (*Лв.* V, 196, и *Лѣт. Норм.* 119, гдѣ вмѣсто: «Уразлы князь Канбарова Мангитъ да Семенъ мурза Киядъ», стоитъ въ *Лв.*: «Уразлы Князя Какъ Баровъ Мангитъ, да Семенъ Мурза Князь», а въ *Лѣт. Норм.*: «Уразлы Князь Кабаровъ Мангаевъ, да Семей Мурза Инятъ»). *Башм. разр. кн.*: И царь и царевичи и воеводы воевали въ Немецкой земли Новгородокъ, Алысть, Корсловъ, Бабей городокъ, Юрьевъ, подле Литовской рубежь, а городъ Костеръ взяли и многие мѣста воевали до Риги и до Колывани. И со всѣми людми вышли, далъ Богъ здорово, а къ государю царь Шегалей съ царевичи прислали съ сеунчомъ князь Івана Канбарова, а бояра и воеводы съ сеунчомъ прислали князь Василья Івановича Барбашина, да голову стрелецкого Тимоѳѣя Іванова сына Тетерина. — Князь Уразлы Канбаровъ, названный въ *Башм. разр. кн.* Иваномъ, никто иной, какъ тотъ самый Уразлы мурза Канбаровъ, кото-

раго еще въ 1556 г. царевичъ Абдулла присылалъ къ государю съ извѣстіемъ о ходѣ военныхъ дѣйствій противъ Шведовъ (см. выше, пр. 153, стр. 413, 414). Князь Канбаровъ въ разрядахъ весьма часто зовется Иваномъ, и даже Уразлы Иваномъ: либо онъ крестился, и получилъ имя Ивана, либо христіанское имя служило ему только прозвищемъ. Происходилъ онъ, какъ думать должно, изъ извѣстнаго рода: Мангытъ (منغيت). Названіе Канбарова (قنبر اوغلى) было не отчествомъ Уразлыя, а замѣняло ему фамилію; думаю я это потому, что въ разрядахъ онъ иногда зовется и Ахмаметевымъ (Магметевымъ, и пр.) т. е. сыномъ Акъ-Мухаммеда (آق محمد). — Саинъ (Семенъ) мурза, какъ я уже замѣтилъ выше (пр. 155, стр. 427), выѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ царевичемъ Тохтамышемъ въ 1556 г. Слово: Киядъ (Князь, Инятъ), стоящее въ приведенной мною выпискѣ изъ лѣтописей послѣ имени Саина, слѣдуетъ читать: Китай. Китаемъ зовется Саинъ-мурза въ Дѣлахъ Ногайскихъ (см. напр. *Прод. Древн. Росс. Вивл.* IX, 287); даже въ лѣтописяхъ, въ другихъ мѣстахъ, какъ мы увидимъ ниже, пишется онъ иногда Китаемъ. Слово Китай объяснить не трудно: былъ, и даже до сихъ поръ существуетъ (между прочимъ въ Бухарѣ у Узбековъ; см. Н. Ханыковъ. Описаніе Бухарскаго Ханства, стр. 61) родъ Хытай (ختاى), изъ котораго вѣроятно и происходилъ Саинъ-мурза.

Любопытныя свѣдѣнія о личности, характерѣ и образѣ дѣйствій Шахъ-Алія, въ продолженіи его

кратковременнаго похода въ Ливонію, сохранились у Нѣмецкихъ современныхъ лѣтописцевъ. Мнѣнія ихъ о Шахъ-Аліѣ различны.

Одни придаютъ Шахъ-Алію нравъ свирѣпый. Саломонъ Геннингъ (род. въ 1528, ум. въ 1589 г.), сподвижникъ и другъ Кетлера, послѣдняго магистра Ливонскаго, съ негодованіемъ описываетъ его безчеловѣчныя поступки. «Der Oberste Feldherr desselben Zuges», пишетъ онъ въ своей: Lifflendische Churlendische Chronica (*Scriptores rerum Livonicarum*, II), стр. 222, 223, «nendt sich ein Tartarischen Keyser *Zerzigaley*, welcher gar Tyrannisch vnd vnmenschlich in demselben Zuge, gewütet vnd getobt. Denn er Schwangere frawen voneinander gehawen, vnd die frucht jhres leibes, wie auch andere geborne junge Kinderlein mehr, an die Zaunstecken gespisset, Alte vnd junge leute nidergeworffen, sie in den seiten auffgeschnitten, Büchsenpuluer darein gestrewet, das angestecket, vnd die arme leute, ohn einig erbarmen von einander gesprenget. Item vielen vnzelichen, die Halssknochen an den Gurgeln entzwey gehawen, vnd sie so mit halb ab gehawenen helsen liegen lassen, biss sie mit grosser angst vnnd schmertzen, in jrem Blut ersticket, vnd also dem lieben Gott jhre Seelen auffgeopffert. Sie haben jhrer auch viel mit fettem Kyen oder Pergel holtz gespicket, gebunden, vnd so Todt verbrennen lassen. Frawen vnd Jungfern, wie Hunde, nacheinander geschendet. die daruon nicht Todt blieben, sein gefenglich vnd jem-

merlich, vnwerder als das Viehe weg geschleppet, zum theil zur schande, zum theil den Tattern zuuerkeuffen behalten vnd verwahret worden. Die junge seugende Kinder, den Müttern von den Brüsten gerissen, Hende, Füsse vnd Köpffe abgehawen, Das Eingeweyde aus jhnen genommen, Die Leichnam an die Spiesse gesteckt, gebraten oder gekochet, vnd also jhren Teuffelischen blutdürstigen hunger gestillet. Summa wer kan vor hertzleid alle grausamkeit desselben Tartarischen Wüterichts erzelen, vnangesehen, dz er hernacher aus der Mosskaw an die Liefflendische Stende geschrieben, mehr aus betrug, als aus guter meinung, *Instar Crocodili*, Es were jhme, was in Liefland geschehen, leid. Sie solten gedencken, das sie Gott also vmb jrer Sünden willen geschlagen, weil sie seinem Herrn, dem Grossfürsten, vorgelogen. Sie solten sich noch demütigen, jhr Heupt schlagen, den Tribut bringen, vnd vmb gnade bitten. So wolt er verhoffen, durch sein vorbitt des Grossfürsten Zorn zustillen, vnd wider friede zumachen» [157]).

[157]) Въ томъ же духѣ описываютъ Шахъ-Алія Гіернъ и Кельхъ, историки 17-го столѣтія. Впрочемъ у нихъ новаго о ханѣ ничего нѣтъ. Оба они при разсказѣ о жестокихъ поступкахъ Шахъ-Алія слѣдовали Геннингу, заимствуя остальныя подробности объ его Ливонскомъ походѣ изъ Руссова, и другихъ источниковъ. Приведу подлинныя слова обоихъ авторовъ. *Hiärn*, Est-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte (*Monumenta Livoniae*

antiquae, I), стр. 212, 213: Unterdessen, ehe die Legaten die Post bringen konten, sandte der Moscowiter seinen Feld-Herrn, welcher sich einen Tartarischen Keyser nannte, Czar *Zygaley*, mit 40,000 Mann, der kam den 22sten January des 1558sten Jahres in Lyfland, und durchstreifete das Stifft *Dorpt* und *Wirland* bis an die Narva mit erschrecklicher Tyranney, indem er schwangere Frauen von einander hauen, die Frucht ihrer Leiber, wie auch andere gebohrne junge Kinder mehr an die Zaun-Stecken spiessen, alte und junge Leute niederwerffen, ihnen in die Seiten Pulver streuen, dasselbe anstecken und die armen Leute ohn einigs Erbarmen von einander sprengen liess; viel sind mit fetten Kijnoder Pergel-Holtz gespicket, und also verbrannt worden. Frau- und Jungfrauen wurden als Hunde nach einander geschändet, und die davon nicht sturben, ärger als das Viehe Theils zur Schande, Theils den Tartarn zu verkauffen, weggetrieben . . . Nachdem nu dieser Czar *Zigaley* den Zug in Lyfland gethan, und sich wieder aus dem Lande zurück begeben hatte, und etliche Tage auf der Grentze bei der Narva seines Kriegs-Volckes, so in Lyfland noch hin und wieder zerstreuet war, erwartete, kompt eine Post aus *Moscau* mit des Grossfürsten Brief und Befehl an ihn, dass er in seinem eigenen Nahmen an alle Lyfländische Stände schreiben, und sie noch zum Überflus ihres Versprechens, durch den letzten Legaten geschehen, erinnern und vermahnen solte. Drauf schrieb zwar Czar *Zigaley* an alle Lyfländische Herren und Stände im Februario: Dass, weil

die Lyfländer an den Keyser aller Reussen die Versprechung nicht gehalten, sondern ihn mit Unwarheit hintergangen, were der Keyser aller Reussen desshalber verursachet worden, sie zu bekriegen, und solchen Krieg und Blutvergiessen hetten sie (die Lyfländer) sich selbst durch ihre Ungerechtigkeit über ihr Land gezogen: So sie aber das Land ferner unverheeret und unverdorben haben wolten, solten sie von Stunde an ihre Legation mit dem versprochenen Gelde an den Grossfürsten schicken. Wenn die Legaten mit dem Gelde da wären, alsdenn wolte er mit den andern Knesen und Woywoden eine Vorbitte thun für die Lyfländer, damit kein Menschen Blut in Lyfland mehr möchte vergossen werden. *Kelch*, Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denkwürdigsten Kriegs- und Friedens- Geschichte Esth Lief- und Lettlandes, etc. Verlegts Iohann Mehner, Buchhändler in Revall, im Jahr 1695, стр. 223, 224: *Iwan* Wasilewitz liess... seine Armee aber 40000. Mann starck, unter dem *Commando* eines Tartarischen Fürsten, *Czar Sigaley* genannt, den geraden Weg eben dahin gehen, der denn kurtz nach der Gesandten Ankunfft, und zwar *Anno 1558.* den 22. *Januarii* in Liefland einfiel... Denn *Czar Sigaley*, der ein grausamer Wütherig war, liess Alte und Junge niedersäbeln, unmündige Kinder an Pfähle spiessen, vielen Leuten Löcher in die Seiten schneiden, Bücksen-Pulver hinein schütten, und selbige damit von einander sprengen. Viel Frauen und Jungfrauen, von vornehmen Stande, wurden öffendlich geschändet,

und folgends nach der Tartarey geführet, alles was fort zubringen stand, wurde weggeraubet, und das übrige angezündet und verbrand. Und nachdem *Czar Sigaley* also eine gute Probe der Tartarischen Tyranney abgeleget, nahm er mit Ausgang des *Februarii* aus Liefland seinen Abschied, wie die Katze aus dem Tauben-Hause, und gieng über Narva nach Ivanogrod, woselbst er ein Feldlager schlug, und noch des unglückseligen Lieflandes spottete, da er an die Stände desselben ein Schreiben dieses Inhalts abgehen liess: Es wäre ihme leid, das Liefland in solches Unglück gerathen; Sie solten aber gedencken, dass sie solches mit ihren Sünden verdienet hätten, weil sie dem Gross-Fürsten aller Russen vorgelegen, möchten sich aber noch demüthigen, den *Tribut* bringen, und um Gnade bitten, so wolte er nebst andern *Kneesen* bey dem Gross-Fürsten vor sie *interced*iren, dass nicht mehr Blut im Liefland möchte vergossen werden.

Дурно отзывается о Шахъ-Алиѣ в Бреденбахъ. Но у него въ разсказѣ нельзя не замѣтить двухъ обстоятельствъ. *Во первыхъ*, Бреденбахъ говоритъ о Шахъ-Алиѣ нѣсколько позже упоминаемой мною эпохи, именно называетъ его главнымъ начальникомъ войска Русскаго, дѣйствовавшаго противъ Дерпта въ іюлѣ 1558 г. Въ этомъ авторъ ошибается, хотя онъ и писалъ при помощи очевидца Ф. Ольмена, и въ добавокъ самъ былъ въ числѣ осажденныхъ (Dionysii Fabricii Praepositi pontificii Felinensis Livonicae historiae compen-

diosa series, въ *Scriptores rerum Livonicarum*, II, стр. 468). Осаду велъ и городъ взялъ, какъ мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, князь Петръ Ивановичь Шуйскій. *Во вторыхъ*, Бреденбахъ страннымъ образомъ искажаетъ самое имя Шахъ-Алія, и разсказываетъ про него ни на чемъ не основанную басню. По его словамъ, Шахъ-Али былъ родомъ Русскій, и звался: Петръ Сисегалейдеръ; имя же свое получилъ отъ семи трехъ-весельныхъ галеръ, въ главѣ которыхъ онъ прежде производилъ морскіе разбои. Придавая Сисегалейдеру имя Петра, и называя его Русскимъ, Бреденбахъ, вѣроятно, былъ введенъ въ заблужденіе именемъ Петра, которое носилъ Русскій военачальникъ князь Шуйскій; создать морскаго разбойника Сисегалейдера онъ могъ всего легче изъ двухъ лицъ: Русскаго воеводы Петра Шуйскаго и Татарскаго царя Шахъ-Алія. Вотъ подлинныя слова Бреденбаха по тексту: Tilemanni Bredenbachii et Philippi Olmeni, Belli Livonici Historia (статья: Tertii belli descriptio quod Magnus Ruthenorum Imperator contra Livones gessit anno 1558 quo civitas et provincia Torpatensis a Principe Moscovitarum expugnata, victa et subjugata est), напечатанному въ *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 21: «Rutheni equites numero triginta millia pergunt in Torpatensem provinciam, obvios quosque Germanos trucidant, alios plebeji ordinis homines, quotquot parati erant, magno Moscoviae Duci subjici, illi parere et jurejurando obstringi, hos in gratiam recipiunt. Imperator Ruthenorum, quoniam

Плещѣевымъ, да князь Івану Дмитреевичю Дашкову; указалъ государь, чтобъ ворота вѣдалъ бояринъ нашъ и воевода Никита Васильевичь Шереметевъ Пятницкие, а околничему Михайлу Петровичю Головину вѣдать ворота Крылашевские, а воеводе Івану Очину Плещѣеву вѣдать ворота Духовские, а князь Івану Дашкову вѣдать ворота Непровские, а Никите Очину Плещѣеву вѣдать ворота Костеревские. Да после того писано о городовомъ дѣле и о наряде и обо всякихъ дѣлѣхъ. Таковъ наказъ былъ, и списанъ съ Смоленского наказу подлинно. Тогожь году, марта въ 26 день, приѣзжалъ отъ государя въ Смоленескъ съ государевымъ наказомъ князь Θедоръ Івановичь Лыковъ къ боярину и воеводе къ Михайлу Яковлевичу Морозову. А въ наказе у него написано. Память князь Θедору Івановичю Лыкову.

Ѣхати ему въ Смоленескъ, и, приѣхавъ въ Смоленескъ, говорити отъ царя и великого князя Івана Васильевича всеа Росиі въ Смоленску боярину и воеводе Михайлу Яковлевичю Морозову, да Никите Васильевичю Шереметеву, да околничему Михайлу Петровичю Головину и всѣмъ воеводамъ: государь царь и великиі князь Іванъ Васильевичь всеа Росіи велелъ вамъ говорить, бояромъ своимъ и воеводамъ: велелъ есми быти въ Смоленску, для своего дѣла, царю Шегалею Шегальяровичю, да царевичемъ, да бояромъ нашимъ и воеводамъ Івану Васильевичю болшему Шереметеву, да Івану Михайловичю Воронцову, да съ бояры съ нашими и воеводами велелъ быти дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, да въ Смоленскужь стоять Татаромъ Городецкимъ, сейту и мур-

немъ статью: Vande derde orloghe, de welcke vanden grooten ende machtighen Vorst van Moschouien ghevoert werdt teghen die van Lijflandt, int iaer 1558. door de welcke de stadt metten gheheelen lande van Torpat ghedestrueert, ghewonnen ende ghebrocht werdt onder de subiectie vande Prince van Moschouien, стр. 47. Ср. также Нѣмецкій переводъ Бреденбахова описанія войны 1558 г.: «Tielemann Bredenbach's Beschreibung des dritten Livländischen Krieges, den der grosse Kaiser von Russland (Rutenorum Imperator) gegen die Livländer im Jahre 1558 geführt hat, durch welchen das Stift und die Stadt Dorpat von dem Fürsten der Moscowiter erobert und unterjocht worden ist, составленный Л. ф. Тизенгаузеномъ, и напечатанный въ: Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands, herausgegeben von Dr. F. G. von Bunge. Erster Band. Zweite, durch neue Artikel vermehrte Auflage. Reval, 1857, стр. 184, 185. • Въ переводѣ г. Тизенгаузена предъ Сисегалейдеромъ имени Петра нѣтъ; сказано просто: «einem Moskowiter, Namens Sisegaleider». Нелѣпый разсказъ Бреденбаха о Сисегалейдерѣ читаемъ и у Гвагнина въ его: Rerum Polonicarum Tomi tres. Francoforti, 1584, стр. 703, 704, въ статьѣ: Tertii belli descriptio, quod Magnus Ruthenorum Imperator contra Liuones gessit, an. 1558. quo ciuitas et prouincia Torpatensis a Principe Moschouitarum expugnata, victa, et subiugata est, статьѣ, которая вся цѣликомъ перепечатана изъ Бреденбаха. Этотъ же самый разсказъ находимъ и у Венатора (Johann Caspar Venator) въ его: Historischer Bericht von dem Marianisch- Teutschen Rit-

ter-Orden, etc. Nürnberg, 1680, стр. 293. Изъ сочиненій Гвагнина и Венатора повѣсть о морскомъ разбойникѣ Петрѣ Сисегалейдерѣ и о взятіи имъ Дерпта перешла и къ Кельху въ его: Liefländische Historia, стр. 229. Всего любопытнѣе то, что встрѣчаемъ мы разсказы о Сисегалейдерѣ и въ Русскихъ сочиненіяхъ Такъ въ *Подр. лѣт.* III, 10, сказано: «Царь Іоаннъ Васильевичь послалъ армію свою триста тысячь подъ командою Петра Сисегалердіи славнаго морскаго разбойника, бывшаго при Понтѣ Евксинскомъ, то есть при Черномъ морѣ, которой вшедъ въ Нарвской дистриктъ, все плѣнилъ мечемъ и огнемъ, атаковавъ же градъ Нарву въ девятой день взялъ; оттуда пошедъ градъ Дерптъ осадилъ».

Другіе писатели Нѣмецкіе далеко не такъ строги въ сужденіяхъ о Шахъ-Аліѣ, какъ Геннингъ и Бреденбахъ. Балтазаръ Руссовъ, Ревельскій уроженецъ и пасторъ въ Ревелѣ (ум. въ 1600 г.), говоритъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ въ январѣ и февралѣ 1558 г. въ Ливоніи Русскимъ войскомъ подъ начальствомъ Шахъ-Алія, но прямо его не обвиняетъ, и не приводитъ примѣровъ его жестокости. «Anno 1558. den 22. Januarij», пишетъ онъ въ своей: Chronica der Prouintz Lyfflandt (*Scriptores rerum Livonicarum*, II), стр. 53, «ys de Muscowiter mit geweldiger Heereskrafft in Lyfflandt gefallen, vnde hefft de Lande im Stifft Riga, Dörpt vnde Wyrlandt auertragen, vnde dar gerouet, gebrandt vnde gemordet, vnde einen groten schaden gedan mit mordende,

rouende, bernende vnde wechförende, ane yenigen wedderstandt der Lyfflender, vnde wat he van Vehe vnde Korn nicht hefft wechfören können, dat hefft he tho nichte gemaket, vnde gantz vele Vehes in de Schünen gedreuen, vnde de Schüne darna angetzündet vnde mit dem Vehe vorbrandt... Vnde alse des Muscowiters Krygesauerste vnde Feldther Czer *Sigaley*, ein Taterscher gefangener Köninck, den Toch in Lyfflandt gedan, vnde sick wedder tho rügge vth dem Lande begeuen hadde, vnde etlicke dage vp der Grentze by der Narue synes Krygesvolcks, so noch in Lyfflandt hen vnd wedder des Roues haluen vorstrouwet was, vorwachtede, Do kumpt ylich ein Post vth der Muscow mit des Grothförsten breue an em, dar de Grothförste in schreff, dat Czer *Sigaley* in synem eigen namen an alle Lyfflendissche Stende schryuen, vnde se erer Löffte vnde thosage dorch den lesten Legaten geschehen, noch thor auerflot erinnern vnde vormanen scholde. Darup hefft Czer *Sigaley* an alle Lyfflendissche Heren vnde Stende stracks in dem Februario Anno 1558. geschreuen, disser meinung also: Dewyle de Lyfflender dem Keyser aller Rüssen, de thosage vnde löffte nicht geholden, besundern em vorgelagen hadden, were de Keyser aller Rüssen derhaluen vororsaket geworden, se tho bekrygende, vnde solcken Krych vnde Blodtuorgetendt hedden se de Lyfflender süluest dorch ere vngerechticheit vp er Landt gebracht. So se auerst ere Landt verner vnuorheret vnde vnuordoruen hebben wolden, scholden se van

stunde an ere Bodeschop mit dem thogesechten Gelde an den Grothförsten schicken, wenn de Bödeschop mit dem Gelde dar were, alse denn wolde he neuenst anderen Knesen vnde Woywoden eine vorbede vor de Lyfflender don, vp dat kein Minschen blodt in Lyfflandt mehr möchte vorgaten werden». Францъ Ніенштедтъ, бургомистръ въ Ригѣ и въ послѣдствіи бургграфъ (род. въ 1540, ум. въ 1622 г.), писатель извѣстный, даже хвалитъ Шахъ-Алія и называетъ его человѣкомъ разумнымъ. «Wie nun der versiegelte Zinss nicht erfolgete», читаемъ въ его: Livländicche Chronik (*Monumenta Livoniae antiquae*, II), стр. 48, «da versammlte der Grossfürst zu *Plescow* ein gross Herr, vnd setzete zum obersten Feldherren einen Tartarischen Herren mit Nahmen *Zaer Zigallee*. Dieser war ein ansehnlicher, grosser Mann von Persohn, vnd auch verständig vnd bescheiden. Er zog Anno 1558 den 25. Januarii mit 40,000 Mann in Liefflandt, vnd theilete das Heer in drey Hauffen. Sobald sie vber die Grentze kahmen, da mussten die Säbel vnd Beile blencken vnd schneiden, da ward niedergehauen beyde Menschen vnd Viehe, alle Höffe vnd Baeurkahten verbrandt, vnd mehrentheils das gantze Landt durchgestreiffet vnd verheeret. Darnach zog er wieder zurücke nach *Plescow*. Von der *Plescow* schrieb er einen Brieff an den Bischoff *Herrmann* zu *Dörpt*, vnd beschuldigte ihren Unverstand, dass sie sich so vbel vorgesehen, vnd den Grossfürsten zu solchem Zorn bewogen hetten, wodurch so

grosser Schaden den Landen geschehen were, vnd da sie doch sehen, dass sie mit ihrer Macht dem Grossfürsten keineswegs widerstreben könnten, wollte er ihnen wohlmeynende gerahten haben, sie sollten noch bey Zeiten grösserem Vnglücke zuvorkommen vnd ihre Bohten an den Grossfürsten je eher je lieber senden, vnd ihr Haupt vor ihm schlagen. Er wollte gerne mit seiner Fürbitte zu Hülffe kommen, damit der Grossfürst möchte versöhnet werden vnd sie wieder Frieden erlangen».

Какого именно рода заключеніе о Шахъ-Алѣ слѣдуетъ выводить изъ словъ Нѣмецкихъ писателей: хорошо ли, дурно ли велъ себя ханъ въ продолженіи Ливонскаго похода 1558 г., положительно рѣшить трудно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что войска наши, подъ начальствомъ Шахъ-Алія, страшно опустошили Ливонію; этого не скрываютъ даже Русскіе лѣтописцы. Но вѣрится съ трудомъ, чтобы Шахъ-Али былъ заправду такимъ извергомъ, какимъ его изображаютъ Геннингъ и Бреденбахъ, и чтобы войска наши дѣйствительно поступали такъ нагло и безчеловѣчно, какъ пишутъ чужеземные историки. Ненависть ко всему Московскому была объ эту пору такъ сильна въ Нѣмцахъ, что они нерѣдко съ цѣлью преувеличивали дурныя дѣла нашихъ военачальниковъ и войскъ. Самыя странныя небылицы разсказывались ими про Русскихъ, въ особенности же про Татаръ, бывшихъ тогда въ войскахъ нашихъ.— Такъ Венаторъ въ своемъ: Historischer Bericht von

dem Marianisch-Teutschen Ritter-Orden, на стр. 325 — 337, приводитъ подлинное донесеніе о бѣдственномъ въ слѣдствіе войнъ съ Россіею положеніи Лифляндіи, поданное въ октябрѣ 1560 г. на сеймѣ въ Шпейерѣ послами, ѣздившими нарочно въ 1559 г. въ Лифляндію, по приказанію императора. Въ этомъ донесеніи, которое Венаторъ называетъ вполнѣ основательнымъ и заслуживающимъ довѣрія (gründlich und wolleswürdig), въ числѣ разныхъ разсказовъ о неслыханныхъ жестокостяхъ Русскихъ, находится, между прочимъ, показаніе о томъ, будто сами плѣнные Русскіе говорили, что Татары, находившіеся въ войскахъ нашихъ, ѣли людей и дѣтей. Вотъ что именно значилось на этотъ счетъ въ донесеніи (стр. 327, 328): «Hat er (der Gross-Fürst in Moscau) folgends die Stadt und das Haus Dörpten, auch hernachmals Mariaeburg und viel andere ansehentliche Häuser, Vesten, Städt und Flecken erobert, eingenommen, mit Volk besetzt, und aus denselben den Meister, Orden und Stände, bis ins dritte Jahr, für und für, unabläslich, mit grausamer unerhörter Tyranney, über die massen hart beträngt und beängstiget, das Land an allen Orten mehr dann einmal durchstreiffet, unzählich viel Volcks von Mann- und Weibs-Personen, Viehe und andere Güter mit sich hinweg geführt, und was er mit sich nicht wegbringen können, dasselb erbärmlich getödtet, verbrannt und umbracht, und, wie viel beglaubte Leut in der Nachjagt selbst gesehen, haben sie die kleine Kinder in Stücken zerhauen und

zerschnitten, dass man auf den Strassen Haupt, Arm, Bein und Stück vom Leib hin und wider zerstreuet, in grosser Anzahl gefunden, und haben die gefangene Moscowitter bekannt und ausgesagt, dass die Türkische Tartarn, so der Moscowitter zu diesem Krieg braucht, die kleine Kinder, und ander Menschenfleisch zu ihrer Speis brauchten, gefangenen schwangern Frauen in Gegenwart ihrer Ehe-Männer die Frucht aus dem Leib schneiden, und so unchristlich und unmenschlich mit ihnen umgehen, dergleichen kein Feind jemals geübt oder gethan haben mag». Камерарій (Joachim [II] Camerarius) въ своемъ: Annotatio rerum praecipuarum, quae acciderunt ab anno Christi MDL. vsque ad MDLXI, помѣщенномъ въ III томѣ Фрегерова сборника: Germanicarum rerum scriptores, стр. 499, положительно увѣряетъ, будто въ 1558 г. среди Татаръ, бывшихъ съ Русскими въ Ливоніи, находились женщины, большею частью пожилыя, изъ которыхъ однѣ имѣли своихъ лошадей, другія же сражались, сидя верхомъ за спиною Татаръ. «Miserat autem», пишетъ Камерарій, «Mosschobitarum Princeps Tartarorum aliquot millia in Livoniam, non tam quod confideret occupari illam posse, quam ut praedae in finibus maximae agerentur. Sed fortuna fuit melior expectatione ipsius... Conflixere saepe Livonienses cum Tartaris, non etiam nunquam superiores fuere. Sed copia et multitudine ingente Tartarorum factum est, ut defendere sua non possent. Constat in exercitu

Tartarorum foeminas bellatrices fuisse, quarum aliquae ipsae equites essent, aliquae tergis equorum quos viri agitarent insidentes in praelia proveherentur, magna ex parte aetate provectae. Et has crudelissime et saevissime caedes fecisse compertum est».

Во всякомъ случаѣ, если даже и допустимъ, что войска наши, находившіяся въ 1558 г. въ Ливоніи подъ начальствомъ Шахъ-Алія, поступали чрезъ чуръ жестоко, то винить во всемъ одного Шахъ-Алія невозможно. Не надо забывать, что въ войскѣ Русскомъ кромѣ него были другіе воеводы, и что власть его, по всей вѣроятности, была скорѣе номинальная, нежели дѣйствительная: онъ исполнялъ только предписанія великаго князя, и распоряжался не иначе какъ съ совѣта воеводъ.

По выходѣ изъ земли Ливонской, Шахъ-Али простоялъ еще нѣсколько времени на границѣ ея съ Россіей; такъ лѣтописцы наши (*Ник.* VII, 299; *Лв.* V, 201; *Лѣт. Норм.* 121) говорятъ, что 1-го марта магистръ Ливонскій доставилъ къ нему на границу грамоту просительную, въ отвѣтъ на ту, которая послана была имъ и главными воеводами. Вскорѣ послѣ этого Шахъ-Али былъ вызванъ государемъ въ Москву, и принятъ съ большимъ почетомъ. Въ которомъ именно мѣсяцѣ это случилось, неизвѣстно; знаемъ только, что Шахъ-Али пріѣзжалъ въ столицу до 1-го сентября 1558 г. Свѣденіе объ этомъ заимствовано мною изъ *Баим. разр. кн.* «Тогожь лѣта», читаемъ въ ней въ самомъ концѣ разрядовъ 7066 г., «велѣлъ

государь у себя быть царю Шегалею Шигавлияровичю; и встрѣчю учинилъ ему, и велѣлъ его встрѣчать бояромъ своимъ. Первая встрѣча: бояринъ князь Юрья Івановичь Кашинъ, да околничей и оружничей Левъ Андрѣевичь Салтыковъ. Другая встрѣча: бояринъ князь Андрѣй Івановичь Кавтыревъ Ростовской, да бояринъ князьВасилей Семеновичь Серебреной. Третья болшая встрѣча: бояринъ князь Іванъ Михайловичь Шуйской, да бояринъ князь Петръ Михайловичь Щенятевъ, да околничей князь Давыдъ Өедоровичь Палецкой».

Около этого же самаго времени посѣщалъ Касимовъ извѣстный Англiйскiй путешественникъ Дженкинсонъ. Онъ былъ тамъ въ началѣ мая 1558 г.; ѣхалъ же онъ тогда изъ Москвы чрезъ Коломну, Перевитескъ, Переяславль, Старую Рязань, Тереховъ монастырь, Касимовъ, Муромъ, Нижнiй Новгородъ, Казань и Астрахань въ Бухару. Къ сожалѣнiю, описывая путь свой изъ Москвы въ Касимовъ и далѣе, Дженкинсонъ не сообщаетъ ничего особенно любопытнаго про самый городъ Касимовъ, или какъ онъ его называетъ *Касимъ*; говоритъ только, что городомъ этимъ управлялъ Татарскiй владѣлецъ, по имени *Вцарь Зеголинъ* (очевидно царь Шахъ-Али), бывшiй нѣкогда царемъ въ Казани и въ послѣдствiи сдѣлавшiйся подданнымъ государя Русскаго. Вотъ подлинныя слова Дженкинсона, заимствованныя изъ его: The voyage of Master Anthony Ienkinson, made from the citie of Mosco in Russia, *to* the citie of Boghar in Bactria, in the yeere 1558:

written by himselfe to the Merchants of London of the Moscouie companie, по тексту напечатанному въ: Hakluyt's Collection of the early voyages, travels, and discoveries, of the English nation. A new edition, with additions. Vol. I. London. 1809, стр. 362: «The 23. day of April, in the yeere 1558. (hauing obtained the Emperor of Russia his letters, directed vnto sundry kings and princes, by whose dominions I should passe) I departed from Mosco by water, hauing with mee two of your seruants, namely, Richard Iohnson, & Robert Iohnson, and a Tartar Tolmach, with diuers parcels of wares, as by the inuentory appeareth: and the 28. day we came to a town called Collom, distant from the Mosco 20. leagues, & passing one league beyond the saide Collom, we came vnto a riuer called Occa, into the which the riuer Mosco falleth, and looseth his name: and passing downe the said riuer Occa 8. leagues, we came vnto a castle called Terreuettisko, which we left vpon our right hand, and proceeding forward, the second day of May, we came vnto another castle called Peroslaue, distant 8. leagues, leauing it also on our right hand. The third day we came vnto the place where olde Rezan was situate, beeing now most of it ruined and ouergrowen, and distant from the said Peroslaue, 6. leagues: the 4. day we passed by a castle called Terrecouia, from Rezan 12. leagues, & the 6. day we came to another castle called Cassim, vnder the gouernment of a Tartar prince named Vtzar Zegoline, sometime Emperour of the worthy citie of

Cazan, and now subiect vnto the Emperour of Russia. But leauing Cassim on our left hand, the 8. day we came vnto a faire town called Morom, from Cassim 20. leagues, where we took the sonne, and found the latitude 56. degrees: and proceeding forward the 11. day, we came vnto another faire town & castle called Nyse Nouogrod, situated at the falling of the foresaid riuer Occa into the worthie riuer of Volga, distant from the saide Moron 25. leagues, in the latitude of 56. degrees 18. minutes. Frō Rezan to this Nyse Nouogrod, on both sides the said riuer of Occa, is raised the greatest store of waxe and hony in all the land of Russia».

Въ Москвѣ Шахъ-Али оставался не долго: уже въ ноябрѣ 1558 г. онъ былъ у себя дома, въ Касимовѣ. Въ дѣлахъ Ногайскихъ значится, что 23-го ноября 1558 г. пріѣзжали въ столицу присланные Шахъ-Аліемъ изъ городка гонцы Ногайскаго князя Исмаила, и сына его Мухаммедъ - мурзы (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* X, 38).

Возвратившись въ Касимовъ, Шахъ - Али зажилъ своею прежнею спокойною жизнью. Чуть ли не безвыѣздно пробылъ онъ въ городкѣ вплоть до начала 1562 г. Про него за весь періодъ времени отъ 1559 до 1562 г. знаемъ только, что онъ объ эту пору, въ разныя времена, препровождалъ изъ Касимова въ Москву либо нашихъ людей, проѣзжавшихъ съ донесеніями изъ Ногайскихъ улусовъ, либо гонцовъ, присыланныхъ отъ Исмаила и мурзъ (см. присылки Шахъ-

прочь, а городу ничего не учинили. Въ Вязме стояли царь Шегалей Шегавлеяровичь, да царь Симеонъ Касаевичь Казанской, да царевичь Кайбула, да царевичь Ибакъ, да государевы бояра и воеводы князь Іванъ Дмитреевичь Бѣльской съ товарищи. И пришла вѣсть къ царю Шегалею, что Литовскіе люди идутъ къ Лукамъ. И сентября въ 12 день, царь Шегалей, да бояра и воеводы князь Іванъ Дмитреевичь Бѣльской, Данило Романовичь Юрьевъ пошли къ Лукамъ на спехъ. А по городомъ послалъ царь Шегалей къ бояромъ и воеводамъ гонцовъ, а велѣлъ итти за собою на спехъ; а напередъ себя послалъ воеводъ князь Андрея Петровича Телятевского, да бояриna Івана меншого Васильевича Шереметева, да кравчего князь Петра Івановича Горенского, а велѣлъ имъ итить на Луки спѣшно для приходу Литовскихъ людей. А какъ пришолъ царь Шегалей на Луки, и въ ту пору были Литовскіе люди подъ Полоцкомъ по полкомъ (ср. *Синб. Сб.* I, 6).

Въ октябрѣ, когда непріятель не взявъ Полоцка, отступилъ, Шахъ-Али, по приказанію государя, посылалъ къ Озерищу царя Семена Касаевича и другихъ воеводъ, которые и завладѣли этимъ мѣстомъ въ началѣ ноября [164]).

[164]) *Синб. Сб.* I, 7: И октября въ 8 д., царь і великій князь Іванъ Васильевичъ всея Русі прислалъ гонца царю Шигалею Шигалиаровичу Андрюшку Сумъбулова сына Мяснова; а велѣлъ послать царю Шигалею к Озерищамъ царя Симеона Касаевича, да съ нимъ бояръ

воевода Князь Петръ Семеновичь Серебраной, да воевода Иванъ Андреевичь Бутурлинъ, а въ Сторожевомъ полку бояринъ и воевода Михайло Яковличь Морозовъ, да воевода Ѳедоръ Игнатьевичь Салтыковъ, а съ ними дѣти боярскіе многіе Московскіе земли, и Новогородскія, и Татарове Казанскіе и Городецкіе, а Князем Черкаскимъ Государь велѣлъ быти въ передовомъ полку, а Князь Михайлу Петровичу Репнину съ товарищи велѣлъ быти вмѣстѣ со Княземъ Семеномъ же, и велѣлъ Государь воевати имъ дороги, и гдѣ Маистръ ихъ встрѣтитъ, и Государь велѣлъ дѣло свое земское съ нимъ дѣлати, сколько имъ милосердый Богъ помочи подастъ (*Льт. Норм.* 135, 136, гдѣ вмѣсто: «Князь Михайлу Петровичу Репнину съ товарищи», сказано: «Князю Михайлу Петровичу Репнину да Семену Степановичу Ярцову Норматцкому»). *Башм. разр кн.*: Лѣта 7067 году послалъ государь зимою на Ливонские Немцы подъ Ругодевъ и подъ Ригу царевича Тохтамыша, да боярина и воеводу князь Семена Івановича Микулинского, и иныхъ бояръ и воеводъ, по полкомъ. Въ болшомъ полку былъ царевичь Тохтамышь, да бояра и воеводы князь Семенъ Івановичь Микулинской, да Петръ Васильевичь Морозовъ; да изъ Ракабора пришли воеводы въ болшой полкъ князь Михайло Петровичь Репнинъ, да Семенъ Степановъ сынъ Нармацкой; да въ болшомъ же полку съ нарядомъ Григорей Івановъ сынъ Заболоцкой. А приставъ у царевича Тохтамыша Дмитрей Григорьевъ сынъ Плещѣевъ. Въ правой рукѣ: бояра и воеводы

князь Юрья Ивановичь Кашинъ, да Иванъ Васильевичь Шереметевъ; да въ правой же рукѣ изъ Юрьева Ливонского воевода князь Петръ Даниловичь Щепинъ Оболенской; да въ правой же рукѣ съ служилыми Татары Романъ Васильевъ сынъ Алферьевъ, да съ новокрещеными Татары Андрѣй Тимоѳѣевъ сынъ Михалковъ.

Въ передовомъ полку: бояра и воеводы князь Василей Семеновичь Серебреной, да Никита Романовичь Юрьевъ; да въ передовомъ же полку изъ Острова воевода Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ; да въ передовомъ же полку съ царевымъ Шегалеевымъ дворомъ князь Андрѣй Петровичь Телятевской; да въ передовомъ же полку съ Казанскими съ горними и съ луговыми люди воевода Борисъ Івановъ сынъ Сукинъ. Въ сторожевомъ полку: бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ, да Ѳедоръ Игнатьевичь Салтыковъ; да въ сторожевомъ же полку съ Кадомскими Татары князь Семенъ княжь Даниловъ сынъ Гагаринъ. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ и воевода князь Петръ Семеновичь Серебреной, да Іванъ Андрѣевичь Бутурлинъ; да въ лѣвой же рукѣ изъ Юрьева воевода Михайло Петровъ сынъ Головинъ; да въ лѣвой же рукѣ съ Темниковскими и съ Цненскими Татары Григорей Никитинъ сынъ Сукинъ. И воевали къ Риге идучи Киевские и Володимерскіе мѣста и всю Ливонскую землю, и за рѣкою за Двиною Курляндскіе Нѣмцы; и вышли изъ земли государевы воеводы со всѣми людми, далъ Богъ, здорово, и съ полономъ. А головы были по полкомъ съ бояры и воеводы.

Въ болшомъ полку, съ бояриномъ со князь Семеномъ

Іваловичемъ Микулинскимъ головы: князь Андрѣй княжъ Васильевъ сынъ Ногтевъ Суздалской, князь Александра княжъ Івановъ сынъ Ярославовъ, Өедоръ Андрѣевъ сынъ Карпоөъ, князь Іванъ княжъ Мовкошеевъ сынъ Теукелевъ, князь Іванъ княжъ Андрѣевъ сынъ Рюминъ Звенигороцкой, Никита болшой да Никита меншой Івановы дѣти Чюлкова, Өедоръ Васильевъ сынъ Вокшеринъ, Богданъ Юрьевъ сынъ Сабуровъ. Съ Петромъ съ Морозовымъ головы: князь Семенъ княжъ Івановъ сынъ Каркадиновъ, Іванъ Семеновъ сынъ Курчевъ, Игнатей Тимоөѣевъ сынъ Загрескої, Іванъ Даниловъ сынъ Бутурлинъ, Тимоөѣй Даниловъ сынъ Лашаковъ Колычовъ, князь Василей княжъ Семеновъ сынъ Такмаковъ. Въ передовомъ полку, со князь Васильемъ Серебренымъ головы: Аөонасей Михайловъ сынъ Бутурлинъ, Василей Васильевъ сынъ Розладинъ, Романъ Григорьевъ сынъ Плещѣевъ, Іванъ Андрѣевъ сынъ Годуновъ, Меншикъ Леонтьевъ сынъ Проестевъ. Съ Никитою Романовичемъ головы: Іванъ Борисовъ сынъ Голохвастовъ, Попадья Булгаковъ сынъ Вышеславцовъ, Дмитрей Өедоровъ сынъ Шеөериковъ Пушкинъ, Крикъ Зуковъ сынъ Тыртовъ. Въ правой рукѣ, со князь Юрьемъ Кашинымъ головы: Борисъ Степановъ сынъ Колычовъ, Алексѣй Васильевъ сынъ Левашовъ, Яковъ Михайловъ сынъ Сназинъ, Іванъ Леонтьевъ сынъ Ширяевъ. Съ Іваномъ Шереметевымъ головы: Василей Андрѣевъ сынъ Вешняковъ, Іванъ Івановъ сынъ Бухаринъ, Өедоръ Булгаковъ сынъ Денисьевъ, Андрѣй Васильевъ сынъ Рахманиновъ.

Въ лѣвой рукѣ, со князь Петромъ Серебренымъ головы: Василей Борисовъ сынъ Вислоуховъ Сабуровъ, Михайло Андрѣевъ сынъ Безнинъ, Григорей Папинъ сынъ Вислоуховъ Сабуровъ, Будай Васильевъ сынъ Болтинъ. Въ лѣвой же рукѣ съ Іваномъ Бутурлинымъ головы: Дѣй Заборовской, Өедоръ Васильевъ сынъ Берновъ, Левашь Івановъ сынъ Алтуѳьевъ. Въ сторожевомъ полку, головы съ Михайломъ Морозовымъ: князь Өедоръ князь Юрьевъ сынъ Глазатой, князь Глѣбъ княжь Васильевъ сынъ Оболенской, Василей Никитинъ сынъ Борисовъ, Дмитрей Куровъ сынъ Непейцынъ. Съ Өедоромъ Салтыковымъ головы: Василей Івановъ сынъ Щербининъ, Андрѣй Леонтьевъ сынъ Соловцовъ, Никиѳоръ Чепчюговъ сынъ Клементьевъ (ср. *Др. Вивл.* XIII, 280 — 283). — О присылкѣ къ государю Карпова и мурзы Саина см. *Лв.* V, 284 и *Лѣт Норм* 141; въ обѣихъ лѣтописяхъ мурза Саинъ названъ Семенъ-мурзою Китаемъ (сл. сказанное выше, въ пр 156, на стр. 430).

Во второй разъ ходили Городецкіе Татары и «царевы Шегалеевы люди» противъ Ливоніи весною 1560 г. Они были включены тогда въ составъ войска, отправленнаго подъ начальствомъ знаменитаго князя Андрея Курбскаго. «Лѣта 7068 году», сказано въ *Башм. разр. кн.*, «посылалъ государь изъ Юрьева въ войну въ Немецкие мѣста съ весны боярина и воеводу князя Андрѣя Михайловича Курбского съ товарыщи, и велѣлъ имъ быть по полкомъ. Въ болшомъ

полку: бояринъ князь Андрей Михайловичъ Курбской. да окольничей Данило Өедоровичъ Адашевъ. Въ передовомъ полку: воевода князь Петръ Ивановичъ Горенской. да Дмитрей Өедоровичъ сынъ Пушкинъ: да въ передовомъ же полку былъ князь Иванъ Андреевичъ Золотой съ Городецкими людми, да съ царевыми Шигалеевыми людми. Въ лѣвой рукѣ: воевода князь Григорей Өедоровичъ Мещерской. Въ сторожевомъ полку: воевода князь Өедоръ Ивановичъ Троекуровъ. да Иванъ Андреевъ сынъ Бутурлинъ. Да съ князь Андреемъ же Курбскимъ велѣно быть изъ Юрьева воеводѣ Алексѣю Михайловичу Бутурлину» (ср. *Др. Вивл.* XIII. 310). Годъ 1560 замѣчателенъ въ исторіи войнъ государя Ивана Васильевича съ Ливоніею. Въ этомъ году нанесены были тяжкіе удары ордену: палъ Феллинъ предъ оружіемъ Русскимъ, и взятъ былъ нами въ плѣнъ бывшій магистръ Фюрстенбергъ (см. Arndt. Der Liefländischen Chronik Andrer Theil von Liefland unter seinen Herren Meistern, welche die alte Geschichte des Ordens und der benachbarten Völker erleutert. etc. Halle. 1753, стр. 250 — 260; Gadebusch. Livländische Jahrbücher. Th I. Abschn. II. Riga 1780, стр. 557 — 563).

Въ третій разъ ходили Городецкіе Татары въ Ливонію лѣтомъ 1561 г. «Тогожъ лѣта (7069), іюля съ числа», значится въ *Башм. разр. кн.*, «посылалъ государь бояръ и воеводъ своихъ въ Ливонскіе Нѣмцы въ войну по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояра и воеводы князь Петръ Андрѣе-

вѣкъ правъ или виноватъ, намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ, а на виноватомъ исцовъ искъ доправити, да отдати ищеемъ. А будетъ душегубство въ слободѣ, а ищей и отвѣтчикъ оба слобожанина, ино ихъ судятъ приказщикъ ямской да старосты въ душегубствѣ и во всякихъ дѣлехъ, опричь разбою. А явитца въ слободѣ убитая голова, кто подкинетъ въ ту слободу, или водою напловетъ, или возомъ сотретъ, или съ дерева убьетца, или отъ своихъ рукъ утеряетца, и слобожанамъ та голова явити своему приказщику, а тіуну, посадчику, и городовому приказщику поголовщины не платятъ. А воеводѣ и намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ, посадчикомъ, и городовому приказщику до того душегубства и во всякихъ дѣлехъ, до нихъ дѣла нѣтъ. А розбойное съ поличнымъ судятъ старосты губные, а приказщикъ слободской и старосты съ нимъ же судятъ для береженья. А правъ или виноватъ, по судебнику и дѣло кончаютъ, а виноватыхъ казнятъ, по моему цареву и великаго князя указу. А губные старосты безъ приказщика не судятъ. А пожаловалъ есми своихъ слобожанъ въ торханѣхъ ото всякихъ своихъ податей и ихъ дворы и пашни, за то что имъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ на яму подводы держати по трое лошадей съ выти, на мое царево и великаго князя разное дѣло и на земское. А прогоны имъ имать на десять верстъ по три денги, а проводнику на тритцать верстъ по двѣ денги. А давать имъ подводы по моимъ царевымъ и великаго князя грамотамъ, и по воеводскимъ и по на-

немъ былъ Михайло Васильевичь Годуновъ. Царевичь Тохтамышь и еще два другихъ царевича Татарскихъ, Ибакъ и Бикъ-булатъ, шли подъ начальствомъ хана. Въ войскѣ состояли и Городецкіе Татары съ ихъ сеидомъ. По приходѣ въ Смоленскъ, ханъ долженъ былъ прибывшее съ нимъ войско отправить съ частью воеводъ годовавшихъ въ Смоленскѣ, воевать Литву; ему же самому велѣно было оставаться въ городѣ [160]).

[160]) Любопытныя подробности объ этомъ находятся въ *Башм. разр. кн.* «Тогожъ году (7070)», читаемъ въ ней, «были воеводы на году въ Смоленску бояринъ и воеводы Михайло Яковлевичь Морозовъ, да на году бояринъ и воевода Никита Васильевичь Шереметевъ, да околничей Михайло Петровичь менной Головинъ, да воеводы Іванъ да Никита Івановичи Очины Плещѣевы, да князь Іванъ Дмитреевичь Дашковъ. Городничие: Іванъ Булгаковъ сынъ Денисьевъ, да Ѳедоръ Шелаевъ сынъ Новосильцовъ. Тогожъ году пріѣзжалъ отъ государя въ Смоленескъ съ наказомъ и съ росписью къ бояромъ и воеводамъ къ Михайлу Яковлевичю Морозову съ товарыщи, князь Никита княжь Михайловъ сынъ Стародубской. И въ наказе у него и въ росписи написано. Царь и великиі князь Іванъ Васильевичь всеа Росиі велелъ тебѣ говорить, боярину своему и воеводе Михайлу Яковлевичю Морозову: велелъ еси годовать въ Смоленску боярину своему и воеводѣ Никите Васильевичю Шереметеву, да околничему Михайлу Петровичю Головину, да воеводамъ Івану да Никите Івановичемъ Очинымъ

Плещѣевымъ, да князь Івану Дмитреевичю Дашкову; указалъ государь, чтобъ ворота вѣдалъ бояринъ нашь и воевода Никита Васильевичь Шереметевъ Пятницкие, а околничему Михайлу Петровичю Головину вѣдать ворота Крылашевские, а воеводе Івану Очину Плещѣеву вѣдать ворота Духовские, а князь Івану Дашкову вѣдать ворота Непровские, а Никите Очину Плещѣеву вѣдать ворота Костеревские. Да после того писано о городовомъ дѣле и о наряде и обо всякихъ дѣлѣхъ. Таковъ наказъ былъ, и списанъ съ Смоленского наказу подлинно. Тогожь году, марта въ 26 день, приѣзжалъ отъ государя въ Смоленескъ съ государевымъ наказомъ князь Өедоръ Івановичь Лыковъ къ боярину и воеводе къ Михайлу Яковлевичу Морозову. А въ наказе у него написано. Память князь Өедору Івановичю Лыкову.

Ѣхати ему въ Смоленескъ, и, приѣхавъ въ Смоленескъ, говорити отъ царя и великого князя Івана Васильевича всеа Росиі въ Смоленску боярину и воеводе Михайлу Яковлевичю Морозову, да Никите Васильевичю Шереметеву, да околничему Михайлу Петровичю Головину и всѣмъ воеводамъ: государь царь и великиі князь Іванъ Васильевичь всеа Росіи велелъ вамъ говорить, бояромъ своимъ и воеводамъ: велелъ есми быти въ Смоленску, для своего дѣла, царю Шегалею Шегальяровичю, да царевичемъ, да бояромъ нашимъ и воеводамъ Івану Васильевичю болшему Шереметеву, да Івану Михайловичю Воронцову, да съ бояры съ нашими и воеводами велелъ быти дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, да въ Смоленскужь стоять Татаромъ Городецкимъ, сейту и мур-

[illegible] и князьямъ. [illegible] и [illegible] и Муромскимъ и Новгородскимъ и Мордве и служилымъ Татарамъ: а какъ къ бояромъ нашимъ и воеводамъ дѣти боярскіе и Татарове, и ты тогды царю Шигалею велишь быти въ Смоленску, а съ царемъ Шигалеемъ быти тебѣ, боярину нашему Михайлу Яковлевичю Морозову, да окольничему нашему Михайлу Петровичю Головину, а приставъ у царя Шигалея Михайло Васильевъ Годуновъ; а оставить велѣли царю Шигалею у себя князей и мурзъ двора своего немногихъ, безъ которыхъ ему невочно быти, а тѣхъ всѣхъ ему людей велѣли отпустить съ бояры и воеводы въ Литовской походъ, а царевичемъ и бояромъ своимъ и воеводамъ велѣли осия воевать отъ Литовскихъ мѣстъ, а были воеводамъ нашимъ въ походе боярину Івану большому Васильевичю Шереметеву, да боярину Івану Михайловичю Воронцову, да Никите Васильевичю Шереметеву; а тыбъ бояринъ нашъ Никита Васильевичъ Шереметевъ и наши воеводы съ бояриномъ нашимъ и воеводою съ Іваномъ Васильевичемъ большимъ Шереметевымъ въ Литовские мѣста шли, и были по полкомъ по нашеі росписи, и дѣла нашего берегли по нашему наказу; а тыбъ бояринъ нашъ и воевода Михайло Яковлевичъ Морозовъ былъ въ Смоленску по нашему наказу; и дѣла бы еси нашего берегли, и къ царю Шегалею приѣзжали о посольскихъ нашихъ дѣлѣхъ, и говорили царю по нашему наказу (статьи этой нѣтъ ни въ *Др. Вивл.*, ни въ *Симб. Сб.*)... Тогожъ году, марта съ 9 числа, отпустилъ государь въ Смоленскъ царя Шегалея, а у него въ приставехъ Ми-

метъ кто у кого слобожанина корчму опричь приказщика и старостъ, и на томъ приказщикѣ и старостахъ взять заповѣди на меня, царя и великаго князя, по пяти рублевъ денегъ, а того слобожанина казнити торговою казнію бить кнутомъ, да его изъ слободы выслать вонъ, а дворъ и животы описать на меня, царя и великаго князя. Такоже есми слобожанъ пожаловалъ. Наши воеводы, князи и бояре и дѣти боярскіе, и всякіе ратные люди, Татарове и князи и мурзы, и всѣ служебные люди, и всякіе посланники и гонцы и Нагайскіе послы въ ихъ дворѣхъ сильно не ставятца, и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ сильно не емлютъ, и въ лѣтнюю пору на ихъ пашняхъ и на лузѣхъ и на покосѣхъ не ставятъжеся, и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а кормъ свой и конской купятъ у нихъ по цѣнѣ, какъ имъ продадутъ. А ставятца послы и гонцы на яму, на то ямъ устроенъ. А которые наши воеводы, князи и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди у тѣхъ слобожанъ въ ихъ дворѣхъ учнутъ ставитца сильно, или что возмутъ или чѣмъ ихъ изобидятъ, и тому отъ меня, царя и великаго князя, быти въ опалѣ, и на немъ то взяти вдвое безъ суда. А которые охотники или ихъ дѣти, или ихъ люди пойдутъ въ верхъ по Окѣ къ Терехову, или въ низъ къ Мурому или въ новыгороды отъ ямской вдаль за урокомъ, и они въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ съ головы по алтыну гостинаго не даютъ; а поѣдутъ тѣ охотники торговать въ которой городъ ни буди, и пошлинные люди во всѣхъ

жильцы Татары Іванъ Васильевъ сынъ Шестовъ. А будетъ Литовскихъ людей для половодья воевать немочно, а пригожъ будетъ послать воевать Литовскихъ мѣстъ воеводъ, и царю Шигалею и боярину и воеводѣ Івану Васильевичу Шереметеву велено отпустить на три полки Литовскихъ мѣстъ воевать, въ которыхъ мѣстехъ не почаютъ Литовскихъ людей собранья. И въ походъ отпустить царевича Тохтамыша, да боярина Івана Михайловича Воронцова, да околничего Михайла Петровича Головина. А въ другую посылку отпустить царевича Ибака, да боярина Никиту Васильевича Шереметева, да князь Івана Дмитреевича Дашкова. А въ третею посылку отпустить Бекбулата, да воеводъ Івана да Никиту Івановичей Очиныхъ Плещѣевыхъ (ср. *Др. Вивл.* XIII, стр. 324 — 328).

Царевичъ Ибакъ (ايباق) жилъ у насъ съ конца 1559 г. См. *Прод. Древн. Росс. Вивл* X, 45, гдѣ значится: «1558 года Декабря въ 23 день прислалъ къ Царю Ивану *Васильевичу* изъ *Астрахани*, *Иванъ Выродковъ Ивакъ* Царевича, котораго взяли казаки на Волгѣ Митиномъ съ *Иваномъ Аѳанасьевымъ* сыномъ *Выродкова*, и Государь велѣлъ его поставить на Рожественской улицѣ на Христіанскомъ дворѣ и кормъ ему велѣлъ давать. Декабря въ 30 день Ивакъ Царевичь у Государя былъ на пріѣздѣ, и у его Ва обѣдалъ».

О царевичѣ Бикъ-булатѣ будетъ говорено въ послѣдствіи въ статьѣ: «Саинъ-булатъ».

Сколько именно времени оставался Шахъ-Али въ

Смоленскѣ — неизвѣстно. Въ походѣ, предпринятомъ самимъ Иваномъ въ концѣ 1562 г. и увѣнчавшемся взятіемъ 15-го февраля 1563 г. Полоцка, находились нѣкоторые изъ воеводъ состоявшихъ при Шахъ-Аліѣ въ Смоленскѣ, были сверхъ царей Александра Сафагиреевича (см. о немъ выше, пр. 125, стр. 348) и Семена Касаевича, и царевича Абдуллы Акъ-кубековича, царевичи Тохтамышь, Ибакъ и Бикъ-булатъ, всѣ трое, какъ мы видѣли, ходившіе вмѣстѣ съ ханомъ въ Смоленскъ, былъ наконецъ и «царевъ Шигалеевъ дворъ» въ большомъ полку съ княземъ Семеномъ Дмитріевичемъ Елецкимъ, но самаго Шахъ - Алія не было (*Др. Вивл.* XIII, 328 — 334).

Походъ въ Смоленскъ былъ однимъ изъ послѣднихъ военныхъ подвиговъ Шахъ-Алія. Послѣ него жилъ онъ недолго, именно до весны 1567 г.

За весь пятилѣтній періодъ времени отъ 1563 до 1567 г. ни о Шахъ-Аліѣ, ни о Городецкихъ Татарахъ многаго сказать не можемъ, но въ числѣ немногихъ свѣдѣній, имѣющихся у насъ подъ руками, находятся и данныя, не лишенныя значенія для исторіи Касимова.

Видное мѣсто среди этихъ данныхъ занимаетъ участіе Шахъ - Алія и Городецкихъ Татаръ въ войнѣ, продолжавшейся съ королемъ Польскимъ Сигизмундомъ. Въ войскахъ нашихъ мы довольно часто вртѣчаемъ то самаго хана, то его Татаръ.

Такъ, въ концѣ 1563 г. велѣно было Городецкимъ Татарамъ съ головою Иваномъ Годуновымъ идти воевать Литовскую землю вмѣстѣ съ войсками, ко-

торыя должны были выступить изъ Полоцка и Смоленска. Къ какому именно отряду: къ Полоцкому ли, которымъ начальствовалъ знаменитый воевода нашъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, или къ Смоленскому, гдѣ находились царевичи Абдулла и Ибакъ, примкнули Городецкіе Татары—неизвѣстно. Источники современные не говорятъ даже, были ли Касимовцы или нѣтъ въ несчастномъ для Русскихъ сраженіи при рѣкѣ Улѣ, 26-го января 1564 г., когда палъ самъ князь Шуйскій [161]).

[161]) *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7072 году походъ изъ Полоцка въ Литовскую землю зимою бояриня и воеводы князь Петра Івановича Шуйского съ товарыщи.
А изъ Смоленска походъ въ Литовскую землю князь Василья да князь Петра Семеновичевъ Серебреныхъ съ товарыщи, а велено имъ сходитца со князь Петромъ Шуйскимъ вмѣсте изъ Смоленска. Въ Литовскую землю ходили воеводы и были по полкомъ. Въ болшомъ полку: царевичь Ибакъ, да бояринъ князь Василей Семеновичь Серебреной. Въ передовомъ полку: царевичь Кайбула, да бояринъ князь Петръ Семеновичь Серебреной. Въ сторожевомъ полку: воевода князь Петръ Даниловичь Щепинъ. И изъ Полоцка ходили воеводы по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ князь Петръ Івановичь Шуйской, да воеводы князь Өедоръ Івановичь Татевъ, да князь Іванъ Петровичь Охлябининъ Залупа; а какъ придутъ съ Лукъ Великихъ Іванъ Івановичь Очинъ Плещѣевъ, и Івану Очину быть въ болшомъ же полку.

Въ передовомъ полку: Захарей Івановичь Очинъ Плещѣевъ. Въ сторожевомъ полку: бояринъ Іванъ Васильевичь меншой Шереметевъ, да князь Давыдъ Васильевичь Гундоровъ. А по государеву указу въ росписи написано было, какъ сойдутца бояра и воеводы вмѣсте въ Литовской земле, Полоцкіе и Смоленскіе, имъ быть по полкомъ.

Въ болшомъ полку: царевичю Ибаку, да государевы бояра и воеводы князь Петру Івановичю Шуйскому, да Захарью Івановичю Очину Плещѣеву; а въ приставехъ у царевича Ибака князь Іванъ Семейка Сѣтлого Засѣкинъ. Въ правой рукѣ: царевичю Кайбуле, да бояринъ и воеводы князь Василью Семеновичю Серебреному, да Івану Івановичю Очину Плещѣеву; а приставъ у царевича князь Василей Морткинъ. Въ передовомъ полку: боярину и воеводамъ князю Петру Семеновичю Серебреному, да князю Ѳедору Івановичю Татеву. Въ сторожевомъ полку: воеводамъ князь Петру Даниловичю Щепину, да князь Івану Петровичю Охлябинину. Въ лѣвой рукѣ: боярину и воеводе Івану Васильевичю Шереметеву меншому, да князь Давыду Васильевичю Гундорову. А головамъ быть изъ [illegible] городовъ. Съ Велижа князь Аѳонасей [illegible]

Съ Невля князь Юрья Токмаковъ. Съ [illegible]силей Вешняковъ. Изъ Заволочья [illegible]ковъ. Съ Ногайскими мурзами, съ [illegible]рыщи, голова Василей Коробовъ. Съ [illegible]ми, съ Василькомъ съ товарыщи. [illegible]гаковъ. Съ Ногайскими мурзами. [illegible] шли изъ Нагай къ послемъ. [illegible]

сынъ Михайловъ. Съ Кадомскими и съ Городецкими людми голова Іванъ Годуновъ. Съ служилыми Татары голова Іванъ Бухаринъ. И тогды воеводамъ изъ Полоцка и изъ Смоленска походъ былъ, а вмѣсте воеводы не сошлися, потому что князя Петра Шуйского Литовскіе люди побили (см. *Др. Вивл.* XIII, 343—345; сл. *Симб. Сб.* I, 5, 6).—О битвѣ при рѣкѣ Улѣ см. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i Wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. Tom II. Warszawa, стр. 414. Стрыйковскій говоритъ о царевичѣ Казанскомъ, находившемся въ войскѣ Русскомъ, вмѣстѣ съ княземъ Петромъ Серебреннымъ. Польскій историкъ имѣлъ вѣроятно въ виду либо Абдуллу либо Ибака, хотя и тотъ и другой были царевичи Астраханскіе

Въ 1564 г. Шахъ-Али стоялъ въ Вязьмѣ, имѣя подъ своимъ начальствомъ царя Семена Касаевича, царевичей Абдуллу и Ибака и другихъ воеводъ [162]).

[162]) *Башм. разр. кн.*: Тогожъ лѣта (7072) роспись отъ Литовскіе украйны царю Шигалею и бояромъ и воеводамъ, а стояти имъ въ Вязме и въ Дорогобуже и во Ржеве, другимъ людемъ стоять въ Калуге, третьимъ людемъ стоять на Лукахъ и въ Торопце и въ Порхове.

Роспись въ Вязме воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояра и воеводы князь Іванъ Дмитреевичъ Бѣльской, да Данило Романовичъ Юрьевъ. Въ правой рукѣ: бояра и воеводы князь Іванъ Івановичъ Пронской Турунтай, да Іванъ меншой Васильевичъ Шереметевъ. Въ передовомъ полку: воеводы князь Андрѣй Петровичъ

Телятевской, да князь Петръ Івановичь Горенской. Въ сторожевомъ полку: воеводы бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ, да околничей Петръ Петровичь Головинъ. Въ лѣвой рукѣ: воеводы бояринъ Іванъ Михайловичь Воронцовъ, да околничей Михайло Петровичь Головинъ. А на Лукахъ Великихъ роспись бояромъ и воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ и воевода князь Іванъ Өедоровичь Мстиславской, да князь Петръ Даниловичь Щепинъ. Въ правой рукѣ: бояринъ и воевода князь Василей Семеновичь Серебреной, да Дмитрей Григорьевичь Плещѣевъ. Въ передовомъ полку: князь Петръ Семеновичь Серебреной, да князь Юрья Івановичь Такмаковъ. Въ сторожевомъ полку: воеводы князь Іванъ Канбаровъ, да князь Никита Гундоровъ. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ и воеводы Михайло Івановичь Вороного Волынской, да Михайло Долматовъ сынъ Карповъ. Роспись отъ поля на берегу въ Колуге быть бояромъ и воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ и воеводы князь Василей Михайловичь Глинской, да Іванъ болшой Васильевичь Шереметевъ. Въ правой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Петръ Івановичь Телятевской, да Петръ Васильевичь Морозовъ. Въ передовомъ полку: бояринъ и воеводы князь Александра Івановичь Воротынской, да князь Андрѣй Петровичь Хованской. Въ сторожевомъ полку: воевода князь Іванъ Юрьевичь Голицынъ, да князь Антонъ Михайловичь Ромодановской. Въ лѣвой рукѣ: околничей князь Іванъ Михайловичь Хворостининъ, да князь Михайло Жижемской. Да въ Вязме и во Ржеве

отъ Литовские украйны быти царю Шегалею Шегавлеяровичю, царю Симеону Касаевичю, царевичю Ибаку, царевичю Кайбулѣ, и тогды быть по иной росписи воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: царь Шегалей Шегавлеяровичь, да государевы бояра и воеводы князь Іванъ Дмитреевичь Бельской, да Данило Романовичь Юрьевъ, а съ царемъ Шегалеемъ приставъ князь Тимоѳей Долгорукой; да въ болшомъ же полку съ бояры и съ воеводами, воевода съ Татары Замятня Івановъ сынъ Сабуровъ. Въ правой рукѣ: царь Симеонъ Касаевичь, да государевы бояра и воеводы князь Іванъ Івановичь Пронской Турунтай, да Іванъ меншой Васильевичь Шереметевъ. Въ передовомъ полку: царевичь Ибакъ, да государевы воеводы князь Андрѣй Петровичь Телятевской, да князь Петръ Івановичь Горенской, да съ царевичемъ Ибакомъ приставъ князь Михайло Тюѳякинъ. Въ сторожевомъ полку: царевичь Кайбула, да государевы бояринъ и воеводы князь Александра Івановичь Воротынской, да Никита Івановичь Чюлковъ, а съ царевичемъ Кайбулою приставъ Юрья Івановъ сынъ Карповъ. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ и воеводы Петръ Васильевичь Морозовъ, да князь Давыдъ Васильевичь Гундоровъ. А нечто придутъ Литовскіе люди къ Лукамъ или къ Полоцку, и тогды быть изо Брянска воеводамъ въ сходъ князь Івану Юрьевичю Булгакову, да князь Михайлу Жижемскому. А изъ Смоленска быть въ сходъ боярину Івану Михайловичю Воронцову, да воеводамъ Василью Бутурлину, да Григорью Борисову, да князь Івану Дашкову. А сшедшися съ бояриномъ и

съ воеводою со князь Іваномъ Дмитреевичемъ Бѣльскимъ, быть въ болшомъ полку воеводе князь Івану Юрьевичю Булгакову, а людемъ съ нимъ по ево списку; да въ болшомъ же полку быть съ бояры и съ воеводы со князь Іваномъ Бѣльскимъ, да съ Даниломъ Романовичемъ Юрьевымъ боярину и воеводе Івану Михайловичю Воронцову, а люди съ нимъ по ево списку. Въ правой рукѣ съ бояры и съ воеводы со князь Іваномъ Пронскимъ, да съ Іваномъ меншимъ Шереметевымъ быть воеводе въ сходъ Василью Андрѣевичю Бутурлину, а люди съ нимъ по ево списку. Въ передовомъ полку быть съ воеводами въ сходъ со князь Андрѣемъ Телятевскимъ, да со князь Петромъ Горенскимъ воеводе князь Івану Дашкову. Какъ сойдутца съ Вяземскими и со Ржевскими воеводами Холмскіе бояра и воеводы князь Іванъ Өедоровичь Мстиславской съ товарыщи, и тогды быть бояромъ и воеводамъ князь Івану Өедоровичю Мстиславскому съ товарыщи по своей росписи по полкомъ съ бояриномъ и съ воеводою со князь Іваномъ Дмитреевичемъ Бѣльскимъ, болшому полку быть въ болшомъ полку, а правой рукѣ быть въ правой рукѣ, передовому полку быть въ передовомъ полку, сторожевому полку быть въ сторожевомъ полку, лѣвой рукѣ быть въ лѣвой рукѣ, и быть у государева дѣла бояромъ и воеводамъ безъ мѣстъ, и дѣломъ государевымъ промышлять по государеву наказу, каковъ наказъ у бояриина у князь Івана Дмитреевича Бѣльского (см. *Др. Вивл.* XIII, 351—355; сл. *Симб. Сб.* I, 5, 6, подъ 7072 и 7073 гг.; по *Симб. Сб.* съ Замятней Са-

буровымъ былъ, между прочимъ, «и царевъ дворъ Шигалеевъ»).

Изъ Вязьмы ханъ въ сентябрѣ ходилъ въ Великіе Луки на встрѣчу появившимся тамъ Литовцамъ, и въ Лукахъ узналъ, что главный воевода Сигизмундовъ Радзивилъ уже стоитъ подъ Полоцкомъ [163]).

[163]) *Башм. разр кн.*: Лѣта 7073, сентября въ 13 день, пришли къ Полоцку Польскіе и Литовскіе и Ляцкіе люди, гетманъ и воеводы. Въ ертоулѣ: паны и воеводы панъ и воевода староста Юрья Черторижскій, да панъ и воевода Николай Родивилъ, да Варкалапъ Корсакъ. Въ передовомъ полку были панъ и воеводы князь Баушь Корецкой, да князь Андрѣй Курбской. Въ правой рукѣ: паны и воеводы князь Юрья Слуцкій, да князь Василей Костянтиновичь Острожскій. Въ болшомъ полку: панъ и воеводы гетманъ навызшній панъ Лукьянъ Юрьевичь Родивилъ. Въ сторожевомъ полку: паны и воеводы староста Жемоцкой столникъ кралевской панъ Янъ Яраниковичь Хоткевичь, а съ нимъ былъ другой воеводичь Николай Троцкій. А съ ними было во всѣхъ полкѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, Ляховъ, и Угръ, и Киенъ, и Подоленъ, и Волыненъ, и Неменъ Прускихъ, и Жемовтенъ дватцать тысячь. Въ прибыломъ полку былъ воевода великій гетманъ Ляцкій, а съ нимъ было Ляховъ девятцать тысячь. И всѣхъ было людей подъ Полоцкомъ по полкомъ Польскихъ и Литовскихъ и Ляцкихъ семдесятъ тысячь; и стояли Польскіе и Литовскіе люди у Полоцка три недели, и пошли

номъ концѣ онаго находится небольшой пустой, уповательно для моленія по Магометанскому обычаю назначенный покой со входомъ при западной стѣнѣ и съ малымъ окномъ на сѣверной сторонѣ; а оной покой усланъ нетесаннымъ дикимъ камнемъ. Протчую часть занимаетъ сводъ или погребъ, въ которомъ находятся надгробные камни. Поверьхъ сводовъ пустая часть засыпана землею, на которой нынѣ ростетъ калина. Все строеніе отъ востока къ западу длиною больше 20, шириною больше 11, а вышиною до 7 аршинъ. Въ нутри малаго погреба, считая отъ востока къ западу, не много ширѣ четырехъ аршинъ съ половиною. Въ большой погребъ сдѣланъ входъ съ южной стороны почти въ срединѣ всего строенія, и слѣдовательно близь простѣнка между погребами. Помянутый входъ снаружи до полутора, а извнутра больше двухъ аршинъ шириною, и сдѣланъ на подобіе воротъ: но не видно слѣдовъ, чтобы прежде были крючья, на которые навѣшиваютъ двери. Надъ онымъ въ срединѣ карниза вмазана каменная дска съ краткою Арапскою надписью, которую мнѣ перевели слѣдующимъ образомъ: Единому великому Богу! владѣлецъ сего мѣста Шагали Ханъ, сынъ Султана Шихъ-аулеара; мѣсяца Рамазана въ 21 день въ 962 году. А именно по побѣгѣ Магомета; что по нашему счисленію, естьли не погрѣшаю, значитъ 1520 годъ (Палласъ дѣйствительно ошибся: 962 г. гиджры соотвѣтствуетъ 1554,5 г.). Помянутый погребъ, считая отъ востока къ западу, длиною до девяти аршинъ съ четвертью, а шириною 8

своихъ і воеводъ... А к Озерищу царь Семионъ Касаевичъ и воеводы пришли, декабря въ д., и Божиіимъ милосердіемъ і Пречистыя Матери і великихъ чудотворцевъ моленіемъ в другіе приступать учали: х городу к Озерищамъ ноября въ 6 д, на память преподобнаго отца нашего Варлама Хутынскаго чудотворца, городъ Озерища примѣтомъ зажгли.

Въ 1565 г. находимъ Шахъ-Алія на Литовской границѣ, въ Великихъ Лукахъ. «Тогожь году (7073)», сказано въ *Башм. разр. кн.*, «ходили воеводы по Литовскимъ вѣстямъ, а были на Лукахъ Великихъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: царь Шегалей, да бояринъ князь Іванъ Дмитреевичь Бельской. Въ правой рукѣ: царь Симеонъ, да бояринъ Данило Романовичь. Въ передовомъ полку: царевичь Ибакъ, да князь Андрѣй Петровичь Телятевской. Въ сторожевомъ полку: царевичь Кайбула, да Василей Андрѣевичь Бутурлинъ. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ Петръ Васильевичь Морозовъ, да кравчей князь Петръ Івановичь Горенской, да князь Давыдъ Гундоровъ».

Въ 1567 г. ходили Городецкіе Татары, по Литовскимъ вѣстямъ, съ царевичами Ибакомъ и Абдуллою въ Великіе же Луки. «Тогоже лѣта 7075», сказано въ *Башм. разр. кн.*, «послалъ государь на Луки Великіе царевичей, царевича Ибака да царевича Кайбулу; приставъ у царевича Ибака Михайло Игнатьевъ сынъ Салтыковъ, у царевича Кайбулы приставъ Өедоръ

Карповъ. Съ Городецкими Татары князь Осипъ Щербатой. Съ Нагайскими мурзами князь Іванъ князь Івановъ сынъ Мезецкой. Съ служилыми Татары князь Юрья Борятинской. Съ Кадомскими Татары Меншикъ Проестевъ. Съ Казанскими люди князь Давыдъ Гундоровъ. Съ Свияжскими Татары Өедоръ Образцовъ (*Др. Вивл* XIII, 388, 389; *Синб. Сб.* I, 20).

Кое-что о Шахъ-Аліѣ и городкѣ за промежутокъ времени отъ 1563 до 1567 г. узнаемъ мы и изъ Дѣлъ Ногайскихъ.

Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе обращаетъ на себя грамота государя Ивана Васильевича, писанная ко князю Исмаилу въ сентябрѣ 1563 (7072) г. Князь Ногайскій жаловался, что съ его людей взимаютъ въ Россіи лишнія пошлины. Государь отвѣчалъ на это: «А что еси писалъ къ намъ о тамгѣ, ино тамги тѣмъ обычаемъ велися изъ стари, что здѣ на *Москвѣ* на насъ тамгу емлютъ. А коли поидутъ на *Резань* и на *Коломну*, и они емлютъ на Коломенского наместника тамгужъ. Ино то твоимъ людемъ кабы двѣ тамги кажютца. А коли поидутъ на *Володимиръ*; и тогды тамгу другую емлютъ на Володимирского намѣстника. Да на Володимеръже коли ходятъ твои послы; тогды имъ лучитца итти на *Городокъ*. А у насъ исстари живутъ на городкѣ Цари и Царевичи. Ино на Царя и на Царевича идетъ пошлинажъ; да на болшего Князя на *Ширинского* идетъ пошлинажъ. И после того твои послы намъ били че-

ломъ, что ихъ Шигалѣй Царь обидитъ, а емлетъ у нихъ лутчие лошеди въ пошлину. И мы того для всѣ пошлины велѣли имати на Москвѣ. И потому твоимъ людемъ кажетца емлютъ на нихъ кабы четыре пошлины; а тѣ пошлины емлютъ на нихъ старые, а новыхъ пошлинъ не прибавили есмя ничего. А ныне есмя тебя для друга своего твоихъ гостей пожаловали тѣхъ есмя всѣхъ пошлинъ имати на нихъ не велѣли. И тѣ пошлины есмя имъ отдали» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* X, 320, 321). Отсюда намъ становится положительно извѣстнымъ тотъ фактъ, что въ Касимовѣ взималась изъ давна пошлина въ пользу тамошнихъ царей и царевичей, и что въ 1563 г. получалъ ее Шахъ-Али, въ качествѣ царя Городецкаго. Кто былъ упоминаемый въ грамотѣ Ивана большой князь Ширинскій—мое предположеніе объ этомъ будетъ изъяснено въ послѣдствіи въ статьѣ: «Уразъ-Мухаммедъ».

Другое свѣдѣніе, почерпаемое изъ Дѣлъ Ногайскихъ, относится къ 1564 г. Оно въ сущности незначительно, но для насъ любопытно, потому что Касимовъ названъ Шахъ-Аліевымъ городкомъ; значитъ и въ 1564 г. Шахъ-Али былъ царемъ Касимовскимъ. Свѣдѣніе это заключается въ слѣдующемъ. Въ грамотѣ поданной государю Ивану Васильевичу въ январѣ 1564 г., сынъ Исмаила Динъ-Ахмедъ (دين احمد), признанный княземъ Ногайскимъ на мѣсто только что предъ тѣмъ умершаго отца, писалъ, что одинъ изъ его людей купилъ дѣвку въ Касимовѣ, и что

дѣвку эту задержали. «Да нашъ паробокъ», сказано въ грамотѣ, «купилъ былъ въ *Шигалѣеве* Цареве городкѣ дѣвку. И тотъ дей Князь, которой провожалъ пословъ нашихъ, ту дѣвку у моего человѣка отнялъ. А молвилъ дей такъ, тоѣ дей дѣвки въ пропускной грамоте нѣтъ». Государь обѣщалъ Динъ-Ахмеду обратить вниманіе на это дѣло. «А которой твой человѣкъ», велѣлъ Иванъ передать новому князю, «въ *Касимове* купилъ дѣвку, и тоѣ дѣвку отняли у него въ Касимове городкѣ, тотъ нашъ сынъ Боярской, которой ихъ провожалъ, для того что у него тоѣ дѣвки въ пропускной грамоте не было, и намъ бы тоѣ дѣвки сыскивавъ велѣти отдати И мы тоѣ дѣвки сыскивати велѣли. И какъ сыщемъ; и мы еѣ велѣли тебѣ отдати» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* XI, 52, 65).

Еще знаемъ мы о Шахъ-Аліѣ изъ разрядовъ (*Др. Вивл.* XIII, 361; *Синб. Сб.* I, 8), что въ 1565 (7073) г. годовалъ «въ городкѣ у Царя Шигалѣя Окольничей Михайла Михайловичь Тучковъ». Фактъ этотъ ясно свидѣтельствуетъ, что Шахъ-Али и въ 1565 г. продолжалъ по прежнему владѣть Касимовымъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, чтобы ханъ не удержалъ городка въ своихъ рукахъ по самую свою кончину.

Къ послѣднимъ днямъ жизни Шахъ-Алія относится одинъ документъ, касающійся Касимова и найденный мною въ копіи въ бумагахъ Гагина, именно жалованная грамота Ивана IV слобожанамъ ямской слободы города Касимова. Считаю долгомъ приложить эту гра-

моту здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ она отъискалась у Гагина.

«Се язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми слобожанъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ ямской слободы, приказщика да старосту и охотниковъ да дворниковъ пятьдесятъ человѣкъ. Не надобе имъ моя царева и великаго князя дань, ни ямскія денги, посошная служба, ни городовое всякое дѣло, ни податей моихъ всякихъ не даютъ, съ черными людьми и съ городскими и съ сельскими никоторые проторы не тянутъ. А намѣстницы наши Касимовскіе, и волостели и ихъ тіуны кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, и не всылаютъ къ нимъ ни по что. И тѣхъ слободскихъ приказщиковъ и старостъ и охотниковъ и дворниковъ, самихъ и ихъ дѣтей и ихъ людей, не судятъ ни въ чемъ; а судитъ тѣхъ ямскихъ охотниковъ и дворниковъ и ихъ дѣтей и ихъ людей, приказщикъ ямской да староста. А пошлинъ приказщикъ емлетъ съ рубля по алтыну, а хоженаго денга. А пошлютца на правду, ино имати ѣзду на двѣ версты по денгѣ, а на правду вдвое. А пересуду и праваго десятка приказщику суда нѣтъ. А случитца тѣмъ слобожанамъ судъ смѣстно съ городскими и съ волостными людьми въ душегубствѣ, ино ихъ судятъ Касимовскіе намѣстницы и ихъ тіуны. А приказщикъ слободской съ нимижь судитъ, а старосты слободскіе у нихъ на судѣ сидятъ для береженья. А правъ или виноватъ слобожанинъ, приказщику и старостамъ, городской или волостной челю-

вѣкъ правъ или виноватъ, намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ, а на виноватомъ исцовъ искъ доправити, да отдати ищеемъ. А будетъ душегубство въ слободѣ, а ищей и отвѣтчикъ оба слобожанина, ино ихъ судятъ приказщикъ ямской да старосты въ душегубствѣ и во всякихъ дѣлехъ, опричь разбою. А явитца въ слободѣ убитая голова, кто подкинетъ въ ту слободу, или водою напловетъ, или возомъ сотретъ, или съ дерева убьетца, или отъ своихъ рукъ утеряетца, и слобожанамъ та голова явити своему приказщику, а тіуну, посадчику, и городовому приказщику поголовщины не платятъ. А воеводѣ и намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ, посадчикомъ, и городовому приказщику до того душегубства и во всякихъ дѣлехъ, до нихъ дѣла нѣтъ. А розбойное съ поличнымъ судятъ старосты губные, а приказщикъ слободской и старосты съ нимъ же судятъ для береженья. А правъ или виноватъ, по судебнику и дѣло кончаютъ, а виноватыхъ казнятъ, по моему цареву и великаго князя указу. А губные старосты безъ приказщика не судятъ. А пожаловалъ есми своихъ слобожанъ въ торханѣхъ ото всякихъ своихъ податей и ихъ дворы и пашни, за то что имъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ на яму подводы держати по трое лошадей съ выти, на мое царево и великаго князя разное дѣло и на земское. А прогоны имъ имать на десять верстъ по три денги, а проводнику на тритцать верстъ по двѣ денги. А давать имъ подводы по моимъ царевымъ и великаго князя грамотамъ, и по воеводскимъ и по на-

мѣстничьимъ, и по грамотамъ городовыхъ приказщиковъ. А лошадей имъ у городскихъ людей и у волостныхъ отнюдь не имати; а возметъ которой охотникъ на ямъ лошадь въ подводы у кого ни буди, и тѣмъ охотникомъ быти отъ меня царя и великаго князя казненымъ. А которые гонцы обмѣняютъ подводы на дорогѣ въ селѣхъ и въ деревняхъ у кого ни буди, а тѣ люди тѣ обмѣнные вставые подводы учнутъ у себя задерживати, а Касимовъ городокъ на ямѣ, къ ямскимъ охотникомъ отводити ихъ не учнутъ того же дни, и приказщику тѣхъ людей давати на поруки цареве и великаго князя пенѣ, да на тѣхъ людей доправливати всякой подводѣ по три алтына на день. А будетъ кому дѣло до слобожанина и на иномъ городѣ, и намѣстникъ его велитъ дать на поруку, да отослать въ Касимовъ городокъ къ приказщику слободскому, и намѣстникъ его не судитъ нигдѣ ни въ какихъ дѣлехъ. Також есми тѣхъ слобожанъ пожаловалъ. Наши недѣльщики площадные и дворцовые по нихъ не ѣздятъ, и на поруки ихъ не даютъ, и сроковъ на нихъ не наметываютъ ни въ какихъ дѣлехъ. А кто срокъ накинетъ сильно, и они къ тому сроку къ отвѣту не ѣздятъ; а кто на нихъ по срокѣ возметъ безсудную, и та безсудная не въ безсудную. А кому будетъ до котораго слобожанина какое дѣло, или слобожанину до стороннихъ людей до которыхъ ни буди какое дѣло, и въ томъ на слобожанъ тѣ люди, и слобожане на стороннихъ людей на кого ни буди наметываютъ мои царевы и великаго князя зазывныя грамоты, да по тѣмъ

зазывнымъ на сроки ставятъ за отвѣтами, а сужу ихъ язъ царь и великій князь, или наши казначеи, или кому будутъ приказаны ямскія дѣла судити, а опричь ямскаго судьи тѣмъ слобожаномъ не искати и не отвѣчати ни предъ кѣмъ. Да тѣхъ же есми слобожанъ пожаловалъ. Кто ѣдетъ на наемныхъ подводахъ, и имъ подводы наимовати у охотниковъ; а охотникомъ имати у нихъ наемъ по указу на десять верстъ по три денги. А мимо охотниковъ подводъ въ наемъ никому не давать; а кто дастъ подводу въ наемъ подъ гонцы, и того изымаютъ приказщикъ и старосты, да возмутъ на немъ на меня, царя и великаго князя, заповѣди два рубля денегъ, да тѣ денги привозятъ въ мою цареву и великаго князя казну къ дьякомъ, которымъ ямы приказаны. Да слобожанъ же есми пожаловалъ. Кто тѣхъ слобожанъ въ слободѣ женитца или въ Касимовѣ на посадѣ или въ иной слободѣ или волостяхъ, или дочерь дастъ изъ тое слободы замужь на посадъ или въ волость или въ слободу, и приказщику и старостамъ, кому они приказаны, имати на меня, царя и великаго князя, за убрусъ четыре денги, а за выводную куницу алтынъ, а знамя емлютъ у митрополича приказщика, а за вѣнцы отъ знаменъ даютъ приказщику митрополичу съ холосца по три денги, а со вдовца алтынъ, а съ трехъженца два алтына. На пиръ къ нимъ и въ братчины незванъ сильно не ѣздитъ никто; а кто къ нимъ на пиръ незванъ пріѣдетъ, и отъ него вышлютъ вонъ бездѣльно, а кто не пойдетъ вонъ, а учи-

нитца туто у нихъ какая гибель, и тому незваному за гибель платить вдвое безъ суда. А кто къ кому пріѣдетъ въ слободу гость или какой человѣкъ ни буди, или кто наймита найметъ, и тому слобожанину того своего гостя и наймита явити приказщику и старостамъ, кому они приказаны; а отъ явки приказщику и старостамъ у нихъ не имать ничего. А кто не явитъ приказщику и старостамъ своего гостя или наймита или кого ни буди, и приказщику и старостамъ на тѣхъ людѣхъ, которые не являютъ, имати заповѣди на меня, царя и великаго князя, два рубля денегъ. А которой слобожанинъ купитъ или вымѣняетъ лошадь у городского человѣка или волостного и у пріѣзжего у кого ни буди, или кому охотникъ лошадь продастъ или промѣняетъ, и они съ тѣхъ лошадей тамги и пошлины не платятъ, а являютъ тѣ лошади охотники, кто купитъ или кто продастъ или промѣнитъ, своему приказщику и старостамъ, кому они приказаны; и приказщикъ и старосты пишутъ у себя явки изъ за купца и продавца и лошади въ шерсть и цѣну, сколько которой лошади лѣтъ, а за пищего емлютъ они себѣ по денгѣ съ лошади. Такожь есми слобожанъ пожаловалъ. Ослободилъ есми имъ брагу держать про себя, а пива и меду и вина на корчмы имъ у себѣ отнюдь не держать. И будетъ у кого корчма, или кто своего питья приказщику и старостамъ не явитъ, и приказщику и старостамъ у того слобожанина корчма выняти, а заповѣди взяти на меня, царя и великаго князя, два рубля денегъ. А вы-

метъ кто у кого слобожанина корчму опричь приказщика и старостъ, и на томъ приказщикѣ и старостахъ взять заповѣди на меня, царя и великаго князя, по пяти рублевъ денегъ, а того слобожанина казнити торговою казнію бить кнутомъ, да его изъ слободы выслать вонъ, а дворъ и животы описать на меня, царя и великаго князя. Такоже есми слобожанъ пожаловалъ. Наши воеводы, князи и бояре и дѣти боярскіе, и всякіе ратные люди, Татарове и князи и мурзы, и всѣ служебные люди, и всякіе посланники и гонцы и Нагайскіе послы въ ихъ дворѣхъ сильно не ставятца, и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ сильно не емлютъ, и въ лѣтнюю пору на ихъ пашняхъ и на лузѣхъ и на покосѣхъ не ставятъжеся, и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а кормъ свой и конской купятъ у нихъ по цѣнѣ, какъ имъ продадутъ. А ставятца послы и гонцы на яму, на то ямъ устроенъ. А которые наши воеводы, князи и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди у тѣхъ слобожанъ въ ихъ дворѣхъ учнутъ ставитца сильно, или что возмутъ или чѣмъ ихъ изобидятъ, и тому отъ меня, царя и великаго князя, быти въ опалѣ, и на немъ то взяти вдвое безъ суда. А которые охотники или ихъ дѣти, или ихъ люди пойдутъ въ верхъ по Окѣ къ Терехову, или въ низъ къ Мурому или въ новыгороды отъ ямской вдаль за урокомъ, и они въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ съ головы по алтыну гостинаго не даютъ; а поѣдутъ тѣ охотники торговать въ которой городъ ни буди, и пошлинные люди во всѣхъ

городѣхъ на тѣхъ охотникахъ пошлины емлютъ по тому, какъ и съ торговыхъ людей. А которые наши воеводы, посадчики и городовые приказщики, и ключники и высылщики и всякіе мои царевы и великаго князя посланники учнутъ отъ себя гонцовъ посылать по своимъ подорожнымъ грамотамъ на подводѣхъ и въ судѣхъ въ иные городы куды ни буди по уѣздомъ, и тѣ де воеводы и городовые приказщики и ключники и высылщики и всякіе посланники своимъ гонцомъ подводы даютъ въ уѣздъ на пять верстъ, да тѣхъ своихъ гонцовъ имена куды пошлютъ и сколько кому подводъ даютъ пишутъ у собя въ книги, да тѣ свои отпуски присылаютъ къ Москвѣ къ дьякамъ въ ямскую избу для справки ямскихъ книгъ. А коли они явятъ сію нашу грамоту Касимовскимъ воеводамъ, посадчикомъ и всякимъ приказнымъ людемъ и ихъ пошлинникомъ, они съ нее явки не даютъ ничего. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7075 (1567), марта въ 27 день». *Подлинникъ писанъ на листѣ, длиною 1 арш. $10^1/_2$ вершк., шириною $10^1/_2$ вершк.; въ концѣ привѣшена печать изъ краснаго воска. На оборотѣ слѣдующія подтвержденія:* «Лѣта 7102 (1594), іюля въ 1 день, государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи сее жалованные грамоты слушалъ, и выслушавъ, пожаловалъ Касимовскаго яму приказщика и охотниковъ, велѣлъ подписати на свое государево и царево и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи имя, и сее жалованныя грамоты рудити у нихъ не велѣлъ, а велѣлъ ходити, какъ у нихъ въ сей жа-

лованной грамотѣ писано. — А подписалъ государя царя и великаго князя Θедора Ивановича всеа Русіи дьякъ Андреянъ Егоровъ. 2) Лѣта 7107 (1599), августа въ 4 день, государь царь и великій князь Борисъ Θедоровичь всеа Русіи сее жалованные грамоты слушавъ, Касимовскаго яму приказщика и старосту и охотниковъ пожаловалъ, велѣлъ при себѣ грамоту подписати на свое царево и великаго князя имя, и сее у нихъ грамоты рудити не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей жалованной грамотѣ писано, опричь наемныхъ подводъ. — А подписалъ государя царя и великаго князя Бориса Θедоровича всеа Русіи дьякъ Богданъ Бухвостовъ. 3) Лѣта 7116 (1608), февраля въ 1 день, государь царь и великій князь Василей Ивановичь всеа Русіи сее грамоты слушавъ, Касимовскаго ямскаго приказщика и охотниковъ пожаловалъ, велѣлъ сію грамоту подписать на свое царево и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи имя, и рудити у нихъ сее грамоты не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ ходити о всемъ по тому же, какъ въ сей жалованной грамотѣ писано. — А подписалъ государя царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи дьякъ Михайло Огарковъ. 4) Лѣта 7124 (1616), марта въ 24 день, государь царь и великій князь Михайло Θедоровичь всеа Русіи сее грамоты слушавъ, Касимовской ямской слободы приказщика и охотниковъ пожаловалъ, велѣлъ сію грамоту подписать на свое царево и великаго князя Михаила Θедоро-

вича всеа Русіи имя, и рудити у нихъ сее грамоты не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. — А подписалъ государя царя и великаго князя Михаила Өедоровича всеа Русіи дьякъ Данило Яковлевъ. 5) Лѣта 7154 (1646), марта въ 20 день, государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всеа Русіи сее грамоты слушавъ, Касимовскихъ охотниковъ пожаловалъ, велѣлъ сію грамоту подписать на свое царево и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи имя, и рудити у нихъ сее грамоты не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано.—Подпись дьяка Василья Яковлева. 6) Лѣта 7186 (1678), іюня въ 1 день, великій государь царь и великій князь Өедоръ Алексѣевичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, сее грамоты слушавъ, Касимовскихъ охотниковъ пожаловалъ, указалъ сію грамоту подписать на свое великаго государя царя и великаго князя Өедора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, имя, и рудить у нихъ сее грамоты не указалъ никому ничѣмъ, а указалъ ходить о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. — Подпись дьяка Гурія Блудова. 7) Лѣта 7193 (1685), марта въ 11 день, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичь и Петръ Алексѣевичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, сее грамоты слушавъ, Касимовскихъ охотниковъ пожаловали, указали сію грамоту подписать на свое великихъ государей

царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, имя, и рудить у нихъ сее грамоты не указали никому ничѣмъ, а указали ходить о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. — Подписи дьяковъ Алексѣя Зуева и Ивана Меркулова».

20-го апрѣля 1567 года Шахъ-Али скончался. Онъ былъ похороненъ въ Касимовѣ, гдѣ и до сихъ поръ уцѣлѣлъ его надгробный памятникъ. Въ *Алекс. Нев. Лѣт.* годъ смерти Шахъ-Алія обозначенъ иначе. «Апр. въ 22 (г. 1566)», сказано тамъ (*Кар.* пр. 217 къ Т. IX), «не стало въ животѣ на Касимовѣ городкѣ Шигалея Царя». Лѣтописецъ, какъ видно, ошибся на цѣлый годъ.

Шахъ-Али умеръ бездѣтнымъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнныхъ доказательствъ противному не имѣемъ; знаемъ же навѣрно (см. ниже, стр. 585), что еще въ 1552 г. у хана не было ни сыновей, ни дочерей. Одно время жила при немъ племянница, дочь Джанъ-Алія, которую онъ принялъ къ себѣ въ домъ. Племянницу эту онъ содержалъ какъ дочь. Ногайскій князь Исмаилъ, бывъ еще мурзою, сваталъ ее за старшаго сына своего Мухаммедъ-мурзу, котораго онъ въ послѣдствіи, когда сдѣлался княземъ, предназначалъ себѣ въ наслѣдники (Мухаммедъ-мурза умеръ прежде отца, именно въ 1562 году; см. *Прод. Древн. Росс. Вивл.* X, 207); но свадьба эта не состоялась. Любопытно, что Исмаилъ въ грамотахъ своихъ къ Ивану IV, въ которыхъ онъ просилъ для сына руки Шахъ-Алие-

ной племянницы, постоянно называлъ ее дочерью Шахъ-Алія; Иванъ же въ отвѣтахъ своихъ къ Исмаилу звалъ ее не иначе, какъ племянницею хана, дочерью Джанъ-Алія. Сватовство началось около 1550 года. «Да чтобъ еси *Шигалееву* цареву дочь», писалъ Исмаилъ Ивану въ грамотѣ, полученной въ маѣ 1551 г., «велѣлъ далъ за моего сына, чтобъ намъ сватитися». «А въ грамоте своей къ намъ», отвѣчалъ на это Иванъ въ маѣ же 1551 г., «писалъ еси... за сына бы твоего *Еналееву* Цареву дочерь дати. И мы прежде сего послали къ тебѣ своего посла *Петра Тургенева*... и о Еналѣеве Цареве дочери... велѣли съ тобою говорити своему послу Петру Тургеневу». Дѣло длилось въ теченіи всего 1551 г. Исмаилъ въ этомъ году еще разъ повторялъ свою просьбу. «Бѣлому Царю», писалъ онъ въ грамотѣ къ Ивану, привезенной въ іюлѣ, «и Шигалѣю Царю въ дружбу и въ братство пригодитца сынъ мой большой *Леаметъ* (чит. *Мааметъ*) мирза, чтобъ есте зятемъ учинили, а за тѣмъ его не обльгайте, что онъ женатъ, занъ же не дѣвку онъ поялъ». Иванъ, въ отвѣтъ на это, обѣщалъ Исмаилу передать его просьбу Шахъ-Алію. «А о сыне твоемъ Мааметъ мирзѣ», писалъ онъ Исмаилу въ концѣ іюля же мѣсяца, «пошлю въ Казань къ *Шигалею* Царю, чтобъ его себѣ сыномъ учинилъ, а племянница его у него въ Казани будетъ» (припомнимъ, что объ эту пору со дня на день ждали водворенія Шахъ-Алія въ Казани; см. выше, стр. 347—350). Въ 1552 году предположеніе о женитьбѣ Му-

хаммедъ-мурзы на Шахъ-Аліевой племянницѣ рушилось. Весною Исмаилъ пытался было снова просить руки ея для сына. «А Шигалѣеву дочь», писалъ онъ Ивану въ грамотѣ, присланной въ маѣ, «просилъ есми за сына своего за *Магмедъ* мирзу, чтобъ Князь братъ велѣлъ сватомъ быти, бью челомъ. А не съ Шигалѣемъ Царемъ язь хочю быти въ сватовстве и въ братстве, съ тобою хочю быти въ сватовстве и въ братстве. Брату моему вѣдомо буди». На этотъ разъ Иванъ отклонилъ просьбу Исмаила. Въ началѣ же іюня онъ отвѣчалъ мурзѣ, что Шахъ-Али, съ которымъ онъ говорилъ про это дѣло лично (Шахъ-Али объ эту пору находился въ Москвѣ и праздновалъ свадьбу свою съ Сююнъ-бекой; см. выше стр. 364), не можетъ рѣшиться на разлуку съ племянницей. Сверхъ того въ грамотѣ своей государь упрекалъ Исмаила, зачѣмъ онъ не присылалъ жениха въ Россію. «А что еси писалъ къ намъ о *Еналѣеве* Цареве дочери», писалъ Иванъ Исмаилу, «и мы съ *Шигалѣемъ* Царемъ о томъ говорили. И Шигалѣй Царь говоритъ, что у него опричь еѣ сына и дочери нѣтъ (замѣтимъ слова эти; онѣ важны: Иванъ положительно говоритъ, что у Шахъ-Алія въ 1552 году дѣтей не было вовсе), и ему еѣ отъ себя отпустити немочно. А мы къ тебѣ напередъ сево писали, чтобы еси сына своево къ намъ прислалъ. И ты сына своего не прислалъ. И на насъ то дѣло не осталося» (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VIII, 228, 240, 283, 284, 288, 331, 335, 336). Отказомъ со стороны Ивана сва-

товство кончилось. Между тѣмъ, объ эту же самую пору, Шахъ-Аліева племянница, дочь Джанъ-Алія, вышла за мужь за царевича Астраханскаго Абдуллу Акъ-кубековича, который только что выѣхалъ въ Россію (см. выше, пр. 148, стр. 393). Открывшаяся съ пріѣздомъ Абдуллы возможность пристроить невѣсту у себя дома была, по всей вѣроятности, одной изъ причинъ, побудившихъ государя и Шахъ-Алія отказать Исмаилу.—Кромѣ помянутой мною племянницы, были еще у Шахъ-Алія, какъ мы увидимъ при описаніи Касимовскихъ надгробныхъ памятниковъ, двѣ близкія родственницы, которыхъ онъ воспиталъ: Ханъ-султанъ и Магъ-султанъ. Первая изъ нихъ умерла въ дѣвицахъ въ 1558 г., 27 лѣтъ отъ роду; другая пережила Шахъ-Алія, и въ эпоху его кончины была еще не замужемъ. Карамзинъ (IX, 66) пишетъ, со ссылкою въ пр. 217 на Дѣла Крымскія, что Иванъ Васильевичь вскорѣ послѣ кончины Шахъ-Алія, предлагалъ хану Крымскому Даулетъ-гирею женить сына или внука на дочери Шахъ-Алія, и взять въ приданое городъ отца ея, Касимовъ. Быть можетъ, эта предполагаемая дочь Шахъ-Алія была никто иная, какъ Магъ-султанъ. Въ Дѣлахъ Крымскихъ, невѣста, руку которой предлагали Крымскому султану, могла быть названа дочерью хана, точно также какъ въ Дѣлахъ Ногайскихъ названа дочерью же Шахъ-Алія его племянница отъ Джанъ-Алія.

Памятникомъ долголѣтняго пребыванія Шахъ-Алія въ Касимовѣ осталась выстроенная имъ, такъ назы-

›мая мѣстными Татарами текіе (تکیه — мавзолей). нъ построилъ это зданіе въ 1555 году. Въ немъ ›гребены были онъ самъ и многія близкія ему лица. казательствомъ служатъ уцѣлѣвшіе до нынѣ въ ›іѣ надгробные камни и надписи [165]).

[165]) Обычай возводить для себя и для своего семейства особые мавзолеи существуетъ издавна во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ. Строились, и теперь еще строятся подобнаго же рода часовни надъ прахомъ святыхъ, или лицъ, ознаменовавшихъ себя чѣмъ либо особеннымъ. Много такихъ часовень разсѣяно и у насъ въ Россіи, въ странахъ, бывшихъ нѣкогда центрами мусульманскаго населенія. Всего чаще встрѣчаются они въ Оренбургскомъ краѣ, и въ Киргизъ-Кайсацкой степи. Киргизъ-Кайсаки и Татары зовутъ ихъ *астане* (آستانه; этимъ же самымъ именемъ зовутся строенія надъ могилами святыхъ и въ сѣверной Персіи; см. Дорнъ. Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу въ VIII части Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императ. Археол. Общества, стр. 235). Георги въ своихъ: Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773. und 1774. Zweyter Band. St. Petersburg. 1775, стр. 729 — 731, описалъ одну изъ такихъ астане, находившуюся не подалеку отъ Уфы. Объ астанахъ въ Киргизской степи см. мою статью: Памятникъ съ Арабско-Татарскою надписью въ Башкиріи, въ IV части Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императ. Археол. Общества, и рисунокъ, приложенный къ Т. I. моихъ Историческихъ Извѣстій

о Киргизъ-Кайсакахъ, и о сношеніяхъ Россіи съ Среднею Азіею. Уфа. 1853.

Шахъ-Аліева текіе — памятникъ замѣчательный, заслуживающій какъ по своей постройкѣ и внутреннему расположенію, такъ и по надгробнымъ камнямъ и вырѣзаннымъ на нихъ надписямъ, подробнаго и внимательнаго разсмотрѣнія.

Постараюсь, по мѣрѣ возможности, выполнить эту задачу.

Въ общихъ чертахъ текіе описана была нѣсколько разъ въ различныя времена; сняты были даже рисунки и планы съ ея наружнаго вида и внутренняго устройства.

Въ первый разъ описалъ текію Палласъ, посѣщавшій Касимовъ, какъ я имѣлъ уже случай сказать выше (стр. 64), въ августѣ 1768 года. Описаніе находится въ его Путешествіи по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи. Ч. I. Спб. 1773, стр. 44—47. Вотъ подлинныя слова Палласа: «Въ южновозточную сторону отъ сего строенія (т. е. отъ остатковъ прежняго дворца Касимовскихъ хановъ; см. выше, на стр. 70, 71, выписку изъ Палласова Путешествія) находится Ханское кладбище въ саду хозяина и понынѣ еще неразрушено. При ономъ ничего не видно Готскаго; но состоитъ только изъ продолговатыхъ четвероугольныхъ толстыхъ кромѣ простаго карниза никакого украшенія неимѣющихъ стѣнъ, складенныхъ изъ гладко отесанныхъ камней. На запад-

номъ концѣ онаго находится небольшой пустой,уповательно для моленія по Магометанскому обычаю назначенный покой со входомъ при западной стѣнѣ и съ малымъ окномъ на сѣверной сторонѣ; а оной покой усланъ нетесаннымъ дикимъ камнемъ. Протчую часть занимаетъ сводъ или погребъ, въ которомъ находятся надгробные камни. Поверьхъ сводовъ пустая часть засыпана землею, на которой нынѣ ростетъ калина. Все строеніе отъ востока къ западу длиною больше 20, шириною больше 11, а вышиною до 7 аршинъ. Въ нутри малаго погреба, считая отъ востока къ западу, не много ширѣ четырехъ аршинъ съ половиною. Въ большой погребъ сдѣланъ входъ съ южной стороны почти въ срединѣ всего строенія, и слѣдовательно близь простѣнка между погребами. Помянутый входъ снаружи до полутора, а извнутра больше двухъ аршинъ шириною, и сдѣланъ на подобіе воротъ: но не видно слѣдовъ, чтобы прежде были крючья, на которые навѣшиваютъ двери. Надъ онымъ въ срединѣ карниза вмазана каменная дска съ краткою Арапскою надписью, которую мнѣ перевели слѣдующимъ образомъ: Единому великому Богу! владѣлецъ сего мѣста Шагали Ханъ, сынъ Султана Шихъ-аулеара; мѣсяца Рамазана въ 21 день въ 962 году. А именно по побѣгѣ Магомета; что по нашему счисленію, естьли не погрѣшаю, значитъ 1520 годъ (Палласъ дѣйствительно ошибся: 962 г. гиджры соотвѣтствуетъ 1554,5 г.). Помянутый погребъ, считая отъ востока къ западу, длиною до дѣвяти аршинъ съ четвертью, а шириною 8

арш. съ четвертью, а вышиною нѣсколько больше пяти аршинъ. Въ стѣнѣ на сѣверъ сдѣланы два окна, а на возтокъ только одно, которыя снаружи съужены и были съ желѣзными рѣшетками; но кому то за благо разсудилось оныя выломать. Въ семъ погребѣ видны 8 продолговатыхъ могилъ. У стѣны на возтокъ находится пять могилъ одна подлѣ другой, а шестая близь дверей, и всѣ сіи, какъ то кажется, складены изъ красноватой сженой глины. Седьмая лежитъ въ самой срединѣ, длиною больше семи футовъ, а вышиною почти въ аршинъ, и окладена камнемъ на подобіе ступеней. Осьмая позади сей находящаяся окладена такимъ же образомъ, но почти четвероугольна; по чему и кажется, что въ ней положены были два покойника: ибо въ семъ могильномъ погребѣ дѣйствительно находится девять череповъ головныхъ. У каждой могилы въ головахъ или на западъ былъ поставленъ на четвероугольномъ подножьѣ тупоострый надгробный камень вышиною до шести футовъ. Изъ числа оныхъ стоятъ еще только два, а протчіе лежатъ во кругъ разломаны. У всѣхъ сихъ камней обороченная къ западу сторона высѣчена гладко цвѣтами или звѣздочками на подобіе решетки, а другая украшена раздѣленною на клѣточки чисто высѣченною Арапскою надписью. Подъ симъ сводомъ, въ которомъ стояли надгробные камни, есть подземной могильной погребъ равной длины, но не столь пространенъ; и можно въ оной входить только сквозь узкой камнемъ и землею заваленной проходъ, у котораго

устье съ наружи выкладено плитами. Въ семъ низкомъ погребѣ лежали кости на деревянныхъ амвонахъ: но хулы достойные любопытные люди новѣйшихъ временъ ихъ спокойное домовище разрушили, такъ что нынѣ ничего больше не находится, какъ только около лежащіе разбросанные черепы, кости, волосы и лоскуты желтой, зеленой, жаркой, полосатой тонкой тафты, которые еще нарочито крѣпки и не очень полиняли».

Послѣ Палласа, Шахъ-Аліева текіе была описана Щекатовымъ въ его: Словарѣ географическомъ Россійскаго государства, въ Ч. III, подъ словомъ: *Касимовскіе Татара*. Описаніе это не имѣетъ рѣшительно никакой цѣны, потому что оно слово въ слово перепечатано изъ Путешествія Палласа. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что въ словарь Щекатова въ ту же III-ью часть, но только подъ другимъ словомъ: *Касимовъ*, вкралась грубая ошибка: годъ 962 гиджры, когда была построена текіе, Щекатовъ принялъ за годъ смерти Шахъ-Алія. Говоря именно, подъ словомъ: *Касимовъ*, о надписи, вырѣзанной надъ входомъ въ текію, Щекатовъ пишетъ: «По имѣющейся тутъ надписи на *Арабскомъ* языкѣ видно, что тутъ опочиваетъ съ 962 *Егиры*, по нашему Лѣтосчисленію съ 1520 года, страны сей *Ханъ-Шагали*». Щекатовъ, какъ видно, дурно понялъ слова Палласова перевода: «владѣлецъ сего мѣста» (т. е. строитель). Авторъ словаря могъ бы легко избѣжать ошибки, еслибъ обратилъ вниманіе на тотъ переводъ надписи

Шахъ-Аліева надгробнаго памятника, который имъ же самимъ приведенъ подъ словомъ: *Касимовскіе Татары.*

За тѣмъ было говорено о текіѣ въ статьѣ: О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 годъ, напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ, изд. П. Свиньинымъ. 1828. Ч. 33, стр. 455, 456; въ статьѣ: О замѣчательныхъ памятникахъ древности въ Рязанской губерніи, помѣщенной въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1838 г., № 272 (изъ Рязанск. губ. Вѣд.); въ статьѣ: О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи, находящейся въ Журн. мин. вн. д. 1841. Іюль. Ч. XLI. Смѣсь, стр. 9; и наконецъ въ сочиненіи г. Барановича: Рязанская губернія (Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба). Спб. 1860, стр. 526, 550 и 551.

Изо всѣхъ этихъ описаній, болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія, по нѣкоторымъ сообщаемымъ имъ подробностямъ, описаніе, напечатанное въ статьѣ: О замѣчательныхъ памятникахъ древности въ Рязанской губерніи. Приведу его въ подлинникѣ: «Въ 35-ти саженяхъ отъ Касимовской Ханской мечети, построенной изъ дикаго камня, Царемъ Касимомъ, находится изъ такого же камня памятникъ, или палатка, построенная въ 1520 году, Царемъ Шихъ-Алеемъ, подъ которой погребалась фамилія Царя.... Палатка при мечети, построенная изъ дикаго камня, имѣетъ въ длину 18 съ половиной, въ ширину 12, и въ высоту 7

аршинъ; она—съ капитальною внутри перегородкой, безъ кровли и со сводами; на верхней, гладкой и уравненной землею площади растутъ разнородныя деревья, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ надобно полагать, были посажены, а другихъ сѣмяна занесены вѣтромъ. Палатка сія имѣетъ съ востока одно, и съ сѣвера три окна; входъ въ одно отдѣленіе—съ юга, а въ другое съ запада. Въ восточномъ отдѣленіи устроено 9 гробницъ, со сводами изъ кирпича, у которыхъ въ ногахъ поставлены дикіе камни, съ надписями на Арабскомъ языкѣ. Западное отдѣленіе предназначалось для моленій, но теперь оно пусто; подъ восточнымъ отдѣленіемъ находится подвалъ со сводами, гдѣ, по устнымъ преданіямъ, въ деревянныхъ склепахъ, хранились тѣла скончавшихся Царей. Въ полу подвала, у трехъ стѣнъ, въ величину кирпича, видны продушины, какъ будто для очищенія воздуха въ нижнемъ какомъ либо отдѣленіи, о существованіи коего, однакожъ, ничего неизвѣстно. По давности времени, сія палатка начинаетъ разрушаться».

«Всѣ остальныя три описанія весьма кратки и неполны. Годъ построенія текіи во всѣхъ нихъ, за исключеніемъ сочиненія г. Барановича (гдѣ годъ вовсе не выставленъ), означенъ, какъ и у Палласа, ошибочно—1520. О числѣ гробницъ и камней въ текіѣ говоритъ одинъ Барановичъ. «Внутри мавзолея, построеннаго царемъ Шихъ-Алеемъ», пишетъ онъ, «поставлено девять гробницъ подъ кирпичными сводами; у каждой изъ нихъ въ головахъ камень, съ вы-

рѣзанными фигурами и арабскими надписями». Сочинители всѣхъ трехъ описаній утверждаютъ, что подъ подземнымъ этажемъ текія находился дѣйствительно тайникъ. Авторъ статьи: О городѣ Касимовѣ, полагаетъ, что ходъ въ него, вѣроятно, былъ изъ мечети, подземный. Тоже мнѣніе раздѣляетъ и г. Барановичъ. «Засыпанныя землею каменныя ступени, замѣтныя въ срединѣ минарета, «пишетъ онъ, «рождаютъ предположеніе, что изъ мечети былъ нѣкогда подземный ходъ къ мавзолею».

Въ послѣдній разъ текіе была описана въ 1860 г. на мѣстѣ муллою Хусейномъ Фейзъ-хановымъ, ѣздившимъ нарочно въ Касимовъ, по порученію Императорскаго Археологическаго Общества. Рукописное описаніе свое, составленное на Татарскомъ языкѣ, мулла Хусейнъ сообщилъ мнѣ. Предлагаю его здѣсь въ Русскомъ переводѣ. «Шахъ-Алиева текіе находится саженяхъ въ 35 отъ старой Касимовской мечети. Она имѣетъ въ длину около 19 аршинъ, въ ширину 12, а въ вышину около 7 аршинъ. Сложена она изъ бѣлаго камня. Вмѣсто крыши сдѣланы два отлогихъ кирпичныхъ свода; по всему верху ихъ растутъ деревья и кустарники: шиповникъ, черемуха, рябина въ большомъ количествѣ, и сосны, уродливыя, но довольно толстыя. По наружнымъ стѣнамъ на верху видны слѣды бывшаго нѣкогда карниза; изъ за нихъ и изъ за деревьевъ, которыми обросла крыша, сводовъ съ низу разглядѣть нельзя. Дверей—двѣ, оконъ—четыре; двери и окна желѣзныя.

Внутренность мавзолея раздѣлена капитальною стѣною на двѣ комнаты: одну, большую, и другую, на лѣво отъ нея, малую.—Въ большой комнатѣ три окна; изъ нихъ два обращены на сѣверъ, и одно на востокъ. Входятъ въ комнату прямо со двора. Дверь обращена на югъ, и приходится почти на самой серединѣ наружнаго фаса зданія. Со двора надъ дверью вмазана каменная доска, на которой красивымъ почеркомъ вырѣзана слѣдующая надпись по Арабски: а) *Внутри, въ четырехугольной продолговатой рамкѣ, въ двухъ строкахъ:* صاحبه ومالكه هذه العمارة شاه على خان ابن شيخ اوليار سلطان || تاريخ شهر رمضان يوم احد عشرين سنة اثنا وستين وتسع ماية т. е. «Строитель и собственникъ этого зданія — Шахъ-Али-ханъ, сынъ Шейхъ-Ауліяръ-султана; 21 числа мѣсяца рамазана 962 года» (9-го августа 1555 г.). б) *Кругомъ рамки:* съ верху: الله لا اله الا هو الحى القيوم لا تاخذه سنة ولا نوم له ما فى السموات وما فى الارض; съ низу: من ذا الذى يشفع عنده الا باذنه يعلم ما بين ايديهم وما خلفهم ولا يحيطون بشى من علمه الا بما شاء; съ лѣва: وسع كرسيه السموات والارض; съ права: ولا يوده حفظهما وهو العلى العظيم т. е. «Богъ; нѣтъ Бога кромѣ Него, Бога живаго и Бога сущаго. Имъ не овладѣваютъ ни дремота, ни сонъ. Ему принадлежитъ все что на небесахъ, и все что на землѣ. Кто можетъ быть предъ Нимъ заступникомъ, иначе какъ съ его разрѣшенія? Онъ знаетъ будущее и прошедшее, и люди изъ того что Онъ вѣ-

даетъ, постигаютъ только то, что Онъ самъ захотѣлъ открыть имъ. Престолъ Его простирается надъ небесами и землею, и Ему ничего не стоитъ оберегать ихъ; одинъ Онъ всевышній и великій» [166]). Внутри комнаты, по срединѣ, сдѣланы изъ земли и щебня три продолговатыхъ возвышенія, каждое съ обоихъ боковъ о двухъ ступеняхъ. Возвышенія эти обращены длиннымъ фасомъ къ двери. Въ головахъ и въ ногахъ каждаго изъ нихъ стоитъ по камню. Камни эти различной величины; цѣльныхъ между ними нѣтъ, а всѣ они либо обломки, либо смазаны изъ нѣсколькихъ кусковъ. Еще три высокихъ смазанныхъ камня стоятъ просто у правой стѣны комнаты. Всѣ камни, числомъ 9, исчерчены украшеніями и надгробными надписями Арабскими и Татарскими. Возвышенія, очевидно, изображаютъ гробницы, а камни служили надгробными памятниками. Если пристально

[166]) Слова, вырѣзанныя кругомъ рамки, ничто иное, какъ 256 стихъ II суры курана. Стихъ этотъ называется *стихомъ престола* (آية الكرسى), и пользуется большимъ уваженіемъ у мусульманъ; они даже носятъ его на себѣ въ видѣ талисмана. См. объ этомъ стихѣ: Reinaud. Description des monumens musulmans du cabinet de M. le duc de Blacas. T. II, 1828, стр. 11 — 16. — Оказывается, что у Палласа въ его описаніи Шахъ-Аліевой текіи (см. выше, стр. 489), изо всего стиха переведены только слова: الله لا اله الا هو, да и тѣ переданы не точно: *единому великому Богу*.

вглядываться въ возвышенія и камни, то тутъ представится фактъ любопытный. Въ возвышеніяхъ, между щебнемъ, виднѣются въ довольно значительномъ числѣ маленькіе обломки отъ надгробныхъ памятниковъ съ надписями; попасть случайно они не могли: ясно, что они были положены нарочно. Изъ камней же нѣкоторые смазаны невѣрно: то лицевая сторона одного обломка прикрѣплена къ оборотной сторонѣ другого, то смазаны вмѣстѣ куски разной толщины и ширины, такъ что иногда продолженіе рѣчи, начатой на одномъ камнѣ, отъискиваешь на обломкѣ, приставленномъ къ другому. Какъ бы не хотя, приходишь къ тому заключенію, что комната, гдѣ стоятъ гробницы, была въ старину устроена иначе нежели теперь, и что чья-то рука, и въ добавокъ рука человѣка незнающаго, коснулась ея. — Малая комната въ текіѣ имѣетъ одно только окно, которое обращено на сѣверъ, и размѣромъ своимъ меньше оконъ большой комнаты. Входъ прямо со двора: дверь продѣлана въ западной стѣнѣ зданія. Малая комната совершенно пустая. По видимому, она въ прежнія времена служила молельней, и въ ней, по всей вѣроятности, читали куранъ для поминовенія лицъ, похороненныхъ въ текіѣ.—Подъ текіею, а именно подъ большой комнатой, находится почти одинаковой съ ней величины подвалъ. Спускаются въ него по ступенькамъ чрезъ небольшую дверь, продѣланную въ близи отъ главнаго входа. Въ подвалѣ нѣтъ ничего, кромѣ небольшаго возвышенія, сложеннаго по срединѣ изъ

камней. Въ полу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, замѣтны продушины величиною въ кирпичь. Думать должно, что подъ поломъ находился еще другой подвалъ. Мѣстные жители утверждаютъ, что этотъ нижній подвалъ дѣйствительно существуетъ, и что изъ него ведетъ подземный ходъ въ мечеть» [167]).

[167]) На приложенномъ въ концѣ сочиненія на Табл. I планѣ 2, представляющемъ нижній этажъ Касимовской мечети, подъ буквою *a.* означено и то мѣсто, гдѣ, по увѣренію жителей города, находился спускъ въ подземный ходъ, который ведетъ въ Шахъ-Аліеву текію. Это—тѣ самыя засыпанныя землею каменныя ступени, о которыхъ говоритъ г. Барановичь (см. выше, стр. 494). — Предположеніе о томъ что малая комната въ текіѣ служила мѣстомъ поминовенія усопшихъ, должно быть справедливо. Даже въ настоящую пору, въ торжественныхъ случаяхъ, Касимовскіе муллы поминаютъ въ этой комнатѣ прежнихъ царей своихъ. См. Описаніе торжества, совершеннаго Рязанской губерніи въ городѣ Касимовѣ, въ Молвѣ, изд. при Телескопѣ. Ч. X, Москва. 1835, стр. 73.

Изъ рисунковъ и плановъ, снятыхъ въ разное время съ Шахъ-Аліевой текіи, извѣстны мнѣ слѣдующіе. *Во первыхъ*, рисунокъ наружнаго вида текіи, приложенный къ описанію Палласа. Этотъ же самый рисунокъ, но въ уменьшенномъ размѣрѣ, изданъ и въ: L'Univers pittoresque, въ сочиненіи: La Russie par M. Chopin. T. I. Paris. MDCCCXXXVIII (см. рис. 10 и

стр. 51). *Во вторыхъ*, планы и рисунки, составленные въ 1830 г. Гагинымъ, и найденные мною въ его бумагахъ. Такъ какъ они нигдѣ изданы не были, то я и прилагаю ихъ въ концѣ книги, на Табл. II. Подъ № 1 значится рисунокъ наружнаго вида Шахъ-Алiевой текiи, а подъ № 2, 3, 4 и 5 изображены планы внутренняго расположенiя ея. Планъ 2 представляетъ въ разрѣзѣ большую комнату и подвалъ. Буквою *а.* означенъ входъ въ подвалъ, а буквою *б.* обозначены ступеньки, по которымъ спускаются въ него. Планъ 3 представляетъ внутренность текiи: на лѣво — малую комнату съ одною дверью, и съ однимъ окномъ; а на право — большую комнату объ одной двери и трехъ окнахъ, съ расположенными внутри ея девятью гробницами (шестью большими и тремя малыми). Планъ 4 изображаетъ видъ внутренности большой комнаты съ девятью же гробницами, и съ семью камнями, стоящими въ головахъ у семи гробницъ (шести большихъ и одной малой). Планъ 5 изображаетъ подвалъ съ продушинами. Рисунокъ 6 снятъ съ каменной доски, находящейся надъ главнымъ входомъ въ зданiе.

Сличая всѣ приведенныя мною описанiя Шахъ-Алiевой текiи, а равнымъ образомъ и дошедшiе до насъ рисунки и планы ея, мы можемъ въ нѣкоторой степени составить себѣ довольно точное понятiе о первобытномъ ея видѣ, о перемѣнахъ происшедшихъ съ нею, и даже приблизительно о времени, когда произошли эти перемѣны. Наружный видъ текiи и рас-

предѣленіе въ ней этажей и комнатъ остались, кажется, тѣже, что и прежде были; только зданіе отъ времени опустилось и обветшало. Если и были когда либо предпринимаемы мѣры для поддержки его, то мѣры эти были ничтожныя: такъ, Палласъ пишетъ, что при немъ главный входъ сдѣланъ былъ на подобіе воротъ безъ дверей, и что желѣзныя рѣшетки въ окнахъ были выломаны; теперь же, какъ видно изъ описанія муллы Хусейна, оба входа въ текію имѣютъ желѣзныя двери, и желѣзныя рѣшетки въ окнахъ находятся въ исправности. За то сильно пострадали находившіеся внутри текіи гробницы и надгробные камни, и, къ сожалѣнію, пострадали не столько отъ времени, сколько отъ рукъ человѣческихъ. Описаніе муллы Хусейна служитъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Не даромъ изъ восьми гробницъ, существовавшихъ при Палласѣ, образовались три, видѣнные муллою Хусейномъ; а камни, сломанные и разбитые, очутились смазанными, и въ добавокъ смазанными самымъ безтолковымъ образомъ. Ясно, что надо всѣмъ этимъ трудились люди, и люди безграмотные. Не менѣе гробницъ и камней пострадало и внутреннее устройство подземнаго этажа: подъ возвышеніемъ, находящимся теперь, по словамъ муллы Хусейна, по срединѣ подвала, сложены, безъ сомнѣнія, черепа, кости и прочія вещи, за сто лѣтъ предъ симъ замѣченныя Палласомъ. Гробницы, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ передѣланы были не очень давно. Припомнимъ,

что Палласъ насчитывалъ восемь гробницъ, но изъ нихъ одна была двойная, такъ что всѣхъ ихъ въ 1768 г., собственно говоря, было девять. Эту же цифру девять, съ нѣкоторою только разницею въ устройствѣ гробницъ, находимъ какъ въ планахъ, составленныхъ Гагинымъ въ 1830 г., такъ и въ статьѣ: О замѣчательныхъ памятникахъ древности въ Рязанской губерніи, писанной въ 1838 г. Значитъ передѣланы были гробницы совершенно заново никакъ не ранѣе 1838 года. Тутъ нельзя не замѣтить еще одного обстоятельства. Г. Барановичь, который свое сочиненіе печаталъ въ 1860 г., съ своей стороны насчитываетъ въ текіѣ девять же гробницъ. Какъ согласить его слова съ показаніемъ муллы Хусейна, который въ томъ же 1860 г. посѣщалъ Касимовъ, и говоритъ положительно, что объ эту пору гробницъ было всего три—не знаю. Или г. Барановичь ошибся, или осматривалъ онъ текію прежде чѣмъ сталъ печатать свою книгу, не задолго до 1860 г., и гробницы передѣланы были всего года четыре или лѣтъ пять тому назадъ. Что касается до надгробныхъ камней, то эти камни, какъ думать должно, переставлялись и перебирались не разъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ стоитъ только вникнуть въ дошедшія до насъ описанія текіи: въ каждомъ изъ нихъ особый счетъ или особое размѣщеніе камней. При Палласѣ, въ 1768 г., стояло только два цѣльныхъ камня, остальные разбросаны были по сторонамъ; при Гагинѣ, въ 1830 г., семь камней стояло въ головахъ

гробницъ; въ 1838 г., когда писалась статья: О замѣчательныхъ памятникахъ древности въ Рязанской губерніи, камней было девять и размѣщены они были въ ногахъ у каждой гробницы; наконецъ въ 1860 г., при посѣщеніи Касимова муллою Хусейномъ, камней было девять же; но съ передѣлкою гробницъ измѣнился и порядокъ размѣщенія камней: шесть стояли въ головахъ и въ ногахъ гробницъ, по два у каждой; остальные же три, какъ лишніе, приставлены были просто къ стѣнѣ.

Давъ понятіе о Шахъ-Аліевой текіѣ въ общихъ чертахъ, на сколько я могъ это сдѣлать при матеріалахъ имѣвшихся у меня подъ руками, обращусь теперь къ болѣе подробному описанію собственно надгробныхъ камней находящихся въ текіѣ. Изложу все что мнѣ извѣстно про нихъ, и представлю мое заключеніе.

Начну съ того, что опишу камни въ томъ видѣ, въ какомъ въ 1860 г. засталъ ихъ мулла Хусейнъ Фейзъ-хановъ. Сообщу при этомъ, по снимкамъ и копіямъ муллы Хусейна, тексты надписей вырѣзанныхъ на камняхъ, и представлю переводы ихъ съ тѣми изъ моихъ замѣчаній, которыя касаются текста надписей.

№ 1.*

Обломокъ довольно большой, суженный къ верху; стоитъ въ головахъ у первой отъ входа гробницы. На лицевой сторонѣ верхъ и края разукрашены рисунками. На обломкѣ слѣдующія надписи. На *лиц. стор.*:

قال الله تبارک وتعالى ان مثل عیسى ‖ عند الله کمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له کن فیکون ‖ قال الله سبحانه وتعالى کل من علیها فان ویبقى وجه ربك ذو الجلال والاکرام т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы». На *обор. стор.* въ верху: بو لوحنی یوجونی ماه سلطان خانکه باباسی شاه علی خان اوچون بو لوحنی بنا قیلدوردی т. е. «Памятникъ [illegible] *юджунъ* Магъ-султанъ-ханике для своего *бабà* Шахъ-Али-хана, памятникъ этотъ поставила».

№ 2.*

Обломокъ небольшаго размѣра; стоитъ въ головахъ у 2-й гробницы. Надпись на *лиц. стор.*: قال الله سبحانه وتعالى کل نفس ذایقة الموت ثم الینا ترجعون ‖ قال الله سبحانه وتعالى بای ارض تموت ‖ قال النبی علیه السلام الدنیا جیفة وطالبها کلاب ‖ قال النبی علیه السلام الدنیا ساعة فجعلها طاعة ‖ قال النبی علیه السلام الدنیا مزرعة الآخرة ‖ تاریخ توقوز یوز یتمش تورتندا ایردیکم شیخ آولیار سلطان اوغلی شاه علی خان آلتمش بر یاشندا ‖ شوال آی نینک اونندا دوشنبه کون دنیادین نقل قیلدی т. е. «Сказалъ

Господь преславный и всевышній: Всякая душа должна вкусить смерти; за тѣмъ вы къ намъ возвратитесь. Сказалъ Господь преславный и всевышній: (Не вѣдаетъ никто) въ какой странѣ онъ умретъ. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей — падаль, а ищущіе его — собаки. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей есть поле, на которомъ сѣятся сѣмена для будущей жизни. Въ 974 году случилось то, что сынъ Шейхъ-Ауліяръ-султана, Шахъ-Али-ханъ, 61 года отъ рожденія, мѣсяца шевваля въ 10-й день (20-го апрѣля 1567 г.), въ понедѣльникъ, переселился изъ сего міра въ жизнь вѣчную».

Замѣчаніе 1. Оба описанные мною обломка, № 1 и № 2, очевидно, составляли прежде одинъ надгробный камень, стоявшій надъ могилою Шахъ-Али-хана. Это доказывается какъ самымъ смысломъ надписи, такъ и сходствомъ въ рисункахъ и въ почеркѣ. Къ тому же края обоихъ обломковъ исписаны кругомъ вырѣзаннымъ на нихъ стихомъ изъ курана: آية الكرسى (см. о немъ выше, пр. 166, стр. 496), и слова этого стиха на обоихъ обломкахъ слѣдуютъ одно за другимъ въ надлежащемъ порядкѣ. Фотолитографическій рисунокъ со снимковъ надписей, вырѣзанныхъ на лицевой сторонѣ обоихъ обломковъ, приложенъ мною въ концѣ книги, на Табл. III (2-й рисун. съ лѣва). На этой же самой Табл. (по срединѣ на верху)

можно видѣть такой же точно рисунокъ со снимка надписи, вырѣзанной на оборотной сторонѣ обломка № 1. Для бо̀льшаго удобства въ чтеніи, на Табл. III оба обломка сложены вмѣстѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ бы слѣдовало находиться надгробному камню.

Замѣчаніе 2. Въ надписи на обломкѣ № 1 читается весьма ясно, что Шахъ-Али умеръ 61 года. Если ханъ дѣйствительно скончался этихъ лѣтъ, то значитъ родился онъ въ 1506 г., и слѣдовательно въ 1516 г., когда онъ уже считался владѣльцемъ Касимовскимъ (см. выше, стр. 247), ему было только 10 лѣтъ, а въ 1519 г., когда онъ былъ въ первый разъ объявленъ ханомъ Казанскимъ (см. выше, стр. 251), онъ имѣлъ не болѣе 13 лѣтъ.

Замѣчаніе 3. Въ надписи на оборотной сторонѣ обломка № 1 встрѣчается весьма замѣчательное слово: يوجون — *юджунъ*. Въ настоящую минуту, сколько мнѣ извѣстно, слова этого не существуетъ ни въ одномъ изъ Татарскихъ нарѣчій. Даже Касимовцы, по свидѣтельству муллы Хусейна Фейзъ-ханова, не знаютъ его. Сомнѣваться въ правильности чтенія нельзя. *Во первыхъ*, слово يوجون встрѣчается довольно часто на надгробныхъ Касимовскихъ памятникахъ, и всегда читается совершенно ясно: يُوجُون. *Во вторыхъ*, слово же يوجون находится въ одной Татарской книгѣ, именно въ Шейбани-наме, писанной на Джагатайскомъ нарѣчіи въ первой половинѣ XVI-го столѣтія (см. Березинъ. Библіотека Восточныхъ историковъ. Т. I. Казань. 1849. Шейбаніада. Предисловіе, стр. VIII). Въ

Шейбани-наме повторяется оно четыре раза съ ряду, и стоитъ постоянно въ формѣ винительнаго падежа: یوجی نین. Въ доказательство приведу подлинныя мѣста изъ Шейбани - наме, по тексту изданному г. Березинымъ. *Стр. 80:* بسه محمدع مزید ترخان اوغلی قل محمد ترخان بیرله یُوجی‌نین بولغان مال‌لارین سمرقندغه اوزاتیب ایردی دورمان سیفل بیك اوغلی اوروس بهادور خبر تاییب سونك کونجه قاوا باریب یتیب اوروشوب باسیب قل محمد ترخان قاچیب چیقیب تورور محمد مزید ترخان نینك یُوجی‌نین مال‌لاری بیرله خان قاشیغه کیلتوروب تورورلار یوجی‌نین خان اوزیکا نکاح قیلیب تورور т. е. «Мухаммедъ - Мезидъ - тарханъ отправилъ съ сыномъ своимъ Кулъ-Мухаммедъ-тарханомъ юджуну свою, и всѣ свои имущества въ Самаркандъ. Урусъ-бегадуръ, сынъ Дурманъ-Сейфельбика, узнавъ объ этомъ, погнался за нимъ, настигъ его, сразился съ нимъ и разбилъ его. Кулъ-Мухаммедъ-тарханъ спасся бѣгствомъ; юджуну же Мухаммедъ-Мезидъ - тархана и все его имущество доставили къ хану (Шейбанію). Ханъ взялъ юджуну за себя въ замужество. *Стр. 81, 82:* محمود سلطان محمد مزید ترخان‌نی توشوروب خان قاشیغه آلیب کیلدی تقی اُوترارغه ایلتیب باردیلار یوجی نین آلغان سبب‌دین وکوب خذمت‌لارم قیلیب ایردی اول جهت‌دین کنامی‌نی باغیشلاب بخشی ساقلاب تورور т. е. «Махмудъ-султанъ, захвативъ Мухаммедъ-Мезидъ-тархана, привелъ его къ хану; взявъ его съ собою, пошли въ Отраръ; ханъ изъ уваженія къ тому, что же-

нился на юджунѣ, и что Мухаммедъ-Мезидъ-тарханъ въ свое время оказалъ ему важныя услуги, простилъ его, и велѣлъ содержать его хорошо».— Что же значитъ слово: یوجون, и какъ слѣдуетъ переводить его? При первомъ взглядѣ на надпись обломка № 1, казалось бы, что یوجون значитъ: *дочь*. Во всѣхъ другихъ Касимовскихъ надписяхъ, гдѣ встрѣчается слово *юджунъ*, значеніе дочери можетъ быть допущено. Въ одной даже, вырѣзанной на надгробномъ памятникѣ какой-то Алимъ-ши, сказано: بو لوحنى اناسى تقل سلطان بيكا عالم شا يوجونى اوچون بنا قيلدردى т. е. «Памятникъ этотъ поставила *мать*, Текель-султанъ-бика, для Алимъ-ши, *юджуны* своей (см. ниже статью: «Арсланъ-Али»). Самое слово *бабá*, которое вырѣзано предъ именемъ Шахъ-Али-хана, можно переводить по Русски словомъ *отецъ*. Въ этомъ смыслѣ оно употребляется у Татаръ, и даже, какъ увидимъ въ послѣдствіи, встрѣчается въ Касимовскихъ надгробныхъ памятникахъ. Что касается до приведенныхъ мною отрывковъ изъ Шейбани-наме, то въ нихъ, по смыслу рѣчи, значеніе *дочь* хорошо подходитъ къ Татарскому слову: یوجون. Все это дѣйствительно такъ. Но если подвергнуть надпись на обломкѣ № 1 внимательному обсужденію, то окажется, что въ ней именно слово یوجون не можетъ быть принято безусловно въ смыслѣ дочери. Шахъ-Али въ 1552 г. (см. выше, стр. 483, 485), былъ бездѣтенъ; стало быть Магъ-султанъ, если была его дочерью, должна была родиться послѣ 1552 г. Ужь этотъ одинъ

фактъ, хотя онъ въ сущности возможенъ, допустить не совсѣмъ ловко. Къ этому присоединяется еще соображеніе вотъ какого рода. Слово *баба̀* дѣйствительно употребляется въ смыслѣ отца, но не всегда. *Баба̀*, собственно говоря, значитъ: *дѣдъ*; въ переносномъ же смыслѣ, Татары зовутъ *бабо̀ю* не только отца, но и всякаго старшаго вообще, роднаго и даже посторонняго, точно также, какъ и мы, Русскіе, зовемъ *дѣдушкою* людей старыхъ, безразлично. Въ Шахъ-Аліевой текіѣ, какъ увидимъ ниже, сохранился камень, на которомъ съ одной стороны сказано, что скончалась Ханъ-султанъ-ханике-бикемъ, 27 лѣтъ отъ роду, а на другой написано: بو لوحنی باباسی شاه علی خان خان سلطان خانکه بیکم اوچون بنا قیلدوردی т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ *баба̀* Шахъ-Али-ханъ для Ханъ-султанъ-ханике-бикемы». На этомъ камнѣ Шахъ-Али названъ *бабо̀ю* Ханъ-султаны, также какъ на обломкѣ № 1 онъ названъ *бабо̀ю* Магъ-султаны. Ханъ-султанъ положительно не могла быть дочерью Шахъ-Алія, потому что она, какъ мы знаемъ, умерла въ 1558 г., а въ 1552 г. Шахъ-Али дѣтей не имѣлъ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, слово *баба̀* употреблено въ связи съ именемъ Шахъ-Алія не въ значеніи роднаго отца, а просто въ смыслѣ старшаго, близкаго родственника. Глядя на это, невольно приходитъ на мысль, что и на обломкѣ № 1 *баба̀* скорѣе значитъ: *родственникъ*, нежели: *отецъ*.—Не имѣло ли слово *юджунъ* въ свое время у Татаръ такого же обширнаго значенія, какое до сихъ

поръ сохранило слово *бабà*, т. е. не означало ли оно дочь родную, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякую близкую родственницу, либо особу, принятую въ домъ и заступавшую мѣсто дочери? Магъ-султанъ и Ханъ-султанъ могли быть, на примѣръ, дочерьми одной изъ женъ Шахъ-Алія отъ перваго брака, и жить у него въ домѣ, какъ жила его племянница, дочь Джанъ-Али-хана, которую Ногайскій мурза Исмаилъ звалъ *дочерью* Шахъ-Алія (см. выше, стр. 484). Во всякомъ случаѣ обѣ, какъ Магъ-султанъ такъ и Ханъ-султанъ, должны были быть дочерьми ханскими и незамужними, судя по титулу *ханикè* (خانيكه), который въ надписяхъ прибавленъ къ ихъ именамъ, и у Татаръ дается только женщинамъ ханскаго происхожденія, и преимущественно дѣвицамъ (замужнихъ женщинъ царскаго рода зовутъ *ханымъ*—خانيم) [168]. —Въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ Татарскихъ, я знаю только два слова, которыя по звуку нѣсколько схожи со словомъ بوجون, и означаютъ степени родства. *Во первыхъ*, слово جين или جيان, *джіенъ* или *джіянъ*. Оно употребляется нынѣ Киргизъ-Кайсаками и Узбеками, и

[168]) И. Н. Березинъ въ своемъ переводѣ Шейбани-наме (стр. 68, 69) оставляетъ слово بوجون безъ перевода. Въ примѣчаніи же 88 пишетъ: «Кажется, слово بوجينين имѣетъ началомъ بوجين и не есть собственное имя, а титулъ владѣльческой супруги, можетъ быть испорченный изъ *Фу-жинь*». Мнѣніе свое о словѣ *Фу-жинь* г. Березинъ объясняетъ въ пр. 50.

означаетъ «племянника съ женской стороны, не родного, сводного» (см. словарь въ Татарской Хрестоматіи Кукляшева. Казань. 1859), или, какъ толкуетъ г. Ильминскій (Матеріалы къ изученію Киргизскаго нарѣчія. Казань. 1861. Перепечатано изъ III-й книжки Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета за 1860 годъ, стр. 138, слово: Жіен), «человѣка по отношенію къ роднѣ своей матери». Слово это отъ Узбековъ перешло и въ Бухарское нарѣчіе Персидскаго языка (см. О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданныя въ текстѣ, съ переводомъ и примѣчаніями, В. В. Григорьевымъ. Казань. 1861. Перепечатано изъ 1-й книжки Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета за 1861 годъ, стр. 26 текста, и пр. 60 на стр. 80). Слово *джіенъ* было въ ходу и въ Крыму. См. мои *Матер. для ист. Крыма*, гдѣ на стр. 15, въ грамотѣ Крымскаго хана Гази-гирея къ королю Польскому Сигизмунду III, писанной въ февралѣ 1592 г., читаемъ: حالا بورونديـن بورون ايلاغ مملكتى قرالى بولوب اولكان اغوست قرال نينك جيانلارى كه اسوشكه قرال قرنداشمزنينك اوغلى زيكموت قرنداشمز ايلاغ مملكتيكا قرال بولديلار т. е. «Нынѣ королемъ въ Польшѣ братъ нашъ Сигизмундъ, сынъ брата нашего короля Шведскаго, племянникъ бывшаго короля Польскаго, покойнаго Августа» (извѣстно, что король Польскій Сигизмундъ III, сынъ короля Шведскаго Іоанна, былъ рожденъ отъ Екатерины,

сестры короля Польскаго Сигизмунда-Августа). *Во вторыхъ*, слово بورجو. Оно существуетъ у Татаръ Сибирскихъ (см. Гиганова. Словарь Россійско-Татарскій. Спб. 1804, и его же: Слова коренныя, нужнѣйшія къ свѣденію для обученія Татарскому языку. Спб. 1801, стр. 32), и значитъ шуринъ меньшой (ср. turtu, türsü — Schwager, въ M. Alexander Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre, nebst Wörterverzeichnissen aus den Tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreises. Herausgegeben von A. Schiefner. St. Petersburg. 1857, стр. 116).

№ 3.*

Табл. IV, № 1, и № 2.

Обломокъ верхней части надгробнаго камня; стоитъ въ головахъ у 3-й гробницы. — На немъ надписи. *На лиц. стор.*: || قال الله تبارك وتعالى ان مثل عيسى عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون || قال الله تبارک وتعالى كل نفس ذايقة الموت || قال الله سبحانه وتعالى باى ارض تموت || قال النبى عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Всякая душа должна вкусить смерти. Сказалъ Господь преславный и всевышній: (Не вѣдаетъ никто) въ какой странѣ

онъ умретъ. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу». *На обор. стор.*: شاه علی خان حلالی بولاک شاد بیکم اوچون بو لوحنی بنا قیلدوردی т. е. «Шахъ-Али-ханъ поставилъ этотъ памятникъ для супруги своей Булякъ-шадъ-бикемы».

№ 4.

Камень, смазанный изъ двухъ кусковъ; стоитъ въ ногахъ 3-й гробницы. На немъ надписи. На верхнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: قال الله تبارك وتعالى ان مثل عیسی ‖ عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فیكون т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха; потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ». *На обор. стор.*: بو لوحنی باباسی شاه علی خان خان سلطان خانکه بیکم اوچون بنا قیلدوردی т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ *баба* Шахъ-Али-ханъ для Ханъ-султанъ-ханике-бикемы». На нижнемъ кускѣ, *на лиц. стор.* خان سلطان خانکه بیکم یکرمی یتی ‖ یاشنده دار فنا دین دار البقاغا رحلت قیلدی т. е. «Ханъ-султанъ-ханике-бикемъ, двадцати семи лѣтъ отъ роду, отошла отъ сего міра въ міръ вѣчный».

Замѣчаніе. Оба куска, изъ которыхъ составленъ камень № 4, очевидно, принадлежали къ одному памятнику. Но такъ какъ между концомъ надписи *на лиц. стор.* верхняго куска, и началомъ надписи на

нижнемъ кускѣ, по сравненію съ другими камнями, недостаетъ: *во первыхъ*, нѣкоторыхъ изрѣченій, а *во вторыхъ*, обозначенія года, мѣсяца и числа, когда умерла Ханъ-султанъ, то думать надобно, что куски были смазаны въ позднѣйшее время, и что прежде памятникъ былъ гораздо выше. Средній кусокъ, должно быть, затерялся.

№ 5.*

Табл. IV, № 3.

Камень, смазанный на выворотъ изъ двухъ кусковъ; стоитъ у стѣны, позади № 4. На немъ надписи. На верхнемъ кускѣ, *на обор. стор.*: بولوغنی ...ماه سلطان بیکم اوچون بنا قیلدردی т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ... для Магъ-султанъ-бикемы». На нижнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: قال النبی علیه السلام الدنیا جیفة وطالبها کلاب || تاریخ توقوز یوز التمش تورتدا مبارک ذی الحجه آی نینک || ینجی کون ایردیکم سید جوروجی یوجونی بولاک شاد بیکم || اوتوز یتی یاشندا دار فنادین دار البقاغا رحلت قلدی т. е. «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей — падаль, а ищущіе его — собаки. Въ 964 году, въ благословенномъ мѣсяцѣ зиль-хидже въ седьмой день (1-го октября 1557 г.), случилось то, что *юджунъ* сеида Джуруджія, Булякъ-шадъ-бикемъ, тридцати семи лѣтъ отъ роду, отошла отъ сего міра въ міръ вѣчный.

Замѣчаніе. Куски, изъ которыхъ сказанъ камень № 5, очевидно, ничто иное, какъ сложенные вмѣстѣ обломки двухъ различныхъ памятниковъ. Нижній кусокъ съ именемъ Булякъ-шады, *юджуны* сеида Джуруджія, безо всякаго сомнѣнія, составляль низъ отъ описаннаго уже нами подъ № 3 обломка, на которомъ на *обор. стор.* значится имя Булякъ-шады, жены Шахъ-Али-хана. — Магъ-султанъ-бикемъ, упоминаемая на верхнемъ кускѣ, по всей вѣроятности, та самая Магъ-султанъ-ханике, которая поставила памятникъ Шахъ-Алію.

№ 6*.

Табл. IV, № 4.

Обломокъ; стоитъ въ ногахъ 2-й гробницы. На немъ надписи. *На лиц. стор.*: قال الله تبارک وتعالی ان مثل عیسی || عند الله کمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له کن فیکون т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха; потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ». *На обор. стор.*: بو لوحنی اوغلی میرتضا علی سلطان باباسی عبد الله سلطان اوچون بنا قیلدوردی т. е «Памятникъ этотъ поставилъ сынъ Муртаза-Али-султанъ для отца своего Абдуллы султана».

№ 7.

Камень, смазанный изъ двухъ кусковъ; стоитъ у стѣны, позади № 6. На немъ надписи. На верхнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: قال الله تبارک وتعالی ان مثل عیسی عند الله کمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له کن فیکون || قال الله سبحانه وتعالی کل نفس ذایقة.. т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Всякая душа должна вкусить... *На обор. стор.*: بو لوحنی اوغلی ساین فولاد اناسی التون جان اوچون بنا قیلدوردی т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ Саинъ-фуладъ для матери своей Алтынъ-джаны». На нижнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: قال الله تبارک وتعالی کل من علیها فان ویبقی وجه ربک ذو الجلال والاکرام || قال النبی علیه السلام الدنیا جیفة وطالبها کلاب || قال النبی علیه السلام الدنیا مزرعة الآخرة || تاریخ توقوز یوز یتمش توقوزدا ایردیکم تمروق بیک یوجونی... т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей — падаль, а ищущіе его — собаки. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей есть поле, на которомъ сѣятся сѣмена для будущей жизни.

Въ 979 (1571,2) году случилось то, что Темрюкъ-бика *юджукъ*...»

Замѣчанiе. Куски изъ которыхъ составленъ камень № 7, судя по почерку, были обломками двухъ различныхъ памятниковъ. Вѣроятно ихъ смазали въ послѣдствiи по ошибкѣ.

№ 8.*

Табл. IV, № 5.

Камень, смазанный изъ трехъ кусковъ; стоитъ въ ногахъ 1-й гробницы. На немъ надписи. *На лиц. стор.*: قال الله تبارک وتعالی ان مثل عیسی عند الله کمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له کن فیکون || قال الله سبحانه وتعالی کل نفس ذایقة الموت ثم الینا ترجعون || قال الله تبارک وتعالی بای ارض تموت ان الله علیم خبیر || قال النبی علیه سلام الدنیا ساعة فجعلها طاعة || قال النبی علیه السلام الدنیا مزراعة (sic) الاخرة || تاریخ توقوز یوز توقسان دا ذی الحجه آی نینک آخریندا چهارشنبه کون || عبدالله سلطان اوغلی بودا علی سلطان بیکرمی بیش || یاشندا دار الفنادین دار البقاغه رحلت قیلدی т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышнiй: Предъ Богомъ Iисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышнiй: Всякая душа должна вкусить смерти; за тѣмъ вы къ намъ возврати-

тесь. Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: (Не вѣдаетъ никто) въ какой странѣ онъ умретъ; всевѣдущь и всезнающь—Богъ. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей есть поле, на которомъ сѣятся сѣмена для будущей жизни. Въ 990 году, въ концѣ мѣсяца зильхидже (въ началѣ января 1583 г.), въ среду, сынъ Абдуллы султана Будали-султанъ, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, отшелъ отъ сего міра въ міръ вѣчный». *На обор. стор.*: بو لوحنى مصطفى على خان اغاسى بودا على سلطان اوچون بنا قيلدى т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ Мустафа-Али-ханъ для старшаго брата своего Будали-султана».

Замѣчаніе. Камень № 8 составляетъ единственный цѣльный памятникъ, сохранившійся въ текіѣ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ три куска, изъ которыхъ онъ сложенъ — отъ одного памятника, хотя бъ они и были смазаны въ послѣдствіи.

№ 9.

Камень, смазанный изъ двухъ кусковъ; стоитъ у стѣны, позади № 8. На немъ надписи. На верхнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: قال الله تبارك وتعالى ان مثل عيسى || عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون || قال الله سبحانه وتعالى... т. е. «Сказалъ Господь преблагосло-

венный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній...». *На обор. стор.*: بو لوحنی خان بوبای بکم اوجون جورا محمد اولان بنا قیلدی т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ для Ханъ .... бикемы Чура-Мухаммедъ-уланъ». На нижнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: ... اوتوز یتی یاشندا دنیادین نقل قیلدی حق تعالی رحمت قیلسون т. е. «... Скончался (или скончалась) тридцати семи лѣтъ отъ роду; Господь всевышній да помилуетъ его (или ее)».

Замѣчаніе 1. Въ словѣ بوبای на *обор. стор.* верхняго куска точекъ разобрать нельзя. Читать можно: *Пупай*; по крайней мѣрѣ это женское имя существуетъ у Татаръ. Для примѣра укажу на жену Абулъхайра, ẖана Киргизъ-Кайсацкаго, поступившаго въ 1730 г. въ подданство Россіи — Пупай-ханьшу (см. мои Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ, и о сношеніяхъ Россіи съ Среднею Азіею. Уфа. 1853, Т. I, стр. 3).

Замѣчаніе 2. Куски, изъ которыхъ сложенъ камень № 9, были взяты отъ двухъ разныхъ памятниковъ; заключить это можно изъ того, что нижній кусокъ гораздо уже верхняго.

Существуютъ старинныя описанія надгробныхъ камней Шахъ-Аліевой текіи. Собственно говоря, это — не описанія камней, а скорѣе переводы вырѣзанныхъ на нихъ надписей, и то сокращенные, съ обо-

значеніемъ однихъ именъ собственныхъ и годовъ, и съ выпускомъ всѣхъ изрѣченій. Такихъ описаній три. Одно составлено было около 1792 года тогдашнимъ Касимовскимъ ахуномъ Абдуллою Баклеевымъ; другое—немного позже, Касимовскимъ же муллою сеидомъ Шакуловымъ; а третіе напечатано было въ 1828 г. въ Отечественныхъ запискахъ. Приведу ихъ въ подлинникѣ.

1) *Описаніе Баклеева* составлено было, по желанію Рязанскаго епископа Симона Лагова, которому поручено было, по Высочайшему повелѣнію, собрать и прислать въ Святѣйшій Синодъ списки надписей по Рязанской епархіи. Баклеевъ въ своемъ описаніи перевелъ не только надписи Шахъ-Аліевой текіи, но и нѣкоторыя другія, находившіяся въ Касимовѣ. Трудъ его напечатанъ былъ въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества (Т. II. Спб 1861, стр. 255 — 257), по копіи, доставленной о. архимандритомъ Макаріемъ, и выписанной имъ изъ рукописи, найденной имъ же среди бумагъ стараго Рязанскаго консисторскаго архива. Въ Извѣстіяхъ переводы Баклеева напечатаны неточно и съ пропусками, потому что рукопись консисторскаго архива, отъисканная о. Макаріемъ, была полуистлѣвшая отъ времени (сл. выше, пр. 25, стр. 61). Въ прошломъ году, въ бумагахъ покойнаго академика К. М. Френа, хранящихся въ Азіятскомъ музеѣ Императорской Академіи наукъ, удалось мнѣ найти полный и вѣрный списокъ Баклеевскихъ переводовъ. Сообщу по Фре-

новскому списку ту часть переводовъ, которая касается Шахъ-Алiевой текiи, именно начало списка. Буду отмѣчать въ скобкахъ [] главнѣйшiе варiанты и пропуски по тексту, изданному въ Извѣстiяхъ Археологическаго Общества. «*Списокъ найденнымъ Рязанской епархiи въ городѣ Касимовѣ, на кладбищахъ Татарскаго народа надъ ихъ умершими Султанами или Царями, надгробнымъ надписямъ, переведеннымъ съ Татарскаго на Россiйскiй дiалектъ.* Надпись 1-ая въ состоящей Касимовской градской Татарской слободѣ неподалеку отъ той каменной мечети устроенномъ саду (объ этомъ садѣ пишетъ и Палласъ; см. выше, стр. 71), каменной палаткѣ, въ коей лежатъ ихъ Султаны или Цари, надъ дверьми въ верху на камнѣ вырѣзано и писано тако: Сего строенiя хозяинъ и владѣтель Шахъ-Алихань [Аликинъ] Шехъ-Авлiяръ-Салтановичь, по Россiйскому Царь Шехалей, лѣта 962-го году въ мѣсяцѣ Рамазанъ-Шарифъ 21-й день. — Лѣта 975-го году Шехалей Ханъ Шехъ [слово *Шехъ* пропущено] Авлiяръ-Салтановичь, отъ роду живъ шестьдесятъ одинъ годъ, мѣсяца Шеваля 15 числѣ, то есть въ понедѣльникъ, отъ сего свѣта отъиде. А сей голубецъ дочь его Магъ-Салтанъ-Хановна для родителя Шехалея Хана построить соизволила. — Лѣта 1001-го году Гайболлагъ-Салтана [Салтанъ] дочь Девлетлихановъ, на 27-ми лѣтахъ, мѣсяцѣ Рабель-Аввелѣ, въ послѣднихъ числѣхъ, въ воскресный день, отъ сего свѣта отъиде. Боже спаси и прiими, Господи нашь, сего свѣта питатель. Сей голубецъ для своей сожитель-

ницы Сеитъ Текъ-Бекъ для Девлетли-Хановны построить соизволилъ. — Лѣто 977-го году, мѣсяца Шабана 30 числѣ, Аккубекъ-Хановичь что Гайболлахъ-Салтанъ, 37-ми лѣтъ, отъ сего свѣта отъиде. Боже спаси. Сей голубецъ сынъ его Муртаза-Али-Салтанъ для родителя Гайболлахъ-Салтана построить соизволилъ (всей этой надписи нѣтъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества; про нее сказано, что она оторвана вмѣстѣ съ истлѣвшею бумагою). — Лѣта 966-го году было въ мѣсяцѣ Мубарекъ-Мухаремъ въ первыхъ числѣхъ, то есть во вторникъ, Ханъ [Жанъ] Алиханна дочь Янъ-Салтанъ-Хановна 27-ми [24] лѣтъ, отъ сего свѣта отъиде въ вѣчный покой. Сей голубецъ родитель ея Шахъ-Али-Ханъ для княгини Янъ [Юнь] Салтанъ-Хановны построить соизволилъ. — Лѣта 990-го году, мѣсяца Зилхиги въ послѣднихъ числѣхъ, то есть въ среду, Гайбуллахъ-Салтановъ сынъ Будали-Салтанъ [Султановъ], 25-ти лѣтъ, отъ сего свѣта въ вѣчный покой отъиде. Сей голубецъ братъ его Мустафа-Али-Ханъ для Будалія Султана построить соизволилъ. — Лѣта 979-го году было, Бекъ-Фулатъ-Султана дочь Девлетли-Хановна, въ мѣсяцѣ Шабанъ въ послѣднихъ числѣхъ, то есть въ субботу, 12-ти лѣтъ, отъ сего свѣта преставися, Боже спаси [Лѣта 979 году было Бекъ Фулатъ... отъиде отъ сего свѣта... Боже спаси]».

2) *Описаніе сеида Шакулова* помѣщено Щекатовымъ въ его Словарѣ географическомъ Россійскаго госу-

дарства, въ Ч. III, подъ словомъ: *Касимовскіе Татара*, въ слѣдъ за описаніемъ Шахъ - Аліевой текіи. Вотъ оно въ подлинникѣ: «Внутри кладбища на первой мавзолеѣ надпись: Лѣта 966, а, по нашему счисленію, 1588 года, въ мѣсяцѣ *Мубарекъ-Мухаремъ* въ первыхъ числахъ дочь Царя *Шегалея-Янъ Салтанъ* въ 27 отъ роду лѣто отъиде въ вѣчной покой, а сію надпись на гробѣ ея положилъ *Шахъ-Алиханъ Шелъ-Авліаръ* Царь *Шегалей*. — На 2 мавзолеѣ надпись: Лѣта 975 (1597) *Шегалей* Царь *Шахъ-Авліаръ*, сынъ *Салтана Шеха*, жилъ 61 годъ мѣсяца *Шевала* отъиде сего свѣта, а сію надпись положила на гробъ родителевъ дочь его *Маъ-Салтанъ*. — На 3 мавзолеѣ надпись: Лѣта 977 (а по нашему счисленію 1599) мѣсяца *Шабана* 30 числа *Акъ-Кубекъ Ганублахъ-Салтанъ* въ 37 лѣтахъ отъ сего свѣта отъиде во имя Божіе, а сію надпись положилъ сынъ его *Муртаза-Алисъ Салтанъ*. — На 4 надписи: Лѣта 979 (1601) *Зекъ-Булатъ Салтана* дочь *Деевлетли* въ мѣсяцѣ *Шебахъ* въ послѣднихъ числѣхъ отъиде сего свѣта, отъ роду ей было 12 лѣтъ; ее же да спасетъ Богъ. — На 5-й мавзолеѣ надпись: Лѣта 990 (1612) мѣсяца *Зиль-Хуча* въ послѣднихъ числѣхъ *Гай-Болахъ Салтанъ*, сынъ *Булдала-Салтана*, отъ сего свѣта отъиде въ вѣчный покой на 25 году своего возраста; сію надпись положилъ братъ его *Мустафа-Алиханъ*. — На 6-й мавзолеѣ надпись: Лѣта 1001 (1623) въ мѣсяцѣ *Рабелъ-Аввелъ* въ послѣднихъ числахъ дочь

Гаибалахъ-Салтана Дивлетли отъиде сего свѣта въ 27 лѣтъ своей жизни; ее же да спасетъ Богъ, а сію надпись положилъ на гробъ мужъ ея *Сеитъ-Текъ-Бекъ*. — Сіи надписи переводилъ *Касимовской* мечети Мулла *Сеитъ-Шакуловъ*».

3) *Описаніе, напечатанное въ Отечественныхъ запискахъ*, помѣщено въ 33 ч. за 1828 г., въ статьѣ: О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 годъ, на стр. 456 — 458. Авторъ пишетъ: «Въ ономъ (въ ханскомъ кладбищѣ, построенномъ Шахъ-Аліемъ) заслуживаютъ вниманіе Арабскія надписи: — 1-я. При входѣ, на наддверномъ камнѣ: «Единому великому Богу, сего строенія хозяинъ и владѣтель Шигъ-Алей Ханъ Шигъ-Авліяръ Султановичь. Лѣта 962, въ мѣсяцъ Рамазанъ Шарифъ 21-го дня».—2-я. Внутри мавзолея, на голубцѣ первомъ: «Лѣта 966 (отъ Р. Х. 1524), мѣсяца Мубо-ренъ-Мухаремъ въ первыхъ числахъ во вторникъ, Дисанъ-Али Ханъ Дчанъ Султановна, 27 лѣтъ, отъ сего свѣта отыде въ вѣчный покой». Голубецъ построить соизволилъ родитель ея, Шигъ-Алей Ханъ.— 3-я. «Лѣта 975 (отъ Р. Х. 1535), Шигъ-Алей-Авліяръ Султановичь, жилъ отъ роду 61 годъ, мѣсяца Шеваля 15 числа въ понедѣльникъ, отъ сего свѣта отыде». Голубецъ построила дочь его, Мугъ-Султанша. — 4-я. «Лѣта 977 (отъ Р. Х. 1535), мѣ-

сяца Шабана 30 числа, Аккобенъ-Хановичь Гайбулла Султанъ, 37 лѣтъ, преставился». Голубецъ построилъ сынъ его, Муртаза Алей-Ханъ. — 5 я. «Лѣта 979 (отъ Р. Х. 1548), Бекъ-Булатъ Султанша, дочь Девлетли Хановна, 12 лѣтъ, отъ сего свѣта отыде, Боже спаси!» —6-я. «Лѣта 1001 (отъ Р. Х. 1570), Гайбуллы Султана, дочь Девлетли Ханымъ, 27 лѣтъ, отъ сего свѣта отыде». Голубецъ построилъ сожитель ея, Текъ-Бекъ».

Попытаюсь всѣ эти три старинныя описанія надгробныхъ камней Шахъ-Алиевой текіи свести вмѣстѣ. Первую надпись перевода Баклеева, и перевода помѣщеннаго въ Отечественныхъ запискахъ, т. е. надпись находящуюся надъ главнымъ входомъ текіи, отброшу; о ней въ настоящую пору не можетъ быть рѣчи, тѣмъ болѣе, что она въ своемъ мѣстѣ уже была подробно разобрана мною (см. выше, стр. 495, 496). Для большей наглядности представлю сводъ въ видѣ таблицы слѣдующаго рода.

Описанія Баклеева, Шакулова и автора статьи напечатанной въ Отечественныхъ запискахъ отмѣчены мною буквами *а*, *б*, *в*.

Гдѣ пам. опис.	Подъ какимъ № знач. памят. въ описаніи.	КТО ПОГРЕБЕНЪ.	КОГДА УМЕРЪ.		Скол. лѣтъ ум.	КТО ПОСТАВИЛЪ ПАМЯТНИКЪ.
			Годъ гидж. съ пер. на хр. лѣтосч. по описан.	Мѣсяцъ, число и день.		
а.	1.	Шехалей Ханъ Шехъ-Авліаръ-Салтановичъ.	975	Шевалъ. 15. Понедѣльн.	61	Дочь Магъ-Салтанъ-Хановна для родителя Шехалея Хана.
б.	2.	Шегалей Царь Шахъ Авліаръ, сынъ Салтана Шеха.	975 (1597)	Шевалъ.	61	Дочь Магъ-Салтанъ для своего родителя.
в.	2.	Шигъ - Алей - Авліаръ Султановичъ.	975 (1535)	Шеваль. 15. Понедѣльн.	61	Дочь Мугъ-Султанша.
а.	2.	Гайболлагъ - Салтана дочь Девлетлихановъ	1001	Рабель - Авель, конецъ. Воскресенье	27	Сеитъ Текъ - Бекъ для своей сожительницы Девлетли-Хановны.
б.	6.	Гаибалахъ-Салтана дочь Дивлетли.	1001 (1623)	Рабелъ - Авелъ, конецъ.	27	Мужь Сеитъ - Текъ-Бекъ.
в.	5.	Гайбуллы Султана дочь Девлетли Ханымъ.	1001 (1570)		27	Сожитель Текъ-Бекъ.
а.	3.	Аккубекъ-Хановичь что Гайболлахъ-Салтанъ.	977	Шабанъ. 30.	37	Сынъ Муртаза - Али - Салтанъ для родителя Гайболлахъ-Салтана.
б.	3.	Акъ-Кубекъ Ганублахъ-Салтанъ.	977 (1599)	Шабанъ. 30.	37	Сынъ Муртаза - Алисъ Салтанъ.
в.	3.	Аккобенъ - Хановичь Гайбулла Султанъ.	977 (1535)	Шабанъ. 30.	37	Сынъ Муртаза - Алей-Ханъ.
а.	4.	Ханъ - Алиханна дочь Янъ-Салтанъ-Хановна.	966	Мухаремъ, начало Вторникъ.	27	Родитель Шахъ - Али-Ханъ для княгини Янъ-Салтанъ-Хановны.
б.	1.	Царя Шегалея дочь Янъ Салтанъ.	966 (1588)	Мухаремъ, начало.	27	Шахъ-Алиханъ Шелъ-Авліаръ Царь Шегалей.
в.	1.	Дисанъ-Али Ханъ Дчанъ Султановна.	966 (1524)	Мухаремъ, начало. Вторникъ.	27	Родитель Шигъ - Алей Ханъ.
а.	5.	Гайбуллахъ - Салтановъ сынъ Будали-Салтанъ.	990	Зилхига, конецъ. Среда.	25	Братъ Мустафа - Али - Ханъ для Будалія Салтана.
б.	5.	Гай - Болахъ Салтанъ, сынъ Булдала-Салтана.	990 (1612)	Зилъ - Хуча, конецъ.	25	Братъ Мустафа - Алиханъ.
в.	. .				.	. . . .

№ по порядку.	Гдѣ пам. опис.	Подъ какимъ № значится памят. въ описаніи.	Кто погребенъ.	Когда умеръ. Годъ гидж. съ пер. на хр. лѣтосч. по описан.	Когда умеръ. Мѣсяцъ, число и день.	Сколь лѣтъ ум.	Кто поставилъ памятникъ.
VI.	а	6	Бекъ - Фулатъ - Султана дочь Девлетли-Ханова	979	Шабанъ, конецъ. Суббота	12	. . . .
	б.	4	Зекъ - Булатъ Салтана дочь Девлетли.	979 (1601)	Шебанъ, конецъ.	12	. . . .
	в.	4	Бекъ - Булатъ Султанша, дочь Девлетли Ханова.	979 (1548)		12	. . . .

Изъ этой таблицы оказывается весьма ясно, что памятники, объясненные во всѣхъ трехъ описаніяхъ, одни и тѣже. Разница состоитъ только въ порядкѣ, въ которомъ они описаны, въ правописаніи и постановкѣ именъ собственныхъ, и въ переводѣ годовъ гиджры на христіянскіе (всѣ эти переводы во всѣхъ трехъ описаніяхъ невѣрны). Въ статьѣ помѣщенной въ Отечественныхъ запискахъ, одного памятника недостаетъ.

Сдѣланный мною сводъ старинныхъ описаній памятниковъ сличу теперь съ помѣщеннымъ мною выше, на стр. 502 — 518, описаніемъ надгробныхъ камней, находившихся въ текіѣ въ 1860 г. Для этого приведу всѣ камни въ надлежащій порядокъ въ формѣ такой же точно таблицы, какая была составлена мною для переводовъ Баклеева, Шакулова, и сочинителя статьи: О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 годъ.

№ по порядку.	№ соотвѣтств. въ описаніи.	КТО ПОГРЕБЕНЪ.	КОГДА УМЕРЪ. Годъ гиджры и отъ Р. Х.	КОГДА УМЕРЪ. Мѣсяцъ, число и день.	Скол. лѣтъ ум.	КТО ПОСТАВИЛЪ ПАМЯТНИКЪ.
I.	1. 2.	Шахъ-Али-ханъ, сынъ Шейхъ-Ауліаръ-султана.	974 (1567)	Шевваль.10. (Апрѣль. 20). Понедѣльн.	61	*Юджунъ* Магъ-султанъ-ханике для своего *баба* Шахъ-Али-хана.
II.	3, 5.	Булякъ-шадъ-бикемъ, *юджунъ* сеида Джуруджія.	964 (1557)	Зиль-хидадже 7. (Октябрь. 1).	37	Шахъ-Али-ханъ для супруги своей Булякъ-шадъ-бикемы.
III.	4.	Ханъ-султанъ-ханике-бикемъ.			27	*Баба* Шахъ-Али-ханъ для Ханъ-султанъ-ханике-бикемы.
IV.	5.				.	.... для Магъ-султанъ-бикемы.
V.	6.				.	сынъ Муртаза-Али-султанъ для своего отца Абдуллы султана.
VI.	7.	*Юджунъ* Темрюкъ-бика.	979 (1571,2)		.	....
VII.	7.				.	Саинъ-фуладъ для матери своей Алтынъ-джаны.
VIII.	9.				37	....
IX.	9.				.	Чура-Мухаммедъ-уланъ для Ханъ-Пупай-бикемы.
X.	8.	Будали-султанъ, сынъ Абдуллы султана.	990 (1583)	Зиль-хидадже конецъ. (Январь, начало). Среда.	25	Мустафа-Али-ханъ для старшаго брата своего Будали-султана.

Сличая эту таблицу съ таблицею, помѣщенною выше на стр. 525, 526, я прихожу къ соображеніямъ и выводамъ слѣдующаго рода.

Камни и обломки № I, III, V и X, находившіеся въ текіѣ въ 1860 г., очевидно—тѣ самые памятники, которые въ сводѣ старинныхъ описаній значатся подъ № I, IV, III и V. Указывать въ подробности всѣ неточности и варіянты старинныхъ описаній этихъ № не стоитъ, потому что подлинники находятся на лицо. Въ двухъ только случаяхъ старинныя описанія представляютъ важныя дополненія. Одно касается памятника № III = IV. Мы узнаемъ, что Ханъ-султанъ-ханике, имя которой въ старинныхъ описаніяхъ передѣлано въ Янъ (Юнь) Салтанъ Хановну, Янъ Салтану и Дчанъ Султановну (кажется, всѣ три переводчика читали первое слово не خان—Ханъ, а جان—Джанъ), приходившаяся Шахъ-Алію близкою родственницею (по старинымъ описаніямъ, дочерью; слова: بابا — баба, и يوجون — юджунъ, во всѣхъ старинныхъ описаніяхъ, переведены: отецъ и дочь; см. выше, стр. 505 — 511), умерла во вторникъ, въ началѣ мухаррема 966 г., т. е. въ октябрѣ 1558 г. Какъ видно, въ то время когда составлялись старинныя описанія, памятникъ Ханъ-султаны, нынѣ разбитый, былъ еще цѣлъ. Другое дополненіе относится къ № V = III. Дополненіе это весьма любопытно. Въ 1860 г. низа памятника № V, гдѣ вырѣзано было имя лица похороненнаго, уже не существовало, а былъ одинъ верхъ, гдѣ на оборотной сторонѣ читалось, что

памятникъ поставилъ Муртаза-Али-султанъ для отца своего Абдуллы. Изъ старинныхъ переводовъ оказывается, что подъ памятникомъ похороненъ былъ Аккубекъ-Хановичь что Гайболлахъ-Салтанъ (Акъ-Кубекъ Ганублахъ-Салтанъ, Аккобенъ-Хановичь Гайбулла Султанъ), умершій, 37 лѣтъ отъ роду, 30-го шабана 977 г., т. е. 6-го февраля 1570 г. Покойный царевичь былъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, тотъ самый Абдулла, сынъ Акъ-кубека, хана Астраханскаго, который жилъ въ Россіи съ 1552 г., и о которомъ я уже говорилъ не разъ.

За вычетомъ четырехъ указанныхъ мною № (I=I, III=IV, V=III, X=V), остается еще въ таблицѣ, изображающей видъ памятниковъ въ текіѣ за 1860 г., шесть камней, которыхъ нѣтъ въ старинныхъ описаніяхъ; а въ сводной таблицѣ старинныхъ описаній—два такихъ памятника, которыхъ въ текіѣ при муллѣ Хусейнѣ Фейзъ-хановѣ не было. Какъ объяснить эту разницу? Шесть камней недостающіе въ старинныхъ описаніяхъ, слѣдующіе: 1) Булякъшадъ-бикемы, жены Шахъ-Алія (№ II); 2) Магъсултанъ-ханики, близкой его родственницы (№ IV); 3) *юджуны* Темрюкъ-бика (№ VI); 4) Алтынъ-джаны, матери Саинъ-фулада (№ VII); 5) Неизвѣстнаго лица, скончавшагося 37 лѣтъ отъ роду (№ VIII); и 6) Ханъ-Пупай-бикемы (№ IX). Памятники же которыхъ не было въ текіѣ въ 1860 г., но которые значатся въ старинныхъ описаніяхъ, слѣдующіе: 1) Девлетли (Дивлетли) хановы (ханы-

ны), дочери Гайболлагъ (Гаибалахъ, Гайбуллы) Салтана (№ II); и 2) Девлетли-Хановны, дочери Бекъ-Фулатъ (Зекъ-Булатъ, Бекъ-Булатъ) Салтана (№ VI). Положимъ, что изъ числа камней оказавшихся въ текіѣ въ 1860 г. лишними противъ старинныхъ описаній, одинъ обломокъ (№ VIII), изъ котораго только и можно заключить, что *кто-то* умеръ 37 лѣтъ отъ роду — ничто иное, какъ отвалившійся кусокъ отъ потерянной нижней части памятника Абдуллы султана, сына Акъ-кубекъ-хана. Султанъ этотъ, какъ мы знаемъ изъ старинныхъ описаній, составленныхъ въ то время, когда весь памятникъ былъ еще цѣлъ, умеръ 37 лѣтъ отъ роду. Дѣло отъ этого нѣсколько подвигается впередъ; но все таки остается съ одной стороны пять, а съ другой — два памятника, которые между собою не сходятся. Чтобы согласить эту разницу, можно было бы, пожалуй, предположить, что въ текіѣ находилось съ начала 11 памятниковъ, что прежніе переводчики объяснили только одну часть изъ нихъ, упустивъ другую изъ виду, и что къ 1860 г. въ текіѣ осталось всего 9 памятниковъ или обломковъ отъ нихъ. Изъ этихъ девяти четыре тѣ самые, которые были описаны прежними переводчиками, а пять такихъ, на которыхъ ни Баклеевъ, ни Шакуловъ, ни авторъ статьи помѣщенной въ Отечественныхъ запискахъ не обратили вниманія. Два памятника, которые значатся въ старинныхъ описаніяхъ, а въ 1860 г. уже не существовали, могли

исчезнуть отъ времени. Подобное предположеніе едва ли было бы вѣрно. Палласъ, описывая текію, говоритъ, если припомнимъ (см. выше, стр. 490), что въ ней было восемь гробницъ, изъ которыхъ одна была двойная, значитъ всѣхъ гробницъ было девять. Равнымъ образомъ и въ подвалѣ, при Палласѣ, лежало девять череповъ. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что Палласъ засталъ еще расположеніе гробницъ въ томъ самомъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онѣ находились, когда въ текіѣ перестали хоронить покойниковъ. Если такъ, то надгробныхъ памятниковъ, очевидно, не могло быть болѣе девяти. Слѣдовательно цифра 11 не можетъ быть допущена, и въ числѣ одинадцати памятниковъ, которые насчитываются при сличеніи старинныхъ описаній съ показаніемъ муллы Хусейна Фейзъ-ханова, нѣкоторые памятники должны быть лишніе. Вопросъ отъ этого переходитъ на новую почву. Сколько же лишнихъ памятниковъ и какіе именно? Мое мнѣніе на этотъ счетъ, вотъ какое. Въ текіѣ, въ то время когда въ ней перестали хоронить покойниковъ, надгробныхъ памятниковъ было, по числу гробницъ, девять; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого основательнаго повода думать, чтобъ однѣ гробницы были съ памятниками, а другія безъ нихъ. Четыре памятника: Шахъ-Алія, Ханъ-султаны, Абдуллы султана Акъ-кубекова, и сына его Будалія, объясненные въ старинныхъ описаніяхъ, и находившіеся въ текіѣ еще въ 1860 г., по всей вѣроятности,

были въ ней поставлены съ самаго начала. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что всѣ четыре лица приходились родственниками другъ другу; текіе же была, очевидно, построена Шахъ-Аліемъ для себя, и для своей родни (о родствѣ Ханъ-султаны съ Шахъ-Аліемъ см. выше, стр. 508, 509; Абдулла приходился троюроднымъ племянникомъ Шахъ-Алію, см. выше, стр. 222 — 224, пр. 148, стр. 394, 395, и родословную таблицу, приложенную въ концѣ сочиненія). Два памятника, значащіеся въ старинныхъ описаніяхъ и въ 1860 г. уже не существовавшіе, именно памятники обѣихъ царевенъ Даулетли [169]), я считаю

[169]) Такъ слѣдуетъ правильно читать искаженное въ переводахъ имя: Девлетли и Дивлетли, которое по Татарски пишется: دولتلی. Слова: *ханøвна* и *ханымъ*, поставленныя въ старинныхъ переводахъ послѣ именъ обѣихъ Даулетли, очевидно, соотвѣтствуютъ Татарскимъ словамъ: *ханике*—خانيكه, и خانيم—*ханымъ*. О различіи между *ханике* и *ханымъ* см. выше, стр. 509. Титулъ *ханымъ* сохраняется за женщинами ханскаго происхожденія, даже при выходѣ ихъ за мужь за лицъ не царской крови, какъ это и случилось съ одной изъ Даулетли, мужь которой былъ простой сеидъ Текъбекъ. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что иногда слово *ханымъ* имѣетъ у Татаръ такое же обширное значеніе, какъ Французское слово: madame.

равнымъ образомъ принадлежащими текіѣ. Отецъ одной Даулетли, жены сеида Текъ-бека, умершей,

27 лѣтъ отъ роду, въ концѣ раби-ель-авваля 1001 г., т. е. въ декабрѣ 1592 г., названъ въ старинныхъ переводахъ Гайболлагъ (Гаибалахъ, Гайбулла) Салтаномъ; отецъ другой Даулетли, скончавшейся 12 лѣтъ, въ субботу, въ концѣ шабана 979 г., т. е. въ январѣ 1572 г., названъ тамъ же Бекъ-Фулатъ (Зекъ-Булатъ, Бекъ-Булатъ) Салтаномъ. Гайболлагъ Салтанъ, по всей вѣроятности—Абдулла султанъ, сынъ Акъ-кубекъ-хана, который умеръ въ 1570 г., и памятникъ котораго, хотя и сломанный, до сихъ поръ сохранился въ текіѣ. Разъ мы допустимъ, что Абдулла этотъ былъ похороненъ въ текіѣ, то нѣтъ ничего проще какъ допустить и то, что въ текіѣ же была положена и дочь его. Бекъ-Фулатъ или Бекъ-Булатъ (Зекъ-Булатъ въ переводѣ Шакулова ошибка, потому что такого имени Татарскаго нѣтъ, а существуетъ имя: بيك پولاد — Бикъ-пуладъ, или بيك فولاد — Бикъ-фуладъ, которое всего чаще у Татаръ пишется и произносится: بيك بولاط — Бикъ-булатъ), безъ сомнѣнія—Бикъ-булатъ царевичь, который въ 1560-хъ годахъ (см. выше, стр. 456, и сл.) жилъ въ Россіи. Какъ мы увидимъ ниже (см. статью: («Саинъ-булатъ»), Бикъ-булатъ этотъ приходился родственникомъ Шахъ-Алію, и имѣлъ сына Саинъ-булата, который былъ въ послѣдствіи, именно въ 1570-хъ годахъ, ханомъ Касимовскимъ. Ничто, конечно, не мѣшало дочери Бикъ-булата, Шахъ-Аліевой родственницѣ, и сестрѣ хана Касимовскаго, быть похороненной въ текіѣ. Если теперь памятни-

ковъ обѣихъ Даулетли нѣтъ, то это еще ничего не значитъ: они могли послѣ 1828 г. сломаться и быть выброшены. — Изъ пяти надгробныхъ памятниковъ оказавшихся въ 1860 г. въ текіѣ лишними противъ старинныхъ описаній, я считаю три камня, именно: Булякъ-шадъ-бикемы, жены Шахъ-Алія, Магъ-султанъ-ханики, близкой родственницы его, и Алтынъ-джаны, матери Саинъ-булата, такими памятниками, которые дѣйствительно стояли надъ лицами, похороненными въ текіѣ. Гдѣ же было покоиться женѣ Шахъ-Алія и Магъ-султанѣ, для которой Шахъ-Али заступалъ мѣсто отца, какъ не рядомъ съ нимъ, въ построенномъ имъ мавзолеѣ? А ужъ если лежала въ текіѣ сестра Саинъ-булата, Даулетли, то мать его Алтынъ-джанъ, имѣла еще бóльшія права на подобное отличіе. Остальные два обломка съ именами *юджунъ* Темрюкъ-бика, и Ханъ — Пупай-бикемы, которую похоронилъ какой-то Чура-Мухаммедъ огланъ, какъ превышающіе число 9, принятое мною за исходную точку всего разсужденія, попали, по моему мнѣнію, случайно въ текію; они могли быть даже въ недавнее время занесены съ кладбища. Самыя надписи на этихъ двухъ обломкахъ возбуждаютъ невольное сомнѣніе въ томъ, чтобъ обозначенныя въ нихъ лица лежали въ текіѣ. *Юджунъ* Темрюкъ-бика прямое мѣсто было на кладбищѣ простолюдиновъ. Точно также и Пупай-бикемѣ, родственницѣ Чура-Мухаммедъ-оглана, съ какой стати было бы лежать въ текіѣ *ханской*, на

ряду съ ханами, султанами и ихъ близкими? — Отъ чего въ старинныя описанія надгробныхъ камней Шахъ-Аліевой текіи не вошло описаніе памятниковъ Булякъ-шады, Магъ-султаны и Алтынъ-джаны — отвѣчать на подобный вопросъ не трудно. Памятники эти и въ 1860 г. состояли изъ небольшихъ обломковъ. Обломками же могли они быть и въ то время, когда сочинялись старинныя описанія. Должно быть, прежніе переводчики оставили ихъ въ сторонѣ, или потому что не замѣтили ихъ вовсе, или, что еще вѣроятнѣе, потому что не сочли нужнымъ передавать въ своихъ трудахъ надписи неполныя и безсвязныя. Въ доказательство сошлюсь на автора статьи: О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 г., который выпустилъ у себя описаніе памятника Будали-султана, сына Абдуллы султана, хотя памятникъ этотъ навѣрно при немъ существовалъ. Молчаніе автора иначе и объяснить нельзя какъ только тѣмъ, что памятникъ Будалія, бывшій еще цѣлымъ при Баклеевѣ и Шакуловѣ, въ 1828 г. былъ разбитъ, и что авторъ статьи не обратилъ вниманія на обломки, показавшіеся ему ничтожными.

И такъ въ текіѣ, въ то время когда въ ней перестали хоронить покойниковъ, всѣхъ памятниковъ было девять. Лица, надъ могилами которыхъ они стояли, были слѣдующія: 1) Шахъ-Али ханъ † 1567 г.; 2) жена его, Булякъ-шадъ † 1557 г.; 3) близкая родственница его, Ханъ-султанъ † 1558 г.; 4) близкая родственница его же, Магъ-султанъ †...; 5) Абдулла-султанъ,

сынъ Акъ-кубекъ-хана † 1570 г.; 6) сынъ его, Будали-султанъ † 1583 г.; 7) дочь его, Даулетли † 1592 г.; 8) мать Саинъ-булатъ-хана, Алтынъ-джанъ †...,; и 9) сестра его же, Даулетли † 1572 г. Въ какомъ именно порядкѣ стояли эти памятники, въ настоящую пору опредѣлить нельзя. Но по всей вѣроятности, памятники Шахъ-Алія и Булякъ-шады стояли надъ гробницею, которая названа Палласомъ осьмою (см. выше, стр. 490). Гробница эта была двойная, и отличалась отъ другихъ своимъ наружнымъ видомъ. Кѣмъ же и было лежать вмѣстѣ, какъ не мужу и женѣ?

Кромѣ текіи Шахъ-Алія, памятниковъ отъ времени этого хана въ Касимовѣ почти не осталось. Мнѣ извѣстны только два обломка отъ надгробныхъ памятниковъ, найденные муллою Хусейномъ Фейзъ-хановымъ въ 1860 г. Мулла Хусейнъ отъискалъ ихъ на такъ называемомъ Старопосадскомъ кладбищѣ. Кладбище это лежитъ не въ дальнемъ разстояніи отъ города, при Старопосадской слободѣ, на высокомъ и красивомъ мѣстѣ. Касимовскіе Татары называютъ его: بيسته زيارتى, и ايسكى زيارت — старое кладбище. Въ прежнее время стояло здѣсь очень много Татарскихъ надгробныхъ памятниковъ. Въ 1860 же году мулла Хусейнъ видѣлъ только камней 40; остальные, по увѣренію мѣстныхъ жителей, были разобраны сосѣдними крестьянами для фундаментовъ на дома и для плитъ на печи.

Вотъ текстъ и переводъ надписей значущихся на обоихъ обломкахъ.

№ 10.

Обломокъ верхней части памятника. На немъ надписи. *На лиц. стор.*: || قال الله تبارک وتعالی ان مثل عیسی عند الله کمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له کن فیکون || قال الله تبارک وتعالی کل من علیها فان ویبقی وجه ربک ذو الجلال والاکرام || قال النبی علیه السلام الدنیا جیفة وطالبها کلاب || قال النبی علیه السلام الدنیا مزرعة الآخرة || т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь и тотъ былъ. Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей — падаль, а ищущіе его — собаки. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей есть поле, на которомъ сѣятся сѣмена для будущей жизни». *На обор. стор.*: تاریخ توقوز یوز آلتمش سکزدا ایردیکم محمد اوغلی موذون درویش ایلیک بیش باشنده بو لوحنی اوزی حیاتنده ذی الحجه آیندا بنا قیلدردی т. е. «Въ 968 (1561) году, случилось то, что муеззинъ Дервишъ, сынъ Мухаммеда, 55 лѣтъ отъ роду, соорудилъ при своей жизни этотъ памятникъ, въ мѣсяцѣ зиль-хидже (августѣ, сентябрѣ)».

Замѣчаніе. Слово *муэззинъ* (глашатай при мечети, приглашающій правовѣрныхъ къ молитвѣ съ верху минарета), по правиламъ Арабской грамматики, пишется не موذون, какъ оно вырѣзано на памятникѣ, а مؤذّن.

№ 11.

Обломокъ нижней части памятника. На немъ надпись. *На лиц. стор.:* || هو الحى الذى لا يموت وكل حى سيموت كل نفس ذايقة الموت ثم الينا ترجعون || قال الله سبحانه وتعالى وما تدرى نفس باى ارض تموت ان الله عليم خبير || قال النبى عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة صدق رسول الله || تاريخ توقوز يوز آلتمش ... يلنده رجب آى نينك ... فاطمه سلطان بيكم دار الفنادين دار البقاغه رحلت قيلدى حق تعالى رحمت قيلسون т. е. «Онъ Богъ живой, который не умираетъ; все же живущее умираетъ. Всякая душа должна вкусить смерти; за тѣмъ вы къ намъ возвратитесь. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ; всевѣдущъ и всезнающъ — Богъ. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу. Истину сказалъ пророкъ Божій. Въ 96.. (15..) году, мѣсяца реджеба... Фатима-султанъ-бикемъ отошла отъ сего міра въ міръ вѣчный. Господь всевышній да помилуетъ ее».

Въ заключеніе изслѣдованія моего о Шахъ-Аліевой текіѣ и о памятникахъ временъ Шахъ-Алія, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ этихъ памятниковъ вообще. Сходство ихъ всѣхъ между собою до того поразительно, что можно легко вывести одинъ общій типъ надгробныхъ памятниковъ, бывшій въ ходу въ Касимовѣ какъ въ эпоху Шахъ-Алія, такъ и послѣ него, въ теченіи нѣкотораго времени.

Этотъ общій типъ я и постараюсь вывести въ настоящемъ случаѣ.

Памятниками служили камни. Они если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большею частью дѣлались высокіе и остроконечные, въ родѣ тѣхъ, которые изображены на таблицахъ, приложенныхъ въ концѣ книги.

Надписи вырѣзывались на обѣихъ сторонахъ, какъ на лицевой, такъ и на оборотной.

На лицевой сторонѣ писались сперва благочестивыя изрѣченія, напоминавшія человѣку о смерти, о будущей жизни и о ничтожествѣ всего земнаго. Каждое изрѣченіе отдѣлялось одно отъ другаго словами: قال الله تبارك (سبحانه) وتعالى т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный (преславный) и всевышній», или же словами: قال النبى عليه السلام т. е. «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ». Съ начала шли тѣ изрѣченія, въ главѣ которыхъ ставились слова: «Сказалъ Господь преблагословенный (преславный) и всевышній»; потомъ слѣдовали изрѣченія съ заголовкомъ: «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ». По

общепринятому обычаю у мусульманъ, слова: «Сказалъ Господь преблагословенный (преславный) и всевышній», ставятся только предъ изрѣченіями заимствованными изъ курана, т. е. предъ *аетами;* а слова: «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ» — предъ такъ называдмыми *хадисами*, или изрѣченіями Мухаммеда. Значитъ съ начала шли *аеты*, а потомъ — *хадисы*. Такъ и слѣдовало по порядку авторитета, которымъ въ глазахъ правовѣрныхъ пользуются *аеты* и *хадисы*. *Аеты* какъ слова непреложныя, ниспосланныя отъ Бога, обязательны безо всякаго исключенія; *хадисы* же какъ изустныя преданія, могутъ быть принимаемы, или нѣтъ, въ томъ случаѣ, когда они дошли изъ источниковъ не совсѣмъ вѣрныхъ. *Аеты*, которые вырѣзывались на памятникахъ, были слѣдующіе: 1) 52 стихъ III суры: ان مثل عيسى عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون т. е. «Предъ Богомъ Іисусъ тоже, что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь и тотъ былъ». 2) 26 и 27 стихи LV суры: كل من عليها فان * ويبقى وجه ربك ذو الجلال والاكرام т. е. «Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы». 3) 57 стихъ XXIX суры: كل نفس ذائقة الموت ثم الينا ترجعون т. е. «Всякая душа должна вкусить смерти, за тѣмъ вы къ намъ возвратитесь»; стихъ этотъ иногда писался и не полный: выпускались послѣднія слова: ثم الينا ترجعون т. е. «вы къ нимъ возвратитесь». 4) Отрывокъ изъ послѣд-

няго (34) стиха XXXI суры: باى ارض تموت т. е. «въ какой странѣ онъ умретъ.» Послѣдній стихъ XXXI суры, если взять его цѣликомъ, гласитъ: ان الله عنده علم الساعة وينزل الغيث ويعلم ما فى الارحام وما تدرى نفس ما ذا تكسب غدا وما تدرى نفس باى ارض تموت ان الله عليم خبير т. е. «Богъ одинъ знаетъ когда наступитъ послѣдній часъ; Онъ одинъ знаетъ когда ниспослать проливные дожди; Онъ одинъ знаетъ что творится во чревѣ материнскомъ; не вѣдаетъ никто что съ нимъ случится завтра; не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ;всевѣдущь и всезнающь— Богъ». Отрывокъ подобранъ дурно, такъ что если бы не знать всего стиха, то, пожалуй, нельзя было бъ и догадаться что значатъ слова: «въ какой странѣ онъ умретъ»; Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, прибавить предъидущія слова: ما تدرى نفس т. е. «не вѣдаетъ никто», какъ это и сдѣлано на памятникѣ № 11. Иногда (см. памятники № 8 и № 11) къ отрывку присоединялся еще конецъ стиха: ان الله عليم خبير т. е. «всевѣдущь и всезнающь—Богъ». — Поименованные мною четыре *аета* писались на памятникахъ всѣ (см. памятникъ № 1 и № 2); или же вырѣзывались только нѣкоторые изъ нихъ. Обыкновенно впереди ставился стихъ: ان مثل عيسى عند الله كمثل آدم الخ т. е. «Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ», и т. д. Въ рѣдкихъ случаяхъ (см. памятникъ № 11) между *аетами* вставлялось еще извѣстное изрѣченіе: هو الحى الذى لا يموت وكل حى سيموت т. е. «Онъ Богъ живой, который не умираетъ; все же жи-

вущее умираетъ»; изрѣченіе это составлено изъ части 60 стиха XXV суры: الحى الذى لا يموت, и словъ: وكل حى سيموت, прибавленныхъ къ ней самопроизвольно. — *Хадисовъ*, которые писались на памятникахъ — три, именно: 1) الدنيا جيفة وطالبها كلاب т. е. «Міръ сей — падаль, а ищущіе его — собаки»; 2) الدنيا ساعة فجعلها طاعة т. е. «Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу»; 3) الدنيا مزرعة الآخرة т. е. «Міръ сей есть поле, на которомъ сѣятся сѣмена для будущей жизни». Иногда послѣ хадисовъ ставилось извѣстное выраженіе: صدق رسول الله т. е. «Истину сказалъ пророкъ» (см. памятникъ № 11) [170]. — Послѣ *аетовъ* и *хадисовъ* обозначались

[170]) Поименованные мною три хадиса не принадлежатъ къ числу несомнѣнныхъ изрѣченій пророка, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, ихъ нѣтъ ни въ сборникахъ Бухарія (см. между прочимъ, Гаммера Auszüge aus der *Sunna* въ: Fundgruben des Orients, I, стр. 144 и 227) и Суютія, ни въ Мишкат-уль-масабихъ (см. Англійскій переводъ этого сочиненія, изданный въ 1809 и 1810 гг. въ Калькуттѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: Mischcat-ul-masabih or a Collection of the most authentic traditions, regarding the actions and sayings of Muhammed, etc. Translated from the original Arabic, by Capt. A. N. Matthews). Тѣмъ не менѣе они въ большомъ ходу у мусульманъ, и первые два обратились даже какъ бы въ пословицы. — По поводу первыхъ двухъ хадисовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они значатся на Касимовскихъ

памятникахъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Въ хадисѣ: الدنيا جيفة وطالبها كلاب оборотъ рѣчи не совсѣмъ правиленъ: слово كلب не можетъ быть употреблено во множественномъ числѣ, какъ скоро طالب стоитъ въ единственномъ; слѣдовало бы написать или طالبها كلب т. е. «ищущій его — собака», или طالبوها كلاب т. е. «ищущіе его — собаки». Хадисъ, на сколько я знаю, пишется большею частью чрезъ: طالبوها كلاب. Такъ, по крайней мѣрѣ, значится онъ у Готтингера въ его: Historia Orientalis. Tiguri. MDCLI, стр. 319, гдѣ при переписи хадиса Еврейскими буквами, читаемъ: אלדניא גיפה וטאלבוה כלאב Mundus cadaver est, et petentes eum, canes sunt, и у Ростгаарда и Каллія въ: Arabum Philosophia popularis, sive Sylloge nova proverbiorum. A Jacobo Salomone Damasceno dictata excepit et interpretatus est perillustris vir Fridericus Rostgaard, p. m. Edidit cum adnotationibus nonullis Joannes Christianus Kallius. Hafniae. 1764, стр. 77, гдѣ только хадисъ напечатанъ съ ошибками въ падежахъ: الدنيا جيفة وطالبوها كلابا *Mundus* (uita haec) est *cadauer*, et *querentes eam* sunt *canes*. Этотъ же самый хадисъ, и тоже со словомъ طالب во множественномъ числѣ, имѣлъ въ виду и Олеарій, который въ приложеніяхъ своихъ къ переводу Гюлистана Саадія (Persianischer Rosenthal. In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden, vnd nützliche Politische Regeln vnd Sprüchwörter. Von einem gelehrten Persianer Schich Saadi in Persianischer Sprache beschrieben. Jetzo aber von Adamo Oleario In hochdeutscher Sprache zum andern mahle

mit etlichen Historien, vielen Notis vnd Figuren vermehret vnd verbessert heraus gegeben. Schlesswig. Anno MDCLX), помѣстилъ особую статью подъ заглавіемъ: Etliche feine Sprichwörter der Araber, и въ ней на стр. 201, подъ № 15, говоритъ: Ein Aass die Welt ist, wie es scheint. Die sich drumb zerren, Hunde seynd. — Въ хадисѣ: الدنيا ساعة فجعلها طاعة поражаетъ слово: فجعلها. Слово это, очевидно, не может быть принято иначе, какъ въ смыслѣ повелительнаго наклоненія, тѣмъ болѣе, что въ Касимовскихъ надписяхъ поставлены и знаки: فَجْعَلْهَا. По правиламъ же Арабской грамматики, слѣдовало бы въ этомъ случаѣ писать не فجعلها, а فاجعلها или, по крайней мѣрѣ, فتجعلها. Такъ, совершенно правильно, чрезъ فاجعلها значится хадисъ у Ростгаарда и Каллія въ: Arabum Philosophia popularis, стр. 78—79 (только объясненіе не вѣрно: *Vita haec hora* est, siue spatium unius horae; *transige eam in obsequio*. In consolationem eorum, qui aliis parent; гораздо ближе подходитъ къ настоящему смыслу толкованіе Каллія: Potest etiam exhortatio esse ad obsequium Dei per totam vitam). Такъ же точно чрезъ فاجعلها изображенъ хадисъ на шлемѣ Драгута (знаменитаго начальника пиратовъ въ XVI ст.), хранящемся въ Вѣнѣ, и описанномъ Гаммеромъ въ: Fundgruben des Orients, VI, на стр. 319, въ статьѣ: Inschrift eines Helmes und eines Rauchgefässes, aus dem kais. kön. Ambraser-Kabinete. (Къ статьѣ этой приложенъ и рисунокъ шлема; см. также Reinaud. Description des monumens musulmans du cabinet de M. le duc de Blacas. T. II. 1828, стр. 308. Гам-

меръ въ своей статьѣ толкуетъ хадисъ, слѣдующимъ образомъ: Die Welt ist Eine Stunde, mit Gehorsam mach' die Runde; Рено переводитъ несравненно лучше: Ce monde est l'affaire d'une heure; Fais en un acte méritoire). Встрѣчается этотъ же самый хадисъ, и все-таки съ повелительнымъ فاجعلها, на циферблатахъ восточныхъ часовъ (см. Hammer. Geschichte der Ilchane das ist der Mongolen in Persien. Bd. I. Darmstadt. 1842, стр. 179, пр. 2, гдѣ Гаммеръ пишетъ: «Anspielung auf den Ueberlieferungs-Spruch, der auf den Zifferblättern morgenländischer Uhren zu sehen: *Eddunja saatun fe edschaalha taaten*, die Welt ist Eine Stunde, gehorsam mach' die Runde»). Съ повелительнымъ же فاجعلها читается хадисъ и на одной изъ надписей, находящихся вокругъ входа въ гробницу (тюрбе) дочери Тохтамыша, Ненкеджанъ-ханымы (ننكهجان خانم), умершей въ 841 = 1438 г., и похороненной въ предмѣстіи близъ Бахчесарая (см. Бахчесарайскія Арабскія и Турецкія надписи, во 2-мъ Отдѣленіи II-го тома Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Одесса. 1850, стр. 527, № 14). Еще точно также читается хадисъ на памятникѣ Тюмекъ Суфія сына Янтая. Памятникъ этотъ находится близъ селенія Нырсы въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, и поставленъ былъ въ 1108 г. гиджры, т. е. въ 1696,7 г. (см. Ильминскій. Татарскія надписи изъ временъ Казанскаго царства, въ Лаишевскомъ уѣздѣ, въ Перечнѣ засѣданій за 1850 годъ, приложенномъ къ III-му тому Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества, стр. 116). — Впрочемъ, какъ ни неправильна

форма فعلها, принятая на Касимовскихъ памятникахъ, положительно ошибкою считать ее нельзя. Существуютъ примѣры тому, что надпись: «Жизнь человѣческая скоропреходящая, употребляй ее на дѣла угодныя Богу», пишется совершенно такъ, какъ она вырѣзана на Касимовскихъ камняхъ. Достаточно въ этомъ случаѣ указать на Булгарскія монеты. На форму فيلها слѣдуетъ смотрѣть какъ на правописаніе, конечно дурное, но бывшее въ употребленіи, и потому считавшееся дозволеннымъ (см. C. M. Fraehnii Rostochiensis De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo Libri duo. Lib. I, стр. 28 — 30 и рецензію на это сочиненіе барона Сильвестръ де-Саси, въ Journal des Savants, за январь 1818 г., стр. 57).

годъ, мѣсяцъ, число и день кончины лица надъ которымъ ставился памятникъ; потомъ слѣдовало имя и отчество покойника съ опредѣленіемъ его возраста. Самое понятіе о смерти выражалось словами; دار الفنادين (فنادين) دار البقاغا رحلت قيلدى т. е. «Отшелъ (отошла) отъ сего міра въ міръ вѣчный», или короче, словами: دنيادين نقل قيلدى т. е. «Переселился (переселилась) изъ сего міра», «Скончался (скончалась)». Еще въ самомъ концѣ прибавлялась иногда общеизвѣстная мусульманская формула: حق تعالى رحمت قيلسون т. е. «Господь всевышній да помилуетъ его (ее)».

На оборотной сторонѣ, на самомъ верху, вырѣзывались имена какъ того лица, кто поставилъ па-

мятникъ, такъ и той особы, въ честь которой камень былъ водруженъ. При этомъ писали обыкновенно: بو لوحنى بنا قيلدوردى или قيلدى т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ (поставила)» (такой-то или такая-то для такого-то или такой-то). (Въ памятникѣ Шахъ-Алія слова بولومز поставлены въ началѣ, и потомъ безо всякой нужды повторены въ концѣ; см. выше, стр. 503). Нѣкоторыя лица приготовляли памятники при своей жизни для самихъ себя (см. памятникъ № 10).

Въ описаніи Шахъ-Алиеваго памятника (№ 1 и № 2) сказано мною, что по краямъ вырѣзанъ былъ стихъ: آية الكرسى (см. выше, стр. 504). Кажется, обычай исписывать края памятниковъ существовалъ въ Касимовѣ въ эпоху, которая насъ занимаетъ. По крайней мѣрѣ, какъ мнѣ лично передалъ мулла Хусейнъ, на многихъ обломкахъ и камняхъ, по краямъ, видны еще слѣды надписей. По словамъ муллы, писались обыкновенно либо آية الكرسى, либо имена двѣнадцати имамовъ.

Описанный мною типъ надгробныхъ памятниковъ сохранился въ Касимовѣ довольно долго, такъ что даже, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, его носятъ почти всѣ памятники XVII столѣтія, дошедшіе до насъ отъ временъ позднѣйшихъ царей и царевичей. Дѣлались исключенія, но рѣдкія и незначительныя.

Откуда взялся типъ Касимовскихъ надгробныхъ памятниковъ — рѣшить не берусь, но почти этотъ

же самый типъ существовалъ въ одно время съ Касимовымъ и въ Казани, вмѣстѣ съ другими различными формами, бывшими тамъ въ ходу. Такъ, до сихъ поръ сохранился въ Казани надгробный памятникъ, напоминающій наружнымъ видомъ своимъ, величиною, и вырѣзанными на немъ надписями Касимовскіе камни. Узналъ я объ его существованіи случайно изъ письма, которое въ ноябрѣ 1860 года получилъ мулла Хусейнъ Фейзъ-хановъ отъ Казанскаго муллы Шегабед-дина сына Бега-ед-дина ель-Мерджанія (شهاب الدين بن بها الدين المرجانى). Мулла Хусейнъ былъ такъ обязателенъ, что сообщилъ мнѣ это письмо. Приведу изъ него въ подлинникѣ и въ переводѣ то мѣсто, которое заключаетъ въ себѣ описаніе памятника. Описаніе весьма обстоятельно и любопытно:

بزننک مسجدمزده بولغان طاش طولا ایکی آرشین دان بر
ویرشوک کم عرضا اوچ چاریک عمقا بش برشوك توبه سطحی
مسنم کیلکان آلتی سطر باشنده بولغان شکل مثلثده یازو
یوق یازولاری صریح مکر یسار طرفی قوبوب توشکان مثلا

بو کیفیتده || قال الله تبارك وتعالى || کل من علیها فان ویبقى

وجه || ربک ذو الجلال والاکرام || تاریخ توقوز یوز اوتوز ||

النیدا شاه محمد بیک اوغلی محمد على || بیک ذو القعدهسندا

کافر قولندین شهید || یمین طرفندا یازلغان قال النبی علیه

السلام الدنیا ساعة فاجعلها طاعة یسار طرفندان قوبوب

توشکان مکر لفظ قال قالغان ینه الف لام لفظ النبی‌می
تاشنک ارقاسیدا بازلغان بو لوحنی اوغلی || تنکری قولی
بیک || بنا قیلدی || ذو الجلال دیکان قرات متواتره‌چه
ذی الجلال دیماکان شاه لفظی متضمن بولغان هانی
بو صورتده قویغان ه کاف‌لارنی بیک لفظنده وغیرسنده بو
صورتده قویغان مثلا بیك ینه شهید دیکان بولدی سنی
اینماکان فاجعلهانی اوشبو صورتده یازغان فانی متصل
قلماغان لکن لفظ فاجعلهاننک عین وهاسی فی الجمله محو بولوب
بولای‌راق بولغان فا ج ا ا ایکنچی طرفندا بو لوحنی دیکانده بو
صورتده قویغان لوحنی ماوراء النهر رسمنچه حای مهمله استینه
همزه قویغان الحاصل بو لوح قویولغان قبر صاحبی محمد علی
بیک شاه محمد بیک اوغلی دیکان کشی ایکان سنه ۹۳۶
ذو القعده آینده کافر قولندان شهید ایکان الله اعلم قبل
تسلط الروس علی قزان واقع بولغان محاربه‌لارننک برنده
مقتول بولسه کرک یا صبرا یا فی المعرکة اما بو لوحنی مزبور
محمد علی بیک‌ننک اوغلی تنکری قولی بیک بنا قلغان ایکان
یعنی یازدریب قویغان اهالی مسجدمزدان التمش یتمش سنه
بولغان کشی‌لاردان صورالدی انلار بزننک صغرمزدان بیری

بو طاش موننده قنچان کیلکانی بلمیز تیزیلار خصوصا معیز
مؤذن سنی انتسرغه بتکان انه وبیسی لوشبو مسجدنه
مؤذن بولوب کیلوب صعرتزدان شول مسجدنک نعمر قیضان
کشی بولارننک بعضی لیتدور بچان بازارنزدان چقان
وبعضیسی کوچتیدان چقان دیو بولارطن ورمم بالغیب
لما برسی طوغسانغه بتکان احمد بن لسماعیل دیکان برقارط
بار صحیح العقل واوزینک عمری متناول بولغان وقایضی
ضابط وحافظ کشی لول قدیمده لوشبو مسجد اماملردان ایکان
ایتادور بو طاش بخاری کوچتنیده چای اراتی‌ننک جرک
ولکا تابان بولغان یوجیقنی قازغانده سنه ۱۷۹۸ میلادیه
بزننک نظرمزده ظاهر بولدی بز آنده چیتوک باشمق سوداسی
برلان اولتورادور ایدوک دیدور بعد ابراهیم بن خوجش
المعروف بافندی اوشبو مسجدکا کیتورتوب قویدی دیدور
ابراهیم افندی بعد بنا هذا المسجد بولغان امامرننک
والدی محتسب‌ننک مخدوم محمد نور ثالثی‌دور т. е. «Въ нашей мечети (мечеть, о которой пишетъ Шегаб-еддинъ, есть такъ называемая первая каменная мечеть) находится камень; въ длину онъ имѣетъ два аршина безъ вершка, въ ширину — три четверти, въ толщину — пять вершковъ. Верхъ его суженъ. Надпись въ шести строкахъ. Въ суженномъ, въ видѣ треуголь-

ника, верху ничего не написано. Надписи вообще явственны; только лѣвый край обломался. Выходитъ вотъ что: «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Въ 936 (т. е. въ 1530) году сынъ Шахъ-Мухаммедъ-бика, Мухаммедъ-Али-бикъ, въ мѣсяцѣ зуль-кааде (т. е. въ іюнѣ, или въ іюлѣ), (погибъ) мученикомъ отъ руки невѣрныхъ». На правомъ краѣ надпись: «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ міръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу». На лѣвомъ краѣ надпись обломалась; остались только: слово «сказалъ», и буквы *а* и *л*. Не кроется ли въ этихъ буквахъ слово «*аль-неби*» (пророкъ)? На оборотной сторонѣ камня надпись: «Памятникъ этотъ поставилъ сынъ, Тенгри-кулы-бикъ».—На камнѣ вырѣзано «*зуль-джелаль*», какъ это и слѣдуетъ по общепринятому чтенію, а не «*зиль-джелаль*. Въ словѣ *шахъ* буква *х* имѣетъ слѣдующій видъ ھ. Буква ک (к) въ словѣ بیک (*бикъ*), и въ другихъ словахъ писана ك. Еще сказано просто: *мученикомъ*; слова же *сдѣлался* (или погибъ) нѣтъ вовсе. Слово *фаджа'ма* написано вотъ какъ: слогъ *фа* стоитъ отдѣльно; буквы же *а'* и *ı* совершенно стерты, такъ что выходитъ: *фа дж л а*. На оборотной сторонѣ, слова بو لوحنى написаны: بولوحنى, т. е. по обычаю Мавероеннагрскому, подъ буквою ح поставлена гамза.—И такъ въ могилѣ надъ которою поставленъ былъ описанный мною памятникъ, похороненъ былъ нѣкто, по имени

Мухаммедъ-Али-бикъ, сынъ Шахъ-Мухаммедъ-бика; погибъ онъ мученикомъ отъ руки невѣрныхъ въ мѣсяцѣ зуль-каадe 936 г. По всей вѣроятности лишился онъ жизни въ одной изъ войнъ, бывшихъ до покоренія Казани Русскими: онъ былъ казненъ, либо убитъ. Памятникъ надъ нимъ, какъ видно, поставилъ, т. е. камень поставить и надпись вырѣзать велѣлъ его же Мухаммедъ-Али-бика сынъ. Тенгри-кулы-бикъ.—Я распрашивалъ о памятникѣ прихожанъ нашей мечети, стариковъ лѣтъ 60 и 70; всѣ они объявили, что съ самаго ихъ дѣтства памятникъ всегда лежалъ въ мечети; когда же онъ былъ перенесенъ туда—не знаютъ. Въ томъ числѣ находился и Саидъ муеззинъ, человѣкъ лѣтъ 60; отецъ его, и дѣдъ были муеззинами при этой же мечети, и самъ онъ съ ребячества чуть ли не жилъ въ ней. Говорятъ только: одни, что камень былъ перенесенъ въ мечеть съ Сѣннаго базара, а другіе, что онъ былъ прежде въ Гостиномъ ряду. Впрочемъ все это — однѣ предположенія. Живетъ здѣсь старикъ лѣтъ 90, по имени Ахмедъ, сынъ Исмаила; онъ бодръ еще умомъ, пережилъ на своемъ вѣку много, и хорошо помнитъ всѣ происшествія. Съ давнихъ поръ онъ прихожаниномъ къ нашей мечети. Разсказываетъ онъ вотъ что: «Камень этотъ открылся нашимъ взорамъ въ 1798 году христіянскаго лѣтосчисленія, когда взрыли въ верхней части города въ Гостиномъ ряду уголъ чайнаго ряда, обращенный къ Черному озеру; въ это время я торговалъ тамъ сапогами и башмаками. Потомъ

Ибрагимъ, сынъ Ходжаша, котораго звали Эфендіемъ, перенесъ камень и положилъ его въ мечети». Ибрагимъ-эфенди былъ третьимъ имамомъ въ нашей мечети послѣ ея построенія; онъ отецъ Нуръ-Мухаммедъ - махдумъ - мухтесиба» [171]).

[171]) Камень, описанный Шегаб - ед - диномъ, былъ извѣстенъ еще въ 1817 г. Фуксу. Въ своей Краткой исторіи города Казани, стр. 42, 43, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: *Арабская надпись на камнѣ, найденномъ въ Казанскомъ гостиномъ ряду*, онъ сообщаетъ переводъ съ одной надгробной надписи. Если сличить этотъ переводъ съ подлинникомъ, списаннымъ Шегабед-диномъ, то увидимъ тотчасъ же, что рѣчь у обоихъ идетъ объ одномъ и томъ же камнѣ. Вотъ переводъ Фукса: «Богъ святый, непорочный, праведный, величественный, сказалъ: Все живущее на землѣ увядаетъ, но зракъ Господа твоего, облеченный въ честь и славу, будетъ сіять вѣчно. — Да будетъ благословеніе и спасеніе Могаммеду, сказавшему: міръ сей невѣченъ.—Также благослови и спаси Господи сказавшаго: міръ сей выше самыхъ царей. — Отъ Эгиры Могаммедовой, въ 936 году (1529), въ мѣсяцѣ Зулкагидѣ убитъ отъ рукъ иновѣрца Мухаммедъ - Галей, сынъ Мухаммедъ-Шаха. — На камнѣ семъ писалъ Юлавчина сынъ.»— Переводъ Фукса невѣренъ; тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ значенія. Изъ заголовка надъ нимъ, мы узнаемъ, что камень дѣйствительно былъ найденъ, какъ сообщилъ о томъ Шегаб - ед - дину Ахмедъ Исма-

ямовъ, въ Гостиномъ ряду; вѣроятно при Фуксѣ онъ еще и лежалъ тамъ, такъ какъ о немъ не сказано у него ни слова. У Фукса слова: Юлучина сынъ, очевидно, ничто иное, какъ дурно понятыя слова надписи: بو لوچنی لوغلی, которыя Фуксъ, благодаря точкѣ находящейся, по замѣчанію Шегаб-ед-дина, подъ буквою ح, прочелъ: یولوچنی لوغلی.

О различныхъ видахъ надгробныхъ памятниковъ временъ Казанскаго царства см. статью Ильминскаго, помѣщенную въ Перечнѣ засѣданій за 1850 г., приложенномъ къ III тому Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества, стр. 114—118. Къ памятникамъ Лаишевскаго уѣзда, описаннымъ Ильминскимъ, могу присоединить еще нѣсколько другихъ находящихся въ Царевококшайскомъ уѣздѣ. Свѣдѣнія о нихъ доставилъ мнѣ мулла Хусеинъ Фейзъ-хановъ; ему же сообщилъ эти свѣдѣнія мулла Шегаб-ед-динъ, тотъ самый, который такъ обстоятельно описалъ памятникъ Мухаммедъ-Али-бика. Вотъ что въ 1861 г. писалъ мулла Шегаб-ед-динъ муллѣ Хусеину:

قزان غوبرنیاسی مارکوکشای اوبازی آشط صوی بوینده اُجوم نام قریه‌ننک مقبرمسنده قبر اوزرنده خوش خطلی تاشلار بار عنوانلارنده بیك مناسب آیات واحادیث بنا علی هذا فاضل صاحب هنر آدملار اول وقت بولمق فهملنه‌در ولکن اسمالری وکلاملری خالص تاتار قم لفظی اوزرینه واقع بولغان مثلا عنوانلارنده

غالبنك بازلغان كل نفس ذايقة الموت وما تدرى نفس
باى ارض تموت ديو بولار جملهسندان مذكور قريهدان
چاقريم باريم بلكه ايكى چاقريم مسافهده ايكى قبر
متجاورين بار شهيدلر قبرى ديو معروف ايكان
برسىننك عنوانى بعدنده يازغان هذا مقبره سلطان...
العالى سلطان لفظىننك اوستنده بر مبهم لفظ بار
تانب بولدى بعده تاريخ توقوز يوز قرق يدىدا
بابرضا دايم اوغلى يادبكار كافر قولندان شهيد بولدى
ديو ينه برنده تاريخ طوقز يوز قرق سكزدا ذى القعده
آينده نجيم باى اوغلى چنش اوزغان بارغانده دار
دنيادين رحلت قيلدى حق تعالى رحمت قيلسون
اوزغان بارغانده يرينه اوروغا بارغانده اوقمق ممكن
اورو اوجومدن يراق توكل آلتى چاقريم قدر مسافهده
بر قريهٔ عظيمهدر ينه مذكور آولننك حالاكى مقبرهسنك
بولغان بر تاشده يازلغان تاريخ منك يل اوزوب
اون سكزدا مبارك ذى الحجه آيندا شداك اوغلى مماىغه
الله تعالى رحمت قيلسون آمين رب العالمين ديو
يازغان اما طاشى وغطى بيك كوزل ينه برنده تاريخ

توقوز يوز بيرده تورت برتبر بيك ب تجير سى

لوغلى سجان بيى ولت چوسى بنه برسه عشر بر

اوزوب بقرمى صبرك عمره بيبر بوجود وتى موسى

[illegible] «Казанской губерніи въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Ашыта, въ близлежащей деревнѣ Удкунъ, находятся надгробные камни съ арабскими надписями, и съ изустными выраженіями въ заглавіи изъ стиховъ изъ Курана и хадисовъ. Въ немногихъ прибавлено въ заключеніе, что въ тѣ времена жили здѣсь люди хорошо образованные. Не смотря на это, имена собственные и обороты рѣчи всѣ — чисто Татарскіе. Такъ, на большей части памятниковъ, въ заглавіи, написано: «Всякая душа должна вкусить смерти: не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ». Въ числѣ могилъ находятся и двѣ ракинъ, которыя отстоятъ верстахъ въ $1\frac{1}{2}$, или въ 2 отъ помянутаго селенія Удкунъ, и слывутъ подъ именемъ могилъ мучениковъ. Надъ одной изъ нихъ послѣ заголовка написано: «Это — могила султана .... великаго». Надъ словомъ *султана*, есть еще одно слово мудреное, котораго я не могъ разобрать. За тѣмъ значится: «Въ 947 (1540) году сынъ Байнуразы Даниа Ядигаръ погибъ отъ руки невѣрныхъ». Есть еще одинъ камень, на которомъ написано: «Въ 948 (1542) году, въ мѣсяцѣ зиль-каадѣ (февралѣ, мартѣ), сынъ Неджимъ бая Четымъ, проѣзжая дорогой, отшелъ отъ сего міра. Господь всевышній да помилуетъ его.» Вмѣсто: *проѣзжая дорогой*, можно читать еще: *проѣзжая въ Ору;* Ору есть большое селеніе, лежащее

въ недальнемъ разстояніи, не болѣе какъ въ 6 верстахъ, отъ Уджума. Еще на одномъ камнѣ, который находится на нынѣшнемъ кладбищѣ селенія Уджумъ, написано: «Въ 1018 (1610) году, въ благословенномъ мѣсяцѣ зиль-хидже (январѣ, февралѣ), Шедякова сына Мамая Господь всевышній да помилуетъ. Аминь. Владыка вселенной». Какъ самый камень, такъ и почеркъ надписи весьма красивы. Еще на одномъ камнѣ значится: «Въ 950 (1543,4) году, въ шевналѣ (декабрѣ, январѣ) случилось то, что Неджимъ-бая (или бика) сынъ Судалъ-бай скончался.» Имѣется еще камень съ слѣдующею надписью: «Въ 1020 (1611) году, въ благословенномъ мѣсяцѣ мухарремѣ (мартѣ), Ючуга сынъ Муса...»

Форму надгробныхъ памятниковъ, схожую съ тою, которая существовала въ Касимовѣ, находимъ, правда въ позднѣйшее время, и въ Оренбургскомъ краѣ. Для примѣра укажу на памятникъ нѣкоего Такиръ-батыря (طقر بطر), умершаго въ 1107 (1695,6) г. Памятникъ этотъ описанъ былъ Георгіемъ въ его: Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Zweyter Band. St. Petersburg 1775, стр. 732, 733, и объясненъ довольно подробно Френомъ въ его: De Numorum Bulgharicorum forte antiquissimo Libri duo. Lib. I, стр. 34—37, пр. 34. Георги нашелъ его въ нынѣшней Оренбургской губерніи, недалеко отъ Уфы, близъ Мещеряцкой деревни Тирмы. Въ памятникѣ Такира надписи лицевой стороны имѣютъ много схожаго какъ съ надписями вырѣзанными на ка-

нѣ Мухаммедъ-Али-бека, такъ и съ тѣми, которыя употреблялись въ Касимовѣ. Даже самые хадисы: الدنيا جيفة وطالبها كلاب и الدنيا ساعة فجعلها طاعة, если принять въ соображенiе Арабскую транскрипцiю Георгiя, которая вообще во всѣхъ собранныхъ имъ надписяхъ полна грубыхъ ошибокъ, написаны точно также какъ и на камняхъ Касимовскихъ: первый чрезъ فجعلها (у Георгiя: فعلها), а второй чрезъ طالبها كلاب (у Георгiя: طالما كلاب).

Конецъ первой части.

Stanford University Libraries
3 6105 016 445 434

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE

